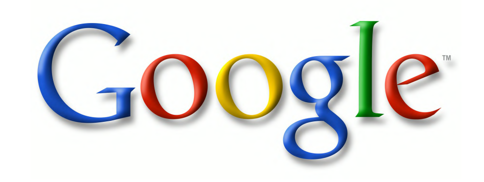

HDI
HL 1P9T 8

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV. ANG.
ET
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

Russkie Ardelbnige Oratory...

РУССКІЕ

СУДЕБНЫЕ ОРАТОРЫ

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССАХЪ.

Томъ VII.

Обвинительныя рѣчи прокуроровъ: Урусова, Колоколова, Курлова, Кессель. Защитительныя рѣчи присяжныхъ повѣренныхъ: Унковскаго, Жуковскаго, Спасовича, Лохвицкаго, кн. Урусова, Курилова, Хартулари, К. К. Арсеньева, Куперника, Ледницкаго, Тесленко, Миронова и рѣчь предсѣдателя суда Кони.

Цѣна 2 руб.

Изданіе А. Ф. Скорова,
Москва, Садовая, домъ Дукмасова.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 6 сентября 1902 г.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., собств. домъ.
1903.

2.51

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дѣло Юханцева.

Засѣданіе с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 22—24 января 1879 года.

По обвиненію въ растратѣ суммъ, принадлежащихъ Обществу взаимнаго поземельнаго кредита, и въ подлогахъ, суду преданъ отставной коллежскій совѣтникъ Константинъ Николаевичъ Юханцевъ, 42 лѣтъ отъ роду.

Предсѣдательствуетъ предсѣдатель окружнаго суда *А. Ф. Кони*, обвиняетъ товарищъ прокурора князь *А. И. Урусовъ*. Со стороны гражданскаго истца «Общества взаимнаго поземельнаго кредита» явился присяжный повѣренный *А. М. Унковскій*, защищаетъ подсудимаго присяжный повѣренный *В. И. Жуковскій*.

Сущность дѣла, по словамъ обвинительнаго акта, заключается въ слѣдующемъ:

«27-го марта 1878 года прокуроръ петербургской судебной палаты получилъ жалобу отъ членовъ правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ которой они заявили, что при пріемѣ кассы Общества отъ кассира Юханцева и одновременной ревизіи ея членами правленія, для передачи кассы новому кассиру Николаю Өедоровичу Мерцу, оказался недостатокъ въ 203.000 фунтовъ стерлинговъ консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска. На сдѣланный Юханцеву вопросъ, куда онѣ дѣвались, онъ объяснилъ, что означенныя облигаціи имъ разновременно растрачены. Того же 27-го марта судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ и прокуроръ окружнаго суда прибыли въ домъ № 10, по Театральной площади, въ квартиру, занимаемую Юханцевымъ, и произвели въ ней осмотръ, по которому оказалось слѣдующее: квартира находится въ 4-мъ этажѣ и состоитъ изъ 6-ти комнатъ, въ одной изъ которыхъ проживаетъ коломенская мѣщанка Ольга Андреева Шишкина; прислуга состоитъ изъ семи человѣкъ. Вся квартира Юханцева роскошно меблирована, въ ней мно-

жество цѣнныхъ вещей: бронза, ковры, занавѣсы, два музыкальные инструмента и большое количество серебряныхъ вещей. Въ туалетѣ же проживающей у Юханцева мѣщанки Шишкиной найдено большое количество весьма цѣнныхъ брильянтовыхъ и золотыхъ вещей. При обыскѣ было найдено: 1) въ письменномъ столѣ Юханцева кредитными билетами 16.000 руб., одинъ билетъ государственной комиссіи погашенія долговъ 5% займа въ 100 фунтовъ стерлинговъ, 70 консолидированныхъ 5% облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 2-го выпуска въ 100 фунтовъ стерлинговъ каждая. Тамъ же былъ найденъ запечатанный гербовою печатью Юханцева конвертъ съ надписью: «принадлежитъ Ольгѣ Андреевнѣ Шишкиной». По вскрытіи конверта оказалось въ немъ письмо Юханцева, въ которомъ онъ проситъ своихъ братьевъ принять по его бланковой надписи и передать Шишкиной квитанцію, выданную изъ банкирской конторы Антона Зингера въ Петербургѣ, отъ 12-го октября 1877 года, въ полученіи отъ Юханцева для продажи на 6.000 фунтовъ стерлинговъ консолидированныхъ 5% облигацій 2-го выпуска. Конвертъ, письмо, квитанція и гербовая печать, а равно и всѣ вышеупомянутые билеты, облигаціи и кредитные билеты были отобраны. Въ уборной комнатѣ, въ ящикѣ туалетнаго стола, найдено кредитными билетами 1.216 руб., три билета второго внутренняго съ выигрышами займа и два билета перваго внутренняго съ выигрышами займа, облигація ряжско-моршанской желѣзной дороги на 200 талеровъ, три временныя свидѣтельства русскаго Общества пароходства и торговли и одесской желѣзной дороги, въ 100 руб. каждое, облигація одесскаго городского кредитнаго Общества въ 100 руб., 74 серебряные рубля, девять полуимперіаловъ, три золотые, въ три рубля каждый, двѣ французскія монеты, въ 100 франковъ каждая, три такія же монеты, въ 20 франковъ каждая, одна гинея, три большія иностранныя серебряныя монеты и серебряная мелочь. Сверхъ того, Юханцевъ имѣлъ пять лошадей и пять экипажей. Отобранныя при обыскѣ 70 консолидированныхъ облигацій второго выпуска, а также и прочія процентныя бумаги съ деньгами 17.216 р., серебряная и золотая монета переданы были для храненія кассиру Н. Мерцу. Между тѣмъ, продолжая начатую ревизію въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, члены правленія его на другой день, т.-е. 28-го марта, обнаружили, что, кромѣ 203.500 фунтовъ стерлинговъ консолидированныхъ облигацій второго выпуска, Юханцевъ похитилъ еще 75.350 фунтовъ стерлинговъ седьмого правительственнаго займа 1862 г., такъ что сумма, расхищенная Юханцевымъ, составляетъ 278.850 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. болѣе двухъ милліоновъ рублей.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Юханцевъ на первомъ допросѣ

28-го марта объяснилъ, что состоитъ на службѣ въ министерствѣ финансовъ по особымъ порученіямъ, былъ юнкеромъ въ преображенскомъ полку и по выдержаніи экзамена произведенъ въ прапорщики, былъ женатъ первымъ бракомъ на дочери покойнаго гофъ-маклера Фелейзена и разведенъ съ женою два года назадъ, т.-е. въ 1876 году. Недвижимаго имущества онъ не имѣетъ, движимое же имущество находится въ квартирѣ его. На должности кассира Общества взаимнаго кредита состоялъ онъ съ ноября 1876 года, со дня учрежденія правленія, гдѣ получалъ въ последнее время содержанія, съ наградами, до 8.000 р. въ годъ. Во время вступленія въ бракъ находился въ должности старшаго надзирателя акцизныхъ сборовъ въ Кіевѣ, при чемъ, по его словамъ, имѣлъ мало средствъ, получалъ около 5.000 руб. въ годъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ перешелъ изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ жилъ въ домѣ своего тестя, имѣя даровую квартиру; жена его получала отъ своего отца по 200 рублей въ мѣсяцъ. По увѣренію Юханцева, жена его вовлекла въ расходы, вслѣдствіе чего у него начались долги по разнымъ магазинамъ. Согласно ея желанію, онъ купилъ дачу Щеглова въ Петергофѣ, на которую потратилъ съ отдѣлкою отъ 60-ти до 70-ти тысячъ рублей. Въ то время, по увѣренію Юханцева, онъ имѣлъ 15.000 руб. собственныхъ денегъ, полученныхъ имъ отъ банкира Блейхредера за комиссію при подпискѣ на листы Общества взаимнаго поземельнаго кредита. По предмету обвиненія, Юханцевъ заявилъ, что «желаетъ показать всю правду и ничего не скроетъ», и потомъ объяснилъ, что, не имѣя денегъ на уплату долговъ, онъ въ 1872—73 годахъ рѣшился взять ввѣренныя ему бумаги. Всѣ цѣнныя бумаги хранились въ Обществѣ въ подвалѣ, въ запечатанныхъ пакетахъ и картонкахъ; каждое первое число производилась ревизія, которая ограничивалась счетомъ кассы, счетомъ бумагъ въ открытыхъ пакетахъ и провѣркою запечатанныхъ пакетовъ по сдѣланнымъ на нихъ надписямъ. Здѣсь, въ подвалѣ, хранились между прочимъ въ запечатанномъ пакетѣ билеты 7-го 5% займа, купоны отъ которыхъ лежали въ особомъ шкапу, что не было извѣстно правленію; этотъ конвертъ не распечатывался и не разсматривался уже нѣсколько лѣтъ (купонные листы этихъ билетовъ лежали особо, вслѣдствіе того, что были получены изъ-за границы, взамѣнъ талоновъ, срокъ которыхъ истекъ). Находясь въ весьма затруднительномъ положеніи вслѣдствіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ и разсчитывая на то, что растрата этихъ бумагъ не откроется, онъ взялъ изъ пакета нѣсколько билетовъ 7-го 5% займа. Пакетъ, въ которомъ находились билеты процентнаго займа, былъ завязанъ веревкою, припечатанною печатью, кажется, членовъ правленія; онъ разрѣзалъ веревку, вынулъ бумаги, а по-

томъ запечаталъ пакетъ печатью общества съ надписью «для пакетовъ» и своею гербовою печатью, но не помнитъ, тою ли, которая слѣдователемъ отобрана, или другою, мѣдною, бывшею у него въ то время, которая исчезла. Взятые билеты онъ продалъ, а деньги израсходовалъ на дачу; впослѣдствіи взялъ онъ для этой же цѣли еще нѣсколько такихъ же билетовъ изъ того же пакета; билеты 7-го займа были взяты имъ, кажется, въ три раза. Первые билеты пошли на дачу, потомъ слѣдующіе на уплату по купонамъ первыхъ. Послѣ смерти своего тестя Юханцевъ, по желанію своей жены, развелся съ нею, при чемъ бракоразводное дѣло, какъ онъ увѣряетъ, стоило ему до 10.000 руб. Послѣ развода, по его словамъ, онъ сдѣлался какъ бы сумасшедшимъ, кутилъ съ кокотками, жилъ распущенно, завелъ себѣ новую обстановку. Чтобы платить по купонамъ взятыхъ имъ изъ кассы бумагъ, онъ былъ принужденъ взять другія. Послѣднія онъ то закладывалъ, то продавалъ и, чтобы не навлекать на себя подозрѣнія, продавалъ взятыя имъ бумаги постепенно, въ мелкихъ партіяхъ, у Лури, Зингера и по мѣняльнымъ лавочкамъ; наконецъ, вслѣдствіе значительнаго повышенія цѣны золота, потребовались для уплаты купоновъ болѣе значительныя суммы, и сумма растраченныхъ имъ бумагъ продолжала быстрѣе и быстрѣе увеличиваться. Большая часть взятыхъ имъ билетовъ пошла на уплату процентовъ и на выкупъ заложенныхъ бумагъ; въ послѣднее время доплачивалъ онъ за купоны болѣе 100.000 въ продолженіе полугода. Биржевой игрой онъ не занимался, но разъ только поручилъ банкиру Зингеру продать на шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ консолидированныхъ облигацій и взамѣнъ купить акцій бресто-граевской желѣзной дороги, что происходило въ 1877 году. Далѣе Юханцевъ показалъ, что ревизія кассы производилась каждое первое число; съ 1876 года были отмѣнены ревизіи каждаго перваго числа и производились только внезапныя ревизіи, при чемъ не пересматривали тѣхъ пакетовъ, которые были запечатаны, а просматривали лишь только тѣ бумаги, которыя находились въ не запечатанныхъ конвертахъ. Въ прошломъ 1877 году управляющій дѣлами общества Герстфельдъ обратился къ нему, Юханцеву, и сказалъ, что ходятъ слухи, будто онъ очень бойко и шибко живетъ и просилъ его жить потише. Юханцевъ тогда хотѣлъ ему сознаться во всемъ, но изъ малодушія не рѣшился; въ нынѣшнемъ же году, предъ общимъ собраніемъ, Герстфельдъ снова обратился къ нему и сказалъ, что въ правленіи говорятъ, что онъ живетъ слишкомъ роскошно. Онъ отвѣтилъ Герстфельду, что въ настоящее время его винить въ этомъ нѣтъ основанія, такъ какъ послѣ послѣдняго разговора съ нимъ онъ, Юханцевъ, ведетъ самую скромную жизнь и почти никуда не показы-

вается. Въ январѣ или февралѣ нынѣшняго года была произведена ревизіонною комиссіей самая подробная ревизія: по выведенной изъ баланса вѣдомости бумагамъ, которыя должны были находиться въ кассѣ, были истребованы изъ подвала поочередно всѣ пакеты; ревизія пересматривала всѣ бумаги въ пакетахъ, для чего ихъ распечатывали, а затѣмъ, по пересмотрѣ, пакеты вновь запечатывались; ревизія продолжалась съ 7-ми часовъ вечера до 2-хъ часовъ ночи; наконецъ, ревизующіе устали; въ подвалѣ оставались не просмотрѣнными только пакеты съ консолидированными билетами седьмого займа и съ какими-то акціями. Вслѣдствіе этого ревизующіе рѣшились сойти въ подвалъ, взяли два или три пакета на выдержку, пересмотрѣли бумаги и нашли ихъ въ наличности; «судьба какъ будто бы не хотѣла, чтобы произведенная имъ растрата открылась», и какъ будто бы толкала его продолжать растрату. Послѣ общаго собранія нынѣшняго года Герстфельдъ снова обратился къ нему и сказалъ, что правленіе желало бы, чтобы онъ, Юханцевъ, взялъ отпускъ на два мѣсяца и тѣмъ прекратилъ всѣ слухи относительно роскошной жизни. Онъ отвѣтилъ, что согласенъ, и прибавилъ, что лучше бы ему совсѣмъ уйти; но Герстфельдъ отвѣтилъ, что правленіе не желаетъ, чтобъ онъ вышелъ въ отставку; черезъ нѣкоторое время онъ, Юханцевъ, все-таки подалъ прошеніе объ отставкѣ, но правленіе просило его взять это прошеніе назадъ и онъ согласился на отпускъ. Послѣ того, какъ отпускъ былъ разрѣшенъ, ему поручили передать кассу Мерцу. Вслѣдствіе этого онъ началъ сдавать кассу и передалъ Мерцу сначала вклады разныхъ лицъ, но въ среду, 22-го марта, Юханцевъ заболѣлъ и сдача кассы была пріостановлена. Тогда же онъ рѣшилъ, что бумаги, находящіяся у Зингера, должны достаться Шишкиной. Въ заключеніе Юханцевъ добавилъ, что противъ заявленной суммы растраты онъ ничего возражать не можетъ.

По вопросу о чрезмѣрныхъ кутежахъ Юханцева собранными сыскною полиціей свѣдѣніями удостовѣрено только, что Юханцевъ посѣщалъ рестораны Дюссо и Пивато, но притомъ большихъ денегъ не расходовалъ. Относительно вопроса о расходахъ жены Юханцева и пріобрѣтеніи имъ дачи спрошенъ былъ, по указанію обвиняемаго, биржевой нотаріусъ, потомственный почетный гражданинъ Францъ Гольмъ, который, однако, эту ссылку не подтвердилъ, объяснивъ, что онъ не думаетъ, чтобы жена Юханцева была расточительна. Спрошенные по этому же обстоятельству: 1) баронъ Константинъ Фелейзенъ показалъ, что Ольга Карловна Юханцева любила хорошій туалетъ, но чтобъ она была расточительна — ему неизвѣстно. 2) Биржевой маклеръ дворянинъ Николай Фелейзенъ, что Юханцевъ до декабря 1875 года жилъ въ домѣ своего тестя на всемъ

готовилъ. Сестра свидѣтеля, бывшая замужемъ за Юханцевымъ, была почти постоянно больна разстройствомъ нервовъ, а потому не могла тратить много на свой туалетъ, при заказѣ котораго помогала ей мать. Отношенія супруговъ разстроились въ 1872 или въ 1874 годахъ, послѣ того, какъ женѣ Юханцева сдѣлалось извѣстно, что мужъ ея вступилъ въ связь съ другою женщиною, на которую, по слухамъ, Юханцевъ истратилъ большія деньги; что же касается петергофской дачи, то свидѣтель указалъ, что большая часть мебели была подарена Юханцеву г-жею Фелейзенъ и что свидѣтель, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, отговаривали Юханцева отъ покупки дачи; Юханцевъ же находилъ эту покупку выгодною, говоря, что онъ заложитъ дачу, перестроитъ ее и что дача обойдется дешевле арендной платы. 3) Жившая въ квартирѣ Юханцева коломенская мѣщанка Ольга Андреева Шишкина показала, что познакомилась съ нимъ 1-го февраля 1876 года и, подтверждая объясненія самого Юханцева, добавила, что въ азартныя игры онъ не игралъ и большихъ подарковъ онъ ей не дѣлалъ.

По обозрѣніи находящихся при дѣлѣ счетовъ, для опредѣленія суммы ежегодныхъ расходовъ Юханцева былъ избранъ 1877 годъ, при чемъ оказалось: на столъ издержано 7.200 руб., на предметы роскоши 16.000 р., на квартиру, жалованье прислугѣ, лошадей и прочее, въ общемъ итогѣ съ предыдущимъ, около 30.000 руб.

Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей члены правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита показали, въ сущности, слѣдующее: 1) сенаторъ, генералъ-лейтенантъ графъ Генрихъ Купріяновичъ Крейцъ, что состоитъ членомъ правленія съ 1866 года, что въ 1876 году доходили до правленія слухи объ Юханцевѣ: говорили, что онъ живетъ свыше своихъ средствъ. Правленіе вслѣдствіе этого поручило управляющему Герстфельду переговорить съ Юханцевымъ, который объяснилъ, что, получая хорошее содержаніе въ Обществѣ, онъ имѣетъ капиталъ около 20.000 руб. и не живетъ роскошно; тѣмъ не менѣе, по объясненію свидѣтеля, для предупрежденія растраты суммъ Общества правленіе старалось устроить болѣе тщательный подробный контроль, вслѣдствіе чего введены были внезапныя ревизіи, при производствѣ которыхъ считались наличныя деньги, провѣрялись чековыя книжки, расходы, производимые по ордерамъ и документамъ; что же касается цѣнныхъ бумагъ, то онѣ, по объясненію графа Крейца, хранились въ конвертахъ, запечатанныхъ печатью одного изъ членовъ правленія. При ревизіи пересчитывались бумаги только тѣхъ пакетовъ, которые оказывались распечатанными вслѣдствіе отрѣзыванія купоновъ или другихъ причинъ. Содержаніе же запечатанныхъ пакетовъ провѣрялось

только по надписямъ, сдѣланнымъ на означенныхъ пакетахъ; послѣдняя ревизія была около 27-го февраля 1878 года и никакихъ безпорядковъ не обнаружено. Вслѣдствіе упорно державшихся слуховъ о роскошной жизни Юханцева рѣшено было его уволить, и 16-го марта началась сдача кассы Мерцу, а 23-го марта Юханцевъ, по болѣзни, просилъ отложить сдачу кассы до 27-го марта, но въ этотъ день не явился и тогда была обнаружена недостача 203.000 фунт. стерл.; 2) членъ правленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Юрьевичъ Познанскій, подтверждая показаніе графа Крейца, объяснилъ, что болѣе строгія ревизіи успокоили правленіе и укрѣпили то нравственное убѣжденіе, которое каждый изъ членовъ правленія имѣлъ въ безусловной благонадежности казначея; 3) то же подтвердили свидѣтели, члены правленія: сенаторъ, тайный совѣтникъ Александръ Николаевичъ Сальковъ и коллежскій ассесоръ Миллеръ; 4) управляющій Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита, Николай Эдуардовичъ Герстфельдъ, объяснилъ, что Юханцевъ долженъ проживать, при роскошной обстановкѣ, до 25.000 рублей, вслѣдствіе чего правленіемъ, въ виду предупрежденія растраты, приняты были, по выраженію свидѣтеля, «всевозможныя мѣры» къ обстановкѣ всѣхъ операцій, по приходу и расходу, такими формами, при наличности которыхъ утайка какого-нибудь поступленія или увеличеніе какого-нибудь расхода были бы совершенно невозможны; свидѣтель лично при ревизіи не присутствовалъ, но знаетъ, что при производствѣ самой подробной ревизіи все оказывалось исправнымъ. Между прочимъ свидѣтель имѣлъ разговоръ съ Юханцевымъ о роскошной жизни его, при чемъ нашелъ представленныя ему Юханцевымъ объясненія весьма правдоподобными; сомнѣнія въ честности Юханцева онъ не имѣлъ, но возобновившіеся слухи побудили правленіе замѣнить Юханцева другимъ лицомъ, вслѣдствіе чего Юханцевъ, обидѣвшись, подалъ въ отставку, но, послѣ долгихъ просьбъ свидѣтеля и членовъ правленія, согласился остаться въ Обществѣ на другой должности. Свидѣтель удостовѣрилъ, что въ концѣ 1876 года или въ началѣ 1877 года маклеръ Эстрейхъ, по порученію управляющаго учетно-ссуднаго банка, сообщилъ ему, свидѣтелю, что какая-то незначительная банкирская фирма продаетъ въ большомъ числѣ консолидированныя облигаціи, что его, Эстрейха, удивляетъ, откуда онѣ взялись, и что поэтому онъ совѣтуетъ посмотрѣть, вѣрно ли въ кассѣ Общества взаимнаго поземельнаго кредита состояніе консолидированныхъ облигацій; свидѣтель Герстфельдъ сообщилъ объ этомъ членамъ правленія, которые отвѣтили, что такой продажи не можетъ быть, такъ какъ они, сами провѣряли къ 1-му числу эти облигаціи и все оказалось вѣрнымъ, но что все-таки слѣдуетъ провѣрить, и потому поручили Эстрейху узнать

какого выпуска облигаціи продаются. Эстрейхъ сказалъ, что 1-го выпуска, а такъ какъ облигаціи Общества были 2-го, 3-го и 4-го выпусковъ, то на это сообщеніе болѣе не было обращено никакого вниманія. По обнаруженіи недостачи 203.000 ф. стерл. свидѣтель прежде всего обратился къ повѣркѣ послѣдней уплаты по купонамъ отъ облигацій, при чемъ оказалось, что 2-го марта 1878 года поступило по нимъ 86.000 руб., т.-е. та самая сумма, которая по курсу того дня причиталась, каковая сумма и была занесена въ книжку текущаго счета Общества. Это обстоятельство успокоило свидѣтеля, такъ какъ онъ полагалъ, что недостающія бумаги находятся гдѣ-нибудь въ кладовой; однако на вопросы, предложенные свидѣтелемъ Юханцеву, онъ отвѣчалъ, что недостающія бумаги имъ взяты и проданы, что началъ онъ дѣлать со времени развода съ женою и даже ранѣе; что при ревизіи члены правленія не замѣтили недостачи, потому что не вскрывали запечатанныхъ пакетовъ и не замѣчали, что печати на тѣхъ пакетахъ были имъ, Юханцовымъ, взломаны, и что съ 7-го займа онъ началъ свое расхищеніе; 5) титулярный совѣтникъ, графъ Петръ Александровичъ Гейденъ заявилъ, что вслѣдствіе недавняго поступленія въ члены правленія, ни въ одной ревизіи кассы, произведенной правленіемъ, не участвовалъ, но повѣрялъ кассу въ составѣ особой ревизіонной коммиссіи. Ревизія производилась въ концѣ января или въ началѣ февраля 1878 года и началась въ 8 часовъ вечера. Комиссіи предъявлена была вѣдомость, составленная бухгалтеромъ; свидѣтель провѣрилъ мелкія бумаги и 14.000 штукъ акцій рижско-динабургской желѣзной дороги. Въ теченіе вечера ревизующіе пересчитали всѣ бумаги, лежавшія въ кладовой не запечатанными и большую часть запечатанныхъ; найдя счетъ вѣрнымъ, ревизующіе, по словамъ свидѣтеля, признали возможнымъ не вскрывать всѣ конверты, ограничиваясь повѣркою надписей и удостовѣреніемъ въ цѣлости печатей. Свидѣтель удостовѣряетъ, что пересмотрѣлъ всѣ невскрытые пакеты и что всѣ печати были цѣлы, при чемъ онъ разспрашивалъ о томъ, кому изъ членовъ правленія принадлежатъ печати, приложенныя къ пакетамъ; вслѣдствіе чего вынесъ убѣжденіе, что всѣ невскрытые пакеты были запечатаны членами правленія; 6) казначей Общества, статскій совѣтникъ Мерцъ, что онъ состоялъ контролеромъ Общества въ то время, когда Юханцевъ былъ казначеемъ. Съ 16-го по 22-е марта происходила сдача кассы, при чемъ Юханцевымъ сданы были различныя процентныя бумаги, кромѣ тѣхъ, въ числѣ которыхъ оказалась недостача. 27-го марта обнаруженъ недочетъ упомянутыхъ выше консолидированныхъ облигацій и пятипроцентныхъ билетовъ; послѣдніе, т.-е. билеты англо-голландскаго займа, находились въ конвертѣ, запечатанномъ двумя печатями, осмотрѣвъ кото-

рыя, свидѣтель замѣтилъ, что одна была печать правленія для пакетовъ, а другая съ изображеніемъ какой-то птицы; это обстоятельство подтвердилъ свидѣтель Племянниковъ; на конвертѣ рукою Юханцева была написана сумма находящихся въ немъ билетовъ—113.450 фунт. стерл., но по вскрытіи оказалось только 38.150 фунт. стерл. Въ разъясненіе вопроса о печати, которою запечатанъ былъ пакетъ, содержавшій въ себѣ похищенныя Юханцевымъ бумаги, свидѣтель Герстфельдъ показалъ, что въ началѣ марта 1878 года онъ замѣтилъ исчезновеніе изъ своего ящика печати Общества, которая въ то время понадобилась; въ послѣдній же разъ эта печать употреблялась 1-го ноября 1877 года, а потомъ онъ объяснить не можетъ, въ какое время она пропала; печать эта всегда хранилась подъ его ключомъ, въ комнатѣ правленія.

Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля купецъ Антонъ Зингеръ, имѣющій въ Петербургѣ банкирскую контору, показалъ, что въ октябрѣ 1876 года познакомился съ камеръ-юнкеромъ Юханцевымъ, не зная, какую онъ занимаетъ должность, и узналъ объ этомъ лишь въ началѣ 1877 года. 6-го или 8 октября 1876 года Юханцевъ предложилъ ему продать на биржѣ 500 фунт. консолидированныхъ облигацій второго выпуска, что и было свидѣтелемъ исполнено; вслѣдъ затѣмъ Юханцевъ предложилъ ему выкупить заложенные въ государственномъ банкѣ и продать на биржѣ билеты четвертаго пятипроцентнаго займа и консолидированныя облигаціи, при чемъ передалъ ему залоговыхъ свидѣтельствъ до 150.000 фунт. стерл. Зингеръ исполнилъ и это порученіе, вручивъ Юханцеву приблизительно 200.000 р. въ теченіе 1877 года. Юханцевъ передалъ ему залоговыхъ свидѣтельствъ на сумму отъ 20—25.000 фунт. стерл. и, сверхъ того, обязательствъ на 56 или 58.000 фунт. стерл. на заложенные билеты четвертаго пятипроцентнаго голландскаго займа; послѣднее порученіе дано ему Юханцевымъ 12-го октября 1877 года на продажу 6.000 фунт. стерл. консолидированныхъ облигацій второго выпуска. Изъ вырученной этой послѣдней суммы Зингеръ выдалъ ему 30.000 руб., при чемъ за Зингеромъ осталось 15.000 руб. Показаніе Зингера разъясняется и подтверждается показаніями управляющаго его конторою, румынскаго подданнаго Людвига Лебеля, который, подтверждая изложенное выше, показалъ между прочимъ, что и онъ также до лѣта 1877 года не зналъ, что Юханцевъ состоитъ кассиромъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Въ теченіе 1876 года и въ февралѣ 1877 года Юханцевъ поручилъ Зингеру выкупить заложенныя имъ въ государственномъ банкѣ бумаги, всего на 200.800 ф. стерл., которыя заложены были по 6 руб. 40 коп. за фунтъ стерл., т.-е. по номинальной ихъ цѣнѣ, такъ что если допустить, что всѣ бумаги заложены

Юханцевымъ по этой цѣнѣ, то онъ получилъ изъ государственнаго банка приблизительно 1.285.000 руб. (или вѣрнѣе 1.285.120 руб.); проданы же были какъ эти бумаги, такъ и 500 ф. стерл., переданные въ октябрѣ 1876 г., за 1.319.714 руб. Сверхъ того, разновременно Юханцевъ поручалъ конторѣ Зингера продавать еще нѣсколько партій консолидированныхъ облигацій, а также еще 7.000 ф. стерл. седьмого пятипроцентнаго займа. Изъ приложеннаго къ дѣлу счета, представленнаго свидѣтелемъ Лебель, видно, что отъ октября 1876 г. Юханцевъ черезъ контору Зингера по операціи выкупа и продажи заложенныхъ въ государственномъ банкѣ бумагъ получилъ всего 1.582.403 руб. 21 коп. Показаніе Лебеля, въ свою очередь, разъясняется и подтверждается свѣдѣніями, полученными отъ государственнаго банка, изъ которыхъ видно, что Юханцеву выданы были слѣдующія ссуды: а) подъ залогъ билетовъ государственной комиссіи погашенія долговъ перваго пятипроцентнаго займа и консолидированныхъ облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ 5-го февраля 1874 года по 16-е декабря 1875 года, всего 1.294.150 руб., при чемъ государственный банкъ отношеніемъ отъ 25-го апрѣля 1878 г. увѣдомилъ судебнаго слѣдователя, что Юханцевъ изъ 256.000 руб., полученныхъ имъ 15-го іюня 1875 года, внесъ на текущій счетъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита 216.600 руб. Спрошенный вновь по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, Юханцевъ показалъ, что никогда не имѣлъ на рукахъ такихъ значительныхъ суммъ, которыя были выданы изъ государственнаго банка, что бралъ иногда деньги изъ наличной кассы Общества, пополняя ихъ ко дню ревизіи, для чего переводилъ полученныя имъ ссуды на текущій счетъ Общества въ государственномъ банкѣ, которому за ссуду платилъ до 9%. Потомъ, 17-го іюня 1878 года, государственный банкъ увѣдомилъ судебнаго слѣдователя: 1) что ссуда Юханцеву 5-го февраля 1874 г., въ суммѣ 414.150 руб., выдана наличными деньгами; 2) что изъ ссуды въ 345.600 р. 14-го января 1875 года поступило на текущій счетъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита 340.400 руб., а 5.200 руб. выдано наличными деньгами, и 3) что по ссудѣ 16-го декабря 1875 года въ 278.400 руб. были снесены Юханцевымъ для перевода въ Кіевъ, Тамбовъ, Воронежъ, Пензу и Самару 250.000 р., а 28.400 р. выданы были наличными деньгами.

По осмотру нумераціонной книги общества взаимнаго поземельнаго кредита, т.-е. книги, въ которую записаны нумера всѣхъ процентныхъ бумагъ, по подлиннымъ бумагамъ, хранящимся въ кладовой кассы, оказалось: въ кассѣ Общества въ день осмотра должны были бы находиться налицо слѣдующія бумаги: а) облигаціи 2-го выпуска консолидированнаго

займа россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1.000 фунт. стерл. каждая—73 штуки, оказались только четыре; тѣхъ же бумагъ 500 фунт. достоинства, вмѣсто 86, оказалось только 29; стофунтоваго достоинства, вмѣсто 2.564 штукъ—только 1.503; затѣмъ б) 14 билетовъ седьмого пятипроцентнаго внѣшняго англо-голландскаго безсрочнаго займа въ 1.000 фунт. стерл. каждый; 47 билетовъ того же займа по 500 фунт. ст., а 378 билетовъ того же займа стофунтоваго достоинства налицо не оказалось. Такимъ образомъ общій итогъ потери Общества составляетъ 278.900 фунт. стерл., т.-е. на 50 фунт. стерл. болѣе, чѣмъ было показано первоначально правленіемъ Общества. Изъ доклада правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита чрезвычайному собранію 9-го мая 1878 года видно, что недостатокъ похищенныхъ Юханцевымъ бумагъ простирается на номинальную сумму въ рубляхъ, какъ числились эти бумаги въ правительственномъ вспомогательномъ капиталѣ, 1.784.320 руб., а по биржевой стоимости похищенныя Юханцевымъ бумаги исчислены правленіемъ въ суммѣ 2.123.295 рублей.

Противъ означенныхъ данныхъ Юханцевымъ никакихъ возраженій не представлено; относительно же удостовѣренія банка о полученіи имъ наличными деньгами 414.150 руб. заявилъ, что ничего сказать не можетъ; также не можетъ опредѣлить, сколько изъ этой суммы онъ истратилъ и сколько у него осталось, при чемъ добавилъ: «я рѣшительно объяснить не могу, какъ я пополнялъ кассу; ревизія кассы производилась перваго числа каждаго мѣсяца и къ этому числу пополнялъ я свою кассу».

Для разъясненія обстоятельствъ о томъ, какъ могъ Юханцевъ пополнять кассу при столь значительныхъ растратахъ и какимъ образомъ таковыя растраты могли остаться не замѣченными, а равно не совершены ли для сокрытія растраты какіе-нибудь подлоги, судебный слѣдователь постановленіемъ отъ 20-го іюля 1878 года опредѣлилъ: произвести чрезъ экспертовъ гг. Суходольскаго и Езерскаго осмотръ контокурентныхъ книгъ Общества, при чемъ управляющій г. Герстфельдъ заявилъ, что книжки государственнаго банка по текущему счету за время отъ января 1872 года по 27-е марта 1876 года изъ помѣщенія Общества неизвѣстно куда исчезли, что и было обнаружено послѣ арестованія Юханцева. Разъясняя далѣе порядокъ полученія по чекамъ, управляющій дѣлами Общества взаимнаго поземельнаго кредита Герстфельдъ показалъ, что всѣ чеки, предъявленные ему, доставленные изъ государственнаго банка, на которыхъ находится его подпись, подписаны имъ. Въ 1873 году было сообщено банкамъ, что чеки впредь будутъ подписываться имъ и Юханцевымъ, а до того времени, т.-е. съ 1871 по 1873 годъ, чеки подписывались свидѣтелемъ и

бухгалтеромъ Племянниковымъ; съ 29-го же мая 1873 года правленіе извѣстило банки, что на подписаніе чековъ уполномочены бухгалтеръ Племянниковъ, казначей Юханцевъ и управляющій Герстфельдъ. Въ бухгалтерской книгѣ выданные чеки записывались ежедневно по справкамъ, доставленнымъ Юханцевымъ. Подлинные чеки въ бухгалтерію не поступали; храненіе чековъ и расчетныхъ книжекъ, прописываніе на нихъ цифръ и суммъ, представленіе чековъ къ его, Герстфельда, подписанію и передача ихъ для подписи Племянникову—все это было поручено Юханцеву. Свидѣтель увѣренъ, что никакой неправильности съ чеками произойти не можетъ, потому что они послѣ него подписывались бухгалтеромъ; къ тому же при ежемѣсячной повѣркѣ текущихъ счетовъ сальдо по книгамъ оказывалось всегда вѣрнымъ. Юханцевъ въ теченіе шести лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти такое довѣріе, что, по словамъ свидѣтеля, ему и мысли не пришло завести особый контроль надъ чеками: «я подписывалъ, говоритъ свидѣтель, всѣ чеки, предъявленные мнѣ Юханцевымъ». Правленіе ежемѣсячно сосчитывало сальдо по расчетнымъ книжкамъ банковъ, которыя предъявлялъ на ревизію тотъ же Юханцевъ, потомъ свѣряло сальдо съ вѣдомостью, представленною бухгалтеромъ, и всегда находило сальдо вѣрнымъ; теперь, по заявленію свидѣтеля Герстфельда, оказывается очевиднымъ, что суммы, взятыя по чекамъ, были выставляемы Юханцевымъ въ расчетныхъ книжкахъ государственнаго банка невѣрно, именно: цифры подогнаны, чтобъ выходило вѣрно сальдо; исчезнувшія расчетныя книжки съ 1872 по 1876 годъ очевидно уничтожены Юханцевымъ, такъ какъ книжки прочихъ банковъ остались цѣлы. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля бухгалтеръ Общества, капитанъ 1-го ранга Алексѣй Племянниковъ, обозрѣвъ присланные изъ государственнаго банка чеки за № 41583 на 20.000 р., № 41584 на 50.000 р., № 304747 на 20.000 р. и № 314360 на 50.000 р., на которыхъ имѣется его подпись, вмѣстѣ съ подписью Юханцева, показалъ, что состоитъ бухгалтеромъ общества съ 1872 года, что предъявленные чеки подписаны имъ по случаю отсутствія управляющаго, что Юханцевъ представлялъ ему чековую книжку съ вышеписанными чеками, онъ же свидѣтель подписывалъ и по окончаніи дня получалъ отъ Юханцева справку, которую и заносилъ въ бухгалтерскую книгу, отмѣчая въ ней нумеръ чека и сумму, полученную по нему; тотъ же порядокъ соблюдался и при внесеніи денегъ въ государственный банкъ, при чемъ ордера нерѣдко писались рукою самого Юханцева. Состояніе текущихъ счетовъ опредѣлялось по свѣдѣніямъ, ежедневно доставляемымъ казначеемъ.

По предмету вышеизложенныхъ обстоятельствъ Юханцевъ 12-го сентября 1878 года объяснилъ, что вся операція по текущимъ счетамъ и

чековымъ книжкамъ совершенно находилась въ его рукахъ; когда ему бывали нужны деньги, онъ выписывалъ чеки и давалъ ихъ къ подписанію Герстфельду и Племянникову; по окончаніи же дня сообщалъ бухгалтеріи справку о всѣхъ суммахъ, выписанныхъ въ продолженіе дня; о суммахъ же, которыя нужны были для пополненія растратъ, онъ бухгалтеріи свѣдѣній не сообщалъ. Ревизію текущихъ чековъ обыкновенно производилъ членъ правленія Миллеръ, нынѣ умершій, при чемъ обозначалось бухгалтеріей по вѣдомости сальдо; у него же, Юханцева, была особая частная книжка, въ которой имъ записывалось для собственнаго свѣдѣнія настоящее сальдо текущихъ счетовъ, т.-е. что въ дѣйствительности должно было находиться на текущемъ счету, а для ревизіи Юханцевъ въ расчетную книжку, съ которою свѣряли сальдо бухгалтерской вѣдомости, подводилъ сальдо карандашомъ и никто изъ членовъ, производившихъ ревизію, не сосчитывалъ всѣ взятыя и внесенныя суммы; только съ 1876 года члены правленія стали сосчитывать какъ взятыя, такъ и внесенныя суммы.

Юханцевъ допускаетъ, что могъ прожить въ теченіе 1874 г. 570.000 р., такъ какъ въ это время не зналъ, что дѣлалъ, и положительно не знаетъ, сколько онъ прожилъ въ 1874 году.

Спрошенный въ разъясненіе показанія Юханцева о порядкѣ ревизіи текущихъ счетовъ свидѣтель графъ Крейцъ объяснилъ, что при ревизіи, насколько онъ помнитъ, запасные въ книжкѣ взносы сосчитывались по чекамъ, а балансъ свѣрялся съ вѣдомостью бухгалтеріи, при чемъ цифры всегда сходились. Свидѣтель Познанскій въ опроверженіе показанія Юханцева объяснилъ, что онъ очень хорошо помнитъ, что сальдо всегда выводилось складами цѣлаго ряда отдѣльныхъ суммъ, добавивъ при этомъ, что особенныхъ сличеній записей въ расчетной книжкѣ съ книжкою бухгалтеріи не производилось.

Изъ произведеннаго посредствомъ экспертовъ-бухгалтеровъ, гг. Суходольскаго и Езерскаго, сравненія подлинныхъ чековъ и копій текущаго счета Общества взаимнаго поземельнаго кредита, доставленныхъ государственнымъ банкомъ, съ книгою текущихъ счетовъ этого Общества за № 249-мъ обнаружено: 1) что Юханцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему поручалось внести деньги на текущій счетъ Общества въ государственный банкъ, часть ихъ присвоивалъ себѣ, при чемъ сообщалъ въ бухгалтерію завѣдомо ложныя свѣдѣнія о внесенныхъ имъ суммахъ, что обнаружилось при сличеніи книги государственнаго банка съ книгою общества. Напримѣръ, 31-го мая 1873 года Юханцевъ сообщилъ бухгалтеріи, что внесъ въ государственный банкъ 18.000 р., но въ дѣйствительности оставилъ эти деньги себѣ; 31-го октября сообщилъ, будто внесъ 290.000 р., а въ дѣйствительности

внесъ только 240.000 р., а 50.000 присвоилъ себѣ; 16-го ноября присвоилъ себѣ тѣмъ же способомъ еще 108.000 р.; въ 1874 году сумма такихъ присвоеній доходила до 394.000 р., а въ 1875 году до 250.000 руб. Такого рода присвоеніе Юханцевъ производилъ отъ 28-го апрѣля 1873 года по 16-е декабря 1875 года, когда онъ изъ вырученной за похищенныя бумаги суммы покрылъ накопившуюся разницу, чтобы избѣгнуть обнаруженія ея при ревизіи 1876 года; вплоть до обнаруженія преступленія Юханцевъ ограничилъ свою дѣятельность сбытомъ похищенныхъ имъ облигацій и билетовъ седьмого займа; 2) что Юханцевъ въ періодъ времени отъ 7-го іюня 1873 г. до 29-го іюня 1875 г., предъявилъ въ государственный банкъ 20 чековъ, которые представляются несогласными съ записью ихъ въ книгѣ общества. Обнаруженныя при этомъ неправильности могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) чеки, вовсе не записанные въ кассу общества, напримѣръ: 1873 г. іюня 7-го на 30.000 руб., 1874 г. мая 6-го на 10.000 р., іюня 11-го на 20.000 р., августа 7-го на 20.000 руб., октября 28-го на 12.000 р., ноября 2-го на 20.000 р., ноября 22-го на 75.000 р., ноября 30-го на 255.000 р., 1875 года февраля 6-го на 15.000 р. Поступившія по вышеозначеннымъ чекамъ суммы Юханцевъ присвоилъ себѣ, пополняя ихъ впослѣдствіи деньгами, пріобрѣтенными посредствомъ сбыта похищенныхъ процентныхъ бумагъ, или удерживая часть суммъ, которыя поручалось ему внести на текущій счетъ. Для того, чтобы скрыть совершонное имъ такимъ образомъ присвоеніе, онъ, Юханцевъ, въ составляемыя имъ ежедневныя вѣдомости или справки, по которымъ бухгалтеръ Племянниковъ велъ книгу текущихъ счетовъ, съ намѣреніемъ не помѣстилъ вовсе ни нумеровъ вышеозначенныхъ чековъ, ни суммъ, на которыя дебетировался текущій счетъ Общества въ государственномъ банкѣ; 2) чеки, по которымъ получено больше, чѣмъ показано въ книгѣ общества; напримѣръ: 1874 г. 30-го января онъ получилъ 50.000 руб., записано въ книгѣ отъ того же числа только 27.000 руб.; 17-го іюня по чеку получено 157.000 р., записанъ чекъ подъ тѣмъ же нумеромъ, но только на 16.000 р.; 28-го сентября по чеку получено 25.000 р., записано только 15.000 р.; того же 28-го сентября по чеку получено 150.000 руб., записано только 67.672 р. 52 к. и проч. По означеннымъ чекамъ Юханцевъ сообщалъ бухгалтеріи для внесенія въ книгу Общества завѣдомо ложныя свѣдѣнія о суммѣ, на которую эти чеки были выданы, именно показалъ эту сумму въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности получена имъ изъ государственнаго банка, и посредствомъ такого подлога разницу присвоилъ себѣ; 3) чеки на меньшую сумму, чѣмъ показано въ книгахъ общества; напримѣръ, имѣется 1873 г. іюня, безъ числа,

№ 30446-й на 50.000 р., который въ концѣ записанъ такъ: 1873 г. іюня 15-го дня выданъ чекъ № 30446-й на 107.000 р.; 1875 года апрѣля 3-го № чека 314358-й записанъ въ книгу 10-го мая на 50.000 руб. По означеннымъ чекамъ Юханцевъ получилъ изъ государственнаго банка сумму меньшую той, которую показалъ въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ имъ въ бухгалтерію. Означенный видъ обмана практиковался имъ для покрытія накопившейся разницы по текущему счету Общества, при чемъ Юханцевъ вносилъ эту разницу изъ тѣхъ суммъ, которыя добывалъ изъ вышеозначенныхъ противозаконныхъ способовъ. Такія мѣры предосторожности принимались имъ въ виду возможности обстоятельной ревизіи.

Изъ вышеизложеннаго видно, что Юханцевъ, завѣдуя и распоряжаясь операціями по текущему счету Общества взаимнаго поземельнаго кредита въ государственномъ банкѣ, присвоилъ себѣ ввѣряемыя ему по должности деньги, для каковой цѣли съ намѣреніемъ скрывалъ истину въ составляемой, по его указанію, книгѣ Общества или сообщалъ для внесенія въ нее завѣдомо ложныя свѣдѣнія, и съ тою же обманною цѣлью похитилъ или истребилъ расчетныя книжки государственнаго банка за время отъ 1871 до 1876 года. Обстоятельства эти подтверждаются осмотромъ вещественныхъ доказательствъ: книги текущихъ счетовъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита № 249-й, подлинныхъ чековъ въ количествѣ 34-хъ нумеровъ, копій текущаго счета означеннаго Общества въ государственномъ банкѣ, осмотромъ хранящихся въ кладовой Общества книгъ и бумагъ, показаніями Юханцева, Племянникова и Герстфельда.

На основаніи вышеизложеннаго, отставной коллежскій совѣтникъ Константинъ Николаевичъ Юханцевъ, 42-хъ лѣтъ, обвиняется въ томъ, 1) что, состоя на службѣ Общества взаимнаго поземельнаго кредита въ должности кассира въ періодъ времени отъ августа 1873 года по мартъ 1878 года, самовольно присвоилъ ввѣренныя ему по службѣ процентныя бумаги на сумму 278.900 фун. стерл., или 2.123.295 кредитныхъ рублей, для каковаго злоупотребленія сломалъ на пакетахъ, въ которыхъ хранились означенныя бумаги, печати вышеупомянутаго Общества и членовъ правленія его; 2) что, завѣдуя по должности кассира операціями по текущему счету вышеозначеннаго Общества въ государственномъ банкѣ въ періодъ времени отъ апрѣля 1873 г. по декабрь 1875 года, самовольно пользовался для собственныхъ расходовъ ввѣренными ему по службѣ деньгами, съ каковою цѣлью сообщалъ для помѣщенія въ контокурентную книгу Общества завѣдомо ложныя свѣдѣнія какъ о суммахъ, которыя онъ вносилъ на текущій счетъ государственнаго банка, такъ равно и о суммахъ, на которыя выдавались чеки, при чемъ похитилъ или истребилъ расчетныя книжки го-

сударственнаго банка отъ 1871 по 1876 годы. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 1154, 354, 355 и 362 улож. о наказ.

Въ судебномъ засѣданіи 22 января 1879 года подсудимый *Юханцевъ* на вопросъ предсѣдателя призналъ себя виновнымъ въ растратѣ, но не призналъ себя виновнымъ въ сломаніи печатей: на послѣднее, по его словамъ, онъ имѣлъ право. На дальнѣйшіе вопросы предсѣдателя, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что, завѣдуя текущими счетами, пользовался чеками Общества и получалъ по нимъ суммы, которыя тратилъ на себя, и давалъ ложныя свѣдѣнія для внесенія въ контокурентъ, при чемъ истребилъ расчетную книжку за 1876 годъ, Юханцевъ отвѣчилъ, что онъ былъ только кассиромъ, текущими счетами не завѣдывалъ, чеки подписывались управляющимъ, а книжку расчетную не истреблялъ, такъ какъ не имѣлъ даже въ этомъ надобности».

На предложеніе предсѣдателя разсказать подробно, какъ все это произошло, подсудимый *Юханцевъ* сказалъ слѣдующее:

«Для этого я долженъ обратиться къ прежней жизни и начать съ моей женитьбы. Я былъ женихомъ пять лѣтъ, но не имѣлъ средствъ. Пока я занимался пріисканіемъ мѣста, чтобы обезпечить себя и будущую семью. Наконецъ, мнѣ удалось, при открытіи акцизной системы, найти мѣсто въ Кіевѣ. Я женился въ іюлѣ 1864 года и отправился съ женою въ Кіевъ. Жена моя была воспитана въ богатомъ домѣ, избалована. Къ сожалѣнію, съ нами въ Кіевъ отправилась и моя теща. Это была весьма капризная и взбалмошная женщина. Съ перваго дня ея водворенія я терпѣлъ страшныя страданія. Я отъ природы слабаго характера, и жена и теща забрали меня въ свои руки. Сначала я нанялъ было маленькую квартиру за 500 р. въ годъ, но весьма приличную, а когда пріѣхала туда теща, то нашли, что квартира не хороша, заставили меня нанять большую квартиру, ввели роскошную обстановку, которая мнѣ была не по средствамъ. Такъ я пробылъ въ Кіевѣ цѣлый годъ въ страшныхъ страданіяхъ; здоровье мое пострадало. Я рѣшилъ вернуться въ Петербургъ. Здѣсь я оставался причисленнымъ къ министерству финансовъ и не имѣлъ мѣста. Покойный старикъ Фелейзенъ, котораго я очень любилъ, далъ намъ помѣщеніе въ своемъ домѣ. Я сначала помогалъ ему по должности гофъ-маклера и за это кое-что отъ него получалъ. Потомъ мнѣ удалось получить мѣсто въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Здѣсь, когда мы остановились въ домѣ тестя, нужно было устроить квартиру, въ чемъ мнѣ помогали теща и зять. Но все-таки я вошелъ въ долги. Жена любила старинныя вещи, я долженъ былъ ихъ пріобрѣтать и надѣлалъ долговъ. Я надѣялся, что жена исправится, хотя продолжалъ ждать уже два года. Я ни въ комъ

не могъ найти опоры: ни въ отцѣ, который въ нашу жизнь не вмѣшивался, ни въ тещѣ, которая вооружалась противъ меня и поссорила со старикомъ. Потомъ мы жили въ Парголовѣ, на дачѣ старика Фелейзена. Я занимался въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита весьма прилежно, велъ дѣло очень аккуратно и заслужилъ общее довѣріе. Дѣйствительно, я велъ дѣло безукоризненно. На несчастіе, съ моимъ семействомъ познакомился одинъ молодой человѣкъ, который сталъ ухаживать за моею женою; его ухаживанье усилилось такъ, что мои знакомые и друзья обращали вниманіе на то, что ходятъ дурные слухи. Это, разумѣется, было для меня прискорбно и я сказалъ женѣ. Она на это обидѣлась. Когда слухи еще болѣе стали подтверждаться, я опять сказалъ ей о нихъ. На это она мнѣ отвѣтила: если вамъ не нравится, то дайте мнѣ разводъ. Я объяснилъ ей все неудобство развода, высказывалъ свой взглядъ на это дѣло и старался уговорить. Но на этомъ дѣло и остановилось, и жизнь ея продолжалась по-старому. Ей казалось жить скучно на дачѣ, въ Парголовѣ, и захотѣлось жить въ Петергофѣ, гдѣ живетъ beau-monde и гдѣ жилъ господинъ, который ухаживалъ за нею. Я нанялъ скромную дачку за 400 рублей. Когда ее посмотрѣли теща и жена, то нашли, что нужно кое-что передѣлать. Пошла постройка, которая до того увеличилась, что владѣлецъ дачи сказалъ мнѣ: жаль, что вы заключили контрактъ, вы убили такія большія деньги, лучше купите у меня дачу. Я долго не соглашался и, наконецъ, рѣшился. Тогда начались пристройки въ обширныхъ размѣрахъ. Построили разные флигеля, надѣлали огромныя залы, купили роскошную мебель. Хотя изъ Парголова намъ и дали кое-какую мебель, но она была стара, такъ что нужно было ее возобновить. Эта дача съ меблировкою стоила мнѣ до 70.000 рублей. Я взялъ тогда первый разъ изъ кассы въ надеждѣ пополнить. Потомъ, когда уже дача была окончена, жена лѣтомъ уѣхала за границу. Я, по привычкѣ, писалъ ей каждый день самыя ласковыя, сердечныя, задушевныя письма; отвѣтъ на нихъ я не всегда получалъ и притомъ отвѣтъ въ коротенькой записочкѣ пустого содержанія. Въ этотъ разъ она изъ-за границы совсѣмъ перестала писать. Я былъ въ отчаяніи. Я горячо ее любилъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать... Тутъ подвернулась веселая компанія, я сошелся съ француженкою и совершенно завертѣлся. Я попалъ въ такой омутъ, что рѣшительно не помню, гдѣ я былъ и что̀ со мною было... Жена вернулась и не переставала толковать на счетъ развода. Я старался уговорить ее. Наконецъ, старикъ Фелейзенъ умеръ, и черезъ два дня жена такъ приступила ко мнѣ о разводѣ, что я долженъ былъ согласиться. Разводъ шелъ пять или шесть мѣсяцевъ и стоилъ большихъ денегъ. Вотъ причина, откуда вытекла вся эта растрата.

Я сначала бралъ деньги изъ кассы. Ревизія производилась каждое первое число, и, чтобы пополнить кассу, я закладывалъ разныя процентныя бумаги. Сверхъ того, что случалось очень часто, я выписывалъ чеки, особенно лѣтомъ, когда управляющій уѣзжалъ на дачу на два или три дня. Такъ какъ чекъ подписывался мною и имъ, то я заранѣе долженъ былъ заручиться деньгами, чтобы въ субботу имѣть возможность произвести какіе потребуются по кассѣ платежи. Деньги выдавались иногда на покупку фондовъ и векселей, такъ что вообще, приблизительно, знали сумму, какая можетъ потребоваться, и выписывали чекъ. Въ первое время управляющій нѣсколько разъ оставлялъ мнѣ бланковые чеки безъ обозначенія въ нихъ цифры полученія. Потомъ онъ нашелъ, что это не совсѣмъ удобно, и сталъ выписывать чеки на примѣрныя суммы. Оставлялось нѣсколько чековъ, по 20 и по 50 тысячъ рублей,—словомъ, на разныя суммы, всего тысячъ на 200 или на 300. Изъ этихъ чековъ я иногда не всѣ деньги тратилъ на дѣло Общества, а оставлялъ у себя, о чемъ я въ бухгалтерію не сообщалъ. Эту растрату я погашалъ изъ залога бумагъ. Такъ какъ расчетная книжка государственнаго банка была у меня, то я велъ ее вѣрно со счетомъ государственнаго банка, потому что я боялся, что при ревизіи растрата можетъ быть открыта. Поэтому истреблять эту книжку мнѣ не было никакой надобности. Притомъ же я самъ сознался во всемъ.

Относительно процентныхъ бумагъ у насъ введенъ былъ слѣдующій порядокъ. Бумаги хранились въ кассѣ, въ открытыхъ пакетахъ. Перваго числа каждаго мѣсяца правленіе производило ревизію, при чемъ пересчитывало всѣ бумаги по листамъ; потомъ, когда бумагъ стало очень много, до 30-ти наименованій и до 100 пакетовъ на храненіи, не считая вкладовъ разныхъ лицъ, правленіе нашло весьма утомительнымъ пересчитывать каждый листъ и старалось придумать, чтобы какъ-нибудь избѣгнуть этого. Я тогда же предложилъ запечатывать пакеты, на что они согласились. Послѣ этого рѣшено было пересчитать пакеты и запечатать ихъ до слѣдующей ревизіи, при которой пересчитывать только открытые пакеты. Распечатывать пакеты я имѣлъ полное право, потому что это было необходимо для полученія купоновъ, или чтобы могъ быть произведенъ какой-нибудь оборотъ покупки или продажи бумагъ. Я всегда вскрывалъ пакеты и никто не дѣлалъ мнѣ никакихъ замѣчаній по этому предмету, такъ что это было признано моимъ правомъ. При ревизіи пакеты, которые были распечатаны, вносились на верхъ въ кассу и тамъ пересчитывались по листамъ членомъ правленія. Пересчитавъ, онъ передавалъ артельщику, который завязывалъ пакеты веревкою, а другой членъ правленія спускался

въ кладовую, гдѣ на желѣзномъ столѣ лежало до 70 пакетовъ запечатанныхъ; онъ пересчитывалъ пакеты, записывалъ суммы на бумажку и потомъ, сосчитавъ суммы, пересчитанныя въ кассѣ, и суммы пакетовъ, сличалъ итогъ съ вѣдомостью изъ бухгалтеріи. Этимъ ревизія оканчивалась. Ревизія расчетныхъ книжекъ производилась такъ, что я самъ прочитывалъ цифры прихода и расхода, а членъ правленія клалъ на счеты, при чемъ, если остатокъ оказывался вѣренъ съ бухгалтеріей, то книжки считались правильными. Только съ 1876 года ввели обязанность писать на корешкѣ чековъ нумеръ, сумму и число. Это скрѣплялось подписью управляющаго.

Относительно чековъ,—продолжалъ Юханцевъ,—никакого контроля не было. Когда управляющій возвращался въ понедѣльникъ съ дачи, я лично ему докладывалъ, что взялъ на такую-то сумму. Случалось, если не израсходуешь всѣхъ, то въ его уже присутствіи разрываешь чекъ, по которому деньги не получены».

Всѣхъ свидѣтелей по данному дѣлу можно раздѣлить на двѣ группы: во-первыхъ, свидѣтели, которые въ своихъ показаніяхъ касались факта растраты и вообще служебной дѣятельности подсудимаго, и, во-вторыхъ, свидѣтели, обрисовывавшіе семейную, частную жизнь Юханцева.

Къ первой категоріи относятся свидѣтели: Мерцъ, Герстфельдъ, Племянниковъ, Зингеръ, Фревиль, Шитиковъ, графъ Крейцъ, Познанскій, Сальковъ, графъ Гейденъ, Пейкеръ и др.; ко второй: Шишкина, Гольмъ, Конст. Фелейзенъ, Н. Фелейзенъ и Гофманъ.

Въ качествѣ экспертовъ по бухгалтеріи во все время судебнаго слѣдствія присутствуютъ: Езерскій, Суходольскій и Митаревскій.

Свидѣтель *Мерцъ* (кассиръ Общества съ 26-го марта 1878 года, ранѣе былъ контролеромъ) показалъ, что ему было поручено принять 16 марта кассу; онъ попросилъ, чтобы ему помогали въ этомъ не одни артельщики, а также членъ правленія и бухгалтеръ. Желаніе его было исполнено и тогда только было приступлено къ пріему. Касса была раздѣлена на два отдѣленія; принятое Мерцъ клалъ въ одно отдѣленіе, а непринятое оставалось въ другомъ. Все шло исправно въ теченіе первыхъ шести дней. Вдругъ Юханцевъ заболѣлъ, пріемъ кассы стали продолжать безъ него и тутъ обнаружили недочетъ суммъ. Запечатанные пакеты при принятіи кассы не распечатывались, и онъ, Мерцъ, не обращалъ особаго вниманія на печати; лишь по обнаруженіи растраты онъ сталъ болѣе остороженъ и тогда нашелъ пакетъ, запечатанный неизвѣстно чьей печатью съ птичкой, за который онъ тотчасъ же, 26 марта, по окончаніи повѣрки консолидированныхъ бумагъ, и принялся. Въ этомъ пакетѣ лежали облигаціи

7-го голландскаго займа; на пакетѣ рукою Юханцева была сдѣлана надпись «113.000 фунтовъ стерлинговъ», здѣсь тоже оказался недочетъ. Другіе пакеты, въ которыхъ обнаруженъ недочетъ, были не запечатаны, въ томъ числѣ и тотъ пакетъ, въ которомъ въ первомъ была усмотрѣна растрата; что касается консолидированныхъ облигацій, то онѣ лежали въ не запечатанныхъ же картонкахъ.

На вопросъ товарища прокурора, имѣлъ ли право Юханцевъ распечатывать запечатанные печатями членовъ правленія пакеты, Мерцъ отвѣтилъ, что даже долженъ былъ, когда слѣдовало получать проценты по купонамъ.

Когда свидѣтель былъ еще контролеромъ, то онъ занимался лишь повѣркой счетовъ провѣренныхъ процентныхъ бумагъ, потомъ свѣрялъ отчетъ и велъ нумера всѣхъ цѣнностей, но никогда не провѣрялъ всѣхъ наличныхъ цѣнностей и не считалъ себя обязаннымъ дѣлать это. Въ кладовую тоже никогда не ходилъ, никакой ежедневной вѣдомости по приходу и расходу кассы не велъ и не провѣрялъ и не знаетъ, ведется ли подобная вѣдомость управляющимъ. Контролировали операціи по выдачѣ и полученію суммъ въ бухгалтеріи, черезъ которую проходятъ всѣ документы. Когда управляющій отлучался, то его должность исправлялъ, большею частью, бухгалтеръ. Взносъ денегъ въ государственный банкъ теперь дѣлается по ордерамъ, которые подписываютъ управляющій и бухгалтеръ; такъ было, кажется, и при Юханцевѣ.

Юханцевъ по поводу показанія Мерца объяснилъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ право распечатывать пакеты и никогда никакихъ замѣчаній за это отъ правленія не получалъ. Правленіе приходило на ревизію, брало распечатанные пакеты наверхъ, провѣряло ихъ и отдавало накладывать печати артельщику, при чемъ имъ, Юханцевымъ, или членомъ правленія проставлялись на пакетахъ цифры цѣнностей, находящихся въ нихъ. Запечатанные же пакеты всѣ лежали на столѣ на виду, членъ правленія сходилъ внизъ, смотрѣлъ надписи суммъ, записывалъ ихъ и потомъ свѣрялъ съ бухгалтеріей,—этимъ и ограничивался.

Затѣмъ Юханцевъ объяснилъ, что кажется въ 1875 или въ 1874 году онъ уѣзжалъ за границу, въ Берлинъ, на одну недѣлю. При этомъ кассы не сдавалъ, сдалъ только наличныя деньги, а процентныя бумаги были оставлены въ кладовой и тогда онъ опечаталъ ихъ печатью для пакетовъ. Очень можетъ быть, что одинъ пакетъ и остался съ такою печатью. Члены правленія при ревизіи, вѣроятно, не разсмотрѣли этого. Имъ, Юханцевымъ, пакеты никогда не запечатывались печатью Общества. Она употреблялась только управляющимъ, а у него и у артельщика была печать для пакетовъ.

Свидѣтель *Закъ*, на вопросъ повѣреннаго гражданскаго истца, показалъ, что появленіе въ продажѣ на биржѣ консолидированныхъ облигацій на крупныя суммы осенью 1876 года его поразило и навело на сомнѣніе, не происходитъ ли гдѣ-нибудь расхищенія кассы. Причиною этого сомнѣнія было то, что бумаги продавались по дешевой цѣнѣ большими партіями и притомъ такою банкирскою конторою, которая не компетентна въ такого рода дѣлахъ. Обыкновенно подобныя продажи совершаются крупными банкирскими домами или банками и всегда въ такихъ случаяхъ продавецъ на биржѣ извѣстенъ. Въ данномъ же случаѣ продавецъ извѣстенъ не былъ. О своемъ сомнѣніи онъ сказалъ маклеру Эстеррейху, который почти ежедневно бываетъ у нихъ въ банкѣ, съ тѣмъ чтобъ онъ справился въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, съ которымъ Учетный банкъ состоитъ въ частыхъ сношеніяхъ,—не происходитъ ли тамъ расхищенія. Сверхъ того онъ говорилъ объ этомъ и съ другими лицами также для того, чтобъ они спросили, все ли въ порядкѣ въ другихъ учрежденіяхъ, владѣющихъ этими облигаціями. Ему отвѣтили изъ одного учрежденія, что тамъ такихъ бумагъ вовсе нѣтъ, изъ другого—что есть, но не въ такомъ большомъ количествѣ; наконецъ, Эстеррейхъ сказалъ ему, что правленіе Общества взаимнаго поземельнаго кредита произвело строгую ревизію и все оказалось въ исправности.

Свидѣтель *Эстеррейхъ* показалъ, что въ концѣ 1876 г., а можетъ быть и въ началѣ 1877 года на биржѣ пошли слухи, что предлагаются на большія суммы облигаціи внѣшнихъ займовъ по дешевой цѣнѣ, притомъ не было извѣстно, откуда являются продавцы. Объ этомъ онъ говорилъ съ директоромъ Учетнаго банка, г. Закъ, который спросилъ его, неизвѣстно ли—кто продавецъ. Свидѣтель не зналъ, но, зная, что подобныя облигаціи имѣются и въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, счелъ долгомъ заявить объ этихъ слухахъ между прочимъ и управляющему этого Общества, Герстфельду, который впослѣдствіи сообщилъ свидѣтелю, что у нихъ все нашли въ порядкѣ.

На вопросъ товарища прокурора свидѣтелю *Владимірскому*, почему въ издаваемой имъ газетѣ «Петербургскій Листокъ» помѣщено было извѣстіе, что въ редакцію доставлены документъ и сообщеніе, что Лебель, управляющій конторой Зингера, обращался къ одному изъ петербургскихъ банковъ съ просьбой ссудить 90.000 рублей подъ залогъ консолидированныхъ облигацій, а также на вопросъ, откуда былъ полученъ этотъ документъ,—свидѣтель Владимірскій отвѣтилъ, что документъ этотъ полученъ былъ безъ него, его сотоварищемъ г. Соколовымъ, который и можетъ дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ; а онъ только видѣлъ

этотъ документъ, который, вѣроятно, и въ настоящее время находится въ редакціи. Документъ этотъ въ формѣ записной книжки, писанной карандашомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Насколько свидѣтель могъ понять изъ содержанія документа, въ немъ, кажется, просятъ учесть консолидированныя бумаги, при которыхъ купоны на 17 марта, за что обѣщаются уплатить 6%. Подписанъ онъ «Лебель». Кому эта записная книжка принадлежитъ, свидѣтель не знаетъ.

Послѣ допроса свидѣтеля Владимірскаго было прочитано показаніе *Лебеля* слѣдующаго содержанія: «Юханцева я до октября 1876 года не зналъ и увидѣлъ его въ первый разъ въ октябрѣ 1876 года, когда онъ явился въ нашу контору и пожелалъ продать за его счетъ на 500 фунтовъ стерл. консолей. Тогда мнѣ не было извѣстно, что онъ состоитъ кассиромъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Узналъ я объ этомъ только лѣтомъ прошлаго года. Вскорѣ послѣ продажи на 500 фунтовъ, Юханцевъ явился вновь и просилъ выкупить и продать заложенныя въ Государственномъ банкѣ бумаги, на которыя передалъ намъ три или четыре залоговыя обязательства, и мы выкупили на 109.000 консолидированныхъ облигацій 2 выпуска. Потомъ въ февралѣ 1877 г. Зингеръ выкупилъ на 40.000 фунтовъ стерлинговъ и того же года въ октябрѣ на 51.000 фунтовъ облигацій 7-го голландскаго займа. Всѣ эти бумаги были заложены Юханцевымъ въ государственномъ банкѣ по 6 р. 40 к. за фунтъ, т.-е. по номинальной цѣнѣ. Въ то время облигаціи упали въ цѣнѣ, такъ что отъ продажи заложенныхъ Юханцевымъ бумагъ образовалась незначительная разница». Свидѣтель предполагаетъ, что всѣхъ бумагъ было заложено на 1.285.000 руб., а продано на 1.319.000 руб. Потомъ Юханцевъ поручилъ для продажи еще нѣсколько партій консолидированныхъ облигацій, а также на 1.000 фунтовъ стерл. голландскаго займа. При этомъ свидѣтель представилъ выписку изъ книгъ конторы, въ которой подробно внесена вся эта операція. Между прочимъ изъ этого счета конторы видно, что въ 1876 году она уплатила Юханцеву 708.000 р., въ 1877 г. февраля 4-го выкуплено на 40.000 фунт. стерл., уплачено 268.000 руб., 12 апрѣля уплачено 342.000 руб.

Свидѣтель *Герстфельдъ* показалъ: въ концѣ 1876 года ему передалъ маклеръ Эстеррейхъ, что ему было сообщено директоромъ Учетнаго банка, что на биржѣ появились въ значительномъ количествѣ консолидированныя облигаціи; онъ сообщаетъ объ этомъ Герстфельду потому, что эти облигаціи вообще находятся въ немногихъ учрежденіяхъ, а потому предполагаетъ, не принадлежатъ ли онѣ Обществу взаимнаго поземельнаго кредита. Герстфельдъ сообщилъ объ этомъ членамъ правленія и, конечно, это свѣдѣніе встре-

вожило всѣхъ ихъ. На другой день онъ, по порученію правленія, спросилъ Эстеррейха, какого выпуска были облигаціи. Тотъ не зналъ, но обѣщалъ спросить и дня черезъ два далъ отвѣтъ, что это были облигаціи 1-го выпуска. Между тѣмъ въ Обществѣ облигацій 1-го выпуска вовсе не было, такъ что появленіе ихъ на биржѣ не относилось до Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Но все же послѣ этого члены правленія сдѣлали особенно подробную ревизію и консолидированныя облигаціи сосчитали. Но свидѣтель не можетъ себѣ объяснить теперь, какъ это могло произойти, потому что по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются теперь, въ то время консолидированныхъ облигацій уже не было налицо, тогда какъ члены правленія говорили, что повѣрили все и въ томъ числѣ консолидированныя облигаціи. Этого нельзя иначе объяснить, какъ допустивъ на основаніи данныхъ, которыя послѣ выяснились, что тутъ произошла какая-нибудь ошибка: или былъ подлогъ, или что-либо другое... Но свидѣтель самъ видѣлъ протоколъ, по которому несомнѣнно, что облигаціи 2-го выпуска были пересчитаны членами правленія. Облигацій 4-го выпуска было очень немного въ Обществѣ; 2-го и 3-го было на нѣсколько милліоновъ, а 4-го выпуска только на нѣсколько сотъ тысячъ.

Вообще слухи, появившіеся на биржѣ и сообщенные Эстеррейхомъ, конечно сильно его, Герстфельда, интересовали и какъ служащаго въ Обществѣ и какъ человѣка, преданнаго этому дѣлу. Поэтому онъ считалъ бы и себя обязаннымъ сдѣлать тоже повѣрку кассы, если бы не то, выяснившееся тогда, обстоятельство, что на биржѣ продавались такія облигаціи, которыхъ въ Обществѣ вовсе не было. Общество имѣло облигаціи 2, 3 и 4-го выпусковъ, а тутъ Эстеррейхъ заявилъ, что облигаціи 1-го выпуска. Свидѣтель это хорошо помнитъ, такъ какъ и его, и членовъ правленія это извѣстіе очень порадовало. Объ этихъ облигаціяхъ свидѣтель съ Юханцевымъ не говорилъ, онъ говорилъ съ нимъ о другихъ слухахъ—относительно образа его жизни.

При ревизіяхъ лично свидѣтель не присутствовалъ, но ему случилось раза три быть на нихъ, какъ кандидату правленія,—это было въ прежніе годы, на позднѣйшихъ же ревизіяхъ онъ не присутствовалъ и не былъ также и на ревизіи послѣ сообщенія Эстеррейха, такъ что ему точно неизвѣстно, считали ли члены правленія бумаги по листамъ или пересматривали только пакеты; возможно и послѣднее, потому что обыкновенно имѣется въ виду сосчитать наличность кассы, а она повѣряется такимъ образомъ, что бумаги, находящіяся въ распечатанныхъ пакетахъ, считаются по листамъ, а запечатанные пакеты только осматриваются.

Что касается жизни Юханцева, то свидѣтель помнитъ, что кто-то изъ

членовъ правленія, чуть ли не г. Пейкеръ, говорилъ, что ему переданы свѣдѣнія,—сначала онъ не говорилъ кѣмъ, а потомъ свидѣтель услышалъ, что г. Ржевскимъ,—что Юханцевъ ведетъ роскошную жизнь и тѣхъ средствъ, которыя онъ имѣетъ, на такую жизнь недостаточно; при этомъ еще упоминалось, что годовой его расходъ простирался до 25.000 рублей. Это былъ первый слухъ въ февралѣ или мартѣ 1876 года. Послѣ этого правленіе занялось вопросомъ, есть ли возможность Юханцеву воспользоваться средствами Общества. Тогда было обращено вниманіе на способъ, какимъ производились всѣ операціи Общества, особенно же обратили вниманіе на текущіе счета. По тому порядку, который до этого существовалъ, воспользоваться средствами Общества было бы возможно. Вслѣдствіе этого была назначена спеціальная ревизія, потребованы были справки изъ всѣхъ банковъ, съ которыми Общество имѣло текущіе счета, о состояніи ихъ; они были провѣрены, оказались вѣрными, и было постановлено, чтобъ на корешкахъ чековъ выставлялись нумеръ и сумма, которую свидѣтель и скрѣплялъ своею подписью. Онъ имѣлъ съ Юханцевымъ разговоръ относительно слуховъ о его образѣ жизни, такъ какъ ему правленіемъ было поручено переговорить объ этомъ. Юханцевъ отвѣтилъ ему, что догадывается, откуда идутъ подобные слухи, и объяснилъ, что у него много враговъ, которые ихъ распространяютъ. Свидѣтель указалъ ему тогда, что онъ имѣетъ четырехъ лошадей, что это представляется излишнимъ, потому что можетъ наводить на мысль о нескромной жизни. Юханцевъ отвѣчалъ, что онъ вообще живетъ скромно и что у него имѣются четыре лошади потому, что онъ купилъ новую пару, а прежнихъ еще не успѣлъ продать, но продастъ и вообще постарается слѣдовать совѣту Герстфельда. При этомъ онъ сказалъ, что получаетъ 8 тысячъ отъ Общества и двѣ тысячи въ годъ имѣетъ своихъ и все это проживаетъ; какъ человѣкъ не семейный, онъ не хочетъ себѣ отказывать ни въ чемъ. О тѣхъ расходахъ, которые, какъ теперь оказывается, Юханцевъ позволялъ себѣ, въ то время никто не имѣлъ понятія. Онъ не водилъ знакомства ни съ кѣмъ изъ служившихъ въ Обществѣ.

Свидѣтель во время этой бесѣды не предлагалъ Юханцеву ѣхать въ отпускъ; это было позднѣе, въ 1877 году послѣ окончанія общаго собранія въ февралѣ. Одинъ изъ пріятелей Герстфельда передалъ ему, что ему достовѣрно извѣстно, что слухи о широкой жизни Юханцева сильно повліяли на владѣльцевъ закладныхъ листовъ: можетъ начаться усиленная продажа бумагъ Общества именно вслѣдствіе того, что казначей Общества тратитъ слишкомъ большія деньги.

Свидѣтель сообщилъ объ этомъ членамъ правленія, будучи убѣжденъ, что слухъ этотъ преувеличенъ, потому что каждый мѣсяцъ происходила внезапная

повѣрка кассы, при которой не обнаруживалось никакихъ злоупотребленій, но тѣмъ не менѣе было рѣшено сейчасъ же устранить Юханцева въ виду того, что прежде слухи вращались только среди немногихъ лицъ, а тутъ они сдѣлались уже общераспространенными и поэтому дѣйствительно могли повредить кредиту Общества. Такимъ образомъ было рѣшено устранить Юханцева отъ должности казначея, но съ тѣмъ, чтобъ оставить его въ Обществѣ. Юханцевъ отвѣтилъ, что это для него обидно, и потому желалъ совсѣмъ оставить службу въ Обществѣ. Свидѣтель ему сказалъ, что его интересъ остаться, потому что иначе онъ останется въ нѣкоторомъ подозрѣніи. На это Юханцевъ сказалъ: «Я получу квитанцію Общества, что все я дѣлалъ исправно». Герстфельдъ возразилъ, что все-таки останется извѣстное сомнѣніе, такъ какъ онъ будетъ устраненъ, хотя и безъ какого-нибудь повода. Эти переговоры продолжались нѣсколько дней, пока онъ не согласился подать просьбу объ отпускѣ. Тогда было поручено Мерцу принять отъ Юханцева кассу.

Затѣмъ свидѣтель Герстфельдъ показалъ, что Юханцевъ, какъ извѣстно, несъ обязанности кассира Общества. Никакой точной инструкціи не существовало. Она была, но оставалась не утвержденною, поэтому на нее нельзя было смотрѣть, какъ на обязательную.

Юханцевъ поступилъ на службу въ Общество съ перваго дня его существованія и по мѣрѣ того, какъ дѣла его усложнялись и увеличивались, онъ пріучался къ дѣлу. Какъ служащій онъ былъ подчиненъ Герстфельду, онъ долженъ былъ исполнять ордера, если они правильны. Ордера всегда выдавались свидѣтелемъ, кромѣ случаевъ его отсутствія, когда его замѣнялъ бухгалтеръ.

Въ первые годы, съ 1866 до 1876 г., ревизія производилась каждое первое число, при чемъ провѣрялась кассовая книга съ ордерами и документами. Обыкновенно это дѣлалъ предсѣдатель правленія въ помѣщеніи правленія, а члены правленія ревизовали состояніе кассы. Одинъ изъ нихъ спускался въ кладовую, записывалъ тамъ, что оказывалось въ запечатанныхъ пакетахъ, а прочіе члены сосчитывали то, что доставляли имъ наверхъ, т.-е. что было не запечатано; свѣряли сосчитанное съ бухгалтерскою вѣдомостью и если итоги совпадали, то состояніе кассы признавалось правильнымъ. Текущіе счета повѣрялись по расчетнымъ книжкамъ банковъ. Всегда все оказывалось вѣрнымъ, и правленіе дѣлало надпись на вѣдомости, что все вѣрно. Вѣдомость эта передавалась въ секретарское отдѣленіе, гдѣ подготовлялся протоколъ, который потомъ и подписывался членами правленія, ревизовавшими кассу.

Ревизія же чековъ была именно, какъ оказалось потомъ, слабою сто-

роною. Состояніе текущихъ счетовъ повѣрялось по расчетнымъ банковымъ книжкамъ, которыми завѣдывалъ самъ Юханцевъ. Слѣдовательно, онъ могъ невѣрно записывать чеки. Когда появились различные слухи, то на это обстоятельство прежде всего было обращено вниманіе.

Задавшись мыслью, нѣтъ ли пробѣла въ счетныхъ порядкахъ Общества члены правленія нашли его именно въ отношеніи текущихъ счетовъ, и тогда-то и было постановлено, чтобы на корешкахъ чековъ были обозначаемы сумма и нумеръ чека, о чемъ уже свидѣтель упоминалъ. При введеніи новаго порядка были потребованы отъ всѣхъ банковъ, въ которыхъ находились суммы Общества на текущемъ счету, справки о состояніи этихъ счетовъ. По этимъ справкамъ оказалось, что текущіе счета были вѣрны. Только впослѣдствіи свидѣтель узналъ, что въ государственный банкъ Юханцевымъ были внесены деньги за проданныя имъ процентныя бумаги. Свидѣтель получилъ справку изъ государственнаго банка, изъ которой убѣдился, что Юханцевъ пользовался тамъ текущимъ счетомъ. Это онъ узналъ только впослѣдствіи.

Что касается чековъ, то съ 1873 г. чеки подписывались свидѣтелемъ и бухгалтеромъ. Чековая книжка хранилась у Юханцева; онъ и заготовлялъ чеки, присылалъ для подписи къ нему, Герстфельду, и къ бухгалтеру. Получивъ подписанный чекъ, Юханцевъ выдавалъ его лицу, которому слѣдовала уплата. Были случаи, что чеки писались и на примѣрныя суммы. Это могло быть тогда, когда неизвѣстно было, какая сумма потребуется для расхода, а свидѣтель уѣзжалъ. Въ субботу и въ воскресенье онъ имѣлъ право уѣхать. Но могло случиться, что онъ не былъ въ состояніи вернуться и въ понедѣльникъ; тогда чеки выдавались по примѣрному расчету.

Товарищъ прокурора предложилъ затѣмъ свидѣтелю вопросъ: сегодня доставлена изъ правленія Общества литографированная инструкція, озаглавленная «Проектъ правилъ производства дѣлъ» и т. д. Эта инструкція извѣстна свидѣтелю?

Свидѣтель *Герстфельдъ*. Да. Онъ почти всю ее писалъ своей рукой. Она подлежала утвержденію правленія, но въ теченіе 12 лѣтъ правленіе ея не утверждало, потому что она была слишкомъ рано составлена. Всѣ операціи, которыя въ ней описаны, были изложены только по умозрѣнію, по теоріи, какъ дѣло должно быть ведено. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ многія изъ деталей еще не существовали. То обстоятельство, что въ этомъ проектѣ инструкціи вставлены бѣлые листы, объясняется очень просто. Когда окончательно былъ приготовленъ проектъ инструкціи, онъ подлежалъ усмотрѣнію и утвержденію правленіи, и эти бѣлые листы оставлены

были для того, чтобы члены правленія могли сдѣлать на нихъ свои отмѣтки. Но какъ разъ въ это время началась выдача ссудъ и тутъ оказалось многое изъ этого проекта непримѣнимымъ; затѣмъ правила постоянно мѣнялись и нужно было составить новую инструкцію, а между тѣмъ дѣло шло и безъ нея, такъ какъ по навыку и практикѣ всякій служащій зналъ свои обязанности. Но основныя начала этой инструкціи все же соблюдались и когда дѣлались измѣненія, о нихъ служащіе извѣщались или протоколами правленія или письменными приказами свидѣтеля.

Затѣмъ, переходя къ чековой операціи, свидѣтель показалъ, что когда чекъ выдавался, то онъ отправлялся въ бухгалтерію съ посланнымъ отъ кассира, потому что чековыя книжки находились у кассира и онъ вписывалъ сумму, слѣдующую къ полученію. Въ 1873 году бухгалтеръ былъ уволенъ на три мѣсяца въ отпускъ. Между тѣмъ въ теченіе 7 лѣтъ службы Юханцевъ настолько успѣлъ пріобрѣсти довѣріе, что правленіе разрѣшило ему подписывать чеки вмѣсто бухгалтера. Когда Юханцевъ подписывалъ чеки, тогда они не предъявлялись бухгалтеру или замѣняющему его лицу. Чеки записывались въ бухгалтерскія книги по справкамъ, которыя давалъ Юханцевъ, и не провѣрялись. Когда бухгалтеръ уѣхалъ въ отпускъ и Юханцеву дано было право подписывать чеки, никому не пришло и въ голову, что нужно установить тотъ или другой контроль на время отсутствія бухгалтера; да это казалось даже совершенно излишнимъ, потому что Юханцевъ пользовался рѣдкимъ довѣріемъ. Такой порядокъ продолжался съ 1873 года по 1876 годъ.

Вообще, надо сказать, что въ дѣйствительности бухгалтерскую контокуррентную книгу велъ самъ кассиръ посредствомъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ онъ былъ уполномоченъ подписывать чеки.

Бланковыхъ чековъ свидѣтель никогда не выдавалъ Юханцеву.

Далѣе свидѣтель опять коснулся ревизій. По его словамъ, сначала члены правленія при ревизіяхъ считали всѣ цѣнности; но когда бумаги стали поступать въ огромномъ количествѣ, тогда пришли къ мысли, что если извѣстное количество бумагъ будетъ положено въ запечатанные конверты, то при слѣдующей ревизіи ихъ не нужно будетъ считать, если печати будутъ цѣлы, и конверты дѣйствительно не распечатывались. Кто предложилъ этотъ способъ, свидѣтель не знаетъ. Пакеты запечатывались печатями членовъ правленія; печатью же «для пакетовъ» конверты обыкновенно не печатались. Свидѣтель помнитъ нѣсколько случаевъ, что у членовъ правленія не было съ собой печати, и тогда клалась печать «Общества», которая всегда хранилась у свидѣтеля. Юханцевъ имѣлъ право

вскрывать пакеты и взламывать печати, если это было нужно. Печать не имѣла иного значенія, какъ только облегчить ревизію, чтобы не пересчитывать каждый разъ всѣ бумаги по листамъ.

Затѣмъ свидѣтель Герстфельдъ подтвердилъ показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, что члены правленія при ревизіи текущихъ счетовъ провѣряли сальдо расчетныхъ книжекъ и что оно всегда было вѣрно. Большею частью это дѣлалъ покойный Миллеръ, который для провѣрки бралъ расчетныя книжки банковъ, въ которыхъ вписывалась сумма, внесенная на текущій счетъ, а на другой сторонѣ вписывался расходъ по выдачѣ по чекамъ. Если остатокъ текущаго счета сходился съ итогомъ по бухгалтеріи Общества, то счетъ признавался вѣрнымъ. Какимъ образомъ, когда Юханцевъ бралъ изъ государственнаго банка большими суммами, saldo расчетной книжки могло въ этомъ случаѣ быть вѣрнымъ, мало понятно. Очевидно, что записывались не тѣ суммы, которыя были получены, т.-е. были вписаны цифры выдуманныя.

На дальнѣйшіе вопросы Герстфельдъ показалъ, что когда онъ узналъ, что деньги, вырученныя Юханцевымъ за консолидированныя облигаціи, были внесены въ государственный банкъ на текущій счетъ Общества, онъ считалъ это прямо невѣроятнымъ и обратился за справкой въ государственный банкъ, откуда получилъ выписку за всѣ годы. По сличеніи ея оказалось, что какъ взносы, такъ и полученія по чекамъ не соотвѣтствовали дѣйствительности.

До того времени въ теченіе 12 лѣтъ не требовали изъ государственнаго банка этихъ свѣдѣній, потому что были убѣждены, что государственный банкъ ихъ не выдаетъ. Но теперь узнали, что банкъ выдаетъ тѣмъ, кто это требуетъ. Другіе банки выдаютъ контокуренто безъ требованія.

Свидѣтель имѣлъ вообще большое довѣріе къ Юханцеву, потому что зналъ его еще юношей и считалъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Почему собственно онъ считалъ его за порядочнаго человѣка, это конечно трудно вообще объяснить. Онъ видался съ нимъ въ теченіе 12 лѣтъ каждый день, находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и былъ о немъ прекраснаго мнѣнія. Теперь же оказывается, что было два человѣка: одинъ—Юханцевъ на службѣ, а другой—который кутилъ по ночамъ.

Знакомъ свидѣтель домами съ Юханцевымъ не былъ, былъ у него всего только три раза, когда еще онъ жилъ съ женой. Вотъ еще одно обстоятельство, почему слухи о широкой жизни Юханцева не удивили Герстфельда: съ перваго раза, когда онъ поступилъ въ Общество, обстановка у него была роскошная. Тогда онъ жилъ въ домѣ своего тестя, ко-

торый получалъ 100.000 рублей въ годъ дохода. Состояніе Юханцева приписывалось его тестю. Онъ до поступленія въ Общество жилъ еще роскошнѣе, чѣмъ когда служилъ; по крайней мѣрѣ свидѣтель судитъ по обстановкѣ квартиры: теперь квартира Юханцева, гдѣ онъ, Герстфельдъ, былъ по обнаруженіи растраты, гораздо хуже, нежели прежняя.

Подсудимый *Юханцевъ* по поводу показаній свидѣтеля Герстфельда сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній:

«Относительно ордеровъ: въ 1876 году ордера выдавались часто только за подписью одного бухгалтера и въ теченіе дня исполнялись. Потомъ мои конторщики собирали эти ордера за нѣсколько дней и клали управляющему на столъ для подписи.

«Относительно чековъ я имѣю честь доложить, что я уже говорилъ, что первое время г. Герстфельдъ раза два или три выдавалъ мнѣ бланковые чеки, но потомъ самъ замѣтилъ, что это неудобно. Затѣмъ я бралъ у него нѣсколько чековъ съ примѣрными суммами.

«Относительно заявленія о слухахъ: когда г. Герстфельдъ мнѣ сообщилъ о нихъ, я, какъ уже докладывалъ судебному слѣдователю, хотѣлъ ему признаться, но по малодушію умолчалъ.

«Относительно расчетной книжки, которая пропала: я велъ ее согласно съ книжкою государственнаго банка, потому что если бы потребовали копію изъ банка, то текущій счетъ оказался бы тотчасъ же невѣрнымъ. Относительно того, что при ежемѣсячной повѣркѣ правленіемъ расчетныхъ книжекъ не считали, это происходило такъ: я держалъ книжку въ рукахъ и говорилъ: «внесено столько то, взято столько то», а въ это время членъ правленія Миллеръ клалъ на счеты. Такъ дѣлалось до 1876 года, а съ 1876 г. на корешкѣ чековъ прописывались суммы, нумеръ и была подпись управляющаго, и тогда ревизія происходила посредствомъ сличенія корешковъ съ расчетною книжкой. Итогъ взносовъ въ государственный банкъ былъ показанъ всегда правильно, но итогъ получался фиктивный, такъ что если бы членъ правленія взялъ у меня изъ рукъ книжку и самъ бы просчиталъ, сейчасъ бы оказалась большая разница».

Герстфельдъ, продолжая свое показаніе, сдѣлалъ нѣкоторыя разъясненія относительно ордеровъ. Дѣйствительно, очень многіе ордера были безъ его подписи, но во время его отпуска или болѣзни его обязанности исполнялъ бухгалтеръ Племянниковъ, и потому на ордерахъ въ этотъ періодъ была лишь одна подпись Племянникова. Когда же свидѣтель пропускалъ почему-либо одинъ день, то Племянниковъ подписывался только какъ бухгалтеръ, а мѣсто подписи управляющаго оставлялъ пустымъ, чтобы по возвращеніи свидѣтеля подать ордеръ для подписи ему; но бывали случаи,

что иногда ордера не подавались послѣ возвращенія свидѣтеля, и въ концѣ мѣсяца подавалось сразу нѣсколько ордеровъ, подписанныхъ не имъ, за что онъ неоднократно дѣлалъ кассиру Юханцеву замѣчанія.

Что касается чековъ и того обстоятельства, что суммы ихъ опредѣлялись якобы не точно, нужно замѣтить, что когда свидѣтель находился налицо, то всегда давалъ чекъ на ту сумму, какая примѣрно на этотъ день была необходима для расхода, такъ, наприм., тысячъ 50—60. Когда же онъ зналъ, что на слѣдующій день (наприм., часто въ субботу) не явится, то подписывалъ чеки на гораздо большую сумму.

Никакой утвержденной инструкціи о дѣятельности служащихъ въ Обществѣ не существовало, былъ лишь проектъ инструкціи, нѣкоторыя положенія котораго, пригодныя несмотря на сильно измѣнившіяся операціи Общества, соблюдались, но соблюдались лишь въ силу обычая.

Въ кладовую кассиръ имѣлъ право ходить какъ одинъ, такъ и въ сопровожденіи артельщика. Особой кладовой книги не существовало, была только кассовая, которая выражала остатки кассы. Деньги въ кладовой лежали въ особой картонкѣ, въ которую кассиръ клалъ деньги и ставилъ за рѣшеткой на столѣ. Цѣнныя бумаги лежали въ кладовой на желѣзномъ столѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, кладовая сама представляла какъ бы шкапъ, потому что она запиралась несгораемою дверью, и бумаги лежали въ ней, какъ въ шкапу. Въ кладовую ходить онъ, Герстфельдъ, былъ не обязанъ, но все же бывалъ. Въ контролѣ кассы и во внезапныхъ ревизіяхъ участія никогда не принималъ. Книги текущихъ счетовъ велись съ 1873 по 1876 годъ со словъ кассира Юханцева, который давалъ бухгалтеру памятныя записки. Въ игрѣ на биржѣ свидѣтель Юханцева никогда не подозрѣвалъ. Не думаетъ, чтобы въ растратѣ были у подсудимаго соучастники; заподозрилъ Юханцева въ истребленіи расчетныхъ книжекъ потому, что послѣдній долженъ былъ стараться скрыть слѣды своего преступленія и потому могъ истребить ихъ, какъ улики.

Свидѣтель *Зингеръ* (содержатель банкирской конторы) показалъ, что Юханцевъ пришелъ къ нему въ первый разъ въ апрѣлѣ 1876 года; свидѣтель не зналъ, что онъ служитъ кассиромъ, зналъ лишь, что онъ камеръ-юнкеръ и своякъ Фелейзена. Первый разъ Юханцевъ передалъ для продажи только 500 фунтовъ стерлинговъ, что и было исполнено. На другой день онъ принесъ для продажи уже около 10 тысячъ фунтовъ. Потомъ Юханцевъ просилъ выкупить заложенные имъ въ государственномъ банкѣ консоли и продать ихъ на биржѣ. Г. Зингеръ взялъ отъ Юханцева для этого нотаріальную довѣренность, порученіе исполнилъ и Юханцевъ получилъ разницы отъ выкупа и продажи около 200 тысячъ рублей.

Кромѣ того, иногда свидѣтель исполнялъ и еще кое-какія порученія подсудимаго.

Свидѣтель *Февиль* (директоръ ссуднаго отдѣленія государственнаго банка) показалъ лишь, что Юханцевъ нѣсколько разъ закладывалъ цѣнныя бумаги и получалъ подъ нихъ довольно значительныя ссуды—въ 163 тысячи, 345,600 рублей, 414 тысячъ; въ банкѣ знали, что онъ состоитъ кассиромъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, и никакихъ недоразумѣній, что кассиръ закладываетъ такія большія суммы и закладываетъ, напримѣръ, мало обращающійся въ публикѣ голландскій заемъ, не возникало, потому что въ банкѣ выдаются и гораздо большія суммы.

Свидѣтель *Шитиковъ* (помощникъ бухгалтера Племянникова) показалъ, что книга текущихъ счетовъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита велась на основаніи свѣдѣній, доставлявшихся Юханцевымъ. Подлинныхъ чековъ на полученіе суммъ свидѣтель никогда не видалъ, такъ какъ Юханцевъ ихъ не показывалъ; отмѣтки же въ контокурентной книгѣ дѣлались по отмѣткамъ подсудимаго.

Контокуренты получались изъ всѣхъ банковъ кромѣ государственнаго; свидѣтель лѣтъ 5 тому назадъ заявлялъ объ этомъ управляющему Герстфельду. Герстфельдъ навелъ справки черезъ Юханцева же и получилъ отвѣтъ, что государственный банкъ контокурента не выдаетъ. Однако за послѣдній годъ удалось получить контокурентъ и изъ государственнаго банка. Произошло это такъ. У Шитикова явилось сомнѣніе, почему по текущему счету наросло 11,000 рублей процентовъ, онъ заявилъ объ этомъ управляющему, написалъ отношеніе и недѣли черезъ двѣ государственный банкъ прислалъ за истекшій годъ контокурентъ, при чемъ оказалось, что 11.000 руб. записаны по ошибкѣ два раза. Ревизія текущихъ счетовъ производилась по сальдо, которое Шитиковъ выдавалъ по каждому банку и которое основывалось тоже на показаніяхъ Юханцева.

Свидѣтель *графъ Крейцъ* (бывшій членъ правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита) на большинство вопросовъ отвѣчалъ запамятованіемъ, однако показалъ, что впервые о широкой жизни Юханцева услышалъ онъ отъ сенатора Ржевскаго и, такъ какъ слухи эти поддерживались и повторялись, то правленіе рѣшило отказать Юханцеву отъ должности и пригласило Мерца, который сталъ принимать кассу и обнаружилъ растрату.

За кассой должно было наблюдать правленіе, но никакихъ ежедневныхъ наблюденій не было, наблюденіе же, чтобы книги текущихъ счетовъ велись въ порядкѣ, лежало на управляющемъ. Въ кассу казначей имѣлъ право входить и одинъ и онъ имѣлъ также право вскрывать запечатанные па-

кеты, если въ томъ была надобность, такъ какъ пакеты запечатывались только для удобства ревизіи. Печать съ птичкой не принадлежитъ ни одному изъ членовъ правленія.

Свидѣтель *Познанскій* (бывшій членъ правленія) показалъ, что въ мартѣ 1878 г. до свѣдѣнія правленія было доведено, что нѣкоторые владѣльцы закладныхъ листовъ, въвиду слуховъ о жизни Юханцева свыше его средствъ, опасаются за своилисты и полагаютъ ихъ продать. Это свѣдѣніе показалось правленію настолько серьезнымъ, что оно признало необходимымъ устранить казначея отъ занимаемой имъ должности. Правленіе при этомъ не имѣло въ видуникакихъ фактическихъ уликъ, никакихъ свѣдѣній, которыя подтверждали бы слухи о Юханцевѣ, такъ какъ, по ревизіямъ, вся касса оказывалась налицо. Но въ виду серьености слуховъ правленіе рѣшило устранить Юханцева и передать кассу другому лицу. При этомъ правленіе желало придать этому возможно большую огласку, чтобъ успокоить публику, и поэтому сдача производилась въ присутствіи нѣсколькихъ служащихъ и, по очереди, одного члена правленія. Сдача была начата 16 марта и производилась въ полномъ порядкѣ. Всѣ почти процентныя бумаги Общества и другія цѣнности были приняты новымъ казначеемъ. Въ это время прежній казначей занемогъ и, по случаю его болѣзни, сдача пріостановлена; потомъ были праздники. Наконецъ наступило 28-е марта. Въ этотъ день свидѣтель былъ первымъ дежурнымъ членомъ правленія. Пріѣхавъ въ Общество, онъ спросилъ, будетъ ли сегодня продолжаться пріемъ кассы. Ему сказали, что Юханцевъ прислалъ сказать, что онъ боленъ, но такъ какъ при этомъ объяснилось, что наканунѣ его видѣли въ городѣ, то онъ, свидѣтель, высказалъ мнѣніе, что нѣтъ надобности останавливаться передачею кассы, тѣмъ болѣе, что передача производилась въ присутствіи членовъ правленія. Управляющій Герстфельдъ раздѣлилъ его мнѣніе и тогда онъ приступилъ къ дальнѣйшей повѣркѣ кассы. На очереди были консолидированныя облигаціи россійскихъ желѣзныхъ дорогъ второго и третьяго выпуска. Эти облигаціи были найдены въ кладовой распечатанными, какъ и слѣдовало, такъ какъ около этого времени должны были поступить купоны. Третій выпускъ оказался налицо, на основаніи бухгалтерской вѣдомости. При повѣркѣ же второго выпуска оказался недостатокъ 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Эта недостача была такъ значительна, что было очевидно, что совершилась пропажа. Сначала онъ полагалъ, не положены ли они казначеемъ гдѣ-нибудь такъ, что безъ него нельзя отыскать. Сдалъ пока пріемку явившемуся на смѣну члену правленія Миллеру, которому объяснилъ, что нужно послать къ казначею спросить, гдѣ находятся облигаціи, и уѣхалъ на службу.

Потомъ свидѣтель разсказалъ объ открытіи растраты, о заявленіи прокурору и объ обыскѣ у Юханцева. Далѣе Познанскій показалъ, что ревизія кассы производилась прежде каждое первое число, послѣдніе же годы передъ обнаруженіемъ растраты внезапно. Помѣщеніе кассы состояло изъ двухъ отдѣленій: кладовой внизу, подъ сводами, и комнаты казначея, изъ которой вела въ кладовую лѣстница. При ревизіи одинъ изъ членовъ правленія спускался въ кладовую и тамъ проходилъ по бланковой вѣдомости всѣ цѣнности, которыя находились частью въ запечатанныхъ пакетахъ, частью въ распечатанныхъ, при чемъ въ распечатанныхъ конвертахъ находились такія бумаги, которыя имѣли въ теченіе мѣсяца движеніе: были отрѣзаны купоны, или часть бумагъ продана и т. п. Распечатывать пакеты имѣлъ право кассиръ, но снова запечатывать ихъ самъ не могъ. Въ вѣдомости отмѣчались сперва всѣ пакеты, которые оказывались правильно запечатанными, а распечатанные поднимались наверхъ, и члены правленія приступали къ повѣркѣ бумагъ по листамъ, занося сумму каждой бумаги въ бланковую вѣдомость. По этой вѣдомости суммы сосчитывались и сличались съ вѣдомостью, представленною изъ бухгалтеріи. Такая повѣрка производилась, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ; повѣрять же по листамъ при каждой ревизіи всѣ бумаги, доходившія до 15 милліоновъ рублей, не было никакой физической возможности.

Затѣмъ Познанскій сказалъ, что хотя для служащихъ не было особой писанной инструкціи, но практикой въ каждомъ отдѣленіи выработались извѣстныя правила, которыя даже заносились иногда въ протоколы правленія.

Свидѣтель сенаторъ *Сальковъ* (тоже бывшій членъ правленія) показалъ въ сущности то, что уже извѣстно изъ показаній Мерца, Герстфельда и Познанскаго, указалъ лишь, какого вида были печати у членовъ правленія, и удостовѣрилъ, что въ 1876 году члены правленія пересчитывали всѣ консолидированныя облигаціи по листамъ и онѣ были налицо, о чемъ былъ составленъ правленіемъ протоколъ. Существовали ли какія инструкціи для должностныхъ лицъ Общества, свидѣтель не знаетъ. Докладывалъ ли управляющій правленію, что получилъ отъ г. Зака черезъ маклера Эстеррейха сообщеніе, что на биржѣ появилось огромное количество консолидированныхъ мало находящихся въ обращеніи облигацій, этого свидѣтель точно не помнитъ, но припоминаетъ, что что-то такое было, правленіе встревожилось, поручило управляющему узнать, какія это облигаціи, и оказалось, что выпуска, котораго у Общества нѣтъ. Затѣмъ свидѣтель показалъ о томъ, что было найдено у Юханцева при обыскѣ, на которомъ онъ присутствовалъ, при чемъ ему не показалось, чтобы Юханцевъ былъ приготовленъ къ обыску.

Свидѣтель *графъ Гейденъ* (членъ правленія) показалъ, что онъ занялъ должность члена правленія только недѣли за двѣ до обнаруженія растраты, что ранѣе былъ членомъ ревизіонной комиссіи и можетъ удостовѣрить, что по произведенной въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 года комиссіей ревизіи всѣ цѣнности были налицо. При повѣркѣ и осмотрѣ запечатанныхъ конвертовъ онъ лично удостовѣрился въ цѣлости печатей.

Затѣмъ прочитано показаніе умершаго члена правленія *Миллера*, извѣстное изъ обвинительнаго акта.

Свидѣтель *Пейкеръ* (бывшій предсѣдатель правленія) показалъ, что членомъ правленія былъ съ перваго дня основанія Общества, предсѣдателемъ же былъ избранъ лѣтъ 5 тому назадъ, по выбытіи предсѣдателя графа Бобринскаго, и предсѣдателемъ былъ до начала прошлаго года, когда его избрали членомъ оцѣночной комиссіи и онъ оставилъ прежнюю свою должность.

Внезапныя ревизіи были введены главнымъ образомъ въ виду слуховъ о жизни кассира Юханцева. Никакихъ инструкцій о томъ, какъ ревизовать, не было. Ревизовать приходилось очень большія суммы, отъ 8 до 15 милліоновъ. На обязанности свидѣтеля была собственно ревизія кассовой книги по документамъ и повѣрка вексельнаго портфеля, при чемъ при повѣркѣ кассовой книги ему постоянно помогалъ конторщикъ Мергольфъ. Статьи кассовой книги по предмету внесенія суммъ въ государственный банкъ на текущій счетъ они сличали съ ордерами, подписанными управляющимъ, расчетныхъ книжекъ для сличенія никогда не употребляли. Что бухгалтеры вели книги по запискамъ, сообщаемымъ кассиромъ, свидѣтель первый разъ слышитъ.

Свидѣтель *Ржевскій* показалъ, что до него дошли слухи, что образъ жизни кассира общества взаимнаго поземельнаго кредита значительно превышаетъ тѣ средства, которыя онъ можетъ имѣть. Слухи все усиливались. Говорилось о большихъ расходахъ, о числѣ рысаковъ и т. д. Онъ хотѣлъ удостовѣриться, что есть въ этомъ справедливаго, такъ какъ онъ также заемщикъ общества. Онъ попросилъ одного изъ полицмейстеровъ разузнать объ этомъ. Черезъ нѣсколько дней полицмейстеръ сообщилъ ему, что слухи справедливы и что онъ собралъ свѣдѣнія, по которыхъ расходы Юханцева должны быть гораздо болѣе, чѣмъ даже говорила молва. Тогда свидѣтель передалъ всѣ эти свѣдѣнія графу Крейцу. Послѣдній сказалъ ему, что и до нихъ доходили эти слухи, но что они не подозрѣваютъ кассира, потому что они дѣлаютъ внезапныя ревизіи и каждый разъ находятъ всю кассу въ наличности. О своихъ подозрѣніяхъ и слухахъ свидѣтель говорилъ еще графу Бобринскому. И спустя лишь довольно про-

должительное послѣ того время услышалъ, что Юханцевъ арестованъ и что имъ растрачено два милліона рублей.

Свидѣтель *Племянниковъ* (бухгалтеръ Общества) показалъ, что въ 1878 году, кажется 15 марта, онъ былъ приглашенъ въ правленіе Общества, гдѣ ему объявили, что онъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для пріема отъ Юханцева кассы и передачи ея Мерцу. 16-го марта онъ спустился съ членами правленія въ кладовую, гдѣ засталъ уже Мерца съ однимъ изъ членовъ правленія. Приступили къ пріему кассы, начали съ депозитовъ и вкладовъ частныхъ лицъ, потомъ перешли къ процентнымъ бумагамъ, принадлежащимъ Обществу. Пріемка продолжалась 5—6 дней. Въ концѣ шестого дня Юханцевъ объявилъ о своемъ нездоровьѣ и просилъ пріостановить пріемку; свидѣтель доложилъ объ этомъ управляющему и тотъ согласился. Затѣмъ наступили праздники, послѣ которыхъ послали къ Юханцеву спросить, будетъ ли онъ присутствовать при пріемѣ кассы, онъ отвѣтилъ, что придетъ на другой день, но не пришелъ. Правленіе рѣшило продолжать пріемъ кассы безъ Юханцева, и тутъ въ третьемъ же конвертѣ оказался недочетъ консолей на 203.500 фунтовъ стерл. Объ этомъ свидѣтель тотчасъ доложилъ управляющему и получилъ отъ него приказаніе отправиться къ Юханцеву и спросить, гдѣ находятся эти бумаги. На его вопросъ Юханцевъ отвѣчалъ: передайте правленію, чтобы оно не безпокоилось, что онъ явится лично и объяснитъ, гдѣ находятся эти бумаги. Обо всемъ этомъ свидѣтель разсказалъ управляющему, который самъ отправился къ Юханцеву и, вернувшись, сказалъ, что бумагъ этихъ нѣтъ. Продолжая пріемку бумагъ, ревизующіе обнаружили еще недостачу 7-го голландскаго займа на 75.300 фунт. стерл., о чемъ также заявили Герстфельду. Тотъ опять ѣздилъ къ Юханцеву, который сознался, что и этой суммы нѣтъ, такъ какъ онъ съ этихъ билетовъ и началъ свою растрату.

Какъ обыкновенно производились ревизіи, свидѣтель Племянниковъ не знаетъ, потому что никогда на нихъ не присутствовалъ. Контокурентная книга для государственнаго банка составлялась такъ же, какъ и для другихъ, т.-е. получался ордеръ или справка изъ кассы о суммахъ, сданныхъ Юханцевымъ на текущій счетъ, или полученныхъ оттуда, и по этимъ свѣдѣніямъ составлялся журналъ, а потомъ вписывалось въ контокурентную книгу. Въ книгу, которая содержала въ себѣ запись выданныхъ чековъ, цифры брались тоже изъ справокъ и ордеровъ, поступающихъ отъ Юханцева, при чемъ ордера выдавались на тѣ суммы, которыя проходятъ черезъ кассовую книгу, а справки—на тѣ суммы, которыя прямо съ текущаго счета поступаютъ по назначенію, т.-е., не поступая въ кассовую книгу

выдаются на руки. Вѣрны справки или нѣтъ, это его, Племянникова, не касалось; подобныя справки на листочкахъ получались изъ 24-хъ отдѣльныхъ частей администраціи, имѣющихся въ Обществѣ, и всегда считались за обязательные для бухгалтеріи документы; отвѣтственность за правильность этихъ справокъ лежала исключительно на томъ, кто ихъ выдалъ. За отсутствіемъ управляющаго свидѣтель исполнялъ обыкновенно его должность.

На вопросъ повѣреннаго гражданскаго истца, какъ могло случиться, что въ то время какъ онъ, Племянниковъ, подписалъ за управляющаго три чека, у него же въ бухгалтеріи были внесены совершенно другія цифры, чѣмъ тѣ, на которыя выданы были чеки, свидѣтель объяснилъ, что это могло свободно случиться. Когда онъ принималъ на себя обязанности управляющаго, то свои дѣла передавалъ, по возможности, помощникамъ. Подписанный имъ за управляющаго чекъ или ордеръ проходилъ черезъ помощника и легко могло случиться, что оказывалось разногласіе съ чекомъ, который онъ, Племянниковъ, подписалъ утромъ. Свидѣтель можетъ съ увѣренностью сказать, что справки приносились Юханцевымъ ведущему журналъ для записи обыкновенно по окончаніи дня, а иногда и раньше. Что касается факта, указаннаго защитникомъ подсудимаго, что чекъ за № 41584 былъ выданъ 30 января 1874 года, а записанъ лишь 4 февр., то подобный фактъ могъ случиться, но свидѣтель думаетъ, что ордеръ могъ быть совсѣмъ уничтоженъ.

Чекъ можетъ попасть въ запись черезъ мѣсяцъ, можетъ и совершенно не попасть, но свидѣтель можетъ съ увѣренностью сказать, что всѣ справки обязательно записывались по окончаніи дня. Всѣ ордера и, по возможности, всѣ справки Юханцева хранятся въ архивѣ.

Послѣ этого показанія товарищъ прокурора предъявилъ суду документы, представленные Племянниковымъ, именно: большую пачку ордеровъ и четыре справки, писанныя Юханцевымъ на клочкахъ бумаги, по которымъ составлялась контокурентная книга, находящаяся въ числѣ цѣлой массы книгъ, лежащихъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Присяжный повѣренный г. Жуковскій просилъ предъявить ему всѣ документы, представленные товарищу прокурора, и дать время повѣрить ихъ по книгамъ.

Предсѣдатель спросилъ его, сколько на это понадобится ему времени.

Присяжный повѣренный Жуковскій сказалъ, что можетъ быть цѣлый день; все зависитъ отъ того, сколько всѣхъ справокъ.

Товарищъ прокурора отвѣтилъ, что всего четыре справки и больше никакихъ новыхъ документовъ представлено не будетъ, и замѣтилъ, что

онъ не понимаетъ, почему возникъ весь этотъ разговоръ, вѣдь это не содѣйствуетъ разъясненію дѣла. Вѣдь подсудимый не отрицаетъ. что давалъ ложныя свѣдѣнія, защита противъ этого не возражаетъ и свидѣтели подтверждаютъ. Что касается этихъ новыхъ документовъ, то они предстаставлены имъ для примѣра тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгалъ Юханцевъ.

Присяжный повѣренный Жуковскій на это сказалъ, что онъ все же настаиваетъ на своемъ заявленіи. Здѣсь представлена масса книгъ и ордеровъ, а этихъ листочковъ только четыре. Въ виду того, что онъ въ своей защитѣ будетъ проводить то положеніе, что порядокъ счетоводства, принятый въ Обществѣ, противенъ всякимъ правиламъ бухгалтеріи, то ему и нужно выяснить порядокъ храненія цѣнностей и документовъ, что осталось вовсе предварительнымъ слѣдствіемъ не провѣрено. На судѣ говорили, что эти клочки бумаги, по мнѣнію бухгалтеровъ, документы, хранятся такъ же какъ и ордера, то въ виду этого онъ и проситъ, чтобы всѣ эти документы были представлены, или же сдѣлать удостовѣреніе, что между этими клочками находятся и такіе, которые писаны карандашомъ и никѣмъ не подписаны.

Судъ послѣ категорическаго заявленія товарища прокурора, что онъ ограничиваетъ предъявленіе новыхъ доказательствъ двумя пачками ордеровъ и четырьмя памятными листками, постановилъ: принять представленныя товарищемъ прокурора доказательства, въ просьбѣ защиты объ отсрочкѣ засѣданія отказать и предъявленія другихъ новыхъ доказательствъ не допускать.

На вопросъ предсѣдателя, какимъ образомъ подсудимый могъ достигнуть, что сальдо всегда оказывалось правильнымъ, обвиняемый *Юханцевъ* замѣтилъ, что если бы правленіе потрудилось всегда считать, то ошибку сейчасъ нашло бы, такъ какъ онъ писалъ сальдо не соображаясь съ суммами.

Далѣе судъ поставилъ для разрѣшенія экспертамъ 7 вопросовъ, и по просьбѣ защитника, присяжнаго повѣреннаго Жуковскаго, восьмой вопросъ въ слѣдующей редакціи: «Вѣрно ли опредѣлена цифра гражданскаго иска?»

Потомъ допрашивался свидѣтеля *Федотовъ*, служившій артельщикомъ въ Обществѣ; обязанность его заключалась въ выдачѣ и пріемѣ денегъ. Утромъ онъ вмѣстѣ съ казначеемъ ходилъ въ кладовую, доставалъ картонку съ деньгами и производилъ выдачу и полученіе. Затѣмъ сдавалъ кассу казначею и картонку съ остатками суммъ относилъ обратно въ кладовую до слѣдующаго дня. Артельщиковъ въ обществѣ 6 человѣкъ и

они связаны круговой порукой, имъ приходится имѣть въ рукахъ милліоны. Въ кладовую имѣлъ право ходить только казначей, но случалось, что онъ посылалъ туда за чѣмъ-нибудь артельщика или конторщика. Кладовая была отперта цѣлый день; теперь она постоянно заперта и въ нее ходятъ только казначей съ управляющимъ или съ членомъ правленія.

Свидѣтель *Мергольфъ* (состоялъ конторщикомъ, велъ кассовую книгу и мелкую переписку). Кассовую книгу онъ велъ по ордерамъ, которые были за подписью управляющаго и бухгалтера. Когда была одна подпись бухгалтера, то свидѣтель на другой день подавалъ такой ордеръ для подписи управляющему; случалось, что скоплялось нѣсколько такихъ ордеровъ.

Изъ второй группы свидѣтелей, характеризующихъ семейную жизнь подсудимаго Юханцева, свидѣтель *Гольмъ* показалъ, что ему извѣстны отношенія Юханцева къ женѣ до развода съ ней. Подсудимый часто жаловался, что несчастливъ, потому что жена къ нему хладнокровна. Юханцевъ, приходившійся зятемъ старику гофъ-маклеру Фелейзену, одно время жилъ у него; пользовался ли онъ тогда квартирой и содержаніемъ безплатно, свидѣтель не знаетъ.

Жена Юханцева очень любила комфортъ и была вообще избалована—оттого должно быть, что была единственной и сильно любимой дочерью Фелейзена, весьма состоятельнаго человѣка, и родители исполняли всѣ прихоти своей любимицы.

Юханцевъ на биржу ѣздилъ рѣдко, онъ служилъ въ то время у тестя секретаремъ; познакомился же съ нимъ свидѣтель еще раньше, когда Юханцевъ служилъ въ преображенскомъ полку.

Развелся онъ съ своей женой потому, что (пауза), по его словамъ, мужемъ ея онъ никогда и не былъ. Женился онъ въ 1865 году, а развелся въ 1876 году и въ теченіе всѣхъ 11 лѣтъ мужемъ ея, какъ онъ говорилъ, вовсе и не былъ. Послѣ развода Юханцевъ переѣхалъ на особую квартиру, много тратилъ денегъ, кутилъ; появились на сцену разныя француженки, на которыхъ онъ очень много потратилъ денегъ, и разъ свидѣтель, по его просьбѣ, даже передавалъ деньги одной француженкѣ, чтобы унять ея претензіи. Потомъ Юханцевъ познакомился съ одной цыганкой, на которую тоже дѣлалъ порядочныя траты.

Свидѣтельница *Шишкина* показала, что она жила въ квартирѣ у Юханцева, онъ держалъ шесть лошадей, но каковы вообще были его расходы, она не знаетъ; на биржѣ и въ азартныя игры онъ не игралъ. Юханцевъ съ нею познакомился 2 года и 3 мѣсяца тому назадъ въ окрестностяхъ Петербурга, куда онъ пріѣзжалъ въ компаніи; бывалъ ли когда-нибудь съ нимъ Константинъ Фелейзенъ, навѣрное сказать не можетъ.

Юханцевъ познакомился съ свидѣтельницей въ «Ташкентѣ», часто туда ѣздилъ, устраивалъ большіе парадные обѣды. Когда свидѣтельница жила уже съ нимъ, они ѣздили пикниками въ «Ташкентъ» и «Самаркандъ»; пикники бывали и парадные раза два съ полковою музыкою.

Послѣ показанія Шишкиной прочитанъ счетъ изъ англійскаго магазина «Никельсъ и Плинке», согласно которому Юханцевъ въ 1875—7 гг. забралъ въ кредитъ (потомъ уплатилъ) въ этомъ магазинѣ разныхъ матерій и брильянтовыхъ вещей на двадцать тысячъ рублей, при чемъ въ этотъ счетъ не вошли вещи, купленныя на наличныя деньги.

Свидѣтель *Константинъ Фелейзенъ* (двоюродный братъ жены Юханцева) показалъ, что жена Юханцева не была собственно расточительна, но любила комфортъ, имѣла дачу въ Петергофѣ, но кто ее купилъ, не знаетъ; въ квартирѣ Юханцева ему приходилось замѣчать не мало дорогихъ и старинныхъ вещей. Причина развода Юханцева ему неизвѣстна. Послѣ развода Юханцевъ сильно кутилъ, свидѣтель бывалъ съ нимъ въ «Ташкентѣ» и «Самаркандѣ», помнитъ также пикникъ, на которомъ игралъ хоръ военной музыки, бывали у Юханцева и парадные обѣды.

Подсудимый *Юханцевъ* замѣтилъ, что свидѣтель Константинъ Фелейзенъ не можетъ знать подробностей его жизни съ женой, такъ какъ онъ сталъ ходить къ нему въ гости лишь послѣ развода, ранѣе же почти не посѣщалъ ихъ, потому что жена подсудимаго такъ странно себя держала, что отталкивала отъ себя многихъ.

Свидѣтель *Николай Фелейзенъ* объяснилъ, что Юханцевъ первое время жилъ съ женой у тестя и когда былъ безъ мѣста, то на его счетъ. Что касается причины развода, то семейное несогласіе началось съ того, что до жены подсудимаго дошли слухи о разгульной его жизни въ Петербургѣ въ то время, когда она была за границей. Относительно постройки дачи свидѣтель показалъ, что Юханцевъ сперва нанималъ эту дачу, возобновилъ ее, а потомъ купилъ, находя, что это будетъ выгоднѣе. Женихомъ сестры свидѣтеля Юханцевъ былъ около 5 лѣтъ, потому что не имѣлъ въ то время мѣста. Онъ думаетъ, что сестра питала къ Юханцеву большую склонность; онъ былъ съ подсудимымъ на «ты», и тотъ въ минуты откровенности, дѣйствительно, жаловался ему, что сестра не признаетъ его совершенно за мужа и что онъ никогда и не былъ ея мужемъ. Дѣтей у сестры свидѣтеля не было.

Подсудимый *Юханцевъ* замѣтилъ, что разладъ у него съ женой произошелъ изъ-за того, что за ней сталъ ухаживать одинъ господинъ; онъ просилъ жену постараться прекратить его ухаживанья, а она въ отвѣтъ на это потребовала развода.

Свидѣтель *Гофманъ* показалъ, что онъ меблировалъ дачу Юханцева, это стоило около 3000 руб. На меблировку квартиры на Галерной вышло отъ 7 до 8 тысячъ рублей, а на меблировку квартиры на Театральной площади понадобилось отъ 23 до 25 тысячъ руб. М-me Юханцева, насколько могъ замѣтить свидѣтель, была женщина капризная.

Послѣ показанія этого свидѣтеля защита представила суду два письма подсудимаго къ его брату, который и прислалъ ихъ г. Жуковскому при своемъ письмѣ, выражая надежду, что эти документы могутъ послужить для пользы защиты. Въ этихъ письмахъ есть двѣ стороны: одна трактуетъ о матеріальныхъ тратахъ подсудимаго, а другая касается его тѣлесныхъ недуговъ. Въ виду тѣхъ выраженій, которыя встрѣчаются въ этой послѣдней части писемъ, товарищъ прокурора просилъ прочесть ихъ при закрытыхъ дверяхъ, но судъ, выслушавъ заявленія сторонъ, нашелъ, что содержаніе писемъ не представляется такимъ, которое можетъ вредно вліять на общественную нравственность, а потому и постановилъ прочесть ихъ при открытыхъ дверяхъ. При этомъ г. предсѣдатель заявилъ, что такъ какъ нѣкоторыя выраженія въ письмахъ могутъ показаться дамамъ, находящимся въ публикѣ, все-таки неловкими, то пусть это имѣется въ виду и желающія могутъ оставить залъ засѣданія.

Затѣмъ письма эти были прочтены; сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ одномъ письмѣ къ брату Юханцевъ дѣлалъ ему выговоръ за его письмо, которое ужасно оскорбило Лоло (такъ подсудимый называлъ жену). Въ конвертъ съ этимъ письмомъ была вложена записочка, въ которой Юханцевъ пишетъ, что настоящее письмо есть вздоръ и что оно написано по просьбѣ жены, чтобы только ее немного утѣшить, такъ какъ «секретное письмо твое ко мнѣ попало къ Лоло и она его прочитала». Далѣе подсудимый «ради Бога» проситъ брата написать Лоло «милое письмо, если можешь, съ извиненіемъ. Секретную переписку придется бросить». Потомъ письмо, на которое Юханцевъ получилъ отъ брата отвѣтъ, оскорбившій Лоло и за который подсудимый дѣлалъ, какъ видно выше, выговоръ, озаглавлено такъ: «Секретное, только для тебя». Въ этомъ письмѣ Юханцевъ говоритъ: «Экипажей и лошадей завести не могу, я совсѣмъ боленъ и разстроенъ, потому что кромѣ непріятностей ничего не слышу. Я такой капризной дамы, какъ жена, не встрѣчалъ нигдѣ. По пріѣздѣ въ Кіевъ я, кромѣ «дурака», ничего не слышалъ отъ нея, несмотря на то, что тратилъ деньги и тратилъ много. Поведеніе Екатерины Карловны (теща подсудимаго) отразилось на моей женѣ, которая на все обижается, такъ напр., если я вмѣсто того, чтобы сказать «наша ком-

ната», скажу «моя комната», Лоло начинаетъ дуться. Я мужъ только по названію и пишу тебѣ объ этомъ совершенно откровенно. Поведеніе мое по отношенію къ Лоло самое деликатное, чего она не понимаетъ, полагая, что я долженъ исполнять всѣ ея капризы. Не думай, что я несчастливъ, я люблю Лоло всей душой, но причина всему заключается въ Екатеринѣ Карловнѣ. Я пишу тебѣ, чтобъ отвести душу. Я боюсь серьезно заболѣть—до такой степени сильно моральное состояніе, до такой степени невыносимо положеніе по отношенію къ женѣ, которую очень любишь. Несмотря на то, что квартира стоитъ 1.000 рублей, для меня нѣтъ особаго даже угла, такъ какъ Екатерина Карловна позаботилась, чтобъ было больше комнатъ для нарядобѣсія. Все, что у меня есть, такъ это—пространство между шкапомъ, гдѣ я сижу и дожидаюсь, когда Лоло раздѣвается».

По прочтеніи писемъ, такъ какъ свидѣтели всѣ уже были допрошены, стороны просили о прочтеніи и предъявленіи различныхъ документовъ и вещественныхъ доказательствъ.

Затѣмъ въ залу засѣданія были приглашены эксперты, которые заявили, что пришли къ единогласному заключенію.

На предложенные судомъ вопросы были даны слѣдующіе отвѣты:

Первый вопросъ: Правильно ли былъ веденъ Юханцевымъ текущій счетъ съ государственнымъ банкомъ?

Отвѣтъ: Текущій счетъ съ государственнымъ банкомъ веденъ Юханцевымъ неправильно, такъ какъ суммы, снятыя съ текущаго счета и внесенныя въ него, не согласны съ книгами государственнаго банка съ одной стороны и съ книгой контокурентовъ Общества съ другой.

Второй вопросъ: Если былъ веденъ неправильно, то какіе виды неправильности были допущены?

Отвѣтъ: Виды неправильности были какъ по вносу денегъ на текущій счетъ, такъ равно и по выемкѣ изъ государственнаго банка по чекамъ. Суммы, выписанныя въ расходъ Общества, вносились только частью; то же самое видно и при выемкѣ по чекамъ. Вообще былъ переборъ по чекамъ, невносъ полной суммы и недовносъ части.

Третій вопросъ: Чѣмъ была погашена растрата, совершонная по текущему счету государственнаго банка?

Отвѣтъ: Изъ суммъ, полученныхъ Юханцевымъ изъ государственнаго банка подъ залогъ процентныхъ бумагъ, взятыхъ изъ кассы Общества.

Четвертый вопросъ: Была ли въ операціяхъ Юханцева извѣстная система?

Отвѣтъ: Система расхищенія была и состояла въ томъ, что съ 28 апрѣля 1873 года во время полученія денегъ съ текущаго счета изъ го-

сударственнаго банка и при вносѣ на этотъ счетъ утаивались различныя суммы и потомъ растрата погашалась суммою, полученною изъ государственнаго банка подъ залогъ похищенныхъ изъ Общества процентныхъ бумагъ.

Пятый вопросъ: Чѣмъ обусловлена причина поздняго раскрытія растраты?

Отвѣтъ: Позднее открытіе растраты обусловлено вполнѣ небрежнымъ отношеніемъ правленія какъ къ самой системѣ веденія дѣлъ, такъ и къ ежемѣсячнымъ ревизіямъ, которыя настолько не имѣли серьезнаго значенія, что, напр., къ 1 января 1875 года, т.-е. ко дню годового отчета, разница простиралась уже до 394 тысячъ рублей, и такая значительная сумма при провѣркѣ отчета за 1874 годъ осталась не замѣченною.

Шестой вопросъ: Если позднее открытіе растраты обусловлено неправильнымъ счетоводствомъ, то въ чемъ состояли эти неправильности?

Относительно первой неправильности мнѣнія экспертовъ раздѣлились:

Езерскій находилъ, что бухгалтерскія книги велись недокументально, такъ какъ памятныя записки Юханцева, писанныя не на бланкахъ Общества, безъ полной подписи, безъ штемпеля кассы, не могутъ быть названы документами.

Митаревскій находилъ, что записки Юханцева могли служить документами.

Вторая неправильность, что статьи бухгалтерскихъ книгъ не сличались съ подлинными документами, т.-е. съ чеками и расчетными книжками государственнаго банка.

Третья неправильность: расчетная съ государственнымъ банкомъ книжка велась не въ бухгалтеріи, а Юханцевымъ. Это та самая книжка, которая пропала.

Четвертая неправильность, что копій съ текущаго счета отъ государственнаго банка не требовалось; пятая, что на корешкахъ чековъ нѣтъ подписей, а шестая: статьи въ бухгалтерскія книги вносились безъ подписи управляющаго.

Вообще, при правильномъ веденіи счетоводства и при основательной ревизіи растрата могла быть обнаружена въ маѣ 1873 года и ограничилась бы только 9.000 рублей.

Седьмой вопросъ: Какъ велики были личныя средства, пріобрѣтенныя Юханцевымъ посредствомъ растраты?

Отвѣтъ: За вычетомъ процентовъ по ссудамъ въ государственномъ банкѣ, процентовъ по купонамъ, которые должны были быть вносимы въ теченіе 5 лѣтъ въ кассу Общества, за вычетомъ комиссіи, куртажа,—сло-

вомъ, за всѣми расходами, Юханцеву очистилось приблизительно около милліона рублей.

Восьмой вопросъ: Вѣрно ли опредѣлена цифра гражданскаго иска?

Отвѣтъ: Такъ какъ всего счетоводства Общества экспертамъ не было предъявлено, то точную цифру растраты опредѣлить нельзя, но, по предъявленнымъ документамъ, цифру 288.800 фунт. стерлинговъ *можно* считать вѣрною.

Затѣмъ судомъ былъ передопрошенъ свидѣтель *Герстфельдъ*, который показалъ, что когда жена подсудимаго была за границей и при смерти больна, Юханцевъ просилъ отпускъ (это было лѣтомъ 1874 года), а такъ какъ на сдачу кассы потребовалось бы нѣсколько дней, а время, по словамъ подсудимаго, не терпѣло, то онъ и просилъ не сдавать кассы. На это предложеніе нынѣшній кассиръ Мерцъ согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по возвращеніи Юханцева, сдать кассу тоже безъ повѣрки, на что Юханцевъ въ свою очередь съ радостью согласился.

Въ заключеніе судебнаго слѣдствія былъ прочитанъ формулярный списокъ. Затѣмъ судъ перешелъ къ преніямъ.

Первымъ говорилъ представитель обвиненія, товарищъ прокурора князь Урусовъ:

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Поздній часъ и упорный, напряженный трудъ двухъ дней успѣли одинаково утомить какъ васъ, такъ и меня. Но въ виду важности интересовъ правосудія, защиту которыхъ законъ возлагаетъ на обвинительную власть, въ виду трудностей дѣла и громадныхъ общественныхъ интересовъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ, я долженъ просить васъ сдѣлать еще одно усиліе и снисходительнымъ вниманіемъ вашимъ облегчить предстоящую мнѣ трудную задачу. Гг. присяжные засѣдатели! Кому изъ васъ, прочитывая газеты, не приходилось безпрестанно наталкиваться на извѣстія о расхищеніяхъ банковъ и общественныхъ капиталовъ? Въ послѣднее время—это ни для кого не тайна—отъ такихъ извѣстій просто въ глазахъ рябитъ. Расхищаются сотенныя волостныя кассы, сколоченныя изъ трудовыхъ мужицкихъ грошей. Расхищаются городскіе и земскіе банки. Расхищаются милліоны столичныхъ кредитныхъ учрежденій! Эти банковыя растраты и расхищенія принимаютъ угрожающіе размѣры. Зло идетъ волною, растетъ и распространяется подобно

заразѣ, вызываетъ подражанія, вырабатываетъ традицію пріемовъ, обусловливается соблазномъ легкой наживы, сравнительною ничтожностью риска и встрѣчаетъ, нужно съ прискорбіемъ признаться, удобную почву — въ общественной апатіи!.. Между тѣмъ это зло производитъ удручающее впечатлѣніе. Припомните сами: давно ли разнеслось извѣстіе о громадномъ расхищеніи въ кіевскомъ банкѣ, произведенномъ кассиромъ Сіони, какъ вдругъ грянуло другое подобное извѣстіе, поразившее всѣхъ, о томъ, что въ Петербургѣ совершилась еще болѣе громадная растрата Юханцева, растрата свыше двухъ милліоновъ, растрата небывалыхъ размѣровъ! Впечатлѣніе это еще не успѣло изгладиться и до настоящаго времени, а мы уже знаемъ, что почти въ то же время въ петербургскомъ Обществѣ взаимнаго кредита произошло нѣчто подобное. Я говорю *нѣчто* потому, что дѣло это не предстало на судъ, но не далеко то время, когда присяжнымъ засѣдателямъ придется разбирать новое дѣло, еще болѣе громадное, быть можетъ, чѣмъ настоящее. Прошло еще нѣсколько времени и оказалось, что и въ Одессѣ имѣется свой Юханцевъ, который тамъ называется Гейнсомъ. Итакъ, я говорю, что это зло представляетъ собою не единичный случай, а носитъ характеръ нравственной чумы. Такое положеніе, гг. присяжные засѣдатели, немыслимо. Для всякаго человѣка, который любитъ свою родину, желаетъ ей блага, развитія, преуспѣянія, невозможно относиться равнодушно къ такому злу, какъ расхищеніе общественныхъ капиталовъ. Необходимо положить предѣлъ этимъ плутократическимъ преступленіямъ, потому что они разоряютъ тысячи людей, окончательно расшатываютъ кредитъ страны въ то время, когда она болѣе всего въ немъ нуждается, и вредятъ, наконецъ, доброму имени самого народа. А процессъ этотъ печатается не у насъ однихъ, его прочтутъ и за границей. Мнѣ скажутъ, что подобнаго рода преступленія бываютъ и за границей. Это правда. Такъ, напримѣръ, недавно мы читали о скандалезныхъ растратахъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; въ Бельгіи кассиръ брюссельскаго банка Т. Кинтъ расхитилъ 20 милліоновъ франковъ; въ Шотландіи въ глазговскомъ City Bank обнаружились гро-

мадныя злоупотребленія, а также и въ парижскомъ обществѣ поземельнаго кредита. Все это такъ, и въ этомъ фактѣ мы можемъ, если угодно, искать себѣ утѣшеніе. Но утѣшеніе это плохое, да и въ другомъ отношеніи между тѣми фактами и нашими есть большая разница. Тамъ эти преступленія представляются случаями остраго, а не хроническаго заболѣванія,—случаями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; тамъ обращено на нихъ всеобщее вниманіе, тамъ общество энергически реагируетъ противъ этихъ преступленій, не даетъ имъ укрѣпиться, оно вырываетъ съ корнемъ эти ядовитые ростки. А у насъ? Мы вообще народъ добродушный, зато счетчики мы незавидные; добродушіе наше располагаетъ насъ нерѣдко къ совершенно неумѣстной снисходительности, въ которой иногда больше равнодушія, чѣмъ доброты. Такое снисхожденіе приводитъ къ печальнымъ результатамъ. Запущенное зло переходитъ въ кровь. Тогда мы приходимъ въ отчаяніе, убѣждаемся, но поздно, что сами виноваты въ распространеніи соблазна и примѣровъ, и плачемся, когда плачутъ наши денежки. А соблазнъ великъ! Припомните, гг. присяжные засѣдатели, что рискъ, которому подвергается подсудимый, сравнительно очень незначителенъ. Если, напримѣръ, онъ принадлежитъ, какъ Юханцевъ, къ привилегированному сословію, такъ ему почти все равно расхитить триста одинъ рубль или триста одинъ милліонъ рублей, стоитъ только побороть стыдъ, совѣсть—и успѣхъ обезпеченъ. А между тѣмъ чутко стоятъ на стражѣ инстинкты преступной наживы, стоятъ и прислушиваются: какъ-то петербургскіе присяжные рѣшатъ дѣло Юханцева? Много, гг. присяжные засѣдатели, въ Россіи банковъ и несгораемыхъ кассъ, гдѣ за мудреными замками, за дверьми двойными, желѣзными тихо дремлютъ милліоны. И при каждой кассѣ есть по одному кассиру, а то и больше. Безопасны эти кассы и отъ огня и отъ наводненія, но кассиръ сильнѣе стихійныхъ силъ природы.

Гг. присяжные засѣдатели! Прежде чѣмъ перейти къ обвиненію, я считаю необходимымъ установить *предѣлы* и *программу* обвиненія. Я долженъ ограничиться, по обязанности прокурора, уголовною стороною дѣянія, а потому обсу-

жденіе финансовой политики Общества взаимнаго поземельнаго кредита лежитъ внѣ предѣловъ обвиненія. Сосредоточиваясь на изученіи уголовнаго характера дѣянія, я не хочу, однако, ограничиться чисто внѣшнимъ, формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Я не считаю возможнымъ сваливать съ плечъ долой задачу обвиненія, говоря, что такъ какъ подсудимый-де сознался, поличное найдено, слѣдовательно и дѣлу конецъ. Нѣтъ, въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, относиться такъ къ совершонному преступленію было бы непозволительно; нужно, чтобы внимательное изслѣдованіе каждаго отдѣльнаго случая принесло пользу на будущее время, нужно разъяснить обществу условія, среди которыхъ возникаютъ такія преступленія. Вотъ почему девизомъ двухдневныхъ стараній обвинительной власти было: «свѣта больше, свѣта!» Намъ слѣдуетъ изучить *среду* и сложившійся въ ней *типъ*, *фактъ* преступленія, его квалификацію и его послѣдствія. Вамъ, обществу и суду предстоитъ сдѣлать изъ всего этого выводъ. Но, съ другой стороны, я не могу, какъ уже сказалъ, расширять до безконечности предѣлы обвиненія. Въ настоящемъ дѣлѣ есть весьма серьезные вопросы, касающіеся финансовой политики Общества взаимнаго поземельнаго кредита, его организаціи, образа дѣйствій при реализаціи закладныхъ листовъ, его отношенія къ спекуляціи, къ заемщикамъ и проч. При обсужденіи этихъ вопросовъ обвиненію пришлось бы стать на точку зрѣнія одной изъ партій, существующихъ въ сказанномъ Обществѣ, но обвиненіе не можетъ становиться въ такое положеніе. Такіе вопросы увлекли бы насъ очень далеко, а мы никуда изъ залы суда удаляться не можемъ. Наконецъ, критика экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ требуетъ основательныхъ спеціальныхъ познаній и практическаго знакомства съ техникою столь сложныхъ отправленій. Слѣдовательно, такіе вопросы лежатъ внѣ компетенціи прокурора и при обсужденіи ихъ онъ не можетъ имѣть достаточнаго авторитета. Обвинительная власть, представителемъ которой я являюсь передъ вами, не можетъ допустить, чтобъ центръ тяжести дѣла передвигался за предѣлы факта. Задачи уголовнаго правосудія суть задачи ограниченныя и, какъ таковыя, должны быть прежде

всего разрѣшены. Между тѣмъ, затрудненія въ дѣлѣ и безъ того весьма значительны. Вспомните, что все дѣло заключается въ цифрахъ, которыя имѣютъ то непріятное свойство, что рябятъ въ глазахъ и утомляютъ мозгъ; съ другой стороны, цѣлый рядъ преступленій совершонъ на почвѣ бухгалтеріи, въ глубинѣ ея дебрей. Вы знаете, что бухгалтерія есть искусство вести книги, что искусство это выработало не мало техническихъ пріемовъ и терминовъ. Все это до такой степени затемняетъ дѣло, что для лица, не посвященнаго въ эти премудрости, представляется весьма труднымъ разобраться въ нихъ. Въ мірѣ денежномъ, въ царствѣ плутократіи, происходятъ свои элевзинскія таинства, недоступныя даже для оглашенныхъ, и жрецы неохотно разверзаютъ двери святилища передъ профанами. Итакъ, многое въ настоящемъ дѣлѣ не ясно, но, гг. присяжные засѣдатели, было бы несправедливо эту неясность ставить въ укоръ обвиненію. Затемнять дѣло не въ его интересахъ и не въ интересахъ гражданскаго истца. Сколько бы, однако, ни было напущено тумана, но силуэтъ виновнаго обрисовывается совершенно ясно передъ вами. Установивъ центръ и предѣлы обвиненія, я изложу передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, свою программу: я думаю, что когда мы разсматриваемъ сложный и крупный общественный фактъ, то намъ слѣдуетъ прежде всего остановиться на вопросѣ о *моментѣ*, когда совершился фактъ—этого вопроса я коснулся въ моемъ вступленіи—о *средѣ*, гдѣ онъ совершился, и о *типѣ* человѣка, который совершилъ извѣстное преступленіе. Необходимо разобрать, что это за среда и какія условія ея отпечатлѣлись на данномъ лицѣ, сформировали извѣстный типъ. Съ одной стороны—среда, а съ другой стороны—типъ приведутъ насъ къ разсмотрѣнію *факта*, къ тому явленію, которое есть продуктъ момента, среды и типа. Когда посредствомъ этихъ трехъ данныхъ опредѣлено будетъ значеніе преступнаго факта и его мотивовъ, то задача наша будетъ исчерпана. Такой порядокъ я считаю строго-систематическимъ, а потому думаю, что онъ облегчаетъ правильную и всестороннюю оцѣнку вопроса о виновности подсудимаго.

Итакъ, не теряя времени, обратимся къ вопросу, въ ка-

кой средѣ совершено это преступленіе. Какая это среда? Эта среда есть Общество взаимнаго поземельнаго кредита. Посмотримъ, что это за Общество, какая его исторія? Вы знаете, что то время, которое мы переживаемъ, есть по преимуществу эпоха кредита. Если въ отдаленномъ прошломъ или при условіяхъ, въ которыхъ понынѣ находятся дикіе, экономическія потребности удовлетворяются посредствомъ простого обмѣна цѣнностей и продуктовъ, если потомъ этотъ обмѣнъ создаетъ денежные знаки и торговлю на наличность, то при настоящемъ развитіи производства, при расширеніи нашихъ потребностей и быстротѣ оборотовъ мы не можемъ жить безъ кредита. Ни торговля, ни земледѣліе, ни промышленность невозможны безъ кредита. Кредитъ, если и не создаетъ капиталы, то во всякомъ случаѣ способствуетъ ихъ обращенію. Кредитъ есть довѣріе честности и способности того лица, которое имъ пользуется. Вопросъ о поземельномъ кредитѣ есть вопросъ о судьбѣ нашего земледѣлія, то-есть, въ буквальномъ смыслѣ, вопросъ о насущномъ хлѣбѣ,—о хлѣбѣ, который мы ѣдимъ и которымъ торгуемъ. Россія—страна земледѣльческая. Въ 1877 году весь нашъ вывозъ простирался на 527 $^{9}/_{10}$ милліона рублей и въ томъ числѣ хлѣба вывезено на 264 $^{1}/_{10}$ милліона рублей. Для васъ, гг. присяжные засѣдатели, большинство которыхъ принадлежитъ къ почтенному торговому сословію, совершенно понятно, какой жизненный вопросъ заключается въ производствѣ хлѣба. Если мы до 1878 года могли удержать на европейскомъ рынкѣ первенствующее мѣсто, то потому только, что наша земледѣльческая промышленность пользуется кредитомъ. Я долженъ сказать, что до 1859 года поземельный кредитъ сосредоточенъ былъ въ рукахъ государства. 16-го апрѣля 1859 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ была пріостановлена выдача ссудъ изъ государственнаго заемнаго банка, опекунскихъ совѣтовъ, ссудныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія. Такимъ образомъ пресѣкся источникъ кредита. Причина такого правительственнаго распоряженія заключалась въ томъ, что всѣ государственныя поземельно-кредитныя учрежденія приспособлены были къ условіямъ крѣпостного права и выдавали ссуду, сообра-

жаясь не съ количествомъ земли, а съ числомъ ревизскихъ *душъ*. Приблизилось то великое событіе, которымъ начинается новая исторія Россіи,—освобожденіе крестьянъ. Новый порядокъ вещей требовалъ и новыхъ условій кредита, который предоставленъ былъ всецѣло частнымъ общественнымъ учрежденіямъ. Еще 10-го іюня 1859 года была учреждена особая при министерствѣ финансовъ комисія для разработки вопроса о земскихъ банкахъ. Въ трудахъ комисіи выражено, что „поземельный кредитъ въ Россіи есть общій источникъ благосостоянія народа, что правильная организація поземельнаго кредита въ странѣ ведетъ къ тому, что трудъ, бережливость и честность понимаются лучшими и единственными средствами для достиженія богатства" и проч. Между тѣмъ, какъ такія широковѣщательныя программы вырабатывались на бумагѣ, господствовавшая въ обществѣ неумѣлость препятствовала возникновенію поземельно-кредитныхъ учрежденій. Довѣрія къ этой формѣ кредита не было. И вотъ въ томительный періодъ отъ 1861 до 1866 года начинаютъ раздаваться жалобы землевладѣнія, находя себѣ выраженіе въ адресахъ дворянства на Высочайшее имя. Потомъ, 1-го іюня 1866 года, былъ Высочайше утвержденъ уставъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Въ слѣдующемъ году государство нашло возможнымъ оказать этому Обществу пособіе и выдало ему пять милліоновъ вспомогательнаго капитала, половина котораго въ настоящее время расхищена Юханцевымъ. Потомъ Общество въ 1867 году 15-го декабря заключило съ иностранными домами брат. Ротшильдъ въ Парижѣ и М. А. Ротшильдъ сынъ во Франкфуртѣ на Майнѣ договоръ о реализаціи закладныхъ листовъ на заграничныхъ биржахъ, вслѣдствіе чего русское землевладѣніе получило въ 12 лѣтъ до 130 милліоновъ. Можетъ быть контрактъ этотъ былъ не выгоденъ, можетъ слѣдовало поступить иначе—выторговать болѣе выгодны условія, не вступать на путь ажіотажа и т. д., но, какъ бы ни было, мы видимъ, что по истеченіи 12-ти лѣтъ Общество взаимнаго поземельнаго кредита представляется громаднымъ учрежденіемъ, обладающимъ живучестью и довѣріемъ, оно выдало ссуды почти подо всю черноземную полосу Россіи и одно, по размѣру своихъ

оборотовъ, сравнялось со всѣми остальными поземельными банками Россіи, взятыми вмѣстѣ. Общество выдало по 1-е января 1877 года 115 милліоновъ ссуды и приняло въ залогъ 6.982.000 десятинъ земли; закладные листы Общества обращаются на заграничныхъ биржахъ, котируются въ Берлинѣ и на голландскихъ биржахъ. Такимъ образомъ это Общество, казалось, вступило на твердую почву. Громадный кредитный аппаратъ, создающій и распредѣляющій производства величайшей въ мірѣ земледѣльческой страны,— это казовый конецъ дѣла. Но если подойти къ нему съ другой стороны и заглянуть въ его внутренніе порядки, внутрь машины, тогда картина нѣсколько измѣняется. Послѣ всего того, что прошло передъ нами, нельзя не сказать, что во внутреннемъ строѣ Общества, въ личномъ составѣ его администраціи замѣтны слѣды неумѣлости и отсутствіе контроля, взамѣнъ котораго царствуетъ духъ довѣрія. Въ составѣ правленія, повидимому, преобладаетъ декоративный элементъ, а спеціалистовъ замѣняютъ люди съ положеніемъ. Ревизіи пріобрѣтаютъ характеръ утомительныхъ и излишнихъ формальностей, а недовѣріе и провѣрки представляются чуть ли не оскорбительными. Но въ дѣлахъ общественныхъ необходима извѣстная доза здороваго скептицизма, а въ дѣлахъ денежныхъ и подавно. Все это, при нашей общерусской общественной неумѣлости, дало себя почувствовать и въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, но, какъ всегда бываетъ, слишкомъ поздно! На почвѣ безпредѣльнаго довѣрія разрослась небрежность, которая не только не была въ состояніи предупредить расхищеніе, но оказалась безсильной обнаружить его ранѣе пяти лѣтъ. Пока довѣрчивое правленіе блуждало въ дебряхъ бухгалтеріи и исповѣдывало культъ „порядочнаго человѣка", нашелся одинъ такой человѣкъ, который впотьмахъ видѣлъ отлично, быстро вникъ въ суть дѣла и понялъ, что его часъ скоро не настанетъ. Скромный, съ кроткимъ видомъ, уклончивый и двуличный, онъ представлялъ собою рѣдкій экземпляръ современнаго хищника. Это былъ Юханцевъ.

Покончивъ со средою, переходимъ теперь къ разбору *типа*. Что такое Юханцевъ? Эту часть рѣчи я, гг. присяжные засѣдатели, желалъ бы изложить весьма кратко. Изъ ува-

женія къ человѣческой личности, я не думаю, чтобы можно было распластать подсудимаго на столѣ вещественныхъ доказательствъ и, роясь въ его прошломъ, извлекать изъ его внутренностей гадательныя причины его позднѣйшихъ поступковъ. Говоря откровенно, я желалъ бы избѣжать вопроса о томъ, что за человѣкъ, что за лицо Юханцевъ, но, съ другой стороны, когда самъ подсудимый вноситъ свой характеръ на обсужденіе, когда онъ требуетъ, чтобы его качества были предметомъ судебнаго слѣдствія, тогда дѣло другое. Тогда мы должны спокойно взвѣсить всѣ его объясненія, чтобы сказать, что вотъ это—правда, а это—неправдоподобно и отзывается фальшью. Вы знаете общественное положеніе Юханцева. Отставной прапорщикъ гвардіи съ образованіемъ въ размѣрѣ неоконченнаго гимназическаго курса, Юханцевъ является человѣкомъ малообразованнымъ, но въ свѣтскомъ смыслѣ благовоспитаннымъ съ приличными манерами, но, по собственному объясненію, „безъ средствъ". Послѣ долгаго ухаживанія, Юханцевъ, въ 1864 году, женится на дочери гофъ-маклера Фелейзена, входитъ такимъ образомъ въ одно изъ богатѣйшихъ семействъ петербургской финансовой аристократіи. Юханцевъ пріобрѣтаетъ званіе „зятя Фелейзена", что создаетъ ему не только прочное положеніе въ денежномъ мірѣ, но и право на безусловное довѣріе. Юханцевъ женится по взаимной склонности, но вслѣдъ затѣмъ оказывается рядъ чрезвычайно странныхъ явленій. Юханцевъ, судя по его письмамъ, которыя доставлены имъ на судъ, попадаетъ въ положеніе крайне унизительное. Жена его не только не любитъ его, а, повидимому, питаетъ къ нему какое-то непреодолимое отвращеніе. „Я до сихъ поръ мужъ только по названію", объясняетъ онъ въ своемъ письмѣ къ брату. Теща его обращается съ нимъ презрительно. Ему „суютъ дурака", онъ не имѣетъ своего угла и живетъ за шкапомъ. Чего же онъ ждетъ? „Лучшаго будущаго". Сколько же времени онъ ждетъ? 12 лѣтъ! Здѣсь онъ объяснилъ, что никогда не былъ мужемъ своей жены, а между тѣмъ не соглашался на разводъ. Когда же состоялся разводъ? Въ 1876 году, послѣ смерти Фелейзена, т.-е. тогда, когда Юханцевъ

уже въ немъ болѣе не нуждался. Гг. присяжные засѣдатели! Когда я говорилъ объ уваженіи къ личности и о гуманномъ отношеніи къ ней, я никакъ не могъ представить себѣ, чтобы личность женщины, совершенно ни въ чемъ неповинной, не имѣющей никакого отношенія къ дѣлу и виновной только тѣмъ, что имѣла несчастіе носить имя Юханцева, чтобы ея имя, ея личность сдѣлалась со стороны подсудимаго предметомъ такой грубой эксплуатаціи! Къ ея расточительности, къ ея холодности счелъ онъ необходимымъ пріурочить исторію своихъ расхищеній. Но этого мало. Передъ нами здѣсь были раскрыты настежь двери супружеской спальни и обнаружены тайны брачнаго ложа! Юханцевъ, который представляется человѣкомъ, воспитаннымъ въ средѣ, гдѣ чувство личнаго достоинства составляетъ иногда единственный предметъ воспитанія, не находитъ ничего лучшаго для своей защиты, какъ просить о прочтеніи цѣликомъ, безъ пропусковъ, такихъ писемъ, которыя по своимъ подробностямъ представляются невозможными въ печати. Письма эти представляются „секретною перепискою“ и въ одномъ изъ нихъ говорится: „ты оскорбилъ мою жену“, а въ запискѣ, приложенной къ письму, сказано: „не вѣрь моему письму, все это вздоръ“. Для чего же, спрашивается, терпитъ онъ такъ много и двойную игру ведетъ? Отвѣтъ возможенъ одинъ и основанъ на этихъ же письмахъ: онъ представляется человѣкомъ двуличнымъ и безъ чувства собственнаго достоинства. Можно ли все это объяснить безхарактерностью? Но почему же, напротивъ, не видѣть здѣсь выдержки и своего рода системы? Возьмите какого хотите безхарактернаго человѣка: если онъ женился въ 28 лѣтъ на любимой дѣвушкѣ, то ждать 12 лѣтъ ласки жены и не дождаться ее и терпѣть униженіе — да для чего же все это, если не для положенія, не для карьеры? Чтобы покончить съ вопросомъ о супружескихъ отношеніяхъ Юханцева, я хотѣлъ бы остановить ваше вниманіе на соображеніи, которое, какъ мнѣ кажется, такъ же какъ и предыдущіе доводы, доказываетъ, что эти отношенія никакого значенія для дѣла не имѣютъ. Юханцевъ говоритъ, что жена его была расточительна, не любила его, а потому онъ съ горя началъ рас-

хищать кассу и растратилъ свыше двухъ милліоновъ. Что же бы было тогда, если бы жена его любила? Тогда онъ имѣлъ бы гораздо лучшую тему для защиты: она была расточительна, сказалъ бы онъ тогда вамъ, я любилъ ее до безумія, она меня тоже, я не могъ ни въ чемъ ей отказывать и потому рѣшился красть. Безуміе у Юханцева попадается на каждомъ шагу; жену онъ любитъ до безумія, при чемъ тратится на француженокъ „до безпамятства", а разведясь съ женою дѣлается „въ родѣ сумасшедшаго"; но и въ томъ и другомъ случаѣ безуміе это отличается необыкновенною цѣлесообразностью и состоитъ въ методическомъ расхищеніи. Живетъ съ женою — расхищаетъ, разводится—тоже расхищаетъ, расхищаетъ и при покупкѣ дачи, расхищаетъ при продажѣ ея; расхищаетъ, кутя съ француженками, и расхищаетъ, живя съ цыганкою. Очевидно, что эти обстоятельства, прибавленныя или откинутыя отъ жизни Юханцева, даютъ неизмѣняющійся итогъ— расхищеніе. Слѣдовательно, обстоятельства эти никакого значенія не имѣютъ. Вообще вся исторія супружескихъ отношеній Юханцева, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ дѣла, всего вѣроятнѣе разрѣшается тѣмъ, что онъ самъ едва ли могъ пользоваться правами, на которыя претендовалъ. Безхарактерность — объясненіе очень удобное. Онъ безхарактерный человѣкъ, а потому обкрадываетъ кассу систематически пять лѣтъ сряду и поддѣлываетъ книги. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что здѣсь скорѣе нужно придти къ тому выводу, что Юханцевъ человѣкъ весьма двуличный, онъ ведетъ двойную игру и выдерживаетъ ее до конца. Я нахожу, что только такого рода люди и могутъ совершать такія преступленія, которыя совершилъ Юханцевъ. Чтобы злоупотребить довѣріемъ, нужно умѣть сначала его внушить. Вспомните, гг. присяжные засѣдатели, случай, когда Гертсфельдъ обращается къ нему и говоритъ, что ходятъ слухи о его расточительной жизни,—какую комедію разыгрываетъ Юханцевъ. Онъ обижается, хочетъ уйти изъ Общества, его упрашиваютъ, онъ упрямится и, наконецъ, остается на службѣ, укравъ въ то время болѣе милліона. Это достойно Тартюфа. Вспомните его отношенія къ Герстфельду. Герстфельдъ говоритъ о

неприличіи слишкомъ богатой жизни кассира, Юханцевъ отвѣчаетъ, что теперь живетъ слишкомъ скромно, а между тѣмъ здѣсь передъ вами прочитанъ былъ счетъ изъ англійскаго магазина, по которому онъ за разные сапфиры, кабошоны заплатилъ до 9.000 руб. Двуликій Янусъ, онъ обращаетъ одинъ ликъ къ Герстфельду: на этомъ ликѣ написаны: „умѣренность и аккуратность"—добродѣтели Молчалина. Другой ликъ созерцали тѣ, кто зналъ его домашнюю жизнь. Итакъ, двуличность, какъ черта характера, и родство жены, какъ гарантія,—вотъ изъ какихъ элементовъ слагались выгодные шансы для Юханцева. Онъ сумѣлъ мастерски воспользоваться ими и въ сравнительно короткое время реализировалъ огромныя суммы, жилъ въ свое удовольствіе, поддерживалъ связи и знакомство въ высшемъ обществѣ.

Разсмотримъ теперь мотивы преступленія. Первымъ является расходъ на дачу. Но этотъ мотивъ опровергается тѣмъ, что если бы г-жа Фелейзенъ и жена Юханцева вовлекли его въ расходъ, то могли бы всѣмъ и заплатить за него. Вы слышали, что покойный гофъ-маклеръ имѣлъ иногда свыше 100.000 руб. доходу. Предполагать, что онѣ заставляли Юханцева разоряться на дачу, зная его средства, представляется ни съ чѣмъ несообразнымъ. Далѣе, исторія дачи, выдуманная Юханцевымъ, оказывается неправдоподобною потому, что, по показанію свидѣтеля Фелейзена, Юханцевъ даже находилъ покупку, отдѣлку и залогъ дачи весьма выгодною операціей. Съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакого основанія вѣрить Юханцеву, что онъ истратилъ на дачу до 70.000 руб., когда мы знаемъ, что купилъ онъ дачу за 10.000 руб., а продалъ за 20.000 руб. Наконецъ, его растраты въ 1873 году не соотвѣтствуетъ его расчету. И дѣйствительно въ 1873 году, онъ четыре дня удерживаетъ у себя 275,000 руб. и потомъ вноситъ изъ нихъ 266.000 руб. Хотя Юханцевъ отказывается объяснить этотъ поступокъ, но онъ очевидно намекаетъ на биржевую игру, а вовсе не на уплату за дачу. Двуличность Юханцева, его мастерское умѣніе отводить глаза, притворство съ Герстфельдомъ—все это качества, которыя въ Юханцевѣ сидятъ прочно и входятъ въ натуру человѣка. Въ са-

момъ себѣ, въ своей совѣсти, онъ не чувствовалъ никакого нравственнаго тормоза. Будь въ немъ этотъ тормозъ, онъ могъ остановиться на небольшой суммѣ, которую ему, пожалуй, и простили бы, но онъ систематически расхищалъ и присваивалъ себѣ то, что плохо лежало: „не клади плохо" будетъ, конечно, одною изъ темъ защиты. Но спрашивается, неужели виновность обратно пропорціональна степени нарушеннаго довѣрія? Неужели чѣмъ больше довѣрія нарушено, тѣмъ меньше вина? Герстфельдъ и члены правленія, упрашивавшіе Юханцева остаться, вѣрившіе ему беззавѣтно, конечно, заслуживаютъ порицанія и теперь, ожидая взысканія съ нихъ суммы въ два слишкомъ милліона, конечно, всѣхъ болѣе жалѣютъ о своемъ довѣріи. Что же сказать о человѣкѣ, который подвелъ ихъ?

Перейдемъ теперь къ *факту*. Преступленія, въ которыхъ обвиняется Юханцевъ, заключаются въ присвоеніи или растратѣ и подлогахъ. Эти два вида преступленій — родные братья и сестры. Растрата рѣдко возможна безъ подлога. Подлогъ скрываетъ присвоеніе, даетъ ему возможность продолжительнаго существованія. Эти преступленія тѣсно сплетены другъ съ другомъ, перевиты жгутомъ, развиваются паралельно. Вся жизнь кредитнаго учрежденія видна въ его книгахъ и счетахъ, слѣдовательно, для успѣшнаго расхищенія поддѣлка этихъ книгъ, помѣщеніе въ нихъ завѣдомо ложныхъ данныхъ необходимы. Мы уже видѣли изъ экспертизы, что преступная дѣятельность Юханцева по чековой операціи обнимаетъ собою три года, именно 1873, 1874 и 1875 годы, а похищеніе бумагъ начинается съ 1873 года и кончается только въ 1878 году, когда Юханцевъ былъ арестованъ. Юханцевъ старается объяснить начало растраты внѣшними причинами, но дѣло показываетъ, что причины эти лежатъ въ немъ самомъ и въ обстоятельствахъ, способствовавшихъ удобству преступленія. Почему онъ начинаетъ растрачивать деньги по текущему счету въ 1873 году, а не раньше? Потому, что только въ 1873 году перенесенъ былъ пятимилліонный фондъ изъ государственнаго банка въ подвалъ Общества. Этотъ фондъ, бумаги котораго, по предложенію Юханцева, были запечатаны въ конверты, сдѣлался его запаснымъ фондомъ. Почему же

онъ прекращаетъ опасную игру недовносовъ и переборовъ по текущему счету въ 1876 году? А потому, что въ этомъ году рѣшено было производить внезапныя ревизіи. Ревизіи эти, искусно направляемыя Юханцевымъ, должны были, даже при томъ неудовлетворительномъ способѣ, которымъ онѣ производились, казаться дѣломъ весьма утомительнымъ, если вспомните, что приходилось, по словамъ свидѣтеля Пейкера, пересчитывать ежемѣсячно цѣнностей на сумму до 16.000.000 руб. Для человѣка непривычнаго такая задача должна была казаться весьма трудною, но вѣдь никто не заставляетъ людей браться за дѣло, котораго они не знаютъ. Система растратъ и присвоенія по чековой операціи практиковалась Юханцевымъ такъ: когда ему поручалось вносить деньги на текущій счетъ въ государственный банкъ, онъ часть этихъ денегъ удерживалъ въ свою пользу. Такъ, онъ въ 1873 году 2-го мая удержалъ 9.000 р., а 31-го мая еще 18.000 р., 26 го іюня 19.000 р., 31-го іюля 10.000 р. и т. д. Для скрытія этого присвоенія онъ ограничивался тѣмъ, что сообщалъ бухгалтеру для внесенія въ журналъ и книгу текущихъ счетовъ, будто такого-то числа, напримѣръ, 31-го мая, внесено имъ 18.000 р., а въ дѣйствительности деньги эти клалъ себѣ въ карманъ. Таковъ былъ способъ недовноса. Другой способъ заключался въ переборѣ. Напримѣръ, 7-го іюля 1873 года Юханцеву выдается чекъ за № 30441 на полученіе 30.000 руб. Онъ ихъ получаетъ, но ничего бухгалтеру не сообщаетъ и деньги оставляетъ себѣ. 16-го іюня онъ такимъ же способомъ удерживаетъ 50.000 руб. Къ 31-му іюля накопляется 136.000 руб. такимъ образомъ присвоенныхъ суммъ. Тогда Юханцевъ похищаетъ девять пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ, стоимость которыхъ 225.000 р., закладываетъ ихъ за 163.000, изъ которыхъ вноситъ на текущій счетъ государственнаго банка недостающіе 136.000 р., а бухгалтеру Общества, конечно, ничего объ этомъ не сообщаетъ. Въ 1874 году смѣлость Юханцева, ободряемая успѣхомъ, растетъ. Съ 6-го мая по 2-е ноября сумма перебора и недовноса доходила до 360.000 р., а 5-го февраля онъ, подъ залогъ похищенныхъ имъ билетовъ 7-го англо-голландскаго займа получаетъ изъ государственнаго банка 414.150 руб. Юханцевъ

никогда не въ состояніи былъ выдумать сколько-нибудь правдоподобное объясненіе этимъ колоссальнымъ присвоеніямъ и ограничился до послѣдней минуты стереотипною фразою, что онъ не помнитъ, что онъ завертѣлся, прибавляя, при этомъ, что „принялъ за правило отвѣчать вполнѣ откровенно". Какъ видно, онъ еще думаетъ, что ему и теперь повѣрятъ. Само собою разумѣется, что все время, для скрытія расхищенія идетъ рядъ ложныхъ свѣдѣній и фальшивыхъ цифръ въ книгѣ. Но какъ же все это раскрылось? Очень просто. Стоило судебному слѣдователю попросить государственный банкъ о доставленіи копіи со счетовъ Общества, и все тотчасъ по сравненіи съ книгою текущихъ счетовъ Общества обнаружилось. Вотъ почему Юханцевъ, по показанію Шитикова, увѣрялъ Герстфельда, что государственный банкъ счетовъ не высылаетъ. У Юханцева, впрочемъ, такихъ хитростей былъ запасъ не малый. При повѣркѣ расчетныхъ книжекъ государственнаго банка онъ эти книжки не показывалъ, а читалъ ихъ, при чемъ сальдо у него для памяти выставлено было карандашомъ, а ревизующіе только на счетахъ выкладывали. При повѣркѣ похищенныхъ бумагъ, какъ видно изъ курьезнаго документа, озаглавленнаго „подлежатъ повѣркѣ" и подписаннаго „Миллеръ", Юханцевъ подписывалъ число бумагъ, находившихся налицо, а вѣдомость, гдѣ стояло настоящее число, какимъ-нибудь образомъ скрывалъ. И сходило съ рукъ! Въ 1874 году онъ доходитъ до такой дерзости, что когда, 28-го сентября, ему выдаютъ чеки на снятіе съ текущаго счета 1,600,000 руб., то онъ сообщаетъ бухгалтеріи, что получилъ только 1.350.000 руб., а 250.000 р. оставляетъ себѣ! Такая продѣлка въ сущности не представляетъ никакого затрудненія, такъ какъ чекъ никогда чрезъ бухгалтерію не проходилъ, а изъ рукъ Юханцева отправлялся въ государственный банкъ и тамъ поступалъ въ архивъ. Подписывался же чекъ только Юханцевымъ и управляющимъ. Чтобы судить о степени искренности чистосердечнаго сознанія Юханцева, достаточно привести его отвѣтъ судебному слѣдователю, повторенный имъ здѣсь: могъ ли онъ прожить въ 1874 году 570.000 руб.? Юханцевъ отвѣчалъ, что не помнитъ и объяснить не можетъ.

Разберемъ теперь уголовный характеръ этихъ дѣйствій. Защита утверждала, что та контокурентная книга, которая составлялась на основаніи журнала, велась не Юханцевымъ. Чтобы оцѣнить этотъ доводъ по достоинству, необходимо припомнить обстоятельства дѣла. Вы слышали показанія бухгалтеровъ Племянникова и Шитикова и сознаніе Юханцева, который говоритъ, что всѣ операціи по текущимъ счетамъ лежали на немъ, Юханцевѣ, что онъ сообщалъ свѣдѣнія, которыя безпрекословно вносились въ журналъ, а оттуда въ контокурентную книгу. Слѣдовательно, эта контокурентная книга заключала въ себѣ завѣдомо ложныя свѣдѣнія, внесенныя въ нее Юханцевымъ; это такъ просто, что всякій не можетъ не притти къ подобнаго рода заключенію. Но допустимъ, что защита Юханцева права, и что онъ этой книги не велъ, то кто же долженъ отвѣчать за подложныя данныя книги? Въ такомъ случаѣ долженъ отвѣчать, вѣроятно, бухгалтеръ Племянниковъ, но почему онъ долженъ отвѣчать, вѣдь книгу *писалъ* не онъ, а конторщикъ, слѣдовательно, нужно винить конторщика. Но такого рода выводъ не можетъ быть допущенъ съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, потому что виновникомъ должна быть признана голова, которая заставляетъ руку писать цифры, а не рука. Если такъ, то эта голова есть Юханцевъ и онъ виновенъ въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1873 — 1876 годовъ) суммы, перебывавшія въ рукахъ Юханцева, перебранныя и недовнесенныя, потомъ пополненныя посредствомъ залога краденыхъ бумагъ, превосходятъ полтора милліона рублей.

Разсмотримъ теперь вопросъ о взломѣ печатей. По показанію подсудимаго, чтобы пополнить растрату, онъ разрѣзываетъ веревку, которою обвязаны пакеты, взламываетъ печати и вынимаетъ изъ пакетовъ то пятипроцентные билеты, то консоли, то, наконецъ, билеты 7-го англо-голландскаго займа. Всѣ эти бумаги, гг. присяжные засѣдатели, составляютъ часть *запаснаго* фонда, который Общество получило отъ правительства и хранило какъ дополнительное обезпеченіе исправнаго платежа процентовъ по закладнымъ листамъ. Благодаря Юханцеву, капиталъ этотъ уменьшился на половину. По вопросу о взломѣ печатей между об-

виненіемъ и защитою происходитъ споръ, сущность котораго, какъ мнѣ кажется, заключается только въ словахъ и въ недоразумѣніи. Здѣсь, на судѣ, Юханцевъ, отвергая свою виновность во взломѣ печатей, объяснилъ, что имѣлъ право вскрывать запечатанные пакеты. Я этого не отвергаю, но спрашиваю: какіе пакеты, когда и зачѣмъ? Оказывается, что онъ могъ вскрыть пакеты только въ видѣ исключенія, для того, чтобы отрѣзать купоны или замѣнить листы, вышедшіе въ тиражъ, новыми листами. Между тѣмъ Юханцевъ похитилъ бумаги въ такіе сроки, которые не совпадаютъ ни съ полученіемъ по купонамъ, ни съ тиражомъ. Далѣе замѣчаемъ, что запечатываніе конвертовъ печатями правленія было мѣрою, предложенною самимъ Юханцевымъ для того, чтобы не пересчитывать бумаги при каждой ревизіи и знать, что если пакетъ запечатанъ, значитъ въ немъ все вѣрно. Такимъ образомъ печать является не пустою формальностью, а увѣряетъ, что содержимое конверта цѣло и неприкосновенно. Нарушать эту неприкосновенность печатей Юханцевъ права не имѣлъ, потому что хотя много ему оказывалось довѣрія, но печатей членовъ правленія ему никто никогда не довѣрялъ и онъ въ своихъ рукахъ такихъ печатей никогда не имѣлъ. Мало этого: если кассиръ въ промежутокъ времени между одною ревизіей и другою имѣлъ необходимость во вскрытіи пакета, онъ обязанъ былъ—это никѣмъ не оспаривается—предъявлять къ слѣдующей ревизіи пакетъ распечатаннымъ, чтобы содержимое его было просчитано, послѣ чего пакетъ отдавался ему обратно не иначе какъ запечатаннымъ. Отсюда кажется несомнѣннымъ, что Юханцевъ, взламывая печати, вполнѣ сознавалъ, что устраняетъ препятствіе, уничтожаетъ охрану ввѣренныхъ ему цѣнностей. Представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Юханцевъ для замѣны сломанныхъ печатей прикладывалъ другія, но вопросъ этотъ не могъ быть разъясненъ слѣдствіемъ, хотя иного предположенія въ виду показаній свидѣтелей, видѣвшихъ печати *цѣлыми*, когда онѣ были взломаны, допустить трудно. Гг. присяжные засѣдатели! Печать въ гражданской жизни имѣетъ значеніе равное замку, цѣлость ея обусловливается довѣріемъ, нарушеніе ея цѣлости есть нарушеніе довѣрія и отягчаю-

щее вину обстоятельство. Законъ признаетъ, что кассиръ, взламывающій печати на ввѣренномъ ему хранилищѣ, обнаруживаетъ бо́льшую энергію, чѣмъ тотъ, кто беретъ цѣнности безпрепятственно. Передъ тѣмъ, чтобы сломать печать, онъ имѣетъ время обдумать, наконецъ сломанную печать приходится, путемъ обмана, замѣнить другою. Вотъ почему я считаю, что виновность Юханцева по этому пункту обвиненія достаточно доказана.

Остается сказать нѣсколько словъ объ истребленіи или похищеніи Юханцевымъ расчетныхъ книжекъ государственнаго банка за періодъ времени отъ 1873 по 1876 годъ, т. е. какъ разъ за то время, когда производилась растрата по текущему счету. Преступленіе это въ данномъ случаѣ не представляется самостоятельнымъ. Это не кража, а только одно изъ дѣйствій, входящихъ въ составъ преступленія подлога по службѣ, предусмотрѣннаго статьею 362-й улож. о наказ.: „кто включитъ вымышленныя обстоятельства въ какіе-нибудь акты... или истребитъ ихъ“ и т. д. Книжки эти хранились подъ ключомъ у Юханцева и онъ одинъ былъ заинтересованъ въ ихъ уничтоженіи, для того, чтобы хоть на нѣсколько дней скрыть свое преступленіе, заметая слѣды.

Оканчивая обозрѣніе фактической стороны дѣла, я долженъ замѣтить, что никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ я въ дѣлѣ не вижу и что сознаніе Юханцева есть не болѣе, какъ сознаніе ариѳметическое. Было пять милліоновъ, осталось два съ половиной, онъ сознаетъ, что взялъ два съ половиной. Но это мы и безъ него знаемъ. Чистосердечнаго, полнаго сознанія въ дѣлѣ нѣтъ и слѣда, и Юханцевъ, скрывая истину, до послѣдней минуты остался вѣренъ только себѣ. Онъ совершилъ расхищеніе систематически, а систематическое расхищеніе есть присвоеніе. Къ этому же заключенію пришли и гг. эксперты, полагая, что за всѣми платежами процентовъ по ссудамъ, купонамъ, куртажамъ и комиссіямъ у Юханцева должно было остаться около 1.000.000 р., считая фунтъ стерлинговъ по 6 руб. 40 коп., тогда какъ онъ теперь стоитъ около 10 руб. По моему же исчисленію, Юханцевъ чистой прибыли имѣлъ свыше полутора милліона и бо́льшую часть этой суммы могъ отчислить въ „неприкосновенный фондъ“, который, безъ сом-

нѣнія, спряталъ, зная, „что его ожидаетъ“, какъ онъ говорилъ Герстфельду. Къ подобнаго рода преступленіямъ нельзя относиться съ нисхожденіемъ.

Теперь слѣдуетъ, гг. присяжные засѣдатели, разсмотрѣть вопросъ объ отвѣтственности въ дѣлѣ Юханцева другихъ лицъ, то-есть управляющаго и правленія Общества. Обвиненіе подвергло Герстфельда допросу настолько настойчивому, что обнаружило вполнѣ господствовавшіе въ Обществѣ безпорядки и упущенія. Вы слышали, что въ теченіе судебнаго слѣдствія были моменты, когда интересы обвиненія, защиты и гражданскаго истца являлись солидарными. Гг. присяжные засѣдатели, общій интересъ нашъ есть истина и справедливость. Истина открыла намъ много упущеній въ порядкахъ Общества, но справедливость не указываетъ намъ на другого преступника, кромѣ Юханцева. Защита будетъ стараться, конечно, свалить всю отвѣтственность на правленіе. Это понятно, потому что если отбросить этотъ доводъ, то что же останется въ пользу Юханцева? Развѣ то, что жена его не любила? Но отвѣтственность правленія нельзя ни отрицать въ смыслѣ гражданскаго права, ни признавать въ смыслѣ права уголовнаго. Для уголовной отвѣтственности долженъ быть умыселъ въ участіи, между тѣмъ какъ заявленіе о преступленіи Юханцева и обличеніе его исходило отъ членовъ правленія. Объ умышленномъ участіи кого-нибудь изъ должностныхъ лицъ Общества въ преступленіи Юханцева въ дѣлѣ нѣтъ никакого указанія, а неумышленный вредъ, ущербъ, наносимый по небрежности, неосторожности и нерадѣнію, влечетъ за собою возмѣщеніе убытковъ, что предусмотрѣно 684-й ст. X-го т. ч. I-й. Послѣ заключенія экспертовъ, признавшихъ небрежность въ веденіи бухгалтерской части въ Обществѣ, взысканіе убытковъ можетъ быть присуждено съ членовъ правленія и другихъ лицъ, указанныхъ ревизіонною комисіей. Но утверждать, что виноватъ не воръ, а тотъ, кого обокрали, за излишнее къ вору довѣріе, значитъ не только искажать завѣдомо истину, но и распространять принципъ весьма вредный: многіе могутъ съ радостью схватиться за этотъ парадоксъ и утилизировать его. Отъ нечестнаго человѣка не спасутъ ни инструкціи ни замки. Нужно желать,

чтобы важные общественные интересы ввѣрялись честнымъ специалистамъ. Но избиратели всегда сами заслуживаютъ часть укоровъ, падающихъ на лицъ, ими избранныхъ.

Вопросъ о фактѣ мы разсмотрѣли. Взглянемъ теперь на вопросъ о послѣдствіяхъ его, о вредѣ. Вредъ, какъ вы уже могли замѣтить, двоякій: экономическій и нравственный. Съ точки зрѣнія экономической представляются двѣ категоріи потерпѣвшихъ лицъ: заемщики Общества взаимнаго поземельнаго кредита и между ними преимущественно средній классъ землевладѣльцевъ; богатые перенесутъ это испытаніе легче, но для того, кто уже теперь платитъ 9 р. 40 к. со ста, платить 11% будетъ окончательно не по силамъ. И теперь уже вы находите на столбцахъ газетъ цѣлые ряды имѣній, подлежащихъ продажѣ за невносъ % въ земельные банки, и въ этихъ объявленіяхъ сквозитъ много тайнаго горя! Люди трудящіеся, привыкшіе къ землѣ, любящіе землю, вынуждены оторваться отъ нея и смотрѣть, какъ продаютъ ее съ молотка. Другая категорія потерпѣвшихъ лицъ—это еще болѣе многочисленное сельское населеніе, которое вслѣдствіе сокращенія средствъ поземельнаго кредита лишается мѣстныхъ заработковъ. Вообще экономическія послѣдствія отъ безумнаго расточенія двухъ милліоновъ для страны, которая такъ не богата, какъ наша, и въ такое время, какъ настоящее, неисчислимы. Другой вредъ нравственный, быть можетъ, еще опаснѣе. Это—соблазнъ примѣра, усиленіе склонности къ подражанію, новое поощреніе инстинктамъ лютаго хищничества. Наконецъ, скандалъ Юханцевскаго дѣла достигъ крайнихъ предѣловъ, проникъ за границу, разнесся повсюду, гдѣ обращаются наши цѣнности. Все это—явленія въ высшей степени прискорбныя и надъ которыми нельзя не задуматься. Гг. присяжные засѣдатели! Мы съ довѣріемъ ожидаемъ вашего приговора. Ждетъ его русская провинція, представители которой съѣхались на общее собраніе взаимнаго поземельнаго кредита. Ждетъ его вся читающая Русь, которая завтра узнаетъ, какъ разрѣшилось на судѣ дѣло Юханцева. Вспомните, что сознаніемъ, поличнымъ и свидѣтелями преступленія Юханцева вполнѣ доказаны. Вспомните, что зло кассирскихъ расхищеній распространяется и растетъ какъ

зараза, что оно угрожаетъ благосостоянію всѣхъ, и произнесите вашъ приговоръ! Пусть онъ будетъ твердъ, какъ само правосудіе! Пусть покажетъ всѣмъ и каждому, что если въ Россіи, какъ и вездѣ, возможны колоссальныя преступленія, то въ Россіи есть и судъ, который ихъ караетъ!

Послѣ перерыва предсѣдатель предоставилъ слово повѣренному гражданскаго истца, присяжному повѣренному *Унковскому*, который сказалъ:

Гг. присяжные засѣдатели! Прежде, чѣмъ приступить къ объясненіямъ по существу, я считаю необходимымъ объяснить, какое отношеніе я имѣю къ этому дѣлу, какъ повѣренный гражданскаго истца. Я представляю здѣсь интересы Общества взаимнаго поземельнаго кредита, далеко не солидарные съ личными интересами состава бывшаго его правленія и съ интересами вообще должностныхъ лицъ, служащихъ въ этомъ учрежденіи. Поэтому я старался разъяснить, въ интересахъ Общества, во всей подробности всѣ условія и обстоятельства, при которыхъ была произведена растрата. Можетъ быть, въ тѣхъ вопросахъ, которые я предлагалъ свидѣтелямъ по этому дѣлу, вы могли замѣтить нѣкоторую солидарность мою съ защитникомъ подсудимаго. И въ самомъ дѣлѣ, наши вопросы, предлагавшіеся свидѣтелямъ, имѣли, повидимому, одну и ту же цѣль. Но я полагаю, что вы ни въ какомъ случаѣ не смѣшаете меня съ защитникомъ подсудимаго. Цѣль моихъ вопросовъ была совершенно иная. Въ интересахъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, я считалъ необходимымъ, чтобы не только судъ, но даже и публика, присутствующая въ судѣ, и та, которая прочитаетъ отчетъ о настоящемъ засѣданіи въ газетахъ, увидѣла бы ясно, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ случайныхъ обстоятельствъ могла произойти въ этомъ Обществѣ такая громадная растрата, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я полагаю, что посредствомъ вопросовъ свидѣтелямъ, посредствомъ доказательствъ, представленныхъ мною во время судебнаго слѣдствія, я достаточно объяснилъ какъ самый фактъ растраты и количество ея, такъ и тѣ условія, при которыхъ она была возможною. Изъ тѣхъ вопросовъ, которые я предлагалъ должностнымъ лицамъ Общества, вы могли замѣтить, что я не имѣлъ вовсе

намѣренія утаить отъ вниманія суда или отъ публики что-нибудь относящееся къ тому внутреннему порядку дѣлопроизводства, который существовалъ въ этомъ Обществѣ въ прежнее время и вслѣдствіе котораго это преступленіе сдѣлалось возможнымъ.

Если бы со стороны защиты не было поползновеній воспользоваться этими объясненіями съ иною цѣлью, если бы въ заявленіяхъ ея во время судебнаго слѣдствія я не замѣтилъ ея намѣренія оправдывать подсудимаго тѣми условіями, при которыхъ совершена имъ растрата, то я считалъ бы мою задачу оконченною и просилъ бы васъ только о признаніи подсудимаго виновнымъ въ сдѣланномъ имъ преступленін. Но изъ тѣхъ вопросовъ, которые предлагалъ защитникъ тѣмъ же должностнымъ лицамъ Общества, которыя являлись здѣсь свидѣтелями, изъ того допроса, который онъ имъ дѣлалъ и которому я не мѣшалъ, желая раскрыть всѣ подробности, оказывается, что защита имѣетъ прямое намѣреніе оправдывать подсудимаго тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ Обществѣ существовала такая неурядица, которая даетъ возможность предположить соучастіе другихъ лицъ въ преступленіи, въ которомъ обвиняется подсудимый. Изъ вопросовъ и объясненій, изъ намековъ защитника и самого подсудимаго, я вижу ясно ихъ намѣреніе какъ бы свалить всѣхъ этихъ лицъ въ одну кучу и сказать: тутъ еще неизвѣстно, кто и насколько виновенъ въ растратѣ. Я полагаю поэтому, что первая обязанность состоитъ въ констатированіи всѣхъ фактовъ, относящихся до этого дѣла, и въ объясненіи отвѣтственности, которая лежитъ на этихъ должностныхъ лицахъ передъ обществомъ. Какъ бы ни велики были ихъ промахи относительно небрежнаго храненія суммъ и ревизіи цѣнностей, находившихся въ кассѣ, ввѣренной подсудимому, во всякомъ случаѣ они не могутъ быть поставлены не только прежде подсудимаго, но даже и рядомъ съ нимъ въ отвѣтственности передъ Обществомъ. Само собою разумѣется, что если тѣ порядки, которые допущены были въ Обществѣ, та небрежность въ охраненіи суммъ и ревизіи, которая открылась на судебномъ слѣдствіи, дали подсудимому возможность употребить во зло довѣріе, то эти должностныя лица могутъ

отвѣчать предъ Обществомъ лишь на основанiи граждан-скихъ законовъ, какъ объяснилъ уже г. товарищъ проку-рора въ своей обвинительной рѣчи. Отвѣтственность ихъ можетъ быть только гражданскою, а не уголовною, потому что изъ обстоятельствъ дѣла ясно видно, что ни одно изъ этихъ должностныхъ лицъ не можетъ быть подозрѣваемо ни въ сообществѣ съ подсудимымъ, ни въ стачкѣ, о кото-рой упоминалъ защитникъ въ своемъ заявленiи, ни даже въ какомъ-нибудь умышленномъ потворствѣ подсудимому въ совершенiи преступленiя. Достаточно вспомнить факты, обнаруженные на судебномъ слѣдствiи.

Дѣло начинается съ того, что подсудимый, который поль-зовался особымъ довѣрiемъ со стороны личнаго состава правленiя Общества и управляющаго его дѣлами, позволяетъ себѣ съ 1873 года утаивать, присвоивать и расхищать нѣ-которыя суммы по текущему счету въ государственномъ банкѣ, именно: 28-го апрѣля 1873 года изъ 585,000 руб., взятыхъ изъ кассы, онъ вноситъ въ государственный банкъ только 310,000 руб., оставляя у себя на рукахъ 275,000 руб. Потомъ онъ то пополняетъ сдѣланную имъ растрату, то вновь тайно беретъ деньги по текущему счету и утаиваетъ ихъ, пользуясь тѣмъ, что члены правленiя и управляющiй дѣлами Общества не подозрѣваютъ такой наглости со сто-роны кассира, пользовавшагося ихъ довѣрiемъ по своему общественному положенiю и той порядочности, которую онъ проявлялъ во внѣшнихъ своихъ дѣйствiяхъ. Наконецъ, для пополненiя этой растраты онъ обращается къ расхищенiю процентныхъ бумагъ, которыя сбываетъ сначала по мелочи въ разныхъ конторахъ, потомъ закладываетъ ихъ громад-ными массами въ государственномъ банкѣ, а впослѣдствiи выкупаетъ изъ банка и продаетъ ихъ съ содѣйствiемъ бан-кира Зингера. Ни въ одномъ изъ этихъ дѣйствiй нельзя усмотрѣть, чтобы Юханцевъ пользовался содѣйствiемъ кого-нибудь изъ должностныхъ лицъ Общества. Подозрѣвать это невозможно уже потому, что со стороны самого подсуди-маго не было сдѣлано никакого указанiя по этому предмету. Я полагаю, что вы можете быть совершенно убѣждены въ томъ, что подсудимому въ этомъ отношенiи сказать было нечего, такъ какъ онъ очевидно принадлежитъ къ числу

людей, не останавливающихся предъ средствами оправданія. Вы видѣли, что онъ съ этою цѣлью пользуется даже раскрытіемъ своихъ семейныхъ отношеній къ женщинѣ, которую, по его словамъ, онъ любилъ до безумія. Уже это одно обстоятельство можетъ достаточно убѣдить васъ, что подсудимый не затруднился бы сказать о содѣйствіи или потворствѣ со стороны управляющаго дѣлами Общества, членовъ управленія или другихъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ Обществѣ. Онъ былъ совершенно постороннимъ къ нимъ лицомъ, и связь его съ ними была обусловлена однимъ лишь совмѣстнымъ служеніемъ. Поэтому я полагаю, что относительно этихъ лицъ даже и подозрѣнія быть не можетъ.

Если же потворство было кѣмъ-нибудь оказано подсудимому, то оно скорѣе можетъ подозрѣваться въ другихъ учрежденіяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ должностными лицами Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Вы видѣли изъ показанія директора петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка, г. Зака, до какой степени испугало его появленіе на биржѣ похищенныхъ бумагъ въ большомъ количествѣ и предложеніе ихъ по низкой цѣнѣ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что похищенныя бумаги не обращаются въ Петербургѣ въ большомъ количествѣ и находятся въ такихъ твердыхъ рукахъ, что здѣшнимъ банкирамъ извѣстны даже мѣста, гдѣ онѣ хранятся. Поэтому, какъ только г. Закъ узналъ о появленіи на биржѣ похищенныхъ консолидированныхъ облигацій, онъ сейчасъ же увѣдомляетъ о томъ учрежденія, въ которыхъ имѣются эти бумаги, и въ томъ числѣ управленіе Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Такимъ образомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что появленіе этихъ бумагъ въ значительномъ количествѣ въ рукахъ частнаго лица не могло не казаться подозрительнымъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которымъ онъ ихъ предъявлялъ. Между тѣмъ вы видите, что онѣ прошли въ продажу подъ флагомъ государственнаго банка. Едва ли кто-нибудь изъ банкировъ взялъ бы на себя порученіе Юханцева продать ихъ въ большомъ количествѣ, если бы онѣ предварительно не были приняты въ залогъ государственнымъ банкомъ, какъ личная собственность

Юханцева. Между тѣмъ я желалъ объяснить и эти обстоятельства и съ этою цѣлью просилъ судъ вызвать въ засѣданіе директора государственнаго банка по отдѣленію ссудъ, г. Фревиля, котораго показаніе вы выслушали. Я полагалъ, что подсудимый сопровождалъ представленіе этихъ бумагъ для залога въ государственный банкъ какими-нибудь ложными объясненіями. Но къ величайшему моему удивленію, я услышалъ отъ г. Фревиля, что онъ былъ лично знакомъ съ подсудимымъ Юханцевымъ съ давняго времени, что подсудимый былъ извѣстенъ и самому управляющему государственнымъ банкомъ, что г. Фревилю было извѣстно и то, что Юханцевъ состоитъ кассиромъ въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, но что, несмотря на все это, бумаги были приняты отъ него безъ всякихъ объясненій, при чемъ даже не было и разговора о томъ, откуда и почему онѣ представляются имъ въ залогъ. Свидѣтель говоритъ, что кто бы ни принесъ въ государственный банкъ процентныя бумаги, ихъ берутъ въ залогъ, и ссуда выдается безъ всякихъ объясненій; что такимъ же образомъ ссуды были выдаваемы и Юханцеву безъ всякаго спроса о томъ, какимъ образомъ представленныя имъ бумаги попали въ его руки; что онѣ приняты въ залогъ отъ его собственнаго имени и что это дѣлалось безъ доклада управляющему банкомъ, тогда какъ иногда ему докладываютъ о ссудахъ въ 50,000 рублей, между тѣмъ первая ссуда Юханцеву была выдана въ 414,000 рублей; а изъ другихъ ссудъ, выданныхъ ему сотнями тысячъ рублей, переводились значительныя суммы на текущій счетъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита съ выдачею остальныхъ денегъ на руки самому Юханцеву. Такимъ образомъ очевидно, что въ государственномъ банкѣ принимались въ залогъ отъ имени Юханцева такія бумаги, которыя не обращались въ публикѣ, при чемъ вдобавокъ личные его счеты по залогу этихъ бумагъ смѣшивались со счетомъ самаго Общества, въ правленіи котораго онъ былъ кассиромъ. Признаюсь, я не смѣю обвинять и не обвиняю должностныхъ лицъ государственнаго банка въ совершеніи чего-нибудь противозаконнаго, но не могу не удивляться существованію такого порядка выдачи ссудъ въ этомъ государственномъ учрежденіи. Оче-

видно, что значительная растрата цѣнностей этого рода едва ли могла быть произведена подсудимымъ въ томъ случаѣ, если бы государственный банкъ потребовалъ отъ него объясненій, какимъ образомъ онѣ появляются въ его рукахъ, какъ имущество, находящееся въ его личномъ распоряженіи. Изъ всего изложеннаго ясно видно, что ни одно должностное лицо Общества взаимнаго поземельнаго кредита не можетъ быть обвиняемо не только въ сообщничествѣ съ Юханцевымъ, но даже и въ потворствѣ ему.

Далѣе, я желаю предупредить нѣкоторыя объясненія защиты, которыя довольно прозрачно видны были изъ разныхъ заявленій защитника на судебномъ слѣдствіи. Вы слышали, что г. защитникъ въ числѣ другихъ доказательствъ, представленныхъ имъ въ судъ, представилъ нѣсколько писемъ, которыя указываютъ на какія-то семейныя отношенія подсудимаго къ его женѣ. Между тѣмъ самъ подсудимый объясняетъ, что въ то время, когда производилась имъ растрата ввѣренныхъ ему цѣнностей, онъ находился въ какомъ-то умоизступленіи, подъ вліяніемъ душевнаго продолжающагося аффекта, причиною чего были эти семейныя отношенія. Казалось бы, что мнѣ, какъ гражданскому истцу, до этого нѣтъ никакого дѣла. Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ такъ поставленъ, что интересы Общества, которые я представляю, требуютъ разъясненія и этого обстоятельства. Спрашивается, что можно подумать о такомъ серьезномъ учрежденіи, какъ Общество взаимнаго поземельнаго кредита, производящемъ обороты на сотни милліоновъ, если оно имѣло у себя въ теченіе многихъ лѣтъ кассиромъ человѣка, который не былъ въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, пребывавшаго въ состояніи умоизступленія, какого-то нищаго духомъ, который, какъ видно изъ писемъ и его показаній, 11 лѣтъ жилъ за шкапомъ въ спальнѣ своей жены, ожидая какой-то лучшей будущности? Можно предположить, что Общество взаимнаго поземельнаго кредита держало кассиромъ полоумнаго или сумасшедшаго, поэтому я считаю долгомъ сказать, что доказательства, которыя представлены по этому предмету защитою, нисколько не удостовѣряютъ въ томъ, что подсудимый дѣйствительно находился подъ вліяніемъ такого

продолжительнаго душевнаго аффекта. Если эти письма и написаны 15 лѣтъ тому назадъ, если и дѣйствительно въ то время онъ находился въ такомъ, такъ сказать, удрученномъ состояніи, то изъ самыхъ писемъ и дальнѣйшей его дѣятельности нисколько не видно, чтобы подсудимый пребывалъ въ такомъ состояніи впослѣдствіи, когда состоялъ кассиромъ правленія Общества. Письма эти писаны изъ Кіева въ 1865 году, а въ кассиры онъ поступилъ уже послѣ того, какъ пріѣхалъ изъ Кіева. Растрату же началъ только въ 1873 году. Между тѣмъ во всей дѣятельности Юханцева ясно видно, что онъ пользовался полнымъ сознаніемъ: онъ отлично считалъ, у него всегда было очень вѣрно подведено saldo; наконецъ, былъ, какъ показываютъ многія лица, весьма порядочнымъ на видъ человѣкомъ, нисколько не возбуждавшимъ какого-нибудь подозрѣнія относительно своихъ умственныхъ способностей. Я полагаю поэтому, что вы не придадите никакого значенія доказательствамъ этого рода.

Далѣе, какъ видно изъ вопросовъ г. защитника и собственныхъ показаній подсудимаго, ему желательно отрицать даже и то, что онъ былъ кассиромъ Общества. Я полагаю, что для доказательства этого не нужно никакихъ документовъ. Ни въ одномъ банкѣ не заключается письменныхъ договоровъ со служащими. Въ этомъ отношеніи совершенно достаточенъ тотъ простой фактъ, что онъ все время получалъ жалованье, присвоенное должности кассира и всегда подписывался кассиромъ. Такимъ образомъ очевидно, что онъ состоялъ въ этой должности, имѣлъ на своихъ рукахъ цѣнности въ качествѣ кассира и за растрату ихъ подлежитъ уголовной отвѣтственности, какъ кассиръ. Я полагаю также, гг. присяжные засѣдатели, что обстоятельства дѣла не допускаютъ той мысли, чтобы въ Обществѣ существовала такая полная безурядица, при которой можно было бы растрачивать общественныя деньги и цѣнности нѣсколькимъ лицамъ. Въ этой растратѣ никто не можетъ быть виновенъ, кромѣ Юханцева, такъ какъ всѣ цѣнности, а въ томъ числѣ и тѣ, которыя имъ похищены изъ кассы, были ввѣрены ему одному и хранились за его ключомъ.

Что касается взлома печатей и истребленія расчетныхъ

книжекъ государственнаго банка, то я признаюсь, что мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Моя задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы вы признали Юханцева виновнымъ въ произведенной имъ растратѣ. Далѣе мои требованія не простираются. Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ, повидимому, можетъ быть сведенъ на такую почву, на которой я долженъ предупредить послѣдствія смѣшенія нѣсколькихъ вопросовъ въ одинъ общій вопросъ о виновности подсудимаго. Если бы защитникъ прямо и положительно утверждалъ, что подсудимый находился во время растраты въ состояніи невмѣняемости, то, разумѣется, я просилъ бы отдѣлить вопросъ о событіи преступленія и совершеніи его подсудимымъ отъ вопроса о его виновности. Но защита не говоритъ о невмѣняемости. Такимъ образомъ дѣло можетъ быть сведено къ тому, что будетъ поставленъ одинъ только вопросъ о виновности подсудимаго въ растратѣ. Между тѣмъ на этой почвѣ легко можетъ явиться приговоръ, который въ сущности будетъ заключать въ себѣ помилованіе. Разумѣется, право на помилованіе de jure не принадлежитъ присяжнымъ засѣдателямъ, но такъ какъ у нихъ не требуютъ соображеній, на основаніи которыхъ они постановляютъ свой приговоръ, то они всегда могутъ воспользоваться этимъ правомъ de facto и оправдать подсудимаго, послѣ чего, конечно, для гражданскаго иска уже не можетъ быть и мѣста. На этомъ основаніи я обращаюсь къ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, съ покорнѣйшею просьбою принять во вниманіе то обстоятельство, что подсудимый во всей его дѣятельности, какъ видно изъ всего дѣла, пользовался всѣми умственными способностями, какія присущи здоровому человѣку; что растрата произведена, какъ видно изъ показаній свѣдущихъ людей, не только сознательно, но вполнѣ систематически, что даже изъ фактовъ, относящихся къ растратѣ, вовсе не видно, чтобы она была произведена по легкомыслію, т. е. такимъ образомъ, что подсудимый не бралъ изъ кассы денегъ собственно для покрытія своихъ долговъ или удовлетворенія мотовства. Вы видите, что онъ удержалъ съ самаго начала 275,000 рублей и потомъ черезъ пять дней внесъ ихъ въ государственный банкъ. Слѣдовательно, нельзя предполагать, чтобы онъ ихъ немедленно растратилъ. Онъ

бралъ ихъ по какому-то расчету. Можетъ быть, онъ тогда игралъ или думалъ играть на биржѣ. Во всякомъ случаѣ онъ удержалъ ихъ съ какимъ-то намѣреніемъ, для насъ непонятнымъ, но никакъ не по легкомыслію. Изъ акта обыска, сдѣланнаго въ квартирѣ Юханцева 27-го марта 1878 года, видно, что у него изъ похищенныхъ цѣнностей находилось весьма много на квартирѣ налицо. Сверхъ того оказалось, что нѣкоторыя лица были ему должны. Между тѣмъ, до сего времени не было обнаружено еще ни одного лица, которому самъ Юханцевъ былъ долженъ. Такимъ образомъ очевидно, что онъ держалъ у себя на квартирѣ похищенныя имъ цѣнности, намѣреваясь воспользоваться ими впослѣдствіи и не имѣя въ нихъ крайней надобности, вслѣдствіе чего онъ можетъ быть признанъ лицомъ, желавшимъ присвоить себѣ похищенныя цѣнности, а никакъ не растратившимъ ихъ по легкомыслію.

Вообще въ обыкновенныхъ дѣлахъ цѣль гражданскаго истца состоитъ лишь въ одномъ присужденіи взысканія за растраченное или похищенное имущество. Въ настоящемъ же случаѣ цѣли мои идутъ нѣсколько далѣе. Интересъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита не состоитъ лишь въ томъ, чтобы получить исполнительный листъ на взысканіе съ Юханцева болѣе двухъ милліоновъ рублей. Очевидно, что это можетъ быть лишь сантиментальнымъ утѣшеніемъ. Интересы Общества не могли бы быть удовлетворены и въ такомъ случаѣ, если бы Юханцевъ былъ оправданъ, всѣ похищенныя имъ цѣнности были положены на столъ. Общество это существуетъ кредитомъ. Для русскаго же землевладѣнія нуженъ дешевый кредитъ, а никакъ не кредитъ во что бы ни стало. Сельское хозяйство можетъ выдерживать лишь такой кредитъ, который соотвѣтствуетъ его доходамъ. Для того же, чтобы пользоваться такимъ кредитомъ, нужно, чтобы было особенное довѣріе на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ не только къ этому Обществу, но и вообще къ учрежденіямъ той страны, которая пользуется кредитомъ. Представьте себѣ, какая паника случилась бы на европейскихъ биржахъ, если бы они узнали, что у насъ не только можно воровать въ такомъ серьезномъ учрежденіи какъ Общество взаимнаго поземельнаго кредита, но что

даже и суды наши относятся къ воровству снисходительно. Тогда едва ли былъ бы возможенъ и тотъ дорогой кредитъ, которымъ до настоящаго времени пользуется это Общество въ Россіи и за границею. Поэтому я полагаю, что я имѣю полное право въ настоящемъ случаѣ просить васъ, гг. присяжные засѣдатели, обвинить Юханцева въ совершонной имъ растратѣ и отнестись къ его поступку безъ особеннаго снисхожденія.

Защитникъ прис. повѣр. Жуковскій. Господа присяжные засѣдатели! Хотя мы и держимся на судѣ обычая отрѣшаться отъ того, что мы слышали до суда по дѣлу—о чемъ предупреждалъ уже васъ предсѣдатель, открывая засѣданіе—но обычай этотъ не достигаетъ цѣли въ отношеніи тѣхъ процессовъ, которые вызываютъ особенный интересъ въ обществѣ. Отрѣшиться отъ того, что вы продумали и прочувствовали по поводу какого-нибудь крупнаго общественнаго явленія, въ виду мнѣній, выражаемыхъ въ печати, вы были бы не въ состояніи, еслибы того и пожелали. А потому грѣшно было бы отказать защитѣ хотя бы въ попыткѣ примирить общественное мнѣніе съ личностью подсудимаго, такъ какъ прежде, чѣмъ явиться предъ вами на судъ, подсудимый имѣетъ уже на себѣ тяжесть укора совѣсти предъ общественнымъ мнѣніемъ. Притомъ, гг. присяжные, по моему личному мнѣнію, отрѣшаться отъ общественнаго мнѣнія вамъ и не слѣдуетъ. Участіе ваше въ судѣ коронномъ потому и драгоцѣнно, что оно вноситъ въ судъ живое, ничѣмъ не скованное начало общежитейскаго разума. Вы слѣдуете совѣту юриста въ той только мѣрѣ, въ какой его законно-формальное воззрѣніе не отрѣшается отъ сферы условій общественной жизни. Какъ представители общественной совѣсти, вы только предъ общественнымъ мнѣніемъ и отвѣчаете; вашъ приговоръ представляетъ собою послѣднее слово по дѣлу. Вамъ, конечно, не безызвѣстно, гг. присяжные, какъ образовалось общественное мнѣніе по поводу настоящаго дѣла. Если личность подсудимаго была не по силамъ придавлена печатью предъ широтою общественнаго интереса, затронутаго настоящимъ дѣломъ, то иначе и быть не могло. Печать преслѣдуетъ въ лицѣ виновнаго не того простого, а иногда и слабаго

человѣка, который стоитъ предъ вами на скамьѣ подсудимыхъ, а проявленіе зловредной преступной воли. Печать имѣетъ главнымъ образомъ въ виду проявленіе общественной язвы въ преступномъ дѣлѣ, а потому язвою же и клеймитъ имя виновнаго. Сатира отмѣтила настоящее дѣло девизомъ „наше юханцевское время". Но вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ подсудимому въ этомъ девизѣ звучитъ и другая грустная нота: юханцевское время есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наше время, а отсюда невольно возникаетъ вопросъ: кто же кого создалъ—Юханцевъ создалъ время или время Юханцева? Если печать имѣетъ въ виду преступленія исключительно съ точки зрѣнія общественнаго интереса, то ваша задача нѣсколько сложнѣе: вамъ предстоитъ имѣть въ виду и того человѣка, участь котораго все разрѣшаетъ. Вамъ необходимо уяснить себѣ, какимъ образомъ и въ какой обстановкѣ порождена была преступная воля въ виновномъ и въ какой мѣрѣ онъ проникнутъ и дѣйствительно ли проникнутъ тѣми низкими, противообщественными воровскими инстиктами, которые, по мнѣнію прокурора, весьма ярко проявились въ его преступномъ дѣлѣ. Въ вашемъ послѣднемъ словѣ общественное мнѣніе становится правосудіемъ.

Задача ваша по настоящему дѣлу упрощается въ виду сознанія подсудимаго. Хотя прокуроръ и пытается умалить значеніе этого сознанія, пытается такимъ образомъ отнять у подсудимаго все то послѣднее, что вызываетъ къ нему участіе, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сознаніе, какъ лучшее въ свѣтѣ доказательство, приноситъ прежде всего услугу обвиненію же,—прокурору доказывать уже нечего. Общественная язва представляетъ собою явленіе крайне сложное для изслѣдованія. Рядъ процессовъ за послѣднее время свидѣтельствуетъ, что она проникаетъ въ залу судебныхъ засѣданій широкою волною и заслоняетъ собою подсудимаго. Уклоняясь отъ сознанія, подсудимый стушевывается предъ тѣнями, блуждающими въ процессѣ, и нерѣдко представляетъ собою только блѣдное отраженіе той среды, изъ которой онъ вышелъ,—той среды, въ которой снова скопляется язва, чтобы войти въ больной организмъ и выставить его предъ вами на смѣну стоявшему

вчера. Изысканія относительно корня общественной язвы сопряжены съ еще большими затрудненіями. Корень язвы не всегда залегаетъ внизу, въ подонкахъ общества, къ которымъ мы привыкли относиться съ снисходительнымъ презрѣніемъ: его приходится искать иногда и выше, а чѣмъ онъ выше, тѣмъ менѣе уязвимъ. Обвиненіе превращается тогда изъ грознаго въ косвенное, деликатно пробирается между блуждающими тѣнями къ подсудимому и приподнимаетъ только уголки завѣсы, которая скрываетъ за собою язву. Ну, а когда сознаніе открываетъ обвиненію широкій и прямой путь къ подсудимому, оно распоясывается и бодрится. Что такое Юханцевъ, говоритъ прокуроръ, стоитъ ли его распластывать на столѣ вещественныхъ доказательствъ? Отчего расхитилъ кассу? Жена не любила; ну, а если бы любила, еще болѣе расхитилъ бы. Обращаясь потомъ къ другой сторонѣ, прокуроръ говоритъ: нѣкоторая неумѣлость, слабость контроля, довѣріе. Защита же, по мнѣнію прокурора, имѣетъ въ виду проводить, что почему же не красть, когда плохо лежитъ; а гражданскій истецъ превзошелъ прокурора и произнесъ возраженіе на защитительную рѣчь, которой еще не слыхалъ. Преклоняюсь предъ глубокою проницательностью прокурора и гражданскаго истца; но не нужно забѣгать впередъ. Представленіемъ вещественныхъ доказательствъ не слѣдуетъ медлить до послѣдняго дня засѣданія, ожидая ихъ отъ свидѣтелей, и въ рѣчахъ торопиться нечего,—все придетъ въ свое время. Независимо отъ того, что сознаніе есть лучшее въ свѣтѣ доказательство, оно имѣетъ два драгоцѣнныя свойства: оно открываетъ внутренній міръ подсудимаго; произнося надъ нимъ приговоръ, вы идете не ощупью, а рѣшаете твердо безъ колебаній. Сознаніе свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи подсудимаго къ суду общественному и закону, а потому, произнося приговоръ, вы убѣждены, что даете раскаявшемуся нравственную поддержку въ его стремленіи отрѣшиться отъ тѣхъ низкихъ противообщественныхъ инстинктовъ, которымъ онъ поддался, быть можетъ, по слабости характера, по увлеченію или по другимъ внѣшнимъ условіямъ. Въ виду сознанія подсудимаго облегчается и задача защиты. Она опирается, съ одной

стороны, на сознаніе подсудимаго, какъ на актъ уваженія къ суду; съ другой,—она находитъ себѣ опору и въ томъ, что въ пользу обвиненія было уже многое и неоднократно выражено, въ пользу же подсудимаго не было еще ни слова сказано.

По содержанію защита опредѣляется содержаніемъ рѣчи прокурора. Защита имѣетъ, прежде всего, опредѣлить относительную широту общественнаго интереса, затронутаго настоящимъ дѣломъ и падающаго на голову подсудимаго. Необходимо выяснить, въ чемъ именно общественный интересъ заключается: въ объектѣ ли преступленія, т.-е. въ назначеніи Общества поземельнаго кредита, потерпѣвшаго, по мнѣнію прокурора, отъ одного только Юханцева, или же въ обстановкѣ преступленія, въ самомъ образѣ дѣйствій подсудимаго. Еслибы оказалось, что общественный интересъ вовсе не лежитъ въ назначеніи и цѣляхъ Общества, то предстоитъ его искать въ обстановкѣ преступленія и объяснить: создана она Юханцевымъ или существовала въ силу внѣшнихъ условій отъ него не зависѣвшихъ. Потомъ остается уже выяснить, въ какой степени Юханцевъ проникнутъ низкими воровскими инстинктами и вызываетъ къ себѣ презрѣніе или участіе.

Когда мы слышимъ о злоупотребленіяхъ въ какомъ-нибудь общественномъ учрежденіи, мы прежде всего поражаемся широтою общественнаго интереса, этими злоупотребленіямя нарушеннаго. У насъ со времени реформъ уже выработаны пріемы для негодованія. Если рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ въ земствѣ, мы говоримъ о поруганіи широчайшаго принципа самоуправленія; если рѣчь идетъ о судѣ, мы говоримъ о равенствѣ лицъ, сословій, вѣдомствъ и дѣлъ предъ судомъ общественной совѣсти; когда мы говоримъ о какомъ-нибудь банкирскомъ, хотя бы и частномъ, учрежденіи, мы толкуемъ о народномъ кредитѣ и именно о народномъ; мы тароваты на фразы сочувствія къ массѣ. Между тѣмъ, всѣ мы сознаемъ, что на иномъ учрежденіи вывѣска пообветшала и изнутри оно поурѣзано до послѣднихъ предѣловъ; иное же никогда народнымъ и не было, а представлялось намъ такимъ въ силу нашего реформеннаго возбужденія и славословія. Въ чемъ же заключается обще-

ственный интересъ, затронутый злоупотребленіями Юханцева? Назначеніе Общества взаимнаго поземельнаго кредита опредѣляется двумя параграфами его устава: Общество поземельнаго кредита имѣетъ вообще въ виду выдавать ссуды подъ залогъ поземельной собственности, въ частности же выдавать усиленныя ссуды тѣмъ, кто имѣетъ въ виду пріобрѣсти имѣнія въ западныхъ губерніяхъ. Это послѣднее назначеніе обусловливается, вѣроятно, стремленіемъ къ обрусенію западнаго края, полуопустѣвшаго вслѣдствіе административныхъ мѣропріятій послѣ польскихъ мятежей. Кругъ дѣйствія Общества поземельнаго кредита опредѣляется двумя-тремя цифрами. Со времени основанія Общества выдано въ ссуду подъ залогъ имѣній 122.000.000, подъ залогъ 6.000 имѣній, оцѣненныхъ въ 286.000.000 руб.; но, чтобы ближе опредѣлить кругъ дѣйствій Общества, необходимо просмотрѣть табличку, которая укажетъ, въ какихъ размѣрахъ выдавались ссуды.

По размѣру ссуды опредѣляются въ отчетѣ за 1877 годъ слѣдующимъ образомъ: ссудъ болѣе 100.000 руб. выдано 121, отъ 50.000 до 100.000 р. выдано 232, отъ 20.000 до 50.000 р. выдано 1.053, отъ 10.000 до 20.000 р. выдано 1.355, отъ 5.000 до 10.000 р. выдано 1.403, отъ 2.000 до 5.000 р. выдано 1.364, менѣе 2.000 р. выдано 452.

Если вы примете въ соображеніе, что ссуды выдавались въ размѣрѣ $^2/_3$ оцѣнки, что оцѣнка, производилась всегда ниже дѣйствительной стоимости имѣній, то оказывается, что ссуда въ 2.000 рублей выдается подъ имѣніе, стоящее 6.000 рублей. Такимъ образомъ изъ приведенной выше таблицы выходитъ, что $^{11}/_{12}$ изъ общаго числа 122 милліоновъ розданы подъ залогъ имѣній, стоящихъ выше 6.000 р. и только $^1/_{12}$—подъ имѣнія ниже 6.000 руб. Потомъ, въ силу устава, менѣе 1.000 р. въ ссуду не выдается. Итакъ, кредитомъ Общества не пользуются и пользоваться не могутъ мелкопомѣстные владѣльцы и $7^1/_2$ милліоновъ крестьянскаго населенія; изъ числа же крупныхъ землевладѣльцевъ кредитомъ пользуются наиболѣе крупные, такъ какъ изъ общей ссуды, 122 милліона, болѣе половины роздано подъ имѣнія, стоящія свыше 20.000 р. Отсюда вы можете вывести заключеніе, насколько вѣрно

указаніе прокурора на государственное значеніе Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Примите въ соображеніе крупные банки поземельнаго кредита тамъ, гдѣ они сдѣлали свое дѣло. Въ Германіи, несмотря на усиліе правительства парализовать монополію дворянскихъ, такъ называемыхъ рыцарскихъ, банковъ, въ результатѣ вышло, что, когда правительству удалось открыть въ 1850 году мелкіе крестьянскіе банки, — значительная часть крестьянскихъ земель была уже скуплена крупными землевладѣльцами. Не надо быть глубокимъ экономистомъ, чтобы сообразить результаты такого положенія вещей, въ силу котораго крупные землевладѣльцы пользуются поощреніями и пособіями отъ государства, а народъ никакимъ кредитомъ отъ государства не пользуется. Соперничество, очевидно, невозможное; результатомъ его можетъ быть только обезземеленіе крестьянъ и порожденіе сельскаго пролетаріата, который уже и проявляется у насъ въ переходѣ крестьянъ изъ хлѣбопашества въ состояніе батраковъ и бобылей. Прокуроръ полагаетъ найти потерпѣвшихъ среди крестьянъ отъ злоупотребленій Юханцева и связываетъ съ затруднительнымъ положеніемъ Общества поземельнаго кредита размѣры вывоза хлѣба за границу. Если бы мы сообщили эти соображенія прокурора крестьянамъ въ той или другой мѣстности, то относительно вывоза за границу, быть можетъ, они отозвались бы, что сами нуждаются въ хлѣбѣ; что же касается ссуды въ 100.000 р., выданной помѣщику, они, быть можетъ, сказали бы, что ихъ баринъ живетъ въ Парижѣ, нѣмцемъ-управляющимъ они недовольны, землю помѣщичью арендуютъ и арендную плату въ срокъ платятъ. По моему мнѣнію, значеніе Общества поземельнаго кредита опредѣляется весьма просто: оно призываетъ на пиръ богачей; народу же отъ этого пира не остается ни крохи. Съ приведенными мною соображеніями, не разъ уже высказанными въ печати, можетъ не согласиться развѣ только тотъ, кто черпаетъ государствовѣдѣніе изъ того устарѣвшаго общественнаго архива, надъ которымъ начертаны слова Людовика XIV-го: „государство—это я". Но обращаться къ этому архиву за государствовѣдѣніемъ было бы все равно, какъ если бы мы съ запросами, въ области

религіи, обратились къ миѳологіи грековъ. Языческіе боги ушли, а тамъ, гдѣ не ушли, уходятъ, и сожалѣть объ этомъ несовременно. Я не настаиваю, чтобы прокуроръ придерживался современныхъ требованій и условій государствовѣдѣнія, но я боюсь, что въ опредѣленіи государственнаго значенія Общества поземельнаго кредита онъ сталъ въ неловкое положеніе того философа, которому послѣ того, какъ онъ опредѣлилъ, что такое человѣкъ, пустили въ аудиторію ощипаннаго пѣтуха, сказавъ: „вотъ твой человѣкъ". Такъ и я скажу прокурору: вотъ вамъ государственное значеніе Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Всѣ приведенныя мною соображенія не оправдываютъ Юханцева, но защита не можетъ допустить, чтобы на голову подсудимаго взвалили нарушеніе какихъ-то небывалыхъ государственныхъ интересовъ (въ публикѣ раздается: „Браво! Браво!").

Предсѣдатель. Я приглашаю публику не нарушать порядка засѣданія. Предупреждаю, что если еще повторится выраженіе одобренія или порицанія происходящему на судѣ, то я воспользуюсь всею широтою предоставленной мнѣ власти, и не только прикажу удалить публику изъ залы засѣданія, но сдѣлаю распоряженіе объ арестованіи тѣхъ, которые будутъ замѣчены въ нарушеніи порядка. Судъ не театръ, и если публика не умѣетъ вести себя съ уваженіемъ къ отправленію правосудія, то она и понесетъ на себѣ послѣдствія своего поведенія. Гг. судебные пристава, примите немедленно мѣры, чтобы съ тѣми, которые будутъ усмотрѣны нарушающими порядокъ, было поступлено на основаніи 155 и 156 ст. учр. суд. уст.

Присяжный повѣренный Жуковскій. Очевидно, что общественный интересъ дѣла заключается не въ цѣляхъ учрежденія, потерпѣвшаго отъ злоупотребленій, а въ той обстановкѣ, въ которой могла возникнуть такая громадная растрата. Съ обстановкою банка вы уже достаточно ознакомились. Рыцарскій банкъ почетнымъ образомъ и обставленъ. Изъ отчета за 1877 годъ видно, что на жетоны членовъ правленія израсходовано 35.000 руб., не говоря о жалованьѣ управляющаго Обществомъ, Герстфельда. Жетонъ—это средство, привлекающее къ общественной дѣя-

тельности просвѣщенныхъ, опытныхъ и авторитетныхъ людей. Жетонъ не имѣетъ вѣдомства; онъ созываетъ представителей изъ самыхъ разнообразныхъ учрежденій: думы, суда, сената, кредитныхъ обществъ и даже морского вѣдомства. Надо удивляться, какъ мы вездѣ поспѣваемъ. Наша неутомимая дѣятельность на пользу общества можетъ быть уподоблена развѣ трудолюбію пчелъ, съ тою, конечно, разницею, что пчелы собираютъ медъ повсюду, несутъ его въ общественный улей, а у насъ въ концѣ концовъ - таки выходитъ, что общественный улей разоряется. Какъ это происходитъ, мы сами понять не можемъ. Если бы мы, однакоже, поближе присмотрѣлись къ нашей общественной дѣятельности, то убѣдились бы, что мы подпираемъ общественное дѣло не посильнымъ трудомъ, а красивымъ подбодряющимъ словомъ. Ни въ ревизіи, ни въ контролѣ, ни въ правилахъ для счетоводства и храненія суммъ, ни въ строгомъ распредѣленіи занятій и обязанностей по дѣлопроизводству, ни въ точной и вѣрной отчетности мы не нуждаемся. Мы не только не нуждаемся въ храненіи денежныхъ суммъ, мы въ самой кассѣ не нуждаемся. Если касса пустѣетъ, мы всегда сумѣемъ выйти изъ затрудненія и привлечь деньги. Дѣло не въ деньгахъ, а въ настроеніи на биржахъ. Разверните отчетъ правленія за 1876 годъ; правленіе Общества взаимнаго поземельнаго кредита жалуется, что вынуждено было временно прекратить выдачу ссудъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ условій, открывающихъ возможность приступить къ выпуску новой серіи закладныхъ листовъ. „Съ наступленіемъ весны,—сказано въ отчетѣ,—вмѣстѣ съ усилившеюся тревогою въ политическихъ дѣлахъ, ясно обнаружилось, что на скорый оборотъ къ лучшему финансовыхъ дѣлъ на европейскихъ биржахъ надѣяться нельзя. Тѣмъ не менѣе усилія правленія достигли того, что, несмотря на полное отсутствіе всякихъ финансовыхъ сдѣлокъ, несмотря на то, что подъ вліяніемъ опасенія грозныхъ политическихъ событій деньги, такъ сказать, повсюду спрятались, выдачи ссудъ правленіемъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не были прекращаемы". Потомъ выдача ссудъ была пріостановлена, но опять-таки, благодаря усиліямъ правленія, въ 1877 году сдѣланъ былъ вы-

пускъ новой серіи закладныхъ листовъ. „Правленіе Общества,—говорится въ отчетѣ,—весьма понятно старалось слѣдить за направленіемъ биржъ, чтобы не упустить благопріятнаго момента для выпуска хоть бы еще одной новой серіи листовъ въ теченіе прошлаго отчетнаго года. И дѣйствительно, среди полнаго застоя дѣлъ, продолжавшагося уже болѣе года, въ январѣ 1877 года неожиданно обнаружилось въ европейской публикѣ болѣе довѣрчивое настроеніе; на биржахъ замѣчено было возвышеніе бумагъ и расположеніе къ возобновленію дѣлъ. Подписка была объявлена по 102 р. за листъ и дала весьма удовлетворительные результаты". Когда же чутье, указывающее, гдѣ деньги спрятались, не помогаетъ, остается еще надежда на субсидію.

До какой степени въ ревизіи, контролѣ и храненіи суммъ правленіе не нуждается, вы можете заключить изъ того, что Юханцевъ, судя по свидѣтельскимъ показаніямъ, обвиняется какъ кассиръ, контролеръ, бухгалтеръ, управляющій и ревизоръ. Какъ кассиръ, онъ безотчетно распоряжается кассою. Контролеръ могъ провѣрять нумераціи по бумагамъ въ кассѣ тогда только, когда Юханцевъ былъ настолько любезенъ, что разрѣшалъ ихъ просматривать. Юханцевъ завѣдывалъ чековою операціей, чеки подписывались управляющимъ по указанію Юханцева и исчезали, не оставляя никакого слѣда въ книгахъ. Бухгалтеру онъ диктуетъ книгу текущихъ счетовъ; ревизорамъ даетъ подписывать saldo, какое находитъ болѣе удобнымъ, и заставляетъ ихъ считать пустые пакеты, вмѣсто денежныхъ. На судебномъ слѣдствіи нѣсколько разъ возбуждаемъ былъ вопросъ объ инструкціи. Когда я просмотрѣлъ дѣло, я обратился въ судъ съ просьбою потребовать къ дѣлу инструкцію въ виду того, что Юханцевъ обвиняется какъ кассиръ правительственнаго учрежденія. Въ день засѣданія появился на судѣ проектъ инструкціи, еще не утвержденный правленіемъ, тѣмъ не менѣе управляющій Герстфельдъ старался поддерживать прокурора въ томъ предположеніи, что проектъ этотъ замѣнялъ инструкцію, былъ объявленъ и исполнялся всѣми служащими. Когда же обнаружилось, что проектъ этотъ не былъ извѣстенъ контролеру Мерцу, то управляю-

щій Герстфельдъ объявилъ, что Мерцъ, какъ маленькій чиновникъ въ банкѣ, могъ и не знать инструкцію. Потомъ членъ правленія Познанскій показалъ, что инструкцій было цѣлый ворохъ, недоставало только собрать ихъ и напечатать на веленевой бумагѣ, хотя замѣчу, что прокурору было бы пріятно имѣть ихъ и на простой сѣрой бумагѣ, лишь бы онѣ существовали въ дѣйствительности. Но вслѣдъ за Познанскимъ членъ правленія Сальковъ объяснилъ, что никакой инструкціи онъ не видѣлъ; то же подтвердилъ и свидѣтель Пейкеръ, который былъ въ теченіе пяти лѣтъ предсѣдателемъ Общества. Такимъ образомъ оказалось, что порядка въ банкѣ никакого установлено не было. Порядокъ основанъ былъ на устномъ преданіи, а такъ какъ преданію свойственно искажаться, то отвѣты служащихъ на вопросы о порядкахъ въ банкѣ сводились къ отзыву: я не здѣшній. Проектъ инструкціи оказался обязательнымъ только для управляющаго Обществомъ, Герстфельда, и то за исключеніемъ того параграфа, которымъ возложена на него отвѣтственность за сохранность кассы, такъ какъ въ кладовую онъ, повидимому, никогда не спускался и не зналъ, какъ и гдѣ хранились деньги. Я возбуждалъ вопросъ объ инструкціи въ виду того, что къ Юханцеву примѣняются тѣ спеціальные уголовные законы, которыми опредѣляется отвѣтственность кассировъ и казначеевъ правительственныхъ учрежденій. У кассира въ правительственномъ учрежденіи всякій шагъ разсчитанъ и на отчетѣ предъ контролемъ. Никакими операціями онъ не завѣдуетъ; приходуетъ и расходуетъ кассу не иначе, какъ по ордеру. Входить въ кладовую безъ контролера и управляющаго онъ не имѣетъ права. Денежная выемка изъ кладовой вписывается въ кладовую книгу; контролеръ и управляющій ведутъ ежедневныя вѣдомости приходу и расходу. Инструкціей опредѣлено, какія должны быть приложены къ дверямъ кладовой печати и у кого должны храниться ключи. Какой порядокъ храненія суммъ существовалъ въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита? Не говоря уже о томъ, что инструкціи относительно опечатыванія и распечатыванія пакетовъ не существовало, судебное слѣдствіе убѣждаетъ насъ, что самое опечатываніе пакетовъ введено

было въ виду неудобства пересчитыванія при каждой ревизіи процентной бумаги по листамъ. Особаго помѣщенія для кладовой не было; въ кладовой же хранились оплаченные купоны и ордера предыдущихъ годовъ. Хотя къ дверямъ кладовой были три ключа, которые могли бы быть распредѣлены между контролеромъ, управляющимъ и кассиромъ, но всѣ эти ключи были ввѣрены одному кассиру. Входитъ или не входитъ кассиръ въ кладовую и если входитъ, то зачѣмъ, до этого ни управляющему, ни правленію не было дѣла. Гражданскій истецъ пытался что-то выяснить относительно устройства и назначенія электрическихъ звонковъ, но аппаратъ этотъ во всякомъ случаѣ не замѣнялъ собою контроля и не давалъ знать правленію о количествѣ бумагъ, похищенныхъ кассиромъ. Какъ хранятся деньги— въ шкапу, ящикѣ или просто на столѣ—это тоже никого въ правленіи не интересовало. Хотя правленію и было извѣстно, что въ кладовую вхожъ и конторщикъ, и кассиръ, оно, повидимому, изъ экономіи не заводило шкапа. Установившійся порядокъ храненія денегъ въ опечатанныхъ пакетахъ едва ли вы гдѣ-нибудь встрѣтите. Законы (ст. 1624, т. II, ч. 1) хотя и говорятъ о запечатанныхъ пакетахъ, но только относительно вкладовъ постороннихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Въ такихъ случаяхъ, весьма понятно, требуется, чтобы вкладъ былъ особо опечатанъ печатью того вѣдомства или лица, которымъ онъ принадлежитъ. Въ инструкціяхъ для казначействъ и государственнаго банка ревизующимъ строго вмѣняется въ обязанность просчитывать кредитные билеты и цѣнныя бумаги по листамъ; члены правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита свели эту утомительную операцію къ прочету пакетовъ. Свидѣтель Познанскій находилъ такой порядокъ идеальнымъ, и дѣйствительно идеальность эта доходила до того, что гражданскій истецъ предъявитъ вамъ въ концѣ концовъ такой протоколъ ревизіи, въ которомъ все правленіе цѣликомъ, а въ томъ числѣ и свидѣтель Познанскій, удостовѣряетъ, что цѣнныя бумаги провѣрены и, за исключеніемъ похищенныхъ кассиромъ, состоятъ налицо. По инструкціямъ для казначействъ и отдѣленій государственнаго банка денежныя суммы хранятся въ сундукахъ,

конечно, запертыхъ и опечатанныхъ; но самыя деньги не опечатываются въ особые пакеты. Кредитные билеты хранятся въ бандерольныхъ пачкахъ, цѣнныя бумаги въ тетрадяхъ, монеты въ открытыхъ мѣшкахъ. При существовавшемъ въ Обществѣ поземельнаго кредита порядкѣ надо же было опредѣлить, кто имѣлъ право вскрывать пакеты. Если бы Юханцевъ при каждой выемкѣ бумагъ приглашалъ членовъ правленія въ кладовую, то эта почетная должность сводилась бы къ обязанностямъ сортировщика въ почтовыхъ отдѣленіяхъ, такъ какъ пакетовъ было болѣе двухсотъ. Очевидно, что не могло быть и рѣчи о воспрещеніи кассиру вскрывать пакеты по мѣрѣ надобности. Прокуроръ постоянно обращался къ членамъ правленія съ вопросомъ: имѣлъ ли право Юханцевъ взломать печать и похитить изъ пакета бумаги? Но вопросъ этотъ было бы правильнѣе такъ поставить: имѣлъ ли право Юханцевъ похитить бумаги изъ запечатаннаго пакета? Дѣло не въ похищеніи, а въ томъ, можетъ ли быть поставленъ Юханцеву въ особое обвиненіе взломъ печатей. Члены правленія показали, что никто и не отрицалъ права кассира на распечатываніе пакетовъ. Если правительственному кассиру можетъ быть вмѣненъ уголовный законъ относительно взлома печатей, то правительственный кассиръ предупрежденъ инструкціей относительно неприкосновенности печатей. Разъ такой инструкціи не было, взломъ печатей не можетъ быть вмѣняемъ въ особое преступленіе, такъ какъ правительствующій сенатъ въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ давно уже разъяснилъ, что отвѣтственность за растрату не можетъ быть увеличиваема, хотя бы растраченные предметы или вещи были заперты и запечатаны. Прокуроръ объясняетъ, что не во взломѣ печатей дѣло, а въ томъ обстоятельствѣ, что Юханцевъ, похитивъ деньги изъ пакета, запечаталъ его своею печатью. Но вѣдь въ статьѣ закона говорится только о взломѣ печатей, и пока законъ не передѣланъ, соображенія прокурора едва ли примѣнимы. Если принять при этомъ въ соображеніе, что пакеты оставались распечатанными отъ одной ревизіи до другой, что въ кладовую были всѣ вхожи, то нельзя отрицать права кассира запечатывать такіе пакеты временно своею печатью. Я нахожу, что за отсут-

ствіемъ инструкціи, которая опредѣлила бы значеніе печатей на пакетахъ, а равно въ виду показаній свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что назначеніе ихъ печатей опредѣлялось исключительно удобствомъ для ревизоровъ, было бы несправедливо примѣнять къ Юханцеву спеціальный законъ, возводящій взломъ печатей въ особое преступленіе.

(Послѣ перерыва). Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели!.. Я вчера еще заявилъ суду, что поставленъ въ крайнее затрудненіе неопредѣленностью обвинительнаго акта. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что Юханцевъ сообщалъ въ бухгалтерію ложныя свѣдѣнія, при чемъ не объяснено—устно или письменно; а какъ скоро не письменно, то нѣтъ и подлога. Насколько я понялъ прокурора, онъ видитъ подлогъ въ томъ, что Юханцевъ давалъ памятные листки въ бухгалтерію, искажая въ нихъ цифру прихода и расхода по чекамъ, что вслѣдствіе того книга текущихъ счетовъ была переполнена ложными цифрами. Эксперты объяснили, что эти памятные листки не представляютъ собою документа съ точки зрѣнія бухгалтера, такъ какъ вообще бухгалтеръ не можетъ вести своихъ книгъ по справкамъ кассира; что въ частности эти памятные листки, не имѣющіе ни штемпеля кассира, ни бланка Общества, ни должностной подписи кассира, даже при томъ извращенномъ отношеніи бухгалтеріи къ кассѣ, какое существовало въ Обществѣ, не могутъ быть приняты за документы. Прокуроръ указываетъ на то, что эти листки имѣютъ юридическое обязательное значеніе для Юханцева; но дѣло не въ юридическомъ ихъ значеніи, въ смыслѣ обязательства, а въ значеніи ихъ по смыслу ст. 362-й Улож., которая примѣняется къ Юханцеву. По смыслу ст. 362-й Улож. преслѣдуется искаженіе истины въ рапортахъ, донесеніяхъ, актахъ, протоколахъ, вообще въ бумагахъ служебныхъ, а потому слѣдуетъ разрѣшить вопросъ, подходятъ ли памятные листки, на которые здѣсь указывается, подъ формальную служебную бумагу. Если бы товарищъ прокурора увѣдомилъ своего прокурора о ходѣ уголовнаго дѣла не официальнымъ представленіемъ, а простымъ частнымъ письмомъ, едва ли прокуроръ рѣшился бы составить по такому письму рапортъ въ министерство; по всей вѣроятности онъ потребовалъ бы отъ своего товари-

ща оФиціальнаго представленія. Трудно, по крайней мѣрѣ, себѣ представить, чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица сносились между собою неофиціальными памятными листками, и я полагаю, что памятные листки Юханцева нельзя подводить подъ тѣ служебныя офиціальныя бумаги, которыя предусмотрѣны ст. 362-ю Уложенія.

Прокуроръ обвиняетъ Юханцева въ подложномъ составленіи книги текущихъ счетовъ. Подлогъ—преступленіе такого рода, которое обусловливается прежде всего необходимостью взять въ руки перо и приложить его къ бумагѣ. Юханцевъ книги текущихъ счетовъ не велъ. Я не отрицаю возможности обвиненія въ подложномъ составленіи акта черезъ посредство другого лица, но, чтобы признать такого рода обвиненіе, надо же допросить, по крайней мѣрѣ, то лицо, которымъ книга была ведена,—вѣдь это азбучное правило уголовнаго слѣдствія. Мы писца того, который велъ книгу, не допрашивали, и я не понимаю, почему писецъ тотъ не сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ, быть можетъ, совершенно не виноватъ,—это совершенно справедливо; но вѣдь онъ объясненій не давалъ. Нельзя отдавать на произволъ прокурора разрѣшеніе такихъ вопросовъ. Затѣмъ я не понимаю, какъ можно обвинять человѣка въ подложномъ составленіи такой книги, которой и вести вовсе не слѣдовало. Бухгалтерія должна вести текущіе счеты по подлинной расчетной книгѣ, выдаваемой изъ государственнаго банка: тогда только она въ состояніи провѣрять правильность чековой операціи. Та книга текущихъ счетовъ, въ подложномъ составленіи которой Юханцева обвиняютъ, не только была не нужна, но приносила вредъ, извращая отношенія бухгалтеріи къ кассѣ; между тѣмъ по поводу ея взводится тяжкое обвиненіе въ подлогѣ. Юханцевъ признаетъ, что онъ сообщалъ ложныя свѣдѣнія въ бухгалтерію; но правительствующій сенатъ давно уже разъяснилъ, что ложное удостовѣреніе о количествѣ полученнаго, запирательство въ полученіи представляетъ собою необходимый признакъ утайки,—и потому возводить ложныя сообщенія Юханцева въ особое преступленіе служебнаго подлога было бы несправедливо, такъ какъ никакой инструкціи относительно порядка въ счето-

водствѣ правленіемъ установлено не было и въ бухгалтеріи существовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Въ силу же ст. 362 Улож., Юханцеву вмѣняется въ отвѣтственность истребленіе чековой расчетной книги. Прокуроръ ошибается: истребленіе приходо-расходныхъ книгъ преслѣдуется въ силу особаго спеціальнаго закона, а именно въ силу ст. 481 Улож. Но истребленіе книги, по смыслу этого закона, тогда только можетъ быть поставлено въ отвѣтственность, когда книга прошнурована. Вы, конечно, достаточно убѣдились по свидѣтельскимъ показаніямъ, что расчетная чековая книга, неизвѣстно когда пропавшая, не была прошнурована, слѣдовательно, истребленіе ея не можетъ быть вмѣняемо въ отвѣтственность. Сказано въ законѣ шнуровая книга, а законъ уголовный распространительнаго толкованія не допускаетъ. Притомъ и самыя основанія такого закона понятны. Если бы законъ не указалъ внѣшняго признака, которымъ санкціонировалъ бы неприкосновенность казначейскихъ актовъ, то ему пришлось бы опредѣлять такіе акты по внутреннему содержанію. Мало ли какія есть вспомогательныя книги, не имѣющія особаго значенія; необходимая казначейская книга должна быть шнуровая, и этотъ признакъ совершенно понятенъ всякому писцу. Допустимъ, наконецъ, что прокуроръ правъ, требуя обвиненія въ истребленіи книги, не имѣющей шнура, но надо же указать какія-нибудь доказательства. Указывается на то, что Юханцевъ могъ имѣть цѣль въ истребленіи, возникаетъ подозрѣніе, что книга была ведена съ искаженіемъ истины. Во-первыхъ, никто изъ свидѣтелей ея не видалъ, а потому заключеніе о ея содержаніи ни на чемъ не основано; во-вторыхъ, есть основаніе полагать, что она не могла даже быть ведена неправильно, такъ какъ расчетныя чековыя книжки посылаются ежегодно въ государственный банкъ для повѣрки. Если бы, наконецъ, книга эта была ведена неправильно, то Юханцевъ рисковалъ ежемѣсячно при ревизіи быть изобличеннымъ, такъ какъ ревизующіе могли всегда потребовать контокурентъ изъ государственнаго банка. Прокуроръ указываетъ на сокрытіе слѣдовъ преступленія. Но если бы Юханцевъ имѣлъ въ виду такую цѣль, то ему выгоднѣе было бы скрыть подложную бухгалтер-

скую книгу. Могутъ возразить, что онъ не имѣлъ возможности ее скрыть; но вѣдь, по представленію же прокурора, Юханцевъ распоряжался всѣмъ въ банкѣ; онъ приказалъ бы—скрыли.

Экспертамъ былъ предложенъ вопросъ: какого рода системы держался Юханцевъ, производя такія громадныя растраты? Онъ пользовался безпорядками по чековой операціи, когда же возможность эта была устранена, онъ похищалъ и закладывалъ бумаги. У гражданскаго истца возникло подозрѣніе о биржевой спекуляціи; я замѣчу, что если это подозрѣніе основательно, то нельзя допустить, чтобы Юханцевъ спекулировалъ одинъ. Представьте себѣ шахматнаго автомата, передвигающаго шашки внизу пружины, которою руководитъ замаскированный подъ доскою шахматный игрокъ. Я могу еще себѣ представить такого автомата, который бы подписывалъ примѣрные чеки, пересчитывалъ бы пустые пакеты, вмѣсто денежныхъ, писалъ бы въ бухгалтерской книгѣ все, что хотите, хотя я не знаю, усовершенствована ли механика настолько, чтобы устроить такой автоматъ. Но представить себѣ такого автомата въ лицѣ живого правленія, организованнаго изъ просвѣщенныхъ, опытныхъ и авторитетныхъ людей, воля ваша, я не могу и мнѣ остается завидовать той головѣ, въ которой представленіе такого рода свободно умѣщается. Вообще я не понимаю, какимъ образомъ можно примѣнять къ отвѣтственности Юханцева строгіе спеціальные законы при такой хаотической обстановкѣ банка. Къ ней всего ближе подходитъ эпиграфъ изъ одной не изданной сатиры: „Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ“. А прокуроръ принялъ эту обстановку за общественный банкъ, предусмотрѣнный закономъ.

Указавъ на обстановку, въ которой возникла растрата, я вовсе не имѣлъ въ виду оправдывать Юханцева недосмотромъ со стороны правленія. Кассиръ, оправдывающій себя распущенностью контроля, прежде всего рекомендовалъ бы себя неблагонадежнымъ кассиромъ и въ концѣ концовъ долженъ былъ бы признать, что деньги потому именно и растрачены, что ему были ввѣрены. Но, съ другой стороны, несправедливо было бы ставить Юханцеву въ укоръ

то широкое довѣріе, которое ему будто оказывали. Порядокъ въ банкирскихъ учрежденіяхъ главнымъ образомъ долженъ быть основанъ не на довѣріи, а на строгомъ контролѣ. Дѣло вовсе не въ томъ, хорошо или плохо за Юханцевымъ смотрѣли, довѣряли ему или не довѣряли,—дѣло въ томъ, что весь вообще строй управленія носилъ на себѣ отпечатокъ полнѣйшаго пренебреженія къ какому-нибудь порядку въ счетоводствѣ и отчетности; что Юханцевъ дошелъ до произвольнаго распоряженія кассою не вслѣдствіе довѣрія, а въ силу полнѣйшаго равнодушія со стороны управленія, въ силу просто лѣни, по которой управленіе въ теченіе 12 лѣтъ не могло составить инструкцій, а существующимъ инструкціямъ государственнаго банка не слѣдовало.

Что такое Юханцевъ?—сказалъ прокуроръ. Стоитъ ли его распластывать на столѣ вещественныхъ доказательствъ? Зачѣмъ же такое пренебреженіе къ подсудимому? Когда вы прослушали то письмо, которое Юханцевъ писалъ своему старшему брату изъ Кіева въ 1864 году, едва ли вы вынесли дурное впечатлѣніе о его личности. Въ письмѣ томъ высказывается хорошая, молодая натура изъ доброй семьи: нѣжное чувство къ матери, искреннее уваженіе къ брату, которому дѣлается безхитростное признаніе въ безсиліи, безхарактерности, сѣтованіе на роскошную обстановку, которою окружаютъ его домъ помимо его воли, твердая рѣшимость работать, хотя трудъ ему, повидимому, еще не пригоденъ и онъ боялся сложить свою бѣдную голову отъ разъѣздовъ въ телѣгѣ, наконецъ, безумная любовь къ женѣ и терпѣливая надежда на семейное счастіе. До какихъ предѣловъ доходила покорность къ своей участи, вы можете судить по содержанію той записки, которая приложена ко второму письму. Безспорно, что это письмо, въ которомъ онъ весь высказывается, дышитъ неподдѣльными и добрыми инстинктами. Но инстинктовъ мало, имъ надо сложиться въ серьезное и непоколебимое міровоззрѣніе, а для этого нужна твердая воля или здоровая среда общественнаго опыта. Семейное счастіе въ Кіевѣ не удалось, не осуществилось. Юханцева перевели вмѣстѣ съ женою въ Петербургъ; онъ не имѣлъ мужества ее по-

кинуть, потому что оставался влюбленнымъ женихомъ, который только еще надѣялся быть мужемъ. Если въ Кіевѣ онъ имѣлъ хоть долю самостоятельности, то здѣсь онъ жилъ на хлѣбахъ у тестя. Когда потомъ его сдѣлали кассиромъ и онъ сталъ у большого дѣла, въ какомъ направленіи могли развиваться его добрые инстинкты, уже нѣсколько поприправленные семейнымъ несчастіемъ? Ему было тогда 28 или 29 лѣтъ. Быть можетъ, вначалѣ онъ съ недоумѣніемъ читалъ отчеты, въ которыхъ говорится о настроеніи европейскихъ биржъ, о застоѣ финансовыхъ сдѣлокъ и нерасположеніи къ возобновленію дѣлъ. Онъ не понималъ этихъ громкихъ фразъ, надерганныхъ изъ газетныхъ передовыхъ статей, а тѣмъ менѣе понималъ, какъ извлекаются деньги оттуда, куда они спрятались. Но касса ломилась отъ подписи на закладные листы; онъ самъ по такой подпискѣ, шутя, получилъ за комиссію разницы 15,000 р. Быть можетъ, онъ встрѣчалъ людей, которые находили этотъ выигрышъ мизернымъ гешефтомъ и снисходительно поощряли въ немъ молодое чутье къ наилучшему извлеченію куртажей и премій, потому что деньги прятались ими въ воздухѣ, дѣло только въ умѣніи ими воспользоваться. Его нѣсколько наивное, идиллическое настроеніе, въ которомъ онъ писалъ письмо изъ Кіева, замѣнилось спекулятивнымъ, биржевымъ. А тутъ, съ другой стороны, семейное несчастіе, указаніе на которое встрѣтило насмѣшки со стороны прокурора и гражданскаго истца. Зачѣмъ подсудимый требуетъ, чтобы судъ входилъ въ его семейную обстановку? Во-первыхъ, подсудимый жены своей не обвиняетъ: онъ показалъ судебному слѣдователю, какъ и откуда произошла растрата; во-вторыхъ, подсудимый постоянно быль допрашиваемъ объ этомъ же прокуроромъ и истцомъ. Какая, дѣйствительно, смѣшная ассоціація, странное сочетаніе представленія: безумная любовь къ женѣ и расхищеніе кассы! Но въ нелѣпомъ общественномъ строѣ все печальное смѣшно, а все смѣшное печально. Конечно, смѣшно, когда семейное счастіе размѣривается аршинами брюссельскихъ кружевъ. Если вы взглянете съ другой точки зрѣнія на великосвѣтскій бракъ, вы убѣдитесь, что вообще, въ силу извращеннаго воспитанія, стремленіе бли-

стать внѣшностью въ обществѣ преобладаетъ въ свѣтскихъ женщинахъ надъ инстинктами матери. Смѣшно, конечно, оправдывать расхищеніе кассы страстью къ женщинамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я могъ бы вамъ привести много историческихъ примѣровъ въ доказательство того, что страсть къ женщинамъ кружила головы не только кассирамъ, но и государственнымъ людямъ и королямъ. Эта страсть производила не маленькія опустошенія не только въ частныхъ кассахъ, но и въ государственныхъ, и съ этой точки зрѣнія становится уже не смѣшно, а „поучительно"— заимствую выраженіе гражданскаго истца. Если бы мнѣ сказали, что мотивъ приведенный Юханцевымъ, не представляетъ собою ничего извинительнаго, я бы на это сказалъ, что достоинство судьи заключается не въ стремленіи къ безпристрастію взвѣсить ту обстановку, то душевное состояніе человѣка, въ силу котораго онъ опустился до преступленія. Если вы взвѣсите то исключительное положеніе, въ которомъ находился Юханцевъ, судя по его письмамъ изъ Кіева, вы едва ли не примете ихъ въ соображеніе при разрѣшеніи дѣла.

Порѣшивъ съ разводомъ, онъ очутился въ омутѣ, въ которомъ кружился въ чаду до тѣхъ поръ, пока его не заключили въ тюрьму. Надежда пополнить кассу обращалась съ каждымъ днемъ въ тщетную мечту и отходила въ ужасающую пропастъ съ каждой ревизіей. Что бы пополнить кассу для ревизіи, закладываются бумаги, а тамъ къ недочету въ кассѣ присоединяется уплата по процентамъ. Въ обвинительномъ актѣ указано на найденные у Юханцева счета за 1877 годъ, обнаруживающіе весьма небольшіе расходы, сравнительно съ общею суммою растраты. Но вѣдь эти счета могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что по нимъ оплачено. Надо было поподробнѣе разспросить Юханцева и провѣрить его показаніе. Двумя или тремя вопросами на судебномъ слѣдствіи выяснились постыдные расходы на женщинъ и кутежи въ десяткахъ тысячъ. По дознанію сыскной полиціи, сказано въ обвинительномъ актѣ, оказалось, что хотя Юханцевъ посѣщалъ Бореля и Дюссо, но траты его тамъ были незначитальны. Начальство той же полиціи примиряетъ денежныя претен-

зіи кокотки къ Юханцеву въ десяткахъ тысячъ, а сыскной агентъ затрудняется указаніемъ на его безумныя траты. Слухи о безумномъ мотовствѣ Юханцева не разъ доходятъ до правленія Общества; о пирахъ Юханцева въ „Самаркандѣ“ и „Ташкентѣ“ сенаторъ Ржевскій безъ затрудненія собираетъ свѣдѣнія у полицеймейстера; а сыскная полиція ограничивается розысками въ кварталѣ своей резиденціи. Какая благодарная почва для обвиненія: пиры въ окрестныхъ ресторанахъ на счетъ кассы; между тѣмъ сыскной агентъ пятится, и матеріалъ для обвиненія доставляетъ опять-таки самъ подсудимый.

Такъ, въ „Самаркандахъ“ и „Ташкентахъ“, среди золотой молодежи, Юханцевъ топилъ въ пирахъ свое паденіе. Если холодная, воровская змѣя, пригнѣздившаяся въ его сердцѣ, поворачивала сердце среди пира и жалила его укоромъ совѣсти, то этотъ укоръ заглушала лихая цыганская пѣсня: „Эй, вы улане!“ и ему казалось, что онъ пополнитъ милліоны, что онъ сила, что онъ принадлежитъ къ той избранной высшей средѣ меньшинства, которая съ рожденія повита на вѣчный пиръ и растрату милліоновъ. А завтра опять мучительное сознаніе упрека совѣсти и упованіе на то, что въ концѣ концовъ должно же его преступное дѣло быть обнаружено. Бываетъ такого рода душевное состояніе, когда человѣку остается или наложить на себя руки или искать спасенія, отдаваясь на судъ общественной совѣсти. Общественный судъ исцѣляетъ зараженную совѣсть и примиряетъ человѣка съ жизнью, какъ бы она ни была тяжела, вслѣдствіе возникшаго въ немъ къ самому себѣ презрѣнія. Только въ тюрьмѣ Юханцевъ могъ измѣрить ту бездну, въ которую онъ опустился. Все прошлое, промелькнувшее предъ нимъ въ чаду, возобновлялось въ головѣ его жгучими, постыдными воспоминаніями, которыя обливали его сердце ядомъ и вызывали холодный потъ. Утонченные пиры съ цыганскими хорами и окружавшая его золотая молодежь, все это представлялось ему до крайности пошлымъ. Въ посѣщеніяхъ матери, которая въ продолженіе десятимѣсячнаго заключенія не пропустила ни одного вторника, ни одной пятницы, онъ находилъ себѣ ту нравственную поддержку, въ силу которой отвращеніе къ

прошлому и презрѣніе къ себѣ самому за все, что имъ сдѣлано, въ немъ окрѣпло и онъ вынесъ изъ тюрьмы чувство покорности къ суду общественной совѣсти. Онъ не слышалъ отъ матери ни одного упрека за позоръ, который онъ внесъ своимъ преступнымъ дѣломъ въ семью. Ему это было очень больно вначалѣ, но потомъ онъ понялъ, что могучая власть возстановлять слабое и падшее дана только тому, кто, отрѣшившись отъ возмездія карою, исцѣляетъ участіемъ и состраданіемъ.

Я пытался доказать, что прошлое Юханцева не имѣетъ ничего общаго съ представленіемъ о дурной натурѣ, заключающей въ себѣ почву для зараженія низкими инстинктами; ему не трудно было вырвать раскаяніемъ ту змѣю, которая заползла въ его сердце. Воръ изъ той великосвѣтской сферы, въ которой вращался Юханцевъ, и бѣжитъ отъ суда—воръ совершенно иного типа. Онъ живетъ скромно и въ почетѣ. Его уважаютъ, какъ добраго семьянина. Онъ не рыщетъ по „Самаркандамъ", денегъ не мотаетъ, копитъ копейку для своего потомства, и хотя порядочно скопилъ уже, но вѣчно жалуется на средства. Онъ ѣздитъ къ кокоткѣ, но тайкомъ, и у кокотки умѣетъ соединить пріятное съ полезнымъ. Когда же какимъ-нибудь совершенно неопредѣленнымъ образомъ обнаружится его неряшливость на служебномъ поприщѣ, онъ сумѣетъ, отходя безъ огласки отъ дѣлъ, устроить себѣ пенсію. Вотъ истинный воръ! Приложите этотъ темный образъ къ Юханцеву и вы убѣдитесь, что прокуроръ глубоко ошибается.

Найдете, что одиночное тюремное заключеніе въ продолженіе 10-ти мѣсяцевъ не представляетъ еще собою достаточнаго испытанія,—вы прибавите. Но позвольте мнѣ прежде, чѣмъ вы удалитесь на совѣщаніе, высказать съ полною откровенностью мое мнѣніе, какой приговоръ должны вы постановить, по справедливости и въ интересахъ общества. Съ точки зрѣнія гражданскаго иска уже все сдѣлано. Потерпѣвшій уже не ищетъ обвиненія, онъ ищетъ возстановленія своихъ нарушенныхъ интересовъ. Гражданскій истецъ будетъ просить судъ отдѣлить вопросъ факта отъ виновности, т.-е. поставить прежде вопросъ, растратилъ ли Юханцевъ 2.000.000 руб.? а затѣмъ вопросъ о томъ, вино-

венъ ли Юханцевъ въ растратѣ? Разъ вы отвѣтите „да, растратилъ", гражданскому истцу уже безразлично, какъ вы отвѣтите на второй вопросъ: „да, виновенъ" или „нѣтъ, не виновенъ", ему это все равно. Если бы Юханцевъ имѣлъ что-нибудь или будетъ имѣть, гражданскій истецъ можетъ съ него взыскивать уже въ силу вашего отвѣта: „да, растратилъ". Въ отношеніи же требованій справедливости вообще вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: достаточно ли того возмездія, которое представляетъ собою десятимѣсячное заключеніе? Я нахожу, что 10 мѣсяцевъ одиночнаго тюремнаго заключенія вполнѣ достаточно по двумъ причинамъ Сознаніе подсудимаго служитъ ручательствомъ его нравственнаго исправленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перенесъ на себѣ и нравственное испытаніе. Вы можете въ этомъ лично убѣдиться. Заставьте его написать двѣ строчки, вы увидите, что онъ не владѣетъ рукою, она ходитъ какъ бы пораженная пляскою св. Витта. Наше одиночное тюремное заключеніе сводило съ ума не одинъ десятокъ людей. Еще два-три мѣсяца и подсудимый могъ бы лишиться способности мыслить и чувствовать, лишиться способности оцѣнить вашъ приговоръ. Быть можетъ, дѣло не въ физическомъ возмездіи, а въ лишеніи чести; но возстановить честь Юханцева, снять съ него позоръ никто уже не въ состояніи. Если вы, наконецъ, находите, что 10 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія не представляютъ собою достаточнаго испытанія, то, постановляя приговоръ, встрѣтитесь съ нѣкоторыми затрудненіями. Я не могу себѣ представить, чтобы Юханцевъ могъ быть обвиняемъ по тѣмъ строгимъ спеціальнымъ уголовнымъ законамъ, въ силу которыхъ преслѣдуются кассиры и казначеи правительственныхъ учрежденій. Мы достаточно уже разбирали обстановку этого банка, и я полагаю, что это не банкъ, а просто общество помѣщиковъ, ввѣрившее свои капиталы Юханцеву. Очень жаль, что онъ ихъ растратилъ; никто не виноватъ, что въ Обществѣ не было установлено того порядка, какой необходимъ для банка. Растрату отвергать нельзя, но эта растрата простая, не имѣющая ничего общаго съ растратою, которая предусмотрѣна закономъ относительно правительственныхъ кредитныхъ учрежденій, и

возникаетъ вопросъ: не представляется ли эта растрата послѣдствіемъ легкомыслія? Съ точки зрѣнія справедливости можете ли вы отнести злоупотребленія, отъ которыхъ потерпѣло Общество поземельнаго кредита, на счетъ одного Юханцева? Вы имѣете въ виду отступленія отъ порядка въ счетоводствѣ, а между тѣмъ. ст. 474-я Улож., предусматривающая этотъ проступокъ, остается безъ примѣненія къ бухгалтеріи. Въ ст. 415-й Улож., по которой Юханцевъ преданъ суду, преслѣдуются должностныя лица общественныхъ банковъ „за невѣрности въ храненіи суммъ". Я просилъ бы прокурора объяснить мнѣ: что такое слѣдуетъ понимать подъ невѣрностями храненія суммъ, и можетъ ли онъ указать намъ болѣе невѣроятный способъ храненія суммъ, чѣмъ тотъ, который мы обнаружили въ Обществѣ поземельнаго кредита? Нельзя предоставить произволу прокурора право брать на выдержку обвиняемыхъ, и едва ли общественное мнѣніе будетъ удовлетворено такимъ приговоромъ, въ силу котораго злоупотребленія будутъ отнесены на счетъ одного Юханцева. Прокуроръ указываетъ на примѣрность вашего строгаго приговора. Что скажутъ, задаетъ онъ вопросъ, иностранцы по поводу нашей эпидеміи растратъ? Едва ли настоящій процессъ удивитъ Европу—тамъ кассиры крадутъ и больше, и чаще, а биржа наша въ отношеніи европейской представляется микроскопическою. Если же вы имѣете въ виду примѣрность съ юридической точки зрѣнія, то скажите, въ силу чего прежнія злоупотребленія по казначейской части сократились у насъ: въ силу ли примѣрности приговора или же болѣе совершеннаго устройства казначейской части со времени введенія кассъ? Съ точки зрѣнія русскаго общественнаго интереса примѣрность приговора будетъ заключаться въ пересмотрѣ устава для общественныхъ банковъ и самаго уголовнаго закона. Въ этомъ отношеніи вашъ приговоръ, вмѣняющій Юханцеву 10 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія будетъ имѣть громадное общественное значеніе и едва ли будетъ несправедливъ.

Стороны еще разъ помѣнялись возраженіями, послѣ чего судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе вопросы: 1) Ви-

новенъ ли подсудимый, отставной коллежскій совѣтникъ К. Н. Юханцевъ, въ томъ, что, состоя на службѣ въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита въ должности кассира, изъ ввѣренныхъ ему по этой должности суммъ, полученныхъ имъ по завѣдыванію операціями по текущему счету Общества въ государственномъ банкѣ, а также изъ процентныхъ бумагъ, ввѣренныхъ ему по этой должности, въ періодъ времени съ 1873 по 1878 годъ, употребилъ въ свою пользу разныя суммы и процентныя бумаги, всего на сумму около двухъ милліоновъ рублей, при чемъ не возвратилъ таковыхъ ни до, ни послѣ открытія его злоупотребленія? 2) Если подсудимый Юханцевъ виновенъ въ употребленіи въ свою пользу процентныхъ бумагъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, ввѣренныхъ ему по должности кассира Общества, то для совершенія этого преступленія были ли имъ сломаны печати членовъ правленія Общества, находившіяся на пакетахъ, въ которыхъ хранились тѣ процентныя бумаги? 3) Виновенъ ли Юханцевъ въ томъ, что, состоя кассиромъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита и завѣдуя операціями по текущему счету Общества въ государственномъ банкѣ, въ періодъ времени съ 1873 по 1876 годъ, съ корыстною цѣлью: 1) отъ своего имени сообщалъ для помѣщенія въ контокурентную книгу Общества завѣдомо ложныя письменныя свѣдѣнія какъ о суммахъ, которыя онъ вносилъ на текущій счетъ государственнаго банка, такъ равно и о суммахъ, на которыя выдавались чеки, зная, что эти свѣдѣнія заносятся въ контокурентную книгу, служащую основаніемъ для провѣрки правильности операцій банка? 2) похитилъ или истребилъ расчетныя книжки государственнаго банка за время отъ 1871 по 1876 годъ? А потомъ предсѣдатель А. Ф. Кони произнесъ свое заключительное слово.

Гг. присяжные засѣдатели! Чѣмъ сложнѣе дѣло, подлежащее нашему разрѣшенію, тѣмъ болѣе вниманія должны вы употребить на то, чтобы изъ массы мелкихъ подробностей и частностей выдѣлить тѣ обыкновенно немногія, но коренныя данныя, по которымъ составляется ясное представленіе о существѣ самаго дѣла. Забудьте на время эти подробности. Онѣ не въ силахъ создать зрѣлаго убѣжденія о винѣ или невиновности подсудимаго; онѣ только могутъ болѣе или менѣе ярко окрасить впечатлѣнія, выносимыя вами изъ дѣла. Сосредоточьте всю силу разумѣнія вашего на немногихъ, но неизбѣжныхъ вопросахъ. Позвольте мнѣ помочь вамъ въ этой работѣ. Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ есть три вопроса, тѣсно между собою связанные. Они оди-

наково достойны серьезнаго обсужденія. Ихъ можно разсматривать отдѣльно, но итогъ надо подводить по всѣмъ вмѣстѣ. Иначе рѣшеніе будетъ неполно, односторонне, не будетъ проникнуто живымъ чувствомъ правды. Прежде всего, *доказано ли преступленіе, въ которомъ обвиняется Юханцевъ?* Подсудимый и прежде, и здѣсь на судѣ не отрицалъ совершенія растраты денегъ, въ огромной суммѣ ввѣренныхъ его храненію. Подсудимый не умаляетъ требованій гражданскаго истца, не смягчаетъ размѣровъ своего дѣянія. Собственное сознаніе всегда признавалось однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, если оно дано было безъ принужденія, нравственнаго или физическаго, или если нельзя было заподозрить, что признающійся сознательно, въ видѣ какихъ-либо великодушныхъ порывовъ, губитъ себя и приноситъ себя въ жертву или, наоборотъ, торгуется съ судомъ и сознаніемъ въ меньшей винѣ старается купить возможность умолчанія о большей винѣ и оставленія ея безъ разсмотрѣнія. Вы посудите, есть ли въ словахъ Юханцева признаки такой жертвы или попытка войти въ сдѣлку съ правосудіемъ. Если вы не найдете ни того, ни другого, то припомните, что сознаніе сдѣлано имъ откровенно и безъ колебаній, впервые даже и не суду или его органамъ, а кассиру Мерцу. Слѣдовательно, оно не было вынуждено, но было добровольное. Но этого мало. Опасно приписывать человѣку преступленіе только потому, что онъ самъ себя обвиняетъ, когда обстоятельства, эти молчаливые свидѣтели и доказчики преступленія, идутъ въ разрѣзъ съ сознаніемъ или не подтверждаютъ его. Они должны сопровождать сознаніе. Они придаютъ ему цѣну и какъ доказательству преступленія, и какъ указанію на отношеніе подсудимаго къ своей винѣ. Отыскивая эти обстоятельства въ дѣлѣ, вы остановитесь на экспертизѣ, весьма рѣдкой по своему содержанію. Бухгалтерская экспертиза требуетъ особаго навыка и особыхъ спеціальныхъ знаній. Если въ представителяхъ ея вы не найдете признаковъ навыка или ручательства въ полномъ обладаніи прочными знаніями счетоводной техники, если заключеніе ихъ не твердо, шатко, уклончиво—вы хорошо поступите, если отвергнете экспертизу и не будете ее считать доказательствомъ. Но если

экспертиза произведена и выражена со спокойствіемъ и достоинствомъ истиннаго знанія, если сами эксперты являются *настоящими* представителями своей специальности, то экспертизу надо принять и прислушаться къ ней со вниманіемъ и уваженіемъ. Вы слушали, что говорили эксперты,—вы знаете кто они: одинъ—опытный чиновникъ министерства финансовъ, другой—бухгалтеръ частнаго банка, третій—представитель счетоводнаго учрежденія и изобрѣтатель новой системы, системы тройной бухгалтеріи. Они подтверждаютъ цифрами и строгимъ изслѣдованіемъ то, что по своимъ воспоминаніямъ говоритъ Юханцевъ. Поэтому вы, вѣроятно, признаете дѣяніе Юханцева доказаннымъ. Тогда изъ ряда подробностей и отдѣльныхъ объясненій, данныхъ на судѣ, вы возстановите простѣйшую картину того, что дѣлалъ онъ. Вы увидите, что, имѣя въ рукахъ чековыя книжки по текущему счету Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, открытому Государственнымъ банкомъ, подсудимый бралъ по чекамъ, довѣрчиво подписаннымъ управляющимъ и иногда даже бухгалтеромъ, деньги съ текущаго счета, показывая затѣмъ чеки на меньшую противъ дѣйствительности сумму или вовсе не показывая ихъ въ своихъ вѣдомостяхъ или памятныхъ запискахъ, т.-е. совершалъ или переборъ денегъ Общества, или прямое ихъ присвоеніе. Вы припомните затѣмъ, что подобныя дѣйствія повторялись и съ деньгами, на взносъ которыхъ на текущій счетъ подсудимый получалъ ордера. Онъ или не вносилъ ихъ вовсе, присвоивая себѣ, или же вносилъ меньше чѣмъ слѣдуетъ, оставляя недостающую сумму себѣ. Когда, по нѣкоторымъ признакамъ, начинала на его казначейскомъ горизонтѣ показываться туча, называемая ревизіею, подсудимый пополнялъ пробѣлы и прорѣхи своихъ текущихъ счетовъ и для этого сводилъ концы съ концами взносами наличныхъ денегъ. Изъ его словъ вы знаете, что онъ изглаживалъ такимъ образомъ слѣды одного злоупотребленія посредствомъ другого. Это другое состояло въ томъ, что онъ закладывалъ въ Государственномъ банкѣ облигаціи, которыя хранились въ кассѣ въ пакетахъ. Это были большія и прочныя цѣнности, разсчитанныя на фунты стерлинговъ, т.-е. на золото, и составлявшія часть вспомогательнаго ка-

питала, даннаго правительствомъ Обществу, чтобы придать его операціямъ наибольшую солидность. Въ 1875 году въ ревизіи кассы былъ внесенъ нѣсколько большій, хотя все еще недостаточный порядокъ, и подсудимый, прекративъ свои дѣйствія съ чеками, началъ съ этого времени исключительно пользоваться ввѣренными ему цѣнными бумагами, закладывая ихъ, продавая въ разныя руки и получая разницу между цѣною, по которой онѣ бывали заложены, и биржевою, по которой ихъ продавалъ Зингеръ, при чемъ къ началу 1878 года дошелъ до громадной цифры, превышающей два съ половиною милліона рублей. Эксперты опредѣлили вамъ, сколько приблизительно осталось въ его пользу за вычетомъ расходовъ по оплатѣ купоновъ, платежу куртажныхъ денегъ, процентовъ по ссудамъ изъ банка и т. д. Остается все-таки большая сумма. Что сдѣлано съ нею? Истратилъ, роздалъ, разбросалъ въ неудержимыхъ тратахъ безъ оглядки назадъ, безъ оглядыванія впередъ— говоритъ подсудимый. Припряталъ, утаилъ, припасъ на черные дни, говорятъ обвинители. *Растратилъ*, выражаясь юридическимъ языкомъ, говоритъ Юханцевъ, *присвоилъ*— утверждаетъ прокуроръ. Я долженъ вамъ сказать, гг. присяжные засѣдатели, что для нравственнаго суда надъ Юханцевымъ безъ сомнѣнія полезно опредѣлить, что именно онъ сдѣлалъ съ деньгами, которыя онъ такъ широко черпалъ въ кассѣ Общества. Между растратою и присвоеніемъ существуетъ серьезная нравственная разница, и о какой бы сильной распущенности ни говорила растрата, разбрасываніе чужихъ денегъ, но она все-таки по отношенію къ обвиняемому лучше, чѣмъ та преступная предусмотрительность и запасливость, которыми характеризуется присвоеніе, въ которомъ мѣсто увлеченія занимаетъ уже расчетъ. Но, съ точки зрѣнія закона, присвоеніе и растрата суть преступленія равносильныя. Законъ видитъ исходную точку преступленія въ обоихъ случаяхъ одинаково въ обманѣ довѣрія, злоупотребленіи положеніемъ и указываетъ на результатъ преступленія—вредъ или убытокъ, одинаковый и отъ растраты чужихъ денегъ, и отъ ихъ припрятанія.

Вотъ почему я не совѣтую вамъ долго останавливаться надъ разсмотрѣніемъ этого спора, тѣмъ болѣе, что для точ-

наго и справедливаго его разрѣшенія не представляется достаточныхъ данныхъ, а есть только предположенія, основанныя на сомнѣніи въ возможности истратить въ пять лѣтъ такія суммы. Но предположенія и сомнѣнія, какъ бы правдоподобны они ни казались, безъ фактической опоры— непрочный матеріалъ для вѣрнаго рѣшенія. Вотъ почему и Судъ спрашиваетъ васъ не о томъ, растратилъ ли или присвоилъ себѣ Юханцевъ деньги, а ждетъ вашего отвѣта на болѣе широкій вопросъ—употребилъ ли Юханцевъ въ свою пользу цѣнности, ввѣренныя ему Обществомъ?

Когда будетъ уяснено—когда и какъ сдѣлалъ Юханцевъ злоупотребленіе своимъ положеніемъ кассира, надо будетъ вглядѣться *въ условія, при которыхъ совершены его дѣянія.* Человѣкъ дѣйствуетъ не въ пустомъ пространствѣ, и чтобы правильно оцѣнить его дѣйствія, необходимо знать условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, обстановку, въ средѣ которой совершено было преступленіе. Въ рѣчахъ сторонъ вамъ намекалось, что эта обстановка была слишкомъ заманчива для человѣка со слабою волею и широкими замашками, какимъ считаетъ Юханцева защита,—для смиреннаго хищника, какъ называетъ его представитель обвиненія. Обстановка, по мнѣнію сторонъ, слишкомъ облегчала преступленіе, слишкомъ широко открывала ему доступъ въ нѣдра кассы Общества. При обсужденіи этой стороны дѣла вы, вѣроятно, остановитесь, гг. присяжные, на этомъ свойствѣ кассовой обстановки Юханцева. Я только совѣтую вамъ не расбрасывать вашихъ силъ и не вдаваться, слѣдуя за сторонами, въ слишкомъ подробную оцѣнку участія членовъ правленія и администраціи Общества въ допущеніи порядковъ или, пожалуй, безпорядковъ, подъ покровомъ которыхъ дѣйствовалъ Юханцевъ. Въ настоящемъ дѣлѣ вы призваны судить Юханцева, а не ихъ. Тѣ ошибки и недосмотры, на которые указываютъ вамъ, не могутъ оправдывать Юханцева и не должны мѣшать вамъ разглядѣть свойство его дѣйствій; притомъ, вопросъ объ имущественной отвѣтственности членовъ правленія и администраціи Общества настоящимъ дѣломъ отнюдь не исчерпывается. Поэтому обсуждайте дѣйствія этихъ лицъ постольку, поскольку они касаются кассирской дѣятельности под-

судимаго, и не вступайте на путь, безъ сомнѣнія интересный и богатый выводами, но отвлекающій васъ отъ прямой задачи вашей. „Не клади плохо, не вводи во грѣхъ“, говоритъ пословица—выраженіе народной мудрости, и въ жизни она часто приводится, какъ объясненіе дѣйствій „введеннаго во грѣхъ“. Но мудрость не всегда одно и то же, что нравственность. Нравственное достоинство этой пословицы весьма сомнительнаго качества, а мудрость въ ней заключается болѣе въ совѣтѣ и предостереженіи кладущему, чѣмъ въ оправданіи берущаго. Дѣйствительно, если вы припомните всѣ раскрытые здѣсь факты объ устройствѣ контроля надъ кассиромъ, то вы, вѣроятно, придете къ заключенію, что контроль этотъ почти отсутствовалъ, былъ какой-то мнимый. Онъ состоялъ, въ общихъ чертахъ, въ повѣркѣ показаній кассира по справкѣ изъ контокурентной книги Общества, веденной согласно съ свѣдѣніями, которыя сообщалъ тотъ же кассиръ. При такомъ контролѣ ревизія кассира сводилась къ тому, что, въ сущности, кассиръ ревизовалъ бухгалтера въ правильномъ записываніи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Такая мнимая ревизія сопровождалась пріемами, преисполненными неосторожнаго довѣрія. Вы припомните показаніе подсудимаго о бланковыхъ чекахъ, выдаваемыхъ ему безконтрольно на руки, и о томъ, что если бы, по словамъ Юханцева, при ревизіи хоть разъ была сосчитана въ книжкѣ текущаго счета сумма, то подведенный имъ итогъ оказался бы невѣрнымъ и все бы открылось. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія правленія и управляющаго къ Юханцеву были проникнуты не спасительною въ финансовыхъ дѣлахъ осторожностью и зоркою наблюдательностью, а безграничнымъ довѣріемъ, которое проявлялось съ самымъ открытымъ простодушіемъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не видѣть вреда въ такомъ нецѣлесообразномъ и неумѣстномъ довѣріи, но для оцѣнки его значенія по отношенію къ Юханцеву надо принять въ соображеніе, при какихъ условіяхъ оно ему оказывалось и въ какія условія оно его ставило. Довѣріе и особенно такое безграничное, оказанное сразу, безъ колебаній и испытаній, человѣку новому, пришлому, мало извѣстному, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлось бы преступною неосторож-

ностью. Человѣкъ взятъ изъ чужой сферы и сразу безконтрольно и безнадзорно допущенъ къ милліонамъ, къ золоту, котораго онъ прежде, быть можетъ, и не видывалъ въ такихъ массахъ. Это его можетъ опьянить, пошатнуть слабую волю, смутить дряблую совѣсть. Вы посудите, однако, былъ ли Юханцевъ *такимъ* человѣкомъ, было ли ему оказано *такое* довѣріе сразу, какъ человѣку новому и пришлому, или начало растратъ относится ко времени, которое слѣдовало за шестилѣтнею безупречною и регулярною дѣятельностью его въ качествѣ испытаннаго кассира. Въ послѣднемъ случаѣ этому довѣрію вы отведете небольшое мѣсто въ числѣ тѣхъ факторовъ, которые привели Юханцева къ тому, въ чемъ онъ сознается. Вы обсудите потомъ, насколько отсутствіе правильнаго контроля облегчало совершеніе растратъ и ихъ размѣръ. Вы вспомните при этомъ, что, по мнѣнію экспертовъ, при правильно построенномъ контролѣ растрата была бы открыта на первыхъ же порахъ, т.-е. въ 1873 году, и не превышала бы 9,000 рублей, и возобновите въ вашей памяти эпизодъ о слухахъ, доходившихъ до правленія о жизни Юханцева, и о появленіи на биржѣ именно тѣхъ, по удостовѣренію Зака и Эстеррейха, консолидированныхъ облигацій, которыя должны были храниться въ кассѣ Общества. Съ другой стороны, вы обратите вниманіе и на то, что отсутствіе правильнаго контроля, обусловливая легкую возможность пользованія цѣнностями Общества, въ то же время давало и возможность подсудимому не разъ одуматься, остановиться и собраться съ силами, чтобы восполнить, до обнаруженія, тѣ недочеты, которые онъ сдѣлалъ въ кассѣ, ему ввѣренной. Гдѣ контроль строгъ и дѣйствителенъ, тамъ обыкновенно нѣтъ времени и возможности оглянуться, какъ уже растрата выяснена и закрѣплена какимъ-нибудь актомъ. Въ этихъ случаяхъ оттяжки рокового часа открытія и возможности исправленія не существуетъ. Вы спросите себя, такъ ли было въ дѣлѣ Юханцева. Если не такъ, то вы найдете, что существовавшій до 1876 г. контроль, дававшій возможность совершать растраты, не отнималъ въ то же время возможности исправить сдѣланное, не махая въ безнадежномъ отчаяніи рукою на будущее.

Третій вопросъ—*внутренняя сторона дѣйствій подсудимаго, его мотивы, побужденія.* Вы слышали исторію происхожденія растраты, расказанную Юханцевымъ. Страстная любовь къ женѣ, которая, по словамъ его, не хотѣла признавать за мужемъ никакихъ правъ, а допускала съ его стороны лишь обязанность удовлетворять своему избалованному вкусу къ роскоши, вовлекала его въ долги, которые были покрыты изъ текущаго счета Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, а этотъ счетъ былъ покрытъ изъ кассоваго сундука съ цѣнностями, при чемъ оттуда было захвачено много болѣе, чѣмъ было нужно для погашенія долговъ, ибо въ это время, окончательно лишившись жены, Юханцевъ потерялъ голову и самъ не знаетъ, какъ и куда тратилъ громадныя суммы, отыскивая развлеченія и забвенія... Вы рѣшите насколько правдоподобна эта исторія растраты и насколько необходимы для укрѣпленія этой правдоподобности разоблаченія, сдѣланныя подсудимымъ изъ такой области своей домашней жизни, которая обыкновенно скрывается отъ чуждыхъ взоровъ и любопытства. Вамъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ право оцѣнить, насколько для справедливаго освѣщенія дѣла слѣдовало „оживлять“ на судѣ ту семейную жизнь, которая, по словамъ письма подсудимаго къ брату, должна была „умереть между ними“, и изображать себя игралищемъ судьбы между одинаково непринадлежавшими ему—цѣнностями и женою. Люди житейскаго опыта, вносящіе въ свою дѣятельность знаніе жизни въ ея обыкновенной, трезвой обстановкѣ, вы, быть можетъ, найдете въ объясненіяхъ подсудимаго, отбрасывая въ сторону ихъ подробности, указаніе на то, что онъ такъ или иначе не былъ счастливъ въ семейной жизни. Насколько же въ несчастливой или даже въ несчастной семейной обстановкѣ можно искать объясненія поступкамъ Юханцева? Счастіе семейное—далеко не общее правило, и бываютъ переходныя времена, когда въ извѣстныхъ слояхъ общества, вслѣдствіе разныхъ нравственныхъ колебаній, счастливый складъ семейной жизни вмѣсто общаго правила становится исключеніемъ изъ него. Вы видывали, конечно, въ жизни такія положенія, знаете и обыкновенный болѣе или менѣе понятный исходъ изъ нихъ. Человѣкъ развитой,

не весь преданный стремленіямъ къ личному счастію и одаренный волею, ищетъ обыкновенно утѣшенія во внѣшней дѣятельности, въ общественныхъ заботахъ, въ такомъ трудѣ, который, хотя бы матеріально, наполнялъ его жизнь, не давая времени задумываться надъ непривлядностью своего домашняго положенія. Быть можетъ, если бы заглянуть въ глубину частной жизни нѣкоторыхъ горячихъ тружениковъ общественнаго или государственнаго дѣла, въ ней была бы открыта именно такая непривлядность домашней обстановки. Человѣкъ со слабой волею, не находящій удовлетворенія внѣ своего *я*, будетъ искать утѣшенія и забвенія нерѣдко въ винѣ. Этотъ типъ встрѣчается, какъ вы знаете, чаще. Итакъ,—или честная, поглощающая дѣятельность, или стремленіе заглушить свое сознаніе. Но можно ли, натурально ли искать утѣшенія въ томъ, что къ ощущенію семейной пустоты еще прибавляется сознаніе совершаемаго преступленія совершаемаго притомъ не въ минутномъ увлеченіи или порывѣ? Этотъ вопросъ рѣшите вы, не забывъ притомъ, что обыкновенно у человѣка, теряющаго голову отъ семейнаго несчастія, даже въ чаду хмеля и кутежа сквозитъ скорбь о разбитомъ счастіи и сознаніе невозможности замѣны его чѣмъ-либо инымъ, новымъ, ибо—разъ эта замѣна найдена—несчастіе отходитъ въ область прошедшаго и теряетъ ѣдкую силу горькой дѣйствительности. Къ какому изъ двухъ типовъ ближе подходитъ Юханцевъ, помогаетъ рѣшить онъ самъ разсказами о своей жизни за послѣдніе годы. Если вы признаете, что та несчастная обстановка, на которую указываетъ Юханцевъ, могла заставить его для удовлетворенія прихотей жены тронуть кассу и для утѣшенія въ разлукѣ съ нею продолжать черпать изъ этой кассы деньги для грандіозно организованныхъ пировъ, то вы отведете этой обстановкѣ надлежащее мѣсто въ обсужденіи причинъ, приведшихъ Юханцева на скамью подсудимыхъ. Рѣшая эту сторону дѣла, вы, однако, не упустите изъ вида и того, что траты на жену здѣсь на слѣдствіи оказались не могущими идти ни въ какое сравненіе съ тратами послѣ разлуки съ нею, когда въ одинъ годъ было истрачено Юханцевымъ въ свою пользу болѣе 550.000 руб. сер.; что затѣмъ тоска по нѣжно любимой женѣ выражалась, по сознанію самого

Юханцева, въ кутежахъ съ кокотками и въ нѣсколькихъ связяхъ, и что наконецъ въ дѣйствіяхъ его по опустошенію кассы, совершенныхъ „самъ не знаетъ какъ“, по мнѣнію экспертовъ, проглядываетъ ясная и обдуманная, приноровленная къ обстановкѣ, система...

Когда вы разрѣшите, по совѣсти и убѣжденію, основанному на всемъ здѣсь видѣнномъ и слышанномъ, указанные мною вопросы, у васъ можетъ возникнуть мысль о значеніи того, что сдѣлалъ Юханцевъ. Каждое преступное дѣяніе имѣетъ двоякое значеніе – по отношенію къ личности обвиняемаго и по отношенію къ обществу. Личное значеніе того, въ чемъ обвиняется Юханцевъ, едва ли можетъ возбудить споры. Это огромное нарушеніе довѣрія, это широкое злоупотребленіе своимъ положеніемъ, личнымъ и офиціальнымъ. Сама защита Юханцева признаетъ это свойство дѣянія подсудимаго, какъ безспорное. Но въ оцѣнкѣ общественнаго значенія стороны существенно расходятся. Обвинитель указываетъ вамъ на вредъ, который причиненъ Обществу Взаимнаго Поземельнаго кредита, какъ учрежденію, имѣющему государственный характеръ; защитникъ видитъ лишь ущербъ для обособленной группы весьма достаточныхъ людей, которые соединились для преслѣдованія своихъ личныхъ выгодъ, не всегда соотвѣтствующихъ интересамъ окружающаго населенія, не имѣющаго никакихъ кредитныхъ учрежденій. Гг. присяжные засѣдатели,—когда было упразднено крѣпостное право, тогда были ограничены въ своей дѣятельности и вскорѣ вовсе упразднены кредитныя государственныя учрежденія, помогавшія своими ссудами помѣщичьему сословію. Но новое хозяйство, возникавшее на облагороженной почвѣ свободныхъ отношеній, нуждалось въ поддержкѣ и помощи. Эту помощь могъ оказать кредитъ, не случайный, приходящій извнѣ, а внутренній, взаимный, основанный на единствѣ цѣлей и потребностей. Ему должно было служить обширное Общество, на помощь которому пришло правительство, гарантируя прочность его операцій своимъ вспомогательнымъ капиталомъ. Россія вовсе не страна крупнаго землевладѣнія; въ ней развито землевладѣніе среднихъ размѣровъ, какъ вы это можете заключить даже изъ той оцѣнки, которая дѣ-

лается, по словамъ защитника, имѣніямъ наибольшаго числа заемщиковъ Общества. Притомъ, это землевладѣніе, съ упраздненіемъ крѣпостного права, утратило свой исключительный сословный характеръ, и Общество Взаимнаго Поземельнаго кредита приходитъ на помощь преимущественно къ землевладѣльцу средней руки. Кредитъ, помощь въ ссудѣ—даетъ возможность поддержать въ тяжелыя экономическія минуты хозяйство, съ которымъ естественнымъ образомъ связано предложеніе труда и заработка окружающему населенію. Печально, что это населеніе не имѣетъ своихъ кредитныхъ учрежденій, или что они, вѣрнѣе говоря, плохо принимаются, но каждый шагъ на пути развитія народа приближаетъ ихъ распространеніе и укрѣпленіе. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого отсутствія или малаго развитія кредитныхъ учрежденій въ народѣ, что надо отрицать значеніе для страны и такого кредитнаго учрежденія, какъ Общество? Можно ли смотрѣть на него, какъ на нѣчто не только чуждое, но даже враждебное хозяйственному развитію страны, искусственно противополагая интересы одной части населенія другой и забывая, что экономическое благосостояніе государства зависитъ отъ взаимодѣйствія всѣхъ силъ страны, при чемъ однѣ могутъ быть болѣе организованы, другія, къ сожалѣнію, менѣе? Вы взгляните на этотъ вопросъ съ трезвой, житейской точки зрѣнія, и если вы найдете, что Общество не есть учрежденіе исключительное, и что поддержаніе кредита во всѣхъ его видахъ желательно, то вамъ станетъ ясно, что дѣяніе Юханцева имѣетъ значеніе общественное. Оно подрываетъ, расшатываетъ авторитетъ Общества и ослабляетъ довѣріе къ нему. Но если въ странѣ начинаютъ колебаться и не внушать довѣріе такія большія учрежденія, какъ Общество Взаимнаго Поземельнаго кредита, имѣющее правительственную поддержку, то нельзя отъ стѣсненнаго въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ землевладѣльца ждать особаго довѣрія и къ другимъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, къ такъ называемымъ ипотечнымъ банкамъ. А безъ поддержки поземельнымъ кредитомъ землевладѣльцу въ тяжелыя экономическія минуты приходится стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительнымъ эксплуататоромъ, съ кулакомъ, барышни-

комъ, скупщикомъ земель и уступить ему свое мѣсто. Но такой человѣкъ, типъ народившійся въ послѣднее время, ничѣмъ не связанъ съ землею. Она для него не „кормилица“, съ нею не связано для него привычки труда или дорогихъ личныхъ воспоминаній. Она—предметъ, изъ котораго надо вытянуть всю наживу; она—тотъ грошъ, на который надо норовить, по русскому выраженію, накупить пятаковъ. И лѣсъ вырубается, и земля безжалостно истощается, и начинается хищническое хозяйничанье, при которыхъ эксплуатація окружающаго бѣднаго и темнаго люда уже, конечно, не меньше той, о которой упомянулъ защитникъ. Вотъ почему вы, быть можетъ, признаете, что всякій ударъ, наносимый большому кредитному учрежденію, имѣетъ общественное значеніе.

Порядокъ совѣщаній вашихъ, господа, вамъ извѣстенъ. Вы кончаете сессію и, конечно, хорошо изучили свои права, обязанности и способъ ихъ выполненія. Скажу вамъ еще нѣсколько словъ о постановленныхъ судомъ, на ваше разрѣшеніе вопросахъ. Въ *первомъ вопросѣ* васъ спрашиваетъ судъ, виновенъ ли Юханцевъ въ употребленіи въ свою пользу денегъ, которыя были у него по должности кассира? Здѣсь былъ возбужденъ споръ о томъ, былъ ли должностнымъ лицомъ въ Обществѣ Юханцевъ и не совершилъ ли онъ свои дѣянія какъ частный человѣкъ, не имѣвшій по отношенію къ Обществу никакого офиціальнаго, служебнаго положенія? Параграфъ 25 устава Общества говоритъ, что служащіе, и въ томъ числѣ кассиръ, снабжаются подробною инструкціей. Такою инструкціей, однако, Юханцевъ снабженъ не былъ. Она существовала только въ проектѣ и имѣла, по словамъ Герстфельда, значеніе обычая, но обязательной силы не пріобрѣла. Если вы найдете, что отсутствіе инструкціи ставило Юханцева въ неопредѣленныя отношенія частнаго человѣка къ Обществу, случайно вручившему ему свои цѣнности, то вы отвергнете служебный характеръ и скажете, *„не исполняя должности кассира“*. Но если вы признаете, что отдѣльные недосмотры и пробѣлы не измѣняютъ существа организаціи Общества; что Общество не могло существовать безъ кассира и обращаться для веденія своихъ денежныхъ операцій къ

частнымъ, непричастнымъ къ его организаціи лицамъ; что Юханцевъ былъ опредѣленъ журнальнымъ постановленіемъ правленія отъ 30-го іюля 1865 года на должность кассира, и отъ него или, лучше сказать, за него былъ взятъ установленный залогъ въ 5.000 руб.; что онъ самъ считалъ себя кассиромъ и именовался этимъ званіемъ, — то вы отвѣтите на первый вопросъ утвердительно или отрицательно, но во всякомъ случаѣ безъ ограничительныхъ словъ. Во *второмъ вопросѣ* судъ желаетъ слышать ваше рѣшеніе о сломаніи печатей. Вы знаете, что Юханцевъ, при той организаціи, которая существовала въ кассѣ за его время, имѣлъ право распечатывать пакеты съ цѣнными бумагами для отрѣзыванія купоновъ, нумераціи и т. п. Распечатанный пакетъ переходилъ въ категорію тѣхъ, которые подлежали подробной провѣркѣ своего содержимаго при ревизіи. Я долженъ сознаться, что, на мой взглядъ, исторія съ тѣми печатями, которыя оказались на пакетѣ съ остаткомъ консолей второго выпуска, совершенно не выяснилась на судебномъ слѣдствіи. Это что-то неясное и вполнѣ неопредѣленное. Поэтому вы поступите правильно, если оставите совершенно безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, кѣмъ, какъ и какія именно печати оказались наложенными на этотъ пакетъ. Затѣмъ вамъ останется рѣшить, распечаталъ ли Юханцевъ пакетъ для законныхъ цѣлей, пользуясь своимъ правомъ кассира, или же онъ распечаталъ его безъ законной надобности, съ исключительною цѣлью взять въ свою пользу хранившіяся въ немъ облигаціи. Вы разрѣшите этотъ вопросъ только по внутреннему убѣжденію вашему, не вступая на путь юридическихъ тонкостей, чуждыхъ вашему призванію судей по совѣсти. Въ первомъ случаѣ вы отвѣтите отрицательно, во второмъ положительно и притомъ съ возможною опредѣленностью.

Въ *третьемъ вопросѣ* особенно существенна первая его часть. По *буквѣ* закона, по точному содержанію ст. 362 Улож. о наказ., рапорты, свѣдѣнія и т. п. сообщенія для совершенія подлога должны имѣть офиціальный характеръ и носить его признаки, т. е. имѣть печать, быть написанными на бланкѣ за № и т. д. По *духу* ст. 362 Улож., свѣдѣнія эти должны, въ цѣляхъ совершителя подлога, вво-

дить въ заблужденіе того, кто ихъ получаетъ. Справки и памятныя записки, которыя Юханцевъ сообщалъ въ бухгалтерію для занесенія въ контокурентную книгу, никакого оффиціальнаго признака не имѣютъ. Поэтому, по буквѣ закона, онѣ подъ ст. 362 Улож., а, слѣдовательно, подъ понятіе подлога не подходятъ. Поэтому если вы станете на эту точку зрѣнія, то вы по третьему вопросу можете произнести отрицательное рѣшеніе. Но вы его произнесете, однако, лишь тогда, когда убѣдитесь, что нѣтъ указаній, что по существу своему дѣяніе Юханцева подходитъ подъ тѣ дѣйствія, которыя указаны въ этой статьѣ. Вы будете при этомъ имѣть въ виду, что законъ о подлогахъ по службѣ примѣняется по Улож. о наказ. и къ кассирамъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, и эти лица, по свойству своихъ служебныхъ отношеній, никакихъ рапортовъ, донесеній и т. п. не пишутъ. Сношенія служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ не вставлены въ такія строгія оффиціальныя формы. Между тѣмъ законъ примѣняетъ 362 ст. къ кассирамъ и казначеямъ частныхъ банковъ. Что это значитъ? Это значитъ, что законъ связываетъ понятіе о преступленіяхъ подлога по службѣ не съ *формою,* не съ названіемъ, не съ рангомъ бумаги, а съ назначеніемъ, которое имѣетъ или должно имѣть ея *содержаніе.* Если содержаніе бумаги, какъ бы она ни называлась, было таково, что ею кассиръ вводилъ, съ корыстною цѣлью, въ обманъ тѣхъ, кому сообщалъ онъ свои ложныя свѣдѣнія; если эта бумага, въ какой бы формѣ она ни являлась, удостовѣряла передъ другими органами учрежденія такія вещи, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, — такая бумага и такія дѣйствія кассира подходятъ подъ смыслъ и духъ статьи закона, говорящей о должностныхъ подлогахъ. Если въ двухъ случаяхъ вредъ одинаковъ, если преступное намѣреніе одно и то же, если служебное положеніе, права и обязанности обвиняемыхъ тожественны, то законъ былъ бы лишенною смысла безжизненною формулою, карая одного за то, что онъ выставилъ нумеръ и написалъ на бланкѣ, и отпуская другого только за то, что у него не было подъ рукою бланка, или онъ забылъ выставить нумеръ. Вы обсудите поэтому, гг. присяжные, на чемъ болѣе слѣдуетъ вамъ оста-

новиться: на буквѣ закона или на его внутреннемъ смыслѣ, и если остановитесь на послѣднемъ, то опредѣлите затѣмъ, соотвѣтствуютъ ли дѣйствія Юханцева указаніямъ закона.

Вамъ говорилось здѣсь о вашей задачѣ и о значеніи вашего приговора. Васъ приглашали признать, что подсудимый достаточно наказанъ десятимѣсячнымъ предварительнымъ заключеніемъ и тѣми нравственными страданіями, которыя долженъ испытывать онъ при сознаніи предъ вами непривлядности своей прошлой дѣятельности. Поэтому отъ васъ ждутъ вмѣненія подсудимому того, что онъ испыталъ, вмѣненія, которое на языкѣ суда присяжныхъ называется *оправданіемъ*. Вамъ говорятъ, что такой вашъ приговоръ, указывая, что вы разсматриваете дѣйствія Юханцева лишь какъ послѣдствіе дурной организаціи Общества взаимнаго поземельнаго кредита, будетъ имѣть вліяніе на законодательныя мѣры къ улучшенію внутренняго устройства кредитныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, побуждая законодателя прислушаться къ вашему приговору и именно тѣмъ объяснить себѣ оправданіе растраты въ 2½ милліона, вы сами косвеннымъ образомъ примете участіе въ законодательствѣ, содѣйствуя его оживленію и улучшенію. Вамъ указываютъ также и на необходимость *обвинительнаго* приговора въ виду общественнаго мнѣнія Европы, въ виду оцѣнки иностранцами вашей способности къ отправленію правосудія. Я совѣтую вамъ, господа, совершенно отрѣшиться отъ этихъ взглядовъ. Слѣдуя имъ, вы отступите отъ вашей прямой обязанности предъ обществомъ, котораго вы являетесь представителями. Вы войдете въ область, гдѣ ваша ясная и высокая задача сдѣлается неопредѣленною и гадательною. Вы произнесете приговоръ не о томъ, достаточно ли наказанъ подсудимый, а о томъ, виновенъ ли онъ. Вы не имѣете права говорить: „ты не виновенъ потому, что, по нашему мнѣнію, ты уже довольно испыталъ неудобствъ и стѣсненій“. Это значитъ не оправдывать, а *прощать*. Скамья подсудимыхъ видитъ на себѣ не мало людей преступныхъ, но между ними есть люди, которые, нарушивъ законъ, не упали, однако, нравственно до того, чтобы успокоиться на сознаніи, что ихъ не оправдали, а простили. Притомъ, вы всегда имѣете возможность примирить строгія требованія закона съ голосомъ

состраданія къ его нарушителю. Вамъ принадлежитъ широкое, ничѣмъ не стѣсняемое право давать снисхожденіе—и слово снисхожденія, сказанное вами, обязательно для суда. Да и можно ли становиться на почву понесеннаго предварительно, неизбѣжнаго по сложности дѣла, наказанія? Гдѣ ручательство, что даже въ вашей средѣ не окажется однихъ, которые скажутъ, что десять мѣсяцевъ ареста достаточная кара, и другихъ, которые найдутъ, ослѣпляясь чрезмѣрною строгостью, что за растрату двухъ съ половиною милліоновъ во всѣхъ нашихъ законахъ нѣтъ достаточной кары. Что касается до страданій душевныхъ, испытываемыхъ на судѣ, то, какъ бы они тяжелы ни были они не должны ложиться въ основаніе вашего приговора. Здѣсь все неуловимо и все зависитъ отъ нравственной природы, характера, воспріимчивости и взглядовъ человѣка на окружающую жизнь. Эти страданія, отрицать которыя было бы несправедливо, не поддаются никакому мѣрилу. Я говорю вамъ не о Юханцевѣ, и вы, вѣроятно, не усомнитесь, что ему и горько, и тяжело сидѣть предъ вами. Но я хочу сказать вамъ вообще, что могутъ быть случаи, когда предъ вами предстанетъ лукавый лицемѣръ и будетъ вызывать васъ на оправданіе картиною тяжкихъ душевныхъ мукъ и раскаянія; и предстанетъ человѣкъ, хотя и преступный, но въ гордой душѣ котораго, несмотря на дѣйствительныя страданія, никогда не найдетъ мѣста мысль, чтобы выставлять ихъ на показъ и ради ихъ униженно просить у васъ какъ милостыни—прощенія. И что же? Какъ распознаете вы того и другого и чѣмъ оградите вы себя отъ того, чтобы не помиловать перваго и не осудить сурово второго? Вы также и не *законодатели*—ни прямые, ни косвенные. Если на законы вліяютъ благотворно судебные процессы, то конечно, не приговорами, въ нихъ постановленными, а фактами, въ нихъ раскрытыми. Въ этомъ великое значеніе гласности суда. И каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, поучительная сторона этого процесса вполнѣ и окончательно раскрылась еще вчера, когда закончилось судебное слѣдствіе. Ни измѣнить, ни иначе освѣтить фактовъ, въ немъ раскрытыхъ, приговоръ вашъ не можетъ. Нельзя отрицать, что есть, однако, исключительные случаи, гдѣ и ваши при-

говоры, повторяясь однородно въ теченіе долгаго времени, могутъ служить для законодателя указаніемъ на то, что представители общественной совѣсти не видятъ вины въ дѣяніи, которое признается съ формальной точки зрѣнія нарушеніемъ закона, такого закона, который устарѣлъ вслѣдствіе того, что экономическія административныя условія, его вызвавшія, исчезли или измѣнились. Но таковы проступки не противъ правъ извѣстныхъ лицъ или общества, а противъ цѣлой системы правилъ, которыя уже опережены жизнью. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые проступки противъ паспортной системы и т. п. Но законодатель никогда не можетъ черпать для себя указаній въ такихъ приговорахъ, которые относятся не къ проступкамъ противъ временной системы, а къ преступленіямъ, нарушающимъ *вѣчныя понятія*, давнымъ-давно выраженныя словами: „не убій", „не укради", и т. д. Исполняя свой долгъ, вамъ также не зачѣмъ оглядываться на Европу и задумываться надъ тѣмъ, что *тамъ* скажутъ, какъ истолкуютъ вашъ приговоръ и какого мнѣнія будутъ о русскомъ правосудіи. Помните, что одно изъ условій отправленія дѣйствительнаго правосудія—слушать голосъ своей совѣсти и не заботиться о томъ, „что скажутъ". Если слѣдуетъ вамъ помнить о комъ-нибудь, такъ это о честныхъ людяхъ на родинѣ вашей сердца которыхъ жаждутъ справедливости, состоящей въ оправданіи невиновнаго въ признаніи вины за виновнымъ. Чувства этихъ людей для васъ должны быть дороже выводовъ законодателей и мнѣній иностранцевъ. Г. Старшина, получите вопросный листъ. Передаю его вамъ съ увѣренностью, что присяжные приступятъ къ исполненій своей обязанности спокойно, съ сознаніемъ всей ея важности.

Присяжные засѣдатели удалились въ совѣщательную комнату, откуда черезъ нѣкоторое время вынесли слѣдующіе отвѣты:

На первый вопросъ: «Да, виновенъ». На второй вопросъ: «Да, виновенъ, сломалъ печати». На третій вопросъ: 1) «Да, виновенъ»; 2) «Нѣтъ, не похищалъ и не истреблялъ».

Окружный судъ приговорилъ Юханцева къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Енисейскую губернію. Гражданскій искъ призналъ подлежащимъ удовлетворенію и расчетъ его возложенъ на члена суда.

Истязаніе дочери.

Засѣданіе с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 23-го января 1876 года.

Банкиръ Кронебергъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что истязалъ свою семилѣтнюю дочь Марію, жестоко наказывая ее розгами и нанося ей побои по лицу до синяковъ, въ видахъ ея исправленія, при чемъ въ наказаніи перешелъ за предѣлы обыкновенныхъ домашнихъ исправительныхъ мѣръ, повтореніе же такого наказанія могло бы вредно отразиться на здоровьи ребенка.

Предсѣдательствуетъ предсѣдатель суда *Лопухинъ*, обвиняетъ прокуроръ суда *Колоколовъ*, защищаетъ присяжный повѣренный *Спасовичъ*.

Суть дѣла, какъ она изложена въ опредѣленіи с.-петербургской судебной палаты, замѣнившемъ обвинительный актъ, заключается въ слѣдующемъ:

28-го іюля 1875 г. проживающая на дачѣ Муханова, въ Лѣсномъ корпусѣ, крестьянка Ульяна Бибина заявила приставу лѣсного участка петербургской пригородной полиціи, что занимающій дачу Муханова дворянинъ Станиславъ Кронебергъ часто и жестоко бьетъ находящуюся при немъ малолѣтную дѣвочку и въ послѣдній разъ высѣкъ ее ужасно 25-го іюля. Произведеннымъ дознаніемъ заявленіе Бибиной подтвердилось, и потому дѣло 28-го іюля передано было судебному слѣдователю. При производствѣ предварительнаго слѣдствія обнаружено, что Кронебергъ переѣхалъ на дачу Муханова около половины іюня и жилъ тамъ съ любовницей своей, французскою подданною Аделиной Жезингъ, и съ узаконенною имъ дочерью Маріей 7-ми лѣтъ. Потомъ обстоятельства этого дѣла, раскрытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ: крестьянка Бибина показала: 17-го іюня на дачу Муханова переѣхалъ Кронебергъ съ дамой и дѣвочкой. Вскорѣ послѣ переѣзда свидѣтельница стала замѣчать, что бѣлье дѣвочки и ея платки часто бываютъ

окровавлены, лицо избито и носъ въ крови. О причинѣ этихъ явленій Бибина не могла разспросить у самой дѣвочки, такъ какъ ребенокъ не говорилъ по-русски, но кухарка Кронеберга объяснила свидѣтельницѣ, что это баринъ такъ сильно бьетъ барышню. Вскорѣ свидѣтельница стала слышать по вечерамъ, часовъ около 11-ти, страшные крики и стоны дѣвочки, въ которыхъ явственно слышались слова: «папа! папа!» Сперва это повторялось не особенно часто, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще. Судя по крикамъ дѣвочки, свидѣтельница полагаетъ, что сѣченіе продолжалось обыкновенно съ четверть часа, а иногда и больше. Однажды вечеромъ въ іюлѣ Кронебергъ опять сталъ сѣчь дѣвочку и на этотъ разъ сѣкъ ее такъ долго и она такъ страшно кричала, что свидѣтельница испугалась и, опасаясь, что дѣвочку засѣкутъ, а потому вскочивъ съ постели какъ была въ рубашкѣ, подбѣжала къ окну Кронеберга и закричала, чтобъ ребенка перестали сѣчь, а не то она пошлетъ за полиціей; тогда сѣченіе и крики прекратились. Дня три послѣ этого все было тихо, но послѣ нѣкотораго промежутка времени Кронебергъ три дня подъ рядъ такъ истязалъ дѣвочку, что свидѣтельница рѣшилась обо всемъ заявить полиціи. Передъ заявленіемъ Бибина вмѣстѣ съ кухаркой Кронеберга осмотрѣли дѣвочку, при чемъ оказалось, что вся нижняя часть тѣла дитяти была сине-багроваго цвѣта и изборождена рубцами отъ розогъ; на рукахъ тоже были слѣды ударовъ розгами; обѣ щеки были въ сине-багровыхъ пятнахъ. При осмотрѣ дѣвочка горько плакала и приговаривала: «папа, папа!» При этомъ кухарка Кронеберга дала свидѣтельницѣ пукъ розогъ, найденный ею на полу въ комнатѣ дѣвочки. Представленный свидѣтельницей Бибиной пукъ розогъ связанъ изъ девяти толстыхъ рябиновыхъ прутьевъ съ изломанными и растрепанными отъ употребленія концами. Горничная Кронеберга, Аграфена Алексѣева Титова, подтверждая во всѣхъ подробностяхъ показаніе Бибиной, прибавила, что въ городѣ Кронебергъ обходился съ дѣвочкой довольно хорошо: иногда, случалось, кричалъ на нее и разъ въ присутствіи свидѣтельницы ударилъ ее по лицу; но розгами не сѣкъ и избитою дѣвочка не была. По переѣздѣ же на дачу Кронебергъ сталъ жестоко обращаться съ дѣвочкой: билъ ее неоднократно по лицу, такъ что на обѣихъ щекахъ у нея были синія пятна, а одна щека была разбита въ кровь. Носъ у дѣвочки недѣли двѣ назадъ былъ такъ разбитъ, что она и до сихъ поръ (до дня допроса свидѣтельницы, 29-го іюля) страдаетъ кровотеченіемъ. Вскорѣ послѣ переѣзда на дачу Кронебергъ сталъ сѣчь дѣвочку розгами, образчикъ которыхъ представленъ свидѣтельницей Бибиной. Сѣкли дѣвочку, въ теченіе трехъ недѣль пребыванія на дачѣ, разъ больше десятка, а сколько разъ били руками, того свидѣтельница уже и не знаетъ.

Вообще отношенія барина и барыни къ дѣвочкѣ жестоки, хотя ребенокъ смирный, тихій, хорошій. Теперь дѣвочка все сидитъ одна и ни съ кѣмъ не говоритъ. При этомъ Титова представила рубаху Кронеберга съ брызгами крови на правомъ обшлагѣ рукава; два окровавленные дѣтскіе носовые платка и маленькую женскую рубашку, на лѣвомъ рукавѣ и съ лѣвой стороны груди замаранную большими каплями крови. Лакей Кронеберга, Иванъ Валевскій, показалъ, что на дачѣ онъ раза четыре слышалъ изъ комнаты дѣвочки крики и стоны. И въ нихъ могъ различить слова: «папа! папа!» Однажды онъ видѣлъ, что кисть одной руки у дѣвочки была изсѣчена; въ другой разъ, что лицо дѣвочки было избито, щека была съ синимъ пятномъ и окровавлена. Свидѣтель видѣлъ, что Кронебергъ приносилъ розги самъ. Барышня—ребенокъ тихій и обходительный. Дворникъ дачи, Ефимъ Бибинъ, подтвердилъ, что мать его Ульяна Бибина, угрожала однажды Кронебергу послать за полиціей, если дѣвочку не перестанутъ сѣчь, и что послѣ этого крики ребенка прекратились. Французская подданная Аделина Жезингъ показала, что Кронебергъ, какъ отецъ, подвергалъ дѣвочку домашнему исправленію, въ городѣ билъ ее по рукамъ и по лицу, отъ чего у ребенка бывали на щекахъ синяки; на дачѣ высѣкъ два, три раза Марію, но сѣкъ легко, хотя все-таки отъ этого сѣченія у дѣвочки оставались на тѣлѣ рубцы и полосы, и свидѣтельница всякій разъ давала дитяти сахарную воду для успокоенія. Г. Кронебергъ сѣкъ дочь обыкновенно вечеромъ, когда она была уже раздѣта, чтобы лечь спать. И на дачѣ Кронебергъ билъ дѣвочку нѣсколько разъ по лицу, такъ что у нея оставались синяки. Въ послѣдній разъ Марія была высѣчена 25-го іюля по слѣдующему случаю: свидѣтельница, придя домой, увидѣла, что незапертый сундукъ ея перерытъ. Дѣвочка сказала, что хотѣла взять оттуда деньги. Жезингъ повѣрила этому, потому что Марія уже и прежде воровала, т.-е. разъ безъ спроса взяла изъ сундука нѣсколько черносливу. Возвратясь вечеромъ домой, Кронебергъ увидѣлъ на окнѣ сломанный новый вязальный крючокъ, принадлежавшій свидѣтельницѣ. Узнавъ, что его сломала Марія и что она ходила въ сундукъ, онъ позвалъ горничную, велѣлъ ей держать ребенка за руки и высѣкъ дѣвочку; сѣкъ онъ ее сильно и долго и былъ почти въ безсознательномъ состояніи. Всѣ слѣды розогъ, которые были найдены на тѣлѣ Маріи, были причинены въ этотъ разъ, исключая нѣкоторыхъ синихъ рубцовъ, оставшихся отъ прежнихъ сѣченій. Въ этотъ разъ Кронебергъ сѣкъ дѣвочку розгами, представленными къ слѣдствію Бибиной, потому что другія розги (тонкія) были сломаны во время предыдущаго сѣченія. Впрочемъ, никогда, по мнѣнію свидѣтельницы, Кронебергъ съ дѣвочкой жестоко не обращался. Дочь Кронеберга Марія

объяснила, что когда она была дурного поведенія, папа наказывалъ ее нѣсколько разъ подъ рядъ. Въ послѣдній разъ онъ наказывалъ ее тоже нѣсколько дней сряду. Сколько разъ ее сѣкли, она не знаетъ. Когда ее наказывали, у нея и прежде оставались знаки. Мамаша (Жезингъ) просила папашу отломить большой сучокъ у розогъ, который внизу, но папаша сказалъ, что это придастъ больше силы и розга не выскальзываетъ изъ рукъ. У папаши и мамаши она ничего не украла. 29-го іюля, т.-е. на четвертый день послѣ послѣдняго наказанія розгами, произведено было освидѣтельствованіе дѣвочки, и въ составленномъ тогда же протоколѣ записано, что когда ей предложено было раздѣться, то дѣвочка исполнила это съ плачемъ и боязнью, постоянно оглядывалась на отца и присутствовавшихъ и успокоилась только тогда, когда ей объяснили, что ея бить не будутъ. По освидѣтельствованіи ея оказалось, что вся задняя поверхность лѣвой сѣдалищной области и лѣваго бедра была темно-багроваго цвѣта, задняя поверхность правой сѣдалищной области и праваго бедра мѣстами покрыта синевато-багровыми пятнами и красными полосами, длиной до четырехъ вершковъ. Такія же полосы разсѣяны и по всей поверхности спины и кое-гдѣ на нижней поверхности живота, и одна близъ лѣваго соска, длиной около $1^1/_2$ дюйма. На правой рукѣ отчасти сливающіяся синеватыя пятна и красныя полосы; то же замѣчается и на лѣвой рукѣ, только въ меньшей степени. Вслѣдствіе этого врачомъ высказано слѣдующее мнѣніе: всѣ найденныя при освидѣтельствованіи поврежденія произошли отъ сѣченія розгами, образчикъ которыхъ находится при дѣлѣ, при чемъ сѣченіе, судя по виду поврежденій, производилось разновременно. Во всякомъ случаѣ всѣ эти поврежденія должны быть отнесены къ поврежденіямъ тяжкимъ. Затѣмъ дѣвочка была снова освидѣтельствована, уже спустя 17 дней послѣ послѣдняго наказанія, при чемъ три врача-эксперта единогласно объяснили, что, по мнѣнію ихъ, наказаніе Маріи Кроненбергъ розгами было очень сильно и по употребленному способу выходило изъ ряда обыкновенныхъ домашнихъ исправительныхъ наказаній, а если подобныя наказанія станутъ повторяться и впредь, то это несомнѣнно отразится весьма вредно на общемъ состояніи здоровья дитяти. Обвиняемый дворянинъ Станиславъ Кронебергъ не призналъ себя виновнымъ въ истязаніи дочери своей Маріи-Анны и объяснилъ, что, будучи недоволенъ ея воспитаніемъ въ Швейцаріи, онъ въ маѣ 1875 года привезъ ее въ Петербургъ. Тутъ онъ сталъ замѣчать, что дѣвочка начала лгать и обманывать его и вслѣдствіе этого сталъ ее различно наказывать. Въ Петербургѣ билъ ее по лицу до синяковъ, но въ кровь лица никогда не разбивалъ. Бывало это нѣсколько разъ. На дачѣ, видя, что дочь не ис-

правляется, прибѣгнулъ къ розгамъ. Для этого связалъ пучокъ изъ тонкихъ, гибкихъ прутьевъ и высѣкъ дочь раза три, при чемъ крови не видалъ и не смотрѣлъ, было ли синее тѣло, такъ какъ самъ находился въ нервномъ состояніи. Подолгу ли сѣкъ ее, онъ опредѣлить не можетъ. Послѣ третьяго раза пучокъ сломался и онъ, желая напугать дѣвочку, связалъ новый изъ толстыхъ прутьевъ, тотъ, который находится при дѣлѣ или другой, приблизительно такой же. Эти розги онъ повѣсилъ надъ постелью дѣвочки, но 25-го іюля, раздраженный дочерью, высѣкъ ее этимъ пучкомъ, высѣкъ сильно, и въ этотъ разъ сѣкъ долго внѣ себя, безсознательно, какъ попало. Сломались ли розги при этомъ послѣднемъ сѣченіи, онъ не знаетъ, но помнитъ, что, когда онъ началъ сѣчь дѣвочку, онѣ были длиннѣе.

Разсмотрѣвъ вышеозначенное, судебная палата нашла, что нанесеніе семилѣтней дѣвочкѣ такихъ побоевъ по лицу, какіе претерпѣвала Марія Кронебергъ отъ своего отца, и такое наказаніе розгами, слѣды котораго при освидѣтельствованіи дѣвочки, спустя 17 дней, дали поводъ врачамъ заключить, что наказаніе это перешло за предѣлы обыкновенныхъ домашнихъ исправительныхъ мѣръ и что повтореніе его могло бы вредно отразиться на здоровьѣ ребенка, подходятъ вполнѣ подъ понятіе объ истязаніи, предусмотрѣнномъ 1489-й ст. Улож., хотя бы побои эти и наказаніе розгами употреблены были въ видахъ исправленія дѣвочки. Посему принимая во вниманіе, что Кронебергъ истязалъ свою родную дочь, судебная палата опредѣлила: дворянина Станислава Леопольдова Кронебергъ, 29-ти лѣтъ, предать суду петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1489 и 1492 ст. Улож. о наказ.

По прочтеніи изложеннаго опредѣленія палаты, на вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли себя подсудимый виновнымъ въ томъ, что лѣтомъ 1875 года истязалъ свою дочь Марію, жестоко наказывая ее розгами и нанося ей побои по лицу, Кронебергъ не призналъ себя виновнымъ въ истязаніи дочери, хотя сознался, что наказывалъ ее.

Присяжный повѣренный *Спасовичъ* сдѣлалъ заявленіе, въ которомъ, руководствуясь 2-мъ п. 620-й ст. Уст. угол. суд., просилъ, чтобы судебное слѣдствіе по настоящему дѣлу происходило при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ дѣло это касается правъ семейственныхъ. Кронебергъ преданъ суду по 1489-й и 1492-й ст. Улож. о наказ.; предметомъ преступленія была родная дочь; въ опредѣленіи палаты сказано, что то наказаніе, въ которомъ оно усматриваетъ истязаніе и мученіе, было совершено въ видахъ исправленія, значитъ при отправленіи отцомъ одной изъ функцій

родительской власти. Такимъ образомъ самое обвиненіе уже указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ злоупотребленіемъ родительскою властью, т. е. съ преступленіемъ противъ правъ семейственныхъ, предусмотрѣнныхъ 2-й главой II-го раздѣла Улож. о нак. Вотъ тѣ юридическія причины, по которымъ защита ходатайствуетъ о закрытіи дверей засѣданія. Сверхъ того, Кронебергъ въ оправданіе себя долженъ будетъ разсказать всю исторію происхожденія ребенка, коснуться его рожденія, имени матери дѣвочки. Потомъ нѣкоторые свидѣтели будутъ разсказывать о такихъ дурныхъ физическихъ привычкахъ дѣвочки, которыя вызывали наказаніе и которыя такого рода, что въ присутствіи публики едва ли можно будетъ предлагать свидѣтелямъ вопросы, для разъясненія этихъ привычекъ.

Прокуроръ, съ своей стороны, высказалъ, что не можетъ согласиться на то, чтобы ходатайство защиты было удовлетворено, такъ какъ 620-я ст. Уст. угол. суд., на которую ссылается защитникъ, не заключаетъ въ себѣ указанія, чтобъ дѣла о нанесеніи истязаній разбирались при закрытыхъ дверяхъ. Кронебергъ обвиняется по 1489 ст. Улож. о наказ., предусматривающей истязанія; затѣмъ то обстоятельство, что эти истязанія нанесены отцомъ своей дочери, является побочнымъ, имѣющимъ значеніе при опредѣленіи наказанія. Такимъ образомъ здѣсь рѣчь идетъ не о превышеніи родительской власти, а объ истязаніи, и потому настоящее дѣло не можетъ подходить подъ 2-й п. 620-й ст. Далѣе прокуроръ полагаетъ, что, по ст. 621-й Уст. угол. суд., закрытіе дверей засѣданія можетъ быть допущено только въ исключительныхъ, необходимыхъ случаяхъ. Что же касается обстоятельствъ, о которыхъ защита хочетъ заявлять на судебномъ слѣдствіи, то о нихъ раньше ничего не было извѣстно, и въ настоящее время невозможно предположить, что эти обстоятельства должны окончательно опровергнуть все обвиненіе и что Кронебергъ долженъ обвиняться не въ истязаніи, а въ какомъ-нибудь другомъ преступленіи. Поэтому прокуроръ полагалъ ходатайство защиты оставить безъ послѣдствій.

Присяжный повѣренный *Спасовичъ* настаивалъ, чтобы судебное слѣдствіе происходило при закрытыхъ дверяхъ.

Окружный судъ, имѣя въ виду, что преступленіе, въ которомъ обвиняется Кронебергъ, не подходитъ подъ 619 и 620 стт. Уст. угол. суд., на которыя ссылается защита; что на основаніи 621 ст. того же устава, закрытіе дверей засѣданія допускается лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ 620 ст. Уст. угол. суд., что къ данному случаю не имѣетъ отношенія, постановилъ: заявленіе защитника оставить безъ послѣдствій и дѣло разсматривать при открытыхъ дверяхъ.

Дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ данныя, изложенныя въ опредѣленіи палаты, частью подтвердились, частью нѣтъ; кромѣ того, судебное слѣдствіе дало новый матеріалъ для сужденія о мотивахъ, руководившихъ Кронебергомъ при употребленіи все болѣе и болѣе суровыхъ наказаній.

Свидѣтельница Марія Кронебергъ, вначалѣ отказавшаяся отъ дачи показаній, потомъ по просьбѣ отца изъявила желаніе отвѣчать на вопросы сторонъ.

По ея словамъ, ее били не въ Петербургѣ, а уже по переѣздѣ на дачу; наказывали розгами въ послѣдній разъ за то, что украла кое-что у отца; затѣмъ дѣвочка сказала, что хотѣла украсть для кухарки деньги, а для себя сладостей; отцу не говорила о томъ, что кухарка просила принести ей денегъ, потому что боялась, что кухарку засадятъ въ тюрьму. Послѣ того, какъ ее наказали послѣдній разъ, у нея были синяки на задней части тѣла; по груди и по животу розгами не били, а били сзади и по лицу. По словамъ Маріи, на другой день она никому не хотѣла показывать знаковъ, но потомъ показала мамѣ и кухаркѣ (г-жу Жезингъ она зоветъ матерью). Кровь изъ носу текла отъ того, что засовывала пальцы въ носъ, а не отъ побоевъ. 25-го іюня, до пріѣзда папа́ мать поставила Марію на колѣни на 2 часа за то, что она хотѣла украсть у матери, но не успѣла. О томъ, что она сломала крючокъ, отцу сказала сама мама. Въ Швейцаріи, по словамъ дѣвочки, она жила у своей крестной матери, которая ее иногда наказывала рукой. Училась она тамъ англійскому языку, ариѳметикѣ, географіи и чистописанію. По пріѣздѣ въ Петербургъ тоже стала учиться, на дачѣ ее учила г-жа де-Труль.—На вопросъ защитника, любитъ ли Марія папа́ и маму, она отвѣтила «да, люблю».

Свидѣтельница *Бибина* показала, что видѣла, какъ Кронебергъ сѣкъ свою дочку, видѣла, что у нея были часто распухшія щеки, что дѣвочка была вся въ синякахъ и что побои и сѣченіе продолжались съ мѣсяцъ. Но затѣмъ она сказала, что не видала, какъ сѣкли дѣвочку, а только слышала. Кухарка также слышала, что дѣвочка долго кричала. Розги были отнесены въ участокъ ею, Бибиной. Знаки отъ розогъ она видѣла только сзади, видѣла также и синяки на щекахъ.

Свидѣтельница *Титова* разсказала, что Кронебергъ былъ жестокъ съ дочерью: не здоровался съ ней, когда пріѣзжалъ изъ города на дачу, косо на нее смотрѣлъ. При свидѣтельницѣ Кронебергъ ударилъ розгами дочь раза три, четыре и ударялъ сильно. Дѣвочку сѣкли часто и одинъ разъ Титова ее держала во время сѣченія. Послѣдній разъ сѣкли вотъ этими розгами (указываетъ на розги, лежащія въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ). Эти розги висѣли надъ постелью барышни. До переѣзда

на дачу Кронебергъ хорошо обращался съ дочерью; наказывалъ разъ только, и то не жестоко. Чтобы синяки были въ Петербургѣ—не помнитъ, но были уже по переѣздѣ на дачу. Также не помнитъ, были или нѣтъ шрамы и знаки на лицѣ малютки. Сѣкли дѣвочку разъ восемь, она сильно кричала. Г-жа Жезингъ розгами не наказывала, а бывало, что подеретъ за ухо. Обращалась съ Маріей ласково, а «иногда... какъ придется».

Свидѣтельница видѣла, какъ дѣвочка украла черносливу, и когда ее сѣкли послѣдній разъ, свидѣтельница думала, что за черносливъ, но ей сказали, будто дѣвочка украла деньги. Когда переѣзжали на дачу, у малютки былъ носъ въ крови; произошло это отъ удара; Кронебергъ и раньше билъ дочь по щекамъ, что свидѣтельница одинъ разъ сама видѣла. Вереда въ носу у дѣвочки не замѣчала.

Свидѣтель *Валевскій* показалъ, что когда онъ служилъ у Кронеберга, то видѣлъ, что дѣвочка плакала; слышалъ отъ другихъ, что ее раза три-четыре наказывали. На другой день послѣ послѣдняго наказанія онъ видѣлъ, что дѣвочка «ни весела, ни скучна».

Послѣ показаній вышеприведенныхъ свидѣтелей Кронебергъ объяснилъ условія жизни своей и дочери, а также и тѣ обстоятельства, которыя принудили его прибѣгнуть къ суровымъ наказаніямъ. Кронебергъ былъ студентомъ въ Варшавѣ на юридическомъ факультетѣ и въ это время сошелся съ особой, старше его. Вскорѣ эта связь прервалась и онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и окончилъ свое образованіе. Во время франко-прусской войны онъ былъ въ рядахъ французской арміи и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. По возвращеніи домой онъ узналъ, что у него есть дочь отъ той особы, съ которой онъ разошелся передъ поѣздкой за границу. Эта дѣвочка находилась въ Швейцаріи на воспитаніи у своей кормилицы. Кронебергъ отправился въ Швейцарію разыскивать дочь и нашелъ ее на улицѣ среди крестьянскихъ дѣтей. Онъ взялъ малютку, призналъ ее своею дочерью и отдалъ ее на воспитаніе женѣ пастора де-Комба, тамъ же въ Швейцаріи, гдѣ дѣвочка и пробыла $2^1/_2$ года. Онъ постоянно имѣлъ о ней свѣдѣнія, переписываясь съ де Комба. Изъ писемъ воспитательницы онъ узналъ, что дѣвочка, находясь раньше среди крестьянскихъ дѣтей, получила такія привычки и наклонности, что ее очень трудно перевоспитать. Лѣтомъ 1874 года Кронебергъ вмѣстѣ съ г-жей Жезингъ, съ которой вступилъ въ связь, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь пробылъ, по своимъ дѣламъ, до весны 1875 года. Потомъ г-жа Жезингъ заболѣла и они уѣхали въ Парижъ посовѣтоваться съ докторами. Г-жа Жезингъ знала, что у Кронеберга есть дочь, и предлагала ее взять къ себѣ, но Кронебергъ вначалѣ не соглашался, нѣсколько боясь огласки, но затѣмъ онъ рѣшился

взять дочь къ себѣ и привезъ ее въ Петербургъ. Тутъ-то онъ лично убѣдился въ недостаткахъ ея воспитанія: дѣвочка была лжива, обладала и другими пороками, «о которыхъ»—сказалъ Кронебергъ—«я не хочу говорить»; была, наконецъ, неряшлива и нечистоплотна до такой степени, что съ ней нельзя было сѣсть за столъ. Въ виду этого Кронебергъ «долженъ былъ наказывать» и началъ наказаніе съ того, что ставилъ дочь на колѣни и удалялъ изъ-за стола. Но эти мѣры не вліяли на дѣвочку, такъ какъ, будучи въ деревнѣ въ Швейцаріи, она подвергалась болѣе сильнымъ наказаніямъ и практикуемыя Кронебергомъ въ сравненіи съ ними были ничтожными. Такія же, сравнительно легкія, наказанія употреблялись и по переѣздѣ на дачу, пока Кронебергъ не пришелъ къ убѣжденію, что надо наказывать строже. На дачѣ дѣвочка причиняла много непріятностей своей дружбой съ дворникомъ и дворничихой, которые, по словамъ подсудимаго, питали къ нему вражду и были раздражены вычетомъ 80 коп. за пропавшаго по ихъ винѣ цыпленка. Итакъ, когда примѣнявшіяся наказанія не привели ни къ чему, были употреблены розги. «Вообще я видѣлъ,—говорилъ подсудимый,—что чѣмъ строже обращаюсь съ дочерью, тѣмъ она дѣлается лучше. Я наказывалъ розгами три раза и притомъ мягкою розгою. Третій разъ я наказалъ въ понедѣльникъ». Во вторникъ или среду Кронебергъ съ дочерью пошли гулять и, вернувшись, принесли другую большую розгу. Онъ повѣсилъ эту розгу надъ кроваткой дѣвочки и въ пятницу наказалъ ею. Дѣвочка всегда сильно кричала при наказаніяхъ. Въ заключеніе Кронебергъ сказалъ: «я отецъ; я имѣю право наказанія и я долженъ это сдѣлать. Я въ пятницу сильно билъ дочь... я не могу перенести, чтобы моя дочь входила въ стачки съ другими (въ сильномъ волненіи), моя дочь, которую я взялъ къ себѣ, о которой забочусь. Я вполнѣ признаю, что я этою розгой наказывалъ, но крови никогда не было; слѣдовъ на тѣлѣ я не сдѣлалъ ей. Теперь вы понимаете, зачѣмъ я долженъ былъ усиливать наказаніе, и въ послѣдній разъ я высѣкъ хорошо, чтобы она вспоминала. Этотъ урокъ имѣлъ свои послѣдствія, и хотя слѣдствіе поколебало мою родительскую власть, но урокъ исправилъ дѣвочку, которая уже дѣлается отличной дѣвочкой. Она уже не марается въ комнатѣ и съ нею уже пріятно кушать». На вопросъ предсѣдателя, наказывали ли подсудимаго или его братьевъ и сестеръ, если они есть, въ дѣтствѣ розгами и не били ли по лицу,—Кронебергъ относительно себя отвѣтилъ отрицательно, а про братьевъ и сестеръ сказалъ, что не помнитъ. Далѣе онъ заявилъ, что положительно отрицаетъ, чтобы избивалъ въ кровь лицо ребенка. Дѣйствительно, онъ разъ ударилъ и была кровь, но это потому, что въ носу дѣвочки вередъ, изъ котораго течетъ кровь всякій разъ, какъ

она трогаетъ носъ пальцемъ; и можно много бы привести окровавленныхъ платковъ дѣвочки, запачканныхъ кровью изъ носу.

Свидѣтель *Никольскій* управляющій дачей подтвердилъ объясненіе Кронеберга, что у него были непріятности съ дворникомъ изъ-за пропавшаго цыпленка, а также изъ-за воды, и показалъ, что Кронебергъ жаловался ему на непослушаніе дворника. Мать дворника говорила свидѣтелю, что не бралась караулить цыплятъ и не знаетъ, за что съ нея вычли деньги. Изъ тона разсказа этой женщины свидѣтель не могъ вывести заключенія, что она хотѣла во что бы то ни стало отомстить Кронебергу.

Изъ прочитанныхъ показаній не явившихся свидѣтелей пастора *де-Комба и его жены* выяснилось, что у дочери Кронеберга еще до переѣзда въ Петербургъ были шрамы на лбу и переносьѣ и знакъ на щекѣ. Шрамы на лбу и переносьѣ произошли отъ паденія дѣвочки изъ окна, когда ей было всего 2—3 года, а знакъ на щекѣ отъ паденія съ лѣстницы. Еще разъ какъ-то дѣвочка упала носомъ въ землю и разбила его до крови, слѣдствіемъ чего былъ струпикъ на носу, перешедшій затѣмъ въ шрамикъ. Въ носу у нея есть, кромѣ того, бутончикъ, который она часто расковыривала до крови. Изъ показаній этихъ же свидѣтелей видно, что у ребенка были разные недостатки, главнѣйшимъ изъ которыхъ являлась лживость. Для искорененія ихъ принимались разныя мѣры, но всѣ усилія были тщетны. Кронебергъ не отступалъ ни передъ чѣмъ, чтобы поднять нравственность ребенка. Отношенія Кронеберга къ дочери были самыя благородныя и нѣжныя: онъ дѣлалъ все, что можетъ сдѣлать нѣжный отецъ. Пасторъ де-Комба присовокупляетъ, что Кронебергъ хотѣлъ дать малюткѣ хорошее образованіе, чтобы сдѣлать изъ нея женщину, полезную обществу, и не дать ребенку почувствовать всю горечь его происхожденія.

Свидѣтельница *Жезингъ* показала, что Кронебергъ и на дачѣ и въ Петербургѣ ласково обращался съ дочерью и никогда не былъ строгъ, хотя часто она заслуживала наказанія. По обращенію Кронеберга съ дочерью свидѣтельница заключила, что онъ любитъ дѣвочку. Правда, онъ ее въ Петербургѣ билъ по лицу, но не до синяковъ, а на дачѣ наказывалъ даже розгами, 2 раза маленькими, а въ третій разъ покрупнѣе, но все это дѣлалось съ цѣлью исправить дѣвочку. Марія вообще непослушна, постоянно грязная, кромѣ того, у нея есть такіе недостатки, которыхъ объяснить свидѣтельница не можетъ. Послѣдній разъ дѣвочка была наказана за воровство и только отъ этого наказанія остались слѣды. Она крала изъ сундука сахаръ, кофе, апельсины и хотѣла даже украсть изъ портфеля денегъ, но это ей не удалось, и она только сломала крючокъ. Украсть деньги малютка хотѣла, какъ сама потомъ сказала, для кухарки,

которая ее просила объ этомъ. Г-жа Жезингъ въ этотъ разъ сама наказала дѣвочку, поставивъ ее на колѣни на 2 часа, но на самомъ дѣлѣ она простояла минутъ 10—15. Въ показаніяхъ г-жи Жезингъ было противорѣчіе съ тѣмъ, что она показывала на предварительномъ слѣдствіи. Именно тамъ сказано, что отъ ударовъ по лицу у дѣвочки оставались синяки, хотя крови не было. Теперь же свидѣтельница говорила, что синяковъ не видала. Въ виду этого прокуроръ просилъ прочесть эту часть показанія, но г-жа Жезингъ и по прочтеніи настаивала, что синяковъ не видала.

Свидѣтельница докторъ *Суслова* показала, что весной прошлаго года она подавала медицинскую помощь г-жѣ Жезингъ. Въ это время свидѣтельница наблюдала надъ дочерью Кронеберга и замѣтила, что та, при своей сообразительности, не умѣетъ управлять своими естественными нуждами. Сверхъ того дѣвочка занималась онанизмомъ и, по мнѣнію свидѣтельницы, страдала этою болѣзнью уже нѣсколько лѣтъ. Въ этой болѣзни дѣвочка сама потомъ созналась.

Свидѣтельница *де-Лорнэ* давала уроки дѣвочкѣ, когда Кронебергъ жилъ на дачѣ. Ходила она къ нимъ раза 3 въ недѣлю; все время Кронебергъ и Жезингъ обращались съ дѣвочкой «очень внимательно, съ заботой». 26 іюля свидѣтельница занималась съ дѣвочкой, которая приготовила свой урокъ. Синихъ знаковъ ни на лицѣ, ни на рукахъ не замѣтила. Изъ дальнѣйшихъ показаній де-Лорнэ видно, что дѣвочка хотя и была понятлива, но была очень разсѣяна и съ ней было трудно ладить. Кронебергъ часто ласкалъ дочку и игралъ съ ней.

Гувернантка малютки *дю-Трулъ* объяснила, что ея воспитанница непослушна и ее съ трудомъ можно заставить повиноваться. Родителей она мало боялась и, несмотря на запрещеніе, постоянно ходила къ дворнику. Дѣвочка говорила свидѣтельницѣ, что она могла бы исправиться, если бы отецъ ее сильно наказалъ.

Къ свидѣтелю *Линну*, зубному врачу, Кронебергъ пріѣзжалъ съ дочерью 24 іюня выдернуть ей 2 зуба. Свидѣтель хорошо помнитъ время посѣщенія потому, что былъ вскорѣ спрошенъ судебнымъ слѣдователемъ. На лицѣ дѣвочки онъ не видѣлъ шрамовъ.

Свидѣтельницы *Балашова* и *Михайлова*, бывшія въ качествѣ понятыхъ при осмотрѣ дѣвочки, заявили, что все тѣло дѣвочки, въ особенности спина, было въ черныхъ и синихъ пятнахъ. Балашова между прочимъ показала, что сперва дѣвочка, боясь отца, не хотѣла раздѣваться и что съ ней самой чуть не сдѣлалось дурно отъ одного вида тѣла дѣвочки.

Таковы свидѣтельскія показанія. Передъ заключеніемъ экспертовъ были прочитаны акты освидѣтельствованія дочери Кронеберга. Потомъ врачи

давали заключенія относительно характера поврежденій, причиненныхъ дѣвочкѣ ея отцомъ.

Докторъ *Лансбергъ*, экспертъ, заявилъ, что ему, молодому врачу, первый разъ выпало на долю произвести освидѣтельствованіе, и онъ, съ своей стороны, удостовѣряетъ, что не можетъ смотрѣть на наказаніе, примѣненное къ дѣвочкѣ, какъ на домашнее, исправительное, и что если бы такое наказаніе продолжалось, то это отозвалось бы весьма вредно на здоровьи ребенка. По тѣмъ слѣдамъ, которые остались на тѣлѣ малютки, можно заключить, что ребенокъ во время наказанія ворочался съ одной стороны на другую и что наказывавшій билъ, гдѣ попало. Далѣе экспертъ заявилъ, что дѣленіе поврежденій на тяжкія и легкія есть, собственно говоря, юридическій терминъ и провести границу между тѣми и другими «мы не можемъ»: бывали случаи, что отъ тяжкихъ поврежденій люди выздоравливали, а отъ легкихъ умирали. Съ медицинской точки зрѣнія поврежденіе можетъ быть признано тяжкимъ, если будетъ обезображена кожа Въ настоящемъ случаѣ экспертъ не нашелъ прорѣзовъ кожи, а только пятна и полосы. Поврежденія, нанесенныя Кронебергомъ дочери, можно считать тяжкими въ смыслѣ наказанія, но не въ смыслѣ нанесенныхъ ударовъ.

По мнѣнію эксперта *Чербишевича* поврежденія, вѣроятно, были нанесены разновременно и поэтому не могли имѣть особаго вліянія на здоровье ребенка. Что же касается рубцовъ на лицѣ, то, какъ онъ думаетъ, они останутся на всю жизнь, при чемъ рубецъ на вискѣ недавняго происхожденія, а рубецъ на носу не могъ произойти отъ ушиба, потому что тогда не было бы раны и во всякомъ случаѣ рубецъ былъ бы съ неровными краями, въ одномъ мѣстѣ шире, въ другомъ уже. По мнѣнію эксперта, этотъ рубецъ на носу, а также и другой на щекѣ произошли одновременно отъ удара нѣсколькими прутьями, наприм., розгами. Оба рубца давняго происхожденія, но давность можетъ быть какъ трехлѣтняя, такъ и трехнедѣльная, съ точностью опредѣлить нельзя.

Экспертъ *Флоринскій* высказалъ, что Марія Кронебергъ принадлежитъ къ такимъ субъектамъ, у которыхъ раздраженіе кожи бываетъ рѣзче, чѣмъ у другихъ. По его мнѣнію, наказывали не очень сильно, потому что удары розгами изо всей силы могли бы разсѣчь кожу и болѣе твердую. Пятна на лицѣ давняго происхожденія и не отъ розогъ. Докторъ Флоринскій относитъ побои не къ тяжкимъ, но повтореніе ихъ, безъ сомнѣнія, имѣло бы вліяніе на здоровье ребенка.

Врачъ *Горскій* находитъ, что наказаніе, понесенное дѣвочкой, выходитъ за предѣлы обыкновенныхъ исправительныхъ наказаній.

Экспертъ проф. *Корженевскій*, соглашаясь съ мнѣніемъ д-ра Флоринскаго объ особенно сильной чувствительности кожи Маріи Кронебергъ, высказалъ, что нельзя узнать силу удара, что пораженъ только самый поверхностный слой кожи и что на другой день по освидѣтельствованіи дѣвочки признаковъ болѣзненности не обнаружено.

По окончаніи слѣдствія судъ перешелъ къ преніямъ.

Прокуроръ А. К. Колоколовъ. Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели. Въ уголовной судебной практикѣ весьма часто встрѣчаются такія дѣла, при изслѣдованіи и разслѣдованіи которыхъ одинъ за другимъ возникаютъ вопросы, въ высшей степени возбуждающіе интересъ общества. Съ самаго начала такихъ дѣлъ о нихъ много говорятъ: одни осуждаютъ обвиняемаго, другіе относятся къ нему сочувственно; если же обвиняемому приходится идти на скамью подсудимыхъ, интересъ возрастаетъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ приговора суда,—приговора, который одинъ только и можетъ разрѣшить возникшія сомнѣнія. Къ дѣламъ этого рода принадлежитъ и настоящій процессъ, несмотря на его несложность, несмотря на то, что подсудимый самъ не отрицаетъ фактовъ, которые ему ставятся въ вину. Отецъ преданъ вашему суду за то, что, наказывая дочь, причинилъ ей истязанія. Такимъ образомъ дѣло касается отношеній между родителями и дѣтьми, рѣчь идетъ о правахъ родительской власти, вопросъ дѣйствительно важный; вопросъ такой, которымъ не можетъ не интересоваться всякій изъ насъ, потому что дѣйствіе происходитъ въ семьѣ, гдѣ существуетъ особая власть, которую должны всѣ уважать, власть охраняемая закономъ, власть родительская. Намъ съ вами, гг. присяжные засѣдатели, разрѣшающимъ дѣло по существу, при разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ представляется болѣе необходимымъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ, отрѣшиться отъ этихъ постороннихъ вопросовъ, остановиться только на обстоятельствахъ, обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, изучить ихъ хладнокровно, внимательно и безпристрастно, такъ какъ только такимъ отношеніемъ къ дѣлу и гарантируется справедливость того приговора, котораго ждетъ отъ васъ правосудіе. Вотъ почему я, гг. присяжные засѣдатели, считаю своею обязанностью

просить васъ прежде всего устранить всякую мысль о томъ, что преданіемъ суду отца за истязаніе своего ребенка можетъ быть поколеблена власть родительская, что подобное преданіе суду противорѣчитъ тѣмъ правамъ, которыя предоставлены закономъ намъ, какъ родителямъ. Каждому изъ насъ очень хорошо извѣстно, что власть родителей, по нашему законодательству, есть власть весьма широкая, простирающаяся на дѣтей обоего пола и всякаго возраста. Родители, въ силу этой власти, могутъ принимать домашнія исправительныя мѣры противъ дѣтей. Безуспѣшны эти мѣры — законъ предоставляетъ родителямъ право обращаться въ судъ съ требованіемъ о принятіи другихъ, болѣе строгихъ мѣръ. Далѣе, не дозволяется принимать жалобы, подаваемыя со стороны дѣтей противъ родителей по дѣламъ о личныхъ оскорбленіяхъ и обидахъ. Строго наказываются тѣ дѣти, которыя позволяютъ себѣ по отношенію къ родителямъ неповиновеніе или какія-нибудь оскорбительныя дѣйствія. Власть родительская, какъ видите, держится на прочныхъ началахъ и строго охраняется закономъ. Да иначе и быть не можетъ; плохіе задатки для будущаго представляло бы такое общество, въ которомъ не уважалась бы власть родительская, въ которомъ она не охранялась бы надлежащимъ образомъ. Никто не отрицаетъ права родителей наказывать своихъ дѣтей. Исправлять своихъ дѣтей—это не только наше право, но и наша обязанность. Что такое семья? Это—первоначальная школа, въ которой воспитываются будущіе дѣятели отечества и государства. Вотъ почему государство требуетъ отъ насъ, чтобы мы все свое вниманіе обращали на нравственное воспитаніе дѣтей и путемъ домашняго воспинанія старались поднять ихъ нравы, содѣйствуя видамъ правительства. Ту или другую мѣру вы избираете для исправленія дѣтей—до этого нѣтъ никому накакого дѣла и въ этомъ случаѣ родители безграничны въ своихъ дѣйствіяхъ. Однимъ только ограничивается власть родительская: государство требуетъ, чтобы родители по отношенію къ личности своихъ дѣтей не позволяли себѣ такихъ дѣяній, которыя преслѣдуются уголовнымъ закономъ. Если въ дѣйствіяхъ родителей существуютъ признаки такого нарушенія

закона, дѣло необходимо должно быть изслѣдовано въ общемъ порядкѣ. Судебная палата, предавая Кронеберга суду, усмотрѣла въ дѣйствіяхъ его такіе признаки, которые соотвѣтствуютъ дѣянію, предусмотрѣнному въ 1489-й ст. Улож. о наказ. Такимъ образомъ родительская власть нисколько не можетъ быть поколеблена, какъ объ этомъ заявилъ здѣсь Кронебергъ, этимъ процессомъ. Она остается такою же прочною, какъ и прежде, и мы, гг. присяжные засѣдатели, можемъ совершенно покойно перейти къ изслѣдованію вопроса — заключаются ли въ дѣйствіяхъ подсудимаго Кронеберга тѣ противозаконныя дѣянія, которыя приписываются ему обвинительнымъ актомъ? Судебное слѣдствіе представляетъ намъ достаточный матеріалъ для того, чтобы прослѣдить жизнь Маріи Кронебергъ, изучить ту обстановку, среди которой она росла, которая ее окружаетъ въ настоящее время. Долженъ сказать откровенно, изъ этого изученія я лично вынесъ тяжелое впечатлѣніе. Бываютъ, господа, на свѣтѣ такія несчастныя существа, которыя съ момента своего рожденія подвергаются всѣмъ невзгодамъ суровой жизни. Нисколько не умаляя достоинствъ подсудимаго Кронеберга, я нахожу, что Марія Кронебергъ принадлежитъ именно къ такимъ несчастнымъ существамъ. Она родилась въ 1868 году отъ незаконной связи Кронеберга съ неизвѣстной намъ женщиной. Мать поставлена была въ необходимость оставить своего ребенка на попеченіе чужихъ людей. Такимъ образомъ Марія Кронебергъ родилась и сейчасъ же осталась сиротой. Правда, Кронебергъ усыновилъ ее, принималъ мѣры къ устройству дѣвочки, но мы знаемъ, что, несмотря на эту обстановку, въ которой росла дѣвочка, она не могла походить на ту, при которой растутъ дѣти, окруженныя ласками родителей. Дѣвочка была передана на воспитаніе кормилицѣ, женщинѣ весьма хорошей, какъ удостовѣряютъ объ этомъ приглашенные къ слѣдствію изъ Женевы свидѣтели де-Комба. Вѣрно, что эта кормилица, можетъ быть, женщина хорошая, но изъ показанія тѣхъ же свидѣтелей я заключаю, что присмотръ и уходъ кормилицы за ребенкомъ были далеко не таковы, какихъ желательно видѣть. Свидѣтели разсказываютъ намъ, что когда ребенку было

2—3 года, когда онъ требовалъ слѣдовательно особаго наблюденія за собою, онъ вылетаетъ изъ окна, падаетъ съ лѣстницы. Самъ Кронебергъ удостовѣряетъ, что, прибывъ въ Швейцарію, онъ нашелъ своего ребенка въ самомъ заброшенномъ видѣ, среди крестьянскихъ дѣтей,—словомъ, ребенокъ находился въ положеніи, которое самъ Кронебергъ признавалъ необходимымъ измѣнить. Дѣвочка передается на руки пастора де-Комба и его жены. Къ сожалѣнію, эти лица не разсказываютъ намъ подробно, какъ жила у нихъ дѣвочка; они говорятъ только о томъ, какъ относился къ ней самъ Кронебергъ. Впрочемъ, если бы они удостовѣрили, что дѣвочка росла въ хорошей средѣ, что на нее обращали особое вниманіе, едва ли это было бы вполнѣ достовѣрно, такъ какъ Кронебергъ объяснилъ, что воспитаніе и обращеніе съ ребенкомъ де-Комба ему не нравилось и онъ рѣшился взять дочь свою въ Петербургъ. Вообще, я считаю необходимымъ остановиться на показаніи супруговъ де-Комба. Для меня показаніе ихъ имѣетъ важное значеніе; именно, они говорятъ, что Кронебергъ заботился о томъ, чтобы поднять нравственно своего ребенка; по словамъ пастора де-Комба, Кронебергъ, желая сдѣлать изъ своей дочери женщину не блестящую, но полезную, дѣлалъ все, чтобы заставить ребенка забыть горечь его происхожденія и существованія. Такимъ образомъ вотъ та программа педагогической дѣятельности, которую Кронебергъ высказывалъ, вѣроятно, на словахъ, о которой, можетъ быть, даже писалъ. Посмотримъ теперь, насколько онъ слѣдовалъ этой программѣ, когда привезъ дѣвочку въ Петербургъ. При тѣхъ денежныхъ средствахъ, которыя имѣетъ Кронебергъ, казалось бы, что онъ будетъ весьма разборчивъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, на попеченіе которыхъ передаетъ свою дочь. И что же? Кронебергъ, какъ это вы знаете, занятый постоянно дѣлами, оставляетъ свою дочь на попеченіе г-жи Жезингъ, которая замѣнила при Кренебергѣ мать дѣвочки. Допустимъ, что г-жа Жезингъ, дѣйствительно, обладала бы всѣми качествами хорошей воспитательницы, то и въ такомъ случаѣ выборъ нельзя назвать вполнѣ правильнымъ. Развѣ нельзя допустить, что Марія Кронебергъ для Жезингъ служитъ доказательствомъ, что существуетъ еще на свѣтѣ женщи-

на, которая, какъ мать дѣвочки, имѣетъ на Кронеберга больше правъ, чѣмъ она, Жезингъ. Я не хочу этимъ сказать, что Жезингъ вслѣдствіе этого дѣйствительно позволяла себѣ что-нибудь; но думаю на основаніи этого соображенія, что Кронебергъ не особенно остороженъ былъ въ своемъ выборѣ. Кронебергъ не былъ постоянно дома и не зналъ, какъ Жезингъ обращается съ дѣвочкой, но онъ не могъ не знать о существованіи тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ Жезингъ могла иногда не особенно ласково обращаться съ ребенкомъ. Проживая въ городѣ, Кронебергъ не принималъ радикальныхъ мѣръ, чтобы поднять нравственность ребенка; по крайней мѣрѣ мы этого не знаемъ. Намъ представляется вполнѣ доказаннымъ, что въ Петербургѣ розги не пускались въ ходъ, а вмѣсто нихъ были наносимы удары по лицу ребенка,—удары, оставившіе слѣды въ видѣ синяковъ. Это была первая мѣра, которую Кронебергъ считалъ необходимымъ принять для того, чтобы заставить ребенка забыть всю горечь его происхожденія и существованія! Дальнѣйшія дѣйствія происходятъ на дачѣ. Дача нанималась для того, чтобы помочь больной Жезингъ, чтобы дать ей и ребенку возможность подышать хорошимъ воздухомъ. И вотъ здѣсь Кронебергъ принимаетъ другія мѣры, кромѣ нанесенія пощечинъ, оставляющихъ послѣ себя слѣды, которые я считаю доказанными, такъ какъ подсудимый не отрицаетъ, не отрицалъ прежде, да и теперь подтверждаетъ, что это случалось. Да и Жезингъ удостовѣряла на предварительномъ слѣдствіи, что удары дѣйствительно наносились и что послѣ нихъ оставались на лицѣ дѣвочки синяки. На дачѣ Кронебергъ прибѣгалъ къ розгамъ. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и въ обвинительномъ актѣ причины, вызвавшія наказаніе розгами, не совсѣмъ тѣ, какими онѣ представляются здѣсь, на судебномъ слѣдствіи. Тамъ шла рѣчь о томъ, что дѣвочка постоянно спала, что она была нечистоплотна и что Кронебергъ находился во время наказанія въ нервномъ состояніи. Здѣсь же ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство, которое, по своей важности, становится главною причиной строгости наказанія, а именно та болѣзнь, о которой свидѣтельствовала докторъ Суслова. Сверхъ того, Кронебергъ го-

воритъ, что для него было оскорбительнымъ, что его дочь, для которой онъ сдѣлалъ такъ много, была въ близкихъ сношеніяхъ съ прислугой. Вы слышали показаніе Титовой, жившей на дачѣ, и матери дворника, Бибиной. Изъ этихъ показаній мы видимъ, что они, простые люди, люди необразованные, относились дѣйствительно съ сожалѣніемъ къ ребенку. Казалось бы, что тутъ такого преступнаго въ томъ, что простые люди ласково обращаются съ дѣвочкой? Что тутъ такого оскорбительнаго, чѣмъ можно было бы возмущаться? Если бы, въ данномъ случаѣ, происходили какія-нибудь дурныя дѣйствія этихъ людей съ дѣвочкой, тогда дѣло другое; но объ этомъ не было и рѣчи. А между тѣмъ Кронебергъ удостовѣряетъ, что происходили какъ бы сраженія между нимъ, дочерью и прислугой изъ-за того только, что прислуга ласково относилась къ дѣвочкѣ. Что касается другой причины, приведенной Сусловою, то дѣйствительно эта причина, какъ я сказалъ и прежде, очень важная, она можетъ поставить всякаго отца въ необходимость принять мѣры болѣе строгія противъ ребенка. Но истязаніе, въ которомъ обвиняется Кронебергъ, стоитъ не зависимо отъ цѣли, съ которою причиняется это истязаніе. Если кто-нибудь будетъ наказывать своего ребенка хотя бы съ цѣлью отучить его отъ того порока, о которомъ говоритъ Суслова, и при этомъ причинить ему истязаніе, то, несмотря на это, долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за это истязаніе, такъ какъ, по разъясненію сената, въ преступленіи истязанія цѣль, съ которою они причиняются, не имѣетъ существеннаго значенія. Изъ показаній свидѣтельницъ Титовой и Бибиной видно, что наказаніе розгами повторялось не одинъ, а нѣсколько разъ. Впрочемъ, вопросъ о томъ, правильно ли показываютъ свидѣтели, сколько именно разъ сѣкли дѣвочку, совершенно безразличенъ въ виду того, что самъ Кронебергъ не отрицаетъ, что высѣкъ дочь сперва три раза и что четвертый разъ наказалъ ее тѣми розгами, которыя совершенно правильно экспертъ Флоринскій назвалъ шпицрутенами. Дѣло не въ томъ, сколько разъ сѣкли, а въ томъ, что сѣкли нѣсколько разъ и что сѣченіе производилось съ жестокостью. По заявленію Кронеберга, троекратное сѣченіе розгами, отъ которыхъ оставались

слѣды, не привело къ хорошему результату, и онъ наказалъ свою дочь 25-го іюля, какъ онъ самъ говоритъ, очень строго и сильно билъ, не сознавая себя. Люди простые, окружавшіе Кронеберга, отнеслись къ этому факту съ особымъ сожалѣніемъ и заявили о немъ полиціи. Началось предварительное слѣдствіе. Все было подтверждено и является какъ доказательство экспертиза, повторяющаяся одна за другою въ теченіе нѣсколькихъ дней. Свидѣтельницы Балашова и Михайлова, приглашенныя въ качествѣ понятыхъ при осмотрѣ дѣвочки 29 іюля и слѣдовательно видѣвшія дѣвочку вскорѣ послѣ наказанія, передали намъ о томъ впечатлѣніи, которое произведено было на нихъ знаками на тѣлѣ дѣвочки. Онѣ говорятъ, что знаки, нанесенные Маріи Кронебергъ ея отцомъ, были очень сильные и что онѣ, свидѣтельницы, отнеслись къ дѣвочкѣ съ особымъ сожалѣніемъ. Врачъ, производившій осмотръ 29-го іюля, удостовѣряетъ существованіе этихъ знаковъ и говоритъ, что знаки эти были сильные. Черезъ нѣсколько дней производился другой осмотръ дѣвочки, именно осмотръ пятенъ на ея лицѣ. Этимъ осмотромъ доказано (я даже уступаю защитѣ подсудимаго три или четыре шрама), что на лицѣ имѣются, кромѣ знаковъ давняго происхожденія, синяки, багровыя пятна и шрамы, которые по своему виду не могутъ относиться къ тому времени, къ которому относится шрамъ перламутроваго цвѣта. Осмотръ этотъ происходилъ 31-го іюля. Подробное освидѣтельствованіе дѣвочки было 11-го августа, т.-е. черезъ 17 дней со времени послѣдняго наказанія. Изъ этого освидѣтельствованія, а также изъ заключенія экспертовъ на судѣ видно, что на тѣлѣ дѣвочки были такіе знаки, которые указывали прямо на то, что наказаніе было, по словамъ однихъ, довольно рѣзкое, а по словамъ другихъ—сильное; въ протоколѣ же, однако, сказано, что оно было сильное и притомъ такое, которое выходило изъ предѣловъ мѣръ, называющихся мѣрами домашняго исправленія. Также удостовѣрено, что если бы подобное наказаніе продолжалось, то оно имѣло бы вредныя послѣдствія для здоровья ребенка. Вызванные со стороны подсудимаго нѣкоторые изъ свидѣтелей опровергаютъ существованіе пятенъ и синяковъ на лицѣ дѣвочки; но я долженъ сказать, что показаніе этихъ

свидѣтелей не представляетъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ждалъ подсудимый. Такъ де-Лорне, де-Труль и Линнъ говорятъ, что видѣли дѣвочку 24-го іюля и 26-го, и что никакихъ знаковъ на лицѣ не было, а между тѣмъ при осмотрѣ 31-го іюля обнаружено большое число синяковъ и другихъ знаковъ. Наконецъ, Линнъ удостовѣряетъ, что не видѣлъ на лицѣ дѣвочки никакихъ рѣшительно пятенъ; я его въ свою очередь спросилъ, а замѣтилъ ли онъ шрамъ перламутроваго цвѣта, на что онъ отвѣчалъ отрицательно. Изъ этого я заключаю, что онъ не особенно внимательно осматривалъ дѣвочку, да и невозможно допустить, чтобы онъ не могъ видѣть тѣ синяки, которые должны были быть на дѣвочкѣ, судя по протоколу, составленному 31-го іюля. Съ другой стороны, самъ Кронебергъ какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на судѣ объяснялъ, что наносилъ удары по щекамъ своей дочери; это подтверждается какъ показаніями свидѣтелей, такъ и протоколомъ осмотра, и такимъ образомъ, въ виду того, что обстоятельства судебнаго слѣдствія какъ относительно знаковъ на лицѣ, такъ и вообще нисколько не измѣнили того, что было открыто на предварительномъ слѣдствіи, я поддерживаю обвиненіе въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ обвинительномъ актѣ судебной палаты, выводы котораго представляются для меня вполнѣ доказанными на судѣ какъ объясненіемъ подсудимаго, такъ и свидѣтельскими показаніями, и заключеніемъ экспертовъ несомнѣнно доказано, что удары дѣвочкѣ наносились по щекамъ и отъ нихъ оставались синяки; что происходило наказаніе розгами, которыя по наружному своему виду вовсе не такія розги, которыми обыкновенно наказываютъ своихъ дѣтей. Я не могу допустить — и думаю, что вы согласитесь со мною — чтобы битье по щекамъ до синяковъ семилѣтняго ребенка могло называться мѣрой домашняго исправленія, а тѣмъ болѣе наказаніе такими розгами, которыя лежатъ передъ вами, гг. присяжные засѣдатели. На предварительномъ слѣдствіи было обращено особое вниманіе на то, что платки и бѣлье, представленные къ дѣлу свидѣтелями, имѣютъ на себѣ слѣды крови. Я не имѣю основанія утверждать, что эти кровяныя пятна произошли отъ тѣхъ побоевъ, которые наносилъ

Кронебергъ своей дочери, я вѣрю совершенно, что они запачканы кровью, которая шла изъ носа дѣвочки. Но, гг. присяжные засѣдатели, Кронебергъ, какъ отецъ своей дочери, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, имѣлъ возможность замѣтить, что у дѣвочки идетъ кровь изъ носа, и могъ принять своевременно мѣры для устраненія этой болѣзни. Вы знаете, что объ этой болѣзни носа говорятъ и свидѣтели де-Комба. Если такимъ образомъ Кронебергъ зналъ, а не знать не могъ, что у дѣвочки болитъ носъ, то битье по лицу безъ разбора тѣмъ болѣе можетъ быть названо жестокимъ; бить по щекамъ значило вызывать еще большее теченіе крови; Кронебергъ зналъ, что отъ малѣйшаго прикосновенія къ носу дѣвочки идетъ кровь, и, несмотря на это, продолжалъ бить дочь, не обращая вниманія на то, что тѣмъ самымъ можетъ вызвать сильную боль. Развѣ это, гг. присяжные засѣдатели, не есть жестокое обращеніе, спрашиваю я? Относительно знаковъ на лицѣ и слѣдовъ послѣ троекратнаго наказанія розгами, я считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе на показаніе свидѣтельницы Жезингъ, данное на предварительномъ слѣдствіи. Тамъ она говорила, что оставались знаки какъ на лицѣ дѣвочки, такъ и на тѣлѣ послѣ наказанія розгами, а здѣсь удостовѣряетъ, что не говорила объ этомъ. Жезингъ на вопросъ защиты отвѣчала однакоже, что показаніе было ей переведено дословно и что судебный слѣдователь спрашивалъ ее самъ и читалъ ей показаніе. Я не вижу, съ своей стороны, ни малѣйшаго основанія заподозрѣвать судебнаго слѣдователя въ томъ, что онъ записалъ именно эту часть показанія не такъ, какъ говорила Жезингъ, такъ какъ она не отрицаетъ другихъ частей показанія. Никакихъ доказательствъ подобнаго отношенія слѣдователя къ дѣлу нѣтъ, а потому, мнѣ кажется, объ этомъ не слѣдовало и намекать. Протоколъ показанія Жезингъ представляется, слѣдовательно, законнымъ и вполнѣ достовѣрнымъ. Чѣмъ же можно объяснить такое противорѣчіе Жезингъ? Я полагаю, что она могла или забыть о томъ, что говорила раньше, или же это противорѣчіе является вслѣдствіе тѣхъ близкихъ отношеній къ Кронебергу, о которыхъ вы слышали. Итакъ, послѣ каждаго сѣченія розгами, оставались слѣды, и Кронебергъ, какъ

говорятъ свидѣтели, весьма часто подвергалъ свою дочь наказанію. Перехожу къ событію 25-го іюля. Что такое ребенокъ сдѣлалъ въ этотъ день особеннаго, за что его слѣдовало подвергнуть такому наказанію? Жезингъ говоритъ, что Марія Кронебергъ была большая лгунья, что она постоянно воровала; но спрашивается, что же она воровала? Воровала черносливъ, сахаръ и вообще лакомства. Я полагаю, что съ каждымъ ребенкомъ у насъ, гг. присяжные засѣдатели, это можетъ случиться. Если вы, вернувшись домой послѣ засѣданія, увидите, что ваше дитя вошло въ вашъ кабинетъ и взяло въ ваше отсутствіе лакомство, которое тамъ сохранялось и для него же, можетъ быть, было приготовлено, неужели вы будете считать это кражей, и тѣмъ болѣе по отношенію къ ребенку, которому всего только 7 лѣтъ? Здѣсь старались вамъ доказать, что дѣвочка собиралась украсть деньги, но гдѣ же на это доказательства? Говорятъ, что дѣвочка сама объ этомъ передавала; но вѣдь вы считаете ее лгуньей, почему же въ одномъ случаѣ вы ей не вѣрите, а въ другомъ вѣрите безусловно? Почему вы, не провѣривъ ея заявленія, сейчасъ же принимаетесь ее жестоко сѣчь, да притомъ такими розгами, которыя называются шпицрутенами? неужели наказаніе такими розгами семилѣтняго ребенка не можетъ быть признано жестокимъ? У насъ есть общество покровительства животнымъ, цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы, по возможности, прекратить тѣ истязанія, которыя наносятся животнымъ, и поставить ихъ въ болѣе выгодныя условія. Если такимъ образомъ насъ возмущаетъ безчеловѣчное обращеніе съ животными, то неужели не возмутитъ всякаго изъ насъ поступокъ отца или матери, которые бьютъ своего ребенка, да и при томъ бьютъ жестоко, толстыми прутьями? Я полагаю, что каждый изъ насъ, увидѣвъ такое обращеніе, постарался бы уговорить, что нельзя такъ жестоко обращаться съ дѣтьми. Едва ли кто можетъ не признать, что наказаніе въ данномъ случаѣ было слишкомъ жестоко. Жезингъ между прочимъ говоритъ, что дѣвочку наказали за то, что она украла изъ сундука лакомство и сломала крючокъ. Жезингъ наказала дѣвочку, поставивъ ее на колѣни, и этого, мнѣ кажется, было совершенно достаточно,

Зачѣмъ было говорить обо всемъ этомъ Кронебергу, характеръ котораго Жезингъ должна была знать? Отъ нея не было секретомъ, что Кронебергъ въ высшей степени нервный, раздражительный. Если бы Жезингъ была матерью ребенка, то не сказала бы ничего отцу, имѣющему такой характеръ. Въ свою очередь Кронебергъ не постарался разузнать, разспросить о томъ, дѣйствительно ли дѣвочка хотѣла украсть деньги и передать ихъ кухаркѣ; не обратилъ никакого вниманія на то, что уже изъ самаго существа словъ ребенка видно, что это ложь, потому что дѣвочка не говоритъ по-русски и Титова по-французски; на какомъ же, спрашивается, языкѣ Титова могла объясняться съ дѣвочкой? Ничего этого Кронебергъ не принялъ во вниманіе и прибѣгнулъ къ жестокому наказанію. Во время этого наказанія Жезингъ просила у Кронеберга о томъ, чтобы отломить сучокъ, выдающійся на концѣ розогъ, но онъ не пожелалъ этого сдѣлать на томъ основаніи, что сучокъ этотъ придастъ большую силу удару. Существованіе этого сучка не отвергается Кронебергомъ, который также говоритъ, что билъ дѣвочку сильно, билъ какъ попало и что потомъ онъ самъ плакалъ. Если вы, гг. присяжные засѣдатели, примете во вниманіе всѣ тѣ обстоятельства дѣла, разберете ихъ подробно, то согласитесь со мною въ томъ, что обращеніе Кронеберга со своею дочерью было слишкомъ жестоко, было такое, которое подходитъ подъ понятіе преступленія, предусмотрѣннаго 1489 ст. Ул. о нак. Повторяю, гг. присяжные засѣдатели, что цѣль, съ которою производилось наказаніе, должна быть устранена. Что же приводитъ Кронебергъ въ свое оправданіе? Онъ говоритъ, что заботился поднять нравственно своего ребенка, что онъ его усыновилъ. Дѣйствительно, подобнаго рода дѣйствія достойны подражанія и примѣра. Усыновить ребенка это еще не значитъ, однако, сдѣлать для него все. Если Кронебергъ принялъ на себя всѣ права отца, то онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности не только по воспитанію ребенка, но и вообще относительно обращенія съ нимъ. Онъ долженъ былъ входить въ положеніе ребенка, долженъ былъ держать себя, дѣйствительно, какъ отецъ, не по одному только названію, и не дозволять себѣ подвергать ребенка

такимъ наказаніямъ, за которыя можно попасть на скамью подсудимыхъ. Согласитесь ли вы со мною или нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели, произнесете вы тотъ или другой приговоръ, это дѣло вашей совѣсти, но я считаю необходимымъ, оканчивая свою рѣчь, еще разъ повторить, что, вполнѣ раздѣляя выводы обвинительнаго акта, я признаю, что обращеніе было слишкомъ жестокое, что это было истязаніе, и такъ какъ Кронебергъ не отрицаетъ, что наносилъ эти поврежденія своей дочери, онъ долженъ за такія дѣйствія подвергнуться наказанію.

Защитникъ прис. повѣр. Спасовичъ. Гг. присяжные засѣдатели! Хотя мы люди обстрѣленные и привыкшіе къ подобнымъ настоящему состязаніямъ, но когда принимаешь къ сердцу дѣло, которое защищаешь, то невольно боишься и безпокоишься. Я не стану скрывать, что я испытываю теперь подобнаго рода чувство: я боюсь, гг. присяжные засѣдатели, не опредѣленія судебной палаты, не обвиненія г. прокурора, которое хотя весьма серьезно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержанно, — я боюсь отвлеченной идеи, призрака, — боюсь, что преступленіе, какъ оно озаглавлено, имѣетъ своимъ предметомъ слабое, беззащитное существо. Самое слово „истязаніе ребенка", во-первыхъ, возбуждаетъ чувство большого состраданія къ ребенку, а во-вторыхъ, чувство такого же сильнаго негодованія въ отношеніи къ тому, кто былъ его мучителемъ. Я, гг. присяжные, не сторонникъ розги, я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена, тѣмъ не менѣе я также мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, какъ мало ожидаю, чтобы вы перестали въ судѣ дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеній той правды, которая должна существовать какъ дома въ семьѣ, такъ и въ государствѣ. Въ нормальномъ порядкѣ вещей употребляются нормальныя мѣры. Въ настоящемъ случаѣ была употреблена мѣра, несомнѣнно нормальная; но если вы вникнете въ обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, если вы примете въ соображеніе натуру дитяти, темпераментъ отца, тѣ цѣли, которыя имъ руководили при наказаніи, то вы многое въ этомъ случаѣ поймете, а разъ вы поймете—

вы оправдаете, потому что глубокое пониманіе дѣла непремѣнно ведетъ къ тому, что весьма многое объяснится и покажется естественнымъ, нетребующимъ уголовнаго противодѣйствія. Такова моя задача: объяснить случай. Я постараюсь передать обстоятельства дѣла такъ, какъ они были, ничего не увеличивая и не уменьшая. Я долженъ начать, гг. присяжные засѣдатели, съ того романа, которому обязана дѣвочка своимъ существованіемъ.

Кронебергъ - сынъ извѣстнаго банкира въ Варшавѣ. Самъ онъ не имѣетъ никакого состоянія, лично ему принадлежащаго, и вполнѣ зависитъ отъ отца, человѣка весьма уважаемаго, но и весьма строгаго, воспитавшаго дѣтей въ суровой школѣ подчиненія. Въ 1863 году подсудимый окончивъ гимназію, поступилъ въ варшавскій университетъ въ самое время смутъ, когда вся почти молодежь поголовно волновалась; во избѣжаніе опасности, отецъ услалъ его заграницу въ Брюссель. Это заграничное воспитаніе сдѣлало то, что Кронебергъ —почти иностранецъ, то-есть хотя онъ русскій подданный, уроженецъ Царства Польскаго, но онъ болѣе нѣмецъ, и еще болѣе французъ. Изъ Брюсселя Кронебергъ возвратился въ Варшаву въ 1867 году, кончилъ курсъ въ главной школѣ со степенью магистра правъ, что соотвѣтствуетъ нашему кандидатскому диплому; потомъ отправился вновь для большаго усовершенствованія въ наукахъ въ университетахъ боннскомъ и гейдельбергскомъ. Въ этотъ промежутокъ времени, между Брюсселемъ и Бонномъ, во время бытности въ Варшавѣ въ 1867 году, онъ сошелся съ женщиной, старше его лѣтами, вдовой, имѣющей дѣтей. Женщина эта понимаетъ, что они не соотвѣтствуютъ другъ другу по лѣтамъ, что родители Кронеберга никогда не согласятся на бракъ. Она сама взяла починъ въ размолвкѣ. Кронебергъ и не подозрѣвалъ, что она отъ него беременна. Онъ былъ сильно огорченъ, скучалъ и искалъ какого-нибудь развлеченія, какого-нибудь поприща для дѣятельности. Когда началась франко-прусская война, онъ отправился во Францію, вступилъ въ ряды французской арміи, участвовалъ въ 23-хъ сраженіяхъ, получилъ орденъ Почетнаго Легіона, дослужился до чина подпоручика и вышелъ въ отставку, уже по окончаніи войны. Пе-

режитое заставило его забыть о женщинѣ, которую онъ когда-то любилъ. Въ 1872 году онъ встрѣтился съ нею въ Варшавѣ, когда она уже была замужемъ; тутъ онъ узналъ, что есть ребенокъ, ему принадлежащій, въ Женевѣ. Рожденіе этого ребенка сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: беременная мать желала натурально, чтобы рожденіе не огласилось; она отправилась за-границу и разрѣшилась въ Женевѣ. По тамошнимъ законамъ, ребенокъ, когда онъ незаконный, записывается на имя матери, а на имя отца только тогда, когда отецъ налицо и признаетъ ребенка. Мать не могла взять ребенка съ собою и оставила его на попеченіе у крестьянъ за денежное вознагражденіе. Такъ какъ сама она вышла вторично замужъ, то между нею и ребенкомъ воздвигнута была какъ бы каменная стѣна, не допускающая ни малѣйшей возможности, чтобы когда-нибудь эта мать могла приласкать свое дитя, или чтобы дитя могло ее отыскивать. Когда Кронебергъ узналъ, что ребенокъ живъ, то онъ тотчасъ возымѣлъ твердое намѣреніе найти его и обезпечить. Спрашивается: какимъ образомъ? Рѣшеніе этого вопроса много зависитъ отъ законовъ, подъ которыми живетъ человѣкъ; законы, въ свою очередь, дѣйствуютъ на нравы; съ другой стороны, и нравы отражаются въ законахъ. Ни въ одномъ отношеніи, можетъ быть, взаимодѣйствіе законовъ и нравовъ не проявляется такъ сильно, какъ въ отношеніяхъ родителей къ незаконнымъ дѣтямъ. Возьмите нашъ бытъ. Законъ строгъ къ незаконнорожденнымъ: они не имѣютъ никакихъ правъ и даже не опредѣлено, есть ли надъ ними власть отеческая. Какъ же приходится устраивать родителямъ незаконныхъ дѣтей? Если у родителей сердце сколько-нибудь сердобольное, если имъ не по нутру отдать дитя въ воспитательный домъ, то единственный способъ устроить ребенка заключается въ деньгахъ: отдать дитя куда-нибудь насторону на воспитаніе, посмотрѣть за нимъ тайкомъ безъ свидѣтелей, не давая ребенку узнать, чей онъ; если и допускаются изліянія нѣжности, то только секретно, безъ свидѣтелей. Таково отношеніе, которое необходимо вытекаетъ изъ существующей системы законодательства; эта система не можетъ не дѣйствовать на нравы, т. е. родители, зная, что

они не могутъ сдѣлать для ребенка ничего болѣе, успокаиваются въ совѣсти своей, когда исполнили все, что допускается закономъ, когда дали ребенку денегъ въ видѣ приданаго, когда отдали его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Но, гг. присяжные засѣдатели, въ предѣлахъ нашей Имперіи есть страна — Царство Польское, имѣющая свои особые законы. Когда Царство Польское было Княжествомъ Варшавскимъ, тогда тамъ введенъ былъ, въ 1808 году, кодексъ Наполеона. Кодексъ этотъ въ 1825 году, въ царствованіе Александра I-го, передѣланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, которыя касаются правъ семейственныхъ, именно въ книгѣ 1-й и въ книгѣ 3-й. Это изданіе кодекса 1825 года дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Въ томѣ 19-мъ „Дневника Законовъ" содержится законъ 1836 года, по которому семейственныя права жителей Царства Польскаго и опредѣляются законами Царства, когда эти жители переселяются въ предѣлы Россійской имперіи. Кодексъ 1825 года устанавливаетъ между родителями и незаконными дѣтьми слѣдующія отношенія: по статьѣ 101-й отецъ можетъ во всякое время признать ребенка своимъ; это дѣлается посредствомъ отмѣтки имени отца на реестрѣ гражданскаго состоянія. Вслѣдствіе этого признанія, по ст. 303-й, родитель беретъ на себя юридическую обязанность воспитать, содержать и устроить ребенка, т.-е. то самое, чѣмъ отецъ обязанъ и въ отношеніи къ законнымъ дѣтямъ. По ст. 756-й и послѣдующимъ такой ребенокъ участвуетъ даже въ наслѣдствѣ послѣ родителей на слѣдующихъ основаніяхъ: при законныхъ дѣтяхъ онъ получаетъ $^1/_3$ часть того, что получаютъ законныя дѣти; при братьяхъ или родителяхъ умершаго незаконныя дѣти наслѣдуютъ $^1/_2$; при болѣе дальнихъ родственникахъ — $^3/_4$. Если нѣтъ въ виду правильныхъ наслѣдниковъ, они получаютъ все состояніе. Этимъ правамъ, конечно, соотвѣтствуетъ и власть родителей надъ дѣтьми. Власть эта двоякая: она выражается, во-первыхъ, въ опекѣ, которая принадлежитъ матери; если же мать не можетъ быть опекуншей, то отцу; во-вторыхъ, въ правѣ наказывать дѣтей. Сверхъ того, есть статья 339-я, которая чрезвычайно важна и значеніе которой я позволю себѣ объяснить вамъ; она

заключается въ слѣдующемъ: родители, недовольные поведеніемъ дѣтей, могутъ ихъ наказывать способами, не вредящими здоровью и не препятствующими успѣхамъ въ наукахъ. За злоупотребленіе этою властью родителямъ дѣлается внушеніе въ присутствіи гражданскаго трибунала первой инстанціи при закрытыхъ дверяхъ и проч....

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не касаться наказанія? Вы можете ссылаться на законъ, но не говорить о наказаніи.

Присяжный повѣренный Спасовичъ. Это не наказаніе; это только мѣра, предоставляемая гражданскому суду по гражданскому кодексу. Я долгомъ считаю заявить, что по ст. 339-й никакого наказанія не полагается за превышеніе власти наказывать, а только у родителей можетъ быть отнята власть родительская и дѣти переданы другому лицу на воспитаніе за счетъ родителей. Кронебергъ—магистръ правъ: онъ зналъ свои законы, онъ понималъ, что̀ можетъ сдѣлать для дитяти, и захотѣлъ сдѣлать самое большее, что можетъ дѣлать по закону. Онъ обратился за совѣтомъ къ женевскимъ юристамъ, которые посовѣтовали ему отмѣтить въ регистрѣ признаніе имъ дитяти. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобы сдѣлать признаніе посильнѣе, чтобъ признаніе его имѣло силу и дѣйствіе въ предѣлахъ Царства Польскаго. Конечно, онъ очень хорошо понималъ, что у него еще нѣтъ своего собственнаго состоянія. Но, давая свое имя ребенку, онъ былъ увѣренъ, что если его постигнетъ несчастіе, то родители и родственники позаботятся о дѣвочкѣ, носящей имя Кронебергъ, что въ крайнемъ случаѣ, дочь его будетъ принята въ одно изъ правительственныхъ воспитательныхъ заведеній Франціи, какъ дочь кавалера Почетнаго Легіона. Кронебергъ взялъ дѣвочку отъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ она воспитывалась и гдѣ не могла получить никакого образованія, и отдалъ ее въ домъ, который казался ему наиболѣе приличнымъ, къ пастору де-Комба, жена котораго была крестною матерью дѣвочки. Такъ прошли годы 1872, 1873 и 1874 до начала 1875 года. Въ теченіе этихъ лѣтъ произошли нѣкоторыя перемѣны въ намѣреніяхъ, въ занятіяхъ и въ положеніи Кронеберга.

Есть люди, которые по натурѣ своей болѣе склонны къ

жизни семейной; есть люди, которые могутъ прожить цѣлый вѣкъ холостяками. Кронебергъ именно принадлежитъ къ людямъ перваго рода, которыхъ такъ и клонитъ къ браку; онъ чуть-чуть не женился въ 1872 году, въ 1873 году также имѣлъ намѣреніе, но партія разстроилась, и сильнѣйшимъ препятствіемъ было то, что онъ заявилъ о существованіи натуральной дочери; вторымъ препятствіемъ былъ отецъ Кронеберга, который никакъ не позволилъ бы, чтобы бракъ устроился безъ его участія и соизволенія. Въ Парижѣ Кронебергъ познакомился съ дѣвицей Жезингъ. Когда ему предстояла поѣздка въ Петербургъ на 1874 годъ, въ городъ совершенно чуждый, гдѣ онъ былъ бы совершенно одинокъ, онъ принялъ предложеніе Жезингъ поѣхать съ нимъ и взялъ ее съ собою. Вы могли оцѣнить, насколько г-жа Жезингъ походитъ или не походитъ на женщинъ полусвѣта, съ которыми завязываются только летучія связи. Конечно, она не жена Кронеберга, но ихъ отношенія не исключаютъ ни любви, ни уваженія. Вы видѣли, безсердечна ли эта женщина къ ребенку и любитъ ее или нѣтъ ребенокъ. Она желала бы сдѣлать ребенку всякое добро. Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ противъ подсудимаго, даже самыхъ неблагопріятныхъ, напримѣръ, Титовой, нѣтъ ни слова противъ г-жи Жезингъ. Въ 1874 году они пріѣхали въ Петербургъ, въ 1875 году г-жа Жезингъ заболѣла; она сильно привязалась къ подсудимому и сама стала напрашиваться: „возьмите дитя, будетъ и вамъ и мнѣ веселѣе; я буду ухаживать за нимъ, воспитывать его“. Кронебергъ не имѣлъ еще въ то время опредѣленнаго намѣренія взять ребенка, но рѣшился заѣхать въ Женеву посмотрѣть... Въ Женевѣ онъ былъ пораженъ: ребенокъ, котораго онъ посѣтилъ неожиданно, въ не указанное время, былъ найденъ одичалымъ, не узналъ отца. Воспитаніемъ его Кронебергъ былъ недоволенъ и тутъ же расплатился съ m-me де-Комба, послѣ чего привезъ ребенка въ Петербургъ. Они пріѣхали 28-го апрѣля; нѣкоторое время они жили въ гостиницѣ Демутъ, потомъ устроились въ городѣ и, наконецъ, въ іюнѣ переѣхали на дачу. Весь май Кронебергъ былъ занятъ дѣлами Привислинской желѣзной дороги, которыя не давали ему ни минуты досуга. На дачѣ произошло событіе, которое

дало начало дѣлу. Причины этого событія собрались разныя, внутреннія и внѣшнія, заключавшіяся какъ въ ребенкѣ, такъ и въ отцѣ, а равно и въ различныхъ вліяніяхъ на ребенка. Прежде чѣмъ я перейду къ изложенію причинъ катастрофы 25-го іюля, я долженъ разобрать точнѣе самый внѣшній фактъ, за который судится Кронебергъ, — фактъ побоевъ дѣвочки, удостовѣряемый какъ вещественными доказательствами, такъ и свидѣтельскими показаніями. Знаки, бывшіе предметомъ изслѣдованія, можно подраздѣлить на знаки на лицѣ, знаки на рукахъ и конечностяхъ, знаки на заднихъ частяхъ тѣла и пятна крови на бѣльѣ. Каждый изъ этихъ слѣдовъ слѣдуетъ разобрать отдѣльно, и прежде всего *знаки на лицѣ*. Когда пристально вглядѣться въ лицо ребенка, то это лицо точно исписано по всѣмъ направленіямъ тонкими шрамами, прикрытыми въ иныхъ мѣстахъ волосами, такъ что они едва-едва замѣтны. Знаки эти г. Чербишевичъ призналъ неизгладимыми на лицѣ обезображеніями, съ чѣмъ я только тогда могъ бы согласиться, если бы каждый человѣкъ ходилъ вооруженный двумя микроскопами. Такъ какъ дѣвочку свидѣтельствовали вслѣдствіе сѣченія розгами, то натурально должно было явиться предположеніе, не отъ сѣченія ли произошли и знаки на лицѣ. Я думаю, что именно эта идея и была невольно усвоена свидѣтельствовавшими врачами, особенно г. Чербишевичемъ, сдѣлалась предвзятою идеею и помѣшала изслѣдованію. Акты освидѣтельствованія надобно разбирать отдѣльно, потому что они между собою не сходятся. Если ихъ скучить вмѣстѣ, какъ это сдѣлано въ обвиненіи, то выходитъ какъ будто нѣчто связное, но если ихъ разобрать отдѣльно, то видно, что каждый изъ изслѣдовавшихъ врачей тянулъ въ иную сторону, такъ что въ заключеніяхъ они расходились на неизмѣримое разстояніе. Г. Чербишевичъ, разобравъ знаки на лицѣ, раздѣлилъ ихъ, во-первыхъ, на бѣлые шрамы, рубцы, во-вторыхъ, на пятна желто-бурыя и желтаго цвѣта и, въ-третьихъ, на струпья. Рубцы на лѣвомъ вѣкѣ и лѣвой щекѣ онъ призналъ единственными знаками, которые можно отнести къ давнему времени. Онъ усмотрѣлъ желтыя и желто-бурыя пятна, но не багровыя и не сине-багровыя. Я долженъ замѣтить, что подобныхъ синихъ и багровыхъ пятенъ

ни одинъ изъ докторовъ не находилъ. Желтыя и желто-бурыя пятна г. Чербишевичъ отыскалъ на вискѣ во всю длину, на носу, на правой щекѣ, а струпья оказались въ ноздрѣ и подъ носомъ. Всѣ эти знаки и струпья были признаны недавними. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ, по мнѣнію г. Чербишевича, весьма характеристичны, какъ несомнѣнно происходящіе отъ розогъ, именно: рубчики продольные, параллельные по всей длинѣ носа. Таково было заключеніе доктора Чербишевича, видѣвшаго дѣвочку 31-го іюля. Дней черезъ десятокъ дѣвочку свидѣтельствовали вчетверомъ: онъ же и еще трое. Заключеніе вышло совершенно иное. Нѣкоторые изъ тѣхъ знаковъ, которые г. Чербишевичъ признавалъ недавними, отнесены къ весьма давнимъ; такъ напримѣръ, желтое пятно на вискѣ превратилось въ рубецъ съ перламутровымъ отливомъ, образовавшійся никакъ не раньше полугода, т.-е. когда дѣвочка совсѣмъ не была еще въ Петербургѣ. Знаки на переносьѣ также отнесены болѣе чѣмъ за полгода назадъ. Ни одинъ изъ знаковъ на лицѣ не признанъ характеристичнымъ слѣдомъ отъ розогъ; одинъ только маленькій значокъ на щекѣ замѣченъ профессоромъ Флоринскимъ, какъ могшій произойти отъ розогъ, но и то не съ достовѣрностью. Несмотря на то, что вторая экспертиза была умѣреннѣе и осторожнѣе первой, она все-таки заходила слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ, что служитъ только доказательствомъ, какъ трудно объяснять происхожденіе поврежденій по одному внѣшнему виду, а не на основаніи фактическихъ данныхъ. Доктора, осматривавшіе дѣвочку 11-го августа, предполагали, что розовые знаки на носу и щекахъ возникли недавно, между тѣмъ впослѣдствіи узнано отъ супруговъ де-Комба, Женни Гексъ и доктора Фоконэ, что каждому изъ всѣхъ этихъ знаковъ, не исключая рубцовъ на носу и щекахъ, три или четыре года. Такимъ образомъ, что касается знаковъ на лицѣ, то изъ нихъ нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что онъ произошелъ отъ удара, нанесеннаго отцомъ. Остается открытымъ вопросъ о пощечинахъ и о тѣхъ синякахъ, которые были, можетъ быть, послѣдствіемъ пощечинъ. Кронебергъ давалъ пощечины ребенку—это вѣрно; онъ самъ признаетъ, что ударилъ дѣвочку по лицу раза

три или четыре. Я признаю, что пощечина не можетъ считаться достойнымъ одобренія способомъ отношенія отца къ дитяти. Но я знаю также, есть весьма уважаемыя педагогики, напримѣръ, англійская и нѣмецкая, которыя считаютъ ударъ рукой по щекѣ нисколько не тяжелѣе, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношенінхъ и предпочтительнѣе сѣченія розгами. Причины, почему пощечина считается особенно обиднымъ ударомъ, кроются въ нравахъ, въ прошедшемъ. Слѣдя въ исторіи за возникновеніемъ этого понятія, мы отыщемъ его въ тѣ времена рыцарскія, когда рыцари ходили въ шлемахъ съ забраломъ, когда ударить ихъ по лицу въ обыкновенномъ ихъ нарядѣ было невозможно, а подобные удары сыпались только на смердовъ, на виллановъ. Разбирая власть родительскую, трудно сказать, чтобъ она не доходила ни въ какомъ случаѣ до пощечины. Отъ посторонняго человѣка ударъ по лицу можетъ сдѣлаться кровною обидой, но не отъ отца. Я полагаю, что вы не можете признать мученіемъ или истязаніемъ пощечинъ, если эти пощечины не произвели видимыхъ поврежденій на лицѣ. Спрашивается: какія были послѣдствія отъ ударовъ по лицу? Въ настоящемъ случаѣ оставляли они пятна или синяки на лицѣ? Если бы даже отъ нихъ оставались пятна, то вы слышали показаніе профессора Корженевскаго о томъ, какъ эта дѣвочка расположена къ золотухѣ и какъ при золотушномъ сложеніи, при изобиліи лимфы, самый легкій ударъ, щипокъ, простой нажимъ производятъ пятна на тѣлѣ. Вы слышали, что знаки на локтяхъ образовались почти несомнѣнно только отъ того, что держали за руки при наказаніи. Итакъ, синяки могли произойти и отъ слабыхъ ударовъ. Но я не вижу основанія для признанія, что синяки существовали. Кто о нихъ говоритъ? Титова; но и она не видѣла синяковъ ни въ городѣ, ни на дачѣ до 25-го іюля; она ихъ усмотрѣла будто бы только послѣ 25-го іюля. Замѣтьте, гг. присяжные, что Аграфена Титова та женщина, которая, вмѣстѣ съ Бибиной, понесла розги и бѣлье къ судебному слѣдователю; онѣ вмѣстѣ дѣйствовали, онѣ вмѣстѣ возбудили преслѣдованіе противъ Кронеберга. Если бы эти синяки были, то ихъ видѣлъ бы кто-нибудь, кромѣ Титовой. Вспомните показанія свидѣте-

лей Ковалевскаго, Валевскаго, Линна, которые отвергаютъ существованіе синяковъ. Прокуроръ, чтобъ ослабить показаніе Линна, ставитъ на видъ, что Линнъ не замѣтилъ шрама на вискѣ; значитъ, онъ невнимательно относился къ дѣвочкѣ; но, господа, вѣдь шрамъ подъ волосами; замѣтить его можно, только усиленно вглядываясь и отвернувъ волосы. Послѣ сѣченія, на слѣдующій день, въ субботу, 26-го іюля, у Кронеберга была гувернантка, г-жа де-Лорне, дававшая уроки дѣвочкѣ и ничего похожаго на синяки не замѣтившая. Но, говорятъ, сама г-жа Жезингъ не отрицала синяковъ на показаніи, данномъ у слѣдователя, и только теперь показываетъ противное. Я полагаю, что изъ двухъ ея показаній скорѣе можно не вѣрить тому, которое дано ею на предварительномъ слѣдствіи; правда, ей переводилъ г. слѣдователь, но, во-первыхъ, она, вѣроятно, также волновалась, какъ и теперь, то-есть была въ нервномъ состояніи, не располагающемъ къ тому, чтобы взвѣшивать слова, которыя ей читали. Во-вторыхъ, я не могу не сказать, что это слѣдствіе немного мусировано, что выведены въ немъ такія обстоятельства, которыя теперь значительно стушевались. Вотъ почему я полагаю, что синяки на лицѣ не доказаны даже и по показанію Жезингъ. Перехожу къ знакамъ на рукахъ и на ногахъ; эти знаки произошли просто отъ того, что ребенка держали во время наказанія. Слѣдуютъ затѣмъ знаки крови на рубахѣ и платкахъ. Кровь эта произошла самымъ естественнымъ образомъ: отъ кровотеченія изъ носу. Рубашка совершенно чиста съ задней стороны, только на груди есть нѣсколько капель; новые платки тоже усѣяны каплями. Очевидно, между кровью на рубашкѣ и на платкахъ есть прямая, непосредственная связь. Быть можетъ, пощечины ускорили изліяніе этой крови изъ струпа золотушнаго въ ноздрѣ, но это вовсе не поврежденіе: кровь безъ раны и ушиба вытекла бы немного позже. Такимъ образомъ кровь эта не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы расположить противъ Кронеберга. Въ ту минуту, когда онъ нанесъ ударъ, онъ могъ не помнить, могъ даже не знать, что у ребенка бываетъ кровотеченіе изъ носу. Всѣ данныя о кровотеченіи собраны уже впослѣдствіи, когда слѣдствіе началось. Остаются знаки на заднихъ

частяхъ тѣла. Знаки эти были изслѣдованы трижды: разъ, 23-го іюля, г. Лансбергомъ, во второй разъ, 5-го августа, однимъ г. Флоринскимъ и 11-го августа четырьмя докторами, въ томъ числѣ и Лансбергомъ и Флоринскимъ. При всей неблагопріятности для Кронеберга мнѣнія г. Лансберга, я для защиты заимствую многія данныя изъ его акта отъ 29-го іюля. Г. Лансбергъ положительно удостовѣрилъ, что на заднихъ частяхъ тѣла дѣвочки не было никакихъ рубцовъ, никакихъ разсѣченій кожи, а только темно-багровыя подкожныя пятна и таковыя же красныя полосы. Пятенъ этихъ всего болѣе было на лѣвой сѣдалищной области съ переходомъ на лѣвое же бедро. Не найдя никакихъ травматическихъ знаковъ, никакихъ даже царапинъ, г. Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что полосы и пятна не представляютъ никакой опасности для жизни. Черезъ шесть дней потомъ, 5-го августа, при осматриваніи дѣвочки профессоромъ Флоринскимъ, онъ замѣтилъ не пятна, а только полосы—однѣ поменьше, другія побольше; но онъ вовсе не призналъ, чтобъ эти полосы составляли поврежденіе, сколько нибудь значительное, хотя и призналъ, что наказаніе было сильное, особенно въ виду того орудія, которымъ наказывали дитя. При освидѣтельствованіи 11-го августа четырьмя докторами, они нашли на ягодицахъ розовую кожицу со слѣдами отъ отвалившихся струпьевъ, изъ чего можно бы было заключить о существованіи ранъ, если бы мы не имѣли акта освидѣтельствованія дѣвочки 29-го іюля Лансбергомъ, изъ котораго несомнѣнно явствуетъ, что никакихъ ранъ не было. Происхожденіе этихъ струпьевъ всего лучше объяснилъ профессоръ Корженевскій, изобразившій ихъ какъ мѣстное омертвеніе кожи, которая сходила и замѣнялась новою. Это поврежденіе кожи было самое поверхностное, наружное; но, при организаціи ребенка, при множествѣ лимфатическихъ сосудовъ, сѣченіе непремѣнно должно было оставить видимые слѣды. Таково заключеніе г. Корженевскаго. Что касается вопроса о томъ, было ли въ настоящемъ случаѣ сильное наказаніе, то, мнѣ кажется, г. экспертъ вполнѣ основательно сказалъ: это не мое дѣло разбирать—было ли оно сильное или нѣтъ. Самый вопросъ оказывается не медицинскимъ, а педагогическимъ, и для разрѣшенія его

посредствомъ экспертовъ надо бы не медиковъ, а инспекторовъ и учителей гимназій. Медикъ не можетъ опредѣлять ни предѣловъ власти отпа, ни силы неправильнаго наказанія. Знаки на заднихъ частяхъ происходятъ несомнѣнно отъ розогъ. Эти розги здѣсь; онѣ были сорваны за нѣсколько дней до наказанія Кронебергомъ, который хотѣлъ ими напугать ребенка, потому что тѣ мѣры, которыя употреблялъ до сихъ поръ, не производили надлежащаго впечатлѣнія на дитя. Срывая эти рябиновые прутья, онъ, быть можетъ, не зналъ, что придется ихъ въ самомъ дѣлѣ употребить. Потомъ явилась минута гнѣва, совершенно справедливаго и законнаго, и наказаніе было произведено. Мнѣ кажется, что изъ всего слѣдствія вы не можете придти къ другому заключенію, какъ то, что этимъ орудіемъ онъ наказывалъ свою дочь только разъ. Онъ самъ говоритъ, что наказалъ ее раза три въ промежуткахъ времени, довольно значительныхъ, маленькими вѣтками, которыя не могли оставить знаковъ. Наказаніе сильное, за которое судится Кронебергъ, наказаніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, какъ говоритъ обвинительная власть, было только 25-го іюля. Что это было только одно наказаніе, подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. О предшествующихъ наказаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Только одна Бибина говоритъ, что дѣвочку сѣкли каждый день; но это опровергается всѣми данными, опровергается Валевскимъ, который слышалъ плачъ 3 или 4 раза, опровергается г-жею Жезингъ, всѣми находившимися въ домѣ, и несомнѣнно достаточно только взглянуть на ребенка, на его здоровый видъ, чтобы убѣдиться, что если бы его сѣкли каждый день въ теченіе полутора мѣсяца, то дѣвочка не могла бы быть въ такомъ видѣ. Она часто кричала на дачѣ; но она кричать горазда, она кричитъ, когда ее ставятъ въ уголъ или на колѣни. Никто не присутствовалъ при этихъ наказаніяхъ. Титова участвовала въ наказаніи только одинъ разъ, именно 25-го іюля. Чтобы покончить съ внѣшнею стороной преступленія, мнѣ остается остановиться на тѣхъ окончательныхъ выводахъ, выраженныхъ въ ученыхъ терминахъ, которые даны были гг. экспертами. Г. Лансбергъ заключилъ, что онъ считаетъ поврежденія хотя и не угрожающими жизни,

но все-таки *тяжкими*. Когда мы спросили, почему онъ называетъ эти поврежденія тяжкими, онъ отозвался, что называетъ такъ по внутреннему убѣжденію, по своему субъективному взгляду, что онъ вовсе не руководствовался XIII-мъ томомъ „Свода Законовъ“, притомъ, что онъ дѣлалъ судебно-медицинское освидѣтельствованіе въ первый рязъ въ жизни. Между тѣмъ, едва ли нужно доказывать, что признакъ *тяжкій* не въ такой степени субъективенъ, какимъ представляетъ его Лансбергъ, что онъ не зависитъ отъ личнаго взгляда, что есть нѣкоторыя общія основанія раздѣленія поврежденій на тяжкія и легкія. На эти основанія указали профессора Флоринскій и Корженевскій. Если ткань повреждена, повреждена глубоко, тогда это будетъ тяжкое поврежденіе; въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Кассаціонная судебная практика, на которую ссылается обвиненіе, истолковала для руководства судамъ, что считать тяжкими и легкими поврежденіями. Оказывается, что слово не медицинское, а юридическое, разграниченіе, введенное въ законъ для того, чтобы взыскивать строго или менѣе строго; изъ закона оно входитъ въ судебную медицину, и медики, слушая курсъ судебной медицины, изучаютъ, между прочимъ, и основанія сортировки поврежденій на тяжкія и легкія. Въ классическомъ по предмету поврежденій рѣшеніи 1872 года, № 1072-й, по дѣлу Локтева, уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената сказано, что характеристическая черта тяжкихъ поврежденій заключается въ томъ, что такія поврежденія причиняютъ болѣзнь, продолжительное разстройство организма, невозможность работать въ теченіе извѣстнаго времени. Спрашивается: имѣется ли этотъ признакъ въ настоящемъ случаѣ? Нѣтъ, его вовсе не было, его не было до такой степени, что дѣвочка на слѣдующій день играла, отбывала урокъ и никто не замѣчалъ въ ней какихъ-нибудь измѣненій; врачи, наблюдавшіе ее 29-го и 31-го іюля, не находили въ ней никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Самъ г. Лансбергъ совершилъ, по моему мнѣнію, отступленіе, потому что, написавъ въ актѣ „поврежденія тяжкія“, разъяснилъ на судѣ, что тяжкимъ разумѣлъ онъ не поврежденіе, а только наказаніе; словомъ, онъ вступилъ въ роль педагога, который оцѣни-

ваетъ относительную тяжесть дѣтскихъ наказаній. Я думаю, что какъ ни разбирать дѣло, все-таки, по совѣсти вы непремѣнно придете къ тому заключенію, что поврежденія были во всякомъ случаѣ весьма легкія. Легкія поврежденія даже и не подходятъ подъ область дѣяній, подсудныхъ окружному суду: они рѣшаются на основаніи мирового устава. Въ послѣдующихъ освидѣтельствованіяхъ врачи, давая другія заключенія, опредѣлили эти поврежденія слѣдующимъ образомъ: они говорятъ, что это наказаніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Это опредѣленіе было бы прекрасно, если бы мы опредѣлили, что̀ такое обыкновенное наказаніе; но коль скоро этого опредѣленія нѣтъ, то всякій затруднится сказать, выходило ли оно изъ ряда обыкновенныхъ. Допустимъ, что это такъ; что же это значитъ? что наказаніе это, въ большинствѣ случаевъ, есть наказаніе, непримѣнимое къ дѣтямъ; но и съ дѣтьми могутъ быть чрезвычайные случаи. Развѣ вы не допускаете, что власть отеческая можетъ быть, въ исключительныхъ случаяхъ, въ такомъ положеніи, что должна употребить болѣе строгую мѣру, чѣмъ обыкновенно, которая непохожа на тѣ обыкновенныя мѣры, какія употребляются ежедневно? Но допустимъ, что гг. эксперты, предрѣшая уголовный вопросъ, пришли къ выводу, что г. Кронебергъ во зло употребилъ отеческую власть. Въ такомъ случаѣ судите его за злоупотребленіе властью. Но онъ судится за нѣчто совершенно иное — онъ судится за изстязанія и мученія, причиненныя дитяти. Чтобы понять, откуда идетъ такая обстановка обвиненія, я долженъ коснуться закона и опять той же уголовной кассаціонной практики, на которой останавливается и обвиненіе. Въ законѣ спеціально, по предмету побоевъ въ ст. 142-й уст. мир. суд., опредѣляются насилія, вмѣщающія въ себѣ также и легкіе побои; но затѣмъ въ Уложеніи о наказаніяхъ есть на этотъ счетъ громадный пробѣлъ и говорится уже только о тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности, побояхъ и иныхъ истязаніяхъ, въ статьѣ 1489-й. Между этими видами преступленія очевидно есть промежутокъ и промежутокъ большой, потому что не всякіе тяжкіе побои подвергаютъ жизнь опасности. Бывали между тѣмъ случаи, когда наказывать, какъ за насиліе, предста-

вялось бы страннымъ. Въ Тифлисѣ одинъ кавказскій князь высѣкъ больно чиновника, ухаживавшаго за его женой; въ Рязани или Курскѣ товарищи отодрали подпоручика; мужъ Высоцкій мучилъ свою жену, надѣвъ на нее петлю, послѣ чего тянулъ за веревку и привязалъ эту веревку къ столу. Во всѣхъ такихъ случаяхъ не было никакой опасности для жизни, тѣмъ не менѣе наказаніе, какъ за насиліе, было бы безсиліемъ власти. Вотъ почему сенатъ истолковалъ такимъ образомъ ст. 1489-ю, что прилагательное „подвергающія жизнь опасности" относится только къ побоямъ, а вовсе не къ истязаніямъ и мученіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, сенатъ понялъ, что понятіе истязанія и мученія слишкомъ неопредѣленное. Если я ущипну кого-нибудь, если я сожгу ему сильно руку и устрою такъ, что человѣкъ ляжетъ въ кровать, наполненную насѣкомыми, и будетъ не спать всю ночь, если я другую какую-нибудь маленькую пакость сдѣлаю, то развѣ можно признать тутъ истязаніе или мученіе? Поэтому-то правительствующій сенатъ, въ тѣхъ же рѣшеніяхъ, на которыя ссылается обвинительная власть, опредѣлилъ такимъ образомъ, съ другой стороны, что подъ истязаніями и мученіями слѣдуетъ разумѣть такое посягательство на личность или на личную неприкосновенность человѣка, которое сопровождалось мученіемъ и жестокостью. При истязаніяхъ и мученіяхъ, по мнѣнію сената, физическія страданія должны непремѣнно представлять высшую, болѣе продолжительную степень страданія, чѣмъ при обыкновенныхъ побояхъ, хотя бы и тяжкихъ. Если побои нельзя назвать тяжкими, а истязанія должны быть тяжелѣе тяжкихъ побоевъ, если ни одинъ экспертъ не назвалъ ихъ тяжкими, кромѣ Лансберга, который самъ отказался отъ своего вывода, то, спрашивается, какимъ образомъ можно подвести это дѣяніе подъ понятіе истязаній и мученій? Я полагаю, что это немыслимо. Я, гг. присяжные засѣдатели, до сихъ поръ занимался только одною стороной дѣла, которая для васъ представляетъ гораздо менѣе важности, чѣмъ другая сторона,—сторона внутренняя, чѣмъ мотивы, заставившіе Кронеберга дѣйствовать. Я знаю, что сенатъ въ своемъ рѣшеніи, на которое сослался представитель обвиненія, говоритъ, что цѣль собственно не важна, лишь

бы только мученія были тяжкія и продолжительныя; я полагаю, что если бы судился здѣсь передъ вами тотъ самый человѣкъ, ради котораго было поставлено это рѣшеніе, т.-е. тотъ самый князь кавказскій, который высѣкъ предполагаемаго любовника жены, то вы все-таки приняли бы въ соображеніе то обстоятельство, была ли злоба со стороны мучителя совершенно напрасная, изъ-за одного удовольствія смотрѣть на чужія страданія, или гнѣвъ былъ справедливый, имѣвшій разумную причину. Это внутреннее побужденіе, эта жестокость не только страданія, но и жестокость сердца мучителя имѣютъ громадное значеніе, когда судится отецъ за то, что онъ жестоко наказалъ дочь, значитъ, что онъ употребилъ мѣру домашняго исправленія въ увеличенныхъ размѣрахъ. Спрашивается: была ли причина къ употребленію этой чрезвычайной мѣры? Слѣдовательно, главный вопросъ заключается не въ тѣхъ синякахъ и полосахъ на тѣлѣ, о которыхъ удостовѣряли свидѣтели, а въ соотвѣтствіи между причиною, вызвавшею наказаніе, и самымъ наказаніемъ. Если вы войдете въ разборъ этихъ причинъ, то, я полагаю, вы пожалѣете дочь, пожалѣете также и отца. Дѣвочка, какъ вы могли видѣть сами, необыкновенно шустрая, необыкновенно понятливая, живая какъ огонь, вспыхивающая какъ порохъ, съ сильнымъ воображеніемъ, развитая физически хорошо; правда, она имѣетъ нѣкоторое расположеніе къ золотухѣ, но вообще здоровье ея въ цвѣтущемъ состояніи. Это хорошая сторона какъ физическая, такъ и нравственная; но есть и тѣневая, нехорошая сторона, зависящая отчасти, быть можетъ, отъ натуры, отчасти и отъ воспитанія. Она воспитывалась между мужицкими дѣтьми безъ присмотра; у де-Комба ея не перевоспитали; когда отецъ привезъ ее къ себѣ, онъ нашелъ въ ней много недостатковъ: неопрятность, неумѣніе держать себя, начатки болѣзни отъ дурной привычки, но главное, что возмущало отца—это постоянная, даже безцѣльная ложь. Правильно или неправильно, но Кронебергъ считаетъ, что ложь есть мать всѣхъ пороковъ и что всѣ недостатки людей, главнымъ образомъ, происходятъ отъ того, что они неправдивы. Для него правдивость есть абсолютная обязанность безъ исключеній. Въ письмѣ, написанномъ

въ іюлѣ 1871 года, къ г-жѣ де-Комба задолго до того, какъ онъ взялъ дочь, онъ выражается, что ложь есть подлость ума и сердца (lacheté de coeur et d'esprit). Вотъ почему съ первыхъ же поръ Кронебергъ старался искоренить этотъ порокъ лжи; быть можетъ, онъ принялся искоренять его слишкомъ рьяно—онъ плохой педагогъ, это онъ самъ сознаетъ. Дѣвочка между тѣмъ не слушается, не боится ни отца, ни Жезингъ, мало слушается и гувернантокъ. Еще пока были въ городѣ, все устраивалось какъ-нибудь; но переѣхали на дачу, и всѣ условія воспитанія перемѣнились къ худшему. Дача лежала между удѣльною станціей и Парголовомъ, совершенно уединенная; отецъ пріѣзжаетъ только по вечерамъ, уѣзжаетъ утромъ; Жезингъ—женщина больная, занятая лѣченіемъ, мало подвижная. Ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, заводитъ съ ними знакомство и подпадаетъ подъ дурное вліяніе прислуги, научается разнымъ пакостямъ, воровству. Сначала эти маленькія похищенія проходятъ незамѣтными, подозрѣваютъ другихъ, но не ее въ тасканіи вещей, замѣчаютъ только, что ребенокъ одичалъ и выбивается изъ рукъ. Отецъ высѣкъ ее легко раза два или три, но это совсѣмъ не дѣйствовало: дѣвочка къ сѣченію привыкла еще у де-Комба. 25-го іюля пріѣзжаетъ отецъ на дачу и въ первый разъ узнаетъ сюрпризомъ, что ребенокъ шарилъ въ сундукѣ Жезингъ, сломалъ крючокъ и добирался до денегъ. Я не знаю, господа, можно ли равнодушно относиться къ такимъ поступкамъ дочери? Говорятъ: „за что же? развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ чернослива, сахара?“ Я полагаю, что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога. Это то же самое, что привычка лгать: разъ она укоренилась, она растетъ все болѣе и болѣе, какъ тотъ дикій репейникъ, который покрываетъ поля, если его не искоренять и не полоть. Когда обнаружилась эта дурная привычка, присоединившаяся ко всѣмъ другимъ недостаткамъ дѣвочки, когда отецъ узналъ, что она воруетъ, онъ, дѣйствительно, пришелъ въ большой гнѣвъ. Я думаю, что каждый изъ васъ пришелъ бы въ такой же гнѣвъ, и я думаю, что преслѣдовать отца за то, что онъ наказалъ

больно, но подѣломъ, свое дитя, это плохая услуга семьѣ, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ. Благо отцу, который остановитъ свое дитя во-время; въ прежнее время говорили: „онъ избавляетъ сына отъ висѣлицы"; мы говоримъ въ подобныхъ случахъ, что отецъ избавляетъ сына отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а дочь отъ того, чтобы она не сдѣлалась распутною женщиной. Если отецъ вознегодовалъ, онъ былъ совершенно въ своемъ правѣ, онъ высѣкъ ее больно, сильнѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно; онъ былъ выведенъ изъ себя, послѣ чего онъ зарыдалъ и упалъ на постель въ нервномъ припадкѣ. Послѣ этого кризиса, явившагося слѣдствіемъ такихъ естественныхъ причинъ, нѣтъ никакого основанія выводить заключеніе, которое дѣлается въ настоящемъ дѣлѣ, что если бы такое наказаніе повторялось чаще и въ продолженіе болѣе долгаго времени, то оно могло бы вредно подѣйствовать на здоровье ребенка. А если бы оно не повторялось? Вѣдь то же самое можно сказать и о всякомъ пріемѣ; не дать человѣку ѣсть въ теченіе 6-ти часовъ ничего не значитъ, но не дать ему ѣсть въ теченіе 6-ти дней—значитъ заморить его голодомъ; вырвать одинъ зубъ ничего, а вырвать всѣ зубы въ челюсти можно умертвить человѣка отъ одной боли. Слѣдовательно, такое заключеніе, что если бы подобное наказаніе было помножено на многое число разъ, то оно произвело бы такіе-то результаты, въ настоящемъ дѣлѣ ни къ чему не ведетъ, не имѣетъ никакого практическаго значенія и должно быть вовсе устранено. Я признаю, гг. присяжные засѣдатели, что Кронебергъ, наказывая дѣвочку сильно, больно, такъ что остались видны слѣды наказанія, совершилъ двѣ логическія ошибки, которыя отразились въ самомъ поступкѣ; во-первыхъ, онъ поступилъ слишкомъ рьяно; онъ предполагалъ, что можно однимъ разомъ, однимъ ударомъ искоренить все зло, которое посѣяно годами въ душу ребенка и годами взращено. Но этого сдѣлать нельзя, надо дѣйствовать медленно, имѣть терпѣніе. Другая ошибка,—что онъ дѣйствовалъ не какъ осторожный судья, т-е., что, поймавъ ребенка на кражѣ, въ которой она созналась, онъ не вошелъ въ изслѣдованіе тѣхъ обсто-

ятельствъ, которыя склонили дѣвочку къ кражѣ; онъ не разслѣдовалъ порядкомъ того, что отъ дѣвочки идетъ слѣдъ къ окружающимъ ея лицамъ; онъ просто спросилъ, почему и для кого она брала деньги. Дѣвочка отвѣчала упорнымъ молчаніемъ; потомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она разсказала, что хотѣла взять деньги для Аграфены. Если бы онъ разслѣдовалъ болѣе подробно обстоятельство кражи, онъ, быть можетъ, пришелъ бы къ тому заключенію, что ту порчу, которая вкралась въ дѣвочку, надо отнести на счетъ людей, къ ней приближенныхъ. Самое молчаніе дѣвочки свидѣтельствовало, что ребенокъ не хотѣлъ выдавать тѣхъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Но странна природа человѣческая; всѣ въ домѣ убѣждены, что все-таки послѣднее наказаніе хорошо подѣйствовало на ребенка; несмотря на то, что слѣдствіе поколебало отеческую власть Кронеберга, наказаніе произвело то дѣйствіе, что она меньше лжетъ и есть надежда, что она придетъ къ большему и большему исправленію.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что, по моему мнѣнію, все обвиненіе Кронеберга поставлено совершенно неправильно, т.-е. такъ, что вопросовъ, которые намъ будутъ предложены, совсѣмъ рѣшать нельзя. Я полагаю, вы всѣ признаете, что есть семья, есть власть отеческая по природѣ, а въ настоящемъ случаѣ и по закону, простирающаяся и на дѣтей незаконныхъ; вы признаете, что родители имѣютъ право и наказывать своихъ дѣтей. Я думаю, вы не можете отрицать и то, что ваша власть здѣсь, на судѣ, происходитъ изъ того же источника,—вы производите тоже въ своемъ родѣ тѣлесное наказаніе, въ иной формѣ, соотвѣтственное болѣе зрѣлому возрасту. Слѣдовательно, отрицать власть отеческую, отрицать право наказывать такъ, чтобъ это наказаніе подѣйствовало, вы не можете, не отрицая тѣмъ самымъ своей собственной власти, власти уголовной. Отецъ судится за что же? За злоупотребленіе властью; спрашивается: гдѣ же предѣлъ этой власти? Кто опредѣлитъ, сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ, не повреждающій при этомъ наказаніи организма дитяти? Если бы это было злоупотребленіе, то вы должны судить за излишекъ, за эксцессъ. Если вы судите

человѣка, который, защищаясь при необходимой оборонѣ, нанесъ безъ надобности ударъ нападающему, убилъ его, развѣ вы будете судить его за убійство? Нѣтъ, вы будете судить только за эксцессъ. Если вы будете судить за обиду сильнѣйшую, которую человѣкъ нанесъ другому, обидѣвшему его, вы вычтете ту послѣднюю обиду, которую онъ самъ получилъ, изъ первой; но въ настоящемъ случаѣ отъ васъ требуютъ, чтобы вы наказывали не по разницѣ, а по суммѣ, наказывали бы не за злоупотребленіе власти, не за то, что это наказаніе вышло за предѣлы обыкновеннаго, а за истязаніе, совершонное постороннимъ надъ взрослымъ человѣкомъ. Если вы вдумаетесь въ эту странную постановку вопроса, вы, гг. присяжные засѣдатели, должны будете сказать, что въ такихъ предѣлахъ вы наказывать не можете. Разъ будетъ поставленъ вопросъ объ излишкѣ, вы разрѣшите его, но если васъ заставятъ судить и о суммѣ, вопросъ становится неразрѣшимымъ. Если вы станете разрѣшать вопросъ о суммѣ, то вы поступите болѣе неосмотрительно, чѣмъ поступилъ Кронебергъ, наказывая свою дочь. Кронебергъ по крайней мѣрѣ зналъ, какія розги онъ связалъ въ пучокъ, которымъ онъ наказывалъ, и наказалъ все-таки такъ, что на здоровье дѣвочки это не подѣйствовало; но вы не знаете размѣра того большого, можетъ быть, желѣзнаго прута...

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не упоминать относительно наказанія?

Спасовичъ. Я кончилъ.

Кронебергъ. Все, что я сказалъ, гг. присяжные засѣдатели, есть правда. Я совершенно отрицаю, чтобы слѣды на лицѣ моей дѣвочки были нанесены мною. Я дѣйствительно наказалъ ее сильно одинъ разъ мягкою розгой. Я врать не буду. Когда моя дочь придетъ въ лѣта, то она убѣдится, что имѣла отца несчастнаго, но честнаго.

Послѣ резюме предсѣдательствующаго присяжные засѣдатели удалились для совѣщанія и вынесли Кронебергу оправдательный вердиктъ.

Незаконное сожительство.

Засѣданіе московскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей 2 и 3 іюля 1881 года.

Г-жа Куколевская и г. Солодовниковъ преданы суду по обвиненію въ незаконномъ сожительствѣ, продолжавшемся около 17-ти лѣтъ.

Предсѣдательствуетъ тов. предс. *Рынкевичъ*, обвиняетъ товарищъ прокурора *Горяиновъ*; Солодовникова защищаютъ присяжные повѣренные *Лохвицкій* и *Шуфъ*; Куколевскую—присяжные повѣренные кн. *Урусовъ* и *Куриловъ*.

Содержаніе дѣла по обвинительному акту таково: 27-го февраля 1881 г., дочь надворнаго совѣтника Аделаида Андреевна Куколевская обратилась въ московскій окружный судъ съ жалобой на потомственнаго почетнаго гражданина Гаврила Гавриловича Солодовникова. Въ жалобѣ этой, а затѣмъ и на предварительномъ слѣдствіи, Куколевская объяснила, что Солодовниковъ съ 1864 года находился съ нею въ любовной связи и прижилъ съ ней 5 человѣкъ дѣтей. Во время ихъ связи Солодовниковъ давалъ Куколевской средства, на которыя она содержала дѣтей прилично, воспитывала ихъ, какъ воспитываются дѣти богатыхъ родителей, теперь же, увлекшись нѣкоей Барилусовой, онъ бросилъ ее и дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію. Вслѣдствіе чего и на основаніи 994 ст. Ул. о нак., Куколевская проситъ судъ обезпечить ее и ея дѣтей, сообразно средствамъ Солодовникова. Противъ этихъ заявленій Солодовниковъ, кромѣ голословнаго отрицанія не только рожденія дѣтей отъ него, но и самой связи съ Куколевской, не представилъ никакихъ основательныхъ возраженій, объяснивъ, что если онъ помогалъ Куколевской, то единственно какъ благодѣтель, помогающій очень многимъ нуждающимся. Свидѣтели, допрошенные на слѣдствіи, показали, однако, слѣдующее:

Марья Богданова *Бергфельдъ*, бывшая воспитательницей дѣтей Куколевской, Марья Ивановна *Николаева*, Екатерина Власьевна *Амиральева*,

служившія по нѣсколько лѣтъ няньками дѣтей Куколевской и Анна *Иванова*, экономка Солодовникова, единогласно показали, что дѣти Куколевской всегда звали Солодовникова папашей и онъ не только имъ не запрещалъ этого, но и самъ обращался съ ними, какъ отецъ, и даже наказывалъ ихъ. Куколевская жила очень скромно, какъ затворница, отдавшись вся воспитанію дѣтей и охраненію домашняго порядка; почти никуда не выѣзжала и изъ другихъ мужчинъ, кромѣ Солодовникова, принимала только тѣхъ, которые были необходимы для домашняго хозяйства, какъ, напр., настройщика, сапожниковъ, портныхъ и т. п.; никого, кромѣ Солодовникова, не знала; всѣ окружающіе смотрѣли на нее, какъ на женщину замѣчательно хорошую, какъ на святую. Самъ Солодовниковъ не скрывалъ своихъ отношеній къ Куколевской и не стѣснялся, когда свидѣтельницамъ приходилось заставать его на постели вмѣстѣ съ Куколевской; дѣтей самъ нянчилъ и вообще обнаруживалъ къ нимъ чисто отцовскія чувства, такъ что свидѣтельницы только впослѣдствіи догадались о томъ, что Солодовниковъ и Куколевская не вѣнчаны.

Алексѣй Васильевъ *Васильевъ*, дворникъ дачи въ Сокольникахъ, на которой Куколевская жила два года, засвидѣтельствовалъ, что, кромѣ Солодовникова, у Куколевской на дачѣ никто не бывалъ. Солодовниковъ же, бывая у нея, оставался до трехъ часовъ ночи. Объ отношеніяхъ между дѣтьми Куколевской и имъ свидѣтель подтвердилъ вышеизложенное и добавилъ, что и прислуга считала и звала Солодовникова бариномъ и не сомнѣвалась, что дѣти Куколевской прижиты ею отъ него.

То же самое подтвердили и хозяева дачъ, на которыхъ жила Куколевская,—Иванъ Михайловъ *Михайловъ*, учитель гимназіи, и Александръ Алексѣевъ *Игнатьевъ*. Свидѣтель Станиславъ Ѳоминъ *Замайскій*, надзиратель 4-го кв. Кремлевской части, въ домѣ жены котораго жила Куколевская два или три года, показалъ, что квартиру нанимала Куколевская вмѣстѣ съ Солодовниковымъ, деньги же платилъ онъ одинъ. По своимъ наблюденіямъ и общему мнѣнію свидѣтель не сомнѣвался, что дѣти Куколевской прижиты отъ Солодовникова.

Иванъ Савельевъ *Буровъ*, мѣщанинъ, бывшій управляющимъ дома Шаблыкина на Дмитровкѣ, гдѣ Куколевская жила три года подъ рядъ, показалъ, что считаетъ Солодовникова несомнѣннымъ отцомъ дѣтей Куколевской какъ потому, что во все время проживанія ея въ домѣ Шаблыкина Солодовниковъ былъ постояннымъ и единственнымъ ея посѣтителемъ, такъ и потому, что при всѣхъ напоминаніяхъ свидѣтеля о квартирной платѣ Куколевская всегда просила его подождать пріѣзда Солодовникова, послѣ чего, дѣйствительно, производилась уплата.

Григорій Арсеньевъ *Покровскій*, главный докторъ дѣтской больницы въ Москвѣ, лѣчившій дѣтей Куколевской, показалъ, что онъ убѣжденъ въ томъ, что они рождены Куколевской отъ Солодовникова; старшій сынъ Куколевской имѣетъ положительное сходство съ Солодовниковымъ и сама Куколевская, несмотря на свою крайнюю щепетильность во всемъ, что касалось нравственности, называла при немъ, Покровскомъ, Солодовникова отцомъ своихъ дѣтей и придавала большое значеніе всѣмъ наставленіямъ и совѣтамъ Солодовникова относительно ея дѣтей, въ которыхъ Солодовниковъ принималъ большое участіе и выдавалъ имъ содержаніе.

Марія Мартыновна *Масманъ*, акушерка, принимавшая двухъ дѣтей у Куколевской, показала, что Солодовниковъ самъ присутствовалъ при родахъ Куколевской, изъ чего свидѣтельница заключила, что онъ былъ отцомъ этого ребенка, потому что во все время акушерской практики ей никогда не приходилось видѣть присутствующаго при этомъ мужчину, кромѣ отца ребенка. О прижитіи прочихъ дѣтей Куколевской отъ Солодовникова Масманъ слышала отъ самой Куколевской. Объ образѣ жизни ея свидѣтельница подтвердила вышеизложенныя показанія.

Пелагея Иванова *Ромашина*, жившая въ нянькахъ у Куколевской около 10 лѣтъ, подтвердила показанія послѣдней свидѣтельницы и вообще все, что было уже выяснено объ образѣ жизни Куколевской и отношеніяхъ Солодовникова къ ней, дѣтямъ и прислугѣ.

Юсифъ Григорьевичъ *Данибековъ*, купецъ, нанимавшій магазинъ у Солодовникова въ пассажѣ, заявилъ, что зналъ Куколевскую какъ «невѣнчанную» жену и какъ мать дѣтей Солодовникова, такими же знали ихъ и всѣ знавшіе Солодовникова и Куколевскую. Объ образѣ жизни и характерѣ Куколевской свидѣтель подтвердилъ сказанное выше.

Николай Григорьевъ *Данибековъ*, братъ его, показалъ, что слышалъ отъ нѣкоей Барилусовой, что Солодовниковъ называлъ ей Куколевскую своей невѣнчанной женой и говорилъ, что дѣти ея прижиты отъ него, Солодовникова.

Аделаида *Барилусова*, живущая нынѣ на квартирѣ Солодовникова, показала, что Солодовниковъ говорилъ ей, что такихъ дѣтей, какъ отъ Куколевской, у него сотни.

Амфіанъ Хараламніевичъ *Панченко*, мужъ сестры Куколевской, Софьи, выражая свое удивленіе, что Солодовниковъ теперь отказывается отъ связи съ Куколевской и отъ дѣтей своихъ, удостовѣрилъ, что когда Солодовниковъ уѣзжалъ за границу, то оставилъ ему, Панченко, конвертъ въ контору Юнкера, который свидѣтель долженъ былъ вскрыть, въ случаѣ не возвращенія Солодовникова къ назначенному сроку, представить въ кон-

тору и получить завѣщаніе, въ которомъ онъ назначался душеприказчикомъ для передачи дѣтямъ Куколевской и ей самой капиталовъ и другихъ имуществъ.

Подполковникъ Александръ *Куколевскій*. братъ обвиняемой, командиръ 3-й батареи 24-й артиллерійской бригады, показалъ, что сестра называла ему Солодовникова отцомъ ея дѣтей и говорила, что если она съ нимъ и не обвѣнчана, то лишь по нежеланію матери Солодовникова. Отъ самого же Солодовникова онъ слыхалъ жалобы на то, что послѣдній не можетъ освободить дѣтей, прижитыхъ отъ Куколевской, отъ воинской повинности. Вообще свидѣтель подтвердилъ все вышеизложенное объ отношеніяхъ Солодовникова къ дѣтямъ и домашнимъ и выразилъ убѣжденіе въ томъ, что дѣти сестры прижиты отъ Солодовникова.

Евгеній Осиповичъ *Маціевскій*, полковникъ, племянникъ мужа сестры Куколевской, заявилъ, что, бывая въ гостяхъ у Куколевской, онъ видалъ тамъ всегда Солодовникова, котораго она называла отцомъ своихъ дѣтей; самъ же Солодовниковъ представлялъ ихъ своимъ гостямъ, ласкалъ и вообще велъ себя у Куколевской, какъ обыкновенно ведутъ себя семейные люди у себя дома.

Аркадій Владимировичъ *Покровскій*, присяжный повѣренный, показалъ, что велъ съ Солодовниковымъ переговоры объ обезпеченіи дѣтей Куколевской, при чемъ Солодовниковъ въ разговорѣ съ нимъ признавалъ дѣтей Куколевской своими и обѣщалъ обезпечить ихъ, но прибавлялъ при этомъ, что онъ, Солодовниковъ, принялъ мѣры къ тому, чтобы Куколевская на судѣ не могла доказать свое право на обезпеченіе.

Всѣми вышеизложенными показаніями несомнѣнно доказано: 1) что Солодовниковъ и Куколевская въ теченіе 17 лѣтъ состояли въ любовной связи до того очевидной, что въ глазахъ всѣхъ постороннихъ лицъ представлялись мужемъ и женой; 2) что Куколевская въ теченіе всего этого времени оставалась безусловно вѣрна Солодовникову; 3) что дѣти ея: Александръ, Гавріилъ, Андрей, Любовь и Петръ прижиты исключительно отъ Солодовникова, а не отъ кого-либо другого, и 4) что въ настоящее время, увлекшись другою женщиной, Солодовниковъ бросилъ семью Куколевской безъ всякихъ средствъ къ существованію. Преступное дѣяніе, въ коемъ такимъ образомъ изобличаются поименованные Солодовниковъ и Куколевская, предусмотрѣно 994 ст. Ул. о нак. и потому, согласно 200 ст. Уст. уг. суд., вышеназванныя лица предаются суду московскаго окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

По прочтеніи обвинительнаго акта предсѣдатель предложилъ сторонамъ высказаться относительно порядка производства дѣла въ виду 620 ст.

Уст. угол. судопр. Товарищъ прокурора замѣтилъ, что дѣла, подобныя настоящему, слушаются при закрытыхъ дверяхъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, какъ это видно и изъ кассаціонныхъ рѣшеній, а такъ какъ это дѣло не представляетъ ничего исключительнаго, то оно и должно происходить публично, за исключеніемъ допроса 2-хъ свидѣтельницъ. Кн. Урусовъ присоединился къ этому заключенію, а прис. пов. Лохвицкій заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ такого порядка, разъ защита Солодовникова не будетъ стѣснена въ ссылкѣ на показанія самой Куколевской, данныя ею на предварительномъ слѣдствіи.

На вопросъ предсѣдательствующаго о виновности подсудимыхъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 994 ст. Уст. о нак., они оба признали себя виновными. Затѣмъ защитникъ Солодовникова, прис. пов. Лохвицкій, представилъ документы, удостовѣряющіе, что Солодовниковъ внесъ 50 т. руб. въ сиротскій судъ на воспитаніе дѣтей Куколевской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что самой Куколевской Солодовниковъ желаетъ выдавать 300 р. въ годъ.

Потомъ Солодовниковъ добавилъ къ своему сознанію, что онъ постоянно давалъ Куколевской на содержаніе и, исполняя ея же желаніе, внесъ 50 т. р. въ сиротскій судъ, гдѣ она состоитъ опекуншей надъ дѣтьми; другого же способа вручить ей деньги онъ не имѣлъ на этотъ разъ, такъ какъ Куколевская отказалась въ этомъ году брать деньги отъ него лично, хотя еще въ январѣ мѣсяцѣ получала. На послѣднее замѣчаніе Солодовникова Куколевская заявила, что она не получала никакихъ денегъ.

Въ виду сознанія подсудимыхъ стороны отказались отъ допроса свидѣтелей, устанавливающихъ незаконное сожительство, и допрашивались свидѣтели лишь по поводу характера сожительства Куколевской съ Солодовниковымъ и по поводу состоятельности послѣдняго.

Изъ допрошенныхъ свидѣтелей докторъ *Покровскій*, характеризуя личность Куколевской, разсказалъ, какъ онъ познакомился съ нею 16 лѣтъ назадъ, будучи приглашенъ подать помощь ея ребенку. Онъ вывелъ заключеніе, что Куколевская съ потерею ребенка теряетъ всю свою жизнь: она была очень взволнована, мѣшалась, не знала, что говорить. Болѣзнь ребенка угрожала печальнымъ исходомъ, и Покровскій, подавъ совѣтъ Куколевской, искалъ кого-нибудь, чтобъ предупредить о возможной смерти ребенка; но кругомъ никого не было, и докторъ завелъ косвенный разговоръ съ Куколевской, чтобы узнать, гдѣ и кто отецъ ребенка. Куколевская ему на это рѣзко замѣтила, что дѣло доктора помочь больному, а не распрашивать, кто его отецъ. Тогда Покровскій сообщилъ ей самой объ угрожающемъ концѣ болѣзни, и, по его словамъ, Куколевская, выслушавъ

его, пришла въ какое-то оцѣпенѣніе, близко граничащее съ обморокомъ, и ему пришлось возиться уже не съ ребенкомъ, а съ матерью. Затѣмъ Покровскій лѣчилъ и другихъ дѣтей Куколевской.

Вообще, говоритъ свидѣтель, когда у Куколевской захвораетъ ребенокъ, то это было чистое несчастіе: погоня за погоней, бывало чуть не обрываютъ звонка; наконецъ посолъ: «безъ доктора не уходи». А пріѣдешь, оказывается уже былъ другой докторъ и прописалъ лѣкарство. Въ этомъ отношеніи Солодовниковъ былъ иной: онъ ограничивался предложеніемъ попоить больного ребенка ромашкой или воспользоваться какими-нибудь иными домашними средствами. О воспитаніи дѣтей Куколевская также усердно заботилась и даже обращалась за совѣтомъ къ свидѣтелю. Мальчики ея учатся въ гимназіи, а дѣвочка въ классической женск. гимназіи Фишеръ. Далѣе свидѣтель заявилъ, что видно было, что жизнь Куколевской поставлена ненормально; замѣтно было, что это жизнь женщины, которая не можетъ сказать открыто, какъ она живетъ; здѣсь видна была щепетильность въ отношеніи женской порядочности. Свидѣтеля всегда поражала эта высокая порядочность Куколевской. Покровскій изъ отношеній Солодовникова и Куколевской вывелъ заключеніе, что средства для жизни и воспитанія дѣтей даются Солодовниковымъ. Это, между прочимъ, свидѣтель вывелъ изъ того, что когда нужно было ему платить за визитъ, то иногда Куколевская извинялась, говоря, что Гаврилъ Гавриловичъ (Солодовниковъ) долженъ былъ заѣхать, но вотъ его еще нѣтъ.

Свидѣтель *Буровъ* показалъ, что Куколевская жила скромно, тихо, никого у себя не принимала, за исключеніемъ Солодовникова.

Въ такомъ же духѣ показываютъ относительно Куколевской и другіе свидѣтели, а свидѣтель *Маціевскій* заявилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ извиниться предъ г-жей Куколевской за раньше существовавшее противъ нее предубѣжденіе; сказать теперь, послѣ видѣннаго имъ, что она авантюристка, желавшая разбогатѣть, будетъ съ его стороны преступленіемъ. Теперь обстановка г-жи Куколевской: комната, длиною шаговъ 10, а шириною—8, и здѣсь помѣщаются пять дѣтскихъ кроватей.

Что касается благосостоянія Солодовникова, то, по словамъ свидѣтелей, онъ получаетъ съ одного только недвижимаго имущества (пассажъ, дома и пр.) около 400 тыс. руб. въ годъ и что, кромѣ того, онъ имѣетъ во многихъ банкахъ капиталы на храненіи и вообще считается первымъ богачемъ въ Москвѣ.

Особенно характерно въ этомъ отношеніи показаніе свидѣтеля *Шредера*, служившаго въ обществѣ взаимнаго кредита. По его словамъ, въ этомъ банкѣ самый большой вкладъ былъ г. Солодовникова. Его считали

милліонеромъ, да и неудивительно, потому что если приходилось бумаги его перевести изъ одного отдѣленія въ другое, то ихъ *перетаскивали* кипами, а когда приходилось отрѣзать купоны съ нихъ, то старшій кассиръ распредѣлялъ эту работу между нѣсколькими служащими, которымъ онъ довѣрялъ. На эту работу служащіе роптали, такъ какъ натирали себѣ мозоли.

Данибековъ же удостовѣрялъ, что Барилусова, со словъ Солодовникова, говорила, что состояніе его равняется 25 милліонамъ и что онъ имѣлъ въ виду дочери Куколевской отказать милліонъ.

Во время судебнаго слѣдствія кн. Урусовъ представилъ расходныя книжки г-жи Куколевской за періодъ 1866 по 1880 годъ. Изъ нихъ видно, что г. Солодовниковъ выдавалъ ей на содержаніе сначала около 3000 руб., а затѣмъ съ каждымъ годомъ сумма эта увеличивалась и, наконецъ, въ последнемъ году была болѣе 10.000 руб. Впрочемъ, относительно этой последней цифры г. Сололодовниковъ протестовалъ, объяснивъ, что сумма эта не была истрачена на содержаніе и воспитаніе дѣтей, а значительная часть израсходована Куколевскою на поѣздку въ Петербургъ для найма себѣ адвокатовъ съ цѣлью затѣять настоящій процессъ.

Затѣмъ начались пренія сторонъ.

Товарищъ прокурора Горяиновъ. Только что оконченное слѣдствіе вполнѣ подтвердило, гг. судьи, тѣ выводы, которые изложены въ обвинительномъ актѣ, и я могъ бы ограничить свою рѣчь лишь простымъ указаніемъ примѣнить къ обоимъ подсудимымъ 994 ст. Улож. о нак. во всемъ ея объемѣ. Но нѣкоторыя особенности настоящаго дѣла вынуждаютъ меня предварительно этого сказать нѣсколько словъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ печатью, дѣло это отнесено было къ числу дѣлъ громкихъ, возбуждающихъ интересъ общества. Дѣло это дѣйствительно интересно, но не съ внѣшней стороны, не потому, что на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ извѣстный въ Москвѣ богачъ г. Солодовниковъ: интересъ этого дѣла заключается въ его внутренней сторонѣ, которая рисуетъ намъ этого богача далеко не привлекательными красками. Если мы станемъ сравнивать личности подсудимыхъ, то всецѣло должны отдать преимущество той, которую въ концѣ предварительнаго слѣдствія назвали авантюристкою, запускающею руки въ чужой карманъ, и которую здѣсь, быть можетъ, назовутъ

даже падшею женщиной. Я говорю о г-жѣ Куколевской. Припомнивъ, гг судьи, показанія свидѣтелей, дававшихъ здѣсь свои объясненія, поневолѣ можно придти къ тому заключенію, что г-жа Куколевская можетъ служить образцомъ матери: съ этой стороны особенно рельефно очерчиваетъ ее въ своемъ показаніи докторъ Покровскій. Разъ увлекшись г. Солодовниковымъ, она остается ему вѣрною до конца и послѣ него боготворитъ только своихъ дѣтей, для воспитанія которыхъ готова пожертвовать рѣшительно всѣмъ. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется намъ г. Солодовниковъ: милліонеръ, по удостовѣренію свидѣтелей, онъ гораздо болѣе заботится о судьбѣ пятиалтыннаго, чѣмъ о своей семьѣ. Двѣ недѣли, по показанію Бергфельдтъ, онъ допекаетъ прислугу требованіями отыскать исчезнувшій пятиалтынный и за то въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ бросаетъ на произволъ судьбы г-жу Куколевскую и ихъ общихъ дѣтей, отказываясь вовсе отъ нихъ во время предварительнаго слѣдствія. Что касается юридической стороны дѣла, то въ виду собственнаго сознанія подсудимыхъ и ряда свидѣтельскихъ показаній представляется вполнѣ доказаннымъ какъ существованіе связи между г-жой Куколевской и г. Солодовниковымъ, такъ равно и то, что дѣти, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ дѣлѣ, рождены г-жой Куколевской и ни отъ кого другого, какъ отъ г. Солодовникова. Но въ каждомъ дѣлѣ, гдѣ существуетъ нѣсколько подсудимыхъ, мы всегда стараемся найти въ числѣ ихъ главнаго виновнаго; въ настоящемъ дѣлѣ такимъ виновнымъ лицомъ безспорно является г. Солодовниковъ, увлекшій г-жу Куколевскую, и на него-то должна пасть вся тяжесть обвинительнаго приговора. Помимо церковнаго покаянія, которому онъ подлежитъ въ силу 994 ст. Улож. наравнѣ съ г-жой Куколевской, онъ же обязанъ обезпечить жертву своей прихоти и прижитыхъ съ нею дѣтей; не моя обязанность указывать въ данномъ случаѣ размѣръ этого обезпеченія, такъ какъ законъ предоставляетъ исключительно одному суду опредѣлить такой размѣръ; но я считаю долгомъ указать, что по удостовѣренію свидѣтелей состояніе г. Солодовникова громадно и достигаетъ даже нѣсколькихъ милліоновъ, а обезпеченіе его дѣтей должно быть

«сообразно этому состоянію». Я увѣренъ, гг. судьи, что вашъ приговоръ докажетъ обществу, что люди, подобные г. Солодовникову, не въ правѣ бросать на произволъ судьбы соблазненныхъ ими женщинъ и своихъ дѣтей, хотя бы даже и незаконнорожденныхъ.

Защитникъ Куколевской, прис. повѣр. кн. А. И. Урусовъ. Гг. судьи! Если есть въ мірѣ право безспорное и священное, то, конечно, это право матери—заботиться о жизни и благосостояніи своихъ дѣтей. Если въ мірѣ существуетъ обязанность столь же безспорная, столь же священная, то, безъ сомнѣнія, это обязанность отца обезпечить своимъ дѣтямъ возможное благосостояніе, полное развитіе ихъ способностей, обезпечить ихъ судьбу, давъ имъ не только жизнь, но и средства къ жизни. Возможно ли себѣ представить, чтобы это вѣчное, безспорное право, эта нравственная обязанность, стоящая выше всѣхъ прочихъ, чтобы они столкнулись между собою? Можемъ ли мы себѣ представить отца, настолько лишеннаго чувства долга, чтобы оспаривать у матери ея право, чтобы доводить дѣло до суда, выступая противъ своихъ дѣтей? Да, мы вынуждены признаться, что такіе печальные примѣры бываютъ, и съ однимъ изъ нихъ мы встрѣчаемся сегодня. Предъ вами два человѣка, два характера, двѣ жизни. Предъ вами мать. Поборовъ въ себѣ чувство стыда, она принесла его въ жертву своимъ дѣтямъ. Изъ любви къ нимъ она пришла на судъ, отдала всю жизнь свою на строгую публичную провѣрку; она пришла просить, чтобы судъ оградилъ ея права и права ея дѣтей на существованіе, на развитіе, на благосостояніе. Предъ вами и отецъ. Поборовъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства, онъ принесъ его въ жертву собственному эгоизму. Онъ явился на судъ, чтобъ оспаривать у своихъ дѣтей и у женщины, прожившей съ нимъ 17 лѣтъ, права на то довольство, которымъ они пользовались. Онъ во все время предварительнаго слѣдствія отрекался отъ дѣтей, отрекался и отъ ихъ матери. Только здѣсь, когда онъ чувствовалъ на себѣ невидимый гнетъ общественнаго мнѣнія, почувствовалъ, что есть сила выше милліоновъ; почувствовалъ то невольное уваженіе къ правдѣ, которое судъ внушаетъ всѣмъ,—только вчера Солодовниковъ здѣсь,

на судѣ, впервые призналъ, что пятеро дѣтей прижиты имъ, прижиты отъ Куколевской. Онъ это призналъ и, какъ благодѣтель, рѣшился бросить имъ всѣмъ кусокъ хлѣба. Онъ, владѣлецъ милліоновъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Москвѣ, великодушно пожертвовалъ всѣмъ дѣтямъ по 800 р. въ годъ каждому до совершеннолѣтія, а матери ихъ—триста рублей пожизненной пенсіи! Но Куколевская пришла просить не подачки. Она до суда ничего не предлагала Солодовникову, ничего отъ него не просила и не проситъ: она требуетъ то, что принадлежитъ ей по закону, по справедливости. Но почему же Солодовниковъ во все время слѣдствія, вплоть до вчерашняго дня, отказывался отъ своихъ обязанностей? Казалось ли ему, что требованія его «невѣнчанной жены» превышаютъ его средства? Была ли она въ чемъ-нибудь виновата предъ нимъ? Провинились ли въ чемъ его дѣти? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. Не находилъ ли онъ просто, что права свои Куколевская цѣнитъ слишкомъ дорого и что можно сторговаться, отдѣлаться отъ своихъ отцовскихъ обязанностей подешевле? Несмотря на всю враждебность, съ которою противная сторона относится къ Куколевской, ни Солодовниковъ, ни его повѣренные не могли ни въ чемъ упрекнуть ее. Доказано было цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, что она была примѣрная мать, вѣрная до самоотреченія подруга жизни, въ полномъ смыслѣ хорошая женщина. Доказано было документами, которые не оспаривалъ Солодовниковъ, что она отличалась абсолютнымъ безкорыстіемъ и что только на воспитаніе дѣтей не жалѣла издержекъ. Отношенія Солодовникова къ Куколевской носили характеръ *quasi*-брачнаго сожительства. Свидѣтельница Бергфельдтъ считала ихъ законными супругами и лишь впослѣдствіи догадалась, что они не вѣнчаны. Свидѣтель Данибековъ говоритъ, что всѣмъ было извѣстно, что Куколевская—жена Солодовникова, но не обвѣнчанная. Куколевская предъ свидѣтелями называла Солодовникова своимъ мужемъ «предъ Богомъ». Всѣ дѣти всегда называли его «папой». При гостяхъ, напр., при полковникѣ Маціевскомъ, Солодовниковъ велъ себя, какъ глава семейства. Право отцовской власти онъ простиралъ до того,

что, по показанію Бергфельдтъ, Амиральевой и др., даже «сѣкъ» дѣтей по собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ онъ по-своему осуществлялъ права отца въ самыхъ осязательныхъ и наглядныхъ формахъ. Если строгій образъ жизни, всецѣло посвященный семьѣ, если самоотверженное исполненіе своихъ материнскихъ обязанностей составляютъ признаки семейныхъ добродѣтелей, то г-жѣ Куколевской принадлежало право называть себя честною матерью семейства *mater familias*. Говоря словами римскаго законодателя, матерью семейства мы должны признать ту, которая живетъ не безчестно, ибо не обрядъ бракосочетанія даетъ право на достоинство матери семейства, а добрые нравы: *matremfamilias accipere debemus eam, quae non inhonesta vixit... nam neque nuptiae, neque natales faciunt matremfamilias, sed boni mores.*

Эти *boni mores* г-жи Куколевской доказаны. Что касается Солодовникова, то вопросъ представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Не желая злоупотреблять правами сторонъ на судѣ, я скажу только, что онъ, по собственнымъ его словамъ, «не созданъ для семейной жизни», а созданъ для собственнаго удовольствія. На себя онъ, по его словамъ, тратитъ въ годъ тысячъ 50 «и болѣе», другимъ же рекомендуетъ честный трудъ и пользу бѣдности. По словамъ Барилусовой, переданнымъ свидѣтелемъ Данибековымъ, Солодовниковъ заявлялъ ей, что «такихъ дѣтей у него сотня», что они очень не дурно работаютъ въ пріютахъ и предлагалъ ей, Барилусовой, «что-нибудь этимъ дѣтямъ заказать». Вспомните, гг. судьи, какъ при этомъ и Барилусова и Солодовниковъ весело и непринужденно хохотали надъ Куколевскою и ея материнскими страданіями. Въ этомъ раскатистомъ смѣхѣ отца-милліонера сказалась вся его незатѣйливая житейская философія: дѣлать только то, что мнѣ пріятно; это очень просто, очень удобно, что за бѣда, если это и безнравственно.

Первые два вопроса, вытекающіе изъ дѣла, слѣдующіе: доказано ли, что Куколевская мать тѣхъ дѣтей, которыхъ она называетъ своими, хотя они и записаны отъ неизвѣстныхъ родителей? и второе: доказано ли, что эти дѣти прижиты ею съ Солодовниковымъ? Утвердительное разрѣше-

ніе этихъ вопросовъ на уголовномъ судѣ должно считаться окончательно доказаннымъ. Доказаны эти обстоятельства какъ собственнымъ сознаніемъ обвиняемыхъ, такъ и всѣми свидѣтельскими показаніями. Обратимся теперь, гг. судьи, къ главному интересу дѣла: къ положенію тѣхъ, которымъ съ наибольшею справедливостью подобаетъ названіе потерпѣвшихъ. Я говорю о пятерыхъ незаконныхъ дѣтяхъ, прижитыхъ Солодовниковымъ. Законъ въ ст. 994 опредѣляетъ, что «отецъ обязанъ сообразно съ состояніемъ своимъ обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери». Мой сотоварищъ по защитѣ принялъ на себя обязанность анализа этого закона и изложенія основаній нашего иска. Я остановлю ваше вниманіе на фактической сторонѣ дѣла. Дѣти Солодовникова—незаконныя, приписанныя къ мѣщанскому обществу, но они выросли, воспитаны, какъ родныя, законныя дѣти. Вдругъ, по капризу отца, все должно измѣниться... дѣти должны нести всю тягость своего положенія, хотя они ни въ чемъ не виноваты, развѣ только въ томъ, что родились. Статистика доказываетъ намъ неоспоримо, что незаконныя дѣти подвержены наибольшей смертности и предрасположены къ преступности болѣе, чѣмъ другія. Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ присоединяются другія. Оскорбленія, насмѣшки преслѣдуютъ незаконныхъ дѣтей. Въ нихъ должны развиться подозрительность, желчность, раздраженіе противъ окружающей среды.

Намеки, худо скрытое презрѣніе поднимаютъ въ душѣ ребенка горечь, преждевременно старятъ его. Не требуетъ ли справедливость, чтобы это зло, совершонное отцомъ, было возмѣщено имъ? Не таковъ ли и взглядъ закона? Въ ст. 994 ничего не говорится объ обязанностяхъ матери участвовать въ обезпеченіи ребенка. Эти обязанности за порочную жизнь возлагаются исключительно на отца, и дѣйствительно, его жизнь въ полномъ смыслѣ порочна; жизнь женщины, ему отдавшейся,— страдательна. Не таковъ ли и смыслъ кассаціоннаго рѣшенія по дѣлу Вальдера съ Робина, гдѣ сенатъ признаетъ, что цѣль закона, чтобы «обезпечить не развратную...» Порочная жизнь та, которая основана на нарушеніи нравственнаго долга. Кто же раз-

вратенъ, кто порноченъ: отецъ ли, сознательно создающій для своихъ дѣтей всѣ невыгодныя условія незаконности, или мать, свято исполняющая свои обязанности относительно этихъ дѣтей, въ надеждѣ, что можетъ быть, когда-нибудь семейный союзъ окрѣпнетъ, узаконится? Конечно, виновата и мать, но вина ея искуплена. А его вина чѣмъ?

Дѣти, выросшія въ семьѣ Солодовникова, оказываются незаконными. Они лишены правъ наслѣдства, лишены правъ носить его имя, пользоваться правами и преимуществами отцовскаго званія. Одно только можетъ, до извѣстной степени, смягчить понесенный ими ущербъ: это возможность полнаго, всесторонняго развитія и воспитанія, матеріальная обезпеченность, то-есть независимость. Тогда, быть можетъ, не требуя ничего отъ людей, имъ удастся встрѣтить въ отношеніи къ себѣ равнодушіе общества,—равнодушіе, почти сходное съ терпимостью. Высшее образованіе дастъ и дѣтямъ Солодовникова нужную терпимость и спасительное равнодушіе къ насмѣшкамъ. Развитіе въ нихъ художественныхъ способностей, любовь къ музыкѣ придастъ ихъ жизни больше полноты. Но вѣдь высшее образованіе, искусство—это роскошь, это прихоть, а Солодовниковъ обрекаетъ ихъ на зависимость, на нужду, на пропитаніе въ обрѣзъ, на арестантскій паекъ. Выдаетъ имъ ровно столько, сколько нужно, чтобы не быть абсолютно бѣдными; но обезпечиваетъ ли онъ ихъ, какъ прилично милліонеру, обезпечиваетъ ли онъ ихъ сообразно своему состоянію?

Нѣтъ. Вотъ почему мы требуемъ отъ Солодовникова не алименты только въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а приличнаго обезпеченія, на которое имѣютъ право его дѣти. Карательный смыслъ уголовнаго закона былъ бы утраченъ, превратился бы въ насмѣшку, если бы колоссальное состояніе виновнаго позволяло ему ограничиваться подачками, не имѣющими для него никакого значенія.

Каково же это состояніе? Каково имущество Солодовнкиова? Опредѣлить это очень трудно: въ чужомъ карманѣ, какъ въ чужой душѣ, ничего не видать. Но вотъ данныя, добытыя на судѣ: Солодовниковъ голословно опредѣляетъ свое недвижимое въ одинъ милліонъ, а размѣры ка-

питала отказывается опредѣлить, говоря, что это «коммерческая тайна». Какая же коммерческая тайна, когда онъ самъ заявляетъ, что никакою коммерціей не занимается? Значитъ, это просто тайна. Свидѣтель Ѳедюкинъ подъ присягой показалъ, что доходъ отъ однихъ домовъ Солодовникова онъ опредѣляетъ тысячъ въ 400. Мы знаемъ, что дома не могутъ давать 40% дохода, а даютъ 8, не болѣе 10%. Слѣдовательно дома можно цѣнить до 4 милліоновъ. Свидѣтель Данибековъ говоритъ, что въ торговомъ мірѣ Солодовниковъ пользуется кредитомъ человѣка, котораго «считаютъ въ 20—25 милліоновъ». Какъ бы преувеличена ни была эта цифра, однако Ѳедюкинъ подтверждаетъ, что Солодовниковъ считается между купцами первымъ богачемъ въ Москвѣ и что богаче его будетъ только Фирсановъ, да и то потому, что «у Фирсанова осталась одна только дочь, а у Солодовникова—пятеро дѣтей», то-есть дѣти Куколевской. Свидѣтель Шредеръ признаетъ, что въ обществѣ взаимнаго кредита у Солодовникова бывало «тричетыре» «или болѣе» милліоновъ, и что у него, какъ помощника кассира, и у другихъ образовывались мозоли на рукахъ отъ срѣзки купоновъ Солодовникова въ продолженіе цѣлаго дня. Свидѣтель даже наглядно изобразилъ, какъ артельщикъ, откинувъ туловище назадъ и выпятивъ руки, несетъ огромныя кипы Солодовниковскихъ акцій. Барилусовой Солодовниковъ, по словамъ Данибекова, говорилъ, что дочери своей, Куколевской Любови, опредѣлилъ въ приданое милліонъ рублей. Въ спискѣ бумагъ, переданныхъ въ конвертѣ свидѣтелю Панченко, на случай смерти Солодовникова, былъ списокъ акцій на сумму 1.250.000 руб. Отсюда видно, что заявленная нами сумма иска значительно меньше того, что самимъ Солодовниковымъ, искренно или нѣтъ, опредѣлялось въ пользу дѣтей. Въ какомъ бы размѣрѣ судъ ни вычислилъ сумму, необходимую для приличнаго обезпеченія семьи Солодовникова, основаніемъ *minimum*'а могутъ служить расходныя книжки Куколевской, какъ документъ, признанный отвѣтчикомъ. Суду, въ примѣненіи ст. 994, предстоитъ творческая дѣятельность, такъ какъ ни сенатская практика, обнимающая собою извѣстныя шесть рѣшеній, ни собственная его практика не могутъ

его стѣснять въ опредѣленіи нормы и способовъ «обезпеченія содержанія». Справедливость заключается въ примиреніи требованій закона съ условіями, создаваемыми жизнію. Я не сомнѣваюсь, что приговоръ московскаго окружнаго суда удовлетворитъ и законъ, и справедливость.

Присяжный повѣренный И. С. Куриловъ (второй защитникъ Куколевской). Гг. судьи! Мнѣ предстоитъ отвѣтить на три вопроса, которые непосредственно относятся къ гражданскому иску г-жи Куколевской. Я долженъ установить, что г-жа Куколевская имѣетъ основаніе и право требовать съ Солодовникова: во-первыхъ, прямо капиталъ; во-вторыхъ, требовать этотъ капиталъ въ собственность себѣ и дѣтямъ, и въ-третьихъ, въ тѣхъ приблизительно размѣрахъ, которые указаны въ прошеніи, поданномъ въ московскій окружный судъ. Всѣ эти вопросы разрѣшаются на основаніи точнаго смысла 994 ст. Ул. о нак. и путемъ сравненія выраженій этой статьи съ выраженіями другихъ статей, предусматривающихъ случаи сходные. Требованіе наше присудить капиталъ основано на 2-й части ст. 994, выраженной такъ: «но когда послѣдствіемъ такой порочной жизни было рожденіе младенца, то отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, *обезпечить* приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери». Что значитъ обезпечить содержаніе? Если законъ, хотя бы въ Уложеніи о нак., а не въ Законахъ Гражданскихъ, и въ формѣ наказанія, а не въ видѣ гражданской обязанности, называетъ извѣстное лицо отцомъ младенца и возлагаетъ на этого отца обязанности, то для опредѣленія характера этихъ обязанностей возможно допустить сравненіе съ обязанностями законнаго отца и мужа. Ст. 106 ч. I т. X возлагаетъ на мужа обязанность «*доставлять* женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей»; ст. 172 того же тома X ч. I обязываетъ родителей «*давать* несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію». Выраженія *давать* и *доставлять*, употребленныя въ стт. 106 и 172 I ч. X т., не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ поименованныя потребности жены и дѣтей удовлетворяются постепенно, по мѣрѣ надобности. Если мы сравнимъ эти обязанности съ тою, которая возла-

гается на отца 994 ст. Ул. о нак., то окажется, что обязанность отца незаконнннаго заключается не въ томъ, чтобы давать и доставлять, а въ томъ, чтобы *обезпечить* содержаніе разъ навсегда. Въ судебной практикѣ сената я не могу указать полнаго подтвержденія такого взгляда, но во всѣхъ извѣстныхъ намъ рѣшеніяхъ вопросъ этотъ и не разрѣшался въ принципѣ. Однако, если мы имѣемъ дѣло съ капиталистомъ, какъ г. Солодовниковъ, живущимъ процентами со своихъ капиталовъ, то спрашивается: въ какой иной формѣ, кромѣ взысканія съ него капитала, можетъ выразиться обезпеченіе содержанія матери и дѣтей? Все, что онъ имѣетъ, находится въ его распоряженіи, можетъ быть прожито, передано, потеряно и тогда повременные платежи окажутся не осуществимы.

Второй вопросъ, какъ я уже сказалъ, заключается въ томъ, какъ долженъ быть присужденъ капиталъ г-жѣ Куколевской и дѣтямъ ея, то-есть должны ли они только пользоваться капиталомъ, или капиталъ этотъ долженъ составить ихъ собственность? И этотъ вопросъ разрѣшается лучше всего путемъ сравненія. Обязанность обезпечить содержаніе возникаетъ по Уложенію не только изъ противозаконнаго сожитія, но и изъ другихъ преступленій. Въ стт. 663 и 664 1 ч. X т. мы имѣемъ указаніе на обязанность виновнаго обезпечить содержаніе женщины изнасилованной и ея младенца и женщины похищенной. Но въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе является срочнымъ: для женщины—до вступленія ея въ замужество, для младенца—доколѣ онъ по возрастѣ не будетъ въ состояніи избрать родъ жизни. Въ 994 ст. Ул. такого ограниченія не установлено. Отецъ обязанъ прямо обезпечить содержаніе, и это обзпеченіе не ограничивается ни вступленіемъ въ замужество, ни совершеннолѣтіемъ, ни избраніемъ рода жизни, а слѣдовательно оно вѣчно, или, иными словами, капиталъ, обезпечивающій содержаніе, долженъ быть собственный у матери и ея дѣтей.

При разрѣшеніи третьяго вопроса слѣдуетъ остановиться на 994 ст. Ул. нѣсколько подробнѣе. 994 ст. Ул. представляетъ много такихъ особенностей, какихъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ статьяхъ. Она полагаетъ за противозаконное

сожитіе только церковное покаяніе. Въ перечнѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ нѣтъ церковнаго покаянія въ числѣ наказаній самостоятельныхъ, а если церковное покаяніе не составляетъ наказанія, то очевидно и самое дѣяніе законъ не считаетъ преступленіемъ. Законъ видитъ въ этомъ нарушеніе правилъ господствующей церкви, признающей только одну форму сожитія брачнаго, и нарушителямъ этихъ правилъ предоставляетъ вѣдаться со своею совѣстью—каяться въ своемъ грѣхѣ. Если это такъ, тогда присутствіе 994 ст. въ Улож. о нак. можетъ быть объяснимо только второю ея половиной. Но случайное послѣдствіе противозаконнаго сожитія—рожденіе младенца—не можетъ измѣнить характера самаго дѣянія и превратить непреступное въ преступное, слѣдовательно и по 2 части 994 ст. дѣяніе остается тѣмъ же, да и обязанность обезпечить содержаніемъ также не входитъ въ число наказаній по Уложенію. Отсюда цѣль и значеніе 994 ст. Ул. можно объяснить единственно желаніемъ, хотя бы въ формѣ наказанія, дать незаконнымъ дѣтямъ, происшедшимъ отъ такого сожитія, которое очень близко къ брачному, права на имущество ихъ отца. Этотъ взглядъ вполнѣ согласенъ со взглядомъ сената: въ рѣшеніи 1868 г., № 657, по дѣлу Ферстеръ съ Фитингофъ сенатъ называетъ эту обязанность *гражданскою мѣрою, неразрывно связанною съ наказаніемъ*. При такихъ условіяхъ наши требованія не могутъ ограничиваться требованіемъ возвратить то, что г-жа Куколевская и дѣти ея имѣли и что они потеряли, а могутъ простираться до желанія доставить ей и дѣтямъ ея такія средства, которыя могли бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ дѣтей богатаго отца. Сообразно съ состояніемъ и средствами г. Солодовникова, обладающаго милліонами, получающаго дохода до 400 тыс. р. съ одного недвижимаго имущества, проживающаго лично на себя, по его словамъ, до 50 т. р. въ годъ, требованія его дѣтей могутъ быть обширны, но мы должны все-таки представить вычисленіе минимума требованій. Изъ приходныхъ книжекъ оказывается, что за послѣдній 1880 г. г. Солодовниковъ выдалъ болѣе 10 тыс. р. на содержаніе и воспитаніе своихъ дѣтей. Эту цифру Солодовниковъ не считаетъ преувеличенною. Отсюда прямо можно опредѣ-

лить, что доходъ въ 10 тыс. для семьи Куколевской необходимый и доходъ этотъ соотвѣтствуетъ 200 тыс., капитализируя изъ 5%. Но изъ тѣхъ же книжекъ видно, что расходъ постепенно увеличивался и возрастаніе его не остановилось. Извѣстно также, что двое младшихъ дѣтей еще не получаютъ воспитанія въ тѣхъ размѣрахъ, какъ старшіе, и, слѣдовательно, увеличеніе расхода должно еще продолжаться, а тогда 10 тыс. дохода будетъ мало. На какой цифрѣ онъ остановится, пока трудно опредѣлить, но во всякомъ случаѣ онъ не превыситъ процентовъ съ капитала въ 500 тыс. р. с. А такъ какъ 994 Ул. о нак. предписываетъ руководиться средствами отца, то мы смѣемъ надѣяться, что судъ не сочтетъ излишнимъ требованіе, которое лишаетъ г. Солодовникова только доходовъ съ его капитала приблизительно за одинъ годъ.

Прис. Пов. Шуфъ. Гг. судьи! Я не могу не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ моимъ талантливымъ противникомъ, княземъ Урусовымъ, что главный, существенный вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ—участь, судьба дѣтей подсудимыхъ. Я смѣю увѣрить, что судьба ихъ защитѣ Солодовникова не менѣе дорога, чѣмъ защитѣ Куколевской. Эти дѣти не участвуютъ въ процессѣ, но составляютъ его душу; во имя ихъ интересовъ начато Куколевскою это дѣло, ихъ именемъ она прикрывается, ихъ именемъ она старается возбудить къ себѣ сочувствіе; объ ихъ образѣ жизни и воспитаніи, объ отношеніи къ нимъ Солодовникова судебное слѣдствіе собрало массу матеріала. Но я не могу не замѣтить, что это сочувствіе къ дѣтямъ подсудимыхъ, какъ оно ни прекрасно само по себѣ, все же оно выражается только на словахъ. Между тѣмъ какъ, къ счастію для нихъ, въ настоящемъ дѣлѣ есть человѣкъ, который доказалъ суду свое сочувстіе, любовь къ нимъ не на словахъ только, *а на дѣлѣ*. Этотъ человѣкъ—Солодовниковъ. Поэтому я считаю несправедливымъ тотъ упрекъ, который былъ сдѣланъ ему сначала прокуроромъ, а потомъ княземъ Урусовымъ, будто бы онъ бросилъ своихъ дѣтей, оставилъ ихъ на произволъ судьбы. Многочисленныя данныя судебнаго слѣдствія даютъ мнѣ право утверждать противное, и я смѣло могу сказать, что Солодовниковъ не менѣе Куколевской

любитъ своихъ дѣтей и заботится о нихъ всею душой. За это, разумѣется, я не воображаю ставить его на пьедесталъ, но я обязанъ констатировать этотъ фактъ дѣла и имѣю право сказать, что Солодовниковъ исполнилъ относительно дѣтей своихъ долгъ честнаго и порядочнаго человѣка. Свидѣтель полковникъ Мацѣевскій нарисовалъ намъ картину сердечныхъ, теплыхъ отношеній Солодовникова къ дѣтямъ; свидѣтель Панченко показалъ, что онъ составилъ въ пользу ихъ духовное завѣщаніе, назначивъ свидѣтеля душеприкащикомъ, и, уѣзжая за границу, вручилъ ему квитанцію, по которой тотъ могъ получить это духовное завѣщаніе, отданное на храненіе. Какъ эти, такъ равно и всѣ другіе свидѣтели своими показаніями убѣждаютъ насъ въ томъ, что Солодовниковъ не жалѣлъ денегъ на содержаніе и воспитаніе своихъ дѣтей, что послѣднія всегда имѣли приличную, хорошую квартиру, обстановку съ комфортомъ, росли окруженныя боннами, гувернантками, учителями, получили прекрасное образованіе, говорятъ на трехъ иностранныхъ языкахъ, учились музыкѣ и рисованію. Когда пришло время отдать ихъ въ учебное заведеніе Солодовниковъ помѣстилъ трехъ мальчиковъ въ 3-ю московскую гимназію, а дочь—въ женскую гимназію, одну изъ лучшихъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ слѣдуетъ не упрекать Солодовникова въ томъ, что онъ не заботился о своихъ дѣтяхъ, а отдать ему справедливость, что онъ далъ имъ возможность и средства получить лучшее образованіе, какое только могутъ получать у насъ дѣти,—образованіе научное, солидное, развивающее всѣ душевныя силы и пріучающее человѣка къ серьезному труду.

Далѣе, несправедливо говоритъ противная сторона, что Солодовниковъ въ началѣ нынѣшняго года пересталъ выдавать Куколевской съ дѣтьми денежныя средства. Куколевская заявила, что она сама отказалась принимать деньги отъ Солодовникова. Замѣчательно, что этотъ отказъ ея совпадаетъ съ ея поѣздкой въ С.-Петербургъ и съ появленіемъ въ домѣ Солодовникова ея адвоката, присяжнаго повѣреннаго Покровскаго. Покровскій показываетъ, что Солодовниковъ прямо ему сказалъ, что онъ не отказывается попрежнему выдавать деньги и предлагаетъ Куколевской получать отъ него въ годъ по 6.000 рублей.

Отсюда очевидно можно сдѣлать выводъ, что въ это время у Куколевской созрѣлъ планъ и опредѣлилась рѣшимость начать настоящій процессъ съ цѣлью взыскать съ Солодовникова полмилліона. Вотъ истинная цѣль настоящаго дѣла, которую трудно замаскировать. Но и послѣ этого Солодовниковъ предлагалъ ей окончить дѣло миролюбиво; когда же она не согласилась, ему ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ внести въ московскій сиротскій судъ денежную сумму на воспитаніе и содержаніе дѣтей, пусть оттуда получаетъ ихъ Куколевская. Онъ назначилъ ежегодно для этой цѣли 4.000 руб. Что же касается самой Куколевской, то и ей онъ не отказывается выдавать ежегодную пенсію, размѣръ которой онъ предоставляетъ опредѣлить суду.

Итакъ не обезпечить содержаніе и воспитаніе своихъ дѣтей желаетъ Куколевская, не этого она домогается, а ищетъ она богатства, требуетъ полмилліона, хочетъ составить себѣ хорошее состояніе. Къ этой сторонѣ дѣла я и перехожу теперь.

Вопросъ надо поставить прямо: Куколевская желаетъ получить въ свою и дѣтей своихъ *собственность* полмилліона съ Солодовникова. Имѣетъ ли она на это право? Слѣдуетъ замѣтить, что отвѣтчикъ Солодовниковъ не споритъ противъ того, что онъ обязанъ выдавать Куколевской съ дѣтьми деньги на ихъ содержаніе; сверхъ того, онъ изъявляетъ готовность быть опекуномъ дѣтей, взять ихъ къ себѣ въ домъ, содержать и воспитывать ихъ; мало того, онъ готовъ признать, что судъ можетъ найти недостаточною ту сумму, которую онъ предназначилъ на содержаніе дѣтей, опредѣлить ее въ большихъ размѣрахъ; онъ возражаетъ единственно противъ притязанія Куколевской взыскать съ него *въ ея съ дѣтьми собственность единовременно* какой-либо денежный капиталъ. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи онъ правъ, ибо искъ Куколевской не основывается на какомъ-либо законѣ и представляется требованіемъ о выдѣлѣ наслѣдства, но даже законная жена и законныя дѣти не имѣютъ права требовать выдѣла наслѣдства, и таковой можетъ быть сдѣланъ только по волѣ мужа и отца. Законъ (172 ст. X т. I ч.) предоставляетъ законнымъ дѣтямъ только право на пропитаніе, одежду и воспитаніе, т.-е. на алименты. Я

полагаю, что дѣти незаконныя не должны имѣть предпочтенія, преимущества предъ законными и имъ нельзя дать болѣе правъ, чѣмъ законнымъ дѣтямъ. Вѣдь иначе законодатель даетъ предпочтеніе внѣбрачному сожитію предъ брачнымъ, что немыслимо съ нравственной точки зрѣнія. Если законныя дѣти не имѣютъ права на взысканіе съ отца какого-либо капитала, то тѣмъ болѣе незаконныя дѣти не могутъ имѣть таковаго права. Если допустить противное, то можно подорвать этимъ институтъ брака, ибо внѣбрачное сожительство сдѣлается выгоднѣе брачнаго, законнаго. И дѣйствительно, зачѣмъ будетъ законный бракъ, когда законная жена и законныя дѣти при жизни мужа и отца не имѣютъ права на часть его имущества, тогда какъ незаконныя могутъ получить таковое при его жизни.

Обращаясь къ 994 ст. Уложенія о нак., на которой основывается искъ Куколевской, оказывается, что въ силу этого закона на виновнаго въ сожительствѣ возлагается *обязанность* обезпечить *содержаніе* матери и младенца; эта такъ называемая алиментарная обязанность (= содержаніе) заключается въ выдачѣ алиментирующимъ опредѣленной денежной суммы ежегодно или ежемѣсячно впередъ, въ видѣ пенсіи, незаконной женѣ и ея дѣтямъ на ихъ одежду, пропитаніе и на другіе необходимые расходы, до извѣстнаго срока, напримѣръ, до совершеннолѣтія дѣтей, выхода въ замужество дочерей и т. д.

Такъ толкуетъ эту статью и правительствующій сенатъ. При сопоставленіи ея съ 172 ст. X т. I ч. еще болѣе уясняется смыслъ ея, какъ закона, регулирующаго алиментарную обязанность отца. Далѣе, размѣръ алиментарной суммы опредѣляется судомъ сообразно нуждамъ и потребностямъ алиментируемыхъ, съ одной стороны, и состоянію алиментирующаго, съ другой стороны; при чемъ состояніе алиментирующаго принимается вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это Куколевская, которая разсуждаетъ, что Солодовниковъ уже очень богатъ, а потому и обязанъ выдать ей столько денегъ, сколько ей хочется; нѣтъ «сообразно состоянію» значитъ, что существенныя потребности ея и дѣтей могутъ быть удовлетворены алиментирующимъ только въ томъ случаѣ, когда у него есть состо-

яніе; когда же таковаго нѣтъ, тогда сокращаются самыя потребности. Мѣра, сумма алиментовъ измѣняется, что зависитъ отъ измѣненія средствъ дающаго и нуждъ и потребностей алиментируемаго; посему по одному и тому же дѣлу судебная власть можетъ поставить цѣлый рядъ рѣшеній объ увеличеніи или уменьшеніи количества алиментовъ. Наконецъ, алиментарная обязанность прекращается смертью ребенка; слѣдовательно, по идеѣ своей она срочная, тогда какъ праву собственности на взыскиваемый съ Солодовникова въ пользу Куколевской съ дѣтьми капиталъ чуждо понятіе о срокѣ, ибо это—вѣчное и потомственное владѣніе. Между правомъ собственности и алиментарною обязанностью—цѣлая бездна. Разъ судъ призналъ за кѣмъ-либо алиментарную обязанность, этимъ вполнѣ обезпечивается алиментируемый, который и можетъ беззаботно, какъ обезпеченный, т.-е. освобожденный отъ горькой необходимости пещись, заботиться объ алиментахъ, заниматься своимъ дѣломъ. Алиментарная обязанность установлена не съ цѣлью обогащенія, а съ цѣлью прокормленія. Между тѣмъ цѣль иска Куколевской—богатство, пріобрѣтеніе въ собственность полмилліона, такая цѣль иска не должна возбуждать сочувствія и такое стремленіе Куколевской обогатиться на счетъ Солодовникова не должно найти себѣ удовлетворенія на судѣ, тѣмъ болѣе что оно не опирается на законъ. Посему я имѣю честь просить судъ признать, что дѣти Солодовникова обезпечены взносомъ имъ денегъ на содержаніе и воспитаніе въ сиротскій судъ, затѣмъ опредѣлить сумму, какую онъ долженъ выдавать Куколевской ежегодно на содержаніе, а въ остальныхъ требованіяхъ ей отказать.

Присяжный повѣренный А. В. Лохвицкій. Гг. судьи! Единственный вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ состоитъ въ томъ: имѣетъ ли право г-жа Куколевская требовать съ г. Солодовникова на свое и своихъ дѣтей содержаніе громадный капиталъ въ 500.000 руб. и не слѣдуетъ ли признать вполнѣ достаточнымъ по смыслу 994 ст. Улож. то обезпеченіе, которое онъ представилъ, то-есть 50.000 руб., съ прибавкою скромной ренты для нея?

Статья 994 Улож. гласитъ, что мужчина, бывшій въ про-

тивозаконномъ сожитіи: „обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери". Я постараюсь доказать, что вся сила лежитъ на „приличномъ" содержаніи, а средства отца составляютъ только такое условіе, которымъ ограничивается въ случаѣ надобности понятіе приличнаго содержанія.

Прежде этого разбора необходимо сказать нѣсколько словъ о значеніи 994 ст. Она имѣетъ оригинальное процессуальное и не менѣе оригинальное догматическое значеніе. Было уже достаточно сказано о ея процессуальныхъ особенностяхъ. Ея догматическая особенность состоитъ въ томъ, что она относится только къ лицамъ христіанскаго исповѣданія; магометанинъ или еврей, отецъ незаконныхъ дѣтей, не обязанъ содержать ихъ; далѣе, она относится только къ неженатому и незамужней; мужчина, состоящій въ законномъ бракѣ, не обязанъ давать содержаніе любовницѣ и ея дѣтямъ. Такимъ образомъ статья эта не имѣетъ общаго значенія, и ясно, что обязанность содержать незаконныхъ дѣтей и ихъ мать обусловливается церковнымъ покаяніемъ, не существующимъ по закону для нехристіанъ. Наконецъ, 994 статья составляетъ оригинальность русскаго законодательства. Французскій законъ, имѣющій силу во многихъ странахъ Европы, не налагаетъ никакихъ обязанностей на отца незаконной семьи; онъ воспрещаетъ судебное отыскиваніе таковаго отца: „La recherche de paternité est defendue". Нѣмецкій и англійскій законы даютъ дѣвицѣ-матери право гражданскаго иска, ограничивая его ничтожною суммой, покрывающею лишь расходы пропитанія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я думаю, что нашъ законъ болѣе удовлетворителенъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы французскій не имѣлъ нравственной и соціальной основы. Для очень многихъ бѣдныхъ женщинъ страхъ нести тяжесть содержанія незаконнаго ребенка составляетъ спасительную узду, удерживающую ихъ на прямомъ пути. По условіямъ общества женщина отыскивается мужчиной; по законамъ физіологическимъ, дѣти—ея принадлежность. Разъ дана женщинѣ возможность отъ противозаконной жизни получить такой достатокъ, котораго она не можетъ имѣть честнымъ трудомъ, разъ дано ей право

требовать этого достатка судебнымъ порядкомъ, тогда колеблется нравственный порядокъ общества; колеблющейся бѣдной женщинѣ какъ будто указывается самимъ закономъ средство благосостоянія. Французскій конвентъ издалъ было законъ, что женщина, воспитавшая незаконное дитя, получаетъ награду отъ казны; и всѣ французскіе юристы единогласно говорятъ, что такой законъ былъ премiей для разврата. Вслѣдствіе этого для сохраненія за 994 ст. нравственнаго смысла необходимо, чтобы содержаніе, выдаваемое незаконнымъ дѣтямъ и ихъ матери, было бы строго ограничено въ размѣрахъ, именно, чтобы оно было не болѣе какъ прилично, то-есть соотвѣтственно общественному положенію такой женщины.

Вотъ та точка зрѣнія, которую устанавливаетъ анализъ 994 ст. въ общей системѣ законодательства.

Перехожу къ подробному критическому разсмотрѣнію буквы и смысла 994 ст. Какое значеніе имѣетъ выраженіе „приличное содержаніе", и дѣйствительно ли имущественныя средства отца составляютъ въ случаѣ надобности лишь ограниченіе самаго приличнаго содержанія? Подъ приличнымъ разумѣется то, что соотвѣтствуетъ общественному положенію лица; въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о приличномъ платьѣ, квартирѣ, столѣ. Все, что не доходитъ до этого предѣла, равно какъ и то, что переходитъ этотъ предѣлъ, есть отсутствіе приличія, неприличность. Для горничной неприлично носить шелковыя и бархатныя платья, для мѣщанки—держать карету. Слѣдовательно, содержаніе, чтобы быть приличнымъ, должно соотвѣтствовать общественному положенію, степени образованія, установившимся долгими годами привычкамъ матери незаконныхъ дѣтей. Если же количество его сообразовать только со средствами любовника-милліонера, тогда уничтожится условіе приличія, уничтожится нравственное значеніе 994 статьи.

Исторія этой статьи, аналогія, наконецъ признанная въ наукѣ теорія алиментовъ подтверждаютъ вполнѣ высказанный нами взглядъ. Такое подробное и всестороннее разсмотрѣніе дастъ намъ правильный выводъ не только относительно размѣра, въ которомъ судъ долженъ присуждать

содержаніе, но также и относительно формы и срока его продолжительности.

Древнее русское право вовсе не знало положенія объ обязанностяхъ отца незаконной семьи. Статья 994 введена законодательствомъ Петра Великаго. Редакція ея одинакова во всѣхъ трехъ изданіяхъ Уложенія. Въ проектѣ Уложенія сказано, что она (по проекту 1249-я) основана на 781 ст. Свода (изд. 1842 г.), отмѣнено лишь тюремное заключеніе, слѣдовавшее по Своду за противозаконное сожитіе, и оставлено одно церковное покаяніе. Сводъ прямо указываетъ источникъ—ст. 176 Воинскаго артикула. Въ этой статьѣ (Пол. Собр. Зак. т. V, № 3006, 1716 г.) сказано: „Холостой человѣкъ.., для содержанія матери и младенца по состоянію его и платы *нѣчто имѣетъ дать*, и сверхъ того тюрьмою и церковнымъ покаяніемъ имѣетъ быть наказанъ". Слово „плата" означаетъ жалованье: соразмѣрно съ жалованьемъ. Это доказываетъ нѣмецкій текстъ Артикула: „...Soll er zu der Mutter und des Kindes Unterhalt nach Bechaffenheit Seines Standes und Lohns ein gevisses geben". Такимъ образомъ исторія указываетъ, что законодатель имѣлъ въ виду не обогащеніе незаконной семьи, а только выдачу ей кое-чего на содержаніе. Еще болѣе важна аналогія для уразумѣнія 994 статьи. Эта аналогія заключается въ стт. 663, 664 и 666 X т. 1-й части. Въ нихъ говорится о содержаніи незаконныхъ дѣтей и ихъ матери, когда эта мать была жертвой преступленія. Статья 663 говоритъ, что если изнасилованная женщина не имѣетъ средствъ къ существованію, то изъ имѣнія виновнаго должно быть обезпечено *приличное ея состоянію*, соразмѣряя съ имуществомъ виновнаго, содержаніе до выхода ея въ замужество, а если вслѣдствіе изнасилованія она родитъ, то должны быть доставлены и средства на содержаніе и воспитаніе младенца, доколѣ онъ по возрастѣ не будетъ въ состояніи избрать родъ жизни. Здѣсь мы видимъ, что содержаніе матери и ея незаконнаго младенца назначается только тогда, когда она неимущая. Въ этомъ ясно выражается опасеніе законодателя, которое онъ прямо выражалъ въ прежнемъ текстѣ закона объ изнасилованіи, чтобы порочныя женщины умышленно не устраивали кажу-

щагося изнасилованія для прибыли. Далѣе, выраженіе „приличное содержаніе“, которое насъ такъ занимаетъ теперь, хорошо объясняется словомъ „состояніе“: „приличное ея состоянію“. Слово состояніе имѣетъ двоякій смыслъ: оно означаетъ, во-первыхъ, состояніе, общественное положеніе, —такъ IX томъ Свод. Зак., гдѣ говорится объ общественныхъ разрядахъ, называется „законами о состояніяхъ“, и во-вторыхъ, означаетъ имущественное положеніе. Что въ данномъ случаѣ оно употреблено въ смыслѣ сословія, общественнаго положенія, это доказываютъ предшествующія слова 663 статьи: если она „не имѣетъ средствъ къ существованію“. Требованіе законодателя вполнѣ логично: для крестьянки, мѣщанки, барышни долженъ быть иной размѣръ содержанія; для первой, пріученой къ физическому полевому труду или домашней черной работѣ, и 5 руб. въ мѣсяцъ хорошее обезпеченіе. Конечно, въ наше время несправедливо было бы строгое ограниченіе содержанія по сословію: степень образованія, положенія въ обществѣ, прежняя обстановка должны быть приняты во вниманіе. Что касается срока, то таковой назначается для дѣтей достиженіемъ такого возраста, когда они сами могутъ избрать родъ жизни, что никакъ не можетъ простираться далѣе гражданскаго совершеннолѣтія, 21 года, а обыкновенно наступаетъ ранѣе; для матери ихъ—вступленіемъ въ замужество, слѣдственно высшій предѣлъ пожизненность. Такимъ образомъ мы видимъ, что подъ содержаніемъ законъ разумѣетъ выдачу средствъ срочную. Таковъ и житейскій смыслъ этого слова. Присуждать въ собственность капиталъ, притомъ соотвѣтственный съ цифрой годоваго содержанія; капитализуемый изъ 5% годовыхъ, какъ этого домогается противная сторона, значило бы присудить вдвое: и извѣстное, признанное необходимымъ содержаніе и сверхъ того предоставить право распорядиться капиталомъ въ пользу наслѣдниковъ. Притомъ такое положеніе противорѣчитъ самому установленному въ законѣ смыслу слова содержаніе, основная черта его срочность: человѣкъ имѣетъ надобность въ содержаніи или по смерть, или только до того времени, когда онъ можетъ себѣ доставлять средства существованія, или когда онъ станетъ въ такое положеніе,

когда другое лицо по закону должно его содержать, — замужество. Тѣ же самыя положенія выставляетъ законъ въ 664 ст. относительно похищенной женщины, въ 666 ст. относительно женщины, вступившей по обману въ бракъ съ женатымъ, и ея дѣтей, а также относительно насильственнаго брака. Здѣсь встрѣчается, впрочемъ, нѣкоторая разница въ формѣ выраженія, еще болѣе подкрѣпляющая нашъ взглядъ. Такъ въ 664 ст. употреблена фраза: „обезпечить ея (похищенной) содержаніе приличнымъ ея состоянію образомъ, сколько сіе позволяетъ его (похитителя) собственное состояніе"; въ 666 ст.: „доставить насильно или по обману обвѣнчанной съ нимъ средства приличнаго ея состоянію *существованія*". Что касается высшаго предѣла размѣра ежегоднаго содержанія, то, какъ мы имѣли случай сказать, онъ не долженъ переходить предѣлы, опредѣленные въ жизни для женщины и дѣтей извѣстнаго общественнаго положенія, оно должно быть приличнымъ, не болѣе; если женщина имѣетъ собственныя средства для приличнаго существованія въ имуществѣ или въ извѣстной профессіи, то ей ничего нельзя присуждать.

Аналогія между женой и дѣтьми, о которыхъ говорится въ 994 ст. Улож., и женой и дѣтьми, о которыхъ говорится въ 663, 664 и 666 стт. X т., состоитъ въ томъ, что и тамъ и тутъ являются незаконныя дѣти, и тамъ и тутъ незамужнія матери. Но есть глубокая разница: тамъ женщина по добровольному соглашенію вступила въ противозаконную связь, она такъ же виновна, такъ же предается, какъ и мужчина, уголовному суду; здѣсь женщина не только ни въ чемъ не виновна, — она жертва гнуснаго преступленія. Существуетъ математическая аксіома, что величина меньшая другой меньше той, которой равна эта послѣдняя. Можно ли допустить, чтобы размѣръ содержанія женщины виновной былъ при равенствѣ другихъ условій болѣе того, который дается женщинѣ, жертвѣ преступленія?

Научное толкованіе значенія и размѣра содержанія, технически называемаго алиментами (alimenta), твердо установлено западною практикой. Римское право разумѣло подъ алиментами только необходимые расходы на продовольствіе, одежду и жилище: legatis alimentis cibaria et vesti-

tus et habitatio debitur, quia sine his ali corpus non potest. Понятіе это впослѣдствіи расширилось; подъ алиментами стали разумѣть не только строго необходимое для жизни, но и приличное положеніе лица, и притомъ не только нужное для физической жизни ребенка, но и для его воспитанія. Статья 208 французскаго гражданскаго кодекса, имѣющаго значеніе не въ одной только Франціи, говоритъ: „les aliments ne sont accordés que dans la proportion du besoin de celui qui les réclame et de la fortune de celui qui les doit". Кажется, что форма выраженій нашей 994 ст. Улож. заимствована изъ этой французской статьи. На Западѣ выработано полное и прекрасное ученіе объ алиментахъ. Порталисъ справедливо замѣчаетъ, что необходимость бываетъ абсолютная и относительная; относительная не бываетъ одинаковою для всѣхъ; даже и абсолютная (пища, одежда, жилище) не для всѣхъ одинакова; она бываетъ различна для стараго и молодого, здороваго и больного. Вообще принято соразмѣрять содержаніе съ возрастомъ, поломъ, степенью образованія, общественнымъ положеніемъ, здоровьемъ или болѣзнями, мѣстомъ жительства, множествомъ другихъ условій и, наконецъ, съ полнымъ или неполнымъ неимѣніемъ средствъ къ жизни того лица, которому присуждаются алименты. Такъ, если для приличнаго содержанія лица требуется 1.000 франковъ въ годъ, а оно имѣетъ собственный доходъ въ 600 фр., то присуждается 400 фр. Содержаніе всегда срочное; высшій предѣлъ его пожизненность; оно прекращается, если лицо, которому оно присуждено, получитъ наслѣдство или другимъ способомъ пріобрѣтетъ средства къ безбѣдной жизни. Этимъ началомъ опредѣляется размѣръ содержанія; онъ можетъ быть уменьшенъ, если присуждаемый къ выдачѣ докажетъ что за расходами на свое и своей семьи необходимое содержаніе онъ не можетъ удовлетворить требованія закона. Состояніе лица, которое должно выдавать содержаніе, служитъ не основою для размѣра, а лишь оградой его собственнаго содержанія.

Хотя въ нашихъ гражданскихъ законахъ и нѣтъ общаго опредѣленнаго постановленія объ алиментахъ, но практика, безпрерывно встрѣчаясь съ этимъ вопросомъ, выработала

положенія весьма сходныя съ тѣми, которыя установлены наукой. Такъ, законъ разрѣшаетъ дарителю или завѣщателю обязывать одаряемаго или наслѣдника давать содержаніе извѣстному лицу, наградить приданымъ при выходѣ замужъ. Въ случаѣ спора судъ, конечно, рѣшитъ, что содержаніе старому слугѣ должно состоять въ той пищѣ и одеждѣ, которыми онъ прежде пользовался, а не можетъ опредѣляться стоимостью наслѣдства. Ясно, что приданое опредѣляется общественнымъ положеніемъ и образованіемъ дѣвицы: если завѣщатель оставитъ милліонное наслѣдство, то приданое, напримѣръ, его крестницѣ крестьянкѣ будетъ такое, какое даютъ своимъ дочерямъ достаточные крестьяне, а не такое, которое даютъ милліонеры.

Солодовниковъ представилъ на содержаніе пяти незаконныхъ дѣтей 50.000 въ процентныхъ бумагахъ; изъ этой суммы онъ опредѣляетъ по 800 р. въ годъ на содержаніе и воспитаніе каждаго и сверхъ того для дочери 6.000 руб. и для каждаго сына по 2.000 р. по достиженіи совершеннолѣтія, что составитъ съ процентами и могущими быть остатками отъ ежегоднаго содержанія для дочери болѣе 10.000 р., для каждаго сына отъ 3 до 7 тысячъ. Сыновья учатся въ гимназіи; плата въ этихъ заведеніяхъ за ученіе и полное содержаніе не превышаетъ 350 р., такимъ образомъ даны средства къ продолженію ихъ воспитанія, даже даны вдвое большія, что обезпечиваетъ и дополнительные уроки и всякаго рода случайности, и наконецъ даются каждому по достиженіи совершеннолѣтія средства на обзаведеніе и первые годы самостоятельной жизни. Плата за полное содержаніе въ хорошихъ пансіонахъ для дѣвицъ не превышаетъ 600 руб. въ годъ, такъ что дочери обезпечены средства хорошаго образованія и приличное приданое. Если мы вспомнимъ, что по Уст. о пенсіяхъ, съ принятіемъ дѣтей на казенное содержаніе въ учебное заведеніе, не только прекращаютъ пенсію, но это считается самымъ большимъ, что можетъ сдѣлать правительство для заслуженнаго и значительнаго чиновника; если вспомнимъ, что въ гимназическихъ пансіонахъ воспитываются дѣти почтенныхъ и достаточныхъ семействъ, то дѣти Куколевской обезпечены болѣе, чѣмъ прилично Кто они?—Мѣщане, не-

законныя дѣти бывшей гувернантки. Разумѣется, что о прихотяхъ излишества, роскоши, въ родѣ англичанокъ, француженокъ, нѣмокъ для усовершенствованія произношенія, уроковъ въ игрѣ на віолончели, поѣздокъ на морскія купанья и вообще на развитіе могущихъ быть эстетическихъ способностей, о чемъ говорили мои противники, не можетъ быть или вовсе рѣчи или рѣчь можетъ быть только въ предѣлахъ остатковъ отъ платы въ гимназіи. Самой г-жѣ Куколевской Солодовниковъ обязывается выдавать пожизненное содержаніе въ размѣрѣ 300 р. въ годъ, такъ какъ она находится въ такихъ лѣтахъ, что можетъ трудиться.

Большее расширеніе этого содержанія, а въ особенности принятіе того размѣра (500.000 р.), который требуютъ мои противники, было бы не только несправедливымъ въ отношеніи Солодовникова и его законныхъ наслѣдниковъ, но нарушило бы буквальный смыслъ закона, было бы неприличнымъ. Мало того, оно было бы вреднымъ для дѣтей, и повело бы къ послѣдствіямъ, противнымъ намѣренію законодателя. Мой противникъ говорилъ о необходимости для незаконныхъ дѣтей не только самаго прихотливаго воспитанія, но и богатства, такъ какъ, по его мнѣнію, при трудовой жизни имъ суждено будетъ слышать упреки въ ихъ происхожденіи, видѣть киванія головой съ грустною присказкой: это дѣти милліонера Солодовникова. Онъ ошибается. При трудовой скромной жизни они избѣгнутъ всякихъ упрековъ, всякихъ киваній. Наоборотъ, если г-жа Куколевская получитъ полмилліона и будетъ разъѣзжать на рысакахъ со своими дѣтьми, тогда то имъ и ей придется выслушать много горькаго. Не слѣдуетъ забывать, что г-жа Куколевская по закону должна быть подвергнута церковному покаянію. Не будетъ ли выдача полмилліона подрывать значеніе установленнаго въ законѣ наказанія? Можно ли ожидать искренняго покаянія въ такомъ дѣяніи, за которое дается большое богатство. Какое тяжелое впечатлѣніе произведетъ такое рѣшеніе на общественную нравственность! Г-жа Куколевская должна выйти изъ суда съ поникшею головой; она должна пораздумать о томъ, что честная трудовая жизнь и скромное супружество не толь-

ко почетнѣе, но нерѣдко и выгоднѣе противозаконныхъ связей съ милліонерами. Ваше рѣшеніе, гг. судьи, должно успокоить общественную нравственность; оно должно быть такимъ, чтобы бѣдная и честная мать могла дать его прочесть своей дочери.

Въ возраженіи своемъ присяжный повѣренный *князь Урусовъ* между прочимъ высказалъ приблизительно слѣдующее: Я удивляюсь, что уважаемый мой противникъ, присяжный повѣренный Шуфъ, такъ рѣшительно утверждаетъ, что нѣтъ ни закона, ни примѣровъ судебной практики, изъ которыхъ можно было вывести заключеніе, чтобы обезпеченіе содержанія производилось выдачею капитала, а не срочными уплатами. Во-первыхъ, такъ какъ въ 994 ст. Улож. ничего не говорится о *способѣ* обезпеченія, то очевидно судъ можетъ самъ избрать наиболѣе подходящій способъ. Но, кромѣ того, существуетъ и законъ, гдѣ прямо сказано, что обезпеченіе содержанія потерпѣвшихъ производится или выдачей извѣстной суммы единовременно, *или* посредствомъ срочныхъ уплатъ. Я говорю о Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта отъ 25 января 1873 года объ удовлетвореніи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ. Законъ предоставляетъ самимъ потерпѣвшимъ опредѣлить, какое они желаютъ обезпеченіе: капиталомъ или рентой. Толковать ст. 994 Улож. по аналогіи съ этимъ закономъ во всякомъ случаѣ представляется болѣе основательнымъ, чѣмъ отыскивать аналогію въ Воинскихъ Артикулахъ Петра I. Еще болѣе удивительна ссылка присяжнаго повѣреннаго Шуфа на судебную практику. Судебная практика не вся въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, которыя, впрочемъ, не противорѣчатъ нашимъ требованіямъ. Говоря такъ увѣренно о „практикѣ", не мѣшало бы почтенному цивилисту справиться и съ практикой того суда, предъ которымъ мы находимся. Между тѣмъ именно въ этой практикѣ мы встрѣчаемъ два весьма цѣнные прецедента. Въ томъ же VII отдѣленіи, предъ которымъ мы имѣемъ честь пледировать, 27 іюня 1880 года состоялось рѣшеніе по дѣлу Джона Гарди и Куваевой, обвинявшихся по ст. 994. Гарди, конюхъ князя Оболенскаго, соблазнилъ свою кухарку и прижилъ ребенка. Судъ

опредѣлилъ: на обезпеченіе ребенка, согласно иску матери, взыскать съ Гарди 1.500 р. единовременно. Сумму эту судъ вычислилъ, капитализуя изъ 5% содержанія ребенка, 72 р. въ годъ. Судебная палата рѣшеніемъ отъ 15 сентября 1880 г. за № 11481, приговоръ окружнаго суда во всѣхъ его частяхъ утвердила. Рѣшеніе не было обжаловано. Другой примѣръ: по дѣлу Брунсъ съ Педошенко московская судебная палата, согласно требованіямъ просительницы, присудила ей 10.000 руб. единовременно. Рѣшеніе вступило въ законную силу. Итакъ, судебная практика согласна съ нашимъ толкованіемъ ст. 994. Возраженія эти относятся и къ рѣчи г. присяжнаго повѣреннаго Лохвицкаго. Онъ обѣщалъ намъ объяснить значеніе ст. 994 не фактически, а исторически, критически, догматически, логически и аналогически. Результаты этого объясненія однако не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Оказалось въ концѣ концовъ, что ни Воинскіе Артикулы, ни французскіе законы, ни даже знаменитый юристъ Порталисъ не раскрываютъ смысла и содержанія статьи 994 Уложенія. Совершивъ весьма большой кругъ, мы опять очутились на томъ же пунктѣ. Аналогіи съ законами объ изнасилованіи и увозѣ нельзя признать правильными. Тамъ отсутствуетъ элементъ согласія, тамъ виновный карается потерею правъ, тамъ принимается въ соображеніе состояніе матери; здѣсь же, въ 994 ст., единственный карательный элементъ, это взысканіе обезпеченія и притомъ не принимая въ соображеніе средствъ и состоянія матери. Къ юридической части своей рѣчи г. Лохвицкій присоединилъ нравственныя и соціальныя соображенія; онъ изложилъ свою теорію приличій, свою философію нравственности. Теорія эта очень своеобразна, и я сомнѣваюсь, чтобы она нашла сочувственный отголосокъ въ судѣ и въ обществѣ. По мнѣнію моего почтеннаго противника, нравственность требуетъ, чтобы г-жа Куколевская вышла отсюда „съ поникшею головой“ и чтобы ей за семнадцать лѣтъ жизни и 300 рублей пенсіи дано было почувствовать нѣкоторое посрамленіе. За исполненіе этой нравственной кары, въ предѣлахъ, допускаемыхъ судебными приличіями, взялся господинъ защитникъ и исполнилъ свою задачу со свойственнымъ ему искусствомъ. Онъ, сколько могъ, за-

ставилъ г-жу Куколевскую прочувствовать, что значитъ женщинѣ быть на судѣ и что можно говорить ей, соблюдая внѣшнія формы приличія. Защита рѣшительно возвѣстила о солидарности своихъ нравственныхъ воззрѣній съ философіей г. Солодовникова. Этимъ, я полагаю, она сдѣлала все, что нужно, чтобы судъ составилъ себѣ о ней полное понятіе. Полемизировать съ г. Лохвицкимъ о морали я не буду. Это увлекло бы насъ слишкомъ далеко, далеко за предѣлы судебнаго слѣдствія. Мы должны были бы перейти въ область отвлеченностей, что для суда, слушающаго насъ, было бы едва ли интересно. Я только спросилъ бы г. Лохвицкаго: безпощадно казня женщину за „порочную жизнь", требуя для нея посрамленія, не забылъ ли онъ о томъ, что и на ея сообщника падаетъ добрая часть этого посрамленія и позора. Если общественная нравственность требуетъ, чтобы г-жа Куколевская вышла изъ суда съ поникшею головой, какъ же долженъ выйти г. Солодовниковъ?

Въ заключеніе кн. Урусовъ перешелъ къ исчисленію иска г-жи Куколевской и указалъ, что minimum того, что можетъ быть присуждено есть капитализація суммы 10.486 р., доказанной ея расходною книжкой за 1880 годъ. Расходъ этотъ не можетъ быть признанъ окончательнымъ въ виду возрастанія двухъ дѣтей: maximum составляетъ исковая сумма въ 500.000. Норму опредѣлитъ судъ между этими двумя цифрами.

Прис. повѣр. И. С. Куриловъ. Противникъ нашъ, г. Лохвицкій, упрекнулъ насъ въ томъ, что мы сравниваемъ вещи несоизмѣримыя, и обѣщалъ въ то же время освѣтить смыслъ статьи 994 Улож. путемъ историческимъ, по аналогіи и на основаніи теоріи. Несоизмѣримыя вещи оказываются съ одной стороны ст. 994 Ул., съ другой—662, 663 и 664 стт. 1 ч. X т.; но что же дѣлаетъ самъ г. Лохвицкій? Указавъ намъ, что 994 ст. основана на ст. 176 Воинскихъ Артикуловъ Петра Великаго, онъ переходитъ къ толкованію этой статьи, сравнивая ее съ тѣми же стт. 662, 663 и 664 ч. 1 т. X и называя эти узаконенія позднѣйшими. Если взять 176 ст. Воинскихъ Артикуловъ Петра Великаго и 662 ст. 1 ч. X т. изд. 1857 года, тогда несомнѣнно ст. 662 1 ч. X т.

будетъ позднѣйшая, но наши сужденія основаны не на 176 ст. Артикуловъ, а на 994 ст. Ул. 1866 года; что же будетъ позднѣйшимъ: то ли, что было издано въ 1857 году, или то, что издано въ 1866 году? Положимъ, что 994 ст. Ул. основана на 176 ст. Артикуловъ, но взглядъ законодателя на противозаконное сожитіе съ того времени могъ существенно измѣниться, и это измѣненіе взгляда мы даже можемъ подмѣтить въ мотивахъ къ 1249 статьѣ проекта Уложенія 1844 года. Тамъ сказано такъ: „За сожитіе неженатаго съ незамужней, если сей проступокъ не былъ сопровождаемъ никакими увеличивающими вину обстоятельствами, *кажется*, достаточно одно церковное покаяніе, не увеличивая онаго заключеніемъ въ тюрьмѣ, предписаннымъ въ 781 ст. Свода Законовъ Уголовныхъ". Прежде такое сожитіе подвергало тюремному заключенію, а въ новомъ законодательствѣ взглядъ измѣнился, и дѣяніе это не влечетъ за собою никакихъ уголовныхъ или исправительныхъ наказаній. Но съ измѣненіемъ взгляда на дѣяніе, условіе обезпеченія осталось. И независимо отъ того, что 662 и слѣд. ст. I ч. X т. уже существовали, въ 994 ст. Ул. 1866 года сохранилось выраженіе: *обезпечить содержаніе*, безъ ограниченія значенія этого выраженія указаніемъ какихъ-либо сроковъ. Если г. Лохвицкому угодно было указать намъ историческое происхожденіе ст. 994, то, думается мнѣ, съ единственною цѣлью пояснить первоначальнымъ источникомъ смыслъ этой статьи. Однако г. Лохвицкій не остановилъ, гг. судьи, вашего вниманія на 176 ст. Воинскихъ Артикуловъ Петра Великаго и не остановилъ потому, что это было бы противъ него. Въ ст. 176 Артикуловъ сказано, что неженатый обязанъ „по состоянію своему *и платы нѣчто дать*". Слѣдовательно и тогда полагалось единовременно, въ видѣ платы, вознагражденія.

Защитники г. Солодовникова увѣряютъ насъ, что то обезпеченіе, которое онъ предлагаетъ самъ, то-есть 4 тыс. въ годъ, совершенно достаточно, считаютъ, что въ этомъ проявляется великая заботливость отца. Какъ же можно счесть эту сумму достаточною, когда самъ Солодовниковъ призналъ цифру въ 4.395 р., употребленную только на воспитаніе—на плату за уроки, не преувеличенною, а теперь

предлагаетъ 4 тыс. р. на всѣ потребности. Заботливый отецъ слѣдовательно желаетъ, чтобы начатое было прервано, чтобы то образованіе, какое давалось его дѣтямъ до сихъ поръ, не было окончено. Несомнѣнно, что судъ не признаетъ удовлетворительнымъ этого предложенія.

Противники наши не ограничиваются возраженіями юридическаго свойства, а переводятъ дѣло и на нравственную почву. И съ этой стороны указываютъ на вредъ богатства, на тотъ соблазнъ, который можетъ оказать присужденіе крупной цифры. Куколевскую упрекаютъ въ корыстныхъ стремленіяхъ; говорятъ про нее, что она безсердечная мать, такъ какъ назвала своихъ дѣтей въ метрическихъ книгахъ рожденными отъ неизвѣстной, и считаютъ справедливымъ, если Куколевская выйдетъ изъ суда съ поникшею головой. Гг. судьи, независимо отъ той нравственной теоріи, которая можетъ быть построена на основаніи различныхъ соображеній, каждое дѣло имѣетъ свою нравственную сторону, и эта нравственная сторона выдвигаетъ сравненіе между Солодовниковымъ и Куколевской. Къ которому изъ нихъ можетъ быть отнесенъ упрекъ въ безсердечіи, въ отреченіи отъ своихъ дѣтей? Намъ неизвѣстно, кто записывалъ дѣтей въ метрическія книги и назвалъ ихъ рожденными отъ неизвѣстной, но я увѣренъ въ томъ, что та, которая всю свою жизнь посвятила дѣтямъ, та, которая при одной мысли потерять ребенка, по словамъ д-ра Покровскаго, приходила въ какое-то оцѣпенѣніе, не могла отказаться отъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что Солодовниковъ отрекался отъ своихъ дѣтей и, по показанію присяжнаго повѣреннаго Покровскаго, принималъ мѣры къ тому, чтобы Куколевская не могла доказать на судѣ своихъ правъ. За что Куколевская должна выйти изъ суда съ поникшею головой, въ то время какъ Солодовниковъ пойдетъ съ поднятою? Развѣ за то, что семнадцать лѣтъ тому назадъ, увлекшись Солодовниковымъ, она повѣрила его словамъ и чистотѣ его побужденій. Развѣ за то, что, проживъ свои 900 руб. и почувствовавъ себя матерью, она всю свою жизнь посвятила дѣтямъ Солодовникова. Развѣ за то, что она была вѣрною женой и примѣрною матерью. Развѣ за то, что Солодовниковъ за-

былъ о ней и о дѣтяхъ и довелъ ихъ до нищеты. За все это несправедливо доставить торжество Солодовникову и печаль Куколевской. Все, что требуетъ Куколевская, составляетъ одно только блюдо изъ роскошнаго стола Солодовникова, и этотъ богачъ, пресыщенный разнообразными блюдами, отуманенный разными винами, проповѣдуетъ, что лучше и полезнѣе довольствоваться кускомъ чернаго хлѣба и стаканомъ простой воды.

Присяжный повѣренный А. В. Лохвицкій. Трудны пренія въ томъ случаѣ, когда противникъ не беретъ на себя труда понять наши слова. Кн. Урусовъ находитъ, что наши комментаріи 994 ст. были излишни; онъ отзывается нѣсколько игриво о толкованіи закона по исторіи, теоріи, аналогіи. Едва ли слѣдуетъ такъ говорить образованному юристу. Но допускаю, что я впалъ въ излишество. Противникъ мой былъ кратокъ въ толкованіи закона, но едва ли силенъ. Въ первой своей рѣчи онъ высказалъ удивительно смѣлое положеніе, что въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 994 ст., виновенъ только мужчина, такъ какъ въ ней говорится о рожденіи дѣтей, какъ о существенномъ элементѣ. Выходитъ, что дѣти рождаются только отцомъ, что порочную жизнь ведетъ только отецъ, а не мать, которая живетъ съ нимъ. Мы знаемъ, что въ проступкахъ, подобныхъ предусмотрѣнному 994 ст., законы церковные и наши уголовные считаютъ виновными въ равной мѣрѣ и мужчину и женщину, но общество смотритъ неодинаково, оно гораздо строже къ женщинѣ; на это оно имѣетъ прочныя основанія. Но утверждать, что въ этихъ проступкахъ можно обвинять только мужчину, это оригинальность безпримѣрная. Далѣе, мой противникъ говоритъ, что 663, 664 и 666 стт. Гражд. Зак. не могутъ служить мѣркой для 994 ст. Улож.: въ первыхъ вознагражденіе полагается сообразно съ состояніемъ женщины, а въ послѣдней—сообразно съ состояніемъ мужчины... Очевидно, что онъ только вчера взглянулъ на эти статьи и сбился. Въ этихъ статьяхъ слово „состояніе" употреблено въ смыслѣ сословія, общественнаго положенія, что доказывается предшествующимъ выраженіемъ: „если она не имѣетъ средствъ существованія". Эти образчики его физіологическихъ и критическихъ объясненій избавляютъ

меня отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія его довода. Я также не считаю нужнымъ отвѣчать на его упреки мнѣ за то, что я не преклоняюсь предъ добродѣтелями г-жи Куколевской. Но принимаю его вызовъ отвѣчать ему на запросъ: не уйдетъ ли, по моей системѣ, г. Солодовниковъ изъ суда съ торжествомъ? Нѣтъ, не уйдетъ. Онъ уйдетъ съ преданіемъ покаянію, онъ посидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, онъ заплатитъ во всякомъ случаѣ болѣе 50.000 руб. Замѣчу, что эта сумма кажется моему щедрому противнику ничтожною, нищенскою подачей,—тогда какъ она составляетъ очень крупный достатокъ для семьи, и по прежнимъ законамъ гораздо больше той, обладаніе которою обязывало купца платить залогъ по первой гильдіи. Солодовниковъ уйдетъ также съ тяжелыми размышленіями: при его расчетливости онъ сообразитъ, что незаконная семья стоила и стоитъ ему не менѣе того, что прожилъ бы онъ на содержаніе законной. Но—главное—онъ убѣдится, что въ содержанкѣ нельзя пріобрѣсти друга, какъ въ женѣ. По ея собственнымъ словамъ, здѣсь сказаннымъ, она до послѣдняго времени не знала о существованіи 994 ст. Какъ только ей указали эту статью, какъ только нашлись адвокаты, увѣрившіе ее, что они вытребуютъ для нея судомъ 500.000 рублей, она не приняла отъ него денегъ, отвернулась отъ него, повлекла его на позорище въ судъ, ударила въ барабанъ на всю Москву, растворила двери суда... Попыталась ли она окончить распрю съ человѣкомъ, съ которымъ прожила 17 лѣтъ и отъ котораго имѣетъ 5 дѣтей, мирно чрезъ посредство родственниковъ и общихъ знакомыхъ? Нѣтъ, вашей кліенткѣ не приходится высоко подымать голову. Послѣдняя мѣщанка посмотритъ на нее свысока и скажетъ: „я мужняя жена, а вы кто такая?“ Разбираемый теперь на судѣ проступокъ незаконнаго сожитія помѣщенъ въ Уложеніи въ главѣ „О преступленіяхъ противъ общественной нравственности“ и въ отдѣлѣ „О соблазнительномъ поведеніи“. Требуя 500.000 р., противная сторона требуетъ не только несправедливаго рѣшенія: болѣе того, вы требуете рѣшенія соблазнительнаго для общественной нравственности.

Затѣмъ слово было предоставлено подсудимымъ.

Подсудимая Куколевская. Прошу, гг. судьи, повѣрить мнѣ: когда я поѣхала въ Петербургъ, то я не знала, куда ѣду, а тамъ, встрѣтившись съ женою сенатора Синицына, я отъ ихъ повѣреннаго узнала, что есть статья закона, которая говоритъ въ пользу моихъ дѣтей. До этого же момента я не знала о существованіи такой статьи... Что же касается меня, то я всегда знала, что виновата и несла за это всю тяжесть своего положенія. Затѣмъ прошу повѣрить искренности моихъ словъ, что я, познакомившись съ Солодовниковымъ, не знала, что онъ богатъ; оставила семью, которая меня уважала, и слѣпо отдалась ему. Затѣмъ, отдайте дѣтямъ то право, которое принадлежитъ имъ по крови, потому что онъ отецъ ихъ.

Подсудимый Солодовниковъ. Я могу сказать, что съ своей стороны исполнилъ свою обязанность: я далъ дѣтямъ на воспитаніе и содержаніе такую сумму, что бо́льшую не могъ бы дать своимъ законнымъ дѣтямъ. Сопоставляя многіе извѣстные мнѣ факты, я прихожу къ такому заключенію, что они могутъ на эти средства воспитываться наравнѣ съ дѣтьми богатыхъ родителей. Я могу привести примѣръ. Я былъ въ Хемницѣ, и тамъ воспитывается сынъ принца прусскаго, за котораго платятъ 800 талеровъ. Дѣло не въ богатствѣ; мы видимъ примѣры, что богатые остаются ничѣмъ, а между тѣмъ бѣдные выходятъ извѣстными людьми. Для примѣра укажу на Бокля, извѣстнаго автора *Европейской цивилизаціи*, Беконсфильда. Люди эти, не будучи богатыми, добыли себѣ почетъ трудовою жизнью... Мое убѣжденіе такое, что капиталъ можно дать человѣку, который достойно распорядится имъ. Я по совѣсти и по убѣжденію не могъ дать имъ больше 800 р. На эти деньги можно получить самое высшее образованіе въ Москвѣ. Давъ же имъ больше, я бы, по моему убѣжденію, сдѣлалъ преступленіе. Относительно же содержанія г-жи Куколевской я долженъ заявить, что соглашусь выдать, сколько судъ найдетъ нужнымъ. Сумма 300 р. ей предложена не мною, а г. Лохвицкимъ.

Судъ, на основаніи 994 ст. Ул. о нак., вынесъ слѣдующій приговоръ:

1) Подсудимыхъ Солодовникова и Куколевскую признать виновными въ

противозаконномъ сожитіи, отъ котораго родились дѣти, подвергнуть церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства;

2) взыскать съ Солодовникова на обезпеченіе Куколевской и ея дѣтей 219.000 руб. съ процентами и сумму эту распредѣлить въ полную собственность въ слѣдующемъ размѣрѣ: каждому изъ сыновей по 24.000 р., а дочери 75.000 р., и самой Куколевской 48.000 р.

На это рѣшеніе были поданы апелляціонныя жалобы какъ со стороны Солодовникова, такъ и со стороны Куколевской.

Прис. повѣр. кн. Урусовъ, повѣренный г-жи Куколевской, въ жалобѣ своей объяснилъ, что онъ находитъ неправильнымъ присужденіе судомъ Куколевской съ дѣтьми всего 219.000 р., потому что судъ при вычисленіи приличнаго обезпеченія дѣтей Солодовникова, соотвѣтственнаго состоянію и средствамъ послѣдняго, не принялъ во вниманіе доказанный документально фактъ постояннаго возрастанія расходовъ въ теченіе семнадцати лѣтъ сожительства обвиняемыхъ. Правильно прогрессирующая сумма расходовъ на воспитаніе дѣтей очевидно не можетъ остановиться на цифрѣ расходовъ 1880 года, къ которому относится послѣдняя расходная книжка, представленная Куколевскою и признанная Солодовниковымъ, потому что въ означенномъ году воспитаніе дѣтей не было окончено вообще, въ частности же воспитаніе младшихъ дѣтей производилось дома, почему въ слѣдующіе затѣмъ годы должно было вызвать большіе расходы и издержки. Исходя изъ того основанія, что законъ, выраженный статьей 994 Улож. о наказ. изд. 1866 г., не имѣетъ въ виду назначенія дѣтямъ обезпеченія въ видѣ необходимаго только минимума, а, напротивъ, считаетъ справедливымъ упроченіе за ними права на воспитаніе, соотвѣтствующее средствамъ ихъ отца, князь Урусовъ полагалъ бы болѣе согласнымъ со справедливостью принятіе во вниманіе нуждъ и потребностей дѣтей Солодовникова, согласно основаніямъ, изложеннымъ Куколевскою въ ея прошеніи, поданномъ при возбужденіи настоящаго дѣла. На этомъ основаніи повѣренный Куколевской проситъ палату взыскать съ Солодовникова въ пользу Куколевской и дѣтей ея пятьсотъ тысячъ рублей съ процентами со дня предъявленія иска.

Другой повѣренный г-жи Куколевской, *прис. повѣр. Куриловъ,* соглашаясь вполнѣ съ мотивами приговора московскаго окружнаго суда во всѣхъ его частяхъ, за исключеніемъ количества присужденнаго обезпеченія, находилъ, что московскій окружный судъ присудилъ съ Солодовникова обезпеченіе Куколевской и дѣтямъ ея только приличное для Куколевской и ея дѣтей. Но 994 статья Улож. указываетъ независимо отъ «приличія» еще и другое основаніе: «состояніе отца». Солодовниковъ—милліонеръ, полу-

чающій дохода отъ 300 до 400 т. въ годъ, проживающій 50 т. въ годъ. Что же могутъ и должны имѣть его дѣти? По уставу о пенсіяхъ вдова съ тремя дѣтьми, имѣющими право на пенсію, получаетъ полную пенсію умершаго мужа (ст. 113, т. III изд. 1876). Если принять 50 т. въ годъ проживаемыхъ Солодовниковымъ за норму, то «семья» его можетъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на половину этой суммы, т. е. на 25 т. въ годъ. Поэтому г. Куриловъ проситъ палату увеличить присужденную судомъ сумму для каждаго изъ сыновей и дочери Куколевской и ея самой, а именно присудить каждому изъ сыновей по 55 т. р., Куколевской вдвое, т. е. 110 т., а дочери ея 170 т. р.; это составитъ 500 т., что соотвѣтствуетъ доходу въ 25 т. р.

Повѣренный г. Солодовникова, *прис. повѣр. Шуфъ*, изложивъ въ своей жалобѣ обстоятельства настоящаго дѣла, какъ они выяснились на судѣ, затѣмъ продолжаетъ: «Главный существенный вопросъ, вытекающій изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла и подлежащій разрѣшенію суда, заключается въ томъ, имѣетъ ли право Куколевская на взысканіе съ Солодовникова капитала въ свою и дѣтей ея собственность, или же она имѣетъ только право требовать, чтобы Солодовниковъ принялъ на себя обязанность обезпечить содержаніе ея и ея дѣтей, т. е. выдавать ей и ея дѣтямъ на содержаніе ежемѣсячно или ежегодно впередъ въ теченіе опредѣленнаго судомъ срока извѣстную денежную сумму въ видѣ пенсіи, размѣръ которой должна опредѣлить судебная власть сообразно нуждамъ Куколевской и состоянію Солодовникова? На первую часть этого вопроса я отвѣчаю отрицательно, а на вторую утвердительно, и при семъ я полагаю даже, что вся компетенція суда единственно въ томъ и заключается, чтобы рѣшить вопросъ, долженъ ли Солодовниковъ нести на себѣ означенную обязанность и въ какомъ размѣрѣ онъ долженъ выдавать денежныя средства на содержаніе Куколевской и ея дѣтей и до какого срока; присуждать же въ собственность Куколевской и ея дѣтей съ Солодовникова какой-либо капиталъ или какое-либо имущество судъ не имѣетъ законнаго основанія. Приговоръ окружнаго суда оказывается несогласнымъ съ буквальнымъ смысломъ 994 ст. Улож. о наказ. По буквальному смыслу 994 ст. Улож. о наказ. виновный въ незаконномъ сожительствѣ мужчина обязанъ «обезпечить содержаніе матери и младенца». Итакъ, на первомъ планѣ здѣсь идетъ рѣчь о содержаніи. Въ законѣ этомъ не сказано, чтобы виновный былъ обязанъ выдать своей сожительницѣ и ея дѣтямъ въ ихъ собственность какой-либо капиталъ или имущество; наоборотъ, сказано прямо, что онъ обязанъ обезпечить только ихъ содержаніе. Обезпечить содержаніе означаетъ обязанность виновнаго въ противозаконномъ

сожительствѣ выдавать денежныя средства матери младенца на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей ихъ жизни, какъ, напримѣръ: жилище, пищу, одежду и образованіе дѣтей».

Г. Шуфъ проводитъ параллель между ст. 994 Улож. о наказ. и постановленіями иностранныхъ законодательствъ объ «алиментахъ». Есть поразительное сходство между 994 ст. нашего Уложенія и 208 ст. французскаго Code Civile: Les aliments (содержаніе) ne sont accordés que dans la proportion du besoin de celui qui les reclame et de la coutume de celui qui les doit. По 138, 139, 143 ст. Гражд. Ул. Итальянскаго королевства, бракъ налагаетъ обязанности содержать, воспитывать и образовывать дѣтей, эта обязанность лежитъ на отцѣ и матери «соразмѣрно ихъ состоянію», «дѣти обязаны доставлять содержаніе (alimenta) родителямъ», содержаніе должно быть соразмѣрно нуждамъ того, кто его требуетъ, и средствамъ того, кто долженъ его доставить. Наконецъ, въ саксонскомъ гражданскомъ кодексѣ мы встрѣчаемъ законъ, коимъ опредѣляется какъ максимумъ (120 талеровъ), такъ и минимумъ (12 талеровъ) алиментарной суммы ежегодно, такъ что судъ имѣетъ лишь право назначить алиментарную сумму между этими предѣлами.

По русскимъ гражданскимъ законамъ мужъ обязанъ (ст. 106) доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію (своему), родитель (172 ст. X т. 1 ч.) обязанъ давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду, воспитаніе по своему состоянію. Вотъ сущность алиментарной обязанности по X т. 1 ч. Св. Зак., установленной относительно законныхъ жены и дѣтей. Если законная жена и дѣти не могутъ требовать отъ мужа и отца болѣе сего, то, конечно, незаконныя не могутъ имѣть преимущества предъ первыми; если первыя не имѣютъ иныхъ правъ и не могутъ при жизни мужа и отца требовать ничего болѣе, какъ содержанія, не могутъ требовать выдѣла наслѣдства, не имѣютъ права на взысканіе въ свою собственность съ мужа и отца капитала, то тѣмъ болѣе таковаго права не могутъ имѣть незаконныя жена и дѣти, ибо въ противномъ случаѣ послѣднія имѣли бы преимущество предъ первыми, внѣбрачный союзъ сталъ бы выгоднѣе и привлекательнѣе брачнаго, что не мыслимо съ точки зрѣнія законодателя, имѣющаго въ виду идеалъ нравственности.

«Итакъ, сказано далѣе въ жалобѣ повѣреннаго г. Солодовникова, изученіе буквальнаго смысла текста 994 ст. Улож. и сравненіе этой статьи съ другими, ей соотвѣтствующими, приводятъ меня къ убѣжденію, что въ силу этого закона Куколевская не имѣетъ права взыскивать съ Солодовникова въ свою и своихъ дѣтей собственность какой-либо капиталъ, а

имѣетъ лишь право требовать, чтобы Солодовниковъ принялъ на себя обязанность въ теченіе извѣстнаго, судомъ опредѣленнаго, срока выдавать ей и ея дѣтямъ на содержаніе денежную сумму, въ видѣ пенсіи ежегодно или ежемѣсячно впередъ, въ размѣрѣ, опредѣленномъ судомъ, сообразно ея нуждамъ и состоянію Солодовникова».

Окружный судъ, по мнѣнію г. Шуфа, долженъ былъ по настоящему дѣлу, опредѣливъ первоначально размѣръ ежегоднаго дохода Куколевской, доставлять который ей обязанъ Солодовниковъ (напримѣръ, 10.950 р.), затѣмъ обязать Солодовникова такой капиталъ, который дастъ этотъ доходъ, т. е. 219.000 руб., внести въ государственный банкъ, съ тѣмъ, чтобы Куколевская въ теченіе извѣстнаго срока имѣла право получать проценты съ этого капитала. По прошествіи этого срока означенный капиталъ, какъ собственность Солодовникова, все-таки долженъ возвратиться къ нему или къ его законнымъ наслѣдникамъ, такъ какъ обязанность виновнаго обезпечить содержаніе матери и младенца есть обязанность срочная. Такой способъ обезпеченія содержанія имѣлъ бы нѣкоторое значеніе, и Солодовниковъ могъ бы съ нимъ примириться и подчиниться волѣ суда.

Г. Шуфъ указываетъ далѣе, что, присудивъ съ Солодовникова въ собственность Куколевской и ея дѣтей 219.000 р., окружный судъ въ своемъ приговорѣ ничего не сказалъ о 50.000, внесенныхъ Солодовниковымъ въ московскій сиротскій судъ на содержаніе и воспитаніе дѣтей. Вслѣдствіе сего онъ проситъ палату сообразно съ ея рѣшеніемъ сдѣлать постановленіе объ участи этого капитала.

Ежегодный доходъ г-жи Куколевской, доставлявшійся ей г. Солодовниковымъ до послѣдняго времени добровольно и опредѣленный судомъ въ 10.950 р., по мнѣнію г. Шуфа, преувеличенъ. Точно такъ же преувеличено соображеніе суда о «громадности» состоянія Солодовникова.

Указывая въ заключеніи своей жалобы на время рожденія дѣтей Куколевской, г. Шуфъ находитъ, что Куколевская пропустила десятилѣтнюю давность и потому потеряла право на искъ въ пользу дѣтей. По симъ соображеніямъ г. Шуфъ проситъ приговоръ московскаго окружнаго суда отмѣнить, признать Солодовникова невиновнымъ въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 994 ст. Улож. о наказ., и, признавъ, что Куколевская и ея дѣти достаточно обезпечены содержаніемъ со стороны Солодовникова, отказать ей въ ея требованіи о признаніи за нею права на взысканіе съ Солодовникова въ ея и дѣтей ея собственность какой-либо денежной суммы.

Судебная палата, разсмотрѣвъ поданныя жалобы, опредѣлила:

1) На содержаніе дочери надворнаго совѣтника Аделаиды Андреевой Ку-

колевской и дѣтей ея Александра, Гавріила, Андрея, Любови и Петра въ теченіе одного года, начиная съ 27-го февраля 1881 года, взыскать съ потомственнаго почетнаго гражданина Гавріила Солодовникова и его имущества 12 тыс. рублей съ узаконенными процентами съ 27-го февраля 1881 года по день платежа;

2) обязать поименованнаго Солодовникова выдавать на указанный въ 1 п. сего приговора предметъ каждогодно съ 27-го февраля, начиная съ 1882 года, также 12 тыс. руб.; а въ случаѣ неплатежа имъ этихъ суммъ въ назначенные сроки взыскивать ихъ съ него или его имущества съ узаконенными процентами со дня наступленія срока по день платежа;

3) въ случаѣ наступленія новыхъ обстоятельствъ и условій, которыя потребуютъ увеличенія или уменьшенія суммы, потребной на содержаніе Куколевской и ея дѣтей, или же совершеннаго прекращенія выдачи на этотъ предметъ денегъ, предоставить окружному суду постановлять по просьбамъ о томъ сторонъ, на основаніи 956 ст. Уст. угол. судопр., новыя опредѣленія, не стѣсняясь настоящимъ приговоромъ;

4) впредь до окончательнаго удовлетворенія Куколевской и ея дѣтей по настоящему приговору обезпечить имъ возможность дѣйствительнаго полученія денегъ на содержаніе способами, указанными 590 — 652 ст. Уст. гражд. судопр., признавъ, что при настоящемъ положеніи дѣла таковое обезпеченіе должно быть опредѣлено въ суммѣ 240 тыс. руб.;

5) избраніе способа обезпеченія по этому приговору, а затѣмъ измѣненіе или отмѣну онаго при новыхъ обстоятельствахъ возложить на окружный судъ;

6) приговоръ окружнаго суда, въ чемъ съ симъ не согласенъ, отмѣнить;

7) приговоръ окружнаго суда въ отношеніи личной отвѣтственности Солодовникова утвердить;

8) приговоръ окружнаго суда въ прочихъ частяхъ оставить безъ разсмотрѣнія, и

9) признать, что вопросъ о томъ, какъ поступить съ 50 тыс., внесенными Солодовниковымъ въ сиротскій судъ, за силою настоящаго приговора, особаго разрѣшенія не требуетъ.

Дѣло Маргариты Жюжанъ.

Засѣданіе С.-Петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 6—8 ноября 1878 года.

Предсѣдательствуетъ предсѣдатель суда г. Кони, обвиняетъ товарищъ прокурора г. Шидловскій, защищаетъ присяжный повѣренный г. Хартулари.

Французская подданная Маргарита Жюжанъ предана суду по обвиненію въ отравленіи гимназиста Николая Познанскаго.

По обвинительному акту дѣло представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Въ Петербургѣ, по Знаменской улицѣ, въ домѣ № 7-й, занималъ квартиру начальникъ петербургскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, Игнатій Познанскій. Семейство Познанскаго до 18-го апрѣля 1878 года состояло изъ жены его, Александры Францовны, сына Николая $16^1/_2$ лѣтъ, дочери Надежды 11-ти лѣтъ и сына Михаила 6-ти лѣтъ. 18-го апрѣля старшій сынъ Познанскихъ, ученикъ шестого класса первой классической гимназіи, Николай, найденъ въ своей постели мертвымъ. 17-го апрѣля, вечеромъ, Николай Познанскій находился въ такомъ состояніи здоровья, которымъ не могла быть объяснена скоропостижная и для всѣхъ окружающихъ неожиданная его смерть, и потому полковникъ Познанскій далъ знать полиціи о скоропостижной смерти своего старшаго сына, Николая, прося произвести вскрытіе его трупа, чтобъ сколько-нибудь опредѣлить, что могло быть причиною этой необъяснимой кончины. Полицейскій чиновникъ, приступилъ къ дознанію, и 19-го апрѣля чрезъ полицейскаго врача Горскаго, произведено было вскрытіе трупа Николая Познанскаго. Это вскрытіе производилось въ присутствіи доктора медицины Николаева, пользовавшаго покойнаго, и прозектора медикохирургической академіи, доктора медицины Бурцева. Врачи были согласны относительно усмотрѣнныхъ ими анатомическихъ измѣненій въ трупѣ, но не всѣ могли согласиться относительно опредѣленія непосредственной причины смерти Н. Познанскаго. Полицейскій врачъ Горскій высказалъ мнѣ-

ніе, что усмотрѣнныя анатомическія явленія суть послѣдствія инфекціоннаго процесса, произведеннаго брюшнымъ и возвратнымъ тифомъ, и что смерть непосредственно произошла отъ приливовъ крови къ головному мозгу; доктора же Бурцевъ, Николаевъ и присутствовавшая при вскрытіи студентка медицинскихъ курсовъ Ткаченкова заявили Познанскому и женѣ его, что необходимъ химическій анализъ внутренностей, такъ какъ анатомическія явленія недостаточны для точнаго опредѣленія причины смерти, и что анатомическія явленія какъ бы указываютъ въ трупѣ на слѣды какого-то яда. Подозрѣнія эти еще болѣе усилились, когда ими усмотрѣна была стклянка лѣкарства, которое умершій Николай принималъ еще 17-го апрѣля вечеромъ: и по внѣшнему виду, и по вкусу лѣкарство это, по рецепту долженствовавшее состоять только изъ воды и изъ іодистаго калія, заключало въ себѣ видимо постороннюю примѣсь. Осматривавшіе и пробовавшіе лѣкарство докторъ Николаевъ и полковникъ Познанскій нашли, что примѣсь эта всего болѣе напоминаетъ морфій. Вслѣдствіе вышеизложеннаго мнѣнія докторовъ Николаева и Бурцева о необходимости химическаго анализа внутренностей трупа, важнѣйшія части ихъ были, подъ руководствомъ доктора Николаева, положены въ двѣ стеклянныя банки. Полиція, узнавъ отъ Познанскаго о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, передала произведенное дознаніе судебному слѣдователю и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему же были препровождены указанныя двѣ банки съ внутренностями вскрытаго трупа Н. Познанскаго и три пузырька съ лѣкарствами, при чемъ было сдѣлано распоряженіе, чтобъ погребеніе Н. Познанскаго было пріостановлено. Слѣдственными дѣйствіями, направленными къ изслѣдованію непосредственныхъ причинъ смерти Н. Познанскаго, установленъ рядъ нижеслѣдующихъ данныхъ: 1) осмотромъ обнаружено, что въ доставленныхъ двухъ банкахъ дѣйствительно, по усматриваемымъ признакамъ, находились обозначенныя въ надписяхъ на банкахъ внутренности, на одной банкѣ значились «куски сердца, печенки и селезенки», а на другой—«содержимое желудка и желудокъ». Представленныя лѣкарства состояли: а) большой пузырекъ темножелтаго стекла съ сигнатуркою за № 21554-мъ, на которомъ было обозначено: «растворъ іодистаго кали» (Kal. jodatum aq. destill.), и два другіе пузырька меньшаго размѣра: въ одномъ изъ нихъ черная жидкость а въ другомъ свѣтлая. Всѣ эти лѣкарства были отпущены 15-го апрѣля 1878 года изъ аптеки Руссова по рецептамъ доктора Николаева. Первая бутылочка съ іодистымъ каліемъ была обвязана и опечатана и печать оказалась въ цѣлости. Всѣ эти банки и пузырьки послѣ осмотра были опечатаны печатью судебнаго слѣдователя. Банки съ внутренностями обозначены буквами: первая А, а вторая Б. 2) Трупъ Н. Познанскаго 24-го

апрѣля былъ подвергнутъ вторичному судебно-медицинскому осмотру и изслѣдованію, которыми вполнѣ подтвердилось, что вскрытіе 19-го апрѣля сопровождалось отдѣленіемъ тѣхъ частей внутреннихъ органовъ, которыя значатся на вышеупомянутыхъ двухъ банкахъ. Для того, чтобъ увеличить матеріалъ для химическаго анализа и притомъ подвергнуть таковому же анализу именно части внутренностей, взятыя при этомъ второмъ судебно-медицинскомъ изслѣдованіи, были помѣщены въ четыре банки еще различныя части внутренностей трупа и притомъ части какъ тѣхъ органовъ, отъ которыхъ уже были взяты куски при вскрытіи 19-го апрѣля, такъ и еще нѣкоторыя другія. Въ банку подъ № 1-мъ положены были легкія, сердце, печень (все оставшееся отъ нихъ отъ перваго вскрытія) съ желчнымъ пузыремъ, два куска кишечнаго канала, кусокъ мочевого пузыря и одна почка; подъ № 2-мъ—мозгъ и мозжечокъ; подъ № 3-мъ—кусокъ спинного мозга и подъ № 4-мъ—кусокъ мышцъ. Судебный врачъ Малисъ, производившій это вторичное изслѣдованіе, и присутствовавшій при этомъ изслѣдованіи докторъ медицины Бурцевъ единогласно заключили, что безъ химическаго анализа внутренностей трупа Н. Познанскаго они не могутъ высказать точнаго мнѣнія о причинѣ смерти Познанскаго, такъ какъ однихъ анатомическихъ данныхъ для этого недостаточно. 3) 26-го апрѣля произведенъ былъ химическій анализъ жидкости, заключавшейся въ большомъ темно-желтомъ пузырькѣ съ сигнатуркой за № 21554-мъ и съ надписью на ней «Растворъ іодистаго калія». Этотъ химическій анализъ показалъ, что изслѣдуемое содержимое этого пузырька состоитъ изъ воднаго раствора іодистаго калія и изъ соли морфія. Дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ относительно количества и вида этого морфія обнаружено, что морфій этотъ соляно-кислый. Всей жидкости оказалось 76 граммовъ (около шести ложекъ). Если взболтать эту жидкость, то на все ея количество приходится находящагося въ ней соляно-кислаго морфія 0,881 грамма, слѣдовательно въ 15-ти граммахъ этой жидкости (или одной столовой ложкѣ) находится этого морфія 0,176 граммовъ, или три грана. Химическій анализъ содержимаго двухъ другихъ пузырьковъ показалъ, что въ нихъ заключается лѣкарство, состоящее изъ тѣхъ веществъ и въ тѣхъ пропорціяхъ, которыя прописаны на находящихся при нихъ сигнатуркахъ, именно: въ пузырькѣ съ сигнатуркою за № 21553-мъ капли отъ кашля, а въ пузырькѣ съ сигнатуркою за № 21554-мъ настой яблочно-кислой окиси желѣза. Химическое изслѣдованіе внутренностей, заключающихся въ банкахъ подъ буквами А. и Б. (взятыхъ при вскрытіи 19-го апрѣля) и въ банкѣ подъ № 1-мъ (взятыхъ при вскрытіи 24-го апрѣля), открыло въ нихъ присутствіе морфія. Во внутренностяхъ въ первыхъ двухъ банкахъ

найдено 22 миллиграмма морфія и во внутренностяхъ изъ банки № 1-й обнаружены слѣды этого яда. 4) Для уясненія здоровья Н. Познанскаго въ день, предшествовавшій его смерти, исторіи этого дня, а также значенія и употребленія лѣкарствъ, подвергнутыхъ химическому анализу, обнаружены изъ показаній отца умершаго и лѣчившаго семейство Познанскихъ доктора Николаева нижеслѣдующія обстоятельства.

Въ концѣ страстной недѣли въ семействѣ полковника Познанскаго болѣли дѣти: младшій сынъ кашлемъ, а дочь Надежда имѣла такъ называемую въ общежитіи краснуху и также кашляла. Вслѣдствіе этого, обыкновенно приглашаемый Познанскимъ, докторъ Николаевъ сталъ бывать у нихъ каждый день. 15-го апрѣля, во время пребыванія Николаева у Познанскихъ, посѣщавшая почти ежедневно семейство Познанскихъ и стоявшая очень близко къ этому семейству француженка Маргарита Жюжанъ обратила вниманіе родителей Н. Познанскаго на то, что у него опухли ушныя гланды и что не мѣшаетъ и его показать доктору. Поэтому Познанскіе попросили Николаева осмотрѣть и старшаго сына, Колю. Коля не жаловался доктору Николаеву ни на какія болѣзненныя ощущенія, но указалъ только на небольшую припухлость шеи. Изслѣдовавъ его, докторъ нашелъ, что опухоль шеи его находится въ зависимости отъ увеличенія лимфатическихъ железъ шеи, и потому прописалъ ему употреблять внутрь іодистое желѣзо и притомъ въ такой формѣ: три раза въ день по столовой ложкѣ растворъ іодистаго желѣза съ прибавленіемъ въ каждую ложку по пяти капель тинктуры яблочно-кислаго желѣза. Передъ этимъ, въ тотъ же день, Николаевъ для младшихъ дѣтей Познанскихъ, т.-е. для Нади и Маши, прописалъ капли отъ кашля, въ которыя входитъ морфій въ количествѣ всего двухъ граммовъ на всю жидкость (именно на двѣ драхмы воды горькихъ миндалей). Такимъ образомъ и были изъ аптеки принесены: для Николая—двѣ бутылочки, большая съ іодистымъ каліемъ и малая съ желѣзомъ, а для младшихъ дѣтей—одна маленькая бутылочка съ каплями отъ кашля. Эта бутылочка стояла въ спальнѣ родителей, и Коля этого лѣкарства не принималъ; іодистый же калій и желѣзо находилось постоянно въ комнатѣ Коли и онъ ихъ сталъ принимать утромъ на первый день Пасхи, т.-е. 16-го апрѣля. Н. Познанскій былъ въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе въ гимназической церкви у заутрени, участвовалъ тамъ въ процессіи (носилъ хоругвь) и возвратился домой послѣ церковной службы, въ $3^1/_2$ часа пополуночи. 16-го апрѣля, на первый день Пасхи, Николай былъ веселъ и только на лицѣ его была замѣтна краснота совершенно такого вида, какъ предъ тѣмъ была у сестры его Нади. Отецъ тогда же измѣрилъ температуру тѣла Коли термометромъ Цельсія, и

термометръ этотъ показалъ $36^{1}/_{2}{}^{0}$. Докторъ Николаевъ посѣтилъ Познанскихъ въ этотъ день между 6-мъ и 8-мъ часами вечера и осматривалъ Колю подробно. О результатахъ этого своего осмотра Николаевъ свидѣтельствовалъ: усмотрѣнную сыпь онъ призналъ за краснуху, совершенно однородную той, которая была у Нади и которая была уже однажды имъ наблюдаема у Николая нѣсколько лѣтъ назадъ. Докторъ съ 1871 года посѣщаетъ Познанскихъ въ качествѣ врача. Не довѣряя опредѣленію температуры тѣла у Коли на ощупь, онъ потребовалъ измѣренія его термометромъ, и тогда отецъ Коли заявилъ, что послѣ двухкратнаго измѣренія термометръ показывалъ не выше 37° Цельсія. Коля и въ этотъ день не жаловался ни на какія болѣзненныя ощущенія и возбудилъ даже вопросъ о возможности выходить со двора, при чемъ высказалъ желаніе побывать въ балаганахъ. Докторъ посовѣтовалъ однако Колѣ не выходить—не потому, чтобъ это было опасно, а потому, что краснуха имѣетъ свойство сообщаемости. Онъ совѣтовалъ съ выходомъ на улицу подождать 3—4 дня и сказалъ, что, когда исчезнетъ сыпь, тогда и можно будетъ Колѣ выходить сколько угодно. 17-го апрѣля докторъ Николаевъ видѣлъ Колю между 4—5 часами дня. Въ этотъ день хотя у него сыпь показалась въ большомъ количествѣ красныхъ пятенъ и на большомъ пространствѣ (она обнаружилась на груди и на верхней части живота), но температура тѣла была попрежнему нормальная и никакихъ жалобъ на болѣзненныя ощущенія со стороны Коли не было. Общій видъ Николая, настроеніе его духа и все доступное наблюденію, по показанію доктора Николаева, не внушили ему не только опасеній за его, Н. Познанскаго, жизнь, но и за то, чтобъ у него готовилась или уже развивалась какая-нибудь серьезная форма страданій. Послѣ этого раза (5 часовъ пополудни 17-го апрѣля) докторъ Николаевъ въ живыхъ Н. Познанскаго болѣе не видѣлъ.

Показанія И. Познанскаго, жены его Александры Познанской, всей домашней прислуги, няни Рудневой, служанки Яковлевой и тѣхъ знакомыхъ и родныхъ, которые видѣли Колю 16-го и 17-го апрѣля (А .Познанскій, Лидія Шульцъ, Е. Пильнау, В. Бергеръ, К. Обруцкій, А. Спорышевъ), единогласно свидѣтельствовали, что состояніе здоровья Коли было таково, что никому и въ голову не могла придти мысль объ опасности для его жизни, и показанія эти совершенно согласовались съ показаніями доктора Николаева. По показанію Яковлевой, видѣвшей Колю 17-го апрѣля около полуночи, предъ самымъ отходомъ ко сну, Коля, былъ веселъ, какъ обыкновенно. Стоя у дверей своей комнаты съ француженкой М. Жюжанъ, собиравшейся въ то время уходить, Коля сказалъ добрымъ и веселымъ голосомъ, обращаясь къ Яковлевой, чтобы она его завтра (18-го апрѣля)

разбудила пораньше, а разговаривая съ Жюжанъ по-французски, между прочимъ произнесъ по-русски «прощай Маргаша», какимъ именемъ онъ нерѣдко называлъ Жюжанъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи. 18-го апрѣля, около 9 часовъ утра, Яковлева вошла въ комнату Н. Познанскаго, чтобъ его разбудить, и нашла, что онъ лежитъ головою въ сторону, противоположную той, гдѣ обыкновенно лежали подушки, и притомъ на всѣ ея оклики не пробуждался, былъ посинѣвши и казался въ безчувственномъ состояніи. На зовъ Яковлевой вбѣжали остальные домашніе и А. Познанская, мать Коли, а потомъ дали знать и отцу его. По объясненію всѣхъ этихъ лицъ, вбѣжавшихъ въ комнату Коли непосредственно послѣ обнаруженія его безчувственнаго состоянія, положеніе его было слѣдующее: онъ лежалъ на кушеткѣ, на которой всегда спалъ, но только головой въ другую сторону, на правомъ боку, на одной подушкѣ, другая же осталась на прежнемъ мѣстѣ; губы были раздуты, почернѣвшія, ротъ полуоткрытъ, языкъ немного высунутъ и темнаго цвѣта, около щеки на простынѣ была значительная мокрота, окаймленная желто-черноватою полосою. Начали растирать Колю, прибѣгать къ разнымъ домашнимъ средствамъ, чтобъ привести его къ жизни до прибытія врачей, за которыми немедленно послали. Первымъ прибылъ докторъ Гельтманъ. Онъ подтвердилъ описанное состояніе Н. Познанскаго и между прочимъ свидѣтельствовалъ, что при его осмотрѣ у Коли сердцебіенія уже не было. Гельтманъ пускалъ Колѣ кровь, пытался дѣлать искусственное дыханіе, но ни что не помогало—смерть наступила со всѣми своими явными признаками. Вскорѣ послѣ Гельтмана прибылъ и призванный на помощь докторъ Николаевъ. Онъ вскорѣ убѣдился, что Коля уже мертвъ. Во рту у него находилось умѣренное количество слизи. Кожа по всей передней и частью по лѣвой сторонѣ тѣла была блѣдная; на правой же сторонѣ лица и туловища она была съ синеватымъ оттѣнкомъ; на спинѣ и ягодицахъ уже появились трупныя пятна. На простынѣ были небольшіе слѣды рвотнаго изверженія. Николаевъ распросилъ подробно у Познанскихъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ ночи на 18-е апрѣля, и узналъ, что вечеромъ 17-го апрѣля, около полуночи, сынъ былъ веселъ и здоровъ, а 18-го апрѣля утромъ, около девяти часовъ, найденъ безъ признаковъ жизни. Тогда Николаевъ заявилъ Познанскимъ, что причина смерти ихъ сына Коли ему неизвѣстна, а потому предложилъ вскрыть трупъ умершаго. Когда родители согласились на вскрытіе, то онъ, Николаевъ, предложилъ, чтобъ при вскрытіи присутствовалъ и прозекторъ медикохирургической академіи, докторъ Бурцевъ. Это Николаевъ находилъ полезнымъ для того, чтобъ обставить изслѣдованіе, по возможности, лучшими условіями,

такъ какъ смерть Н. Познанскаго въ предшествовавшемъ состояніи его здоровья для него, Николаева, не имѣла ни малѣйшаго основанія. Онъ до того былъ пораженъ неожиданностью этой смерти, что отказался даже дѣлать насчетъ ея какія бы то ни было предположенія. На всѣ вопросы родителей умершаго и знакомыхъ о причинѣ смерти Коли онъ отвѣчалъ одно и то же: «до вскрытія я ничего не знаю и не хочу фантазировать». 19-го апрѣля послѣдовало вскрытіе. Всѣ присутствовавшіе при вскрытіи врачи—Николаевъ, Бурцевъ, Горскій—совершенно согласились относительно усмотрѣнныхъ ими въ трупѣ анатомическихъ измѣненій и занесенные въ протоколъ вскрытія факты совершенно согласны съ тѣмъ, что найдено въ трупѣ. Но послѣ вскрытія брюшной полости, при толкованіи анатомическихъ измѣненій, докторъ Горскій высказалъ мнѣніе, что смерть Н. Познанскаго могла произойти естественно подъ вліяніемъ тифознаго яда. Доктору Николаеву такой выводъ объ усмотрѣнныхъ данныхъ вскрытія представлялся поспѣшнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, строго говоря, эти данныя могутъ доказывать только одно: присутствіе въ организмѣ умершаго какой-то инфекціи, т.-е. заразы яда, но не было никакихъ основаній эту инфекцію относить именно къ болѣзни тифу и это тѣмъ болѣе, что всѣ остальныя данныя вскрытія давали отрицательныя указанія, чтобъ это былъ тифъ. Докторъ Николаевъ подробно мотивировалъ такое свое мнѣніе научными данными (противъ тифа свидѣтельствовали: разбросанность, а не гнѣздность гиперплазіи мальпигіевыхъ тѣлъ въ селезенкѣ, гиперплазія солитерныхъ железъ оказалась не въ верхнемъ отдѣлѣ ихъ кишечника, а въ нижней части тонкой кишки, измѣненія въ желудкѣ, отсутствіе дряхлости сердца и самое главное—теченіе болѣзни). Николаевъ показывалъ на слѣдствіи, что всѣ свои мнѣнія онъ высказывалъ при вскрытіи гласно и что докторъ Бурцевъ тоже обратилъ вниманіе на отрицательныя данныя относительно объясненія происхожденія инфекціи тифомъ. По этимъ даннымъ, свидѣтель полагалъ, что не раньше можно высказать положительное заключеніе о причинѣ смерти Н. Познанскаго, какъ только тогда, когда будетъ произведенъ химическій анализъ внутренностей трупа. Для этого Николаевымъ и были взяты, съ разрѣшенія производившаго вскрытія Горскаго, нѣкоторые внутренніе органы покойнаго и уложены въ двѣ банки, чтобъ, съ согласія Познанскаго, надъ ними произвести химическое изслѣдованіе. Въ одну банку были уложены куски сердца, печени и селезенки, въ другую—желудокъ и содержимое желудка. Послѣ этого Николаевъ объявилъ родителямъ умершаго о необходимости, по его мнѣнію, химическаго анализа, съ тѣмъ чтобы потомъ возбудить вопросъ объ отвѣтственности. Предположеніе это еще болѣе подтвердилось, когда А. Познанская предъявила

Николаеву, Бурцеву и Ткаченковой пузырекъ съ іодистымъ каліемъ, говоря при этомъ, что когда 18-го апрѣля, утромъ, она вбѣжала въ комнату сына и узнала о его смерти, то ея вниманіе обратилъ на себя этотъ пузырекъ съ лѣкарствомъ Коли, такъ какъ на наружной стѣнкѣ пузырька оказалось много бѣлаго налета. Познанская тотчасъ спрятала бутылочку въ химическій шкапъ покойнаго и при объясненіи ей врачами результатовъ вскрытія показала ее Николаеву и всѣмъ присутствующимъ. Николаевъ осмотрѣлъ бутылочку въ присутствіи Познанскихъ, Бурцева и Ткаченковой. По свидѣтельству Николаева, въ пузырькѣ было около четырехъ ложекъ жидкости мутной отъ плавающихъ въ ней игольчатыхъ кристалловъ; на вкусъ она была черезчуръ горькая, что не соотвѣтствуетъ вкусу іодистаго калія. Николаевъ предложилъ попробовать эту жидкость Познанскому, и Познанскій, какъ знающій хорошо вкусъ морфія, нашелъ, что горечь эта ему кажется совершенно схожею съ горечью морфія. Всѣ эти обстоятельства засвидѣтельствовали также родители умершаго, И. и А. Познанскіе, причемъ, по показанію Познанскаго, Николай 17-го апрѣля въ послѣдній разъ долженъ былъ принять свое лѣкарство (іодистый калій) ночью передъ самымъ сномъ.

Данныя анатомическаго изслѣдованія трупа Н. Познанскаго, данныя химическаго анализа внутренностей принимаемаго Познанскимъ лѣкарства, въ связи съ вышеизложенными обстоятельствами, уясняющими состояніе здоровья Николая 17-го апрѣля, были представлены на разсмотрѣніе тремъ врачамъ-экспертамъ, чтобъ истребовать отъ нихъ мнѣніе о томъ, какое, на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, можно сдѣлать заключеніе о непосредственной причинѣ смерти Н. Познанскаго? Профессоръ по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, докторъ медицины Манасеинъ, прозекторъ по каѳедрѣ патологической анатоміи, докторъ Бурцевъ, и полицейскій врачъ, докторъ медицины Горскій, разсмотрѣвъ означенныя данныя, на предложенные имъ слѣдователемъ вопросы дали согласные между собою отвѣты, сущность которыхъ сводится къ нижеслѣдующему.

Вскрытіе трупа Н. Познанскаго указывало лишь на то, что смерть его послѣдовала отъ какой-то инфекціи, но въ виду результатовъ химическаго анализа внутренностей покойнаго, указавшихъ на присутствіе въ нихъ морфія, слѣдуетъ признать, что смерть Н. Познанскаго послѣдовала отъ отравленія морфіемъ. Этому объясненію соотвѣтствуетъ особенно гиперемія мозга. Трехъ гранъ морфія весьма достаточно, чтобъ произвести отравленіе человѣка, если только онъ до этого не употреблялъ постоянно излишняго количества спиртныхъ напитковъ или морфія. Если предположить, что покойный принялъ ложку отравленной морфіемъ жидкости, то

онъ долженъ былъ ощущать такіе припадки: головную боль, неясность сознанія, тошноту, доходящую до рвоты, непреодолимую наклонность ко сну. Припадки эти, послѣ пріема морфія въ количествѣ трехъ гранъ, наступаютъ очень скоро, во всякомъ случаѣ въ теченіе перваго послѣ пріема часа. Примѣсь морфія къ раствору іодистаго калія не можетъ измѣнить ядовитыхъ свойствъ морфія. Послѣ принятія трехъ грановъ морфія человѣкъ можетъ умереть по истеченіи различныхъ промежутковъ времени, смотря по разнымъ индивидуальнымъ особенностямъ принявшаго морфій. Отравленіе морфіемъ прекращаетъ жизнь человѣка вслѣдствіе того, что это вещество прекращаетъ дыханіе, чему предшествуетъ глубокая спячка. Іодистый калій, принятый въ прописанныхъ покойному дозахъ, никакого вреда ему причинить не могъ. Іодистый калій въ связи съ яблочно-кислымъ желѣзомъ даетъ солено-горькій вяжущій вкусъ, и потому присутствіе въ такой смѣси морфія едва ли можетъ быть замѣчено на вкусъ принявшимъ такую смѣсь. Такимъ образомъ всѣ изложенныя данныя изслѣдованія привели къ выводу, что смерть Н. Познанскаго послѣдовала отъ отравленія солянокислымъ морфіемъ (Morphium muriaticum).

Слѣдственныя дѣйствія были еще направлены къ изслѣдованію: не могъ ли морфій попасть въ лѣкарство Н. Познанскаго случайно, по ошибкѣ аптекаря, или не принялъ ли его покойный для самоотравленія? Собранныя слѣдствіемъ по этому предмету обстоятельства привели къ вполнѣ отрицательнымъ указаніямъ: а) показаніями родителей и доктора Николаева, въ связи съ изслѣдованіемъ остатковъ лѣкарства іодистаго калія, достаточно уясняется, что всякая ошибка въ приготовленіи лѣкарства въ аптекѣ не могла имѣть мѣста. По свидѣтельству Познанскихъ, Коля сталъ принимать прописанное лѣкарство съ утра 16-го апрѣля и принималъ его въ теченіе 17-го апрѣля, слѣдовательно, онъ принялъ его въ теченіе двухъ дней шесть ложекъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется и оставшееся въ бутылкѣ количество жидкости. Если бы лѣкарство въ аптекѣ еще или въ какой-нибудь изъ означенныхъ дней (16-го или 17-го апрѣля), ранѣе вечера 17-го апрѣля, было насыщено такимъ количествомъ морфія, какое оказалось по химическому анализу (три грана на ложку жидкости), то дѣйствіе его должно было бы обнаружиться гораздо ранѣе, т.-е. тотчасъ послѣ пріема первой ложки. Докторъ Николаевъ осматривалъ Н. Познанскаго 16-го или 17-го апрѣля и никакихъ явленій, свойственныхъ отравленію морфіемъ, въ состояніи здоровья Коли не находилъ. Послѣдствія морфія оказались только въ ночь на 18-е апрѣля, т.-е. послѣ пріема послѣдней ложки; б) что въ эту послѣднюю ложку лѣкарства, принятую Н. Познанскимъ передъ сномъ, въ ночь на 18-е апрѣля, онъ не могъ самъ поло-

жить морфія для самоубійства, тому свидѣтельствуютъ слѣдующія обстоятельства: по показаніямъ И. Познанскаго, его родныхъ, знакомыхъ и товарищей Николая, онъ былъ крайне мнителенъ, тщательно заботился о своемъ здоровьи, интересовался узнать всѣ правила гигіены и старался ихъ всегда выполнять. Прочитавъ въ какой-то книгѣ, что ѣсть передъ сномъ не здорово, онъ пересталъ ужинать. Онъ любилъ жизнь и никогда не высказывалъ какихъ-нибудь наклонностей къ мрачному, угнетенному настроенію. Въ качествѣ характерныхъ чертъ душевнаго настроенія покойнаго Николая, могутъ служить между прочимъ сообщенныя о его личности свѣдѣнія свидѣтелемъ Алексѣемъ Познанскимъ, лицомъ, близко знавшимъ все семейство И. Познанскаго: «Пользуясь прекраснымъ здоровіемъ,—показывалъ этотъ свидѣтель,—Коля тѣмъ не менѣе былъ очень мнителенъ и относился къ своему здоровью чрезвычайно заботливо. Онъ не ужиналъ, выкуривалъ не болѣе извѣстнаго, заранѣе имъ положеннаго, числа папиросъ въ день и вообще старался тщательно слѣдовать всѣмъ извѣстнымъ ему правиламъ гигіены. Отношенія его къ родителямъ отличались крайнимъ дружелюбіемъ и взаимною безграничною любовью и не заставляли желать ничего лучшаго. Между нимъ и родителями не было почти никогда ни малѣйшаго разлада или сколько-нибудь серьезныхъ неудовольствій. Въ системѣ отношеній Познанскихъ къ ихъ сыну, Колѣ, замѣчалось совершенное отсутствіе насилія и принужденія и вмѣсто ихъ, при надобности, какъ средства педагогическія, проявлялись исключительно добрые совѣты и увѣщеваніе». Съ этимъ показаніемъ согласуется все, по дѣлу извѣстное о положеніи Н. Познанскаго въ семьѣ. Нигдѣ нѣтъ указанія, чтобъ онъ тяготился жизнью.

Изъ показаній всѣхъ домашнихъ выяснилось, что Николай имѣлъ особую комнату, въ которую прислуга не могла входить, пока ее не позовутъ. Вообще онъ въ домѣ пользовался извѣстною свободой и самостоятельностью. Въ его комнатѣ помѣщался шкапъ съ химическою лабораторіей, въ которой находились сильно дѣйствующіе неорганическіе яды, такъ какъ онъ въ свободное отъ занятій время занимался химіей и намѣревался изучать фотографію. По свидѣтельству отца Познанскаго, въ шкапу у Коли былъ даже синеродистый кали въ количествѣ одного фунта и разныя кислоты. При разслѣдованіи того, какимъ образомъ могъ появиться морфій въ пузырькѣ съ лѣкарствомъ іодистаго калія и потомъ во внутренностяхъ умершаго Н. Познанскаго, принимавшаго это лѣкарство, обнаруженъ былъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя свидѣтельствовали, что изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ покойнаго Николая, только одна личность къ событію смерти Николая становилась совершенно въ исключительное

положеніе. Обстоятельства эти, при разслѣдованіи, оказались такого свойства, что доказывали тѣсную причинную связь между дѣйствіями этой личности, появленіемъ морфія въ лѣкарствѣ и послѣдствіемъ этого явленія—смертью Н. Познанскаго. Личность эта—французская подданная Маргарита Александровна Жюжанъ. На основаніи этихъ обстоятельствъ, Маргарита Жюжанъ и привлечена къ слѣдствію по обвиненію въ умышленномъ отравленіи Н. Познанскаго. Но Жюжанъ, несмотря на эти обстоятельства, свою виновность вполнѣ отрицала какъ на первомъ допросѣ, такъ и въ теченіе всего производства предварительнаго слѣдствія. Обстоятельства же, указывающія на Маргариту Жюжанъ, какъ на виновницу смерти Н. Познанскаго, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Уже было выше указано, что 17-го апрѣля Н. Познанскій долженъ былъ принять лѣкарство послѣдній разъ передъ отходомъ ко сну. Послѣ смерти Николая, когда всѣ домашніе были заняты приготовленіемъ къ похоронамъ и разсужденіями о причинахъ внезапной смерти Николая, Маргарита Жюжанъ, продолжавшая свои обычныя посѣщенія семейства Познанскихъ и принимавшая участіе во всѣхъ событіяхъ ихъ жизни, между прочимъ разсказывала, что она 17-го апрѣля сама подавала покойному Колѣ принятое имъ въ послѣдній разъ лѣкарство и даже размѣшивала это лѣкарство спичкою. Это обстоятельство было подвергнуто тщательному изслѣдованію и обнаружено, что очевидца самой подачи лѣкарства чрезъ Жюжанъ не было, но время, въ которое эта подача могла произойти, опредѣляется точно и извѣстны обстоятельства, которыми сопровождался этотъ послѣдній пріемъ лѣкарства. 17-го апрѣля Жюжанъ, по обыкновенію, пришла къ Познанскимъ къ обѣду (около трехъ часовъ пополудни). Послѣ обѣда А. Ф. Познанская съ дочерью Надею уѣхала въ гости и вернулась домой уже около полуночи. М. Жюжанъ вышла вмѣстѣ съ Познанской, говоря, что поѣдетъ къ знакомому Коли, Обруцкому, и пригласитъ его и кого-нибудь изъ товарищей, чтобъ Колѣ не было скучно вечеромъ одному. Однако къ вечернему чаю Жюжанъ возвратилась къ Познанскимъ одна, и никто изъ товарищей Коли съ нею не пришелъ. Въ это время въ домѣ Познанскихъ находились только: полковникъ Познанскій, Коля, наня Руднева, кухарка Озелингъ и родственница няни Шульцъ, посѣщавшая по праздникамъ Рудневу и, какъ живущая на Петербургской сторонѣ, иногда ночевавшая у Познанскихъ. Раньше возвращенія Познанской вернулась изъ гостей служанка Яковлева. Изъ постороннихъ же лицъ въ этотъ вечеръ приходилъ къ Познанскимъ одинъ Пальшау, давнишній товарищъ Коли. Когда вечеромъ, около 8 часовъ, Пальшау позвонилъ къ Познанскимъ, то ему отворила двери Жюжанъ и тотчасъ же просила его не входить въ

комнату Коли, увѣряя Пальшау, что Колѣ можетъ быть вреденъ свѣжій воздухъ. При этомъ двери, ведущія въ комнату Николая, были заперты. Поэтому Пальшау прошелъ прямо въ спальню полковника Познанскаго, гдѣ тотъ лежалъ въ постели и читалъ. Вскорѣ въ эту же спальню пришли Коля и Жюжанъ и, разсѣвшись всѣ около отца Коли, вели бесѣду до ужина. За ужиномъ Жюжанъ почти не сидѣла за столомъ, а уходила неоднократно въ другія комнаты; Коля же, какъ не ужинавшій, ходилъ по столовой. Послѣ ужина опять всѣ пришли въ спальню Познанскаго. Жюжанъ же вошла въ спальню на одну минуту и опять удалилась. Черезъ нѣкоторое время вышелъ изъ спальни и Коля. Послѣ выхода Коли, Пальшау, простившись съ Познанскимъ, направился къ передней, при чемъ проходилъ чрезъ столовую и гостиную. Когда Пальшау былъ уже въ прихожей, то дверь въ комнату Коли была полуотворена. Изъ нея вышелъ Коля и въ прихожей сталъ прощаться съ Пальшау, а Маргарита Жюжанъ въ это время стояла у постели Коли и потомъ вышла тоже въ прихожую. Здѣсь Пальшау простился съ Колею. Коля просилъ Пальшау непремѣнно придти на другой день обѣдать, а когда Пальшау сталъ отказываться за недосугомъ, по случаю экзаменовъ, то Жюжанъ приняла сторону Пальшау и уговаривала Колю не настаивать на приглашеніи. Въ этотъ же вечеръ Жюжанъ нѣсколько разъ приходила въ кухню за водою, которую носила куда-то въ комнаты. Первый разъ она брала воду до вечерняго чая. Послѣ чая Жюжанъ опять носила нѣсколько разъ холодную воду изъ кухни въ комнаты. Вскорѣ послѣ этого она опять вошла въ кухню и потребовала отъ кухарки Познанскаго, Акулины Озелингъ, теплой воды, говоря, что вода эта нужна Колѣ для полосканья. Озелингъ носила Жюжанъ въ стаканѣ теплой воды, и Жюжанъ отправилась въ комнату Коли. Жюжанъ ушла въ этотъ вечеръ поздно, уже послѣ возвращенія служанки Степаниды Яковлевой и Познанской. Послѣдній разъ Озелингъ видѣла Жюжанъ въ кухнѣ передъ самымъ ея уходомъ, когда Познанская въ кухнѣ заказывала обѣдъ, что было уже послѣ полуночи. Жюжанъ зашла въ кухню и попросила у Яковлевой огарокъ свѣчи, чтобъ съ огнемъ спуститься по лѣстницѣ. Когда Познанская въ этотъ вечеръ возвратилась съ дочерью домой, что было въ началѣ перваго часа пополуночи, то Жюжанъ стояла съ Колею въ прихожей у двери комнаты Коли. Здѣсь Коля разсказалъ матери о посѣщеніи Пальшау, а потомъ какъ-то вскорѣ Жюжанъ просила Познанскую узнать, можетъ ли Коля пройти къ отцу, чтобъ сказать ему «покойной ночи». Повидавшись съ отцомъ, Коля ушелъ въ свою комнату, а Познанская, побывъ нѣкоторое время въ своей комнатѣ (т.-е. въ спальной), пришла въ кухню, чтобъ заказать кухаркѣ обѣдъ. Проходя прихо-

жую (чтобъ изъ внутреннихъ комнатъ пройти въ кухню, нужно пройти прихожую), Познанская Жюжанъ не видала, почему полагала, что она уже ушла домой, но вскорѣ Жюжанъ опять появилась въ кухнѣ и просила свѣчного огарка. Совершенно согласны съ этими свѣдѣніями о поведеніи Жюжанъ въ вечеръ 17-го апрѣля и показанія служанки Яковлевой. Вскорѣ послѣ ея, Яковлевой, прихода домой Жюжанъ приходила въ кухню за водою, потомъ Яковлева видѣла ее на порогѣ у дверей комнаты Коли и она же, Яковлева, давъ Жюжанъ огарокъ, заперла за нею дверь, что случилось тогда, когда Познанская заказывала обѣдъ въ кухнѣ. Такимъ образомъ устанавливается, что Маргарита Жюжанъ задолго до своего ухода 17-го апрѣля вечеромъ еще входила въ комнату Николая, была тамъ съ нимъ, носила изъ кухни холодную и теплую воду и когда брала теплую воду, то прямо объяснила, что беретъ ее для Коли. Между тѣмъ, когда на допросѣ обвиняемой Жюжанъ было предложено разсказать о своемъ пребываніи у Познанскихъ въ вечеръ 17-го апрѣля, то она объяснила: послѣ своего возвращенія отъ Обруцкаго она не входила въ комнату Коли весь вечеръ и только была въ ней уже послѣ ужина, тогда, когда Пальшау ушелъ и когда Коля, раздѣвшись, легъ въ постель и позвалъ ее, чтобъ она—какъ это не разъ бывало—дала свое благословеніе на ночь. Она весь вечеръ была со всѣми прочими или въ спальнѣ полковника Познанскаго, или въ столовой за ужиномъ. Только уже послѣ ужина, когда нѣкоторое время посидѣла опять въ спальнѣ, она вышла и направилась къ комнатѣ Коли. Вышла же она потому, что Николай сказалъ, что пора ему принять лѣкарство и вышелъ изъ спальни отца коридоромъ въ свою комнату. Пока она дошла до прихожей, Коля стоялъ уже на порогѣ своей комнаты съ пузырьками и ложкою. По просьбѣ Коли она здѣсь же, у порога, налила въ ложку іодистаго раствора калія, влила въ него пять капель желѣза, и Николай выпилъ лѣкарство, послѣ чего пополоскалъ себѣ ротъ теплою водою, которую немного ранѣе или въ моментъ пріема принесъ кто-то изъ прислуги—горничная или кухарка,—она, Жюжанъ, не помнитъ. Тотчасъ же вошелъ въ переднюю Пальшау, съ которымъ Коля простился. Потомъ, послѣ пріѣзда Познанской, Коля позвалъ ее, Жюжанъ, къ себѣ, когда уже лежалъ въ постели, и она, попрощавшись съ нимъ и взявъ у Яковлевой огарокъ, ушла домой.

2) Начиная съ того момента, какъ 15-го апрѣля докторъ Николаевъ прописалъ Н. Познанскому лѣкарство, Маргарита Жюжанъ не переставала, въ присутствіи всѣхъ домашнихъ и даже самого покойнаго Коли, приписывать ему опасное состояніе здоровья и высказывать возможность печальнаго исхода его болѣзни, по общему мнѣнію, совершенно пустой, и въ

дѣйствительности не представлявшей опасности. 15-го апрѣля, когда Николаевъ прописывалъ для Коли лѣкарство, Жюжанъ, узнавъ, что прописывается іодистый калій, стала говорить, что іодъ слишкомъ сильное средство и что у нихъ во Франціи въ такихъ случаяхъ іодъ внутрь не даютъ; потомъ она разсказала Колѣ и Надѣ, что ей извѣстенъ случай, какъ одинъ мальчикъ внезапно умеръ отъ припухлости лимфатическихъ железъ. Докторъ Николаевъ, слыша такой разсказъ Жюжанъ и зная мнительность Коли, счелъ своею обязанностью тотчасъ же подобный разсказъ опровергнуть. 17-го апрѣля, когда вечеромъ Жюжанъ, Коля и Пальшау сидѣли въ спальнѣ полковника Познанскаго, М. Жюжанъ стала разсказывать, что будто у Обруцкаго она видѣла лицеиста Руадзе, который ей сказалъ, что краснуха болѣзнь опасная, и что одинъ изъ знакомыхъ его проболѣлъ краснухой шесть недѣль и потомъ умеръ. Этотъ разсказъ взволновалъ Колю, и со стороны отца послѣдовалъ упрекъ Жюжанъ за такіе разсказы, послѣ того какъ врачъ подробно осматривалъ Колю и ничего серьезнаго въ его болѣзни не нашелъ. Допрошенный по этому поводу Руадзе совершенно не подтвердилъ сдѣланной на него М. Жюжанъ ссылки. По его свидѣтельству, Жюжанъ, 17-го апрѣля придя къ Обруцкому, сказала, что Коля боленъ и лежитъ въ постели; когда же онъ ее разспросилъ, чѣмъ Коля боленъ, и узналъ, что краснухой, то онъ, Руадзе, сказалъ ей, что эта болѣзнь никакой опасности не представляетъ. 17-го апрѣля, днемъ, Жюжанъ заходила къ родственницѣ Познанскихъ, Манеѳѣ Кумене, и стала ей говорить, что Н. Познанскій очень плохъ, что она боится даже, чтобъ онъ, Николай, не умеръ, и что, вѣроятно, у него вовсе не та болѣзнь, которую находитъ докторъ Николаевъ. Наконецъ, въ ночь на 18-е апрѣля, когда Жюжанъ, послѣ полуночи, уходила отъ Познанскихъ, то, взявъ огарокъ свѣчки у служанки Степаниды Яковлевой, сказала ей: «Колѣ худо»; но Яковлева даже не повѣрила этому, такъ какъ незадолго передъ этимъ видѣла Николая веселымъ и бодрымъ.

3) Въ первыхъ числахъ апрѣля (2-го или 3-го) въ семействѣ Познанскихъ произошелъ такой случай: во время отсутствія полковника Познанскаго по дѣламъ службы изъ города, послѣ обѣда, Жюжанъ попросила у Александры Францовны Познанской (Познанская куритъ) папироску и, закуривъ ее, сказала: «у васъ папиросы горькія, какъ хина». Познанская на это замѣчаніе Жюжанъ не обратила никакого вниманія и только удивилась ему, такъ какъ никакой горечи въ своихъ папиросахъ не ощущала. Но въ этотъ же вечеръ она, возвратясь съ прогулки домой, была встрѣчена Колей, который заявилъ ей, что его видимо желаетъ кто-то чѣмъ-то отравить, потому что, взявъ одну изъ своихъ папиросъ, отложенныхъ

14*

имъ въ ящикъ для куренія въ этотъ день, и закуривъ ее, онъ почувствовалъ сильную, необычайную горечь во рту, а въ мундштукѣ папиросы оказался бѣлый порошокъ. Коля передалъ матери еще три папиросы и въ каждой изъ нихъ тоже оказался подъ ватою бѣлый порошокъ. Коля очень волновался этимъ событіемъ и прямо сказалъ: «это могъ сдѣлать только тотъ, кто знаетъ хорошо мои привычки», а потомъ, обращаясь къ стоявшей здѣсь Жюжанъ, сказалъ: «это сдѣлала ты?». Жюжанъ стала завѣрять въ противномъ, говорила, что это вѣрно хина, но, потянувъ сама изъ папиросы, которую курилъ Коля, закричала, что отравлена. Потомъ она, Жюжанъ, первая подала мысль толковать это событіе *первоапрѣльскою шуткою* (poisson d'avril). Объ этомъ событіи Жюжанъ разсказывала Софьѣ Богдановичъ, въ домѣ которой давала уроки, но совершенно въ другомъ видѣ. 4-го апрѣля Жюжанъ, будучи у Богдановичъ на урокѣ, на замѣчаніе Богдановичъ, почему она такая блѣдная, отвѣтила, что у Познанскихъ сынъ ихъ, Николай, предложилъ ей закурить папиросу, отъ которой ей сдѣлалось дурно, такъ какъ ей въ ротъ попало что-то непріятное, и Жюжанъ полагаетъ, что Н. Познанскій потому далъ ей закурить папиросу, что думалъ, что не она ли, Маргарита, устроила ему эту апрѣльскую шутку (poisson d'avril). Познанская переданныя ей сыномъ четыре папиросы спрятала до пріѣзда мужа, который, осмотрѣвъ бывшій въ нихъ бѣлый порошокъ, призналъ его за морфій. Полковникъ Познанскій очень хорошо зналъ вкусъ морфія, такъ какъ уже нѣсколько лѣтъ каждый день, долженъ употреблять морфій въ значительномъ количествѣ. Это болѣзненное явленіе появилось у него вслѣдствіе излишняго подкожнаго впрыскиванія морфіемъ, которымъ полковникъ Познанскій лѣчилъ свой упорный ревматизмъ. Вслѣдствіе этого полковникъ Познанскій безъ морфія обойтись не можетъ. Воздержаніе отъ морфія вызываетъ у него болѣзненные припадки и потому у него всегда имѣется это вещество въ большомъ количествѣ. Банка съ морфіемъ всегда стоитъ въ комодѣ въ спальнѣ, но ящикъ комода не всегда бываетъ запертъ; былъ случай, именно въ первыхъ числахъ апрѣля, что банка была оставлена въ гостинной на этажеркѣ. Вслѣдствіе постояннаго употребленія морфія полковникомъ Познанскимъ, всѣ дѣти его были пріучены понимать значеніе этого яда, боялись даже прикасаться къ нему, а поэтому не такъ строго соблюдалась и предосторожность держать банку съ морфіемъ постоянно подъ замкомъ. Маргарита же Жюжанъ имѣла всегда свободный доступъ во всѣ комнаты Познанскихъ и притомъ какъ въ присутствіи членовъ семьи, такъ и въ ихъ отсутствіе. Полковникъ Познанскій обыкновенно употреблялъ солянокислый морфій (morfium muriaticum). Познанскіе велѣли уничтожить ука-

занныя начиненныя морфіемъ папиросы и о событіи этомъ позабыли. Но какъ покойный Николай, такъ равно и его мать, по вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, подозрѣвали, что все сдѣлала Жюжанъ, но, не допуская злого умысла, удовлетворились ея объясненіями, что значеніе этого событія—«первоапрѣльская шутка». Жюжанъ же почему-то черезъ нѣсколько дней послѣ событія съ папиросами стала говорить нянѣ Познанскихъ, Рудневой, слѣдующее: она, Жюжанъ, въ одномъ домѣ, гдѣ даетъ уроки, разсказала объ этомъ случаѣ (съ папиросами) и какой-то генералъ объяснилъ ей это событіе такъ: «Отецъ Н. Познанскаго служитъ въ жандармахъ, вѣроятно многихъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ арестовалъ, вотъ ему и мстятъ за это родственники сосланнаго или арестованнаго». Послѣ этого добавила: «Пожалуй они Колю когда-нибудь еще разъ отравятъ». На замѣчаніе Рудневой, что въ комнату Коли, кромѣ домашнихъ, никто не входитъ и что зачѣмъ сыну отвѣчать за отца, Жюжанъ ничего не отвѣчала.

4) Еще до начала предварительнаго слѣдствія нѣкоторые изъ родственниковъ Познанскихъ и близкихъ ихъ знакомыхъ, узнавъ о скоропостижной смерти Николая, основываясь на многихъ извѣстныхъ имъ фактахъ, не задумались высказать Познанскимъ подозрѣніе въ отравленіи покойнаго именно на М. Жюжанъ.

5) Слѣдствіемъ обнаружено весьма много обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ, что М. Жюжанъ состояла съ покойнымъ Н. Познанскимъ въ любовной связи, съ оттѣнкомъ извѣстнаго, особеннаго характера, происходящаго отъ разницы ихъ возрастовъ. Эти особенныя отношенія замѣчались всѣми знакомыми, родственниками Познанскихъ, товарищами Коли, подозрѣвались родителями, были извѣстны прислугѣ, но скрывались ею отъ господъ. Отношенія эти возникали постепенно и, развиваясь, принимали различные оттѣнки. Маргарита Жюжанъ лѣтъ пять уже какъ знакома съ Познанскими. Очень короткое время она жила у нихъ въ домѣ, а потомъ стала приходящею. Уроки давала собственно одной только Надѣ; съ поступленіемъ же Нади въ гимназію она, Жюжанъ, отказалась отъ платы и предложила, за столъ, сопровождать Надю въ гимназію и помогать въ ея гимназическихъ занятіяхъ по французскому языку. Отношенія Жюжанъ къ Колѣ приняли особый характеръ послѣ того, какъ ему минуло 14 лѣтъ. Тогда они, т.-е. Коля и Жюжанъ, начали говорить другъ другу «ты», часто цѣловались, искали уединенія. Въ началѣ 1876 года однажды Познанскій-отецъ случайно вошелъ въ темную комнату и засталъ, что сынъ его, Коля, лежитъ на диванѣ и около него сидитъ Жюжанъ. Шумъ, произведенный ими, показался отцу подозрительнымъ; онъ показался ему по-

хожимъ на то, какъ бы оправлялось женское платье или подергивалось одѣяло. На другой день отецъ просилъ сына подружески разсказать о происходившемъ наканунѣ и при этомъ сдѣлалъ ему соотвѣтствующее разъясненіе и предостереженіе. Коля, не желая лгать, далъ отцу уклончивый отвѣтъ. Послѣ этого, полковникъ Познанскій просилъ доктора Николаева, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, освидѣтельствовать Колю, что и было Николаевымъ исполнено. По осмотрѣ докторъ не нашелъ у Коли никакихъ видимыхъ слѣдовъ преждевременности развитія половыхъ органовъ. Отношенія Коли къ Жюжанъ между тѣмъ ничуть не измѣнились и развивались въ прежнемъ направленіи. М. Жюжанъ оставалась долго съ Колею въ его комнатѣ, особенно когда онъ ложился спать, и засиживалась у него до двухъ и до трехъ часовъ ночи. На 15-мъ году Коля очень быстро сталъ измѣняться. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ (съ 15-го до 17-го года) онъ изъ мальчика превратился въ рослаго, красиваго юношу. По мѣрѣ этого физическаго развитія съ нимъ произошла и нравственная перемѣна. Онъ сталъ прилежнѣе заниматься, полюбилъ чтеніе, музыку, пристрастился къ химіи. Отецъ, подозрѣвая всегда, что есть какое-то особенно вредное отношеніе Жюжанъ къ его сыну, старался воспользоваться этимъ быстрымъ развитіемъ сына и еще болѣе содѣйствовалъ этому нравственному развитію, полагая, что для того, чтобъ избавить его, Колю, отъ вліянія Жюжанъ, это представляетъ средство лучшее, нежели такая рѣзкая мѣра, какъ изгнаніе ея изъ дома. Вслѣдствіе этого полковникъ Познанскій подарилъ Колѣ химическую лабораторію, фотографическій аппаратъ, позволялъ Колѣ въ свободное время приглашать кружокъ его товарищей и посѣщать ихъ, а также посѣщать и нѣкоторые семейные дома, гдѣ были дѣвицы возраста его, Коли. Коля сталъ здоровѣе, бодрѣе и чаще прежняго началъ выходить изъ дома или приглашать къ себѣ гостей. Но съ проявленіемъ этого поворота въ жизни Н. Познанскаго стали появляться измѣненія въ его отношеніяхъ къ Жюжанъ. У нихъ стали возникать ссоры, сначала изрѣдка и въ менѣе рѣзкой формѣ, а потомъ все чаще и чаще и выражались со стороны Жюжанъ въ истерикахъ, иногда требовавшихъ даже призыва врача.

Вотъ что показываетъ сестра Коли, Надя, объ одной изъ такихъ ссоръ: «Еще зимою (въ мартѣ мѣсяцѣ, по показанію Рудневой) какъ-то вошла я съ братомъ Мишей въ комнату Коли, который сидѣлъ за столомъ своимъ и читалъ книгу. Маргарита Александровна сидѣла на кушеткѣ. Когда мы вошли, Коля намъ сказалъ, чтобы мы заняли Маргариту Александровну, такъ какъ она мѣшаетъ ему читать. Потомъ онъ просилъ, чтобъ и мы замолчали, а когда Жюжанъ стала ему доказывать, что вѣдь онъ самъ

насъ оставилъ, то Коля сказалъ Мишѣ: пойди къ мамѣ и попроси ее убрать изъ моей комнаты Маргариту. Тогда Жюжанъ подошла къ Колѣ, схватила его за ухо и сказала: подумай, что ты дѣлаешь! На это Коля схватилъ стулъ и сталъ гнать Жюжанъ изъ комнаты, а она дала Колѣ пощечину. Коля схватилъ лежащій на столѣ маленькій кинжалъ и закричалъ: «Уберите ее отъ грѣха!» На этотъ шумъ прибѣжали мама и няня Руднева. Познанская и Руднева этотъ фактъ подтвердили, пояснивъ, что тогда же Коля сказалъ: «Маргаритѣ не мѣсто въ нашемъ домѣ», и что въ этотъ разъ, какъ и въ другіе, Маргарита первая старалась помириться съ Колей. По свидѣтельству Алексѣя Познанскаго, въ этотъ періодъ времени въ отношеніяхъ Коли къ Жюжанъ ему, А. Познанскому, казалось, что Коля сталъ тяготиться своими отношеніями къ Маргаритѣ. Въ особенности эти раздраженія ея участились за нѣсколько мѣсяцевъ до Колиной смерти. Въ концѣ 1877 года и въ началѣ 1878 года Коля сталъ часто, по случаю участія въ любительскихъ спектакляхъ, бывать въ семействѣ Плющинскихъ, въ которомъ видимо заинтересовался 16-тилѣтнею дочерью Вѣрою Өедоровною, и у нѣкоторыхъ родственниковъ Плющинскихъ. Сестра Коли, учащаяся въ одной гимназіи съ Вѣрою Плющинскою, иногда передавала Колѣ отъ Плющинской касавшіяся предстоящихъ спектаклей записки и одинъ разъ письмо, а Вѣрѣ передавала отвѣты отъ Коли. Жюжанъ зорко слѣдила за новыми знакомыми Коли и однажды выманила у Нади, подъ какимъ-то предлогомъ, одну изъ такихъ записокъ и прочла. Вообще Жюжанъ въ это время стала добиваться бывать всегда на всѣхъ товарищескихъ пирушкахъ Коли. Она держала себя на этихъ пирушкахъ со всѣми молодыми людьми очень свободно. Эти товарищи и знакомые Коли были: Обруцкій, Анисимовъ, Соловьевъ, Кузнецовъ и Браунштейнъ. Есть указаніе, что Жюжанъ ревновала Колю всякій разъ, когда онъ только разговаривалъ съ какою-нибудь молодою дѣвицей. Изъ показанія Өедора Геккера видно, что въ это же время Жюжанъ вмѣшивалась въ отношенія Коли къ его товарищамъ, а это вмѣшательство, судя по сообщеннымъ фактамъ, было такого свойства, что могло поселить между ними, если не вражду, то взаимное нерасположеніе и недоразумѣніе. Къ этому же періоду, но въ началѣ его, относится и слѣдующее: однажды Коля, въ отсутствіи Маргариты за столомъ, получилъ письмо по городской почтѣ. Прочтя его, онъ улыбнулся, пожалъ плечами и сказалъ: «странно, не понимаю». Впослѣдствіи, Коля разсказалъ матери содержаніе этого письма: какой-то, подписавшійся буквою «С», извѣщалъ Колю, что М. Жюжанъ въ предстоящую ночь намѣрена лишить себя жизни посредствомъ отравы, что объ этомъ сообщается ему для принятія имъ мѣръ къ пре-

дупрежденію этого случая, что онъ, вѣроятно, и сдѣлаетъ, такъ какъ извѣстно, что онъ, Коля, интересуется Маргаритою Жюжанъ. На другой день, когда пришла Жюжанъ, съ ней была истерика. На вопросъ Познанскихъ, что можетъ означать полученная Колей анонимная записка, Жюжанъ отвѣчала, что это вздоръ, который, вѣроятно, написалъ академикъ (граверъ) Сѣриковъ, который, какъ ей извѣстно, пріѣхалъ на-дняхъ изъ Парижа въ Петербургъ. Изъ протокола осмотра бумагъ М. Жюжанъ видно, что къ ней писались письма на имя Маргариты Александровны Сѣряковой.

6) Описанная перемѣна въ образѣ жизни Н. Познанскаго и совмѣстное съ нею появленіе измѣненій въ отношеніяхъ его къ Жюжанъ относятся ко времени, предшествующему непосредственно апрѣлю 1878 года. Въ первыхъ числахъ апрѣля произошло событіе съ папиросами съ морфіемъ. Въ ночь на 18-е апрѣля, послѣдовала смерть Н. Познанскаго отъ отравленія морфіемъ. А въ промежутокъ между 3-мъ и 18-мъ апрѣля произошло еще слѣдующее обстоятельство: въ первой половинѣ апрѣля петербургскимъ градоначальникомъ передано на разсмотрѣніе начальника петербургскаго жандармскаго управленія анонимное письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ нѣкто Василій (Basil) извѣщалъ градоначальника, что образовался заговоръ подъ главенствомъ ученика гимназіи Николая Познанскаго при участіи трехъ студентовъ, изъ числа которыхъ одинъ баронъ Штейнбергъ и еще: Анисимовъ, Кузнецовъ, Соловьевъ, Браунштейнъ и Обруцкій, которые въ квартирѣ полковника Познанскаго, въ комнатѣ Николая, имѣютъ химическую лабораторію, въ которой уже три мѣсяца приготовляется ядъ для отравленія градоначальника и нѣкоторыхъ высочайшихъ особъ. Въ остальной части письма, и притомъ самой большой, излагается, что эти заговорщики дѣлаютъ сборище подъ предлогомъ играть спектакли, что Н. Познанскій, имѣя въ своей семьѣ большую свободу, возвращается домой поздно и пьяный и что этотъ несчастный, несмотря на свои 17 лѣтъ, имѣетъ уже трехъ любовницъ, изъ которыхъ послѣдняя—полька и притомъ нигилистка до крайней степени. Полковникъ Познанскій узналъ о существованіи этого письма 21-го апрѣля. Послѣ перваго обозрѣнія его, по почерку, а еще болѣе по содержанію, полковникъ Познанскій не усомнился, что авторомъ этого доноса только и можетъ быть Маргарита Жюжанъ. Полковникъ Познанскій показываетъ, что объ этомъ письмѣ ему было сообщено управляющимъ III-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи вслѣдствіе усмотрѣнной управляющимъ связи содержанія письма съ событіемъ скоропостижной смерти Н. Познанскаго. Письмо это было истребовано къ слѣдственному производству въ качествѣ ве-

щественнаго доказательства. Письмо это было вынуто изъ почтоваго ящика въ районѣ 4-го почтоваго городского отдѣленія, къ которому между прочимъ относится Владимірская улица (послѣдняя квартира Жюжанъ находилась на этой улицѣ, въ домѣ Фредерикса). По предъявленіи этого письма полковнику Познанскому онъ призналъ, что авторомъ письма могла быть только Жюжанъ и свои соображенія основывалъ на цѣломъ рядѣ данныхъ, совершенно согласныхъ съ вышеизложенными обстоятельствами дѣла. Главнѣйшія доказательства сводятся къ тому, что въ письмѣ, за исключеніемъ вымысла о заговорѣ, излагаются обстоятельства дѣйствительно такого рода, которыя могло знать исключительно лицо, стоящее къ жизни Коли въ столь близкихъ отношеніяхъ, какъ Маргарита Жюжанъ. Независимо отъ этихъ соображеній, означенное письмо подвергнуто было изслѣдованію черезъ экспертовъ, для сличенія дѣйствительнаго почерка Жюжанъ съ почеркомъ анонимнаго письма и для изслѣдованія нѣкоторыхъ предметовъ, относящихся къ словамъ и правописанію текста означеннаго письма. Экспертиза перваго рода привела къ результату: М. Жюжанъ было предложено написать гусинымъ перомъ нѣсколько французскихъ словъ (Son Excellence le General Trepoff) и по сличеніи этихъ словъ, разныхъ другихъ писемъ и бумагъ, писанныхъ несомнѣнно Жюжанъ, съ почеркомъ анонимнаго письма, всѣ три эксперта (граверъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ Миллеръ, граверъ той же экспедиціи Матернъ и учитель чистописанія Буевскій) единогласно заключили, что несомнѣнный почеркъ Маргариты Жюжанъ имѣетъ полное сходство съ почеркомъ анонимнаго письма. Экспертиза второго рода (учителя французскаго языка: Флери, Колья и Раши) высказала замѣчанія: слогъ письма неправильный, но въ немъ встрѣчаются совершенно французскія выраженія, при чемъ неправильные обороты рѣчи и грамматическія ошибки сдѣланы какъ бы умышленно. Умышленность ошибокъ явствуетъ изъ того, что слова трудныя написаны правильно, а обыкновенныя съ грубыми ошибками, какихъ не можетъ сдѣлать владѣющій въ такой степени языкомъ, какъ авторъ письма. Нѣкоторыя буквы (B, S, D, C) изображены такъ, какъ пишутъ ихъ обыкновенно природные французы. Въ анонимномъ письмѣ между прочими молодыми людьми упоминается «баронъ Штейнбергъ». Слѣдствіемъ обнаружено, что въ кружкѣ товарищей Коли никакого барона Штейнберга не было, а былъ баронъ Штемпель, котораго Жюжанъ лично почти не знала и котораго фамилію поэтому всегда называла неправильно, именно «баронъ Штейнбергъ», каковымъ именемъ обозначила его въ письмѣ.

7) При дальнѣйшемъ разслѣдованіи свидѣтельницы Руднева и Яковлева удостовѣрили, что имъ положительно было извѣстно о любовныхъ связяхъ

покойнаго Николая съ Жюжанъ, но что вначалѣ онѣ стѣснялись объ этомъ заявлять, такъ какъ все время скрывали объ этомъ отъ родителей Николая.

Обвиняемая Маргарита Жюжанъ, отрицая свою виновность, отрицаетъ и всѣ вышеизложенныя обстоятельства. Она продолжаетъ утверждать, что къ Н. Познанскому не питала никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ обыкновенной привязанности, свойственной наставницѣ; что не писала вышеизложеннаго анонимнаго письма и вообще оставляетъ безъ опроверженій всякое уличающее ее обстоятельство. Но зато въ теченіе производства предварительнаго слѣдствія, въ цѣломъ рядѣ писемъ, обращенныхъ на имя слѣдователя, или прокурора, или нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, она касается подробно предъявленнаго къ ней обвиненія. Излагаемыя ею въ такой формѣ объясненія къ дѣлу не содержатъ въ себѣ фактическихъ опроверженій и уличающихъ ее обстоятельствъ. Въ этихъ письмахъ приводятся совершенно голословно разныя противорѣчивыя между собою подозрѣнія: сначала намеки на возможность ошибки аптеки, потомъ намеки на то, что во время ея отсутствія Колю кто-то отравилъ, далѣе соображенія о возможности самоотравленія и уже къ концу слѣдствія она, Жюжанъ, заявляетъ прямое обвиненіе въ отравленіи Николая матерью его, Познанской, и дядею Алексѣемъ Познанскимъ. На требованіе указать доводы этого послѣдняго обвиненія Жюжанъ отвѣтила, что таковыхъ представить не можетъ и что въ началѣ слѣдствія она этихъ заявленій не дѣлала потому, что самое это подозрѣніе у нея созрѣло недавно.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ выше данныхъ, въ ихъ совокупности, французская подданная Маргарита Александровна Жюжанъ обвиняется въ томъ, что, возымѣвъ намѣреніе лишить жизни сына полковника Николая Игнатьевича Познанскаго, въ ночь на 18-е апрѣля 1878 года, подъ благовиднымъ предлогомъ подачи Н. Познанскому для пріема лѣкарства, дала ему выпить растворъ морфія въ такомъ количествѣ, которое причинило смерть означенному Н. Познанскому. Такое дѣяніе Жюжанъ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1453 статьею Улож. о наказ.

По прочтеніи обвинительнаго акта подсудимая на вопросъ о виновности отвѣтила отрицательно.

Затѣмъ предсѣдательствующій возбудилъ вопросъ о порядкѣ слушанія дѣла, такъ какъ въ немъ существуетъ рядъ свидѣтельскихъ показаній и другихъ данныхъ, которыя, касаясь по существу своему отношеній Н. Познанскаго къ Жюжанъ, являются несовмѣстимыми съ чувствомъ общественной нравственности и противорѣчатъ чести и цѣломудрію женщины.

Согласно съ заключеніемъ товарища прокурора, судъ постановилъ, на

основаніи 620 ст. уст. уг. судопр., допросъ девяти свидѣтелей произвести частью безусловно при закрытыхъ дверяхъ, частью въ смѣшанномъ порядкѣ. Защитникъ не возражалъ противъ порядка допроса свидѣтелей и лишь ходатайствовалъ о допросѣ новаго свидѣтеля Мягкова и о прочтеніи записокъ княгини Оболенской и жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степановой, у которыхъ подсудимая была въ гувернанткахъ. Ходатайства защиты были судомъ уважены.

На судебномъ слѣдствіи вполнѣ установленъ фактъ неестественной смерти Николая Познанскаго: причиной смерти было дѣйствіе на организмъ морфія. Это выяснилось изъ прочитанныхъ актовъ судебно-медицинскаго изслѣдованія и химическаго анализа внутренностей покойнаго. Правда, при вскрытіи трупа ни въ первый, ни во второй разъ не было обнаружено дѣйствія на организмъ морфія и была лишь усмотрѣна инфекція, т.-е. зараза яда безъ опредѣленія свойства и качества послѣдняго, но при послѣдующемъ химическомъ анализѣ внутренностей былъ найденъ въ нихъ морфій.

По поводу взятыхъ при первомъ вскрытіи докторомъ Николаевымъ внутренностей для химическаго изслѣдованія защитникомъ былъ предложенъ вопросъ Николаеву: были ли банки, содержащія внутренности, запечатаны? На это докторъ отвѣтилъ отрицательно, но добавилъ, что на слѣдующій же день утромъ банки эти были у него взяты полиціей.

Установленнымъ на судебномъ слѣдствіи является и то обстоятельство, что въ пузырькѣ съ ярлыкомъ «іодистый калій» найдена примѣсь морфія. При химическомъ изслѣдованіи жидкости въ указанномъ выше пузырькѣ найдено, что всего жидкости было 76 граммовъ (около шести ложекъ) и на это количество приходилось 0,881 грамма соляно-кислаго морфія. Химики, производившіе анализъ, пришли къ заключенію, что на каждую ложку, если взболтать жидкость, приходится три грана морфія. Съ послѣднимъ выводомъ эксперты, вызванные въ судъ, не согласились и заявили, что вычисленія произведены неправильно: по ихъ мнѣнію, на ложку взболтанной жидкости приходится лишь около трехъ грановъ. Впрочемъ, они добавили, что и этого количества достаточно для отравленія человѣка.

Далѣе на судебномъ слѣдствіи изслѣдуется, не было ли отравленіе случайнымъ, не имѣло ли здѣсь мѣсто самоотравленіе и, наконецъ, въ предположеніи, что предыдущія обстоятельства не подтвердятся, выясняется, дѣйствительно ли убійцей была М. Жюжанъ.

Изъ показаній *Игнатія Познанскаго*, отца Николая, видно, что Маргарита Жюжанъ въ августѣ 1873 года явилась къ нимъ по публикаціи, а передъ этимъ она жила у генеральши Пановой, рекомендовавшей ее съ лучшей стороны, и была приглашена приходящей гувернанткой къ двумъ

старшимъ дѣтямъ свидѣтеля. За все время было только два случая, когда Жюжанъ жила у Познанскихъ недѣли по двѣ, по три. Когда же дѣти поступили въ гимназію, Жюжанъ перестала заниматься съ ними и бывала въ домѣ Познанскихъ въ качествѣ гостьи.

Затѣмъ И. Познанскій, разсказавъ про болѣзни младшихъ дѣтей и про неосновательные слухи о томъ, что онъ попалъ на замѣчаніе начальства, переходитъ къ событіямъ 15-го апрѣля. Онъ разсказываетъ, что утромъ этого дня Маргарита Жюжанъ явилась ранѣе обыкновеннаго и, дождавшись выхода его изъ спальни, сказала: «Вотъ, все ваше вниманіе обращено на младшихъ дѣтей, а вы не видите, что старшій сынъ вашъ, Коля, очень боленъ: у него страшно распухли железы». Свидѣтель осмотрѣлъ сына, не нашелъ ничего особеннаго, но все-таки побранилъ его за молчаніе. Вечеромъ, когда пріѣхалъ докторъ Николаевъ, свидѣтель просилъ его осмотрѣть Колю; докторъ не нашелъ у него никакой серьезной болѣзни, позволилъ ему выходить, сколько угодно, но въ виду золотушнаго свойства болѣзни прописалъ ему два лѣкарства: одно—растворъ іодистаго калія, другое—яблочно-кислое желѣзо, пять капель котораго нужно было вливать на ложку перваго лѣкарства. Когда д-ръ Николаевъ прописывалъ лѣкарство, всѣ были въ комнатѣ, и было слышно, что Маргарита, разговаривая съ дѣтьми, стала увѣрять, что іодъ чрезвычайно опасенъ, что во Франціи его никогда не употребляютъ, что имъ можно отравиться и т. д.; при чемъ передавала также, что болѣзнь Коли опасна, и она знаетъ случай, какъ одинъ мальчикъ умеръ отъ такой болѣзни. Коля, услышавъ это, вспылилъ и заявилъ Маргаритѣ, что отъ этой болѣзни еще никто не умиралъ. Принимать лѣкарство Коля началъ со слѣдующаго дня.

Вечеромъ въ страстную субботу сынъ свидѣтеля отправился въ гимназическую церковь, участвовалъ въ процессіи и вернулся часа въ два ночи. Дома онъ засталъ еще гостей и никто не находилъ его нездоровымъ.

Утромъ на слѣдующій день свидѣтель замѣтилъ пятна на лицѣ сына, и д-ръ Николаевъ нашелъ, что это краснуха. Съ этого дня Маргарита вездѣ, гдѣ могла, заявляла роднымъ Познанскихъ и знакомымъ, что Николаевъ, вѣрно, плохой докторъ, что онъ не понимаетъ болѣзни Коли, что здѣсь оспа, корь или что-нибудь еще хуже. На первый же день праздника Маргарита зашла къ родственницѣ Познанскихъ, Кумме, разсказала объ опасномъ состояніи Коли и уговорила ее не ходить къ нимъ и не пускать своихъ дѣтей, такъ какъ они могутъ заразиться. На другой день свидѣтель заявилъ Кумме, что рѣшительно нѣтъ ничего опаснаго въ болѣзни Коли, и Кумме пріѣхала къ Познанскимъ. Когда ее увидѣла Маргарита, то сказала опять, что Николаевъ не понимаетъ болѣзни, что она кончится

какой-нибудь катастрофой и тутъ же произнесла: «вѣроятно, Коля умретъ». Дальше свидѣтель объяснилъ, что Николаевъ вторично осматривалъ Колю и сказалъ, что дня черезъ четыре онъ совершенно оправится.

Вечеромъ Жюжанъ ѣздила, по порученію Коли, пригласить къ нему товарищей, но вернулась одна и принялась хлопотать, чтобы Колѣ дали поѣсть. Ему подали двѣ котлеты, которыя онъ нашелъ невкусными, и приписалъ это только что принятому слабительному. Котлеты выбросили и поэтому свидѣтель не могъ провѣрить объясненіе Коли и открыть въ нихъ что-нибудь особенное, если оно и было. Свидѣтель думаетъ, что подавала Колѣ котлеты Жюжанъ. Наканунѣ смерти Коли Жюжанъ ужинала съ Познанскими, при чемъ нѣсколько разъ вставала изъ-за стола и ходила по направленію Колиной комнаты. Ушла она поздно, когда уже всѣ легли спать, и сказала провожавшей ее горничной, что Коля очень плохъ, тогда какъ матери о томъ ни слова не говорила. Свидѣтель думаетъ, что Жюжанъ дала Колѣ лѣкарство, когда онъ уже былъ въ постели, и, увидѣвъ, что галлюцинаціи дѣлаются настолько сильными, что онъ не можетъ воскреснуть, ушла. Когда послѣ смерти Коли было обнаружено отравленіе, д-ръ Николаевъ указалъ на Жюжанъ, какъ на виновницу. Свидѣтель также подозрѣвалъ ее, но указать на нее прямо не рѣшался, зная, что даже если судъ ее и оправдаетъ, ея карьера въ Россіи будетъ кончена.

Первое, что бросилось въ глаза Познанскому и навело на мысль объ отравленіи сына, это безпорядокъ, царившій въ комнатѣ Коли въ утро 18 апрѣля: столикъ, который покойный на ночь придвигалъ къ кровати съ графиномъ воды, папиросами, спичками и часами, былъ въ сторонѣ, графинъ стоялъ на комодѣ, гдѣ былъ разсыпанъ, видимо, нарочно зубной порошокъ; сапоги, противъ обыкновенія, не были выставлены за дверь и, наконецъ, въ комнатѣ не оказалось ложки, которой Коля принималъ лекарство, при провѣркѣ же ложекъ въ буфетѣ всѣ онѣ были налицо. Все это доказываетъ, что ложился спать покойный не при обыкновенныхъ условіяхъ.

Далѣе свидѣтель указываетъ на то, что во время приготовленія къ похоронамъ подсудимая была спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать, въ особенности, имѣя въ виду ея близкія отношенія къ покойному; такъ, утромъ въ день смерти Коли, когда Маргарита пришла къ Познанскимъ и жена свидѣтеля сообщила ей о смерти Коли, то она спокойно отвѣтила: «мнѣ уже извѣстно объ этомъ. Ахъ, какъ жаль. Я даже несла ему барбарисовыя конфеты». Впрочемъ, послѣ уже, во время похоронъ на кладбищѣ Жюжанъ сдѣлалось дурно. Свидѣтелю казалось страннымъ и то, что Маргарита разно объясняла причину смерти Коли: однимъ говорила, что онъ

умеръ отъ болѣзни, другимъ, что въ аптекѣ невѣрно отпустили лѣкарство, слѣдствіемъ чего и была смерть, наконецъ дочери свидѣтеля сдѣлала намекъ на самоотравленіе. Свидѣтель положительно отрицаетъ самоотравленіе Коли. Покойный любилъ жизнь, очень заботился о своемъ здоровьи (о чемъ есть даже замѣтка въ его дневникѣ). Да наконецъ еслибы онъ и захотѣлъ отравиться, то могъ бы употребить болѣе сильные яды, находившіеся въ его лабораторіи. Покойный, равно и подсудимая знали, что у свидѣтеля всегда имѣлся морфій, и иногда не запирался, но при желаніи имъ отравиться Колѣ незачѣмъ было примѣшивать его въ лѣкарство. Ошибки аптеки быть не могло, потому что Коля тогда умеръ бы раньше, такъ какъ онъ принялъ уже 6 ложекъ этого лѣкарства. Когда рѣшили произвести вскрытіе тѣла покойнаго, Жюжанъ казалась очень удивленной, что Познанскіе рѣшаются «потрошить» сына. Потомъ Познанскій разсказалъ, какъ онъ былъ приглашенъ въ III-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ ему предъявили доносъ отъ 8-го апрѣля на французскомъ языкѣ на имя петербургскаго градоначальника Трепова. Сначала свидѣтель по почерку не могъ узнать, что доносъ писала Жюжанъ, но когда онъ прочиталъ его, то у него не оставалось никакого сомнѣнія въ личности автора, такъ какъ въ доносѣ заключались такіе факты, совокупность которыхъ не была извѣстна никому за исключеніемъ Жюжанъ. Въ доносѣ покойный и его товарищи, такіе же молодые люди, какъ и онъ, обвинялись въ государственномъ преступленіи. Упоминалось, что покойный отвратительно ведетъ себя, является очень поздно домой, пьянствуетъ и, несмотря на свои 17 лѣтъ, имѣетъ уже трехъ любовницъ, изъ которыхъ одна полька.

Припоминая, сколько у покойнаго было знакомыхъ барышень и барынь, свидѣтель насчитываетъ трехъ, одна изъ которыхъ носитъ польскую фамилію.

Въ доносѣ далѣе говорилось, что молодежь собирается подъ предлогомъ любительскихъ спектаклей то у свидѣтеля, то у генеральши Боровской, то у ея жильца Гекера. Все это могла знать только одна Жюжанъ. Въ доносѣ также сказано, что его написалъ лакей, который присутствовалъ на одной изъ пирушекъ молодежи и могъ слышать все, что говорилось. По поводу этого обстоятельства свидѣтель объяснилъ слѣдующее: «когда была взята Плевна, молодые люди, въ числѣ которыхъ былъ и покойный, собрались праздновать это событіе у своего товарища Соловьева, а у него прислуживалъ лакей, разсказавшій потомъ, что молодежь подкутила, шумѣла. Подсудимая слышала разсказъ лакея, знала тѣхъ, кто бывалъ у Боровской, и предполагала, что тѣ же самые молодые люди были и на пи-

рушкѣ, гдѣ присутствовалъ лакей, а потому и назвала фамиліи нѣсколькихъ лицъ, которыхъ, однако, на пирушкѣ не было. Все это такіе факты, которые указываютъ, что другого автора доноса и быть не можетъ. И вотъ,—говоритъ свидѣтель,—я произнесъ имя Жюжанъ. Послѣ этого я болѣе критически отнесся ко всѣмъ прежнимъ отношеніямъ Жюжанъ къ моему сыну и припомнилъ малѣйшія обстоятельства; но разъ мнѣ позволено раздѣлить мое показаніе на двѣ половины, то я объ остальномъ скажу послѣ». Вторая половина показанія и была дана при закрытыхъ дверяхъ.

Въ прочитанномъ на судѣ доносѣ говорится, что товарищи Н. Познанскаго и онъ самъ замышляютъ противъ жизни Трепова и двухъ особъ Императорской фамиліи, что они въ химической лабораторіи Познанскаго готовятъ ядъ для этого и т. п. Писавшій доносъ клянется крестомъ, который носитъ съ самаго рожденія, что все, написанное имъ, правда; подписанъ доносъ однимъ именемъ «Basile».

На вопросъ предсѣдательствующаго свидѣтель разсказываетъ о странномъ случаѣ съ папиросами Коли. Въ это время свидѣтель былъ въ Москвѣ и узналъ обо всемъ послѣ отъ жены. А. Познанская сохранила до возвращенія мужа и отдала ему 4 папиросы, изъ которыхъ одна была курена. Въ нихъ подъ ватой былъ насыпанъ порошекъ—въ куренной свѣтло-желтоватаго цвѣта, а въ остальныхъ бѣлый. Коля не курилъ больше 4 папиросъ въ день и вынималъ ихъ съ вечера. Когда онъ закурилъ одну изъ этихъ папиросъ, то ощутилъ во рту сильную горечь, и вата выпала ему въ ротъ. Онъ сообщилъ объ этомъ Жюжанъ, которая сказала, что это хина. Коля заставилъ ее затянуться, она согласилась, не зная, что въ папиросѣ нѣтъ ваты, но когда нѣсколько порошинокъ попало ей въ ротъ, Маргарита подняла крикъ, что отравлена. Коля разсказалъ объ этомъ матери и отдалъ ей папиросы. Познанская просила Жюжанъ никому не разсказывать объ этой исторіи, но та не только не исполнила этой просьбы, но прибавляла къ разсказу объясненіе какого-то господина, что этимъ мстятъ Познанскому родственники тѣхъ, кому онъ по своей службѣ въ корпусѣ жандармовъ могъ сдѣлать непріятность. Еще какъ-то разъ подсудимая просила позволенія у жены свидѣтеля закурить одну изъ ея папиросъ, но едва успѣла взять въ ротъ папиросу, какъ начала плевать и говорила: «развѣ вы не чувствуете, какая горечь въ вашихъ папиросахъ?» Между тѣмъ А. Познанская курила папиросы и не замѣчала въ нихъ никакой горечи.

Наконецъ свидѣтель дѣлаетъ оцѣнку рѣзкихъ взглядовъ сына, высказанныхъ имъ въ его дневникѣ, и замѣчаетъ, что въ юности всякій же-

лаетъ быть философомъ, а Коля, кромѣ того, много читалъ и могъ гдѣ-нибудь вычитать и записать фразу о родителяхъ и женщинахъ, обратившую на себя вниманіе на слѣдствіи. Послѣднія строки въ дневникѣ свидѣтель зачеркнулъ.

Подсудимая Жюжанъ дала очень длинное объясненіе своихъ поступковъ. Говоритъ она скороговоркою и ломанымъ русскимъ языкомъ, такъ что предсѣдатель нѣсколько разъ спрашивалъ присяжныхъ засѣдателей, понимаютъ ли они ея рѣчь. Присяжные отвѣчали утвердительно. Жюжанъ отрицаетъ свою виновность и говоритъ, что всѣ Познанскіе очень добрые, что она любила Колю, какъ мать, а онъ ее, какъ сынъ; она слѣдила за нимъ, отклоняла отъ дурного. У Познанскихъ она чувствовала себя, какъ дома, но дѣти были распущены. «Жена въ клубѣ, мужъ на службѣ, а дѣти одни». Послѣ смерти Коли г-жа Познанская, взявъ микстуру, сказала: «какая дурная микстура, она его отравила и за это аптекарь пойдетъ въ Сибирь». Закончила подсудимая словами: «я его очень любила и онъ меня любилъ; я шесть мѣсяцевъ сижу, я не виновата и ничего не понимаю».

Свидѣтель д-ръ Гельтманъ былъ приглашенъ для первой помощи покойному. Онъ засталъ его еще теплымъ, но возвратить къ жизни покойнаго не удалось, несмотря на всѣ старанія. Свидѣтель присутствовалъ при вскрытіи и не видалъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить о причинѣ смерти.

Свидѣтельница Ткаченко присутствовала при вскрытіи и видѣла стклянку съ ярлыкомъ «іодистый калій». Д-ръ Николаевъ нашелъ, что это растворъ морфія, что подтвердилъ и пробовавшій жидкость Познанскій, какъ хорошо знающій вкусъ морфія.

Свидѣтельница Шульцъ показала, что ночевала у Познанскихъ въ ночь смерти Коли. Когда она, придя, хотѣла похристосоваться съ Колей, Жюжанъ ее остановила, говоря, что онъ боленъ. Спала свидѣтельница въ гостиной рядомъ съ комнатой Коли. Впросонкахъ, подъ утро свидѣтельница слышала шорохъ въ комнатѣ покойнаго. По поводу этого обстоятельства свидѣтельница на предварительномъ слѣдствіи показала, что слышала какъ будто чирканье спичкой, потомъ стукъ по столу чѣмъ-то твердымъ и, наконецъ, храпъ; когда ей указали на противорѣчіе ея показаній, Шульцъ объяснила, что теперь она забыла, а тогда показывала вѣрно.

Подсудимая замѣтила, что раньше Шульцъ говорила ей, что это, вѣрно, Коля дѣлалъ постель.

Свидѣтельница Шульцъ возразила, что никогда не говорила ничего

подобнаго. На вопросъ старшины присяжныхъ засѣдателей она показала, что въ комнатѣ покойнаго на ночь никто не оставался.

Спрошенный вновь *свидѣтель Познанскій* показалъ, что изслѣдовалъ комнату покойнаго и не нашелъ ни спичекъ, ни папиросъ. Поэтому онъ полагаетъ, что шумъ, принятый Шульцъ за чирканье спичкой, было движеніе рукой во время агоніи.

Свидѣтельница А. Познанская, мать покойнаго, относительно поступленія къ нимъ Жюжанъ показала тоже, что уже извѣстно изъ показаній ея мужа. Далѣе изъ разсказа свидѣтельницы видно, что Жюжанъ хорошо относилась къ дѣтямъ, они ее любили. Правда, сначала она не ладила съ Колей, не хотѣвшимъ учиться по-французски, но потомъ у нихъ пошло все хорошо, а еще позже—ужъ слишкомъ хорошо. Жюжанъ позволяла Колѣ называть ее Марго и говорить ей ты. Съ прошлой зимы у нихъ начались безконечныя ссоры и продолжались вплоть до смерти Коли. О случаѣ съ папиросами свидѣтельница думаетъ, что это хотя и мерзкая, но шутка. Послѣ вскрытія тѣла покойнаго Жюжанъ преслѣдовала свидѣтельницу тѣмъ, какъ она могла рѣшиться дать кромсать тѣло своего ребенка. Раньше Познанская, подобно мужу, боялась высказать подозрѣніе на Жюжанъ, но послѣ доноса не сомнѣвалась, что она убійца Коли. Затѣмъ свидѣтельница въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ объяснила близость Коли и Жюжанъ, и также неопредѣленно предположила, что причиной убійства была ревность. Познанская, хотя и видѣла дурное вліяніе Маргариты на сына, не рѣшалась отказать ей отъ дома, потому что боялась, какъ бы не вышло хуже: Жюжанъ заманивала бы Колю къ себѣ, тѣмъ болѣе, что ея послѣдняя квартира была на дорогѣ Коли въ гимназію, и онъ возвращался бы оттуда пьянымъ, какъ это разъ и случилось. Слѣдить за нимъ при такихъ условіяхъ было невозможно; другое дѣло дома.

Свидѣтельница Руднева, няня Познанскихъ, относительно исторіи съ папиросами показала, что Жюжанъ ей разсказывала, будто одинъ генералъ думаетъ, что какіе-нибудь враги отца Познанскаго изъ мести покушаются на жизнь сына, и она, Жюжанъ, увѣрена, что изъ домашнихъ этого никто не могъ сдѣлать.

Свидѣтельница Яковлева, горничная Познанскихъ, почти весь день 17-го апрѣля не была дома. Вернувшись въ 11 ч. вечера, она видѣла покойнаго и подсудимую разговаривающими въ дверяхъ комнаты покойнаго. Она же и заперла дверь за Жюжанъ, которая сказала ей, уходя, что Коля очень плохъ. На другое утро въ 9 часовъ, по приказанію Коли, свидѣтельница со стаканомъ кофе отправилась будить его. Войдя

въ комнату, она увидѣла, что покойный лежитъ головой не такъ, какъ слѣдуетъ. Она позвала его нѣсколько разъ по имени, но, не получая отвѣта, подошла поближе и увидала, что его ноги, высунувшіяся изъ-подъ одѣяла, были совсѣмъ черныя; испугавшись, Яковлева позвала Шульцъ, спавшую въ гостиной, потомъ прибѣжали няня и кухарка, а свидѣтельница сообщила о случившемся Познанской. Съ той сперва сдѣлалось дурно, потомъ, оправившись, она поспѣшила въ комнату сына, а свидѣтельницу послали за докторомъ. Яковлева подтвердила, что на столикѣ ничего не было и сапоги стояли не за дверью, какъ обыкновенно, а у кушетки; показала также, что постели покойному въ послѣдній разъ она не дѣлала.

Послѣ долгихъ и наводящихъ вопросовъ присяжныхъ засѣдателей свидѣтельница отвѣтила, что уходъ подсудимой наканунѣ смерти покойнаго могъ быть между 12 и 1 ч. ночи.

Свидѣтельница Озелингъ, кухарка Познанскихъ, разсказала, что 17-го апрѣля Жюжанъ нѣсколько разъ заходила въ кухню за холодной и теплой водой. Теплая, по ея словамъ, была нужна Колѣ для полосканья рта. Потомъ она приказывала разогрѣть котлеты для покойнаго. Свидѣтельница, поставивъ ихъ въ печку, ушла въ лавку и, вернувшись, не нашла ихъ тамъ. Кто вынулъ, она не знаетъ. Послѣ она видѣла ихъ въ растерзанномъ видѣ на посудѣ, принесенной со стола, и, кажется, отдала собакѣ.

Изъ показаній *д-ра Николаева* видно, что, когда обнаружено было отравленіе, возникъ вопросъ, какимъ образомъ оно произошло: было ли это самоотравленіе или ошибка аптеки или, наконецъ, умышленное отравленіе. Отвергая два первыя предположенія, свидѣтель останавливается на третьемъ и подозрѣваетъ, что отравительницей была Жюжанъ, находившаяся въ интимныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ: «а гдѣ есть любовь, есть и ревность».

Свидѣтельница Мангфа Кумме показала, что подсудимая Жюжанъ уговаривала ее не ходить къ Познанскимъ, потому что Коля серьезно боленъ. Но свидѣтельница хотѣла сама провѣрить и поѣхала къ нимъ. Коля вовсе не выглядѣлъ больнымъ, только лицо было нѣсколько красно. А придя на другой день, она застала его уже мертвымъ. Сестра свидѣтельницы разсказывала ей, что на губахъ покойнаго былъ бѣлый налетъ, а языкъ былъ высунутъ; на стклянкѣ съ микстурой тоже бѣлые потеки. Кумме говоритъ, что всѣ окружающіе знали близкія отношенія Коли и Жюжанъ. Жюжанъ держала себя слишкомъ вольно съ Колей: ее заставали полураздѣтой въ его комнатѣ и оставалась она у него часто за

полночь, когда всѣ въ домѣ уже спали. Коля говорилъ, что она къ нему пристаетъ и мѣшаетъ заниматься. Коля любилъ жизнь, былъ веселый мальчикъ и берегъ свое здоровье. Раньше онъ былъ полный, но за послѣдніе два года похудѣлъ. Свидѣтельницѣ казались странными отношенія Жюжанъ къ прислугѣ: она обо всѣхъ отзывалась нехорошо и даже подозрѣвала въ кражѣ; ладила съ одной только Рудневой, которой дѣлала подарки, и даже наканунѣ смерти Коли дала ей 10 руб. «на праздникъ», но Руднева удивилась и сказала, что она ихъ спрячетъ.

Передъ смертью мать Коли замѣтила, что у него нехорошіи глаза, но д-ръ Николаевъ успокоилъ ее, сказавъ, что Коля вообще страдаетъ расширеніемъ зрачковъ, и, естественно, что при сыпи эта болѣзнь глазъ усилилась. Жюжанъ тоже говорила, что у Коли дурное зрѣніе, такъ какъ онъ разъ ошибся въ цвѣтѣ ея платья, а другой разъ не замѣтилъ ея, когда она сидѣла у него въ комнатѣ. Подсудимая говорила свидѣтельницѣ, что она предчувствовала, что Коля умретъ; говорила также, что отравить его не могли, самъ онъ тоже не могъ отравиться, потому что любилъ жизнь, а въ лѣкарствѣ не могло быть ошибки, потому что она сама дала ему его, когда онъ лежалъ въ постели. Добавила она къ этому еще, что покойный крѣпко ее поцѣловалъ, какъ будто прощался. Она благословила его и сказала «спи съ миромъ».

Подсудимая объяснила, что у нея три раза пропадали деньги въ домѣ Познанскихъ и послѣдній разъ она отдала Рудневой спрятать только что полученные отъ кн. Оболенской десять рублей.

А. Ф. Познанская заявила, что вполнѣ довольна прислугою, которая живетъ у нея давно и никогда никакой пропажи она не замѣчала.

Свидѣтель А. Познанскій, дядя покойнаго, рисуетъ Колю съ самой хорошей стороны. Онъ былъ умный, развитой мальчикъ, много читалъ, въ полѣднее время пристрастился къ занятіямъ химіей. Отношенія его къ родителямъ не оставляли желать ничего лучшаго. Впрочемъ, въ то же время Коля былъ скрытенъ и какъ-то разъ не отвѣтилъ отцу откровенно, когда тотъ спрашивалъ объ его отношеніяхъ къ Жюжанъ. Познанскіе совсѣмъ не наказывали своихъ дѣтей и ограничивались лишь однимъ добрымъ совѣтомъ. Коля пользовался полною свободой, знакомился, съ кѣмъ хотѣлъ, и читалъ, что ему нравилось. Свидѣтель видѣлъ Колю, когда тотъ вернулся отъ заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе, и не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго признака болѣзни, такъ что, когда на третій день праздника онъ узналъ о смерти Коли, то сперва не повѣрилъ. Послѣ вскрытія явилось подозрѣніе, что Коля отравленъ. О самоотравленіи не могло быть рѣчи: Коля слишкомъ дорожилъ жизнью и очень заботливо

относился къ своему здоровью: такъ, узнавъ, что вредно курить, уменьшилъ дозу куренія; узнавъ, что вредно ужинать, совсѣмъ не ужиналъ. Когда явилось подозрѣніе, что покойный отравленъ, всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что виновница этого Жюжанъ, но первое время это подозрѣніе не было сильно; оно утвердилось, главнымъ образомъ, послѣ того, какъ свидѣтель узналъ о доносѣ и объ исторіи съ папиросами. Онъ былъ убѣжденъ, что покушеніе на отравленіе папиросами, потомъ доносъ и, наконецъ, отравленіе морфіемъ—дѣло однѣхъ рукъ. Чтобы окончательно убѣдиться въ виновности Жюжанъ, свидѣтель сталъ за ней слѣдить. За ужиномъ въ день вскрытія Жюжанъ была спокойна, ѣла съ большимъ аппетитомъ, весело разговаривала, такъ что ея умѣніе владѣть собой было поразительно; трудно было предположить подобное самообладаніе въ женщинѣ, и свидѣтель высказалъ мнѣніе, что нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ виновности Жюжанъ. На другой день на похоронахъ Жюжанъ плакала, но свидѣтелю казалось, что она плакала, какъ хорошій актеръ, а не дѣйствительно огорченный человѣкъ. Когда кончилась панихида, она упала въ обморокъ, или съ ней былъ нервный припадокъ, который могъ быть вызванъ, по мнѣнію видѣтеля, какимъ нибудь и постороннимъ потрясеніемъ.

Въ концѣ концовъ, всѣ наблюденія свидѣтеля привели его къ заключенію, что Жюжанъ виновна; онъ посовѣтовалъ брату передать дѣло судебной власти, и самъ на предварительномъ слѣдствіи высказалъ прямое обвиненіе противъ Жюжанъ.

Свидѣтель Пальшау былъ у Познанскихъ на второй день Пасхи. Маргарита доказывала при немъ, что болѣзнь Коли опасна. Во время ужина она выходила нѣсколько разъ, но свидѣтель не знаетъ—куда. Покойный былъ веселаго характера, никогда не говорилъ о самоубійствѣ.

Свидѣтель Даниловъ считаетъ Жюжанъ вполнѣ способной отравить и не одного Николая, если бы ей это было нужно. Онъ смотритъ на нее, какъ на дурную женщину, и удивляется г-жѣ Познанской, которая не прогнала ее изъ дома, зная, что она имѣетъ дурное вліяніе на Колю, который два раза возвращался отъ нея пьянымъ. Свидѣтель увѣренъ, что отравила, именно, она морфіемъ, который употреблялъ полковникъ и часто оставлялъ баночку съ нимъ на столѣ. О Н. Познанскомъ свидѣтель сказалъ, что онъ выглядѣлъ жизнерадостнымъ, заботился о здоровьи, хотя, по мнѣнію свидѣтеля, пользовался слишкомъ большою свободой. Его интимныя отношенія къ Жюжанъ не были тайной. Пальшау и нѣкоторые изъ другихъ свидѣтелей называли Жюжанъ Маргаритой, но она просила называть ее Маргаритой Александровной, какъ они это дѣлали раньше

Свидѣтельница Юлія Кумме показала, что ее еще съ начала 1876 года поразили отношенія воспитательницы Жюжанъ къ ея воспитаннику. Одинъ разъ она услышала въ комнатѣ Коли грубыя, рѣзкія слова. Кумме вошла туда со словами: «Что съ тобой, Коля?» На это онъ сказалъ: «Если я имѣю непріятности съ матерью, то это черезъ нее», и указалъ на Жюжанъ. Вообще Жюжанъ странно относилась къ Колѣ, мѣшала ему заниматься, приставала къ нему всячески. Противъ этого послѣдняго заявленія подсудимая энергично протестуетъ.

Свидѣтельница Надежда Познанская, сестра покойнаго, подтвердила свои показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи и занесенныя въ обвинительный актъ. Эти показанія, между прочимъ, касаются выманиваній Маргаритой Жюжанъ у свидѣтельницы писемъ Плющинской къ Н. Познанскому. Выдержки одного изъ писемъ Плющинской и отвѣта на него отъ Н. Познанскаго были прочитаны на судѣ.

Въ началѣ письма, писаннаго, очевидно, въ отвѣтъ на письмо Николая, Плющинская указываетъ на то, что ей не нравятся намеки на нѣкоторыхъ знакомыхъ, а потомъ она продолжаетъ: «А знаете, на свѣтѣ много злыхъ языковъ; кто-нибудь изъ нашего кружка можетъ услышать ваши двусмысленныя фразы и изъ мухи сотворить слона. Неужели вы были бы рады услышать обо мнѣ отъ кого-нибудь глупую легенду, принимаемую за правду? Неужели вы такъ мало меня уважаете и такъ мало цѣните мое достоинство? Впрочемъ, говорите, что хотите, совѣсть меня ни въ чемъ не упрекнетъ; *я* сама себя уважаю въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ данномъ; поэтому мнѣ безразлично, что бы обо мнѣ ни говорили, такъ какъ я дорожу общественнымъ мнѣніемъ только далеко *не* для себя. Потомъ вотъ еще что: не знаю, шутите вы или нѣтъ, только къ чему это постоянное упрашиваніе полюбить васъ? Вы знаете,—насильно милъ не будешь и «отечества для сердца нѣтъ». Я вамъ сказала разъ навсегда, что люблю васъ, какъ добраго и хорошаго юношу, но иначе любить не буду никогда; чѣмъ же я виновата, если это васъ не удовлетворяетъ? А если вы будете ко мнѣ приставать съ притворными комплиментами, съ чувствами не существующими или съ просьбою о любви, которой я не могу вамъ дать,—я васъ разлюблю. Будьте паинькой и если хотите мнѣ нравиться, то будьте всегда такимъ, какъ были какъ-то у насъ, помните: вы къ намъ пришли разъ въ субботу, у насъ никого не было и мы съ вами болтали, занимались математикою и геометріей. Будьте такимъ, какъ тогда, и я всегда буду любить васъ».

Въ отвѣтъ на это Познанскій писалъ: «Я крайне и крайне, Вѣра Ѳедоровна, удивленъ вашимъ письмомъ, или, лучше сказать, вашимъ по-

ступкомъ. Да развѣ можно принимать такъ близко къ сердцу простую шутку! Эти упреки не заслужены. Вы только подумайте, за что мнѣ вредить вамъ, вамъ, которую я люблю и уважаю? Не пугайтесь, пожалуйста, при этомъ «я люблю»: моя любовь къ вамъ самая чистая, любовь дружеская, братская. Отъ васъ мнѣ нечего ждать такой любви и потому, если бъ серьезно искалъ ее, не погладилъ бы себя по головкѣ; постоянное же упрашиванiе полюбить меня (да еще упрашиванiе производится при свидѣтеляхъ), конечно, тоже шутка. Вы меня любите, какъ «добраго и прекраснаго юношу», ну и прекрасно; прибавлю еще: если бъ я васъ любилъ иначе, то мои намеки высказывали бы ревность, а ревновать, да еще открыто, крайне глупо. Если же я васъ не люблю (любовью, которую будто прошу у васъ), а выпрашиваю взаимности, то какъ назвать подобный поступокъ? Я надѣюсь, что не такъ низко стою въ вашемъ мнѣнiи. Любить (иначе) я не могу, да и не хочу никого, а къ вамъ, какъ сказалъ выше, питаю любовь друга и брата. Надѣюсь, что такая любовь еще святѣе, чѣмъ любить иначе, и думаю, что за такую любовь вы не можете претендовать на меня. Извольте, я буду паинькой, *но безъ всякихъ условій*, и о любви съ моего языка не сорвется ни единое слово. Будьте спокойны. Съ надеждою, что все будетъ забыто, остаюсь вашимъ (если вамъ угодно) Н. Познанскимъ».

Свидѣтельница Плющинская показала, что вообще мало знаетъ характеръ Н. Познанскаго, но скучнымъ, задумчивымъ въ послѣднее время она его не видала. Жюжанъ она видѣла всего одинъ разъ.

Свидѣтель Обруцкій, товарищъ Николая, показываетъ, что зналъ отъ него самого о его близкихъ отношенiяхъ къ Жюжанъ. Она же постоянно разсказывала при свидѣтелѣ о порокахъ и дурныхъ качествахъ Коли, которому это, видимо, было непрiятно. Свидѣтель думаетъ, что дѣлала это подсудимая для того, чтобъ подѣйствовать на самолюбiе Коли и исправить его. И вотъ въ своемъ письмѣ къ ней (прочитанномъ на судебномъ засѣданiи) Обруцкій фразой «какъ обращается съ вами Коля, и такой ли онъ грубый, какъ и раньше?» спрашиваетъ, перемѣнился ли Коля въ глазахъ Жюжанъ. Далѣе свидѣтель показалъ, что замѣчалъ проявленiе ревности въ Жюжанъ: она всегда дурно говорила о барышняхъ, съ которыми былъ знакомъ Коля. На вечеринкахъ Жюжанъ держала себя не такъ, какъ слѣдуетъ женщинѣ: взвизгивала вмѣсто смѣха и позволяла себѣ другія подобныя вещи. Далѣе, на вопросъ защиты, Обруцкій показалъ, что слышалъ отъ Жюжанъ о какомъ-то господинѣ, будто бы изъ III-го отдѣленiя, который, придя къ Познанскому, вошелъ въ комнату Коли и, по выраженiю свидѣтеля, осматривалъ тамъ всѣ углы.

Это обстоятельство разъяснилъ полк. Познанскій: господинъ, пріѣхавшій къ нему по дѣлу, былъ секретарь шефа жандармовъ Сиверцовъ, котораго онъ хорошо знаетъ. Въ ту минуту Познанскій не могъ принять Сиверцова, и тотъ пожелалъ оставить записку, для чего жена свидѣтеля провела его въ комнату Коли, такъ какъ въ гостиной кто-то спалъ. На столѣ Коли не оказалось пера или чернилъ и, пока Познанская ходила за ними въ кабинетъ свидѣтеля, Сиверцовъ, вѣроятно, отъ нечего дѣлать, разсматривалъ вещи, лежащія на столѣ Коли. Впослѣдствіи Познанская, кажется, при Жюжанъ замѣтила сыну: «вотъ какъ ты все держишь у себя на столѣ, пришелъ посторонній человѣкъ и разсматривалъ все». Никто изъ постороннихъ больше никогда не входилъ въ комнату Коли. Можетъ быть, Жюжанъ приняла Сиверцова за агента.

Свидѣтель Бергеръ, съ дѣтства пріятель покойнаго, хорошо его знающій, не допускаетъ мысли о самоубійствѣ Коли, который даже не любилъ слушать разсказовъ о самоубійцахъ и рѣзко о нихъ отзывался. Свидѣтель былъ у Николая на первый день праздника вмѣстѣ съ Браунштейномъ. Коля въ это время долженъ былъ принять лѣкарство и просилъ кого-нибудь аккуратно накапать. Взялся свидѣтель и нечаянно вмѣсто 5 накапалъ 6 капель. Покойный испугался, вылилъ лѣкарство и вымылъ ложку, послѣ чего Бергеръ налилъ уже безъ ошибки. Около 11 час. вечера Жюжанъ замѣтила имъ, что пора уходить, такъ какъ Коля боленъ, и они ушли. На третій день Бергеръ опять пришелъ къ Познанскимъ и былъ пораженъ смертью Коли. Подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго пошелъ онъ домой и на дорогѣ встрѣтилъ Жюжанъ. Зная ея близкія отношенія къ покойному, Бергеръ сперва не рѣшился сообщить ей о его смерти, но потомъ передумалъ, догналъ ее и разсказалъ. «C'est vrai?» спросила она, и начала охать и шататься, такъ что свидѣтель довезъ ее на извозчикѣ. На собраніяхъ товарищей Бергеръ бывалъ и знаетъ барона Штемпеля, но баронъ Штейнбергъ ему совершенно неизвѣстенъ. Жюжанъ присутствовала на собраніяхъ, держала себя очень вольно, были даже такія непристойности, о которыхъ свидѣтель не рѣшается говорить.

Подсудимая протестуетъ, говоря, что Бергеръ бывалъ всегда пьянъ и потому ничего не помнитъ.

На собраніяхъ, продолжаетъ свидѣтель, за ужиномъ всѣ пили, но пьяны не были, только одинъ разъ Коля у себя дома былъ очень пьянъ.

Свидѣтели Руадзе, *Кузнецовъ*, *Анисимовъ* и *Браунштейнъ*, товарищи покойнаго, знали объ интимныхъ отношеніяхъ Коли и Жюжанъ. Руадзе слышалъ отъ Жюжанъ такіе безцеремонные разговоры по отно-

шенію къ Колѣ, что не могло быть сомнѣнія въ ихъ близости. Николай никогда не жаловался на пресыщеніе жизнью и былъ веселаго характера. Жюжанъ бывала на собраніяхъ, держала себя слишкомъ свободно, цѣловалась съ Колей, а онъ относился къ ней холодно. Между Анисимовымъ и покойнымъ была разъ ссора изъ-за не во́-время отданнаго Николаемъ долга. Жюжанъ во время ихъ размолвки говорила Анисимову, что Коля такъ скупъ, что не отдаетъ даже проигрыша. Но потомъ товарищи объяснились и ссора кончилась. Анисимовъ слышалъ, что Жюжанъ называла Штейнбергомъ Штемпеля, котораго свидѣтель видѣлъ разъ на вечеринкѣ у Познанскихъ. У Соловьева свидѣтель не бывалъ.

Свидѣтель Соловьевъ, тоже товарищъ Николая, показалъ, что покойный былъ веселаго нрава, не тяготился жизнью и очень боялся смерти. У свидѣтеля была вечеринка послѣ взятія Плевны. Штемпеля на ней не было. Прислуживалъ имъ лакей малороссъ, не знавшій не только французскаго языка, но даже не умѣвшій писать по-русски. Жюжанъ иногда бывала на вечеринкахъ. Обращеніе ея съ молодежью было очень свободно, она даже просила снимать сюртуки, если они стѣсняютъ. О своихъ отношеніяхъ къ Жюжанъ Коля выразился, идя съ свидѣтелемъ изъ гимназіи, неприличнымъ словомъ, которое показало, «что отношенія ихъ были даже очень близки». Слово это свидѣтель понимаетъ, какъ выражающее отвращеніе и близкую связь.

По предложенію суда, не желавшаго закрывать двери засѣданія на нѣсколько минутъ, Соловьевъ написалъ на бумагѣ фразу, сказанную покойнымъ по отношенію къ Жюжанъ; написанное было предъявлено сторонамъ и присяжнымъ засѣдателямъ.

Свидѣтель Уструговъ показалъ, что оставался съ дѣтьми Познанскихъ, когда они сами уѣзжали за границу. Жюжанъ приходила каждый день и запиралась съ Колей въ его комнатѣ. Ихъ отношенія бросались въ глаза, но онъ не посмѣлъ сказать объ этомъ родителямъ.

Свидѣтель Мягковъ въ теченіе 4 лѣтъ встрѣчалъ Жюжанъ у кн. Оболенской. Онъ отъ всѣхъ слышалъ всегда самые лестные отзывы о подсудимой и самъ о ней такого же мнѣнія; она была очень хорошей воспитательницей и дѣти любили ее.

Свидѣтельницы Зимина и Кожуховская, квартирныя хозяйки подсудимой, показали, что она жила всегда тихо и скромно, и у нея, кромѣ дѣтей Познанскихъ, никто не бывалъ.

Подсудимая горько плачетъ во время разсказа Кожуховской.

Свидѣтельница Казанская служила горничной у Сѣряковой, гдѣ тогда жила Жюжанъ, какъ хозяйка дома. Потомъ Казанская вышла за-

мужъ, но продолжала навѣщать Жюжанъ. Въ это время за комнату, гдѣ жила Жюжанъ, платилъ уже нѣкто Барановскій, съ нимъ же она уѣзжала на нѣкоторое время въ Лугу. Потомъ свидѣтельница припомнила слѣдующій случай. Разъ какъ-то она пришла съ мужемъ въ гости къ Жюжанъ. Мужъ ея скоро ушелъ, а она выпила и прилегла на постель подсудимой. Лежа на постели, она услыхала мужской голосъ; говорилъ кто-то по-французски. Вслѣдъ за этимъ въ комнату вошла Жюжанъ и сказала свидѣтельницѣ: «Таня, ты мнѣ помѣшала». Потомъ прибавила, что это былъ Коля Познанскій, котораго она такъ любитъ, что не можетъ жить безъ него.

Врачи-эксперты *Манассеинъ*, *Бурцевъ* и *Горскій*, кромѣ уже вышеизложеннаго, на вопросъ защиты, какъ скоро могла наступить смерть отъ пріема морфія въ количествѣ около трехъ грановъ, заявили, что отвѣтить на этотъ вопросъ крайне трудно, такъ какъ это зависитъ отъ весьма многихъ условій.

Эксперты почерка *Мюллеръ*, *Матернъ* и *Буевскій* единогласно заявили, что почеркъ руки Жюжанъ имѣетъ большое сходство по привычкамъ, которыя ею употребляются при письмѣ, съ почеркомъ, которымъ написанъ доносъ. Несмотря на разностороннія вопросы со стороны защиты, эксперты остались при своемъ мнѣніи.

Эксперты относительно стиля *Флёри*, *Колье* и *Ранси*, учителя французскаго языка, подтвердили свое заключеніе, данное ими на предварительномъ слѣдствіи и занесенное въ обвинительный актъ.

Послѣ допроса свидѣтелей и заключеній экспертовъ тов. прокурора просилъ прочитать письма, адресованныя на имя прокурора и судебнаго слѣдователя и присланныя изъ дома предварительнаго заключенія отъ Жюжанъ. Какъ видно изъ обвинительнаго акта, въ письмахъ подсудимая давала тѣ или другія объясненія относительно своей виновности. Въ виду того, что эти документы составляютъ показаніе подсудимой, спрошено было ея согласіе на прочтеніе ихъ; Жюжанъ чрезъ своего защитника заявила, что не даетъ своего согласія на чтеніе этихъ бумагъ. Такимъ образомъ документы остались не прочтенными.

Потомъ прочитаны паспортъ Жюжанъ и свидѣтельство о способностяхъ ея быть учительницею или помощницею учительницы.

Далѣе прочитаны три письма покойнаго Н. Познанскаго къ Вѣрѣ Плющинской, въ которыхъ рѣчь идетъ о спектакляхъ и репетиціяхъ къ нимъ.

Затѣмъ прочитано сообщеніе прокурора судебной палаты, въ которомъ говорится, что лица, на которыхъ указывается въ доносѣ, оказались людьми, не заподозрѣнными ни въ чемъ.

Въ письмахъ княгини Оболенской и г-жи Степановой къ подсудимой выражается соболѣзнованіе о ея участи и надежда на то, что Богъ не оставитъ ее въ несчастіи и смоетъ черное пятно, наложенное на нее.

Самымъ интереснымъ документомъ является дневникъ Н. Познанскаго, изъ котораго прочитаны были слѣдующія мѣста:

«Обо мнѣ одна барышня получила нехорошее мнѣніе, считая меня за фата», и потомъ приводится разговоръ о томъ, что разумѣетъ эта особа подъ этимъ словомъ, а далѣе значится: «я дѣйствительно о себѣ много думаю, пекусь о своемъ здоровьи и развитіи умственномъ».

«Ложь не должна быть допускаема, щедрость тоже, пылкость тоже».

«Я разочарованъ. Смѣшно говорить о разочарованіи въ мои годы. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше узнаешь, чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше видишь, что многія мысли не осуществимы, что нѣтъ никогда и ни въ чемъ порядка».

«Долженъ ли я упрекнуть себя въ чемъ-либо? Много бы я отвѣтилъ на этотъ вопросъ, если бы не боялся, что тетрадь попадется въ руки отцу или кому-нибудь другому и онъ узнаетъ преждевременно тайны моей жизни съ 14-ти лѣтъ. Много перемѣнъ, много разочарованій, многія дурныя качества появились во мнѣ. Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе, движеніе крови повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что при воспоминаніи ихъ холодный потъ выступаетъ у меня на лбу. Я понялъ свою доброту, доведенную до глупости. Мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій ближнихъ, повидимому, окаменѣло, и хотя я иногда страдаю очень и очень сильно, но не легко замѣтить это. Изъ природнаго флегматизма развилось искусственное хладнокровіе. Сила воли выработалась изъ упрямства, спасшаго меня, когда я стоялъ на краю погибели; я сталъ атеистомъ, на половину либералъ. Дорого бы я далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство. Но это уже поздно и невозможно. Много такихъ взглядовъ получилъ я, что я врагу своему не желаю додуматься до этого: таковъ, напримѣръ, взглядъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ. Насколько возможно стараюсь не имѣть кумировъ, но кумиръ нашелся. Мой кумиръ — я самъ, себя я люблю, о себѣ пекусь такъ, какъ дай Богъ всякой матери заниматься своими дѣтьми».

«Меня кормятъ, одѣваютъ и проч., но все это мнѣ въ тягость. Мнѣ хочется какъ можно скорѣе проживать мои средства, а не отца. Работы, работы! Конечно, отецъ не позволитъ, чтобъ я вносилъ свою лепту на нашу семейную жизнь: «тебя не попрекаютъ», сказалъ онъ мнѣ однажды. Правда, я буду жить, я буду работать и авось эта работа поможетъ мнѣ отплатить родителямъ добромъ за ихъ заботы обо мнѣ въ

молодости и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ. Но еще долго остается тереть лямку, два съ половиною года гимназіи, а потомъ пять лѣтъ академіи, а мнѣ осталось жить только лѣтъ десять».

«Свѣтло ли мое будущее? Недовольный существующимъ порядкомъ вещей, недовольный типами человѣчества, я наврядъ ли найду человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ, и придется проводить жизнь одному. А тяжела жизнь въ одиночествѣ; тяжело, когда тебя не понимаютъ, не цѣнятъ». «Вся надежда на медицину и музыку. Съ помощью ихъ я могу прославиться. Но на это надо и геніальность, и шарлатанство, и долгую жизнь съ крѣпкимъ здоровьемъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ пары рукъ и головы, мнѣ придется въ трудахъ пробивать дорогу и дѣлать свою карьеру. Авось, однако, мнѣ въ этомъ помогутъ самолюбіе и настойчивость». «Во всякомъ случаѣ, не скоро доживу до того времени, когда моя слава будетъ гремѣть».

«Недавно я получилъ отъ В. М. письмо, въ которомъ 1) упрекаетъ меня за разные глупѣйшіе намеки на какіе-то ея отношенія къ Ѳ. И.; 2) не можетъ понять моихъ ухаживаній — серьезно ли это или нѣтъ и т. д. И письмо и мой отвѣтъ сохранены. Въ субботу, 18-го марта, я думалъ переговорить съ нею объ этомъ серьезно, но къ несчастію, а можетъ быть и къ счастію, не удалось. Опять вышелъ на сцену Ѳ. И. Онъ на меня начинаетъ производить впечатлѣніе, подобное рвотному камню. Я чувствую, т.-е. даже вижу, что онъ мой соперникъ во всемъ, но тьфу на него и больше ничего. Моя жизнь—усовершенствованіе себя. О, еслибъ я зналъ» (дальше нельзя разобрать). Зачеркнуто кѣмъ-то, но только не покойнымъ, нѣсколько строкъ, въ которыхъ, по объясненію И. Познанскаго, заключались слова: «но что̀ мнѣ дѣлать для достиженія моихъ цѣлей», а, по словамъ защиты, въ зачеркнутомъ, хотя и съ трудомъ, можно, однако, возстановить приблизительно слѣдующее: «Кому-нибудь изъ двухъ придется переселиться въ лучшій міръ».

По окончаніи судебнаго слѣдствія начались пренія сторонъ.

Товарищъ прокурора *Шидловскій* коснулся прежде всего нѣкоторыхъ общихъ свойствъ преступленія чрезъ отравленіе, при которомъ «самое даже свойство ядовъ содѣйствуетъ сокрытію виновника отравленія». Эта-то сторона преступленія дѣлаетъ его чрезвычайно опаснымъ для общества. Что̀ же касается нѣкоторыхъ частныхъ особенностей обсуждаемаго дѣла, то таковыя отчасти обусловливаются тѣмъ же общимъ свойствомъ отравленія — большою недоступностью для изслѣдователя. Когда преступная работа совершена въ семейномъ кружкѣ, среди тѣснѣйшихъ отношеній,

понятно, преступное событіе можетъ быть удостовѣрено только членами семьи, такъ что даже кругъ свидѣтелей по настоящему дѣлу естественно ограничился домашними и близко къ нимъ стоящими. Но зато, если у насъ нѣтъ указаній, что свидѣтели эти могутъ имѣть какое-нибудь побужденіе говорить нынѣ несогласно съ дѣйствительностью, разъ не доказано, что они расходятся съ истиною, что всегда явствуетъ при обсужденіи отдѣльныхъ составныхъ частей изслѣдуемаго событія, мы принимаемъ ихъ свидѣтельства въ основу нашихъ сужденій. Обвинитель припоминаетъ цѣлый рядъ внѣшнихъ событій, удостовѣренныхъ на судебномъ слѣдствіи свидѣтелями, указываетъ значеніе этихъ событій, ихъ естественную между собою связь, естественное соотношеніе и приходитъ къ убѣжденію о виновности Жюжанъ.

Продолжая свою рѣчь, товарищъ прокурора устанавливаетъ связь слѣдующихъ фактовъ: смерть послѣдовала отъ морфія, морфій проникъ въ организмъ Коли при послѣднемъ пріемѣ лѣкарства, послѣдній пріемъ полученъ изъ рукъ М. Жюжанъ. По какому же побужденію она могла дать ядъ Колѣ? Обвинитель называетъ это побужденіе любовнымъ влеченіемъ. Группируя факты, подтверждающіе такое его мнѣніе, онъ рисуетъ личность подсудимой. «У г-жи Жюжанъ два міра, двѣ среды: дома, гдѣ даются уроки, и домъ Познанскихъ; среда труда и заботъ и среда пріятныхъ наслажденій, удовольствія; въ одномъ, дѣловомъ, она является строгою моралисткою, безукоризненною наставницею. Здѣсь она точно исполняетъ свой долгъ, задаетъ уроки, нравственныя и практическія темы для упражненій въ стилѣ и письмѣ, здѣсь строгія и изящныя манеры. Въ другой средѣ, у Познанскихъ, наступаетъ отдыхъ, снимается мундиръ строгой наставницы, прекращается «казаться» и свободно, непринужденно проводится время среди пріятныхъ ощущеній. Теперь дѣлается понятнымъ, что, на ряду съ такими свѣдѣніями, какія мы слышали на судебномъ слѣдствіи отъ разныхъ лицъ, знающихъ отлично Жюжанъ, получаются изъ ея другой среды свѣдѣнія совершенно противоположныя, неимѣющія ничего общаго съ первыми. Это объясняется очень просто. Въ одной средѣ знали Жюжанъ такою, а въ другой—иною, и потому каждый источникъ правъ, каждый говоритъ то, что видѣлъ. Отсюда будутъ понятны и тѣ прочитанныя здѣсь *lettres de condollances*, которыя лучше всего свидѣтельствуютъ, какое разнообразное впечатлѣніе получали о личности Жюжанъ, смотря по тому, гдѣ и когда ее наблюдали. Разная среда и разное впечатлѣніе. Такъ, устроившись у Познанскихъ, Жюжанъ, послѣ двухъ первыхъ лѣтъ, еще болѣе привязалась къ семейству Познанскихъ. Ее скрѣпило съ этою семьею еще одно новое звено — это возни-

кавшее постепенно чувство страстнаго влеченія къ Н. Познанскому». Переходя къ исторіи отношеній Николая Познанскаго къ подсудимой, обвинитель подробно разбираетъ ихъ и дѣлитъ на три фазиса, несходныхъ между собою по характеру: первый—это двухгодичное пребываніе въ четвертомъ классѣ и начало въ пятомъ; второй—въ пятомъ и шестомъ классѣ вплоть до первыхъ чиселъ апрѣля, и третій—съ первыхъ чиселъ апрѣля по день смерти Николая. Кончились эти отношенія полнымъ отвращеніемъ Н. Познанскаго къ подсудимой. «Безъ всякихъ внѣшнихъ вмѣшательствъ, безъ всякаго насильственнаго удаленія изъ дому Жюжанъ, Николай, по собственному почину, приходитъ къ сознанію вреда своей связи съ Жюжанъ, къ искреннему къ ней отвращенію и къ окончательному разрыву. Какъ же это совершилось, по какой причинѣ? Въ этомъ отношеніи Коля обязанъ всецѣло той системѣ, въ которую его поставили взгляды отца. Отецъ больше всего полагался на дѣйствіе пріобрѣтенныхъ знаній, на силу самопроизвольнаго развитія юношескихъ силъ, такъ сказать, на природу вещей. Въ этомъ отношеніи ожиданія блистательно оправдались. Николай спасенъ. Но и съ Жюжанъ тоже произошла перемѣна. По мѣрѣ измѣненія, происходившаго въ Колѣ, Жюжанъ овладѣваетъ сначала ревность и энергія для принятія мѣръ помѣшать новому въ Колѣ движенію. Она стремится проникнуть въ его новую среду, возбудить въ немъ ревность, угрожаетъ, что лишитъ себя жизни, и все понапрасну,—мѣры эти только усиливаютъ раздраженіе Коли, поощряютъ его къ разрыву. Тогда начинается тотъ рядъ безконечныхъ ссоръ и сценъ, въ которыхъ такъ ярко выступаетъ сила чувствъ М. Жюжанъ. Страстное любовное влеченіе переходитъ въ столь же страстное противоположное влеченіе—въ ненависть. Потребность особенной любви превратилась въ потребность мести». Этимъ обвинитель объясняетъ доносъ и рядъ другихъ явленій. «Въ послѣднее время, недѣли за двѣ до 18-го апрѣля, Жюжанъ какъ-то рѣзко измѣнилась по отношенію къ Николаю. Она перестала доводить его до раздраженія своими требованіями. Ни малѣйшихъ признаковъ ревности. Что это была притворная перемѣна,—явствуетъ изъ того, что въ то же время, подъ спудомъ, противъ того же Николая работаетъ враждебная рука Жюжанъ. Какъ разъ въ это время, около 8-го или 9-го апрѣля, пущенъ въ ходъ анонимный доносъ; вскорѣ наступила и ночь на 18-е апрѣля». Обвинитель перешелъ потомъ къ способу выполненія замысла. «Отвѣтственъ тотъ, кто позволитъ себѣ удовлетворить свое чувство мести посредствомъ причиненія смерти. Никакое влеченіе, самая ревнивая любовь не могутъ найти оправданія для такого поступка. Но въ данномъ случаѣ представляется возмутительнымъ то, что, въ своемъ почти сорокалѣтнемъ

возрастѣ М. Жюжанъ направила свой необузданный, да позволено будетъ мнѣ такъ выразиться, махровый эгоизмъ любовнаго влеченія на юношу и, благодаря этому возрасту своей жертвы, развила свою ярость до необычайныхъ размѣровъ. Нужно обладать сильно расшатанною нравственною дисциплиною, чтобъ подавить въ себѣ эти второстепенныя въ жизни наклонности, но еще ставить ихъ выше жизни человѣка. Гг. присяжные засѣдатели! Одинъ изъ представителей нашего юношества закланъ, благодаря этимъ недостойнымъ побужденіямъ. Неужели это наше юношество, которому въ жизни, какъ и всякому юношеству, на пути его развитія, и безъ того всегда предстоитъ много испытаній, всевозможныхъ опасностей, страданій, должно еще прекращать преждевременно жизнь въ угоду такимъ низменнымъ стремленіямъ. Гг. присяжные засѣдатели, я увѣренъ, что какъ скоро вы убѣдитесь въ виновности подсудимой, вы постановите приговоръ, который будетъ для насъ имѣть такой смыслъ: намъ слишкомъ дорого наше юношество, мы стоимъ на стражѣ его жизни».

Присяжный повѣренный Хартулари. Господа судьи, гг. присяжные засѣдатели! Необыкновенное вниманіе, скажу болѣе: терпѣніе, съ которымъ вы слѣдите въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій за всѣмъ, что̀ происходило здѣсь на судѣ, то прислушиваясь къ показаніямъ многочисленныхъ свидѣтелей, то усваивая себѣ мнѣніе разнообразной по настоящему дѣлу экспертизы,—все это уничтожило во мнѣ послѣднія опасенія за участь подсудимой М. Жюжанъ и возбудило надежду, что назначенная обвиняемой защита, въ лицѣ моемъ, не будетъ одною пустою формальностью, обусловливающею только дѣйствительность вашего будущаго приговора. Кто-то справедливо замѣтилъ, что вниманія и довѣрія судьи достоинъ исключительно тотъ, кто пользуется словомъ для выраженія мысли, а мыслью для служенія одной лишь истинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и вы, милостивые государи, придерживались такого же положенія при оцѣнкѣ какъ произнесенной передъ вами обвинительной рѣчи, такъ равно и при оцѣнкѣ данныхъ, добытыхъ путемъ судебнаго разслѣдованія, и, выслушавъ живыя свидѣтельскія показанія, принимали въ соображеніе не только наружность и поведеніе свидѣтелей на судѣ, не только, такъ сказать, внѣшнюю форму ихъ разсказовъ, но и тѣ цѣли, которыя они видимо преслѣдовали, давая тѣ

или другія показанія, сообразно съ положеніемъ своимъ въ настоящемъ процессѣ и съ отношеніями ихъ къ обвинителямъ Познанскимъ и къ подсудимой М. Жюжанъ. А при такихъ условіяхъ, при такомъ очевидномъ стремленіи съ вашей стороны обнаружить въ дѣлѣ одну лишь истину, я глубоко убѣжденъ, что никакія свидѣтельскія показанія и никакія, полныя страсти рѣчи, которыя раздаются со стороны обвинительной власти, не помѣшаютъ оправданію подсудимой, если только совѣсть ваша будетъ противиться обвиненію. Я позволилъ себѣ высказать подобное мнѣніе, быть можетъ, и преждевременное, не какъ защитникъ, который изъ какихъ-нибудь личныхъ интересовъ, хотя бы ради одного мишурнаго діалектическаго торжества на судѣ, намѣренъ своею рѣчью ввести васъ въ заблужденіе, но какъ лицо, изучившее дѣло во всѣхъ мельчайшихъ его подробностяхъ и желающее во имя правды остановить правосудіе отъ той судебной ошибки, которую оно, по моему мнѣнію, должно будетъ неизбѣжно совершить, слѣдуя по пути, указанному ему обвинительною властью. Если бы вы, милостивые государи, пожелали обобщить всѣ тѣ разнородныя впечатлѣнія, которыя вынесены вами изъ всего судебно-слѣдственнаго производства, и привести ихъ, если такъ можно выразиться, къ одному общему знаменателю, къ одному общему положенію, то таковымъ окажется, безспорно, убѣжденіе, что въ настоящемъ процессѣ все сомнительно и загадочно, особенно по отношенію къ вопросу о виновности М. Жюжанъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не кажутся для васъ загадочными, проблематическими такіе факты, какъ, напримѣръ, то, что въ семью, вполнѣ уважаемую и патріархальную, поселяется какая-то женщина, которая почти съ вѣдома родителей занимается развращеніемъ ихъ 14-тилѣтняго сына, окружая его, по словамъ родителей и другихъ свидѣтелей, не материнскою заботливостью или попеченіемъ сестры, но ласками страстной женщины, и, несмотря на то, тѣми же родителями не изгоняется изъ дома, а, напротивъ, безнаказанно продолжаетъ свою преступную дѣятельность? Развѣ не поражаютъ васъ загадочностью и другіе факты, что женщина эта, подозрѣваемая уже однажды, 2-го апрѣля, въ покушеніи на отравленіе папиросами раз-

вращаемаго ею юнаго существа, стоитъ внѣ всякаго подозрѣнія уже въ дѣйствительномъ отравленіи, совершонномъ ею 16 дней спустя, и родители отравленнаго подозрѣваютъ не М. Жюжанъ, но аптекаря, и только тогда, когда Познанскому—отцу сообщено было изъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи о поступившемъ на его сына доносѣ, предшествовавшемъ отравленію, *только тогда* Познанскій начинаетъ подозрѣвать подсудимую, и то прежде всего въ составленіи доноса, а потомъ уже въ отравленіи? Сопоставляя приведенные мною факты съ тою заботливостью и любовью, съ которою родители Познанскіе, по собственному ихъ увѣренію, которому я охотно вѣрю, относились къ своимъ дѣтямъ вообще, посвящая имъ все свое время и труды, мы должны заключить, что самое развращеніе и отравленіе со стороны Жюжанъ представлялось для родителей шуткою домашнихъ, и не будь злополучнаго доноса, который возмутилъ Познанскаго, такъ какъ долженъ былъ повредить его служебной карьерѣ, по службѣ въ III отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, и не явись на свѣтъ тѣ два письма, которыя позволила себѣ написать М. Жюжанъ изъ тюрьмы, на имя товарища прокурора и на имя судебнаго слѣдователя, въ которыхъ она порицала дѣйствія г-жи Познанской, какъ матери, и даже подозрѣвала ее въ убійствѣ сына, подсудимая, навѣрно, пользовалась бы теперь свободою, потому что вмѣстѣ съ оглашеніемъ упомянутыхъ писемъ нѣкоторые свидѣтели измѣнили совершенно прежде данныя ими на предварительномъ слѣдствіи показанія и прежнія предположенія, весьма неясныя, о виновности М. Жюжанъ замѣнены прямымъ и энергическимъ обвиненіемъ.

Идемъ далѣе.

Развѣ не изумило васъ подтвержденное свидѣтельскими показаніями поведеніе обвиняемой со дня отравленія Н. Познанскаго и до дня его похоронъ, когда она, заклейменная общимъ подозрѣніемъ въ убійствѣ, проводитъ всѣ дни въ семействѣ Познанскихъ, раздѣляя искренно ихъ семейное горе и находясь почти безотлучно у гроба покойнаго? Согласитесь, гг. присяжные засѣдатели, что въ виду всѣхъ этихъ фактовъ умѣстны только два предположенія со сто-

роны судьи по совѣсти: или М. Жюжанъ представляетъ собою какое-то необыкновенное, феноменальное явленіе въ мірѣ психологическомъ и, такимъ образомъ, должна быть признана существомъ исключительнымъ не только по своему виду, какъ женщина, но и по роду, какъ человѣкъ съ такимъ самообладаніемъ, такою желѣзною волею, какихъ не знали закоренѣлые убійцы, стяжавшіе себѣ на этомъ поприщѣ историческую извѣстность, или М. Жюжанъ невиновна. Но какъ доказать это? Жертва случайной ли ошибки, самоубійства или умышленнаго, хитро задуманнаго преступленія, Н. Познанскій унесъ, къ сожалѣнію, съ собою въ могилу все то, что могло пролить свѣтъ на многія темныя обстоятельства этого дѣла и на отдѣльныя личности, которыя парадируютъ въ этомъ процессѣ въ качествѣ обвинителей или свидѣтелей и которыя, благодаря господствующему полумраку, представляются намъ далеко не такими, какими они должны быть въ дѣйствительности. Напрасно мы станемъ вдумываться въ событія, предшествовавшія и сопровождавшія смерть Н. Познанскаго, напрасно мы будемъ внимательно всматриваться въ лица, которыя окружали покойнаго при его жизни, а теперь, вслѣдствіе ссылки на нихъ родителей его, явились въ судъ, чтобы показаніями своими подтвердить общее семейное подозрѣніе о виновности подсудимой. Умъ окончательно отказывается соображать, а самые утонченные психологическіе анализы не даютъ никакихъ положительныхъ результатовъ и никакой возможности для совѣсти намѣтить истиннаго виновника преждевременной смерти Н. Познанскаго. А между тѣмъ обвиненіе въ этомъ ужасномъ преступленіи продолжаетъ тяготѣть только надъ головою подсудимой и неосторожно брошенное въ нее подозрѣніе подхватывается прокурорскою властью, которая спѣшитъ возвести это подозрѣніе на степень безспорнаго факта, не разбирая для этого средствъ и не щадя выраженій. Перемѣшивая нравственныя улики съ побочными обстоятельствами, вовсе не идущими къ предмету обвиненія, прокурорская власть безпощадно врывается въ сокровенные тайники прошлаго Маргариты Жюжанъ, выбрасывая оттуда предъ глазами вашими весь тотъ скарбъ давно забытыхъ ветхозавѣтныхъ интригъ старой дѣвы, ко-

торымъ скорѣе всего можно доказать легкомысленность Маргариты Жюжанъ, но отнюдь не участіе ея въ отравленіи Н. Познанскаго. И такой позоръ и страданія подсудимая обязана выносить за одно предположеніе въ виновности! Мнѣ кажется, милостивые государи, что если признается ужаснымъ и достойнымъ сожалѣнія положеніе подсудимаго вообще, то еще ужаснѣе, безотраднѣе настоящее положеніе М. Жюжанъ, которая рѣшилась защищаться, въ лицѣ моемъ, нисколько не теряя вѣры въ безпристрастіе суда и не сомнѣваясь, какъ иностранка, въ могуществѣ русскаго закона.

Обратимся же къ основаніямъ обвиненія и разсмотримъ ихъ съ полнымъ хладнокровіемъ и систематически, обѣщаясь пользоваться своимъ словомъ и мыслью для возстановленія только одной истины. Начнемъ съ мнимой любовной связи сорокалѣтней Маргариты Жюжанъ съ пятнадцатилѣтнимъ Николаемъ Познанскимъ, какъ исходнаго пункта обвиненія, какъ матери послѣдующихъ событій, завершившихся преступленіемъ. Но прежде всего я считаю необходимымъ познакомить васъ съ настоящею М. Жюжанъ, а не съ тою, какою она представлена вамъ обвинительною властью, благодаря игривому воображенію, въ видѣ Мессалины, въ видѣ какой-то Урсинусъ, находившей извѣстное поэтическое наслажденіе при видѣ мученій отравленныхъ ею существъ. Подсудимая, французская подданная Маргарита Жюжанъ, воплощаетъ въ себѣ какъ общіе женскіе достоинства и недостатки, такъ и особенные, свойственные національности, къ которой она принадлежитъ по рожденію. Въ общемъ, къ ея недостаткамъ и достоинствамъ, какъ женщины, слѣдуетъ отнести необыкновенную нервность, подвижность, развитіе сердца и чувствительности на счетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей, чрезвычайно быстрое сужденіе о предметахъ и явленіяхъ, обнаруживающее неглубокій и поверхностный взглядъ на все окружающее. Какъ француженка, подсудимая, по воспитанію, образованію и обычаямъ той среды, въ которой вращалась, представляетъ еще нѣкоторыя особенности. Она принадлежитъ къ тому кружку французскаго общества, который постоянно снабжалъ Россію типами женщинъ, способныхъ къ весьма разно-

образной дѣятельности, благодаря полученному воспитанію и направленію. Такія женщины, пріѣзжая въ Россію, могутъ быть преподавательницами французскаго языка, гувернантками, компаніонками, чтицами, приказчицами въ магазинахъ и, въ крайнемъ случаѣ, при невозможности занять то или другое мѣсто, а иногда и въ концѣ своей педагогической или торговой дѣятельности, съ маленькимъ разбитымъ голоскомъ являются на театральныхъ подмосткахъ, увлекая такъ называемую нашу золотую молодежь. И во всѣхъ этихъ дѣятельностяхъ француженка остается вѣрна себѣ: она женщина минуты, не думающая о будущемъ, постоянно веселая, смѣющаяся, разсказывающая всегда о какихъ-то небывалыхъ своихъ похожденіяхъ и продѣлкахъ, съ цѣлью занять своихъ собесѣдниковъ. Съ дѣтьми она всегда дитя, у взрослыхъ она постоянно ищетъ дружбы и сочувствія къ своей особѣ. Она привязывается къ семьѣ, въ которой была наставницею, столь искренно и нѣжно, что считаетъ такую семью своею, и никакія оскорбленія не заставятъ ее покинуть эту семью. Таковы, милостивые государи, всѣ Маргариты Жюжанъ, какъ имя нарицательное, населяющія Россійскую имперію вообще и городъ Петербургъ особенно. Всѣ онѣ необыкновенно экзальтированы; у каждой есть навѣрно въ запасѣ романъ, въ которомъ такой Маргаритѣ приходилось играть первенствующую роль увлеченной и покинутой; но ни одна изъ нихъ не знаетъ мщенія измѣннику, въ видѣ убійства оружіемъ или отравленіемъ, потому что подобный поступокъ не въ характерѣ такой женщины, которая скоро забываетъ нанесенныя ей оскорбленія и скоро мирится съ жалкою дѣйствительностью, прикрывая и горе, и радость тѣмъ неподдѣльнымъ веселымъ смѣхомъ, которымъ такъ богата французская народность. Вотъ почему, если вы, гг. присяжные засѣдатели, будете имѣть предъ собою этотъ наскоро сдѣланный мною слѣпокъ личности и характера подсудимой, то несомнѣнно придете къ тому убѣжденію, къ какому пришелъ и я: что между настоящимъ преступленіемъ и Маргаритою Жюжанъ нельзя установить ни органической, ни искусственной связи.

Перейдемъ, однако, къ самымъ обвиненіямъ или, правильнѣе сказать, къ разбору доказательствъ, при помощи ко-

венность подсудимой о своей любовной связи съ человѣкомъ, который былъ къ ней неспособенъ.

Возвращаясь потомъ къ общимъ свидѣтельскимъ показаніямъ по тому же обвиненію, сущность котораго я упомянулъ выше, я полагаю, что для правильной ихъ оцѣнки вы не должны забывать личнаго характера подсудимой, съ которымъ я уже старался познакомить васъ, и должны задаться вопросомъ: чѣмъ была Маргарита Жюжанъ въ семействѣ Познанскихъ?—и тогда всѣ выходки подсудимой, о которыхъ упоминаютъ свидѣтели и которыя произвели на нихъ извѣстное впечатлѣніе, пріобрѣтутъ въ вашихъ глазахъ совершенно иной характеръ и значеніе. Маргарита Жюжанъ поступила въ августѣ 1873 года, въ качествѣ гувернантки, къ дѣтямъ Познанскихъ, изъ которыхъ покойному Николаю было около 12-ти лѣтъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, до самой смерти Николая, Жюжанъ ежедневно посѣщала Познанскихъ, преимущественно вечеромъ, такъ какъ утромъ она занята была уроками, которые давала въ другихъ частныхъ домахъ. Изъ объясненій, данныхъ обвиняемою на судѣ и подтвержденныхъ дѣйств. ст. совѣтникомъ Мягковымъ, видно, что М. Жюжанъ, обласканная семействомъ Познанскихъ, считала его почти роднымъ для себя. Вниманіе подсудимой, какъ наставницы, особенно было обращено на старшаго изъ дѣтей, покойнаго Николая, какъ на мальчика, который, по ея словамъ, держалъ себя какъ-то отдѣльно въ семействѣ и лишенъ былъ родительской ласки и заботливости. Онъ росъ и развивался подъ вліяніемъ своего собственнаго нравственнаго міра, безъ всякаго направленія, безъ всякой посторонней помощи. Чтобъ расположить къ себѣ полудикаго и скрытнаго Николая, подсудимая старается прежде всего пріобрѣсти его расположеніе и довѣріе. И вотъ съ этою цѣлью М. Жюжанъ посвящаетъ своему питомцу большую часть свободнаго времени. Она узнаетъ его вкусъ, его пристрастіе къ разсказамъ и подвигамъ великихъ людей; она проводитъ съ нимъ въ бесѣдахъ цѣлые вечера и, между прочимъ, передаетъ ему исторію своей разбитой жизни, къ которой добрая душа покойнаго относилась съ полнымъ негодованіемъ и сочувствіемъ къ ея положенію, обѣщаясь замѣнить ей брата и

покровителя. Словомъ, отношенія подсудимой къ покойному мальчику все болѣе и болѣе сближались, не измѣняя своего существеннаго характера, какъ отношенія наставницы къ своему воспитаннику. Жюжанъ принимаетъ участіе во всѣхъ его играхъ, раздѣляетъ его горе и радости, съ заботливостью, чисто материнскою, наблюдаетъ за каждымъ его шагомъ и дѣйствіемъ, слѣдитъ за состояніемъ его здоровья, и достаточно простого недомоганія, чтобы обвиняемая, преувеличивая самую болѣзнь, требовала для него немедленной медицинской помощи. Не желая, чтобы покойный Николай тяготился ея присутствіемъ, и въ то же время не довѣряя его товарищамъ, которые, по словамъ ея, могли испортить его, Жюжанъ одинаково любезна и съ его товарищами, позволяя имъ при себѣ шутить, болтать разныя глупости, въ которыхъ и сама принимала участіе,—словомъ, продѣлывала все то̀, что̀, по мнѣнію ея же, должна была дѣлать, чтобы сохранить вліяніе на Николая, и что̀ нынѣ свидѣтелями и представителемъ обвиненія поставлено ей въ улику, чтобы доказать любовную связь. Но если, гг. присяжные засѣдатели, по однимъ внѣшнимъ признакамъ нельзя еще судить о самыхъ обыкновенныхъ взаимныхъ отношеніяхъ людей, въ родѣ расположенія и дружбы, то еще менѣе представляется возможнымъ, на основаніи этихъ признаковъ, обнаружить болѣе интимныя человѣческія отношенія, какова любовная связь, которую я положительно отрицаю въ данномъ случаѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на всѣ дѣйствія Жюжанъ, о которыхъ говорятъ свидѣтели, какъ на проявленіе ея страстной любви къ покойному, тогда какъ согласить эти дѣйствія съ описаніемъ личности подсудимой г. товарищемъ прокурора, который представилъ ее вамъ, какъ женщину умную, хитрую, обдумывающую каждый свой шагъ? Развѣ умная и тактичная женщина показывала бы свое страстное влеченіе въ присутствіи не только близкихъ, но даже постороннихъ лицъ? Развѣ она, желая расточать свои ласки покойному, какъ любовнику, не нашла бы возможнымъ сдѣлать это у себя на квартирѣ, такъ какъ она жила отдѣльно, или гдѣ-нибудь въ нейтральномъ мѣстѣ? Вотъ почему такія ласки, расточаемыя публично, скорѣе говорятъ въ пользу отношеній

ея къ покойному, какъ матери, даже какъ сестры, но не какъ любовницы. Таковы, гг. присяжные засѣдатели, доказательства, приводимыя товарищемъ прокурора по обвиненію подсудимой въ развращеніи и любовной связи съ покойнымъ Н. Познанскимъ. Доказательства эти, по мнѣнію моему, настолько слабы, что ссылка на нихъ равносильна просьбѣ повѣрить на слово, и притомъ въ дѣлѣ, въ которомъ идетъ рѣчь о гражданской жизни и смерти подсудимой. Нѣтъ, милостивые государи, для правосудія одинаково дорого какъ наказаніе виновнаго, такъ равно и спасеніе напрасно обвиняемаго, и прежде, чѣмъ опозорить, прежде, чѣмъ обезчестить и уничтожить подсудимую, судъ совѣсти требуетъ отъ обвянителя не словъ, не личныхъ впечатлѣній, возбуждающихъ одно только пустое подозрѣніе, а неопровержимыхъ доказательствъ.

Итакъ, любовной связи подсудимой съ покойнымъ въ смыслѣ половыхъ сношеній не было. Но мнѣ возразятъ, что ревность могла быть и во имя одного платоническаго чувства, которое подсудимая питала къ Н. Познанскому. Допустимъ на время и это предположеніе. Но спросимъ обвинительную власть: какіе же были поводы къ ревности, чѣмъ это чувство питалось со стороны сорокалѣтней женщины къ пятнадцатилѣтнему юношѣ? Полковникъ Познанскій говоритъ, что, благодаря принятымъ мѣрамъ, Николай все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ Маргаритѣ Жюжанъ; онъ сталъ ухаживать за другими дѣвицами его возраста, и преимущественно за одною, фамилію которой я считаю лишнимъ, изъ уваженія, упоминать, но о ней часто говорилось на судѣ по поводу перехваченной переписки. Другой свидѣтель, студентъ Алексѣй Познанскій, говоритъ, что самъ Николай видимо тяготился пребываніемъ М. Жюжанъ въ домѣ, но свидѣтель сознается при этомъ, что такое заключеніе онъ основываетъ на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, такъ какъ покойный никогда не былъ съ нимъ откровененъ. Такимъ образомъ полковникъ Познанскій основывалъ возможность ревности подсудимой на томъ, что она перехватывала изъ рукъ дочери его Нади переписку съ особою, напоминать которую я не желаю; но тогда значитъ Маргаритѣ Жюжанъ было извѣстно и письмо той же особы отъ

18-го марта, въ которомъ она проситъ покойнаго прекратить свои безполезныя ухаживанія, а слѣдовательно, въ виду подобнаго отвѣта, уничтожался единственный и послѣднiй поводъ для мнимой ревности. Между тѣмъ означенное обвиненiе энергически поддерживается г. товарищемъ прокурора, который старается сорвать маску съ подсудимой и доказать ту, поистинѣ адскую, настойчивость, съ которою будто бы подсудимая во что бы ни стало задумала уничтожить несчастнаго мальчика. Такъ, по словамъ товарища прокурора, Жюжанъ покушается сначала отравить покойнаго папиросами, насыщенными морфiемъ, и когда это покушенiе не удалось, она составляетъ анонимное письмо; наконецъ, когда и доносъ не имѣлъ никакихъ послѣдствiй, прибѣгаетъ къ отравѣ Николая тѣмъ же морфiемъ, введеннымъ ею въ стклянку съ лѣкарствомъ въ дозѣ, безусловно смертельной. Нельзя не сознаться, что всѣ эти дѣйствiя, искусственно созданныя и приписываемыя М. Жюжанъ пылкимъ воображенiемъ, требуютъ самой коварной души, громаднаго такта и желѣзной воли, т.-е. какъ разъ такихъ условiй, которыхъ никогда недоставало у подсудимой.

Разберемъ и эти дѣйствiя, хотя мы не знаемъ никакой для нихъ побудительной причины. На случаѣ съ папиросами, кѣмъ-то справедливо названномъ первоапрѣльскою шуткою, я не буду останавливаться, потому что это была дѣйствительно шутка, которая хотя и непонятна для постороннихъ, но которой сами родители покойнаго не придавали значенiя и въ которой нельзя признать участницею М. Жюжанъ, потому что показанiями присутствовавшей при этомъ няни Рудневой и сестры покойнаго Надежды М. Жюжанъ первая поспѣшила провѣрить подозрѣнiе покойнаго Николая, попробовавъ одну изъ отравленныхъ папиросъ, вслѣдствiе чего ей сдѣлалось дурно и она была больна нѣкоторое время, и наконецъ потому, что Жюжанъ, вопреки просьбы г-жи Познанской, разсказывала объ этомъ случаѣ во многихъ домахъ, гдѣ давала уроки. Между тѣмъ съ появленiемъ на сцену доноса, сообщеннаго полковнику Познанскому его непосредственнымъ начальствомъ, т.-е. III отдѣленiемъ собственной Его Императорскаго Вели-

чества канцеляріи, взглядъ какъ на обвиняемую, такъ и на всѣ тѣ прошлые факты, которыхъ подсудимая была невольною свидѣтельницею, измѣнился. Упомянутый доносъ извѣстнаго уже вамъ, гг. присяжные засѣдатели, содержанія не могъ, очевидно, не возмутить полковника Познанскаго, такъ какъ онъ касался чести семьи и отчасти его служебной карьеры, хотя придавать ему такое ужасное значеніе было напрасно. По мнѣнію моему, доносъ этотъ былъ второю первоапрѣльскою шуткою только по отношенію къ бывшему градоначальнику; въ свою очередь и III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи доносъ этотъ признало также шуткою, потому что распоряженіе ограничилось только негласнымъ дознаніемъ объ опасномъ мальчикѣ, который со своими сверстниками уже три мѣсяца какъ занимается приготовленіемъ какого-то страшнаго яда. По полученіи доноса полковникъ Познанскій, подобно человѣку, воображеніе котораго напряжено подъ вліяніемъ негодованія и страха, видитъ во всякой вещи, во всякомъ, повидимому, ничтожномъ прошедшемъ фактѣ, которому онъ не придавалъ никакого значенія прежде, доказательства виновности М. Жюжанъ въ составленіи доноса и въ отравленіи сына. Но основательно ли подобное подозрѣніе?

Экспертиза почерка признала, что при сличеніи писемъ Жюжанъ съ письмомъ на имя г-на Трепова сходство ихъ заключается только въ отдѣльныхъ буквахъ, а также въ подчеркиваніи словъ; по сличеніи же письма на имя Трепова съ фразою, написанною Жюжанъ по приказанію судебнаго слѣдователя—„*Son Exellence General Trepoff*“, она признала полное взаимное сходство. Необходимо замѣтить вообще, что улики посредствомъ почерка во многихъ случаяхъ бываютъ весьма обманчивы; такъ, напримѣръ, почерки у разныхъ лицъ сходны вслѣдствіе того, что они учились писать у одного и того же учителя или намѣренно подражали другъ другу. Вотъ почему, если бы даже допустить сходство почерка Жюжанъ съ почеркомъ анонимнаго письма, то подобное сходство едва ли можетъ быть признаваемо за доказательство того факта, что анонимное письмо написано обвиняемою, тѣмъ болѣе, когда удосто-

вѣреніе экспертизы основывается лишь на нѣкоторыхъ общихъ пріемахъ письма подсудимой съ тѣми, какіе замѣчены въ анонимномъ письмѣ! Я не стану утомлять вниманіе ваше, гг. присяжные засѣдатели, повтореніемъ тѣхъ доводовъ, какіе были приведены уже мною во время производства судебнаго разслѣдованія въ подтвержденіе неосновательности экспертизы. Достаточно напомнить, что экспертиза почерка нашла сходство анонимнаго письма съ письмами обвиняемой, признавая сходство трехъ буквъ изъ тысячи, которыя попадаются въ письмахъ Маргариты Жюжанъ, несмотря на то, что буквы эти и по характеру своему, и по роду принадлежатъ къ разнымъ почеркамъ. Что же касается экспертизы стиля, который по своему свойству едва ли можетъ что-нибудь доказать вообще, въ данномъ случаѣ дѣйствительно ничего не разъясняетъ, то она удостовѣряетъ, что слогъ или стиль анонимнаго письма не правиленъ, что въ немъ попадаются фразы чисто французскія. Между тѣмъ, тѣ же эксперты признаютъ, что въ анонимномъ письмѣ, вмѣстѣ съ чисто французскими фразами, попадаются и такія, какія никогда не употребляются французами, въ родѣ „je jure sur mon croix“. Относительно же сдѣланнаго экспертами замѣчанія, что въ анонимномъ письмѣ встрѣчаются буквы такой формы, какую даютъ имъ только одни французы, то этотъ доводъ, по моему мнѣнію, ничего не доказываетъ. Выше, говоря вообще объ уликахъ посредствомъ почерка, я заявилъ, что сходство и своеобразность въ изображеніи нѣкоторыхъ буквъ весьма часто сообщаются учителями ученику, а потому нисколько не будутъ удивительны такая сообразность и сходство, если лицо, писавшее анонимное письмо, имѣло учителемъ каллиграфіи природнаго француза. Этимъ предположеніемъ отчасти оправдывается то, что въ анонимномъ письмѣ, на ряду съ французскими фразами, попадаются и русскіе обороты рѣчи и русское заклинаніе. Но, кромѣ выводовъ экспертизы, подсудимая признается авторомъ анонимнаго письма еще и потому, что въ текстѣ этого письма сообщаются факты, которые могли быть извѣстны только одной М. Жюжанъ. Этотъ доводъ обвиненія падаетъ самъ, если принять въ соображеніе, что въ означенномъ анонимномъ письмѣ факты

никогда не были и не могли быть семейною тайною, извѣстною одной подсудимой. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать тайными такіе, напримѣръ, факты, что у покойнаго былъ химическій шкапъ, что онъ занимался химіей, участвовалъ въ домашнихъ спектакляхъ, присутствовалъ на пирушкахъ или собраніяхъ товарищей? Мнѣ кажется, что по отношенію къ этому анонимному письму тайною оказывается только одинъ авторъ, которымъ я не могу, однако, признать подсудимую, какъ по основаніямъ, мною изложеннымъ выше, такъ и по отсутствію причины или повода къ такому поступку со стороны обвиняемой.

Остается еще одно послѣднее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главное обвиненіе, направленное противъ подсудимой,—это обвиненіе въ отравленіи Н. Познанскаго. Гг. присяжные засѣдатели, я признаю, что отравленіе существуетъ, хотя бы могъ съ успѣхомъ оспаривать у экспертизы нѣкоторые факты, на которыхъ она основала свое заключеніе. Я могъ бы выбросить изъ числа доказательствъ правильности судебно-химическаго анализа ту стклянку съ лѣкарствомъ, которая, будучи взята съ комода въ день смерти матерью покойнаго, была спрятана ею гдѣ-то и представлена для *химическаго анализа* два дня спустя послѣ смерти Н. Познанскаго. Я могъ бы точно такъ же оспаривать результаты химическаго анализа той части внутренностей покойнаго, которая по неизвѣстной мнѣ законной причинѣ взята была лѣчившимъ Н. Познанскаго докторомъ Николаевымъ къ себѣ на домъ. Но я признаю, что интересы подсудимой вовсе не находятся въ зависимости отъ факта преступленія, а скорѣе отъ доказательствъ ея невиновности, и что между этимъ фактомъ и обвиняемою не существуетъ никакой причинной связи. Подсудимой приписываютъ отравленіе покойнаго Н. Познанскаго, во-1-хъ, потому, что за нѣсколько дней до смерти Жюжанъ увѣряла родителей, родственниковъ и знакомыхъ покойнаго, что онъ опасно боленъ, и такимъ образомъ какъ бы подготовляла почву для безнаказаннаго совершенія своего будущаго преступленія, и во-2-хъ, потому, что она сама сознавалась въ томъ, что давала покойному послѣдній пріемъ отравленнаго будто бы ею лѣкарства. Мнѣ кажется, что увѣреніе подсудимой объ

опасномъ болѣзненномъ состояніи покойнаго Н. Познанскаго объясняется обыкновенною заботливостью, которою М. Жюжанъ постоянно окружала Н. Познанскаго и которой онъ, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности былъ лишенъ отъ другихъ. Но, сверхъ того, развѣ распространеніемъ слуховъ о болѣзни Н. Познанскаго М. Жюжанъ создавала фактъ, на самомъ дѣлѣ не существующій? Развѣ Н. Познанскій былъ здоровъ? Не она ли первая обратила вниманіе отца и матери, что у Николая, кромѣ краснухи, оказалась опухоль лимфатическихъ гландъ, чему подсудимая придавала особенное значеніе въ виду золотушнаго свойства покойнаго? Не она ли просиживала все время съ больнымъ и, желая развлечь его, бѣгала за Обруцкимъ и умоляла его придти посѣтить покойнаго? Наконецъ, развѣ сама г-жа Познанская не пугалась необыкновеннаго выраженія глазъ сына?

Такимъ образомъ распространенію слуховъ о болѣзни Н. Познанскаго я не придаю значенія улики и вполнѣ увѣренъ, что если бы подсудимая дѣйствовала иначе, т.-е. скрывала положеніе больного, то, по ошибочно установившемуся предположенію, что все можетъ быть обращено въ улику противъ человѣка, который имѣетъ несчастіе сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ, и на это молчаніе Маргариты Жюжанъ прокурорская власть указывала бы вамъ, какъ на обстоятельство, доказывающее ея виновность. Прослѣдимъ, однако, на основаніи данныхъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, какъ дѣйствовала эта женщина, умная и хитрая, по словамъ г. товарища прокурора, при самомъ отравленіи Н. Познанскаго, и какъ она выполнила заранѣе составленный и обдуманный ею планъ для совершенія этого преступленія. Имѣя полнѣйшую возможность отравить покойнаго при первомъ пріемѣ лѣкарства и тѣмъ возбудить предположеніе, что отрава послѣдовала отъ ошибки аптеки, смѣшавшей медикаменты, такъ какъ въ ней приготовлялось для семейства Познанскихъ одновременно нѣсколько лѣкарствъ, въ томъ числѣ одно съ морфіемъ, М. Жюжанъ даетъ отраву въ послѣднемъ шестомъ пріемѣ. Но мнѣ возразятъ, что позднее отравленіе слѣдуетъ объяснить отсутствіемъ у подсудимой морфія, который она похитила

у Познанскаго лишь наканунѣ самаго отравленія вечеромъ. Неосновательность, однако, подобнаго предположенія ясно обнаруживается изъ взаимнаго сопоставленія слѣдующихъ обстоятельствъ. Морфій постоянно хранился, по показанію полковника Познанскаго, подъ ключомъ въ его спальнѣ, и весь вечеръ наканунѣ отравленія свидѣтель безвыходно находился въ этой комнатѣ, изъ которой отсутствовалъ временно, когда вмѣстѣ съ сыномъ, свидѣтелемъ Пальшау и М. Жюжанъ долженъ былъ перейти въ столовую для ужина, и потомъ съ тѣми же лицами возвратился въ спальную обратно, гдѣ оставался до слѣдующаго дня. Далѣе, если подсудимая была настолько тактична и сообразила не только всѣ свои дѣйствія, которыми обусловливалась возможность совершенія преступленія, но и обдумала заранѣе всѣ средства къ сокрытію слѣдовъ этого преступленія, то почему она на слѣдующій же день, при общемъ недоумѣніи о причинѣ скоропостижной смерти Н. Познанскаго, сама заявляетъ родителямъ и знакомымъ покойнаго, что давала послѣдній пріемъ лѣкарства, и, наконецъ, почему обвиняемая не уничтожила самой стклянки съ лѣкарствомъ, а напротивъ, поставила ее въ комнатѣ покойнаго на такомъ видномъ мѣстѣ, что стклянка эта была немедленно замѣчена г-жею Познанскою и, взятая ею, послужила однимъ изъ главныхъ доказательствъ того, что смерть Николая была признана послѣдовавшею отъ отравленія морфіемъ? Такого рода дѣйствія подсудимой, поражающія своею необдуманностью и крайнею непослѣдовательностью, еще ничто въ сравненіи съ поведеніемъ Маргариты Жюжанъ въ квартирѣ Познанскихъ со дня смерти покойнаго до дня его погребенія. Вотъ что передаютъ намъ по этому предмету свидѣтели. Лишь только свидѣтель Бергеръ сообщилъ обвиняемой о смерти Н. Познанскаго, какъ она поспѣшила въ квартиру Познанскихъ, настолько подавленная извѣстіемъ, что Бергеръ рѣшился сопровождать ее на извозчикѣ. По прибытіи въ квартиру покойнаго Жюжанъ уже не покидаетъ ее и проводитъ всѣ дни въ кругу несчастнаго семейства, раздѣляя его горе. Во время панихиды она стоитъ у гроба покойнаго и усердно молится объ упокоеніи его души, а остальное время просиживаетъ въ той комнатѣ,

въ которой умеръ Николай Познанскій. Какъ объяснить такое поведеніе обвиняемой, которая не страшится упрековъ совѣсти, которая не бѣжитъ изъ дома, куда она внесла такое горе и осквернила ужаснымъ преступленіемъ, а, напротивъ, остается въ немъ? Воображеніе человѣка такъ прихотливо, отвѣтятъ мнѣ, что нѣкоторые и преступленіемъ способны гордиться. Нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели. Я наблюдалъ за подсудимою во время моихъ съ нею объясненій, какъ защитникъ и судья, и по впечатлѣнію, произведенному ею на меня, ничто не даетъ повода допустить, относительно ея, подобное предположеніе. Отвѣтомъ можетъ служить одно—она невиновна. Только спокойная и чистая совѣсть, только безупречное прошлое, только сознаніе своей невиновности можетъ создать такую увѣренность въ самой себѣ, которая никогда не покидала обвиняемую Маргариту Жюжанъ и которая приводила въ изумленіе всѣхъ окружавшихъ ее, пытливо слѣдившихъ за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ почти ударомъ ея пульса, чтобъ обнаружить въ ней убійцу...

Таковы улики, гг. присяжные засѣдатели, которыя, въ связи съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, поставили Маргариту Жюжанъ въ положеніе обвиняемой. Я разсмотрѣлъ ихъ внимательно и съ полнымъ хладнокровіемъ—и что же вышло? Всѣ эти улики, столь грозныя издали, блѣднѣли по мѣрѣ нашего къ нимъ приближенія и, наконецъ, подобно призракамъ, совершенно исчезали передъ свѣтомъ истины. Но отравленіе существуетъ; намъ сказала объ этомъ экспертиза и мы обязаны вѣрить ей, но кто виновникъ? Въ виду этого неотвязчиваго вопроса, котораго сама защита не желала бы оставлять открытымъ, я прошу васъ, мм. гг., дозволить мнѣ на время отвлечь ваше вниманіе отъ сидящей на скамьѣ подсудимой Маргариты Жюжанъ и сосредоточить его на одномъ письменномъ документѣ, представленномъ суду отцомъ покойнаго. Заглянемъ въ тѣ замѣтки, которыя оставилъ послѣ себя покойный Николай Познанскій,—быть можетъ, мы и найдемъ въ нихъ ключъ къ тайнѣ, окружающей внезапную смерть бѣднаго юноши. Бѣглый, поверхностный взглядъ на упомянутыя замѣтки знакомитъ насъ ближе съ покойнымъ, нежели всѣ выслушан-

ныя нами свидѣтельскія показанія. Въ этихъ замѣткахъ высказался весь Н. Познанскій, со всѣми своими достоинствами и недостатками, со всѣми своими высокими стремленіями и отчаяніемъ. „Смѣшно (говоритъ покойный) разочарованіе въ мои годы. Чѣмъ больше живешь—тѣмъ больше узнаешь, чѣмъ больше узнаешь—тѣмъ больше видишь, что многія мысли не осуществимы, что нѣтъ никогда и ни въ чемъ порядка". Наборъ ли это откуда-то заимствованныхъ громкихъ фразъ, какъ заявилъ намъ отецъ покойнаго, или же въ этой запискѣ проглядываетъ нѣчто, что видимо давно угнетало молодого человѣка, къ чему онъ стремился, въ чемъ потерпѣлъ неудачу и что привело его къ разочарованію въ жизни? Я склоняюсь къ послѣднему предположенію и признаю, что приведенная тирада является результатомъ глубокаго личнаго психологическаго анализа; видимо, что покойный рылся въ самомъ себѣ, провѣрялъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ страдалъ, будучи собою недоволенъ. „Долженъ ли я упрекнуть себя въ чемъ-нибудь? продолжаетъ покойный Н. Познанскій и, возбуждая подобный вопросъ, отвѣчаетъ: много бы я отвѣтилъ на этотъ вопросъ, если бы не боялся, что тетрадь попадетъ въ руки отца, или кому-нибудь другому, и онъ узнаетъ преждевременно тайны моей жизни съ 14 лѣтъ. Много перемѣнъ, много разочарованій, многія дурныя качества появились во мнѣ. Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе, движеніе крови повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что при воспоминаніи ихъ холодный потъ выступаетъ у меня на лбу... Сила воли выработалась изъ упрямства, спасла меня, когда я стоялъ на краю погибели; я сталъ атеистомъ, на половину либераломъ. Дорого бы я далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство. Но это уже поздно и невозможно. Много такихъ взглядовъ получилъ я, что и врагу своему не желаю додуматься до этого: таковъ, напримѣръ, взглядъ на отношеніе къ родителямъ и женщинамъ . . . .
Понятно, что, основываясь на этомъ и на предыдущемъ, я не могу быть доволенъ и настоящимъ". Переходя потомъ къ другому вопросу—свѣтло ли мое будущее?—Н. Познанскій отвѣчалъ такъ: „Недовольный существующимъ порядкомъ вещей, недовольный типами человѣчества, я наврядъ ли найду

человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ, и мнѣ придется проводить жизнь solo, а тяжела жизнь въ одиночествѣ, тяжело, когда тебя не понимаютъ, не цѣнятъ". Разбирая въ заключеніе родъ дѣятельности, которую онъ намѣренъ избрать для достиженія славы, Н. Познанскій оканчиваетъ замѣтки упоминаніемъ о полученномъ имъ 18-го марта письмѣ отъ г-жи П. и потомъ, обращаясь къ сопернику своему по ухаживанію за госпожею П., г. Ѳ. И. Ч., оканчиваетъ дневникъ словами, хотя и вычеркнутыми отцомъ его при представленіи этого дневника судебному слѣдователю, но возстановленными на судѣ, именно: что *кому-нибудь изъ двухъ*, ему или Ѳ. И. Ч., *придется переселиться въ лучшій міръ.*

Въ виду сдѣланныхъ мною извлеченій изъ замѣтокъ покойнаго, невольно возбуждаются вопросы: какіе дурные поступки и качества могли появиться въ несчастномъ юношѣ съ 14-тилѣтняго возраста? На краю какой погибели онъ стоялъ, спасенный силою воли? Въ чемъ состоялъ этотъ взглядъ на родителей и женщинъ, усвоенія котораго онъ не пожелалъ бы и врагу своему? И, наконецъ, что означаетъ этотъ возгласъ, которымъ оканчиваются замѣтки покойнаго, за нѣсколько дней до его внезапной смерти,—возгласъ, вызванный несомнѣнно крайнимъ отчаяніемъ, внезапно овладѣвшимъ Н. Познанскимъ?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы мы не могли получить никакихъ отвѣтовъ отъ лицъ, допрошенныхъ на судѣ и заявлявшихъ о близкихъ дружественныхъ своихъ отношеніяхъ къ покойному, и потому, избѣгая совершенно произвольныхъ комментированій, остановимся только на сообщенныхъ покойнымъ фактахъ, какъ на основаніи, еще болѣе парализующемъ возможность признанія виновности М. Жюжанъ.

Этимъ я оканчиваю свою защиту и, вручая вамъ судьбу подсудимой съ полнымъ и безусловнымъ довѣріемъ, прошу объ одномъ, гг. присяжные засѣдатели: не забывайте, что она иностранка, и что въ настоящемъ обвиненіи нѣтъ никакой средины для правосудія,— М. Жюжанъ или должна будетъ пасть подъ тяжестью преслѣдующаго ея подозрѣнія или выйти изъ залы засѣданія торжественно возстановленною въ своихъ правахъ. Мнѣ кажется, что послѣдній

исходъ будетъ наиболѣе соотвѣтствовать условіямъ справедливости и безпристрастнаго приговора. Еще одно и послѣднее слово. Настоящій процессъ будетъ несомнѣнно занесенъ въ нашу судебно-уголовную лѣтопись. Но, занимая мѣсто среди разнаго рода загадочныхъ убійствъ, возмущающихъ душу читателя, процессъ М. Жюжанъ возбудитъ въ немъ одно только недоумѣніе.

По окончаніи рѣчи защитника судъ поставилъ вопросъ о виновности М. Жюжанъ въ отравленіи Н. Познанскаго и затѣмъ началась рѣчь предсѣдателя.

Господа присяжные засѣдатели! Двухдневное судебное слѣдствіе и оживленныя пренія сторонъ дали вамъ богатый и разнообразный матеріалъ; онъ такъ великъ и имѣетъ такую разнородную доказательную силу, что быть можетъ вамъ полезно получить отъ меня нѣсколько указаній на тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ надо обсуждать и оцѣнивать этотъ матеріалъ. Законъ обязываетъ меня дать вамъ эти указанія, но отнюдь не считаетъ ихъ обязательными для васъ.

Вамъ говорилось о характерѣ преступленія, подлежащаго вашему разсмотрѣнію. Указанія обвинителя согласны съ сущностью этого преступленія и съ обыкновенною житейскою обстановкою его. Дѣйствительно, это преступленіе коварное и, если можно такъ выразиться, трусливое. Совершитель отравленія не имѣетъ обыкновенно той смѣлости, которая заставляетъ болѣе или менѣе рисковать собою, нападая на другого. Онъ дѣйствуетъ тайно и иногда съ видимымъ спокойствіемъ удаляется прочь, когда его орудіе и невидимый союзникъ—ядъ—только еще начинаетъ свое дѣло. Между орудіемъ преступленія и виновникомъ нѣтъ обыкновенно непосредственной тѣсной связи, ему нечего бояться брызгъ крови отъ удара ножомъ, криковъ жертвы, борьбы съ нею, шума и дыма выстрѣла. Когда ядъ начнетъ дѣйствовать, виновникъ можетъ быть уже въ полной безопасности, скрывая и извращая слѣды своего участія, а иногда даже приходя съ лицемѣрною и позднею помощью. Коварство—главное свойство отравленія. Оно продуктъ слабости, а не силы, ненависти и корысти, но никогда не

гнѣва. Изъ этихъ свойствъ отравленія вытекаетъ трудность собранія доказательствъ, изъ нихъ же вытекаетъ, съ другой стороны, и возможность широкихъ предположеній и догадокъ, не всегда основанныхъ на дѣйствительныхъ обстоятельствахъ или на вѣрной и спокойной ихъ оцѣнкѣ. Когда предлагается вопросъ объ отравленіи, первое, что должно занять вниманіе, это вопросъ о томъ, было ли отравленіе? Не имѣемъ ли мы дѣла съ естественною смертью? Если найдено, что отравленіе было, тогда естественно взоры обращаются къ тому, кто заподозрѣнъ. Изучается его личность для того, чтобы опредѣлить, былъ ли онъ способенъ на такое преступленіе, и затѣмъ разсматриваются его отношенія къ покойному. Они должны содержать отвѣтъ на то, была ли причина ненависти, былъ ли поводъ къ такому ея проявленію. Но это далеко не все. Этого достаточно для того, чтобы *заподозрить* человѣка. Но для того, чтобы *обвинять*, необходимо, чтобы между отравою и личностью заподозрѣнною была связь, было соединеніе, смычка. Для того же, чтобы *обвинить*, чтобы выразить не мимолетное мнѣніе, а обдуманный и взвѣшенный приговоръ о судьбѣ человѣка, всегда необходимо, чтобы это соединеніе было прочно, чтобы оно выдерживало серьезный напоръ возраженій.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ дѣлъ объ отравленіи нельзя искать и странно было бы требовать прямыхъ доказательствъ виновности. Самая природа преступленія противорѣчитъ этому. Могутъ быть только улики, только косвенныя доказательства, изъ которыхъ должно складываться предположеніе о виновности, о томъ, что именно *это* лицо дало *этотъ* ядъ и что иначе объяснить себѣ его присутствіе въ организмѣ невозможно. Предположеніе это должно быть вѣское, должно покоиться на твердо установленныхъ данныхъ дѣла. Если житейскій опытъ, если обстоятельства дѣла говорятъ, что это предположеніе самое правильное, что оно естественно и неуклонно вытекаетъ изъ свѣдѣній о личности обвиняемаго, объ его отношеніяхъ къ отравленному, объ его дѣйствіяхъ, то смычка между личностью обвиняемаго и найденнымъ ядомъ существуетъ, и обвиненіе тѣмъ болѣе доказано, чѣмъ прочнѣе

эта смычка. Но если, на ряду съ предположеніемъ о существованіи связи между личностью обвиняемаго и ядомъ, можно представить нѣсколько противоположныхъ, но равно правдоподобныхъ, равно логичныхъ и практическихъ соображеній и предположеній, основанныхъ тоже на прочно доказанныхъ фактахъ дѣла, то смычка можетъ быть разорвана, и обвиненіе должно оказаться шаткимъ.

Итакъ, умеръ ли Николай Познанскій естественною смертью или отъ яда? Вы слышали экспертизу. Она произведена профессоромъ-спеціалистомъ при участіи прозектора и полицейскаго врача, которые, по своей спеціальности, особенно привыкли обращаться съ трупами и видѣли на своемъ вѣку многихъ людей, умершихъ естественною смертью или насильственною, отъ своей или чужой руки. Двое послѣднихъ сами производили вскрытіе Николая Познанскаго и говорятъ намъ не о томъ, что слышали отъ другихъ или прочли, а о томъ, что видѣли. Вы знаете, какъ шло ихъ изслѣдованіе. Они двигались ощупью, боясь ошибиться, тщательно изслѣдуя почву подъ ногами. Они долго колебались, прежде чѣмъ произнесли роковое слово— *отравленъ*. Они призывали къ себѣ на помощь другихъ спеціалистовъ и, въ окончательномъ результатѣ, свидѣтельствуютъ здѣсь, что Познанскій лишился жизни отъ пріема морфія въ количествѣ, достаточномъ для причиненія смерти взрослому человѣку. Когда экспертиза произведена знающими людьми и съ тою осторожностью и недовѣрчивостью къ себѣ, которыя вызываются ея важностью для дѣла, ей можно вѣрить. Вы, конечно, можете ее отвергнуть, но такъ какъ, вѣроятно, вы этого не сдѣлаете, то вамъ надо будетъ перейти къ разсмотрѣнію свѣдѣній о личности Жюжанъ, о характерѣ и свойствѣ отношеній ея къ покойному.

Въ этомъ отношеніи данныя дѣла раздѣляются на двѣ группы—за и противъ Жюжанъ. Къ первой группѣ относятся показанія свидѣтеля Мягкова, квартирныхъ хозяекъ подсудимой и письма, написанныя къ ней и о ней, представленныя вамъ на судѣ. У васъ можетъ явиться мысль, что тѣ, кто въ письмахъ такъ горячо относится къ ней, такъ молитъ Бога поддержать ее въ несчастіи, лучше бы сдѣлали, если бы явились сюда подкрѣпить живымъ сло-

вомъ свое письменное участіе къ Жюжанъ. Но я долженъ вамъ объяснить, что свидѣтели такого рода могли явиться лишь въ случаѣ вызова ихъ подсудимою. Явка въ судъ и продолжительное ожиданіе допроса не всегда признаются пріятною обязанностью, а эти лица принадлежатъ къ тѣмъ, въ средѣ и въ заведеніяхъ которыхъ Жюжанъ давала уроки. Если она увѣрена въ своей невиновности, если она питаетъ надежду выйти изъ суда оправданною, естественно, что она не хочетъ тревожить тѣхъ, къ кому ей, можетъ быть, придется обратиться потомъ за помощью, и она ограничивается ихъ письмами. Вамъ было представлено весьма характеристическое раздѣленіе знакомыхъ Жюжанъ на два слоя. Въ одномъ Жюжанъ была строгою, высоко-нравственною воспитательницею, въ другомъ—сама собою, со всѣми порывами страстной французской натуры, вращающейся въ средѣ русскаго распущеннаго добродушія. Свидѣтельство, идущее изъ перваго слоя, должно поэтому рисовать передъ вами не настоящую, а искусственную Жюжанъ—и не заслуживаетъ довѣрія. Вы оцѣните основательность такого раздѣленія знавшихъ Жюжанъ, но вы примете, однако, во вниманіе живыя національныя особенности подсудимой, при которыхъ, быть можетъ, ей было бы трудно постоянно играть роль и раздвояться, а также и то, что ея квартирныя хозяйки едва ли могутъ быть отнесены къ первому слою.

Вторая группа данныхъ весьма разнообразна. Прежде, чѣмъ оцѣнивать ихъ, я совѣтую вамъ припомнить, что обыкновенно, когда преступленіе или какое-нибудь тягостное событіе взволновываетъ и иногда даже совершенно разбиваетъ какой-нибудь кружокъ или семью, то подозрѣнія и предположенія, спавшія мертвымъ сномъ до событія, вдругъ всплываютъ наружу самымъ неожиданнымъ образомъ. Тутъ появляется обыкновенно то, что можно назвать предусмотрительностью заднимъ числомъ. Рядомъ съ этимъ, подозрительность нерѣдко внушаетъ такое одностороннее истолкованіе фактовъ, что на дѣлѣ, рядомъ съ серьезными уликами, образуются излишнія наслоенія, лишенные внутренняго содержанія пузыри.

Обязанность суда, гг. присяжные засѣдатели, срѣзать эти

наслоенія, снять эти пузыри. Къ такимъ даннымъ, которыя можно безъ ущерба для справедливости выбросить совершенно изъ соображеній по дѣлу, относятся — разсказъ о котлетахъ, поданныхъ наканунѣ смерти Николаю Познанскому и возвращенныхъ въ кухню „въ растерзанномъ видѣ“, и разсказъ о подкупѣ подсудимою няни Рудневой. Исторія о котлетахъ явилась на судѣ такъ неожиданно, такъ непровѣренно и неопредѣленно, что ей нельзя придавать значенія, а о подкупѣ Рудневой тоже трудно сказать что-нибудь точное. Могло быть недоразумѣніе, весьма понятное между русскою нянею и француженкою, не умѣющею правильно употреблять слово „свой“, „себѣ“. Но судъ долженъ имѣть дѣло съ фактами, а не съ недоразумѣніями. Здѣсь говорилось много о поведеніи Жюжанъ во время похоронъ Познанскаго и въ первое время по полученіи извѣстія о его смерти. Поведеніе подсудимой послѣ совершенія приписываемаго ей преступленія можетъ быть разсматриваемо двояко: какъ рядъ дѣйствій, выражавшихъ стремленіе скрыть слѣды преступленія, отклонить или направить изслѣдованіе на ложный путь, или какъ рядъ поступковъ, словъ, движеній, выражающихъ душевное ея настроеніе. Дѣйствія для скрытія слѣдовъ преступленія должны подлежать тщательной провѣркѣ: иногда они содержатъ въ себѣ неотразимыя указанія на виновность. Но душевное настроеніе обвиняемаго послѣ приписываемаго ему преступленія—это скользкая почва, на которой возможны весьма ошибочные выводы, произвольность которыхъ бываетъ связана съ отсутствіемъ какихъ-либо для нихъ границъ. Лучше не ступать на эту почву: на ней нѣтъ ничего безспорнаго. Подсудимая цѣловала голову отца Познанскаго, убирала гробъ его сына цвѣтами, ночевала невдалекѣ отъ трупа; встревоженная и ослабѣвшая, по словамъ юнкера Бергера, въ первую минуту, она была потомъ, повидимому, спокойна и только на послѣдней панихидѣ впала въ истерику и звала г-жу Познанскую, отъ которой передъ тѣмъ получила на память запонки отравленнаго. Какая закоренѣлость, какое преступное бездушіе! — воскликнутъ одни... А быть можетъ, спокойствіе сознаваемой невиновности, отвѣтятъ другіе. Гдѣ правда? Гдѣ мѣрило для оцѣн-

ки значенія душевнаго настроенія Жюжанъ? Несомнѣнно лишь то, что горе, которое, какъ близкая въ семьѣ Познанскихъ, Жюжанъ должна была чувствовать, если она была невиновна, *могло* выразиться въ рядѣ дѣйствій, о которыхъ я только что сказалъ. И свидѣтели, и подсудимая въ этомъ согласны. Но законовъ для выраженія горя не существуетъ. Горе и радость, больше чѣмъ всѣ другія душевныя настроенія и порывы, не подходятъ подъ какія-либо психологическія правила. Все зависитъ отъ личныхъ свойствъ, отъ темперамента, отъ нервности, отъ обстановки, отъ впечатлительности. Одного горе поражаетъ сразу и „отпускаетъ" понемножку; другіе его принимаютъ бодро и холодно, но хранятъ его въ душѣ, какъ вино, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ старше. Отъ одного и того же нравственнаго удара одинъ человѣкъ застываетъ и, уходя въ себя, не въ силахъ даже облегчить себя слезами, тогда какъ другой разливается рѣкою слезъ. Вотъ почему, господа, вы можете оставить поведеніе Жюжанъ послѣ смерти Познанскаго безъ разсмотрѣнія. Но если вы пожелаете ему придать значеніе, то, въ интересахъ правосудія, совѣтую вамъ смотрѣть на него, какъ на послѣднюю дополнительную черту къ преступленію, которое передъ вами „доказано", а не какъ на улику, „доказывающую" преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимая.

Когда эта группа данныхъ будетъ очищена отъ излишнихъ наслоеній, въ ней останется рядъ показаній объ отношеніяхъ между Жюжанъ и покойнымъ Познанскимъ. Подсудимая говорила здѣсь, что все существенное, что показываютъ эти свидѣтели,—ложь или, какъ она выразилась, „вранье". Вы припомните весь рядъ этихъ свидѣтелей, начиная съ шести молодыхъ учащихся людей, въ обществѣ которыхъ Жюжанъ, по ихъ словамъ, допускала слишкомъ вольное съ собою обращеніе, переходя къ нянѣ Рудневой и горничной Яковлевой, которыя слышали отъ нея сознанія, исполненныя грязныхъ подробностей, о ея связи съ не вышедшимъ еще изъ отрочества Познанскимъ, и кончая Татьяною Казанской, которая, не щадя и себя, нарисовала предъ вами послѣдствія ея пированья съ Жюжанъ. Если вы найдете, что всѣ эти свидѣтели, несмотря

на разность лѣтъ, положеній и отношеній къ Жюжанъ, несмотря на связующую их всѣхъ присягу, поголовно говорятъ ложь, вы отвергнете ихъ показанія, и въ дѣлѣ останется пробѣлъ, который трудно будетъ чѣмъ-либо наполнить; но если вы не отвергнете эти показанія, то вамъ придется припомнить существенныя ихъ черты и дополнить разсказами Николая Познанскаго. Эти существенныя черты содержатъ въ себѣ указанія на первоначальную нѣжность отношеній между Жюжанъ и ея ученикомъ,- котораго расположилъ къ ней ея веселый, необидчивый нравъ, на довольно скорый переходъ отъ нѣжности къ страсти со стороны Жюжанъ и къ пробужденію инстинктовъ въ Познанскомъ, послѣдствіемъ котораго явились ихъ близкія отношенія между собою. Если признавать существованіе этихъ отношеній, то необходимо имѣть въ виду, что, по самой разности лѣтъ, отношенія эти не могли долго оставаться одинаковыми. По естественному ходу вещей, каждый мѣсяцъ долженъ былъ приближать подсудимую къ старости, каждый мѣсяцъ долженъ былъ открывать предъ мужавшимъ отрокомъ, который притомъ пользовался полною свободою, новые горизонты и возможность иныхъ, лучшихъ отношеній. Отсюда могло, по мнѣнію обвинителя, вытекать охлажденіе съ одной стороны и стремленіе удержать за собою привязанность юноши съ другой стороны, стремленіе, отъ котораго легокъ переходъ къ ревности. Житейскій опытъ поможетъ вамъ, гг. присяжные, освѣтить эту часть дѣла надлежащимъ образомъ, а память возстановитъ разныя мелочныя подробности, о которыхъ вы слышали преимущественно при закрытыхъ дверяхъ. Для оцѣнки характера этихъ отношеній, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать неотвергаемой и самою подсудимою сцены ссоры съ Николаемъ Познанскимъ, начавшейся требованіемъ Познанскаго, чтобы Жюжанъ увели изъ его комнаты, за что она взяла его за ухо, и кончившейся тѣмъ, что приведеннаго въ изступленіе юношу пришлось крестить и запирать на ключъ. Не надо упускать изъ виду и того циническаго выраженія покойнаго о Жюжанъ, которое написалъ вчера, по моему предложенію, на бумагѣ гимназистъ Соловьевъ. Если вы повѣрите ему, что такія слова были именно про-

изнесены Познанскимъ въ кругу товарищей, то вы, конечно, найдете, что въ нихъ нѣтъ слѣда любви, нѣжности или просто даже уваженія, съ которымъ обыкновенно относится молодое существо къ предмету своей привязанности, и что они представляютъ собою выраженіе грубаго, чувственнаго молодечества, отъ котораго недалеко до охлажденія и даже до отвращенія. Когда предъ вами, такъ или иначе, выразится Жюжанъ въ отношеніяхъ своихъ къ Николаю Познанскому, вамъ придется вернуться къ причинѣ смерти его—отравленію—и удостовѣриться, существуетъ ли между ядомъ въ тѣлѣ Познанскаго и Маргаритой Жюжанъ та связь, та смычка, о которой я вамъ говорилъ.

Данныя, которыя должны смыкать отравителя съ его жертвою, распадаются на два неизбѣжныхъ звена: желаніе причинить вредъ—и самое причиненіе вреда. Они должны быть тѣсно связаны одно съ другимъ,—они немыслимы, при умышленномъ отравленіи, одно безъ другого.

Разсматривая вопросъ о желаніи Жюжанъ причинить вредъ или погибель Познанскому, вы прежде всего остановитесь на доносѣ. Онъ былъ подвергнутъ двоякой экспертизѣ—по содержанію и по способу письма. Защита доказывала вамъ, что каллиграфическая экспертиза вообще не заслуживаетъ довѣрія. Я должень сказать, что хотя такая экспертиза въ послѣднее время, въ особенности во Франціи, и сдѣлала большіе успѣхи, но она еще не достигла полной степени совершенства. Здѣсь, впрочемъ, экспертомъ Буевскимъ былъ употребленъ не только прежній пріемъ сравненія очертанія буквъ, но и новый пріемъ изслѣдованія „привычекъ“ письма. Поэтому экспертиза эта представляется произведенною съ достаточною полнотою. Рядомъ съ нею идетъ экспертиза „стиля“, т.-е. языка доноса. Если бы экспертизы расходились или противорѣчили одна другой, ихъ бы слѣдовало исключить изъ числа соображеній, но онѣ сходятся въ выводахъ. Вы столь внимательно вникали въ производство ихъ, сами тщательно разсматривая, читая и сличая доносъ, что, конечно, придете въ оцѣнкѣ экспертизъ этихъ къ правильному выводу. Напомню только, что эксперты второго рода признали, что доносъ написанъ человѣкомъ, владѣющимъ французскимъ языкомъ, но съ таки-

ми грубыми ошибками, которыхъ не нарочно не можетъ сдѣлать знающій языкъ и не дѣлаютъ обыкновенно учащіеся языку. Могъ ли русскій лакей Василій, прислуживавшій на гимназической пирушкѣ, написать такое письмо, разрѣшите вы сами.

Переходя къ обсужденію „значенія" этого доноса, приходится встрѣтиться съ двумя крайними мнѣніями. Защита, не допуская вообще возможности написанія этого доноса, высказываетъ предположеніе, что если бъ онъ и былъ написанъ подсудимою, то не иначе, какъ въ видѣ шутки, не обдуманной и глупой, но все-таки шутки. Обвиненіе видитъ въ доносѣ проявленіе глубокой и долго сдерживаемой ненависти противъ Познанскаго и всей его среды. Это крикъ неразборчиваго и ослѣпленнаго мщенія, желающаго гибели отнимаемому и отнимающимъ. Вы припомните обстановку подсудимой и то, что она всего болѣе была близка съ семействомъ, гдѣ она не могла не слышать неоднократно о томъ, какіе тяжелые результаты могутъ имѣть обвиненія въ родѣ тѣхъ, которыя взводятся въ доносѣ на Познанскаго и товарищей его, гдѣ она не могла не понять, какимъ, въ тревожныя времена, опаснымъ оружіемъ является доносъ съ обвиненіемъ „въ дистиллированіи ядовъ для цѣлей образовавшагося заговора". Вы опредѣлите такимъ образомъ, могла ли здѣсь быть только шутка и для чего было такъ странно шутить. Если окажется, что это мало похоже на шутку, то придется обратиться къ предположенію обвиненія о томъ, что желаніе погубить Николая Познанскаго было довольно несомнѣннымъ. Но, обсуждая обвиненіе съ этой стороны, слѣдуетъ, однако, разрѣшить вопросъ: было ли это исключительное желаніе гибели этого юноши, суда надъ нимъ, строгой кары, которая отразилась бы на всей его жизни; не былъ ли доносъ вызванъ желаніемъ вернуть къ себѣ охладѣвающаго юношу, котораго отвлекаетъ кружокъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, и для этого разогнать, распугать этотъ кружокъ производствомъ о нихъ какого-то „дѣла", которое, безъ сомнѣнія, кончилось бы пустяками, ибо не имѣло бы фактическихъ основаній, но которое заставило бы испуганныхъ родителей принять мѣры, чтобы дѣти побольше сидѣли дома, съ книгами и друзьями, въ родѣ

Маргариты Жюжанъ, и поменьше бывали въ навлекающемъ подозрѣніе кружкѣ? Вы оцѣните каждое изъ этихъ трехъ возможныхъ объясненій доноса и остановитесь на томъ, которое ближе другихъ къ жизни и характеру подсудимой.

Второе звено—„причиненіе вреда"—должно заставить васъ тщательно обсудить рядъ предположеній, высказанныхъ на слѣдствіи и вытекающихъ изъ дѣла. Но прежде всего два слова о предположеніи самой подсудимой, помѣщенномъ въ обвинительномъ актѣ и о которомъ говорилъ здѣсь полковникъ Познанскій. Хотя о немъ въ преніяхъ не упоминалось и самая чудовищность такого обвиненія противъ родителей, повидимому, остановила и Жюжанъ отъ повторенія его на судѣ, но я все-таки считаю нужнымъ напомнить вамъ отношенія семьи къ покойному, воспоминанія о которыхъ должны изгладить самый слѣдъ такого подозрѣнія. Вы найдете, можетъ быть, что въ семьѣ этой, къ сожалѣнію, невмѣшательство въ поведеніе сына основывалось не на разумной свободѣ дѣйствій, а на смутной неопредѣленности отношеній, и что между распущенностью перезрѣлаго организма, съ одной стороны, и неокрѣпшимъ духовно и физически организмомъ сына, съ другой, родительская власть не становилась, какъ преграда, не только законная, но, въ данномъ случаѣ, даже обязательная. Но вы найдете также, безъ сомнѣнія, въ показаніяхъ родителей, данныхъ предъ вами, такую горячую любовь къ сыну и такую глубокую скорбь о его безвременной кончинѣ, что вы рѣшительно отвергнете всякую, даже отдаленную, возможность мрачнаго предположенія Маргариты Жюжанъ. Оно не болѣе, какъ змѣйка, которая скользнула по дѣлу, никого не успѣвъ ужалить. Затѣмъ вы придете къ ряду предположеній, заслуживающихъ вниманія и разбора. При этомъ вы не забудете, конечно, что ядъ, который найденъ въ тѣлѣ покойнаго, найденъ послѣ весьма сложныхъ изслѣдованій со стороны спеціалистовъ и въ лѣкарствѣ, которое принималъ покойный. Іодистый калій, который находится здѣсь предъ вами въ стклянкѣ, содержитъ въ себѣ, вопреки сигнатуркѣ аптеки, морфій въ такомъ количествѣ, что столовая ложка раствора заключаетъ въ себѣ около трехъ грановъ морфія. Это обстоятельство надо имѣть въ виду

при всѣхъ соображеніяхъ, и въ какія бы предположенія о причинахъ смерти мы ни вдавались, лѣкарство съ морфіемъ должно служить компасомъ, не допускающимъ слишкомъ уклоняться въ сторону произвольныхъ выводовъ. Первое предположеніе—*случай*. Возможно ли отравленіе случайное? Морфій, какъ показали свидѣтели, былъ обыкновеннымъ лѣкарствомъ полковника Познанскаго. Онъ не очень охранялся. Онъ составлялъ домашнее снадобье, находившееся всегда подъ рукою. Въ дѣлѣ нѣтъ непреложныхъ указаній, чтобы онъ не могъ попасть въ комнату или въ руки Николая Познанскаго. Іодистый калій принимался съ прибавленіемъ яблочно-кислаго желѣза. Отъ прибавленія морфія вкусъ, по мнѣнію экспертовъ, значительно измѣниться не могъ. Николай Познанскій былъ боленъ краснухою, которая вызываетъ слабость глазъ, онъ носилъ консервы и могъ смѣшать желѣзо съ морфіемъ. Обсуждая это предположеніе, вы не забудете, однако, что морфій былъ въ порошкѣ, который приходилось бы „всыпать" въ стклянку или въ ложку, а яблочно-кислое желѣзо было прописано въ капляхъ, которыя приходилось бы „вливать"; что покойный вообще не принималъ лѣкарства ночью, и что онъ былъ до крайности, какъ видно изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, остороженъ относительно здоровья и употребленія лѣкарствъ.

Второе предположеніе—*ошибка аптеки*, о которой прежде всего стала думать и говорить г-жа Познанская, найдя въ комнатѣ сына стклянку съ бѣлыми потоками, а на губахъ сына—смытый ею осадокъ бѣлаго порошка. Ошибки аптекъ и неосторожныя вслѣдствіе этого отравленія возможны и, какъ показываетъ судебная практика, хотя не часты, къ счастію, но все же иногда бываютъ. Николай Познанскій принялъ съ 16-го апрѣля не менѣе 4-хъ ложекъ—и слѣдовъ отравленія не было. Вы не забудете, что растворъ kali jodatum, въ моментъ смерти Николая Познанскаго, содержалъ на каждую ложку такое количество морфія, котораго достаточно, чтобы отравить взрослаго человѣка.

Третье предположеніе—*самоубійство*. Въ послѣдніе годы, гг. присяжные засѣдатели, наше общество страдаетъ тяжелымъ нравственнымъ недугомъ. Развитіе его не можетъ не озабочивать всякаго мыслящаго человѣка. Недугъ этотъ—

самоубійство. Извѣстіями о лишившихъ себя жизни полны вседневныя извѣстія газетъ. Быть можетъ, недугъ этотъ врывался и въ среду близкихъ или знакомыхъ вамъ людей. Въ этомъ явленіи есть одна особенно тяжелая сторона. Лишаютъ себя жизни не только люди утомленные, пресыщенные или измученные жизнью,—самоубійство простерло свое черное крыло и надъ юностью, и надъ дѣтствомъ, когда ни о пресыщеніи, ни объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины этого явленія, но нельзя не замѣтить, что иногда, при разсмотрѣніи обстоятельствъ жизни нѣкоторыхъ юныхъ самоубійцъ, оказывается, что они вступили въ жизнь, предъявляя къ ней большія и нетерпѣливыя требованія, богатые сырымъ матеріаломъ знаній и бѣдные душевною жизнью, равнодушные къ вѣчнымъ вопросамъ вѣры и преждевременно разочарованные. Жизнь никому не даетъ пощады, и когда она наноситъ свои первые удары такимъ людямъ, предъ ними сразу меркнетъ всякая надежда, смущенная душа ни въ чемъ не находитъ опоры, да и не умѣетъ ее искать, и они въ безсильномъ отчаяніи опускаютъ руки, а затѣмъ поднимаютъ ихъ на себя.

Вглядитесь въ личность Николая Познанскаго и обдумайте, принадлежитъ ли онъ, по свойствамъ своимъ и воспитанію, къ такимъ людямъ, были ли у него причины тяготиться едва начинавшеюся жизнью и поводы къ разлукѣ съ нею? Вы слышали, что въ дневникѣ своемъ онъ выражаетъ недовольство собою, съ холоднымъ потомъ вспоминаетъ послѣдствія волненія, въ которое была приведена его кровь съ 14-тилѣтняго возраста; боится разочарованія и неизбѣжнаго, по его мнѣнію, одиночества въ жизни, и съ горемъ сознаетъ, что потерялъ вѣру въ Бога, которую ему ничто уже возвратить не можетъ. Въ этомъ же дневникѣ онъ огорчается на нравящуюся ему дѣвушку и предвидитъ, что ему или его сопернику рано или поздно придется переселиться въ лучшій міръ... Если эти мѣста дневника возбудятъ въ васъ предположеніе о самоубійствѣ, то вамъ придется тщательно обсудить вопросы, зачѣмъ онъ отравился посредствомъ лѣкарства, а не прямо? Зачѣмъ морфіемъ, а не ядомъ изъ сильнѣйшихъ и быстрѣйшихъ ядовъ—

ціанистымъ каліемъ, который былъ у него въ лабораторіи въ большомъ количествѣ? Почему, по примѣру большинства образованныхъ самоубійцъ, лишающихъ себя жизни не въ припадкѣ безумія, не оставилъ онъ предсмертной записки, нѣсколькихъ словъ о томъ, что въ его смерти никто невиновенъ, чтобы имѣть возможность уничтожить подозрѣніе на невинныхъ? Вы сопоставите также это предположеніе съ указанною многими свидѣтелями любовью его къ жизни и страхомъ смерти, о которой онъ не любилъ даже говорить или слышать, а при оцѣнкѣ степени его огорченія на г-жу Плющинскую припомните тѣ два письма, которыя были прочитаны вчера. Эти письма явились, какъ двѣ свѣтлыя точки, какъ два чистыхъ звука среди массы непріятныхъ и нечистыхъ подробностей вчерашняго засѣданія. Они дѣлаютъ честь людямъ, ихъ писавшимъ, и отнюдь не содержатъ въ себѣ указанія на огорченіе, могущее довести до самоубійства. Наконецъ, надлежитъ припомнить дневникъ во всемъ объемѣ, прочитанномъ на судѣ. Рядомъ съ недовольствомъ собою, съ горькими открытіями объ „отношеніяхъ къ женщинамъ и къ родителямъ", Николай Познанскій выражаетъ въ немъ заботу о здоровьѣ, стремленіе воздерживаться отъ пылкости, жажду дѣятельности и славы, желаніе облегчить родителей своимъ трудомъ, надежду на успѣхъ въ музыкѣ и медицинѣ. „Я свой собственный кумиръ,—говоритъ онъ,—я люблю себя, какъ нѣжная мать свое дитя". „Работы! работы!" восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Вообще я долженъ сказать вамъ, что дневникъ всегда является доказательствомъ, къ которому надо относиться очень осторожно. Кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда дневникъ бываетъ результатомъ спокойныхъ наблюденій надъ жизнью со стороны взрослаго и много пережившаго человѣка,—онъ пишется въ юности, которой свойственно увлеченіе и невольное преувеличеніе своихъ ощущеній и впечатлѣній. Предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ налагаютъ нѣкоторый оттѣнокъ тихой грусти на размышленія, передаваемыя бумагѣ, и человѣкъ, правдивый въ передачѣ фактовъ и событій, обманываетъ самъ себя въ передачѣ своихъ чувствъ и мнѣній. Притомъ— и всякій, кто велъ дневникъ, вѣроятно, не станетъ отри-

цать этого—юноша обыкновенно, почти безсознательно отдается представленію о какомъ-то отдаленномъ будущемъ читателѣ, къ которому попадетъ когда нибудь въ руки дневникъ и который скажетъ: „какой былъ хорошій человѣкъ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какія благородныя мысли и побужденія были у него“, или: „какъ бичевалъ онъ себя за свои недостатки, какое честное недовольство на себя умѣлъ онъ питать“. Поэтому дневникъ можетъ служить скрѣпою и дополненіемъ между другими уликами, но, какъ къ самостоятельному доказательству, къ нему надо относиться весьма осмотрительно.

Четвертое предположеніе—*отравленіе постороннею рукою*. Здѣсь вы встрѣтитесь неизбѣжно съ обвиненіемъ, взводимымъ на Жюжанъ. Вы обсудите его со всѣмъ вниманіемъ, призвавъ на помощь вашу совѣсть, разумъ и житейскій опытъ. Вы выведете рѣшеніе, которое вамъ подскажетъ первая и которое не должно противорѣчить ни второму, ни третьему. Я только напомню вамъ, что Жюжанъ, предъ уходомъ, около часу ночи, давала лѣкарство Познанскому; что въ 7-мъ часу Лидія Шульцъ слышала у него въ комнатѣ стукъ, похожій на чирканье спичкой и ударъ твердымъ тѣломъ; что въ 9 часовъ онъ былъ найденъ еще теплымъ, въ необычномъ положеніи на своей постели; что, по мнѣнію экспертовъ, при отравленіи морфіемъ, до наступленія спячки, возможны конвульсивныя движенія, и что срокъ смерти зависитъ отъ особенностей организма и состоянія желудка; что покойный не ужиналъ и принялъ слабительное, и что, наконецъ, по словамъ свидѣтелей, Жюжанъ выражала особое опасеніе за его здоровье, когда другіе такой опасности не замѣчали. Въ этихъ данныхъ и въ тѣхъ подробностяхъ, которыя вы припомните изъ дѣла, вы будете черпать основы для сужденія о томъ: была ли смерть Познанскаго дѣломъ рукъ Жюжанъ, и есть ли это самое сильное и прочное изъ всѣхъ предположеній, которыя можно сдѣлать въ этомъ дѣлѣ...

Порядокъ совѣщаній вашихъ вамъ извѣстенъ: рѣшеніе постановляется по большинству, при равенствѣ голосовъ рѣшеніе основывается на голосахъ, благопріятныхъ подсудимой. Сомнѣніе, строго продуманное и оставшееся такимъ

послѣ тщательнаго разбора, толкуется въ пользу обвиняемаго. При признанiи виновности во всякомъ случаѣ вы можете дать снисхожденiе. Законъ требуетъ, чтобы оно было основано на „обстоятельствахъ дѣла". Но изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, конечно, самое главное—самъ подсудимый. Поэтому, если въ его жизни, въ его личности, даже въ слабостяхъ его характера, вытекающихъ изъ его темперамента и его физической природы, вы найдете основанiе для снисхожденiя,—вы можете къ строгому голосу осужденiя присоединить слово христiанскаго милосердiя. Вашему разрѣшенiю подлежитъ трудное дѣло. Желаю вамъ выйти изъ него съ величайшею принадлежностью судьи—спокойною совѣстью предъ обществомъ, которое вы должны ограждать и отъ осужденiя невиновныхъ, и отъ безнаказанности виновныхъ.

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей подсудимая была *оправдана*.

Дѣло Александры Рыбаковской, обвиняемой въ убійствѣ.

Засѣданіе С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 18 октября 1868 г.

Предсѣдательствуетъ товарищъ предсѣдателя Сабуровъ, обвиняетъ товарищъ прокурора Желеховскій, защищаетъ присяжный повѣренный К. К. Арсеньевъ.

Рыбаковская обвиняется въ томъ, что 22 февраля 1866 года, съ цѣлью убить коллежскаго регистратора Евгенія Лейхфельда, нанесла ему выстрѣломъ изъ пистолета рану въ грудь навылетъ, вслѣдствіе которой онъ 4-го марта умеръ.

Замѣнившее обвинительный актъ по дѣлу опредѣленіе судебной палаты было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«22-го февраля 1866 года, въ девять часовъ утра, къ дворницкой въ домѣ наслѣдниковъ Лейхфельда, находящемся на углу Могилевской улицы и Екатерининскаго канала, прибѣжалъ жившій въ этомъ домѣ одинъ изъ домовладѣльцевъ, коллежскій регистраторъ Евгеній Лейхфельдъ, въ штанахъ и рубашкѣ, безъ верхняго платья и окровавленный, а за нимъ жившая съ нимъ въ одной квартирѣ дочь титулярнаго совѣтника Александра Рыбаковская. Лейхфельдъ стоналъ и не могъ произнести слова. Увидавъ это изъ дворницкой, дворникъ Ларіонъ Ѳеоктистовъ выбѣжалъ на дворъ, подхватилъ Лейхфельда подъ руки, съ помощью Рыбаковской отвелъ его въ квартиру, положилъ на кровать и немедленно затѣмъ отправился за докторомъ и въ полицію. Прибывшіе вслѣдствіе этого приставъ исполнительныхъ дѣлъ Коломенской части Миллеръ, вмѣстѣ съ другими полицейскими чинами, и частный врачъ Коломенской части Свентицкій нашли Лейхфельда лежащимъ уже не въ той комнатѣ, гдѣ оставилъ его дворникъ, а въ другой, на полу и безъ рубашки. При немъ находилась одна только Рыбаковская. По осмотрѣ его врачомъ оказалось, что онъ раненъ изъ огнестрѣльнаго оружія пулею навылетъ; рана сдѣлана въ лѣвую сторону

груди, на уровнѣ шестого ребра, подъ прямою линіею отъ соска, и имѣла соотвѣтствующую ей выходную рану на лѣвой сторонѣ спины, близъ позвоночнаго столба, на одинъ дюймъ выше первой раны. Рана на груди была правильной круглой формы, величиною въ 15 к., а рана на спинѣ— съ разорванными краями, величиною въ 10 к. При осмотрѣ рубашки, снятой съ Лейхфельда, какъ должно полагать, Рыбаковскою, которая, по ея объясненію, данному при слѣдствіи по сему дѣлу, предъ приходомъ полиціи, собралась дѣлать Лейхфельду перевязку, на рубашкѣ этой, сильно окровавленной, находились соотвѣтствующія ранамъ отверстія спереди и сзади, изъ которыхъ первое было съ обожженными краями. По мнѣнію врача, заявленному вслѣдъ за этимъ осмотромъ, рана, нанесенная Лейхфельду, должна была проходить черезъ лѣвое легкое и была смертельна; выстрѣлъ же былъ произведенъ на близкомъ разстояніи. При осмотрѣ квартиры Лейхфельда въ одной изъ комнатъ найденъ былъ пистолетъ съ свѣжею на немъ копотью и пуля. О томъ, какимъ образомъ была нанесена Лейхфельду рана, Рыбаковская говорила, что Лейхфельдъ выстрѣлилъ въ себя самъ, въ той комнатѣ, въ которой найденъ пистолетъ; Лейхфельдъ же на разспросы его не давалъ никакихъ отвѣтовъ. По сдѣланіи Лейхфельду врачомъ перевязки онъ былъ отправленъ въ Обуховскую больницу въ сопровожденіи Рыбаковской. Здѣсь часа черезъ три Лейхфельдъ, въ присутствіи свидѣтелей, объявилъ, что выстрѣлъ въ него сдѣлала Рыбаковская, вслѣдствіе чего она была взята въ полицію, гдѣ на допросѣ и созналась, что выстрѣлъ въ Лейхфельда дѣйствительно сдѣлала изъ пистолета она, но при этомъ утверждала, что сдѣлала его не умышленно, а по неосторожности, взводя курокъ, который, вслѣдствіе твердости пружины, не будучи еще поставленъ ею на первый взводъ, соскочилъ съ ея пальца.

4 марта 1866 года Лейхфельдъ умеръ въ Обуховской больницѣ. По вскрытіи его трупа оказалось, что шестое ребро было пробито пулею, осколки ребра проходили въ грудную полость, и лѣвое легкое частью разрушено вслѣдствіе пораженія его пулею. По мнѣнію главнаго доктора больницы Германа, производившаго вскрытіе, Лейхфельдъ умеръ отъ отека праваго легкаго, вслѣдствіе пораженія лѣваго.

Слѣдствіемъ по этому дѣлу обнаружено, что дочь канцелярскаго чиновника астраханской палаты государственныхъ имуществъ, нынѣ состоящаго за штатомъ, Николая Петрова Рыбаковскаго, Александра Николаева Рыбаковская, въ началѣ 1864 г., на 21 году своего возраста, пріѣхала въ Петербургъ по паспорту, выданному ей въ 1861 г. изъ тифлисской городской полиціи на свободное проживаніе во всѣхъ городахъ Россійской

имперіи. Въ маѣ 1864 г. она поступила въ повивальный институтъ, состоящій подъ покровительствомъ Ея Высочества великой княгини Елены Павловны, въ число вольноприходящихъ воспитанницъ, куда и являлась неаккуратно на лекціи до ноября 1865 г., а въ это время, за непосѣщеніе лекцій, изъ института была исключена. Между тѣмъ въ іюнѣ 1864 г. родила она сына, котораго отдала въ воспитательный домъ, а въ апрѣлѣ 1865 г. познакомилась съ канцелярскимъ чиновникомъ министерства почтъ и телеграфовъ Дубровинымъ, по словамъ Дубровина—на бульварѣ, и вошла съ нимъ въ любовную связь. По объясненію Дубровина, онъ имѣлъ намѣреніе на ней жениться, но отказался отъ этого, узнавъ, что она, кромѣ него, находится еще въ связи съ коллежскимъ регистраторомъ Лейхфельдомъ. Во второй половинѣ 1865 г. Рыбаковская, разойдясь съ Дубровинымъ, стала жить вмѣстѣ съ Лейхфельдомъ, который, по показанію знакомаго Лейхфельда, коллежскаго регистратора Грешнера, тоже хотѣлъ на ней жениться, но оставилъ это намѣреніе, узнавъ, что она продолжала связь съ Дубровинымъ. По объясненію зятя Лейхфельда, отставного поручика Розенберга, Лейхфельдъ прогонялъ отъ себя Рыбаковскую, но Рыбаковская, не желая разъѣзжаться съ Лейхфельдомъ, съ цѣлью возбудить къ себѣ его состраданіе, притворилась больною, чѣмъ еще болѣе оттолкнула отъ себя Лейхфельда, когда онъ узналъ о ея притворствѣ. Это было въ декабрѣ 1865 г. Рыбаковская представлялась страдающей чахоткою съ сильнымъ изверженіемъ крови изъ горла; приняты были всѣ мѣры къ ея излѣченію. Пользовавшій ее врачъ Свентицкій, которому она представляла тазы извергнутой крови, нѣкоторое время былъ въ недоумѣніи. Наконецъ, открылось, что для произведенія кровавой рвоты Рыбаковская пила свѣжую бычачью кровь, которую кухарка ея, по ея приказанію, неоднократно покупала для нея и приносила ей въ бутылкахъ. Около этого же времени (28 ноября) Рыбаковская, называя себя повивальною бабкою, взяла изъ общины крестовоздвиженскихъ сестеръ милосердія на свое попеченіе трехлѣтняго болѣзненнаго солдатскаго сына Павла Коровина. По показанію Рыбаковской, она сдѣлала это, скучая по своемъ сынѣ, рожденномъ, по словамъ ея, отъ Лейхфельда и котораго, несмотря на ея ходатайство, ей обратно изъ воспитательнаго дома не давали. Вмѣстѣ съ мальчикомъ Коровинымъ было передано ей и его метрическое свидѣтельство, но когда мальчикъ этотъ 7 декабря 1865 года умеръ, она просила Лейхфельда достать метрическое свидѣтельство ея сына и по этому свидѣтельству, подъ именемъ собственнаго своего сына Леонида, она похоронила Коровина, при чемъ, какъ видно изъ дѣла, на кладбище ѣздилъ, въ числѣ другихъ лицъ, и Лейхфельдъ. Рыбаковская утверждала при слѣдствіи, что она сдѣлала это потому, что не имѣла никакого доку-

мента о Коровинѣ, по которому могла бы его похоронить, но когда ее уличили, что она имѣла метрическое свидѣтельство, то сказала, что, вѣроятно, въ то время свидѣтельство это было потеряно. Вечеромъ 21-го февраля 1866 года Лейхфельдъ пошелъ къ зятю своему Розенбергу, пріѣхавшему передъ тѣмъ въ Петербургъ изъ деревни и на слѣдующій день уѣзжавшему обратно, и, сказавъ ему, что онъ окончательно рѣшился разъѣхаться съ Рыбаковскою, заявилъ, что намѣренъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ нему въ деревню. Придя затѣмъ отъ Розенберга домой въ 12-мъ часу вечера, Лейхфельдъ приказалъ дворнику Өеоктистову, который, за отсутствіемъ у Лейхфельда въ это время кухарки, ему прислуживалъ, разбудить его на слѣдующій день въ 6 часовъ утра, а между тѣмъ собрать книги и вещи его для отправки къ Розенбергу. Но въ 4 часа утра Өеоктистовъ былъ разбуженъ Рыбаковскою, которая сказала ему, чтобы онъ не приходилъ будить Лейхфельда, что Лейхфельдъ самъ встанетъ и позоветъ его. Несмотря на то, Өеоктистовъ въ $6^1/_2$ час. утра пошелъ къ Лейхфельду и засталъ его въ постели проснувшимся. Рыбаковская, бывшая на ногахъ, встрѣтила Өеоктистова словами: «еще рано», и просила его уйти, говоря, что позоветъ его, когда будетъ нужно. Лейхфельдъ противъ этого ничего не возразилъ, а потому Өеоктистовъ вышелъ и затѣмъ до того времени, какъ увидѣлъ Лейхфельда на дворѣ, въ комнату болѣе не входилъ.

Объясненіе свое, что выстрѣлъ сдѣланъ по неосторожности, Рыбаковская поддерживала во все время производства предварительнаго слѣдствія. Но объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событіе, она давала разнорѣчивыя показанія. Такъ, при полицейскомъ дознаніи она показала, что когда Лейхфельдъ 21-го февраля вечеромъ ушелъ къ Розенбергу, она, Рыбаковская, предугадывая его намѣреніе разлучиться съ нею, пришла въ отчаяніе и рѣшилась застрѣлиться, въ случаѣ если Лейхфельдъ приведетъ это намѣреніе въ исполненіе. Съ этими мыслями, въ отсутствіе его, она вынула изъ своего комода пистолетъ, зарядила его и положила опять въ комодъ. Этотъ пистолетъ, по объясненію Рыбаковской, она выпросила у Лейхфельда въ подарокъ 19-го февраля по случаю бывшихъ этого числа своихъ именинъ (хотя 19-го февраля памяти св. Александры не празднуется). Когда Лейхфельдъ возвратился въ 12-мъ часу вечера домой и сказалъ ей, что семейныя дѣла заставляютъ его разстаться съ нею, она стала уговаривать не дѣлать этого. Поутру 22 февраля Лейхфельдъ рѣшительно объявилъ, что онъ уѣзжаетъ. Тогда она пошла въ комодъ, вынула пистолетъ и сказала Лейхфельду, что застрѣлится. «Тебѣ и давно пора», отвѣтилъ ей на это Лейхфельдъ. Вслѣдствіе этого она приставила пистолетъ къ своей груди и спустила курокъ, но произошла осѣчка. Не повторяя болѣе своего

покушенія, она рѣшилась было сдѣлать выстрѣлъ въ свѣчу, но Лейхфельдъ, полагая, что она разыграла передъ нимъ комедію съ не заряженнымъ пистолетомъ, сказалъ ей: «выстрѣли лучше въ меня». Чтобы доказать ему, что пистолетъ дѣйствительно заряженъ, она подошла къ нему и просила его освидѣтельствовать пистолетъ, но онъ остался при своемъ убѣжденіи. Чтобы разубѣдить его, рѣшилась выстрѣлить въ стѣну и стала взводить курокъ, и тутъ послѣдовало несчастіе. При слѣдствіи же Рыбаковская объяснила дѣло иначе, именно: она показала, что когда Лейхфельдъ поутру 22-го февраля объявилъ ей, что онъ уѣзжаетъ, а она вслѣдствіе этого сказала ему, что застрѣлится, то, взявъ пистолетъ изъ комода, зарядила его при Лейхфельдѣ, а затѣмъ на порогѣ своей комнаты два раза стрѣляла себя въ грудь, но каждый разъ происходила осѣчка. По этому случаю Лейхфельдъ сталъ смѣяться надъ нею, говоря, что она играетъ комедію, зарядивъ пистолетъ тряпками; посему она, желая доказать ему противное и намѣреваясь для этой цѣли выстрѣлить въ трубу, стала взводить курокъ, который и соскользнулъ у нея на первомъ взводѣ.

При слѣдствіи показанія отъ Лейхфельда до смерти его отобрано не было. Изъ акта же полицейскаго дознанія видно, что Лейхфельдъ въ то же время, когда указывалъ на Рыбаковскую, какъ на виновницу постигшаго его несчастія, говорилъ, что Рыбаковская стрѣляла въ себя холостыми зарядами не утромъ 22-го февраля, а вечеромъ 21-го февраля, что подтвердили слышавшіе его слова фельдшеръ Обуховской больницы Семенъ Николаевъ и надзирательница Прасковья Мамошина. Обстоятельство это свидѣтельствуетъ, что Рыбаковская, которая, по ея показанію, ночь на 22-е февраля не спала, зарядила пистолетъ не въ отсутствіе Лейхфельда до 21-го февраля, а или ночью, въ то время, когда онъ спалъ, или утромъ 22-го февраля передъ выстрѣломъ, но такъ, что Лейхфельдъ этого не видалъ.

Изъ спрошенныхъ при слѣдствіи лицъ дворникъ дома Лейхфельда, крестьянинъ Ларіонъ Ѳеоктистовъ, подъ присягою показалъ, что онъ неоднократно бывалъ у Лейхфельда въ больницѣ и здѣсь Лейхфельдъ разсказывалъ ему, что, когда онъ одѣвался около печки въ спальнѣ, Рыбаковская, выходя изъ другой комнаты, забивала пистолетъ шомполомъ, а потомъ внезапно сдѣлала въ него выстрѣлъ. Онъ сначала подумалъ, что она шутитъ, стрѣляя въ него холостымъ зарядомъ, но, почувствовавъ боль, бросился бѣжать. Рыбаковская же стала его удерживать и заперла передъ нимъ дверь, но онъ оттолкнулъ ее и отперъ дверь.

Коллежскій регистраторъ Евгеній Грешнеръ тоже подъ присягою пока-

залъ, что Лейхфельдъ и ему разсказывалъ въ больницѣ, какъ Рыбаковская 21-го февраля, по возвращеніи его отъ Розенберга, увѣряла его, что она застрѣлится, и нѣсколько разъ стрѣляла въ себя, разбивая одни пистоны; поутру же 22-го февраля, взявъ опять пистолетъ, она грозила застрѣлить его самого. Лейхфельдъ этому не вѣрилъ и шутя предлагалъ даже поддержать курокъ пистолета, но Рыбаковская, сказавъ, что умѣетъ стрѣлять и сама, подошла къ нему, и, подержавъ передъ нимъ пистолетъ нѣсколько секундъ, выстрѣлила, а затѣмъ, когда Лейхфельдъ бросился бѣжать, она, опередивъ его, захлопнула дверь на задвижку и силою сопротивлялась его выходу.

Зять Лейхфельда, отставной поручикъ Розенбергъ, показалъ, что Лейхфельдъ и ему говорилъ, что Рыбаковская прежде выстрѣла прицѣлилась въ него и отошла, а потомъ подошла къ нему вновь и выстрѣлила сразу, послѣ чего затворила передъ нимъ дверь и старалась не выпустить его изъ комнаты, а когда, по приводѣ его дворникомъ въ комнату, оставалась съ нимъ до прибытія полиціи одна, то упрашивала его не губить ее.

Личность Рыбаковской, независимо отъ всего вышеизложеннаго, въ особенности характеризуется ея показаніями о самой себѣ и тѣми средствами, которыя она предприняла во время производства слѣдствія для вовлеченія начальства въ заблужденіе на ея счетъ. Не давая особеннаго значенія лживымъ ея показаніямъ, будто бы она воспитывалась въ Александровскомъ училищѣ Смольнаго монастыря, держала экзаменъ въ московскомъ университетѣ на званіе домашней учительницы, на что получила дипломъ, и относительно разныхъ другихъ обстоятельствъ ея жизни, никогда въ дѣйствительности не существовавшихъ, нельзя не упомянуть, что Рыбаковская, принадлежа къ православной церкви и зная это, называла себя магометанкою, родившеюся въ Константинополѣ, куда будто бы бѣжалъ ея отецъ, и проведшею свой дѣтскій возрастъ въ семействѣ какого-то Омаръ-Бека, и такъ настаивала на этомъ показаніи, что, находясь въ тюрьмѣ, 6-го марта 1867 года, согласно ея желанію (условно, т.-е. еще не крещена), чрезъ св. крещеніе присоединена къ православной церкви и наречена Александрою (по воспріемномъ отцѣ) Алексѣевою. С.-Петербургская духовная консисторія 21-го августа 1867 г. увѣдомила прокурора, что за крещеніемъ Рыбаковской второй разъ условно симъ ея крещеніемъ нарушенія правилъ вѣры не было. Кромѣ того, Рыбаковская поддерживала написанное къ судебному слѣдователю неизвѣстною ея соумышленницею письмо, въ которомъ послѣдняя, называя себя дочерью надворнаго совѣтника Фектъ, разсказывала, будто бы Рыбаковская, отданная въ малолѣтнемъ возрастѣ на воспитаніе сестрѣ ея, Елизаветѣ Фектъ, была оглашена сею подслѣднею

умершей, а по ея документамъ и подъ ея именемъ выдана была замужъ незаконнорожденная дочь Елизавета Фектъ, награжденная при этомъ и приданымъ, присланнымъ Рыбаковской ея отцомъ.

Сообразивъ все вышеизложенное, судебная палата находитъ, что обстоятельства настоящаго дѣла, взятыя въ ихъ совокупности, заключаютъ въ себѣ достаточное основаніе къ обвиненію Рыбаковской въ убійствѣ коллежскаго регистратора Евгенія Лейхфельда, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1454 ст. Улож. о наказ.».

Въ концѣ этого опредѣленія между прочимъ сказано: «Дальнѣйшее производство дѣла по предмету обвиненія Рыбаковской въ погребеніи солдатскаго сына Коровина по свидѣтельству, выданному ей на собственнаго ея сына, Леонида, прекратить, такъ какъ нѣтъ въ виду закона, въ которомъ подобное дѣйствіе было бы предусмотрѣно».

Въ судебномъ засѣданіи на вопросъ предсѣдательствующаго о виновности Рыбаковская отвѣчала отрицательно, добавивъ, что признаетъ себя виновной лишь въ неосторожности.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій подсудимой обстоятельства настоящаго дѣла представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Наканунѣ событія Лейхфельдъ пришелъ чрезвычайно грустный, и подсудимая долго добивалась узнать, что съ нимъ случилось; наконецъ онъ отвѣтилъ, что зять его, Розенбергъ, называетъ его негоднымъ человѣкомъ, упрекаетъ, что онъ проживаетъ долю своихъ сестеръ, и совѣтуетъ перемѣнить образъ жизни. Рыбаковская возразила, что если онъ боится только того, что имъ нечѣмъ будетъ жить, то она охотно будетъ больше работать и даже поступитъ на мѣсто. Послѣ этого Лейхфельдъ успокоился и согласился остаться въ Петербургѣ. Вечеромъ онъ отправился къ Розенбергу, сказавъ, что идетъ сообщить о своемъ намѣреніи. Возвратясь уже въ полночь, онъ снова перемѣнилъ свое рѣшеніе: «нѣтъ,—говорилъ онъ,— мы должны разстаться непремѣнно, я не могу жить съ тобою, Розенбергъ меня ругаетъ и говоритъ, что если я не разстанусь и не поѣду съ нимъ, то долженъ буду возвратить тѣ деньги, которыя задолжалъ сестрамъ». Когда Рыбаковская на это ему заявила, что въ такомъ случаѣ она застрѣлится, онъ расхохотался и, сказавъ, что хочетъ спать, легъ и заснулъ. Въ эту ночь подсудимая совсѣмъ не спала и, когда разсвѣло, стала будить Лейхфельда: «вставайте, Евгеній, неужели вы можете спать!?» Когда Лейхфельдъ уже проснулся, но еще не всталъ, пришелъ дворникъ будить его; подсудимая сказала ему, что Лейхфельдъ не спитъ и что она позоветъ его, когда онъ понадобится. По уходѣ дворника Лейхфельдъ всталъ и спросилъ ее: «ну, что же, стрѣляться будешь?» Отвѣтивъ на это утверди-

тельно, Рыбаковская отправилась въ темную комнату, взяла оттуда пистолетъ, зарядила его при Лейхфельдѣ и приставила къ своей груди, но пистолетъ осѣкся; она приставила другой разъ, опять осѣчка. Тогда Лейхфельдъ, потрепавъ ее по плечу, засмѣялся и сказалъ: «я никакъ не думалъ, что ты такая хорошая актриса». Желая доказать ему, что пистолетъ дѣйствительно заряженъ, подсудимая прицѣлилась въ свѣчу, стоявшую на печкѣ, но не успѣла и взвести курка, какъ онъ выскочилъ у нея изъ-подъ пальца и раздался выстрѣлъ. Увидя у Лейхфельда кровь, она ужасно испугалась и дѣйствительно бросилась за нимъ къ двери и быть-можетъ не давала ему отпереть, но дѣлала это потому, что была въ сильномъ испугѣ и сама не сознавала своихъ дѣйствій. Выбѣжавъ на дворъ, она стала звать на помощь, и на ея крикъ выбѣжалъ дворникъ, съ его помощью она свела Лейхфельда въ домъ, положила на постель и сняла съ него рубашку, чтобы перевязать рану. По прибытіи полиціи Рыбаковская сказала, что Лейхфельдъ самъ себя застрѣлилъ, но сказала это потому, что онъ просилъ ее скрыть, что это сдѣлала она; но потомъ, видя мученія Лейхфельда, она не могла далѣе скрывать своей вины и созналась въ кварталѣ, не имѣя возможности сдѣлать это въ больницѣ, откуда ее прогналъ Розенбергъ, добившись на это согласія Лейхфельда, подъ угрозой, что въ противномъ случаѣ самъ не останется съ нимъ. Придя въ кварталъ, она заявила, что ее подозрѣваютъ въ убійствѣ. На это надзиратель сказалъ: «вы намъ признайтесь, вамъ ничего не будетъ», а бывшій тутъ приставъ прибавилъ: если она совершила это преступленіе, то все равно это должно открыться. Затѣмъ она объявила, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ ею, но что сдѣлала она его безъ всякаго умысла, по неосторожности. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ выстрѣлить въ себя она наложила третій пистонъ и прицѣлилась въ печку. Лейхфельдъ стоялъ отъ нея въ четырехъ шагахъ, а печка была наискось; отъ сильнаго волненія у нея дрожали руки и пистонъ былъ разбитъ соскочившимъ изъ-подъ пальца куркомъ.

Свидѣтель *Θеоктистовъ* показалъ, что подсудимая приходила къ нему въ дворницкую вечеромъ наканунѣ событія и просила сходить въ лавку за лимономъ. Вернувшись изъ лавки въ квартиру Лейхфельда, свидѣтель видѣлъ у Рыбаковской за кушакомъ пистолетъ. Она при немъ наложила пистонъ и, выстрѣливъ въ горѣвшую свѣчу, погасила ее. Въ тотъ же вечеръ, но позднѣе, самъ Лейхфельдъ, возвращаясь домой, просилъ свидѣтеля разбудить его на слѣдующій день въ 6 часовъ утра, говоря, что ему надо ѣхать въ деревню и отправлять вещи на желѣзную дорогу. Послѣ Лейхфельда Рыбаковская уже не приходила въ дворницкую и ни о чемъ не просила.

На слѣдующій день свидѣтель пошелъ къ Лейхфельду около 8 часовъ, въ кухнѣ встрѣтилъ Рыбаковскую и она ему сказала, что еще рано и чтобы онъ пришелъ послѣ. Не больше какъ черезъ полчаса онъ увидѣлъ изъ окна дворницкой окровавленнаго Лейхфельда, идущаго къ нему въ одномъ бѣльѣ, а за нимъ Рыбаковскую съ окровавленнымъ лицомъ. Выбѣжавъ на дворъ, онъ съ помощью подсудимой отвелъ Лейхфельда домой и положилъ на постель. Въ это время Лейхфельдъ не просилъ позвать къ нему кого-нибудь посторонняго, а остался съ Рыбаковской, между тѣмъ какъ свидѣтель, услышавъ запахъ пороха и догадавшись, что здѣсь что-то не ладно, пошелъ въ полицію и за докторомъ. Прибывшій надзиратель послалъ его за Розенбергомъ. Затѣмъ Лейхфельда отвезли въ больницу, куда поѣхалъ и свидѣтель съ Розенбергомъ. Въ больницѣ Лейхфельда допрашивали и потомъ Рыбаковская была отправлена въ кварталъ. Когда больному стало лучше, свидѣтель ходилъ къ нему въ больницу и дня за 4 или 5 до смерти узналъ, что въ Лейхфельда стрѣляла Рыбаковская; впрочемъ, онъ точно не удостовѣряетъ, было ли это за 4 или 5 дней до смерти, такъ какъ онъ послѣ сдѣланнаго ему Лейхфельдомъ признанія не ходилъ въ больницу 4 или 5 дней, а затѣмъ услышалъ, что Лейхфельдъ умеръ. Въ послѣднее посѣщеніе свидѣтеля Лейхфельдъ ему разсказывалъ, что дѣло было такъ: Рыбаковская ставила самоваръ, а покойный одѣвался; предложивъ ему перемѣнить бѣлье, подсудимая пошла въ другую комнату за рубашкой. Оттуда она принесла пистолетъ и, подойдя къ Лейхфельду, сказала: «Женя, я въ тебя выстрѣлю»; онъ на это разсмѣялся, сказавъ: «полно чушь городить». Тогда она выстрѣлила въ него. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ направо отъ кухни въ темной комнатѣ, которая имѣетъ сажени $1^1/_2$ въ ширину и 4 въ длину. Въ ней стоитъ желѣзная печка и разстояніе между печкой и дверью очень незначительно. Налѣво отъ кухни другая комната, свѣтлая, побольше. Въ этой квартирѣ сначала жилъ Дубровинъ, а Лейхфельдъ занималъ только комнату, потомъ Дубровинъ уѣхалъ и тогда Лейхфельдъ занялъ всю квартиру, гдѣ и жилъ вмѣстѣ съ Рыбаковской. Послѣдняя жила здѣсь до 22 февраля мѣсяца 4 или 5.

Далѣе было прочитано показаніе свидѣтеля *Грешнера*, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ показалъ, что Лейхфельдъ сильно привязался къ Рыбаковской и хотѣлъ жениться на ней, но этому помѣшало обнаруженіе ея безнравственной жизни, а именно, что она, находясь въ связи съ Лейхфельдомъ, въ то же время не прерывала своей связи съ Дубровинымъ. Открылось это во время притворной болѣзни Рыбаковской, когда оба любовника находились около нея, ожидая ея смерти. Но и послѣ обнаруженія невѣрности Лейхфельдъ продолжалъ жить съ Рыбаков-

ской до рокового дня. О подробностяхъ несчастнаго происшествія свидѣтель слышалъ отъ самого Лейхфельда въ послѣдній день его жизни. Онъ ему разсказывалъ, что, возвратясь наканунѣ катастрофы отъ своего зятя, Розенберга, который ему совѣтовалъ прекратить связь съ Рыбаковской, онъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи разстаться съ нею. Вначалѣ она просила не бросать ее, а потомъ перешла къ угрозѣ застрѣлить себя и взяла пистолетъ; видя это, Лейхфельдъ былъ совершенно спокоенъ, потому что дня три тому назадъ пистолетъ имъ самимъ былъ разряженъ въ присутствіи Рыбаковской. Приставивъ пистолетъ къ своей груди, она два раза спускала курокъ, но выстрѣла не было. Покойный сталъ смѣяться; тогда она сказала, что въ него выстрѣлитъ, но онъ продолжалъ шутить и предлагалъ ей поддержать пистолетъ, но Рыбаковская, сказавъ, что не надо, что умѣетъ стрѣлять и сама, подошла, направивъ въ него пистолетъ, и черезъ нѣсколько минутъ выстрѣлила. Когда онъ почувствовалъ, что раненъ, то бросился изъ комнаты. Рыбаковская, опередивъ его, захлопнула дверь на задвижку и всѣми силами сопротивлялась его выходу, но онъ имѣлъ еще настолько силы, что оттолкнулъ ее и выбѣжалъ на дворъ. Когда же Лейхфельдъ при помощи дворника былъ приведенъ домой, Рыбаковская просила его не губить ее, принять выстрѣлъ на себя. Лейхфельдъ не соглашался и по прибытіи полиціи и врача не давалъ положительнаго отвѣта, молчаніемъ своимъ подтверждая слова Рыбаковской, которая всѣмъ разсказывала о его самоубійствѣ; она говорила, что сопротивлялась его поступку, но по недостатку физическихъ силъ должна была уступить. Все это Лейхфельдъ разсказывалъ въ полной памяти. При этомъ онъ просилъ свидѣтеля не разсказывать всего ему извѣстнаго про Рыбаковскую.

На прочитанное показаніе Грешнера Рыбаковская возразила, что онъ показываетъ противъ совѣсти, такъ какъ былъ ея всегдашнимъ врагомъ. Онъ человѣкъ безнравственный, часто являлся къ нимъ въ пьяномъ видѣ и она уговаривала Лейхфельда бросить знакомство съ нимъ. Это, конечно, было непріятно Грешнеру, который, не имѣя никакихъ средствъ, кутилъ на счетъ Лейхфельда и потому онъ старался всѣми силами отдалить ее отъ него.

Свидѣтель *Розенбергъ*, зять Лейхфельда, показалъ, что онъ неоднократно разспрашивалъ покойнаго объ этомъ печальномъ случаѣ; Лейхфельдъ недоумѣвалъ, что могло заставить Рыбаковскую стрѣлять въ него. Свидѣтель дѣлалъ предположенія, что это могла быть шутка, неосторожность, но на это Лейхфельдъ отвѣчалъ: «какая тутъ можетъ быть неосторожность, если она нѣсколько разъ проходила по комнатѣ и шутя прицѣливалась въ меня. Я нѣсколько разъ ударялъ по пистолету, говоря: «уйди,

полно шутить», но она нѣсколько разъ подходила и все говорила: «я тебя застрѣлю». Когда я въ послѣдній разъ оттолкнулъ пистолетъ, сказавъ со злостью: «уйди, пожалуйста, полно шалить съ пистолетомъ, можетъ быть, онъ еще заряженъ», то она, сказавъ: «а, ты боишься», подошла ко мнѣ, держа пистолетъ такъ, что я даже его не замѣтилъ въ ея рукѣ, подошла, прямо въ меня прицѣлилась и выстрѣлила въ упоръ. Я еще не чувствовалъ никакой боли, посмотрѣлъ,—на мнѣ бѣлье горитъ; я испугался, схватилъ рукой за это мѣсто, ощупалъ, что бѣлье мокро; когда я увидалъ кровь, то бросился бѣжать къ двери. Въ это время Рыбаковская заперла дверь и не выпускала меня, но я все-таки оттолкнулъ ее и добѣжалъ до дворницкой; но вслѣдъ затѣмъ такъ ослабѣлъ, что только при помощи дворника и Рыбаковской могъ дойти до своей квартиры». Онъ затѣмъ говорилъ, что не помнитъ, какъ очутился въ другой комнатѣ, что потомъ Рыбаковская умоляла его: «Бога ради, не говори, что это я сдѣлала; это все пройдетъ, и какъ я любила тебя, такъ и буду любить». Затѣмъ Розенбергъ разсказалъ, что наканунѣ происшествія онъ имѣлъ съ Лейхфельдомъ самое дружеское свиданье, во время котораго Лейхфельдъ сознался, что проживаетъ много денегъ, при чемъ выразился, что Рыбаковская его обираетъ, и просилъ избавить его отъ нея; поэтому свидѣтель предложилъ ему, какъ самое лучшее средство, поѣхать къ нему, свидѣтелю, въ деревню. Свидѣтель прекрасно зналъ, что Лейхфельдъ—человѣкъ чрезвычайно добрый и слабаго характера; Рыбаковская имѣла на него сильное вліяніе; чтобы расположить его къ себѣ еще больше, она покупала бычачью кровь и пила ее. Отъ этого съ ней бывали рвоты кровью. Окружающіе думали, что она больна чахоткой, и она увѣряла, что заболѣла отъ любви къ Лейхфельду. Далѣе свидѣтель показалъ, что онъ каждый день приходилъ къ больному до 26 или 27 февраля и все время находилъ его въ полной памяти. О подробностяхъ происшествія онъ слышалъ отъ Лейхфельда одинъ разъ, а о причинѣ, побудившей Рыбаковскую выстрѣлить въ покойнаго, спрашивалъ нѣсколько разъ. 22 февраля Рыбаковская была удалена по его просьбѣ и онъ просилъ дворника проводить подсудимую до выхода изъ больницы, гдѣ находился городовой, и передать ее послѣднему.

Свидѣтель *Николаевъ*, фельдшеръ Обуховской больницы, слышалъ, какъ Лейхфельдъ въ присутствіи главнаго доктора Германа, надзирателя, Мамошиной и доктора Гейкина, показавъ на Рыбаковскую, сказалъ, что это она его застрѣлила. Рыбаковская возражала ему и онъ проговорилъ: «нехорошая ты женщина, ты запираешься, убирайся вонъ!» Она упала на колѣни и говоритъ: «Женя, вспомни, что ты говоришь; тебѣ одинъ разъ умирать, а мнѣ жить».

Защитникъ обращаетъ вниманіе на то, что въ первоначальномъ показаніи, данномъ черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, Николаевъ не упоминаетъ вовсе ни о словахъ, сказанныхъ Лейхфельдомъ Рыбаковской, ни о словахъ этой послѣдней, сказанныхъ Лейхфельду; между тѣмъ онъ увѣряетъ, что ничего не добавилъ и не прибавилъ въ своемъ показаніи.

Подсудимая объяснила, что она упала на колѣни и сказала: «Женя, прости меня», но не говорила, что не стрѣляла. Лейхфельдъ тоже указалъ на нее, когда надзиратель спросилъ: «кто васъ ранилъ?». Но больше онъ ничего не говорилъ.

Изъ прочитаннаго показанія свидѣтеля Николаева видно, что онъ только слышалъ, какъ Лейхфельдъ показалъ, что выстрѣлъ сдѣланъ въ него Рыбаковскою, и она должна была знать, что пистолетъ заряженъ, такъ какъ наканунѣ стрѣляла въ себя холостымъ зарядомъ. Больше ничего свидѣтель не слышалъ ни объ умышленности выстрѣла, ни о томъ, въ какой комнатѣ онъ сдѣланъ.

На дальнѣйшіе разспросы сторонъ свидѣтель отвѣчалъ, что словъ, сказанныхъ Лейхфельдомъ, онъ не помнитъ, но смыслъ былъ тотъ, что Рыбаковская стрѣляла умышленно, такъ какъ Лейхфельдъ сказалъ, что она его застрѣлила.

Свидѣтельница *Мамошина*, надзирательница при Обуховской больницѣ, находясь возлѣ больного Лейхфельда, видѣла, какъ къ нему приходила дама и спрашивала: «Женя, Женя, кто тебя застрѣлилъ? Развѣ я тебя застрѣлила?» На это онъ отвѣтилъ: «да, ты; ты цѣлую ночь играла пистолетомъ, а потомъ утромъ выстрѣлила въ меня, какъ въ собаку». Впослѣдствіи свидѣтельница узнала, что дама эта была госпожа Рыбаковская.

Свидѣтель *Станевичъ*, полицейскій надзиратель, спрашивалъ у Лейхфельда въ больницѣ 22 февраля, самъ ли онъ выстрѣлилъ въ себя, или это сдѣлалъ кто-нибудь другой. Лейхфельдъ отвѣчалъ ему на это: «Рыбаковская». На вопросъ, умышленно ли былъ сдѣланъ выстрѣлъ, отвѣтилъ: «да». Кромѣ того Лейхфельдъ разсказалъ, что наканунѣ 22 февраля онъ былъ у родственника, возвратясь отъ котораго, объявилъ Рыбаковской, что долженъ оставить ее. Она начала повторять, что застрѣлится. На это онъ сказалъ ей: «давно пора»; тогда она вошла въ комнату, взвела курокъ и выстрѣлила прямо въ него. По словамъ Лейхфельда пистолетъ за два дня раньше былъ имъ самимъ разряженъ.

Кромѣ этого свидѣтель показалъ, что онъ допрашивалъ обвиняемую послѣ того, какъ говорилъ съ Лейхфельдомъ, и она перемѣнила первоначальное объясненіе свое, будто Лейхфельдъ самъ въ себя выстрѣлилъ, и созналась, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ ею, но неумышленно, и Лейхфельда

ранила она по нечаянности, такъ какъ ей измѣнила рука и она не удержала взводимаго курка, когда хотѣла погасить выстрѣломъ горѣвшую свѣчу. При допросѣ обвиняемая выдавала себя за магометанку. Допросъ производился въварталѣ, куда Рыбаковская пришла въ сопровожденіи городового, который привезъ въ больницу Лейхфельда.

Подсудимая на показаніе Станевича возразила, что больного она привезла вовсе не въ сопровожденіи городового, а съ какимъ-то мужикомъ, вѣроятно, дворникомъ, и въ кварталъ явилась сама, добровольно. При допросѣ же не выдавала себя за магометанку, а назвалась только фамиліей Омарбекъ.

Свидѣтель *Германъ*, главный докторъ Обуховской больницы, показалъ, что 22 февраля 1866 года утромъ къ нему пришелъ дежурный докторъ и объявилъ, что прибылъ больной, тяжело раненый въ грудь. Онъ сейчасъ же отправился къ нему и увидалъ на больничныхъ носилкахъ человѣка лѣтъ 25, около него шли полицейскіе и какая-то дама. Свидѣтель немедленно приступилъ къ изслѣдованію, при чемъ оказалось: одна рана входная на передней сторонѣ лѣвой груди, около 6-го ребра, другая выходная на спинѣ съ той же стороны. Направленіе раны убѣдило его, что она безусловно смертельна, такъ какъ она прорѣзала всю грудь, стало быть простиралась до легкого, а можетъ быть, коснулась и сердечной сумки. Опасаясь смертельнаго исхода, свидѣтель воспользовался той минутой, когда больной былъ въ полной памяти, и задалъ ему три вопроса: «когда это случилось?»—на что послѣдовалъ отвѣтъ: «сегодня утромъ»; «изъ какого орудія?» «изъ маленькаго пистолета»; «какъ вы это сдѣлали: стоя или лежа?» На это больной отвѣчалъ: «не я сдѣлалъ, а она», указывая на даму, прибывшую вмѣстѣ съ нимъ. При этихъ словахъ она упала на колѣни, протянула къ нему руки и воскликнула: «Евгеній!», онъ отвернулъ голову въ сторону и махнулъ рукой. Видя несчастное положеніе больного, свидѣтель просилъ полицейскаго офицера, желавшаго предложить Лейхфельду еще нѣсколько вопросовъ, удалиться вмѣстѣ съ дамой. Впрочемъ, въ тотъ же день послѣ обѣда былъ сдѣланъ допросъ въ присутствіи дежурнаго доктора Гейкина. При осмотрѣ и допросѣ больной былъ въ полной памяти.

Свидѣтель *Гейкинъ*, также докторъ Обуховской больницы, слышалъ 22 февраля вечеромъ или послѣ обѣда, какъ больного спрашивали, кто ему нанесъ рану. На это онъ сперва долго не хотѣлъ отвѣчать, а потомъ сказалъ, что это сдѣлала дама, что они между собой играли, она говорила, что пистолетъ заряженъ, а онъ не вѣрилъ и принималъ это за шутку до тѣхъ поръ, пока она не выстрѣлила и не ранила его Умыш-

ленно или нѣтъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, свидѣтель сказать не можетъ, потому что больной объ этомъ ясно не говорилъ.

Врачъ *Свентицкій* показалъ, что, приглашенный дворникомъ къ раненому Лейхфельду, онъ нашелъ больного лежащимъ на полу. Грудь у него была обвязана тряпками и полотенцемъ, лицо было покрыто пятнами, онъ былъ чрезвычайно слабъ, тяжело дышалъ и съ трудомъ могъ произнести нѣсколько словъ. Осмотрѣвъ рану, онъ пришелъ къ заключенію, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ грудь, а не въ спину, и на очень близкомъ разстояніи, никакъ не болѣе 2-хъ шаговъ. Затѣмъ свидѣтель показалъ, что раньше онъ лѣчилъ Рыбаковскую. Она жаловалась на слабость, кашель, боль въ груди, въ особенности же на сильное кровохарканіе. Все это заставляло лѣчить ее отъ чахотки. Лѣченіе прекратилось, когда свидѣтель узналъ отъ Лейхфельда настоящую причину кровохарканія Рыбаковской, состоявшую въ томъ, что она, желая притвориться больной, пила каждый день бычачью кровь и затѣмъ, извергая ее рвотой, выдавала за кровохарканіе. По мнѣнію свидѣтеля, кровь, извергнутую изъ легкихъ, трудно безъ подробнаго изслѣдованія отличить отъ крови, принятой внутрь и извергнутой рвотой. Затѣмъ были прочитаны актъ вскрытія трупа и скорбные листы. Изъ послѣднихъ видно, что передъ смертью больной находился въ лихорадочномъ состояніи, пульсъ доходилъ до 120 и даже 132 ударовъ въ минуту; 2-го марта въ 7 часовъ вечера больной былъ въ бреду, потомъ чувствовалъ облегченіе; 4-го марта, начиная съ 4-хъ часовъ и до самой смерти, т.-е. до 7 часовъ, сознаніе его было неясно.

По мнѣнію эксперта доктора *Майделя*, описанная въ исторіи болѣзни и въ протоколѣ вскрытія тѣла сквозная рана съ поврежденіемъ грудобрюшной преграды и даже желудка должна считаться безусловно смертельной. Отъ подобной раны смерть можетъ послѣдовать или въ моментъ нанесенія ея вслѣдствіе прекращенія дѣятельности израненныхъ органовъ дыханія, чего не было въ данномъ случаѣ, или вслѣдствіе неизбѣжныхъ болѣзненныхъ осложненій: воспаленія и выпаденія легкаго. Что касается умственныхъ способностей больного, то на нихъ рана не имѣла вліянія, за исключеніемъ послѣднихъ моментовъ жизни. Что лихорадочное состояніе было не сильно, можно судить по пульсу больного, который не превышалъ 120 ударовъ въ минуту, тогда какъ при сильной лихорадкѣ пульсъ доходитъ до 150 ударовъ, тѣмъ болѣе, что нормальный пульсъ въ возрастѣ больного, т.-е. около 25 лѣтъ, даетъ 80 или 85 ударовъ. Правда, продолжалъ экспертъ, даже небольшое лихорадное состояніе можетъ сопровождаться бредомъ и больной подвергается ложнымъ представленіямъ, но сознаніе его въ то же время можетъ оставаться яснымъ.

Такъ, если къ нему обратиться съ вопросомъ, онъ даетъ совершенно ясный отвѣтъ и можетъ вести послѣдовательный разговоръ.

Эксперту была предъявлена рубашка Лейхфельда и предложенъ вопросъ о разстояніи, на которомъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ. На это Майдель объяснилъ, что нельзя дать безошибочнаго отвѣта, такъ какъ при этомъ важную роль играетъ сила заряда и качество пороха. Послѣдствіемъ выстрѣла въ упоръ обыкновенно бываетъ, что цѣлыя крупинки пороха входятъ подъ кожу и остаются тамъ. Въ данномъ случаѣ, какъ видно изъ протокола медицинскаго осмотра, подобныхъ крупинокъ не найдено. Упоминается только о красныхъ пятнахъ на тѣлѣ, которыя показываютъ, что порохъ не пробилъ кожу, а только ударился въ нее. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ не въ упоръ, а на разстояніи 4—5 футовъ, хотя и этого нельзя сказать вполнѣ достовѣрно. Относительно того, можно ли отличить кровь, извергнутую посредствомъ кровохарканія, отъ крови, принятой внутрь и извергнутой рвотой, экспертъ замѣтилъ, что отличить легко, такъ какъ первая, отдѣляясь отъ легкихъ и соприкасаясь съ воздухомъ, представляется наполненной мелкими воздушными пузырьками, которые при внимательномъ изслѣдованіи замѣтны въ крови, даже спустя нѣсколько часовъ послѣ изверженія.

Экспертъ *Филиппов*ъ, оружейный мастеръ, осмотрѣвъ пистолетъ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ, призналъ его довольно тугимъ. Курокъ, не доведенный до перваго взвода, не долженъ, по его мнѣнію, разбить пистона; вслѣдствіе неосторожности такой случай возможенъ. Вообще на всѣ предлагаемые вопросы экспертъ давалъ самые неточные и неопредѣленные отвѣты, отговариваясь незнаніемъ.

Далѣе былъ допрошенъ свидѣтель *Шипуновъ*, знавшій подсудимую еще дѣвочкой, когда онъ въ 1857 году находился на службѣ въ Шемахѣ, гдѣ она жила съ родственниками и воспитывалась въ пріютѣ св. Нины. Родителей подсудимой свидѣтель не зналъ, слышалъ только, что отецъ ея служилъ въ Астрахани. Въ 1864 году она уѣхала въ Астрахань, а оттуда въ Петербургъ.

Свидѣтель *Миллеръ*, приставъ исполнительныхъ дѣлъ Коломенской части, показалъ, что допрашивалъ подсудимую, когда она была привезена въ кварталъ. На его вопросъ, какимъ образомъ Лейхфельдъ получилъ рану, сперва она сказала, что онъ выстрѣлилъ самъ въ себя, затѣмъ послѣ увѣщаній созналась, что нанесла рану Лейхфельду она, не зная, что пистолетъ заряженъ. Наконецъ послѣднее объясненіе ея было такое, что пистолетъ былъ заряженъ ею, чтобы застрѣлиться, но Лейхфельдъ не вѣрилъ, что пистолетъ заряженъ, и, чтобы убѣдить его, она хотѣла выстрѣлить

въ горѣвшую свѣчу и нечаянно попала въ Лейхфельда. При допросѣ подсудимая называлась чужой фамиліей и выдавала себя за магометанку, вслѣдствіе чего былъ вызванъ мулла, говорившій съ нею по-татарски. О принятіи ею вторично православной вѣры свидѣтель ничего не знаетъ, такъ какъ переписка объ этомъ шла не черезъ него.

На показанія свидѣтеля подсудимая объяснила, что называлась фамиліей Омарбекъ для того, чтобы родные не узнали о постигшемъ ее несчастіи.

Свидѣтель *Бѣлавинъ*, служившій въ управленіи Коломенской части, послѣ заарестованія подсудимой ѣздилъ съ нею однажды въ больницу къ Лейхфельду. Тамъ Рыбаковская просила у доктора позволенія видѣться съ больнымъ, чтобы попросить у него прощенія; докторъ позволилъ, съ условіемъ не подходить къ больному близко. Въ палатѣ Рыбаковская упала на колѣни и сказала: «Женя, прости меня». Лейхфельдъ махнулъ рукой и отвернулся; тогда она заплакала и ее вывели изъ комнаты.

Подсудимая замѣтила, что, вѣроятно, Бѣлавинъ не забылъ, что прося прощенія у Лейхфельда, она спрашивала, сдѣлала ли она это съ умысломъ, на что тотъ отвѣтилъ: «нѣтъ, нѣтъ, ты не сдѣлала; поди, Богъ съ тобой». Но свидѣтель сказалъ, что не помнитъ этого.

Наконецъ было прочитано показаніе не явившагося свидѣтеля *Дубровина*, гдѣ онъ говоритъ, что познакомился съ Рыбаковской на бульварѣ въ апрѣлѣ или маѣ 1865 года. У нихъ завязалась любовная связь, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ. За два или полтора мѣсяца до разлуки онъ ввелъ ее въ домъ своихъ родителей, намѣреваясь жениться на ней. Но вскорѣ узналъ о ея связи съ Лейхфельдомъ и предложилъ или бросить Лейхфельда или разстаться съ нимъ. Видя, что она не оставляетъ Лейхфедьда, онъ разошелся съ нею. Подтверждая затѣмъ притворную болѣзнь и глотаніе крови Рыбаковской, Дубровинъ говоритъ, что обманъ ея открыла кухарка, покупавшая ей бычачью кровь. Раньше Рыбаковская выдавала себя за княжну Омарбекъ и только послѣ болѣзни показала свой паспортъ и сказала, что она дочь чиновника, пропавшаго безъ вѣсти, и настоящая фамилія ея Рыбаковская.

Подсудимая возразила, что она сама разошлась съ Дубровинымъ, узнавъ о его дурномъ характерѣ и безпорядочной жизни. Противъ брака съ нимъ были и Грешнеръ съ Лейхфельдомъ. Послѣдній самъ обѣщалъ жениться на ней, говоря, что у него есть богатый родственникъ Розенбергъ, который поможетъ имъ. Когда же она совершенно оставила Дубровина, онъ сталъ говорить, что не можетъ жениться на ней, потому что не позволяетъ зять.

Этимъ закончилось судебное слѣдствіе, послѣ чего начались пренія сторонъ.

Товарищъ прокурора Желеховскій. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вниманіе, съ которымъ вы слѣдили за судебнымъ слѣдствіемъ, можетъ служить мнѣ ручательствомъ, что обстоятельства настоящаго дѣла до малѣйшихъ подробностей врѣзались въ вашу память и сохранились въ ней съ достаточною полнотою. Вслѣдствіе этого трудъ мой значительно облегчается; я избавляюсь вслѣдствіе этого отъ обязанности излагать передъ вами фактическую сторону этого дѣла и прямо могу перейти къ изложенію и оцѣнкѣ уликъ, которыя приводятъ меня къ тому убѣжденію, что въ той кровавой драмѣ, которая разыгралась 22 февраля въ домѣ наслѣдниковъ Лейхфельда, подсудимая Рыбаковская явилась дѣйствующимъ лицомъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ дѣйствій, вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія причинить смерть Лейхфельду. Въ этой драмѣ, какъ вы могли себѣ уяснить изъ всего того, что происходило передъ вами во время судебнаго слѣдствія, участвовали только два лица: покойный Лейхфельдъ и подсудимая Рыбаковская, которая призвана дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ вашимъ судомъ. Если бы, по несчастію, Лейхфельдъ былъ убитъ на мѣстѣ, ужасное злодѣяніе осталось бы, можетъ быть, нераскрытымъ. Но, къ счастію, смерть наложила печать вѣчнаго молчанія на уста Лейхфельда послѣ того, какъ онъ успѣлъ уже передать довольно значительное количество уликъ противъ подсудимой, успѣлъ разсказать всѣ обстоятельства этого происшествія. Вы изволили слышать здѣсь, на судѣ, показанія многихъ лицъ, которыя слышали, какъ передавалъ это дѣло Лейхфельдъ, какъ онъ разсказывалъ это при допросѣ, сдѣланномъ ему полиціею въ Обуховской больницѣ, какъ потомъ разсказывалъ въ откровенной дружеской бесѣдѣ своему другу Грешнеру, родственнику Розенбергу и отчасти Ѳеоктистову, дворнику его дома. Всѣ эти лица, допрошенныя здѣсь, показали предъ вами, что Лейхфельдъ передавалъ это дѣло такимъ образомъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ него Рыбаковскою умышленно, т.-е. что она его застрѣлила, причемъ онъ былъ въ

полной увѣренности, что пистолетъ не заряженъ, и не зналъ, когда и какимъ образомъ Рыбаковская зарядила его. Это видно изъ показаній тѣхъ лицъ, совершенно согласныхъ между собою во всѣхъ главныхъ чертахъ. Поэтому можно, мнѣ кажется, сказать съ полною увѣренностью, что дѣйствительно Лейхфельдъ разсказывалъ это дѣло такъ, а не иначе. Если нѣкоторыя изъ этихъ лицъ давали показанія болѣе сжатыя, если другія разсказывали обстоятельства дѣла болѣе подробно, то это, гг. присяжные засѣдатели, мнѣ кажется, нисколько не можетъ подрывать авторитетъ этихъ показаній, а напротивъ, мнѣ кажется, служитъ подкрѣпленіемъ истины сказанныхъ здѣсь на судѣ словъ этихъ лицъ. Не можетъ быть, чтобы нѣсколько человѣкъ, слышавшихъ какой-нибудь разсказъ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени передали этотъ разсказъ всѣ съ одинаковою точностью и опредѣленностью. Я даже убѣжденъ въ томъ, что если бы чрезъ нѣкоторое время всѣ вы, гг. присяжные засѣдатели, были призваны разсказать, что происходило предъ вами сегодня на судѣ, то, конечно, не всѣ совершенно точно, согласно между собою, показали бы объ этомъ: тотъ упустилъ бы какое-нибудь маловажное обстоятельство, другой его вспомнилъ бы. Такъ поступили лица, слышавшія разсказъ Лейхфельда: нѣкоторыя изъ нихъ передали этотъ разсказъ подробно, другія сокращенно. Подробнѣе всѣхъ передалъ Грешнеръ, показаніе котораго, данное при предварительномъ слѣдствіи подъ присягою, было прочитано на судѣ; довольно пространно показалъ Розенбергъ и, кромѣ того, квартальный надзиратель, который производилъ дознаніе по этому дѣлу. Другіе свидѣтели, которые присутствовали при допросѣ квартальнымъ надзирателемъ Лейхфельда, показали нѣсколько сжатѣе объ этомъ, но тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ показаній является одно и то же убѣжденіе: всѣ говорятъ, что Лейхфельдъ передавалъ, что выстрѣлъ сдѣланъ въ него умышленно Рыбаковскою. Затѣмъ остается только убѣдиться, насколько источникъ, изъ котораго почерпнуты показанія лицъ, которыя говорили здѣсь на судѣ, достовѣренъ, насколько показаніе Лейхфельда и объясненія, данныя имъ, представляются вѣроятными и правдоподобными и могутъ убѣдить

насъ. Поэтому обращаюсь къ оцѣнкѣ словъ Лейхфельда и постараюсь изъ обстоятельствъ дѣла вывести заключеніе, какое значеніе можно придавать словамъ Лейхфельда. Каждое показаніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣры, чѣмъ болѣе подкрѣпляется обстоятельствами дѣла, чѣмъ болѣе въ нихъ находитъ себѣ опору. Къ несчастію, въ данномъ случаѣ не представляется возможности провѣрить показаніе Лейхфельда. Все, что происходило 22 февраля утромъ между Лейхфельдомъ и Рыбаковскою, могло быть извѣстно только Рыбаковской и Лейхфельду, но все-таки нѣкоторыя обстоятельства подкрѣпляютъ достовѣрность словъ Лейхфельда; такъ, напр., объясненіе Лейхфельда о томъ, что онъ былъ совершенно спокоенъ, видя, что Рыбаковская подошла къ нему съ пистолетомъ, потому что за нѣсколько дней онъ разрядилъ пистолетъ, подтверждается вполнѣ показаніемъ свидѣтеля-очевидца: вы помните, конечно, что свидѣтель Ѳеоктистовъ, дворникъ дома Лейхфельда, показалъ здѣсь, что 21 февраля, вечеромъ, когда онъ приносилъ Рыбаковской какую-то вещь, за которою она послала его въ лавку онъ увидѣлъ Рыбаковскую, только что вернувшуюся откуда-то, съ пистолетомъ за поясомъ. Она при Ѳеоктистовѣ вынула пистолетъ, надѣла пистонъ и потушила свѣчку выстрѣломъ; слѣдовательно, дѣйствительно вечеромъ 21 числа пистолетъ не былъ заряженъ. Кромѣ того, другое обстоятельство подтверждаетъ еще объясненіе Лейхфельда. Сначала, какъ вы изволили слышать изъ показаній Розенберга и Грешнера, онъ имъ передавалъ, что въ то время, когда дворникъ привелъ его въ квартиру и затѣмъ ушелъ, чтобы позвать доктора и квартальнаго надзирателя, оставшись съ нимъ наединѣ, Рыбаковская уговаривала его, чтобы онъ принялъ на себя этотъ выстрѣлъ, чтобы онъ сказалъ, что застрѣлилъ себя самъ, и, дѣйствительно, затѣмъ Рыбаковская продолжала утверждать нѣкоторое время, что Лейхфельдъ застрѣлилъ себя самъ, что онъ самъ наложилъ на себя руку. Изъ показаній, данныхъ свидѣтелями, можно судить, что Лейхфельдъ именно въ то время, когда впервые пришелъ квартальный надзиратель, ничего не отвѣчалъ на его вопросы и своимъ молчаніемъ какъ будто подкрѣплялъ слова Рыбаковской. Можетъ быть, Лейхфельдъ

въ то время не могъ говорить отъ слабости, но во всякомъ случаѣ Рыбаковская, поддерживая это заявленіе не только первоначально въ полиціи, но затѣмъ въ больницѣ, могла бы основываться только на той надеждѣ, что Лейхфельдъ, снисходя къ ея просьбѣ, покажетъ согласно съ нею. Это обстоятельство имѣетъ довольно основаній. Вспомните слова свидѣтеля Розенберга, что Лейхфельдъ —человѣкъ слабаго характера, весьма добрый и подчинявшійся вліянію Рыбаковской; поэтому она могла разсчитывать, что онъ, снисходя на ея просьбу, въ виду ея притворнаго отчаянія, можетъ дѣйствительно согласиться на ея желаніе,—и перестала утверждать первое показаніе тогда, когда уже не было никакой возможности поддерживать это показаніе, оттого что Лейхфельдъ при довольно многочисленномъ собраніи объявилъ противное. Этимъ же отчасти подтверждается объясненіе Лейхфельда. Затѣмъ, для того, чтобы почерпнуть изъ дѣла еще болѣе убѣжденія о томъ, что Лейхфельдъ говорилъ только правду, я обращаюсь къ личности Рыбаковской, и потомъ разсмотрю, можно ли предполагать при тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ о Лейхфельдѣ, чтобы онъ сознательно такъ оклеветалъ Рыбаковскую, взвелъ на нее такое тяжкое обвиненіе, сознавая, что говоритъ неправду. Я только что сказалъ, что изъ показаній ближайшихъ знакомыхъ Лейхфельда видно, что онъ былъ характера слабаго и чрезвычайно добръ; изъ показанія другого свидѣтеля, Грешнера, даннаго подъ присягою, которое было прочитано здѣсь, вы изволили усмотрѣть, что Лейхфельдъ въ разговорѣ съ Грешнеромъ просилъ его не обнаруживать всего, что онъ знаетъ насчетъ Рыбаковской. Такимъ образомъ мы видимъ, что Лейхфельдъ — человѣкъ, во-первыхъ, самъ по себѣ добрый; во-вторыхъ, доказавшій свою дѣйствительную сердечную доброту тѣмъ, что не желалъ, чтобы Грешнеръ передавалъ все, что знаетъ о Рыбаковской, просилъ не губить Рыбаковскую,—не хотѣлъ, чтобы убійца его пострадала черезчуръ отъ своего дѣйствія. Конечно, такому человѣку нельзя приписать желаніе совершенно понапрасну взвести тяжкое обвиненіе на другого и быть виновникомъ отвѣтственности кого бы то ни было. Кромѣ того, если бы дѣйствительно дѣло происхо-

дило такъ, какъ утверждаетъ Рыбаковская, если бы дѣйствительно она по неосторожности выстрѣлила въ Лейхфельда, то неужели онъ могъ бы отнестись къ ней такъ, какъ сдѣлалъ впослѣдствіи? Неужели человѣкъ, который, можетъ быть, въ эту минуту уже не любилъ Рыбаковскую, но у котораго, какъ вы слышали изъ показанія Грешнера, сохранилась если не любовь, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое попеченіе объ этой личности, ожидая съ минуты на минуту наступленія своей смерти, обращался бы съ этою личностью такъ, какъ сдѣлалъ Лейхфельдъ? Главный докторъ Обуховской больницы Германъ удостовѣрилъ предъ вами, что когда Лейхфельдъ указалъ на Рыбаковскую, какъ на виновницу своей смерти, Рыбаковская упала на колѣни и сказала: „побойся Бога"; тогда онъ отвернулся и махнулъ рукою. Изъ показанія свидѣтеля Бѣлавина вы изволили усмотрѣть, что когда Рыбаковская, чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, желала увидѣться съ Лейхфельдомъ, онъ хотя согласился на это свиданіе, однако потребовалъ, чтобы Рыбаковскую близко не допускали къ нему, вслѣдствіе чего Бѣлавинъ не позволилъ Рыбаковской идти далѣе порога комнаты, гдѣ лежалъ Лейхфельдъ; и когда она обратилась къ нему съ просьбою о прощеніи, онъ махнулъ рукою и отвернулся. Неужели человѣкъ, который пострадалъ не вслѣдствіе злого умысла какого-нибудь близкаго человѣка, ожидая съ минуты на минуту наступленія своей смерти, могъ бы такимъ образомъ поступить, какъ поступилъ Лейхфельдъ—человѣкъ мягкосердечный? Конечно, нѣтъ. Кто изъ васъ, гг. присяжные засѣдатели,—если бы пострадалъ вслѣдствіе неосторожности близкаго лица, и если бы даже въ первый моментъ не удержалъ порывъ негодованія, но впослѣдствіи, обдумавшись, призналъ, что этотъ человѣкъ ни въ чемъ не виноватъ,—не простилъ вполнѣ неосторожность? Конечно, такъ бы поступилъ въ подобномъ случаѣ и Лейхфельдъ, но если онъ, умирая, отнесся такимъ образомъ къ Рыбаковской, какъ я только что передавалъ, значитъ онъ имѣлъ основательную причину поступить такимъ образомъ, потому что видѣлъ въ Рыбаковской не лицо, причинившее ему смертельную рану вслѣдствіе неосторожности, но видѣлъ въ ней свою умышленную убійцу. Затѣмъ, если бы

даже допустить, что слова Лейхфельда—сущій вымыселъ, въ такомъ случаѣ можно опирать такое мнѣніе на одномъ обстоятельствѣ: можно думать, что Лейхфельдъ говорилъ, не будучи въ здравомъ умѣ. Посмотримъ, оправдывается ли подобное предположеніе, выдерживаетъ ли оно критику. Главный врачъ, докторъ Германъ, удостовѣрилъ, что какъ по прибытіи въ Обуховскую больницу, такъ и впослѣдствіи, до самой своей смерти, Лейхфельдъ былъ въ полной памяти; что каждый день докторъ Германъ, разговаривая съ нимъ, не замѣчалъ никакого разстройства умственныхъ способностей и всегда слышалъ отъ Лейхфельда только послѣдовательныя рѣчи. Если мы обратимся къ скорбному листу, который былъ прочитанъ передъ нами и на который я просилъ васъ обратить особенное вниманіе, мы увидимъ, что Лейхфельдъ не страдалъ ни малѣйшимъ разстройствомъ умственныхъ способностей до 2 марта; только 2 марта, въ 7 часовъ вечера, обнаружилось лихорадочное состояніе и бредъ; затѣмъ, въ день смерти, 4 марта, то же состояніе обнаруживалось до смерти Лейхфельда, въ 7 часовъ вечера, и, какъ значится въ скорбномъ листѣ, доктора, осматривавшіе Лейхфельда, нашли его сознаніе неяснымъ. Если бы лихорадочное состояніе Лейхфельда развилось до высшей степени, если бы онъ былъ дѣйствительно въ полномъ бреду и не могъ бы отдавать отчета въ своихъ мысляхъ, то не могло бы, конечно, быть рѣчи о сознаніи. Это противорѣчіе, казалось бы, окончательно уничтожало довѣріе къ скорбному листу, еслибы экспертъ, докторъ Майдель не объяснилъ, какъ нужно понимать это. Изъ словъ Майделя вы изволили видѣть, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился Лейхфельдъ, можно допустить, что онъ находился дѣйствительно въ лихорадочномъ состояніи, могъ даже имѣть неправильное представленіе, быть въ бреду, но когда къ нему обращались съ вопросами, онъ отвѣчалъ совершенно сознательно и слова его не были послѣдствіемъ бреда. Кромѣ того, если бы защита просила васъ, на томъ основаніи не придавать довѣрія словамъ Грешнера, что Лейхфельдъ въ послѣдній день его жизни передавалъ Грешнеру подробности происшествія, то, конечно, нельзя основываться тутъ на скорбномъ листѣ, въ которомъ сказано, что за нѣсколько

дней до смерти, или 2 марта, Лейхфельдъ былъ въ полномъ сознаніи, и слова его не могутъ считаться сказанными въ бреду. Между тѣмъ изъ показанія Ѳеоктистова вы изволили слышать, что онъ говорилъ съ Лейхфельдомъ черезъ 4 или 5 дней послѣ несчастія; въ послѣдніе же дни болѣзни Лейхфельда Ѳеоктистовъ не навѣщалъ его, вслѣдствіе словъ самого Лейхфельда, чтобы Ѳеоктистовъ не безпокоился, часто не навѣщалъ Лейхфельда. Свидѣтель Розенбергъ показывалъ, что онъ говорилъ съ Лейхфельдомъ, когда послѣдній былъ въ полномъ сознаніи. Изъ словъ Розенберга видно, что онъ выѣхалъ изъ Петербурга 26 или 27 февраля,—слѣдовательно, онъ говорилъ съ Лейхфельдомъ за нѣсколько дней до того времени, когда по скорбному листу обнаружились у Лейхфельда лихорадочное состояніе и бредъ. Если даже допустить, что въ первый моментъ послѣ того, какъ Лейхфельдъ былъ привезенъ въ больницу, онъ, вслѣдствіе раздраженія, которое естественно въ его положеніи, говорилъ, что его застрѣлила Рыбаковская, то, конечно, нельзя допустить, чтобы впослѣдствіи Лейхфельдъ, находясь въ спокойномъ состояніи и говоря съ Грешнеромъ, Розенбергомъ и Ѳеоктистовымъ совершенно хладнокровно, все-таки продолжалъ несправедливо обвинять Рыбаковскую Мнѣ кажется, гг. присяжные засѣдатели, что умирающій человѣкъ никогда не рѣшится взвести неправильное обвиненіе на кого бы то ни было. Можно было бы еще сомнѣваться въ истинѣ словъ Лейхфельда, если бы онъ оправдывалъ Рыбаковскую, если бы онъ слагалъ съ нея всякую отвѣтственность за ея поступокъ. Тогда можно было бы предположить, что онъ, руководствуясь чисто христіанскими идеями, желалъ простить ей все зло, причиненное ему, и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, умереть, не причинивъ никому вреда; но коль скоро человѣкъ умирающій, стоящій одною ногою уже въ гробу, рѣшается высказать обвиненіе противъ другого лица—въ особенности, если этотъ человѣкъ такихъ качествъ, такого характера, какъ Лейхфельдъ,—мы положительно не можемъ допустить, чтобы онъ неправильно взводилъ такое обвиненіе, и должны признать, что сказанныя имъ слова заключаютъ въ себѣ правду, которая должна руководить насъ при разрѣшеніи настоящаго дѣла.

Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, оцѣнка какъ показаній лицъ, говорившихъ со словъ Лейхфельда, такъ и достовѣрности словъ самого Лейхфельда. Мнѣ кажется, что слова эти, въ виду всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыми они подкрѣпляются, заслуживаютъ полнаго довѣрія, и что вслѣдствіе этого виновность Рыбаковской не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но, убѣдившись такимъ образомъ въ виновности Рыбаковской со словъ самого Лейхфельда, посмотримъ, каковы показанія самой Рыбаковской, и не можемъ ли мы для разрѣшенія этого дѣла извлечь что-нибудь изъ словъ Рыбаковской. Для этого поступимъ въ отношеніи къ ея показанію, какъ поступали относительно показанія Лейхфельда, и сопоставимъ обстоятельства, о которыхъ говоритъ Рыбаковская, съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла, съ тѣмъ, что обнаружилось предъ вами на судебномъ слѣдствіи, а также посмотримъ, заслуживаетъ ли Рыбаковская, сама по себѣ, такого довѣрія, какого, конечно и безусловно, заслуживаетъ Лейхфельдъ. Съ самаго возникновенія этого дѣла, тотчасъ какъ дано было знать полиціи о томъ, что Лейхфельдъ опасно раненъ, Рыбаковская какъ квартальному надзирателю, такъ впослѣдствіи и въ больницѣ, наконецъ на допросѣ у квартальнаго надзирателя продолжала утверждать, что Лейхфельдъ лишилъ себя жизни самъ; когда, наконецъ, Лейхфельдъ при свиданіи съ нею указалъ на нее, какъ на убійцу, — Рыбаковская измѣняетъ свое показаніе: она сознается, что дѣйствительно выстрѣлъ сдѣланъ ею, но сдѣланъ случайно, по неосторожности, и объясняетъ, какимъ образомъ это произошло. Вы помните то показаніе, которое дала Рыбаковская здѣсь, на судѣ. На вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли она себя виновною, она объяснила, что 21 февраля Лейхфельдъ пришелъ отъ Розенберга въ весьма разстроенномъ состояніи, передалъ ей, что Розенбергъ ругалъ его за то, что онъ растрачиваетъ состояніе сестеръ, и требовалъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ въ деревню; что она успокаивала его, обѣщая работать, чтобы пріобрѣсти достаточно средствъ къ существованію, вслѣдствіе чего Лейхфельдъ успокоился и заснулъ. Затѣмъ, на другое утро, когда Лейхфельдъ сказалъ ей, что они должны разлучиться, Рыбаков-

ская, зарядивъ пистолетъ, хотѣла убить себя; затѣмъ, когда произошла осѣчка, Лейхфельдъ началъ смѣяться надъ нею, а она, для того, чтобы убѣдить его, что она хотѣла лишить себя жизни, давала ему осмотрѣть пистолетъ, наконецъ, цѣлилась въ печку, но при этомъ нечаянно соскочилъ курокъ, раздавилъ пистонъ и послѣдовалъ выстрѣлъ, причинившій смерть Лейхфельду. Посмотримъ, заслуживаетъ ли это показаніе само по себѣ довѣрія? Можетъ ли быть, чтобы женщина, рѣшившаяся лишить себя жизни изъ отчаянія, вслѣдствіе того, что лицо, любимое ею, рѣшилось ее покинуть, поступила въ этомъ случаѣ такимъ образомъ, какъ поступила Рыбаковская. Возможно ли допустить, чтобы у человѣка, разъ возымѣвшаго намѣреніе лишить себя жизни и приведшаго это намѣреніе въ исполненіе — потому что, по словамъ Рыбаковской, она спустила курокъ, приставивъ пистолетъ къ груди,— не достало рѣшимости выстрѣлить въ себя опять? Возможно ли, чтобы Рыбаковская, видя неуспѣхъ первой попытки, для того, чтобы доказать Лейхфельду положительное намѣреніе свое лишить себя жизни, вздумала стрѣлять въ печку, вмѣсто того, чтобы попробовать третій пистонъ на себѣ? Изъ показаній свидѣтелей Станевича и Миллера видно, что она стрѣляла въ свѣчку, хотѣла потушить свѣчку. Это не есть разнорѣчіе, но происходитъ оттого, что Рыбаковская сначала объясняла, что выстрѣлила въ свѣчку, а потомъ уже стала говорить, что въ печку. Послѣ этого, можно ли допустить, чтобы Рыбаковская имѣла серьезное намѣреніе лишить себя жизни? Эта невѣроятность, неправдоподобность объясненія Рыбаковской показываетъ, что дѣло было не такъ. Затѣмъ показаніе ея оказывается ложнымъ вслѣдствіе того, что свидѣтель Розенбергъ положительно подтвердилъ, что вовсе не ругалъ Лейхфельда, напротивъ того, имѣлъ съ нимъ самый дружескій разговоръ, и вечеромъ 21 февраля они разстались лучшими друзьями,— слѣдовательно, Лейхфельду не было основаній разстраиваться и нечего было нуждаться въ успокоеніи его Рыбаковскою. Затѣмъ здѣсь, на судѣ, Рыбаковская говорила, что сама не помнитъ, какъ объясняла дѣло съ самаго начала, но что потомъ чистосердечно объяснила все, какъ было. Чистосердечнымъ объяс-

неніемъ она признаетъ то показаніе, которое я только что изложилъ передъ вами. Но каково было ея чистосердечіе? Она, какъ вы изволили слышать изъ словъ Станевича и Миллера, бывшаго въ то время приставомъ исполнительныхъ дѣлъ и допрашивавшаго ее формально, называла себя магометанкою. Рыбаковская объяснила здѣсь, что сказала это потому, что не хотѣла огорчать своихъ родителей, не хотѣла, чтобы они узнали, что она находится подъ обвиненіемъ столь тяжкимъ; но я прошу васъ вспомнить слова Розенберга и Станевича, изъ которыхъ вы увидите, что они, разбирая въ квартирѣ Лейхфельда бумаги, ему принадлежащія, нашли письма на имя Викторіи Александровой Рыбаковской, какой-то г-жи съ польскою фамиліей, и на имя княжны Омаръ-Бекъ, т.-е. на имя того лица, за которое на допросѣ у Миллера выдавала себя Рыбаковская, слѣдовательно, задолго до возникновенія настоящаго дѣла, она присвоивала себѣ не принадлежащее званіе и названіе, слѣдовательно, объясненіе, данное ею на судѣ, что она не желала огорчить столь печальною вѣстью своихъ родителей, оказывается столь же ложнымъ. Еще болѣе ложно то, что она, какъ видно изъ показанія Дубровина, называла себя магометанкою, княжною Омаръ-Бекъ, и объяснила свое происхожденіе только тогда, когда имѣла разговоръ съ Дубровинымъ и Лейхфельдомъ, вслѣдствіе обнаруженія ея притворной болѣзни. Вы изволите уже видѣть, какъ ложны всѣ показанія Рыбаковской, какъ они послѣдовательно опровергаются одно за другимъ; но этимъ не исчерпываются ложныя показанія Рыбаковской; есть еще много другихъ. Такъ, на судѣ она старалась разсказать, что сама добровольно явилась въ кварталъ и объявила, что застрѣлила Лейхфельда вслѣдствіе неосторожности; между тѣмъ изъ показаній свидѣтелей Розенберга и Станевича видно, что она добровольно не ходила въ кварталъ, но свелъ ее туда городовой. Ложное показаніе о томъ, что она принадлежитъ къ магометанской вѣрѣ, Рыбаковская продолжала до безконечности и дѣло кончилось, какъ вамъ уже извѣстно, принятіемъ ею, будто бы въ первый разъ, христіанской религіи, хотя она очень хорошо знала, что была уже крещена, Я вполнѣ предоставляю вашей оцѣнкѣ по-

добный поступокъ, надѣясь, что вы отнесетесь къ нему съ надлежащей точки зрѣнія, что изъ него вы увидите, какая личность Рыбаковская, насколько она можетъ заслуживать довѣрія. Я провѣрилъ показанія Рыбаковской, сопоставляя ея слова со всѣмъ тѣмъ, что обнаружилось какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіи, и указалъ на то, что всѣ ея показанія суть не что иное, какъ непрерывная ложь. Теперь поступимъ въ отношеніи ея показаній, какъ поступили относительно словъ Лейхфельда, и посмотримъ, можно ли Рыбаковской довѣрять вполнѣ и полагаться на ея слова. Вы изволили слышать, что въ 1864 г. она прибыла въ Петербургъ и родила; затѣмъ изъ показанія Дубровина видно, что она встрѣтилась съ нимъ на бульварѣ и вступила съ нимъ въ любовную связь. Вы изволили слышать изъ показанія Грешнера и Дубровина и сама Рыбаковская не отвергала, что, познакомившись съ Лейхфельдомъ, вступила съ нимъ также въ любовную связь. Вы изволили слышать изъ показаній Свентицкаго, Грешнера и Дубровина, что Рыбаковская имѣла въ одно время связь какъ съ Лейхфельдомъ, такъ и съ Дубровинымъ; что для того, чтобы сдѣлаться интересною въ ихъ глазахъ, она притворилась страждущею чахоткой, вслѣдствіе чего посылала кухарку за бычачьею кровью, выпивала ее, потомъ извергала рвотою, выдавая эту кровь за происходящую отъ кровохарканья. Вы изволили слышать, что при этомъ случаѣ Дубровинъ и Лейхфельдъ оба убѣдились, что она обманываетъ ихъ, вслѣдствіе чего она оставила, наконецъ, Дубровина и осталась съ Лейхфельдомъ, которымъ, по объясненію Грешнера, можетъ быть руководила не любовь, а чувство состраданія, опасеніе для нея послѣдствій распутной жизни. Лейхфельдъ хотѣлъ пріучить ее къ труду и этимъ удержать отъ безнравственныхъ поступковъ. Наконецъ, во время производства слѣдствія по этому дѣлу, она рѣшается вторично принять христіанскую вѣру, и была окрещена въ тюремномъ замкѣ. Кромѣ этого вспомните слова, сказанныя здѣсь Станевичемъ, которыя онъ, по ея показанію, произнесъ въ то время, когда ѣхалъ съ нею изъ больницы въ кварталъ, чтобы ее успокоить, что найдется и другой Лейхфельдъ. Если вы внимательно посмотрѣли на

подсудимую, то вы могли убѣдиться, что слова эти оправдались. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, какова личность, показанія которой противопоставляются показаніямъ Лейхфельда. Не говоря о томъ, что лицу, павшему такъ низко въ нравственномъ отношеніи, трудно придать какую-нибудь вѣру, я полагаю, что невозможно относиться съ довѣріемъ къ ея показаніямъ вслѣдствіе того, что они опровергаются всѣми свѣдѣніями, которыя имѣются подъ рукою, которыя были выработаны судебнымъ слѣдствіемъ. Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, вамъ представляется разсудить, кому изъ двухъ лицъ, участвовавшихъ въ той плачевной драмѣ, которая разыгралась, какъ я уже сказалъ, въ домѣ Лейхфельда 22-го февраля, вамъ слѣдуетъ придать вѣру? Заслуживаетъ ли Рыбаковская довѣрія или слѣдуетъ признать, что правду говорилъ Лейхфельдъ? Рыбаковская говоритъ, что пришла въ такое отчаяніе, узнавъ, что ее хотѣлъ покинуть любимый человѣкъ, что рѣшилась застрѣлиться. Но изъ всего мною сказаннаго вы, кажется, имѣли полную возможность убѣдиться, что ея отчаяніе не могло быть такъ сильно, такъ какъ оно слишкомъ скоро исчезло. Изъ всего предыдущаго трудно предположить, чтобы такое отчаяніе могло даже зародиться въ душѣ г-жи Рыбаковской. Поднять руку на себя весьма трудно; чтобы лишить себя жизни, нужно много энергіи, много воли. Такая энергія, такая воля можетъ появиться только у натуры не испорченной, у человѣка, руководящагося въ своей жизни твердыми началами; но человѣкъ, окончательно потерявшій, такъ сказать, всякое сознаніе нравственности, не можетъ имѣть такой энергіи, не можетъ настолько сознавать свое несчастіе, чтобы рѣшиться поднять на себя руку. Мнѣ кажется, что это убѣжденіе мое вы раздѣлите, гг. присяжные засѣдатели, и, сообразивъ все, что было сказано, не забывая ни одной малѣйшей подробности, которая характеризуетъ какъ показаніе Лейхфельда, такъ и показаніе Рыбаковской, вы придадите словамъ каждаго изъ нихъ ту вѣру, которую они заслуживаютъ, и такимъ образомъ постановите безошибочный и правильный приговоръ.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ. Гг. присяжные засѣдатели! Вы могли убѣдиться изъ рѣчи г. товарища прокурора,

что въ настоящемъ дѣлѣ рѣшеніе ваше зависитъ прежде всего отъ того взгляда, который образовался у васъ на слова Лейхфельда. Вы уже могли убѣдиться, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, собственно говоря, ни одной улики противъ подсудимой, кромѣ тѣхъ словъ, которыя различныя лица, различные свидѣтели приписываютъ покойному Лейхфельду. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ такимъ важнымъ пробѣломъ, котораго не могли пополнить никакія показанія свидѣтелей,—съ такимъ пробѣломъ, который ставитъ защиту точно также, какъ и обвиненіе, въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Вы знаете, что Лейхфельдъ жилъ послѣ нанесенія ему раны еще 10 дней, рана была нанесена 22 февраля, а умеръ онъ 4 марта; вы слышали, что, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію доктора, который его лѣчилъ и который долженъ былъ слѣдовательно доставлять судебной и административной власти свѣдѣнія о его положеніи, по мнѣнію этого доктора, больной находился большую часть времени въ полномъ умѣ и здравой памяти; вы знаете, что несмотря на это въ теченіе 10 дней отъ него не было отобрано никакого формальнаго показанія. Вы слышали, что въ самый день привоза Лейхфельда въ больницу, когда, по словамъ главнаго доктора Германа, Лейхфельдъ находился въ полномъ сознаніи, ему было сдѣлано нѣчто въ родѣ допроса надзирателемъ Станевичемъ; но вы знаете вмѣстѣ съ тѣмъ, что результатъ этого допроса не былъ облеченъ въ установленную форму. На мой вопросъ относительно причины такого совершенно непонятнаго упущенія Станевичъ отвѣчалъ, что не считалъ нужнымъ составлять актъ по этому предмету, потому что при показаніи Лейхфельда были свидѣтели, фамиліи которыхъ онъ записалъ. Но вы могли убѣдиться, что значатъ свидѣтели въ такомъ случаѣ, когда надо передать показаніе лица слабаго, можетъ быть едва говорящаго. Если нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ слышали слова такого лица и затѣмъ должны передать его показаніе черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, то вы знаете, что показанія свидѣтелей ни въ какомъ случаѣ, даже при полномъ ихъ согласіи между собою, чего въ настоящее время нѣтъ, конечно не могутъ замѣнить показанія, даннаго и

подписаннаго формально тѣмъ самымъ лицомъ, отъ котораго оно отбирается. Я укажу прежде всего на тотъ фактъ, что если бы показаніе, данное Лейхфельдомъ 22-го февраля въ день привоза его въ больницу, было дѣйствительно до такой степени противъ Рыбаковской, какъ должно думать, судя по показаніямъ свидѣтелей, то незаписаніе его въ протоколъ становится еще болѣе непонятнымъ, становится совершенно необъяснимымъ. Когда человѣкъ умирающій, человѣкъ, которому можетъ быть, какъ видно изъ скорбнаго листа, оставалось тогда нѣсколько часовъ жизни, относительно котораго не были увѣрены, что онъ проживетъ болѣе двухъ часовъ,—когда такой человѣкъ даетъ показаніе, заключающее въ себѣ одно изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, которыя могутъ только встрѣтиться, то безъ сомнѣнія на обязанности тѣхъ, кто отбираетъ это показаніе, лежитъ немедленно облечь его въ ту форму, которая исключаетъ всякое дальнѣйшее сомнѣніе. Этого сдѣлано не было, и это первый фактъ, первое обстоятельство, вслѣдствіе котораго я позволяю себѣ предполагать, что показаніе Лейхфельда вовсе не было такого содержанія, которое въ настоящее время ему стараются приписать. Такимъ образомъ мы поставлены въ печальную необходимость собирать совершенно разнорѣчивыя свѣдѣнія о томъ, что говорилъ Лейхфельдъ, изъ показаній разныхъ лицъ, находившихся съ нимъ въ различныхъ отношеніяхъ, говорившихъ съ нимъ въ разное время и по различнымъ поводамъ. Г. товарищъ прокурора, соглашаясь съ тѣмъ, что въ этихъ показаніяхъ существуютъ во многихъ отношеніяхъ существенныя противорѣчія, старается доказать, что самыя эти противорѣчія должны давать въ вашихъ глазахъ большее значеніе этимъ показаніямъ, что самыя эти противорѣчія служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что они даются вполнѣ чистосердечно. Это было бы можетъ быть справедливо, если бы противорѣчія между показаніями свидѣтелей ограничивались только одними второстепенными, побочными обстоятельствами, но мы видимъ, что они касаются многихъ обстоятельствъ весьма существенныхъ, весьма важныхъ. Прежде всего припомнимъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ давалъ это показаніе Лейхфельдъ. Мы знаемъ,

что Лейхфельдъ былъ привезенъ въ больницу утромъ 22-го февраля, затѣмъ, послѣ довольно значительнаго промежутка, былъ перенесенъ въ перевязочное отдѣленіе. Здѣсь явился старшій докторъ и здѣсь были предложены въ первый разъ вопросы о томъ, какимъ образомъ случилось извѣстное вамъ происшествіе. Мы знаемъ изъ показанія Станевича, что онъ былъ въ Обуховской больницѣ 22-го февраля одинъ разъ, мы знаемъ изъ показанія доктора Германа, подтвержденнаго самимъ Станевичемъ, что онъ присутствовалъ при показаніи, отобранномъ отъ Лейхфельда докторомъ. Мы знаемъ, что затѣмъ Станевичъ удалился вмѣстѣ съ Рыбаковскою изъ больницы, слѣдовательно показанія Германа и Станевича, по всей вѣроятности, относятся къ одному и тому же моменту; къ тому же моменту по всей вѣроятности относятся и показанія всѣхъ остальныхъ свидѣтелей, служащихъ при Обуховской больницѣ: Николаева, Мамошиной и д-ра Гейкинга. Затѣмъ мы открываемъ съ перваго взгляда весьма серьезное противорѣчіе между показаніемъ д-ра Германа и показаніемъ свидѣтеля Станевича: свидѣтель Станевичъ утверждаетъ, что Лейхфельдъ далъ положительное объясненіе о томъ, какъ случилось происшествіе, что онъ обвинилъ Рыбаковскую не только въ совершеніи самаго выстрѣла, но и въ совершеніи его умышленно, при чемъ объяснилъ нѣкоторыя подробности того, какъ она совершила выстрѣлъ. Какъ я уже сказалъ, мы лишены одного весьма важнаго средства для провѣрки показанія Станевича: онъ спрошенъ сегодня въ первый разъ; если бы онъ былъ спрошенъ при предварительномъ слѣдствіи, то мы имѣли бы возможность сличить его показаніе, данное тогда, съ тѣмъ, которое мы слышали сегодня, и тогда можетъ быть открыли бы между его показаніями такое же противорѣчіе, какъ въ показаніяхъ Николаева; этой возможности мы лишены, но должны предположить, что свидѣтель Станевичъ черезъ 2 года и 8 мѣс. послѣ происшествія, не будучи о томъ спрошенъ прежде, не могъ сохранить всѣ до крайности мелкія подробности. Кромѣ того это показаніе, въ томъ видѣ, какъ оно является передъ вами, несогласно съ показаніемъ д-ра Германа. По объясненію д-ра, умершему были предложены только

три вопроса, изъ которыхъ собственно къ обстоятельствамъ, составляющимъ предметъ настоящаго дѣла, относится только одинъ вопросъ, именно вопросъ о томъ, какимъ образомъ была нанесена рана, на который Лейхфельдъ ограничился отвѣтомъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ не имъ самимъ, а Рыбаковской. Если припомнить, что показывалъ Николаевъ на предварительномъ слѣдствіи, и если обратить вниманіе на показаніе свидѣтельницы Мамошиной, которая точно такъ же не могла объяснить, былъ ли, по показанію Лейхфельда, этотъ выстрѣлъ сдѣланъ умышленно или не умышленно, то нельзя не придти къ тому заключенію, что показаніе Лейхфельда есть именно то показаніе, о которомъ почти единогласно говорятъ д-ръ Германъ, Николаевъ и Мамошина, и что въ этомъ показаніи, данномъ вслѣдъ за привозомъ въ больницу, не заключалось ничего, кромѣ удостовѣренія факта, никѣмъ не отвергаемаго, факта совершенно безспорнаго, что выстрѣлъ былъ совершонъ не Лейхфельдомъ, а Рыбаковскою. Такимъ образомъ я считаю себя въ правѣ считать показаніе Станевича теряющимъ всю или почти всю свою силу вслѣдствіе явныхъ противорѣчій, замѣчаемыхъ между нимъ и показаніями Германа и отчасти Николаева и Мамошиной. Затѣмъ намъ остаются показанія Грешнера, Розенберга и Өеоктистова. О томъ, къ какому періоду времени относятся эти показанія, когда происходили разговоры между Розенбергомъ, Өеоктистовымъ и Грешнеромъ съ одной стороны и Лейхфельдомъ съ другой, т.-е. тѣ разговоры, о которыхъ показываютъ эти свидѣтели — объ этомъ обстоятельствѣ я буду имѣть случай говорить послѣ, теперь же ограничусь указаніемъ одного весьма серьезнаго противорѣчія, которое замѣчается между этими показаніями. По объясненію Өеоктистова, Лейхфельдъ сказалъ ему, что Рыбаковская выстрѣлила въ него сразу, что она совершенно неожиданно появилась передъ нимъ и вслѣдъ затѣмъ неожиданно послѣдовалъ выстрѣлъ; по объясненію же Грешнера или Розенберга разсказъ Лейхфельда объ этомъ предметѣ былъ совершенно другой: Лейхфельдъ не говорилъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ сразу, напротивъ того, объяснялъ, что она нѣсколько разъ къ нему подходила, нѣсколько разъ

прицѣливалась, говорила ему даже шутя, что выстрѣлитъ въ него, и только затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ, при чемъ она заряжала пистолетъ, вкладывала шомполъ въ его глазахъ. Такимъ образомъ мы видимъ между показаніемъ Ѳеоктистова и показаніями Розенберга и Грешнера разнорѣчіе весьма существенное, касающееся именно одной изъ самыхъ важныхъ подробностей того, какъ случилось происшествіе, по словамъ Лейхфельда, которыя передаютъ эти свидѣтели. Такимъ образомъ, гг. присяжные засѣдатели, этотъ первый обзоръ показаній, данныхъ по поводу словъ, сказанныхъ Лейхфельдомъ, долженъ, мнѣ кажется, привести къ тому убѣжденію, что показанія эти ни къ какому твердому, положительному выводу привести не могутъ, что они не только не могутъ замѣнить собой показаніе, которое было бы подписано самимъ Лейхфельдомъ, но даже не могутъ сравниться съ нимъ. Затѣмъ, между показаніемъ лица, даннымъ имъ формально передъ судебною властью, съ знаніемъ, что это показаніе будетъ имѣть характеръ улики, и словами лица, сообщающаго свѣдѣнія въ частномъ разговорѣ, есть громадная разница. Когда я даю формальное показаніе передъ судебною властью, тогда я взвѣшиваю каждое мое слово, въ особенности по такому важному предмету, какъ настоящее дѣло; когда же я говорю съ частнымъ лицомъ, мнѣ нѣтъ надобности обдумывать, взвѣшивать каждое слово, я могу высказывать свои предположенія и выдавать ихъ за факты, въ моихъ глазахъ очень достовѣрные, я могу напирать на такія обстоятельства, въ которыхъ самъ несовершенно убѣжденъ. Такимъ образомъ, если бы Лейхфельдъ давалъ свое показаніе передъ судебною властью или передъ полиціею формально о томъ, какъ происходило дѣло, то весьма можетъ быть, скажу даже болѣе: навѣрно, разсказъ Лейхфельда представился бы вамъ совершенно въ другомъ видѣ, нежели тотъ, въ которомъ онъ является теперь, въ отрывкахъ, ничѣмъ почти не связанныхъ, изъ показаній свидѣтелей.

Перейдемъ затѣмъ къ показанію Лейхфельда въ томъ видѣ, какъ оно представлено вамъ г. товар. прок,,—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ извлекъ его изъ различныхъ противорѣчивыхъ показаній свидѣтелей. Онъ даетъ этому показанію полную

вѣру и основываетъ на немъ всѣ свои заключенія прежде всего потому, что не видитъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ правдивости словъ Лейхфельда. Я точно такъ же далекъ, гг. присяжные засѣдатели, отъ того, чтобы на человѣка умирающаго, на человѣка, ничѣмъ не запятнаннаго, бросать какое бы то ни было подозрѣніе; но не могу не сказать, что мнѣніе г. товарища прокурора о Лейхфельдѣ, какъ о человѣкѣ безусловно добромъ, безусловно правдивомъ, представляется основаннымъ на данныхъ довольно шаткихъ. Я слышалъ изъ показанія Розенберга только одно, что Лейхфельдъ былъ характера слабаго, больше я ничего не слыхалъ; мнѣ кажется, что онъ не говорилъ о добротѣ Лейхфельда, но положимъ даже, что говорилъ,—во всякомъ случаѣ, отправляясь отъ этого показанія, такъ сказать, ставить Лейхфельда на тотъ пьедесталъ, на который ставитъ его г. товарищъ прокурора, мнѣ кажется, нѣтъ достаточнаго основанія. Повторяю, что я далекъ отъ мысли бросать какое-либо подозрѣніе на Лейхфельда, я даже убѣжденъ, что онъ говорилъ совершенно справедливо, но обращаю вниманіе, во-1-хъ, на то, могъ ли онъ, давая свои объясненія, говорить вполнѣ сознательно, во-2-хъ, могъ ли онъ, говоря съ разными лицами о томъ, какъ происходило происшествіе, быть совершенно свободенъ отъ всякихъ заранѣе навязанныхъ ему другими или составленныхъ имъ самимъ предположеній? Что касается до показаній Грешнера и Ѳеоктистова, то мнѣ кажется, что мы не только можемъ, но должны ихъ совершенно отбросить. Вы помните, что Грешнеръ объясняетъ, что Лейхфельдъ разсказывалъ ему подробности происшествія наканунѣ или въ самый день смерти; вы знаете между тѣмъ изъ скорбнаго листа, что какъ въ день смерти, такъ и наканунѣ и даже за три или за два дня передъ тѣмъ покойный Лейхфельдъ не былъ въ полномъ умѣ и здравой памяти; сознаніе его было неясно, онъ бредилъ. Мы имѣемъ по этому предмету показаніе эксперта Майделя, изъ котораго г. тов. прокурора хочетъ вывести заключеніе, что бредъ не былъ нисколько не совмѣстенъ съ показаніемъ совершенно точнымъ и опредѣленнымъ о томъ, какъ совершилось происшествіе; но предположеніе эксперта есть только предположеніе: онъ не слѣдилъ за болѣзнью Лейх-

фельда, не видѣлъ его. Впрочемъ, онъ и не говоритъ опредѣлительно, въ какой степени Лейхфельдъ въ послѣдній день жизни былъ въ здравомъ умѣ. Для насъ достаточно совершенно того, что въ 7 часовъ вечера, за 4 часа до смерти, сознаніе Лейхфельда было неясно. Замѣтьте, что, по объясненію скорбнаго листа, ничѣмъ не доказано, чтобы передъ тѣмъ сознаніе его было ясно: какъ видно изъ скорбнаго листа, наблюденія надъ больнымъ дѣлались и записывались три раза въ день, такимъ образомъ записывалось только то, что обнаруживалось въ самый моментъ наблюденія; что же происходило между этими наблюденіями, о томъ въ скорбномъ листѣ не можетъ быть упомянуто, за исключеніемъ случаевъ, которые такъ важны, что, на основаніи словъ окружающихъ, должны быть записаны въ скорбный листъ. Такимъ образомъ мы не имѣемъ основанія утверждать, что сознаніе больного помрачилось только въ 7 часовъ вечера и не помрачалось раньше; напротивъ того, мы имѣемъ возможность думать, что оно помрачалось и гораздо ранѣе того дня, когда слѣды этого помраченія въ первый разъ обнаружились и были занесены въ скорбный листъ. Экспертъ Майдель показалъ вамъ, что лихорадочное состояніе, сопровождаемое бредомъ, неясными представленіями, обнаруживается прежде всего въ учащенности пульса; у человѣка такихъ лѣтъ, какихъ былъ покойный Лейхфельдъ, пульсъ отъ 85 до 120 можетъ считаться лихорадочнымъ, но не чрезмѣрнымъ, затѣмъ сверхъ 120 долженъ считаться лихорадочнымъ въ полной мѣрѣ. Изъ скорбнаго листа мы видимъ, что 23 февр., на другой день послѣ происшествія, пульсъ его былъ 126 при всѣхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ этотъ день; затѣмъ въ продолженіе слѣдующихъ дней пульсъ спустился на 108, оставаясь такимъ образомъ все-таки далеко выше нормальнаго, а 27 февр., именно въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда могло произойти свиданіе Лейхфельда съ Грешнеромъ, возвысился до 132, т.-е. значитъ превысилъ ту мѣрку, которая, по объясненію эксперта, отдѣляетъ пульсъ лихорадочный обыкновенный отъ пульса лихорадочнаго полнаго. Такимъ образомъ мы видимъ возможность, на основаніи скорбнаго листа, предположить, что лихорадка, сопряженная съ бредомъ и неясными предста-

вленіями, дѣйствительно была у Лейхфельда гораздо ранѣе послѣдняго дня жизни. Изъ этого всего я вывожу, во-первыхъ, что показаніе Грешнера, какъ относящееся къ послѣднему дню жизни Лейхфельда, должно быть вполнѣ устранено, такъ какъ относительно этого дня не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Лейхфельдъ не обладалъ вполнѣ своими умственными способностями. Показаніе Ѳеоктистова я также устраняю; вы помните, что Лейхфельдъ разсказывалъ ему о событіи не черезъ 4 или 5 дней послѣ поступленія въ больницу, какъ объясняетъ г. тов. прок., а черезъ 7 или 8 дней, — это значитъ 2-го марта, т.-е. въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда у больного, даже по показанію скорбнаго листа, уже былъ бредъ. Такимъ образомъ, показаніе это, мнѣ кажется, также должно быть устранено или по крайней мѣрѣ потерять значительную часть своей силы. Остается только показаніе Розенберга. Относительно этого показанія прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, нисколько не отвергая его истинности, я нахожу, что оно заключаетъ въ себѣ такія черты, которыя говорятъ, можетъ быть, болѣе въ пользу подсудимой, нежели противъ нея: во-1-хъ, Розенбергъ показалъ положительно, что о подробностяхъ происшествія онъ говорилъ съ Лейхфельдомъ собственно только одинъ разъ; когда происходилъ этотъ разговоръ, мы не знаемъ; можетъ быть, что онъ происходилъ въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда Лейхфельдъ находился въ лихорадочномъ состояніи и не могъ отдавать себѣ яснаго и полнаго отчета въ томъ, что происходило. Затѣмъ нѣсколько разъ происходили между Розенбергомъ и Лейхфельдомъ разговоры только о тѣхъ причинахъ, которыя могли побудить Рыбаковскую сдѣлать выстрѣлъ въ Лейхфельда. Вы знаете, что Лейхфельдъ на этотъ вопросъ Розенберга, повторенный нѣсколько разъ, давалъ постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ, а именно, что онъ не знаетъ, не подозрѣваетъ, даже и не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, какая причина побудила Рыбаковскую къ совершенію этого поступка. Мнѣ кажется, что именно это обстоятельство служитъ доказательствомъ тому, что Лейхфельдъ не былъ даже убѣжденъ въ томъ, что Рыбаковская совершила выстрѣлъ умышленно; если бы онъ былъ убѣжденъ въ этомъ,

то, безъ сомнѣнія, не могъ бы затрудниться въ объясненіи побудительной причины поступка Рыбаковской и могъ бы приписать его, какъ приписываетъ обвинительная власть, той злости, которая появилась въ Рыбаковской вслѣдствіе рѣшимости Лейфельда разстаться съ нею; но онъ даже не пробуетъ представить такое объясненіе, онъ положительно говоритъ, что не понимаетъ причину поступка обвиняемой, и показываетъ этимъ самымъ, что въ его глазахъ убѣжденіе относителино умышленности выстрѣла далеко не было такъ твердо, какъ теперь показываютъ свидѣтили.

Затѣмъ, г. тов. прок. нѣсколько разъ указывалъ на то, что умершій Лейхфельдъ былъ человѣкъ слабаго характера, легко подчинявшійся чужому вліянію. По этому поводу я прошу васъ припомнить, что Лейхфельдъ, вслѣдъ за привозомъ его въ больницу былъ разлученъ съ Рыбаковской, видѣлъ ее всего только одинъ разъ, когда она пріѣзжала вмѣстѣ съ Бѣлавинымъ, что затѣмъ онъ видался почти каждый день съ Розенбергомъ и Грешнеромъ, такимъ образомъ былъ совершенно изъятъ изъ-подъ вліянія Рыбаковской и отданъ подъ вліяніе лицъ враждебныхъ Рыбаковской. Очень можетъ быть, что именно вслѣдствіе своего характера, вслѣдствіе неясности представленія онъ вынесъ изъ разговора съ этими лицами то сознаніе, котораго не вынесъ изъ подробностей происшествія. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны своего слабаго характера, съ другой—Грешнера и Розенберга, которые, безъ сомнѣнія, старались представить ему Рыбаковскую въ самомъ черномъ свѣтѣ, у него дѣйствительно мало-по-малу составилось не убѣжденіе, а предположеніе, что Рыбаковская стрѣляла умышленно. Затѣмъ,—продолжаетъ г. тов. прок.,—при той добротѣ (впрочемъ, не доказанной), которою отличался Лейхфельдъ, нельзя допустить, чтобы онъ такъ жестоко поступилъ съ Рыбаковской, чтобы оттолкнулъ ее отъ себя, чтобы не хотѣлъ ее видѣть. При этомъ г. тов. прок. дѣлаетъ одну большую фактическую ошибку: онъ говоритъ, что когда Бѣлавинъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Рыбаковской, то Лейхфельдъ просилъ, чтобы ее близко къ нему не подпускали. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ показалось, что эта просьба была заявлена не самимъ Лейхфельдомъ, а докторомъ, съ которымъ она гово-

рила. Докторъ могъ думать, что слишкомъ продолжительное, слишкомъ близкое объясненіе Лейхфельда съ Рыбаковской повліяетъ вредно на больного, и потому могъ требовать, чтобы Рыбаковская не была близко допускаема. Такимъ образомъ требованіе, на которое ссылается г. тов. прокур., исходило не отъ Лейхфельда. Но припомните, что, по мнѣнію самого г. тов. прок., въ первый моментъ послѣ событія, при которомъ кто-нибудь отъ неосторожности другого лица пострадалъ такъ сильно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, со стороны пострадавшаго возможно негодованіе, возможно неудовольствіе противъ того лица,—а Лейхфельдъ видѣлся съ Рыбаковской именно только подъ вліяніемъ этого перваго впечатлѣнія: единственное свиданіе между ними, о которомъ мы знаемъ изъ показаній свидѣтелей, происходило именно вслѣдъ за привозомъ его въ больницу; второе свиданіе было тогда, когда Рыбаковская пріѣхала въ больницу съ Бѣлавинымъ, но о подробностяхъ этого свиданія мы не знаемъ ничего. Можетъ быть, что Лейхфельдъ не разсмотрѣлъ даже, что это была Рыбаковская, не могъ себѣ дать яснаго отчета, чего она желаетъ; можетъ быть, онъ отнесся бы къ ней не такъ, когда бы пришелъ въ себя, какъ отнесся въ этотъ разъ, въ особенности если бы въ теченіе нѣсколькихъ дней не находился исключительно подъ вліяніемъ лицъ, враждебныхъ Рыбаковской. Во всякомъ случаѣ изъ этого обращенія Лейхфельда съ Рыбаковской мы не имѣемъ права дѣлать никакихъ выводовъ противъ нея. Продолжая доказывать достовѣрность показанія Лейхфельда посредствомъ сличенія его съ другими обстоятельствами настоящаго дѣла, г. тов. прок. указываетъ между прочимъ на то, что показаніе Лейхфельда о пистолетѣ подтвердилось, что дѣйствительно, какъ онъ объяснялъ въ больницѣ, пистолетъ наканунѣ не былъ заряженъ и что потому онъ могъ отнестись спокойно къ попыткамъ, которыя дѣлала Рыбаковская. Дѣйствительно, обстоятельство о томъ, что пистолетъ не былъ заряженъ наканунѣ, подтвердилось, но оно подтвердилось преимущественно изъ словъ самой Рыбаковской, которая сама показываетъ, что дѣйствительно она зарядила пистолетъ утромъ 22 февр. на глазахъ Лейхфельда, слѣдовательно она какъ будто бы

сама даетъ противъ себя орудіе. Я обращаю ваше вниманіе на это обстоятельство между прочимъ потому, что изъ него можно вывести заключеніе о томъ, что Рыбаковская совершила свой проступокъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и дѣйствительно, мнѣ кажется, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ средины: нужно или признать, что она совершила убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, или же нужно признать, что она совершила его по неосторожности; для предположенія, что она совершила это преступленіе въ внезапномъ порывѣ, не остается мѣста, потому что какъ изъ показанія Рыбаковской, такъ и изъ показанія Лейхфельда видно, что между заряженіемъ пистолета и выстрѣломъ прошелъ извѣстный промежутокъ времени. Я могъ бы еще понять, что предположеніе о произведеніи Рыбаковской выстрѣла подъ вліяніемъ внезапнаго негодованія за то, что онъ рѣшился ее оставить, могло вамъ представиться довольно вѣроятнымъ, но я не думаю, чтобы вы могли допустить, чтобы вслѣдствіе рѣшимости Лейхфельда разстаться съ нею у нея могло возникнуть такого рода намѣреніе, которое она имѣла время достаточно обдумать, и тѣмъ не менѣе привела его въ исполненіе. Для того, чтобы предположить въ Рыбаковской заранѣе обдуманное намѣреніе совершить то преступленіе, въ которомъ она обвиняется, мнѣ кажется, въ настоящемъ дѣлѣ рѣшительно нѣтъ основанія. Сознаніе ея въ томъ, что она зарядила пистолетъ, показываетъ именно то, что она не считаетъ этого обстоятельства уличающимъ ее въ преступленіи, что она въ этомъ отношеніи показываетъ совершенную правду, хотя это обстоятельство по самому свойству своему при извѣстной обстановкѣ могло быть обращено противъ Рыбаковской.

Я отвѣтилъ, кажется, на всѣ тѣ соображенія, которыми г. товарищъ прокурора старался доказать правдоподобность, вѣроятность показаній Лейхфельда, переданныхъ свидѣтелями; я доказалъ, кажется, что нѣтъ никакого положительнаго основанія утверждать, что это показаніе дано въ полномъ умѣ и здравой памяти, что онъ обладалъ полнымъ сознаніемъ того, что говорилъ. Еще менѣе основаній предполагать, что онъ давалъ это показаніе,

зная всю важность его, зная, что оно можетъ имѣть тяжкія послѣдствія для Рыбаковской. Если даже допустить, что онъ говорилъ все то, что было показано на судѣ свидѣтелями, если допустить, что ни Грешнеръ, ни Розенбергъ не перемѣнили ни одной черты изъ того, что сказалъ Лейхфельдъ, то тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что все это было сказано имъ только въ частномъ разговорѣ и что, слѣдовательно, какъ для лицъ, слушавшихъ Лейхфельда, такъ и для него самого было весьма трудно отдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго, убѣжденія отъ предположеній. Далѣе г. товарищъ прокурора переходитъ къ показанію Рыбаковской, но я считаю нужнымъ прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ, указать на нѣкоторыя обстоятельства, имъ не упомянутыя, которыя, мнѣ кажется, имѣютъ весьма существенное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ; я напомню вамъ, что Рыбаковская не скрывала передъ происшествіемъ, что у нея есть пистолетъ и что она умѣетъ изъ него стрѣлять,—это она доказала въ присутствіи свидѣтеля, не далѣе, какъ за нѣсколько часовъ до происшествія: поздно вечеромъ 21 февраля она стрѣляла изъ не заряженнаго пистолета въ присутствіи дворника. Если предположить, что у Рыбаковской было хоть что-нибудь похожее на намѣреніе убить Лейхфельда, то возможно ли допустить, чтобы она показывала, во-первыхъ, что пистолетъ не зaряженъ, и во-вторыхъ, что она умѣетъ стрѣлять? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Затѣмъ обращаю ваше вниманіе на разсказъ дворника Ѳеоктистова о томъ, что происходило послѣ выстрѣла. Мы знаемъ изъ этого разсказа, что Лейхфельдъ, получивъ рану, побѣжалъ въ дворницкую, что вслѣдъ за нимъ пришла Рыбаковская; мы знаемъ, что Лейхфельдъ былъ въ это время въ болѣе или менѣе сознательномъ состояніи: онъ могъ самъ идти, его свели, а не отнесли въ квартиру; затѣмъ, во-первыхъ, Рыбаковская посылаетъ дворника за докторомъ и, слѣдовательно, даетъ ему средство немедленно обнаружить преступленіе, если только оно было совершено; во-вторыхъ, Лейхфельдъ, который былъ въ это время въ сознательномъ или почти сознательномъ состояніи, соглашается остаться наединѣ съ Рыбаковскою, т.-е соглашается остаться вдво-

емъ съ тѣмъ лицомъ, которое за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ нанесло ему, какъ говорятъ, умышленно смертельную или по крайней мѣрѣ очень тяжкую рану. Положимъ, что онъ ничего не могъ говорить, но неужели вы думаете, что онъ не могъ бы показать какимъ-нибудь жестомъ или знакомъ, что не хочетъ остаться наединѣ съ Рыбаковскою, что желаетъ, чтобы при немъ остался дворникъ или какое-нибудь другое лицо? Можно ли допустить, чтобы онъ рисковалъ остаться съ тѣмъ лицомъ, которое совершило преступленіе и которому не удалось его окончательно совершить? Мнѣ кажется, уже это обстоятельство указываетъ, что Лейхфельдъ въ то время не былъ убѣжденъ въ виновности Рыбаковской и не могъ быть убѣжденъ въ ней впослѣдствіи времени, потому что не представлялось никакихъ новыхъ данныхъ, которыя могли бы привести его къ такому убѣжденію.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ показаніемъ Рыбаковской, съ тѣмъ, что она говорила какъ доктору, такъ и полиціи, что Лейхфельдъ выстрѣлилъ въ себя самъ; мы встрѣчаемся съ показаніями остальныхъ свидѣтелей, что Лейхфельдъ говорилъ, что она показывала такъ вслѣдствіе уговора, состоявшагося между нимъ и Рыбаковской въ то время, когда они остались наединѣ.

Нисколько не отвергая показаній свидѣтелей, мнѣ кажется, что этому обстоятельству можно дать гораздо болѣе простое объясненіе, нежели то, которое даетъ товарищъ прокурора. Очень понятно, что вслѣдъ за этимъ происшествіемъ, потерявшись совершенно отъ испуга, въ особенности отъ сознанія тѣхъ предположеній, которыя могутъ противъ нея составиться, г-жа Рыбаковская желала сначала скрыть это дѣло; очень можетъ быть, что она дѣйствительно просила Лейхфельда показать, что онъ выстрѣлилъ самъ въ себя нечаянно. Мнѣ кажется, что это обстоятельство рѣшительно не говоритъ противъ нея; если бы она стояла на этомъ показаніи долго, если бы она упорствовала въ немъ, тогда можетъ быть могло бы возникнуть сомнѣніе по этому предмету. Но мы знаемъ изъ показаній Станевича и Миллера, что въ тотъ же самый день, когда случилось происшествіе, она призналась въ

тѳмъ, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ ею, и дала показаніе, совершенно въ главныхъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое вы слышали сегодня на судебномъ слѣдствіи. Такимъ образомъ запирательство Рыбаковской никакъ не могло и не можетъ доказывать того, что изъ него выводитъ г. товарищъ прокурора. Затѣмъ, продолжая опровергать показаніе Рыбаковской, продолжая доказывать его внутреннюю несостоятельность, неправдоподобность, г. товарищъ прокурора указываетъ между прочимъ на противорѣчіе между показаніемъ Рыбаковской и свидѣтелемъ Розенбергомъ: Рыбаковская утверждаетъ, что Лейхфельдъ, возвратясь домой, 21 февраля объявилъ ей свою рѣшимость разстаться съ ней и мотивировалъ эту рѣшимость тѣми угрозами, которыя ему будто бы дѣлалъ Розенбергъ, а Розенбергъ, съ своей стороны показываетъ, что никакихъ угрозъ и упрековъ не дѣлалъ, что разговоръ между ними былъ самый дружескій и что они разстались совершенно спокойно. Мнѣ кажется, что это противорѣчіе только мнимое, что оно, не касаясь прямо показаній Розенберга, нисколько не опровергаетъ показанія Рыбаковской; это противорѣчіе объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что Лейхфельдъ, желая найти благовидный предлогъ своей рѣшимости разстаться съ Рыбаковской, взвалилъ главную часть отвѣтственности на другого человѣка, сказавъ ей, что Розенбергъ требовалъ разрыва его съ ней; вотъ какъ просто объясняется это кажущееся противорѣчіе. Безъ сомнѣнія, я не кладу этимъ никакого пятна на память покойнаго, потому что такого рода объясненіе представляется совершенно понятнымъ, очень естественно желаніе Лейхфельда избѣгнуть слишкомъ сильныхъ упрековъ при разлукѣ и потому стараніе его увѣрить, что иниціатива этой разлуки идетъ не отъ него, а отъ другого лица. Затѣмъ г. товарищъ прокурора указываетъ на другую невѣроятность показанія Рыбаковской: онъ говоритъ, что женщина, рѣшившаяся на самоубійство, два раза въ себя стрѣлявшая, два раза не успѣвшая привести въ исполненіе свое намѣреніе, скорѣе, конечно, должна была стараться привести это намѣреніе въ исполненіе, чѣмъ перейти къ такому средству доказать свое намѣреніе, какъ стрѣльба въ печку или свѣчку, и т. д.

Г. товарищъ прокурора упускаетъ при этомъ изъ виду одно обстоятельство: можно твердо рѣшиться на самоубійство, можно приступить къ исполненію своего намѣренія, но затѣмъ, когда это намѣреніе два раза, по независящимъ отъ того лица обстоятельствамъ, не исполняется, рѣшимость можетъ остыть въ лицѣ самомъ энергическомъ. Мы знаемъ множество примѣровъ, когда самоубійцы, рѣшившись твердо лишить себя жизни, побуждаемые къ тому достаточными основаніями, останавливались въ исполненіи своего намѣренія именно потому, что первая попытка исполнить его оставалась безъ успѣха. Очень можетъ быть, что намѣреніе Рыбаковской лишить себя жизни было совершенно твердо, но когда это намѣреніе не исполнилось, она могла потерять ту искусственную энергію, которая ее поддерживала, и могла перейти къ другому настроенію. Такимъ образомъ, той невѣрности, которую видитъ въ показаніи Рыбаковской г. товарищъ прокурора, я никоимъ образомъ признать не могу. Затѣмъ, стараясь поколебать вообще довѣріе, которое вы можете имѣть къ показанію г-жи Рыбаковской, г. товарищъ прокурора указываетъ на то, что въ то время, когда Рыбаковская, по своему объясненію, давала будто бы чистосердечное показаніе о происшествіи, она показала совершенно фальшиво о своемъ званіи и фамиліи. Оправданіе Рыбаковской, заключающееся въ томъ, что она сдѣлала это для того, чтобы скрыть отъ своихъ родственниковъ то несчастное положеніе, въ которое была поставлена, г. товарищъ прокурора устраняетъ тѣмъ, что г-жа Рыбаковская уже и прежде называла себя фальшивыми именами, ссылаясь при этомъ между прочимъ на показаніе Дубровина; но изъ показанія Дубровина видно, что Рыбаковская называла себя фальшивыми именами только въ шутку; что она до дня происшествія никогда не имѣла серьезнаго намѣренія называть себя именемъ, ей не принадлежащимъ. Дубровинъ показываетъ, что при объясненіи, которое происходило между нимъ и Лейхфельдомъ, Рыбаковская раскрыла свое настоящее происхожденіе, задолго до происшествія объяснила, что отецъ ея бѣдный чиновникъ, скрывшійся неизвѣстно гдѣ. Письма на имя Собянской княжны Омаръ-Бекъ, найденныя при обыскѣ,

нисколько не опровергаютъ, что она называла себя чужими именами только въ шутку; мы не знаемъ, что было въ этихъ письмахъ: можетъ быть, они были писаны ею самою также въ шутку; мы знаемъ только, что она сама при обыскѣ не заявляла, что эти письма писаны ей, а сказала только, что они ей принадлежатъ; поэтому нѣтъ никакого достаточнаго основанія думать, что она до происшествія обдуманно, съ какою-нибудь цѣлью принимала чужую фамилію. Что она приняла другую фамилію въ началѣ слѣдствія, что она дала ложное показаніе о своемъ происхожденіи—это совершенно справедливо, но это показаніе повредило прежде всего ей самой, потому что имѣло послѣдствіемъ значительное замедленіе дѣла. Если припомнить показаніе Шипунова, что Рыбаковская въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жила въ Шемахѣ съ своею бабушкой, сестрами и т. д., если припомнить, что она оставалась тамъ съ 1857 г. до 1864, когда уѣхала въ Астрахань, а потомъ въ Петербургъ, то становится весьма вѣроятнымъ объясненіе подсудимой, что она хотѣла скрыть несчастное происшествіе отъ своихъ родственниковъ, и потому приняла на себя фамилію, ей не принадлежащую. Изъ этой рѣшимости, которую подсудимая теперь оплакиваетъ, безъ сомнѣнія, произошли логическимъ путемъ всѣ тѣ послѣдствія, на которыя указываетъ г. тов. прок., какъ на доказательство нравственной испорченности Рыбаковской. Однажды сказавъ, что она магометанка, что она княжна Омарбекъ, она стояла на этомъ показаніи, для того, чтобы, опровергнувъ его, не дать въ руки судебной власти новой противъ себя улики; ставъ однажды на эту почву, она дошла наконецъ путемъ совершенно логическимъ, хотя и весьма грустнымъ, до вторичнаго крещенія. Она предпочла, конечно къ сожалѣнію, совершить вторичное принятіе православной вѣры, нежели сказать свое настоящее имя; такимъ образомъ, для того, чтобы спасти свое имя отъ тяжкаго нареканія, г-жа Рыбаковская рѣшилась довести свое молчаніе, свое запирательство до конца, до крайнихъ послѣдствій.

Въ доказательство того, что словамъ г-жи Рыбаковской нельзя придавать никакой вѣры, г. тов. прок. указалъ между прочимъ на то обстоятельство, что она показывала

сегодня передъ вами, что добровольно явилась въ полицію, и что это показаніе будто бы опровергается свидѣтелями Розенбергомъ и Станевичемъ; но припомните, что оно вовсе не опровергается этими свидѣтелями: Розенбергъ и Станевичъ показываютъ, что они не отдавали лично никакого приказанія, не дѣлали никакого распоряженія относительно заарестованія Рыбаковской, слѣдовательно, то обстоятельство, одна ли вышла Рыбаковская изъ больницы или вмѣстѣ съ городовымъ, остается до сихъ поръ нераскрытымъ.

Сводя теперь въ одно цѣлое все сказанное мною, я нахожу, что показаніе Лейхфельда, служащее, какъ я уже сказалъ, единственнымъ серьезнымъ основаніемъ къ обвиненію, представляется въ такомъ видѣ, въ какомъ рѣшительно мы не можемъ дать ему полнаго довѣрія; что показанія свидѣтелей, объясняющихъ, въ чемъ заключались разговоры ихъ съ Лейхфельдомъ, до такой степени разнорѣчивы, что основываться на нихъ не представляется никакой возможности; что есть полная возможность предполагать, что, по крайней мѣрѣ, значительная часть этихъ разговоровъ происходила въ то время, когда Лейхфельдъ не обладалъ вполнѣ умственными способностями; что затѣмъ эти разговоры, не облеченные въ законную форму, происходившіе совершенно частнымъ образомъ, могли не выражать собою положительнаго убѣжденія Лейхфельда, а только предположеніе,—предположеніе, составившееся отчасти подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія, въ которомъ онъ находился, отчасти подъ вліяніемъ того предубѣжденія, которое родилось съ самаго начала противъ Рыбаковской и которое поддерживалось, съ одной стороны, отсутствіемъ ея, съ другой—постояннымъ присутствіемъ гг. Грешнера и Розенберга; что показаніе Лейхфельда не подтверждается никакими другими обстоятельствами, имѣющимися въ настоящемъ дѣлѣ; что показаніе Рыбаковской не только не опровергается никакими достаточными основаніями, а, напротивъ, подтверждается всѣмъ ходомъ дѣла, подтверждается тѣмъ, что Лейхфельдъ не оттолкнулъ отъ себя Рыбаковскую немедленно послѣ происшествія, а позволилъ ей вести себя назадъ въ квартиру и остаться съ

нимъ наединѣ. На основаніи этихъ соображеній, я прихожу къ тому заключенію, что никакихъ основаній, которыя могли бы поселить въ васъ увѣренность въ виновности Рыбаковской, настоящее дѣло не представляетъ.

Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, г. товарищъ прокурора старался набросить передъ вами тѣнь на самую личность Рыбаковской и объяснялъ всѣ тѣ мотивы, по которымъ онъ считаетъ невозможнымъ, съ одной стороны, повѣрить ея словамъ, съ другой стороны, считаетъ возможнымъ повѣрить почти безусловно всѣмъ тѣмъ обвиненіямъ, которыя противъ нея взводятся. Прежде всего, мнѣ кажется, что жизнь подсудимыхъ до преступленія, въ которомъ они обвиняются, какова бы она ни была, должна оставаться совершенно въ сторонѣ какъ отъ судебныхъ преній, такъ и отъ судебнаго слѣдствія, если только въ этой жизни нѣтъ ничего такого, что бы прямо и непосредственно относилось къ тому дѣянію, въ которомъ они обвиняются. Основывать ваше рѣшеніе въ такихъ дѣлахъ, какъ настоящее, на томъ, что подсудимая прежде происшествія вела жизнь болѣе или менѣе безнравственную, болѣе или менѣе предосудительную, значило бы класть въ основаніе вашего рѣшенія такіе мотивы, которые, собственно говоря, къ нему никакого отношенія не имѣютъ. Есть ли возможность думать, что отъ безнравственной жизни, до чего бы ни была доведена эта безнравственность, возможенъ всегда переходъ къ такому преступленію, въ которомъ она обвиняется и которое заключается въ заранѣе обдуманномъ посягательствѣ на жизнь лица, съ которымъ она находилась въ близкихъ отношеніяхъ? Если бы о жизни Рыбаковской до происшествія были собраны свѣдѣнія, съ одной стороны, гораздо болѣ достовѣрныя, съ другой стороны, гораздо болѣе уличающія ее, то и тогда совершенно невозможно бы было, совершенно противъ той обязанности, которая на васъ лежитъ, дѣлать заключенія на основаніи этой прошедшей жизни о возможности совершенія того преступленія, въ которомъ она обвиняется. Но посмотримъ, гдѣ же тѣ ужасныя дѣянія, которыя, по мнѣнію г. товарища прокурора, позволяютъ составить о ней такое мнѣніе, какое онъ составилъ? Я не отвергаю, и под-

судимая сама не отвергаетъ этого, что жизнь ея до ея ареста не была вполнѣ правильна, но въ ней нѣтъ той бездны безнравственности, о которой говорилъ г. тов. прок., той потери нравственнаго чувства, которую онъ предполагаетъ. Мы знаемъ только два ея паденія и больше ничего; заключать изъ этого, что она окончательно испорчена и что она способна на то преступленіе, въ которомъ ее обвиняютъ, мнѣ кажется, совершенно невозможно. Мы знаемъ, что она находилась въ короткихъ отношеніяхъ съ Дубровинымъ, но мы знаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти отношенія имѣли характеръ довольно серьезный, что Дубровинъ хотѣлъ на ней жениться, слѣдовательно, то предположеніе, которое высказалъ г. тов. прок. относительно происхожденія этой связи, напирая на словѣ «*на бульварѣ*», предположеніе это должно совершенно исчезнуть. Связь, начавшаяся такимъ образомъ, какъ, по мнѣнію г. тов. прок., высказанному въ этомъ намекѣ, началась связь Дубровина, не можетъ окончиться женитьбой. Затѣмъ, что связь Рыбаковской съ Лейхфельдомъ началась подъ вліяніемъ искренней привязанности, это, мнѣ кажется, доказывается тѣмъ, что для этой связи она пожертвовала той вѣрной будущностью, которая ей представлялась. Мы знаемъ изъ показанія Дубровина, что онъ предлагалъ ей на выборъ или оставить Лейхфельда или отказаться отъ него; мы знаемъ, что Рыбаковская отказалась отъ своего жениха для того, чтобы начать свои короткія отношенія къ Лейхфельду. Это доказываетъ, мнѣ кажется, что связь ея съ Лейхфельдомъ не была плодомъ того минутнаго увлеченія, на которое указываетъ вамъ г. товарищъ прокурора, а по всей вѣроятности обусловливалась искреннею привязанностью, которая раньше ослабѣла со стороны Лейхфельда и которая до самаго конца не ослабѣвала со стороны Рыбаковской. Затѣмъ г. тов. прок. идетъ еще дальше и, не высказывая явно своего мнѣнія, дѣлаетъ намекъ на легкомысленное поведеніе ея въ тюрьмѣ. Я напомню вамъ только одно, что г. Рыбаковская содержится въ тюрьмѣ 2 года и 8 мѣс., что она поступила въ тюрьму 22 лѣтъ, послѣ 3 или 4-хъ лѣтъ одинокой жизни, которая, конечно, не могла подготовить ее дать надлежащій отпоръ всему, что она должна тамъ

встрѣтить. Такимъ образомъ бросать въ нее камнемъ за такіе легкомысленные поступки, которые были ею совершены въ тюрьмѣ, по моему мнѣнію, болѣе нежели несправедливо. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, что Рыбаковская обвиняется еще въ легкомысленномъ, даже болѣе, чѣмъ легкомысленномъ, переходѣ въ христіанскую вѣру, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была христіанка. Но это объясняется также прежнею жизнью Рыбаковской: въ дѣлѣ есть свѣдѣнія, которыя не были заявлены г. тов. прокурора, но которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, не можетъ отвергнуть, что отецъ Рыбаковской въ то время, когда ей было уже 12 лѣтъ, былъ преданъ суду за жестокое обращеніе съ своей женой, послѣдствіемъ котораго былъ выкидышъ ребенка. Вотъ что Рыбаковская видѣла до 1855 г., когда ей было 12 лѣтъ. Затѣмъ она поселилась въ семействѣ, изъ котораго могла вынести лучшія убѣжденія, но эти лучшія убѣжденія, по всей вѣроятности, не изгладили того, что она видѣла и слышала прежде.

Если вы примете въ соображеніе прежнюю жинь подсудимой и то вліяніе, которое она встрѣтила въ тюрьмѣ и которому подвергалась въ теченіе всего своего заключенія, то, по всей вѣроятности, вы не отнесетесь къ ней такъ неумолимо строго, какъ отнесся г. товарищъ прокурора; вы признаете ее женщиною легкомысленною, но не болѣе. А отъ легкомыслія придти къ заключенію о возможности совершенія такого преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимая, преступленія надъ лицомъ, которое было ей такъ близко, для сохраненія связи съ которымъ она пожертвовала обезпеченною будущностью, нѣтъ достаточно данныхъ, нѣтъ основаній, которыя бы допускали подобное заключеніе. Такимъ образомъ, какъ вы ни посмотрите на дѣло, съ точки ли зрѣнія личности г-жи Рыбаковской, съ точки ли зрѣнія вѣроятности, возможности совершенія ею того преступленія, въ которомъ она обвиняется, или съ точки зрѣнія тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя представило вамъ сегодняшнее судебное слѣдствіе, вы должны будете придти къ тому заключенію, что нѣтъ достаточныхъ основаній произносить обвинительный приговоръ въ томъ важномъ преступленіи, въ которомъ ее

обвиняютъ, нѣтъ основанія обвинять ее въ чемъ-либо больше неосторожности. Чистосердечный разсказъ Рыбаковской о ея неосторожномъ дѣйствіи, мнѣ кажется, вполнѣ подтверждается экспертомъ Филипповымъ, который призналъ возможность того, что курокъ, не доведенный до перваго взвода, можетъ, вслѣдствіе неосторожности, сорваться и произвести выстрѣлъ. Въ какомъ положеніи былъ курокъ въ то время, когда Рыбаковская спустила его, она ничего не можетъ сказать, да и можно ли отъ нея ожидать яснаго и положительнаго отчета, въ такомъ ли настроеніи духа она была въ то время, когда стрѣляла? Она сама говоритъ, что была сильно взволнована, что руки ея до такой степени дрожали, что она не могла взвести курокъ. Наконецъ, я вамъ напомню еще одно обстоятельство, это именно показаніе эксперта Майделя, показаніе весьма важное, о томъ, что по свойству тѣхъ признаковъ, которые онъ нашелъ на рубашкѣ, онъ не можетъ никакъ предположить, чтобы выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ. Это обстоятельство важно не только потому, что подтверждаетъ показаніе подсудимой, но и потому, что опровергаетъ показаніе Розенберга. Вы знаете изъ показанія Майделя, что выстрѣлъ былъ произведенъ не въ упоръ, а на разстояніи не менѣе 2—4 футовъ, и разстояніе это вполнѣ согласно съ тѣми свѣдѣніями о комнатѣ, которыя мы имѣемъ. Вся комната шириною въ 3 шага, слѣдовательно если взять въ соображеніе протянутую руку Рыбаковской, то не могло быть менѣе 2 шаговъ. Упомянувъ объ экспертѣ Майделѣ, я долженъ еще коснуться одного обстоятельства, о которомъ, хотя оно находится въ опредѣленіи палаты, я считалъ бы лишнимъ говорить, если бы обвинительная власть такъ настойчиво не указывала на него какъ при судебномъ слѣдствіи, такъ даже въ обвинительной рѣчи, т.-е. тогда, когда это обстоятельство потеряло послѣднюю степень вѣроятности. Вы слышали разсказъ о бычачьей крови, которую будто бы пила Рыбаковская, вы слышали, что обвинительная власть видитъ въ этомъ разсказѣ новое орудіе противъ Рыбаковской, дающее возможность еще болѣе не довѣрять всѣмъ ея показаніямъ, но вы, гг. присяжные, слышали вмѣстѣ съ тѣмъ показаніе эксперта Майделя, который, мнѣ кажется, окончательно уничтожилъ весь этотъ,

самъ по себѣ нелѣпый, невѣроятный разсказъ: д-ръ Майдель показываетъ, что между кровью, извергнутою кровохарканіемъ, и кровью, извергнутою рвотой изъ желудка, есть такая разница, которую нельзя не замѣтить при внимательномъ разсмотрѣніи, а безъ сомнѣнія слѣдуетъ предположить, что д-ръ Свентицкій, пользовавшій Рыбаковскую, внимательно разсматривалъ эту кровь. Кромѣ того, экспертъ Майдель показываетъ совершенно вопреки мнѣнію д-ра Свентицкаго, а именно, что принятіе животной крови не влечетъ за собой непремѣннаго изверженія и что кровь эта можетъ точно такъ же остаться въ желудкѣ, какъ и всякая другая пища. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что обстоятельство это должно быть совершенно исключено изъ тѣхъ соображеній, которыми обвинительная власть старается очернить личность Рыбаковской.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ я прошу у васъ, гг. присяжные засѣдатели, не снисходительнаго приговора, а полнаго оправданія въ томъ преступленіи, въ которомъ ее обвиняютъ, и признанія ея виновной только въ томъ, въ чемъ она сама признаетъ себя виновной, т.-е. въ неосторожномъ обращеніи съ пистолетомъ, несчастнымъ послѣдствіемъ котораго была смерть Лейхфельда.

Товарищъ прокурора, возражая на рѣчь защитника, замѣтилъ, что въ указываемомъ долгомъ содержаніи подсудимой подъ стражей была виновата она сама, такъ какъ долго, упорно давала лживыя показанія о своемъ происхожденіи и вѣрѣ, что заставляло разыскивать, наводить справки въ довольно отдаленныхъ мѣстностяхъ. Затѣмъ, переходя къ послѣдовательному опроверженію возраженій, представленныхъ защитой, онъ доказывалъ, что если подвергать сомнѣнію объясненія Лейхфельда на томъ основаніи, что они даны не передъ судомъ, а въ частномъ разговорѣ, то слѣдуетъ придавать тѣмъ болѣе вѣры показаніямъ свидѣтелей, допрошенныхъ передъ судомъ и потому обдумавшихъ каждое слово. А эти показанія положительно обвиняютъ Рыбаковскую въ умышленномъ убійствѣ. Отвергать эти показанія на томъ основаніи, что объясненія свидѣтелей съ Лейхфельдомъ происходили въ тѣ дни, когда онъ находился въ бреду, невозможно, такъ какъ положительно видно, что Розенбергъ говорилъ съ нимъ до 27 февр., а Ѳеоктистовъ до 1-го марта, т.-е. тогда, когда, на основаніи скорбнаго листа, онъ былъ въ полной памяти. Враждебныя отношенія Грешнера къ подсудимой ничѣмъ не доказаны; напротивъ, изъ ея

словъ видно, что онъ отсовѣтовалъ ей выходить замужъ за Дубровина, въ чемъ, конечно, онъ могъ руководствоваться только желаніемъ ей добра, такъ какъ Дубровинъ, по ея словамъ, былъ человѣкъ непорядочной жизни. Затѣмъ предполагать, чтобы Розенбергъ возстановлялъ Лейхфельда противъ подсудимой, также невѣроятно, такъ какъ она была для него совершенно незнакомая личность. Далѣе прокуроръ повторилъ, что нравственная сторона дѣла должна быть принята во вниманіе не въ видѣ улики противъ подсудимой, но для оцѣнки ея показаній. Оправдывать же ея поведеніе легкомысліемъ, какъ это дѣлаетъ защитникъ, немыслимо, такъ какъ легкомысліе это перешло тѣ границы, за которыми оно перестаетъ быть легкомысліемъ и получаетъ другое названіе. Затѣмъ прокуроръ пришелъ къ тому заключенію, что если дать волю сомнѣніямъ, то можно сомнѣваться во всемъ и никогда не придти ни къ какому убѣжденію, что сомнѣваться слѣдуетъ только въ томъ, что дѣйствительно представляетъ къ тому достаточныя причины, и что онъ надѣется, что присяжные, взвѣсивъ надлежащимъ образомъ всѣ обстоятельства дѣла, придутъ къ тому убѣжденію, къ которому приходитъ прокуроръ, т.-е. что подсудимая дѣйствительно виновна въ намѣренномъ убійствѣ, что дѣло происходило такъ, какъ показываютъ свидѣтели.

Въ своей отвѣтной рѣчи *защитникъ* развилъ подробнѣе нѣкоторыя изъ своихъ первоначальныхъ опроверженій и затѣмъ, перейдя съ фактической почвы на нравственную, убѣждалъ присяжныхъ засѣдателей не слѣдовать тому фальшивому пути, по которому влечетъ ихъ обвиненіе. Присяжные засѣдатели имѣютъ право и даже обязанность отыскивать въ нравственной сторонѣ подсудимаго скрытыя побужденія его проступка, но на этомъ роль ихъ и кончается. Разсматривать вопросъ о томъ, насколько нравствененъ или безнравствененъ образъ жизни подсудимаго, можно развѣ только по опредѣленіи его виновности, когда возникаетъ вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли виновный снисхожденія. Рѣшать же вопросъ о томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый во взводимомъ на него преступленіи по общему уровню его нравственности было бы слишкомъ опасно; русская судебная практика до сихъ поръ постоянно избѣгала этого: обвиненіе не старалось чернить подсудимаго, а защита не взводила его на пьедесталъ идеальной чистоты. Въ заключеніе защитникъ выразилъ надежду, что отсутствіе положительныхъ данныхъ насчетъ того, что говорилъ Лейхфельдъ, отсутствіе положительныхъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи онъ находился, и возможность предположенія, что Лейхфельдъ вслѣдствіе внезапности, съ которою совершился выстрѣлъ, не отдавалъ себѣ яснаго отчета о случившемся, возбудятъ въ присяжныхъ засѣдателяхъ сомнѣніе, а отъ сомнѣнія одинъ переходъ—переходъ къ оправдательному приговору.

Товарищъ прокурора замѣтилъ, что, касаясь нравственной стороны дѣла, онъ вовсе не имѣлъ того намѣренія, которое приписываетъ ему защитникъ, т.-е. нисколько не хотѣлъ, приводя нравственныя качества подсудимой, выставлять ихъ какъ бы уликой ея виновности, и дѣлалъ это исключительно для того, чтобы дать возможность гг. присяжнымъ судить о большей или меньшей достовѣрности показаній подсудимой, что тотъ же самый способъ оцѣнки былъ имъ примѣненъ и къ показанію Лейхфельда и что присяжные не должны увлекаться словами защиты, будто они не имѣютъ права входить въ оцѣнку нравственныхъ качествъ подсудимой, что, напротивъ, они должны это сдѣлать при разрѣшеніи вопроса о томъ, какое показаніе болѣе заслуживаетъ довѣрія.

Защитникъ возражалъ, что къ показанію Лейхфельда не можетъ быть примѣненъ способъ оцѣнки, предлагаемый прокуроромъ, такъ какъ о нравственной сторонѣ Лейхфельда ничего неизвѣстно, если не считать нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Розенбергомъ, состоящимъ съ нимъ въ родственныхъ отношеніяхъ, и что уже этимъ однимъ обнаруживается невозможность слѣдовать по пути, указанному обвиненіемъ.

По окончаніи судебныхъ преній судъ поставилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе три вопроса:

1) Виновна ли подсудимая Рыбаковская въ томъ, что 22-го февраля 1866 г., съ цѣлью убить коллежскаго регистратора Евгенія Лейхфельда, выстрѣливъ въ него изъ заряженнаго пулею пистолета, нанесла ему въ грудь навылетъ рану, вслѣдствіе которой Лейхфельдъ 4-го марта умеръ?

2) Если виновна, то, прежде чѣмъ приступила къ совершенію этого преступленія, успѣла ли она обдумать способы или приготовить средства къ нему?

3) Если не виновна по первому вопросу, то не виновна ли въ томъ, что, обращаясь неосторожно съ заряженнымъ пистолетомъ въ комнатѣ, гдѣ находился Лейхфельдъ, вслѣдствіе этой неосторожности выстрѣлила и нанесла ему въ грудь навылетъ рану, отъ которой онъ умеръ?

Присяжные засѣдатели, возвратясь въ залу засѣданія послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія, отвѣтили на *первый* вопросъ: *да, виновна; на второй*: *нѣтъ, не успѣла*. Третій вопросъ, вслѣдствіе утвердительнаго рѣшенія двухъ первыхъ, остался безъ отвѣта.

Судъ постановилъ подсудимую, дочь титулярнаго совѣтника Александру Рыбаковскую, признанную рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей виновною въ умышленномъ убійствѣ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводы на десять лѣтъ, а по окончаніи сего срока поселить ее въ Сибири навсегда.

Уклоненіе отъ исполненія воинской повинности.

Засѣданіе Могилевскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 28 и 29 ноября 1901 года.

Мѣщане: Израиль *Симкинъ*, Израиль *Серебринъ*, Якубъ *Меренгольцъ*, Пинхусъ *Ліотте* и другіе, въ количествѣ 17-ти человѣкъ, преданы суду по обвиненію въ составленіи и пользованіи подложными документами съ цѣлью уклоненія отъ отбытія воинской повинности.

Предсѣдательствуетъ товарищъ предсѣдателя суда И. А. Казанскій, обвиняетъ прокуроръ суда В. С. Нечаевъ.

Защищаютъ подсудимыхъ: Симкина—присяжный повѣренный г. Галиновскій, Серебрина—присяжный повѣренный г. Пушковъ, Угорца—помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. Собѣщанскій, Крапивнера—помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. Гисинъ, Кримера—присяжный повѣренный г. Ростковскій, его же и Пинкертовъ—присяжный повѣренный г. Сумовскій, Меренгольца—присяжный повѣренный г. Линденбратенъ, Ліотте—присяжный повѣренный Л. А. Куперникъ, Линденшатовъ и Вайнштейна — присяжные повѣренные г. Казиловъ и А. Р. Ледницкій.

Изъ поосудимыхъ не явились къ разбирательству дѣла: Хаимъ Линденшатъ и Іосель Серебринъ.

Обстоятельства дѣла, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ, слѣдующія:

24 октября 1898 года въ мѣстечкѣ Шкловѣ, при пріемѣ новобранцевъ, въ уѣздномъ по воинской повинности присутствіи было обнаружено, что вмѣсто подлежащихъ къ призыву мѣщанъ Хаима Линденшата и Якуба Меренгольца явились въ присутствіе для вынутія жеребья подставныя лица: за Линденшата—мѣщ. Израиль Серебринъ и за Меренгольца—мѣщ. Залманъ Угорицъ, причемъ Линденшатъ—Серебринъ, чрезъ княжицкаго мѣщанскаго старосту Певзнера, подалъ въ присутствіе прошеніе о предо-

ставленіи ему льготы перваго разряда, представивъ, чрезъ того же старосту, подложное свидѣтельство о семейномъ положеніи отъ 10 октября 1898 года за № 73, составленное отъ имени раненбургскаго Рязанской губерніи уѣзднаго полицейскаго управленія. Въ тотъ же день Серебринъ сознался могилевскому уѣздному исправнику, что прошеніе отъ имени Линденшата на имя присутствія писалъ и подписалъ онъ, а свидѣтельство о семейномъ положеніи Линденшата далъ ему Израиль Симкинъ, который и договорилъ его за вознагражденіе явиться къ отбытію воинской повинности за Линденшата. Кромѣ того, по подговору того же Симкина имъ, Серебринымъ, были подысканы и представлены 28 октября 1898 г. въ могилевское присутствіе по воинской повинности, въ м. Шкловѣ, три подставныя лица съ физическими недостатками за подлежавшихъ призыву евреевъ: Залманъ Угорицъ за Якуба Меренгольца, Шевель Темкинъ за Моисея Вайнштейна и Гилька Марковичъ за Пинхуса Ліотте, братъ же его Іосель Серебринъ являлся къ отбытію воинской повинности за Ицку Дусовица.

Горецкій мѣщанинъ Израиль Симкинъ, подтверждая показаніе И. Серебрина, объяснилъ на дознаніи и потомъ повторилъ на слѣдствіи, что, находясь въ Варшавѣ по своимъ торговымъ дѣламъ, онъ предложилъ жителямъ этого города: Якубу Линденшату, Мошкѣ Пинкерту, Лейзеру Меренгольцу, Ицкѣ Вайнштейну и Мошеку Ліотте свои услуги по освобожденію ихъ сыновей отъ воинской повинности за извѣстное солидное вознагражденіе. Получивъ согласіе названныхъ выше лицъ, онъ, Симкинъ, прежде всего приписалъ ихъ сыновей къ разнымъ мѣщанскимъ обществамъ могилевской губерніи. Такъ, сынъ Меренгольца Якубъ, сынъ Вайнштейна Моисей, сынъ Ліотте Пинхусъ, при содѣйствіи Симкина, были приписаны къ обществу мѣщанъ мѣстечка Буйничъ, Могилевскаго уѣзда; сынъ Линденшата Хаимъ — къ обществу мѣщанъ мѣст. Княжицъ, того же уѣзда, а сынъ Пинкерта Абрамъ — къ обществу мѣщанъ мѣст. Баева, Горецкаго уѣзда. Ближайшимъ затѣмъ помощникомъ своимъ по освобожденію означенныхъ выше лицъ отъ воинской повинности Симкинъ избралъ Израиля Серебрина, который за извѣстное вознагражденіе согласился подыскать подставныхъ лицъ съ важными тѣлесными недостатками, что и было имъ исполнено. Кромѣ подставныхъ лицъ за Меренгольца, Линденштата, Ліотте и Вайнштейна, И. Серебринъ подставилъ вмѣсто отца призываемаго Абрама Пинкерта—Мошки Пинкерта, своего дядю, страдавшаго грыжей, вслѣдствіе чего горецкое присутствіе 15 октября 1898 г. признало Мошку Пинкерта неспособнымъ къ труду и предоставило Абраму Пинкерту льготу 1 разряда. Подложное свидѣтельство Линденшата онъ, Симкинъ, соста-

вилъ собственноручно, а потомъ и передалъ И. Серебрину для представленія въ присутствіе по воинской повинности, причемъ Серебринъ зналъ, что свидѣтельство это подложно, такъ какъ прошеніе отъ Линденшата писалъ онъ, Серебринъ. Такое же подложное свидѣтельство онъ составилъ и для Меренгольца, и это свидѣтельство также было имъ передано И. Серебрину. Къ этому Симкинъ добавилъ, что всѣ переговоры по освобожденію названныхъ выше лицъ отъ военной службы онъ велъ съ отцами молодыхъ людей. Отцы просили его хлопотать, чтобы сыновья ихъ не были приняты въ военную службу, и обѣщали, по мѣрѣ успѣха этихъ хлопотъ, дать ему, Симкину, и тѣмъ лицамъ, которыя будутъ ему содѣйствовать, вознагражденіе и, кромѣ того, давали ему деньги впередъ «на хлопоты». Хотя онъ, Симкинъ, и не объяснялъ отцамъ призываемыхъ при посредствѣ какихъ именно обманныхъ дѣйствій сыновья ихъ будутъ освобождены отъ военной службы, но они знали, что только путемъ обмана можно было освободить ихъ дѣтей.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Израиль Серебринъ, подтверждая первоначальное свое показаніе на дознаніи, добавилъ, что подставнымъ лицомъ за Мошека Пинкерта онъ выставилъ дядю своего Мордуха Тайцланда; что, представляя свидѣтельство раненбургскаго полицейскаго управленія за Линденштата, онъ не зналъ, что оно было подложное, и что онъ не помнитъ, куда дѣвалъ данное ему Симкинымъ другое свидѣтельство смоленскаго полицейскаго управленія о семейномъ положеніи Меренгольца,—можетъ быть онъ и сжегъ это свидѣтельство.

Изложенныя выше объясненія Симкина и Серебрина нашли себѣ полное подтвержденіе: въ отобранной у нихъ перепискѣ, указывающей на письменныя сношенія между этими лицами по поводу освобожденія названныхъ выше лицъ отъ воинской повинности; въ осмотрахъ дѣлъ могилевской казенной палаты о припискѣ означенныхъ евреевъ; дѣлъ могилевскаго и городецкаго уѣздныхъ по воинской повинности присутствій; призывныхъ списковъ тѣхъ же лицъ; въ медицинскомъ освидѣтельствованіи какъ подставныхъ, такъ и дѣйствительныхъ лицъ и, наконецъ, въ показаніяхъ подставныхъ лицъ Угорица, Темкина и Марковича, которые подтвердили показаніе И. Серебрина. Подложность означеннаго выше свидѣтельства раненбургскаго полицейскаго управленія установлена при слѣдствіи осмотромъ подлежащихъ книгъ сего управленія, сличеніемъ печатей и допросомъ раненбургскаго исправника и секретаря полицейскаго управленія. Представленіе этого свидѣтельства въ присутствіе по воинской повинности удостовѣрено при слѣдствіи показаніемъ свидѣтелей—исправника Родіонова, секретаря Бекаревича и др.

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ, отцы призывавшихся евреевъ: Мошка Пинкертъ, Ицка Вайнштейнъ, Якубъ Линденшатъ и Мошекъ Ліотте не признали себя виновными въ подкупѣ Симкина къ совершенію обманныхъ дѣйствій съ цѣлью освобожденія сыновей ихъ отъ военной службы, объяснивъ, что Симкину они платили деньги за хлопоты по призыву ихъ сыновей къ воинской повинности, предполагая, что Симкинъ будетъ дѣйствовать на законномъ основаніи, и о продѣлкахъ Симкина по этому предмету они узнали лишь по возбужденіи настоящаго дѣла. Отецъ Я. Меренгольца, Залманъ Меренгольцъ, умеръ.

Спрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ: Якубъ Меренгольцъ, Хаимъ Линденшатъ и Пинхусъ Ліотте также не признали себя виновными въ уклоненіи отъ воинской повинности путемъ обманныхъ дѣйствій, объяснивъ, что они не явились къ отбытію воинской повинности въ 1898 году только потому, что срокъ призыва имъ въ то время еще не наступилъ; что сдѣлалъ для нихъ Симкинъ, они раньше не знали, хотя изъ нихъ Меренгольцу и Линденшату было извѣстно о переговорахъ Симкина съ ихъ отцами и они знали, что для отбытія воинской повинности они были приписаны Симкинымъ къ Могилевскому уѣзду.

Обвиняемый Абрамъ Пинкертъ, отрицая свою виновность въ обманномъ уклоненіи отъ воинской повинности, объяснилъ, что онъ зналъ о переговорахъ отца съ Симкинымъ по освобожденію его отъ военной службы и по письму Симкина лично явился въ Горки 23 октября 1898 г. къ освидѣтельствованію по наружному виду, послѣ чего ему, Пинкерту, было объявлено, что ему предоставлена льгота 1 разряда. Какъ это случилось, что вмѣсто льготы 2 разряда, слѣдовавшей ему по семейному положенію, онъ получилъ льготу 1 разряда и былъ освобожденъ отъ военной службы, ему не извѣстно.

На дознаніи и слѣдствіи по настоящему дѣлу были установлены и другіе случаи обманнаго уклоненія отъ воинской повинности, совершенные при содѣйствіи И. Серебрина и И. Симкина:

I. Дубровинскій мѣщанинъ Гиля Кримеръ, подлежавшій призыву въ 1897 году, не явился къ отбытію воинской повинности, а вмѣсто него было представлено и принято другое лицо, которое было зачислено въ 32 пѣх. Кременчугскій полкъ, откуда по болѣзни было освобождено навсегда отъ службы. Личность эта осталась при слѣдствіи не обнаруженною. Обвиняемый Кримеръ не призналъ себя виновнымъ въ обманномъ уклоненіи отъ воинской повинности, объяснивъ на дознаніи и слѣдствіи, что въ дѣлѣ освобожденія своего отъ военной службы онъ не принималъ никакого участія; все это дѣло устроилъ дѣдъ его, нынѣ умершій, Я. Синельниковъ,

который говорилъ ему, что онъ пріискалъ ходатая въ лицѣ И. Симкина и при его содѣйствіи освободилъ его, Кримера, отъ военной службы. Обвиняемый Симкинъ не призналъ себя, однако, виновнымъ въ приписываемомъ ему Кримеромъ дѣяніи и объяснилъ, что объ освобожденіи Кримера отъ военной службы хлопотало другое лицо, которому нѣкоторое содѣйствіе оказывалъ и онъ, Симкинъ, за что получилъ небольшое денежное вознагражденіе.

II. 5 октября 1898 г. въ могилевскомъ уѣздномъ по воинской повинности присутствіи подлежалъ освидѣтельствованію въ способности къ труду названный выше Изроиль Серебринъ, въ виду ходатайства отца его, Менделя Серебрина, о предоставленіи второму сыну его Іоселю льготы 2 разряда, но къ освидѣтельствованію явился вмѣсто Изроиля Серебрина отецъ его Мендель, который въ виду оказавшейся у него грыжи былъ признанъ къ труду неспособнымъ, самъ же Изроиль, не страдающій грыжею, какъ видно изъ дѣла, являлся въ то же присутствіе и въ тотъ же самый день къ освидѣтельствованію для опредѣленія возраста по наружному виду за Хаима Линденшата. Свидѣтель Длункманъ въ день освидѣтельствованія видѣлъ Менделя Серебрина выходящимъ изъ дома, гдѣ помѣщается присутствіе, а свидѣтелю Ерманку Мендель говорилъ передъ тѣмъ, что ему нужно идти въ полицію, а Тайцланду въ канцеляріи пристава 1 ч. объяснялъ, что беретъ свидѣтельство о самоличности, чтобы явиться въ присутствіе для освидѣтельствованія въ способности къ труду.

III. Вмѣсто горецкаго мѣщанина Берки Нахмонова Гусинскаго-Крапивнера, подлежавшаго призыву, явился подставнымъ лицомъ въ м. Шкловѣ въ 1898 г. къ вынутію жеребья мѣщ. Мейеръ Тайцландъ и, какъ страдающій грыжею, былъ признанъ къ военной службѣ негоднымъ и зачисленъ въ ратники ополченія 2 разряда. Тайцландъ сознался на дознаніи и на слѣдствіи, что за денежное вознагражденіе онъ согласился явиться къ отбытію воинской повинности за Крапивнера, по подговору И. Серебрина и П. Сурата. Этотъ оговоръ въ отношеніи И. Серебрина подтверждается найденнымъ при обыскѣ письмомъ къ нему отца его Менделя Серебрина на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ Мендель спрашиваетъ Изроиля, получилъ ли онъ деньги, и если не получилъ, то онъ не велитъ идти Мейеру (Тайцланду). Обвиняемый Крапивнеръ не призналъ себя виновнымъ въ обманномъ уклоненіи отъ воинской повинности, объяснивъ, что онъ не знаетъ, кто приписалъ его къ могилевскому призывному участку и кто въ 1898 году являлся за него въ воинское присутствіе.

IV. Витебскій мѣщанинъ Іосель Менделевъ Серебринъ 24 октября 1898 г. явился подставнымъ лицомъ въ могилевское по воинской повин-

ности присутствіе, въ Шкловѣ же, къ вынутію жеребья, вмѣсто подлежавшаго призыву въ томъ году буйничскаго мѣщанина Ицки Дусовица и былъ принятъ на военную службу, въ чемъ Іосель Серебринъ и сознался на дознаніи и на слѣдствіи. При обыскѣ, у Изроиля Серебрина была найдена записка на еврейскомъ языкѣ о составѣ семьи Дусовица, писанная, по заключенію экспертовъ, Изроилемъ Серебринымъ. Обвиняемый И. Серебринъ не призналъ себя виновнымъ въ какомъ-либо участіи въ освобожденіи отъ воинской повинности Дусовица, Крапивнера и въ соучастіи съ отцомъ своимъ Менделемъ въ обманномъ полученіи для брата его Іоселя льготы 2 разряда. Обвиняемые: М. Тайцландъ, И. Дусовицъ и В. Вайнштейнъ не были допрошены при слѣдствіи за неразысканіемъ, а М. Серебринъ умеръ.

Вслѣдствіе вышеозначеннаго, горецкій мѣщ. Изроиль Генуховъ Симкинъ, 44 л., витебскій мѣщ. Изроиль Менделевъ Серебринъ, 31 г., буйничскіе мѣщане—Якубъ Лейзеровъ Меренгольцъ, 22 л., Пинхусъ Мошковъ Ліотте, 21 г., княжицкій мѣщ. Хаимъ Якубовъ Линденшатъ, 20 л., дубровенскій мѣщ. Гиля Мовшевъ Кримеръ, 23 л., ляднинскій мѣщ. Абрамъ Нахмановъ Гусинскій-Крапивнеръ, 21 г., баевскій мѣщ. Хаимъ Мошковъ Пинкертъ, 24 л., рядовой 85 пѣх. выборгскаго полка Іосель Менделевъ Серебринъ, 24 л., варшавскій 2 гильдіи купецъ Якубъ Изроилевъ Линденшатъ, 45 л., варшавскіе мѣщане—Ицекъ Нехемьевъ Вайнштейнъ, 65 л., Мошекъ Пинхусовъ Ліотте, 68 л., Мошка Шлемовъ Пинкертъ, 46 л., руднянскій мѣщ. Гилька Лейбовъ Марковичъ, 28 л., лезнянскій мѣщ. Шоуль Берковъ Темкинъ, 28 л., хославичскій мѣщ. Мееръ Мордуховъ Тайцландъ, 26 л. и витебскій мѣщ. Шмуйла Берковъ Угорицъ, 24 л., обвиняются: *Симкинъ*—въ томъ, что въ 1898 году въ г. Могилевѣ составилъ подложное свидѣтельство отъ имени раненбургскаго рязанскаго губ. уѣзднаго полицейскаго управленія отъ 10 октября 1898 г. о составѣ семейства княжицкаго мѣщ. Хаима Линденшата, съ цѣлью освобожденія Линденшата отъ военной службы; Изроиль *Серебринъ*—въ томъ, что, получивъ отъ Симкина упомянутое выше, завѣдомо для него подложное, свидѣтельство, 24 октября 1898 года въ м. Шкловѣ представилъ таковое чрезъ княжицкаго мѣщанскаго старосту при подложномъ же прошеніи отъ имени Линденшата, имъ, Серебринымъ, составленномъ, въ могилевское уѣздное по воинской повинности присутствіе, съ означенною выше цѣлью; *Симкинъ* и Изроиль *Серебринъ* сверхъ сего—въ томъ, что по предварительному между собою соглашенію, съ цѣлью освобожденія отъ военной службы призывавшихся въ 1898 году по Могилевскому уѣзду мѣщанъ X. Линденшата, М. Меренгольца, П. Ліотте, М. Вайнштейна и А. Пинкерта, поды-

скали другихъ лицъ съ физическими болѣзнями, препятствовавшими поступленію въ войска, и 24 октября 1898 г. въ м. Шкловѣ представили ихъ вмѣсто Меренгольца, Ліотте и Вайнштейна въ могилевское уѣздное по воинской повинности присутствіе во время пріема новобранцевъ, а за Линденшата явился самъ И. Серебринъ въ то же присутствіе, а вмѣсто отца Пинкерта, подлежавшаго освидѣтельствованію въ способности къ труду, представили въ томъ же присутствіи, въ м. Бѣлыничахъ, 15 октября 1898 г. другое лицо, страдающее грыжей; Хаимъ *Линденшатъ*, Якубъ *Меренгольцъ*, Пинхусъ *Ліотте*, Хаимъ *Пинкертъ* — въ томъ, что, призванные въ 1898 году къ отбытію воинской повинности и завѣдомо пользуясь обманными дѣйствіями Симкина по освобожденію ихъ отъ военной службы, первые трое вовсе не явились къ вынутію жеребья въ могилевское уѣздное по воинской повинности присутствіе, а Пинкертъ хотя и явился лично въ горецкое присутствіе, но незаконно получилъ льготу 1 разряда; Якубъ *Линденшатъ*, Ицка *Вайнштейнъ*, Мошекъ *Ліотте* и Мошка *Пинкертъ* — въ томъ, что путемъ денежнаго вознагражденія склонили Изроиля Симкина къ незаконному освобожденію названныхъ выше сыновей своихъ отъ исполненія воинской повинности, зная, что такое порученіе Симкинъ можетъ исполнить только посредствомъ какихъ-либо обманныхъ дѣйствій, каковыя дѣйствія и были выполнены Симкинымъ; *Марковичъ*, *Темкинъ*, *Угорицъ* и *Тайцландъ* — въ томъ, что по уговору съ И. Серебринымъ, съ цѣлью освобожденія названныхъ выше лицъ отъ военной службы, первые трое явились въ могилевское по воинской повинности присутствіе 24 октября 1898 г. въ м. Шкловѣ къ вынутію жеребья: Марковичъ вмѣсто Ліотте, Темкинъ вмѣсто Вайнштейна, Угорицъ вмѣсто Меренгольца, а Тайцландъ 15 октября въ то же присутствіе, въ м. Бѣлыничахъ вмѣсто Пинкерта, подлежавшаго освидѣтельствованію въ способности къ труду; Изроиль *Серебринъ*: — а) въ томъ, что съ цѣлью освобожденія отъ военной службы Б. Крапивнера онъ подыскалъ и представилъ въ присутствіе 24 октября 1898 г. въ м. Шкловѣ другое лицо, одержимое грыжею и потому негодное къ поступленію въ войска; б) въ томъ, что съ цѣлью освобожденія отъ военной службы Дусовица представилъ въ присутствіе 24 октября 1898 г. вмѣсто Дусовица брата своего Іоселя Серебрина, и в) въ томъ, что съ цѣлью полученія для брата своего Іоселя льготы по отбытію воинской повинности 5 октября 1898 г. въ Могилевѣ представилъ вмѣсто себя въ присутствіе страдающаго грыжею отца своего, Менделя Серебрина, для освидѣтельствованія въ способности къ труду; Іосель *Серебринъ* — въ томъ, что съ цѣлью освобожденія отъ военной службы Дусовица, 24 октября 1898 г. въ м. Шкловѣ,

по соглашенію съ братомъ своимъ Изроилемъ, явился вмѣсто Дусовица въ воинское присутствіе для вынутія жеребья; *Симкинъ* — въ томъ, что въ призывъ 1897 года съ цѣлью освобожденія отъ военной службы Кримера подыскалъ и представилъ въ горецкое по воинской повинности присутствіе вмѣсто Кримера другое лицо, которое и было принято въ военную службу; *Гусинскій-Крапивнеръ*—въ томъ, что, призванный къ исполненію воинской повинности по могилевскому уѣзду и завѣдомо пользуясь обманными дѣйствіями Изроиля Серебрина по освобожденію его отъ военной службы, онъ 24 октября 1898 г. не явился къ вынутію жеребья въ могилевское по воинской повинности присутствіе, и *Кримеръ*—въ томъ, что, призванный къ исполненію воинской повинности въ 1897 году и, завѣдомо пользуясь обманными дѣйствіями Симкина по освобожденію его отъ военной службы, не явился своевременно къ вынутію жеребья.

Означенныя преступныя дѣянія предусмотрѣны ст. 294, 515 и 516 ул. о нак.

На судѣ, по прочтеніи обвинительнаго акта, на вопросъ предсѣдателя о виновности *Симкинъ* призналъ себя виновнымъ въ составленіи подложныхъ документовъ, но отрицалъ свое участіе въ подставленіи другихъ лицъ; *Серебринъ* призналъ себя виновнымъ въ подставленіи другихъ лицъ за Ліотте, Вайнштейна и Пинкерта, но отрицалъ свое знаніе подложности переданнаго имъ документа; *Угорицъ*, *Марковичъ*, *Тайцландъ* и *Темкинъ* признали себя виновными въ томъ, что явились въ воинское присутствіе, по приглашенію Серебрина, и назвались: 1-й — Меренгольцемъ, 2-й—Ліотте, 3-й — Крапивнеромъ, а 4-й не помнитъ, кѣмъ. Остальные подсудимые виновными себя не признали.

На предложеніе сознавшимся подсудимымъ разсказать подробно объ обстоятельствахъ дѣла подсудимый *Симкинъ* разсказалъ, что онъ сначала торговалъ чаемъ, въ разсыпную, но когда чай стали обандироливать, промыселъ этотъ сталъ невыгоднымъ и онъ занялся торговлей карманными часами. При этомъ ему часто приходилось ѣздить въ Варшаву. Тамъ онъ познакомился съ купцами-евреями. Тѣ жаловались ему на тягость отбыванія воинской повинности въ Царствѣ Польскомъ вслѣдствіе того, что по близости границы многіе призывные уходятъ за границу и вмѣсто нихъ принимаются на дѣйствительную службу льготные, даже 1 разряда. Они просили Симкина перечислить ихъ дѣтей въ Могилевскую губернію, гдѣ льготные остаются свободными, и постараться освободить дѣтей отъ службы. — «Я, человѣкъ бѣдный, на часахъ зарабатывалъ 20—30 р. въ мѣсяцъ, а они милліонеры; за справку, которая стоитъ 20 к., они платили мнѣ 25 р. Пинкертъ обѣщалъ мнѣ дать мѣсто агента на 200 р.

жалованья въ мѣсяцъ и доставилъ другихъ кліентовъ по подобнымъ дѣламъ. И я согласился. Я перечислялъ ихъ дѣтей. Согласился подписать и подложное свидѣтельство. Но безъ нихъ я никогда ничего не дѣлалъ. Они присылали сюда своихъ агентовъ и слѣдили за моей дѣятельностью». О подставныхъ лицахъ Симкинъ, по его словамъ, зналъ,—«какъ же иначе можно освободить?»—но участія въ этомъ дѣлѣ не принималъ.

Серебринъ, печникъ по ремеслу, объяснилъ, что ѣздилъ съ Симкинымъ въ Могилевъ. Писалъ прошеніе и подписалъ за Линденшата. «Но всѣмъ дѣломъ подставленія лицъ руководилъ покойный отецъ, а я взялъ вину его на себя для охраненія его добраго имени». За Вайнштейна былъ поставленъ Темкинъ, за Ліотте — Марковичъ, за Пинкерта — Тайцландъ, за Меренгольца—Угорецъ. Кто за кого долженъ былъ подставляться, указывалъ Симкинъ.

Свидѣтели показали:

Свидѣтель *Родіоновъ* (исправникъ) показалъ, что еврейскими мѣщанскими старостами были предъявлены воинскому присутствію два свидѣтельства о семейномъ положеніи Линденштата и Меренгольца отъ раненбургскаго уѣзднаго и смоленскаго городского полицейскаго управленія. Одно свидѣтельство, отъ раненбургскаго полицейскаго управленія, было написано на бланкѣ, имѣющемъ виньетку, какія употребляются въ могилевской губернской типографіи. Это возбудило подозрѣнія, и старостамъ было предложено вручить документы лицамъ, въ нихъ поименованнымъ, чтобы они сами подали ихъ въ присутствіе. Одинъ изъ документовъ они вручили Серебрину, а другой какому-то еврею, который скрылся. Серебринъ былъ задержанъ, и при обыскѣ у него найдены телеграммы, посланныя въ Могилевъ на имя Ицкина. Свидѣтель тотчасъ телеграфировалъ могилевской полиціи о задержаніи Ицкина, и подъ этимъ именемъ оказался Ицка Симкинъ. Нить была найдена, и были приняты мѣры къ раскрытію этой преступной организаціи. Симкинъ сознался, что онъ перечислялъ дѣтей варшавскихъ купцовъ въ буйничское, княжицкое, баевское и горельское еврейскія общества, и что по его порученію подставныхъ лицъ ставилъ Серебринъ. Вслѣдствіе телеграфныхъ сношеній были задержаны и эти подставленныя лица, и они сознались. Направлялъ ихъ всѣхъ Серебринъ, только Тайцланда направилъ, по его словамъ, Суратъ—сынъ еврейскаго старосты. Симкинъ приписывалъ перечислявшихся евреевъ и къ призывнымъ участкамъ и подыскивалъ лжесвидѣтелей, удостовѣрявшихъ двухлѣтнее пребываніе приписывавшихся въ новомъ обществѣ. Вышеназванныя свидѣтельства Симкинъ писалъ самъ. Всѣ его махинаціи производились съ вѣдома родителей перечислявшихся молодыхъ людей.

Они платили ему крупными суммами. Изъ отобранной у Симкина записной книжки видно, что онъ получалъ съ нихъ по 600 р., по 800 р., по 1000 р. Подставлялись люди полуголодные, соблазнявшіеся платою, и притомъ калѣки, даже кастраты. Изъ всѣхъ подставныхъ принятъ только одинъ Іосель Серебринъ. Для подставныхъ была особая такса: «за постояніе» платилось 50 р., а «за сдачу» платилось по 30 р. въ мѣсяцъ за время службы. Что касается Серебрина, то его поведеніе само по себѣ возбуждало подозрѣніе, и онъ зналъ о томъ, что докумены подложны; подкрѣплялось подозрѣніе и тѣмъ, что вмѣсто варшавскихъ купцовъ въ присутствіе къ освидѣтельствованію являлись оборванцы. Серебринъ сознался свидѣтелю, что онъ подставилъ Темкина, Марковича и Угорца и самъ явился вмѣсто Линденшата.—Подставныя лица являлись не только вмѣсто призывавшихся, но и вмѣсто ихъ родителей. Ставились калѣки, неспособные къ труду, и фиктивные сыновья ихъ получали льготы 1 разряда и зачислялись въ ополченіе.

На вопросы прокурора, свидѣтель показалъ, что Изроиль Серебринъ являлся въ присутствіе вмѣсто Линденшата, а братъ его Іосель вмѣсто Дусовица. Изроиль зналъ, что вмѣсто него къ освидѣтельствованію явился страдающій грыжею отецъ его Мендель, въ видахъ признанія его неспособнымъ къ труду, на предметъ представленія льготы брату Изроиля—Іоселю.

Свидѣтель *Бекаревичъ* показалъ, что еврейскій староста Певзнеръ подалъ ему прошеніе съ документами отъ нѣкоего Линденшата. Въ виду подозрительности документа, онъ обратилъ на него вниманіе исправника Родіонова. Самъ Линденшатъ явился въ присутствіе, но это было уже послѣ призыва, въ январѣ.

Свидѣтель *Марозъ* (бывшій буйницкій еврейскій староста) показалъ, что одинъ человѣкъ просилъ его подать бумаги г. Бекаревичу; послѣдній увидалъ, что бумаги нехорошія, и спросилъ, гдѣ онъ, свидѣтель, ихъ взялъ, а потомъ поручилъ отдать ихъ назадъ тому же человѣку, чтобы онъ подалъ ихъ самъ. Этимъ человѣкомъ былъ Изроиль Серебринъ, явившійся въ присутствіе, кажется, за Линденшата. Свидѣтель выдавалъ и пріемные приговоры въ буйницкое общество, при чемъ хлопоталъ одинъ молодой человѣкъ, кто—не знаетъ. Симкинъ не просилъ его ни о чьей припискѣ.

Свидѣтель *Соркинъ* (факторъ въ гостиницѣ) показалъ, что Симкинъ пріѣзжалъ въ гостиницу часто, но совпадали ли его пріѣзды со временемъ призыва—не помнитъ. Съ Симкинымъ пріѣзжалъ и Серебринъ, но жили ли они вмѣстѣ—не помнитъ.

Въ виду запамятованія свидѣтелемъ Соркинымъ обстоятельствъ дѣла прочитано показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, одѣ онъ показывалъ, что Симкинъ, Серебринъ и Суратъ пріѣзжали во время призывовъ или передъ призывами; что къ Симкину часто приходили разные евреи и онъ часто получалъ теллеграммы на имя Ицкина и что онъ, Соркинъ, слышалъ, что Симкинъ освобождаетъ евреевъ отъ отбыванія воинской повинности.

Свидѣтель *Ерманокъ* разсказалъ эпизодъ, какъ онъ однажды засталъ у себя въ квартирѣ Серебрина—отца, который говорилъ ему, что онъ хочетъ идти въ полицію брать документъ. Это было передъ призывомъ; вмѣстѣ съ Серебринымъ приходилъ и Крапивнеръ; у него былъ паспортъ и посемейный списокъ.

На просьбу прокурора указать среди подсудимыхъ Крапивнера Ерманокъ показалъ на Тайцланда.

Свидѣтель *Фукнманъ* показалъ, что онъ видѣлъ Менделя Серебрина—отца передъ явкою въ присутствіе съ бородой, а при выходѣ изъ присутствія онъ былъ уже безъ бороды. Онъ угостилъ свидѣтеля водкой и далъ, неизвѣстно за что, 50 копеекъ.

Свидѣтель *Хитвинъ* видѣлъ, что Серебринъ, по просьбѣ Симкина, переписывалъ прошеніе, составленное Симкинымъ, и былъ свидѣтелемъ того, какъ Симкинъ вручалъ Серебрину пакетъ для передачи въ Шкловѣ княжицкому мѣщанскому старостѣ.

Свидѣтель *Злотинъ* (горецкій еврейскій староста) показалъ, что онъ вынималъ жребій вмѣсто Пинкерта, который на освидѣтельствованіи былъ, а къ вынутію жеребья не явился.

Свидѣтель *Ронесъ* показалъ, что его старый знакомый Вайнштейнъ спрашивалъ у него, знаетъ ли онъ Симкина, который предлагаетъ ему перечислить сына въ Могилевскую губернію, такъ какъ тамъ не берутъ льготныхъ и новобранцевъ посылаютъ на службу въ Царство Польское. Симкинъ говорилъ ему, что надо начинать это заблаговременно. Самъ Вайнштейнъ въ Могилевѣ не былъ и никого сюда не посылалъ. Все дѣло велъ единолично Симкинъ. Молодой Вайнштейнъ уже десять лѣтъ, какъ заграницей, а старшіе его братья служатъ въ войскахъ вольноопредѣляющимися.

Послѣ допроса свидѣтелей была произведена экспертиза подписей Вайнштейновъ и Ліотте чрезъ преподавателей чистописанія Жотикова и Ѳаддѣева и были оглашены относящіеся къ дѣлу документы.

Въ концѣ судебнаго слѣдствія подсудимый *Симкинъ* опять пожелалъ дать свои объясненія и указалъ на то, что «варшавскіе» знали, что

освобожденіе ихъ сыновей отъ отбыванія воинской повинности можетъ совершиться только путемъ обманныхъ дѣйствій. Не знать они не могли. Прежде чѣмъ уволиться изъ Варшавы, молодые люди должны были представить туда пріемные приговоры изъ Могилевской губерніи, въ которыхъ ложно сказано, будто причисляемые жили по два года въ Буйничахъ, Княжицахъ и т. д. Эти приговоры были представлены варшавскому оберъ-полицеймейстеру самими родителями. Самое дѣло начали они, а не онъ, Симкинъ,—человѣкъ бѣдный, которому они хорошо платили. Ихъ агенты почти не выѣзжали изъ Могилева и слѣдили за каждымъ шагомъ Симкина.

По заключеніи судебнаго слѣдствія начались пренія сторонъ.

Первымъ говорилъ прокуроръ г. *Нечаевъ*, который сказалъ, что дѣло это рѣдкое въ судебной практикѣ, но не потому, что дѣла такія рѣдки въ жизни,—нѣтъ, ихъ много, а потому, что дѣльцы ихъ ловко скрываютъ; здѣсь же они переусердствовали. Всеобщая воинская повинность, сказалъ прокуроръ, должна считаться величайшей реформой царя-освободителя; къ сожалѣнію, реформа эта на первыхъ же шагахъ вызвала недовольство въ состоятельныхъ классахъ и многіе стали прибѣгать къ различнымъ легальнымъ и мошенническимъ способамъ и пріемамъ, лишь бы избавиться отъ воинской повинности. Появились особые дѣльцы, «сихъ дѣлъ мастера». Къ ихъ числу принадлежитъ Симкинъ. Дѣятельтвость его была широко раскинута, извѣстность его гремѣла вплоть до Варшавы. И вотъ варшавскіе денежные тузы обратились въ его содѣйствію, и работа закипѣла. Симкинъ былъ главный организаторъ, а черную работу онъ поручилъ Серебрину. И все шло, какъ по маслу, но дѣло сорвалось. Подъ рукой у Симкина не было подходящаго бланка и онъ воспользовался бланкомъ могилевской губернской типографіи. На бланкъ этотъ обратили вниманіе и благодаря энергичнымъ мѣрамъ исправника Родіонова удалось раскрыть всѣ преступленія. Симкинъ сознался и сказалъ, что онъ подговорилъ Серебрина подыскать подставныхъ лицъ; на судѣ онъ это отрицаетъ, но Серебринъ тоже сознался и даже указалъ подставныхъ лицъ. Затѣмъ прокуроръ обратился къ разсмотрѣнію дѣяній четырехъ физическихъ участниковъ Серебрина и нашелъ, что обвиненіе ихъ вполнѣ доказано; отъ обвиненія же Меера Тайцланда онъ отказался. Переходя далѣе къ «варшавскимъ» подсудимымъ прокуроръ призналъ ихъ вдохновителями остальныхъ преступниковъ и указалъ на то, что хотя на судѣ они и старались увѣрить, что они не виновны, что они желали дѣйствовать законно, перечислить дѣтей чистыми средствами, но чистыя дѣла дѣлаются чрезъ чистыхъ людей, между тѣмъ они обратились къ Симкину, прекрасно его зная, и это ихъ характеризуетъ. Дѣйствительно, варшав-

скимъ жителямъ повѣстокъ о времени призыва не посылалось, но они въ нихъ и не нуждались, они знали, что за нихъ работаютъ другіе.

«Будутъ говорить,—сказалъ г. прокуроръ,—что сыновья ихъ не достигли еще призывнаго возраста... Это такъ, но это ничего не доказываетъ, ничего не отвергаетъ: родительская заботливость является еще съ рожденья и чѣмъ скорѣе отцы устранили бы Дамокловъ мечь съ головъ дѣтей, тѣмъ для нихъ было бы лучше. Будутъ говорить, что два сына Вайнштейна отбываютъ воинскую повинность. И это такъ; но младшій сынъ бываетъ самымъ любезнымъ и Вайнштейнъ рѣшилъ освободить своего Веніамина, если не удалось освободить сыновей старшихъ».

Что касается дѣтей варшавскихъ купцовъ, то г. прокуроръ находилъ, что они тоже подлежатъ отвѣтственности, такъ какъ они уже не маленькіе, а люди развитые и, хотя, можетъ быть, и не были посвящены въ подробности преступленія, но прекрасно знали, что дѣло было не чисто: вопросъ о воинской повинности—вопросъ важный и несомнѣнно дебатировался въ семьѣ.

Послѣ прокурора первымъ говорилъ защитникъ Симкина присяжный повѣренный г. *Галиновскій*, который просилъ оказать Симкину снисхожденіе. „Грѣхъ его великъ,—закончилъ онъ свою рѣчь,—но великъ и соблазнъ, явившійся въ видѣ предложеннаго крупнаго вознагражденія».

Защитникъ Серебрина, присяжный повѣренный г. *Пушковъ* разъяснилъ, что, собственно, Серебрина обвиняютъ въ двухъ преступленіяхъ: во-1-хъ, онъ передалъ воинскому присутствію подложное свидѣтельство, подписанное имъ же самимъ; во-2-хъ, онъ вербовалъ подставныхъ лицъ. Первое преступленіе Серебринъ отрицаетъ; по его словамъ, о подложности свидѣтельства онъ не зналъ. Во второмъ онъ сознается, но онъ здѣсь былъ только помощникомъ своего отца, который велъ все дѣло. Въ виду этого и такъ какъ Израиль Серебринъ—темный, необразованный и неразвитой бѣднякъ, защитникъ ходатайствовалъ передъ присяжными засѣдателями, чтобы они отнеслись къ Серебрину со снисхожденіемъ.

Защитникъ Угорца, помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. *Собѣщанскій* нашелъ, что обвиненіе Угорца является недоказаннымъ, и просилъ объ его оправданіи.

Защитникъ Крапивнера, помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. *Гисинъ* нашелъ, что обвиненіе Крапивнера тоже является недоказаннымъ, и просилъ признать его невиновнымъ.

Защитникъ Кримера, присяжный повѣренный г. *Ростаковскій* сказалъ, что Кримеръ обвиняется въ томъ, что не явился къ отбыванію воинской повинности, но онъ и не обязанъ былъ являться: 1-го октября 1893

года ему было всего 16 лѣтъ. Дѣйствительно, въ этомъ году явилось къ отбытію воинской повинности за Кримера другое какое-то лицо, но и то убѣжало. Кримеръ же тутъ не при чемъ, онъ даже не зналъ этого и никакихъ доказательствъ вины Кримера нѣтъ. «Всѣ подсудимые по настоящему дѣлу евреи,—но помните прежде всего,—сказалъ въ заключеніе защитникъ,—что вы судите не еврея, а человѣка, и не слѣдуйте антисемитскому направленію».

Защитникъ Пинкертовъ, присяжный повѣренный г. *Сумовскій* указалъ присяжнымъ засѣдателямъ, что М. Пинкертъ обвиняется въ томъ, что съ его вѣдома Симкинъ подставилъ неспособнаго къ труду Тайцланда и благодаря этому сынъ его получилъ льготу 1-го разряда, а Х. Пинкертъ—въ томъ, что воспользовался этой льготой, зная, что она незаконна. Х. Пинкертъ имѣлъ, вѣдь, право на льготу 2-го разряда, и нѣтъ никакихъ данныхъ, откуда можно было бы заключить, что М. Пинкертъ поручилъ Симкину выхлопотать для сына льготу 1-го разряда вмѣсто 2-го. Пинкертъ хотѣлъ лишь перечислить своего сына въ Могилевскую губернію, и это его желаніе вполнѣ естественно: въ Могилевской губерніи второльготные не идутъ. Для этого-то онъ и искалъ подходящаго человѣка. Все это еще не преступленіе. Затѣмъ вмѣсто отца Пинкерта подставленъ Тайцландъ. Это,—сказалъ защитникъ,—преступленіе; но на прошеніи объ освидѣтельствованіи отца подпись подложна и М. Пинкертъ тутъ не при чемъ, ничѣмъ не доказано, чтобы онъ зналъ, что вмѣсто него явится Тайцландъ. Что касается Хаима Пинкерта, то его присутствіе не было необходимо при вынутіи жребія, а дарованіе ему льготы 1-го вмѣсто 2-го разряда онъ принялъ за ошибку воинскаго присутствія и о такой ошибкѣ доносить не былъ обязанъ.

Коснувшись далѣе положенія евреевъ, защитникъ указалъ, что по особымъ условіямъ евреи склонны къ тому, чтобы облегчать себѣ отбытіе воинской повинности. Причиной этого является, по словамъ защитника, ихъ трусость, ихъ положеніе въ войскахъ и т. д. Требовать отъ Пинкертовъ особой гражданской доблести не умѣстно и обвинять ихъ на основаніи однихъ оговоровъ Симкина невозможно, а потому Пинкерты и должны быть оправданы.

Затѣмъ говорилъ защитникъ Ліотте, присяжный повѣренный *Л. А. Куперникъ*. Сущность его рѣчи заключалась въ слѣдующемъ:

При обыкновенномъ ходѣ вещей,—сказалъ г. Куперникъ,—защитѣ достаточно заняться разборомъ доводовъ обвиненія. Я и хотѣлъ этимъ ограничиться и въ своей рѣчи коснуть-

ся лишь общихъ вопросовъ. Но, къ крайнему моему изумленію, я услышалъ на нашей скамьѣ защитниковъ такіе доводы, которыхъ я не могу оставить безъ возраженій. Я услышалъ такіе доводы касательно евреевъ, которые вызываютъ меня только сказать: „избави насъ, Господи, отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся!“ Доводы г. Сумовскаго положительно невѣрны. Это предразсудки. Говорить о трусости евреевъ и окрещивать національность какими-нибудь кличками не дѣло суда. Подсудимый еврей въ правѣ сказать: не оправдывайте меня какъ труса, лучше обвините меня, если я виноватъ. Затѣмъ не вѣренъ доводъ и о положеніи евреевъ на военной службѣ: по закону, евреи не могутъ быть только генералами и офицерами, но отношеніе къ рядовымъ вездѣ равное, какой бы національности они ни были. Главное обвиненіе здѣсь—это спеціальное уклоненіе отъ воинской повиности. Выходитъ такъ, что будто евреи и самимъ Господомъ Богомъ созданы для этого уклоненія. На самомъ дѣлѣ, конечно, это невѣрно. Съ изданіемъ закона о всеобщей воинской повинности стали уклоняться отъ военной службы всѣ тѣ, кто раньше не отбывалъ повинности. И тогда уклоненія эти были весьма многочисленны. За 12 первыхъ лѣтъ Рабиновичъ собралъ всѣ данныя объ отбываніи воинской повинности и доказалъ, что евреи не только не уклоняются отъ воинской повинности, но даже отбываютъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ другіе. Далѣе защитникъ приводитъ данныя книги Рабиновича, опровергающія, по его словамъ, предразсудокъ объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности, и заявляетъ, что говорить на судѣ объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности совершенно неумѣстно. Уклонялись всѣ и всякими средствами. Но теперь все улеглось, и населеніе относится къ отбыванію воинской повинности спокойно. Членовредительство рѣдко, подкупы еще рѣже, подлоги—тоже.

Я обращу ваше вниманіе,—сказалъ далѣе защитникъ,—на то, чѣмъ кончилъ обвинитель. Судъ не училище и уроковъ въ немъ давать не слѣдуетъ. На немъ гласно разбираются дѣла и вердиктъ присяжныхъ представляетъ вердиктъ общественной совѣсти. Вотъ почему великое общественное зна-

ченіе имѣетъ не только обвинительный приговоръ, но еще болѣе и оправдательный. Общее положеніе: кто пользуется своимъ правомъ, тотъ никому не вредитъ. Въ воинскомъ уставѣ существуютъ слѣдующія статьи: 1) всякій имѣетъ право перечислиться въ другой округъ. Для евреевъ только существуютъ ограниченія по мѣсту жительства и двухлѣтній срокъ. 2) Освидѣтельствованію по наружному виду подлежатъ новобранцы въ случаѣ сомнѣній. 3) Къ вынутію жребія никто не обязанъ являться. Разсматривая факты относительно Ліотте, видимъ, что по метрикѣ Ліотте долженъ былъ отбывать повинность въ октябрѣ 1900 года. Онъ перечислился въ буйницкое общество; отецъ далъ согласіе; была метрика, и полиція дала удостовѣреніе. Вездѣ указано: родился 21 іюля 1879 года. Перечисляя въ 1898 году сына, старикъ Ліотте зналъ, что сыну придется отбывать повинность черезъ два года. Они дѣлали это черезъ г. Симкина. Въ изображеніи обвинителя Симкинъ изображенъ не въ той роли, какая ему принадлежитъ. Обвинитель говоритъ, что Симкинъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ денегъ варшавскихъ жителей. Но Симкинъ не агнецъ, котораго эти злодѣи соблазнили. Наоборотъ: Симкинъ уговорилъ ихъ. Есть мѣткая русская пословица: не хлѣбъ за брюхомъ ходитъ, а брюхо за хлѣбомъ. Она какъ нельзя болѣе сюда подходитъ. Не имъ искать было дѣльца для перечисленія. Симкинъ давно занимался этимъ дѣломъ; онъ отыскалъ такихъ людей и предложилъ имъ свои услуги, тѣмъ болѣе, что въ Варшавѣ онъ бывалъ. Человѣкъ онъ вообще бывалый!

Всѣ взятые имъ документы дѣлали указанія на отбываніе воинской повинности въ 1900 г. Но онъ подаетъ въ казенную палату прошеніе отъ имени Ліотте и при этомъ забываетъ представить 80-коп. марку. Палата посылаетъ отказъ на имя Симкина. Тогда подается новая записка о внесеніи 80 к., и къ октябрю дѣло готово. Нуженъ посемейный списокъ отъ буйницкаго общества. Въ посемейномъ же спискѣ показано: родился 21 іюля 1879 г., но въ 1899 г. ему дѣлается 21 годъ и онъ свидѣтельствуется по наружному виду. Если бы это дѣлалось по согласію, то это громадная выгода. Будучи 18-лѣтнимъ юношею, онъ будетъ

признанъ негоднымъ. Но Ліотте не шли на это и представляютъ эти документы. Симкинъ угрожаетъ донести, и устроилъ такъ дѣло: онъ беретъ Марковича и говоритъ; „ступай къ наружному осмотру за Ліотте!“ Его признали бы достигшимъ 21 года и затѣмъ освободили бы отъ службы съ бѣлымъ билетомъ. Тогда Симкинъ потребовалъ бы много денегъ, подъ угрозою донести. Но Ліотте этого не желали. Да они и не могли знать. Симкинъ не посвящалъ ихъ въ это. Они могли бы ему сказать: „мы не хотимъ рисковать; у насъ еще два года впереди“.

Я предложу еще одинъ вопросъ: что же сдѣлали еще Ліотте? Старикъ далъ согласіе на перечисленіе — но это его право. Молодой не зналъ этого и никакого участія не принималъ. Подставное же лицо явилось къ освидѣтельствованію, но вслѣдствіе ареста Серебрина убѣжало. И преступное дѣйствіе осталось не совершеннымъ. Въ чемъ же его обвинять? Симкинъ говоритъ, что отцы все знали, а сыновья знали, что дѣло не чисто, но не донесли. Но они могли не доносить и по закону.

Итакъ, молодой Ліотте не участвовалъ ни въ чемъ. Старикъ же Ліотте въ массѣ законовъ не могъ разобраться и могъ поддаться на убѣжденія Симкина, что все это будетъ сдѣлано по закону. „Подпишите мнѣ только вотъ это“,—и тотъ подписалъ. Хотѣли что-то сдѣлать, но не сдѣлали. Хотѣлъ Симкинъ дать льготы Ліотте, но не для нихъ, а для того, чтобы имѣть возможность получить отъ Ліотте средства.

Защитникъ Линденшатовъ и Вайнштейна присяжный повѣренный г. *Кизиловъ* въ своей рѣчи доказывалъ, что перечисляться изъ одной губерніи въ другую для отбытія воинской повинности не есть преступленіе. Далѣе, если его довѣрителямъ нужно было явиться къ призыву въ 1902 году, то нельзя ихъ обвинять за уклоненіе въ 1898 году, раньше срока призыва; въ данномъ случаѣ по отношенію къ Линденшатамъ и Вайнштейну нѣтъ состава преступленія. Къ Линденшату явился Симкинъ и уговорилъ его подать прошеніе о перечисленіи. Линденшатъ подалъ прошеніе и ждетъ 1902 года. Вдругъ узнаетъ, что какой-то Линденшатъ принятъ въ томъ же 1898 году. Сдѣлано это было безъ вѣдома Линденшатовъ, никакой вины съ ихъ стороны нѣтъ, нѣтъ противъ нихъ и никакихъ уликъ,

одинъ оговоръ Симкина. Между тѣмъ здѣсь виноватъ, именно, одинъ только Симкинъ, который благодаря этому хотѣлъ навѣрняка нажить деньги: вѣдь ждать до 1902 года опасно, мало ли что можетъ случиться; можетъ умереть или сдѣлаться неспособнымъ къ труду отецъ или сынъ. Затѣмъ, находя, что и Вайнштейну не было никакой необходимости въ отношеніи отбыванія его младшимъ сыномъ воинской повинности прибѣгать къ обманамъ, защитникъ просилъ оправдать всѣхъ троихъ подсудимыхъ.

Защитникъ Меренгольца, присяжный повѣренный г. *Линденбратенъ* утверждалъ, что виновность Меренгольца не доказана; даже Симкинъ, оговаривая отцовъ, ничего не говоритъ про сыновей. Отецъ-Меренгольцъ не имѣлъ и понятія о дѣятельности Симкина. Вдова Меренгольца просила полицію о выдачѣ посемейнаго списка, ей отвѣчаютъ, что ея сынъ долженъ отбывать повинность въ 1899 году. Это было 2 декабря 1898 года, т.-е. послѣ призыва. Это прямое доказательство, что Меренгольцъ не зналъ о подставномъ лицѣ, уже являвшемся къ исполненію воинской повинности. Меренгольцъ еще будетъ отбывать воинскую повинность, ему дана лишь отсрочка до окончанія дѣла. Такимъ образомъ Меренгольцъ не уклонялся отъ воинской повинности и не пользовался никакими незаконными средствами, слѣдовательно и долженъ быть оправданъ.

Послѣднимъ говорилъ защитникъ Вайнштейна присяжный повѣренный *А. Р. Ледницкій*, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

Мнѣ послѣднему пришлось предъ вами говорить. Ваше вниманіе утомлено. Вы выслушали цѣлый рядъ рѣчей, въ которыхъ сказано такъ много, что въ первую минуту задумываешься, да есть-ли возможность еще хоть что-нибудь прибавить, что можетъ послужить намъ, защитѣ, хоть нѣсколько на пользу! Но законъ далъ мнѣ здѣсь мѣсто, а за мной сидитъ старикъ съ его многочисленной семьей, всѣ они переживаютъ тяжелыя минуты въ тревожномъ ожиданіи окончанія сегодняшняго дня, и я напрягаю свои мысли, чтобы исполнить свою задачу до конца. Мое положеніе еще трудное и потому, что роль Вайнштейна въ этомъ дѣлѣ сходна, почти тожественна съ ролью Ліотте, другого старика, а его защитникъ, мой уважаемый товарищъ Куперникъ, такъ блистательно, какъ мнѣ кажется, доказалъ несостоятельность даннаго обвиненія.

Вайнштейнъ вмѣстѣ съ другими обвиняется въ подстрекательствѣ сына своего къ уклоненію отъ воинской повин-

ности. Уклоненіе отъ исполненія какой-либо повинности возможно въ томъ случаѣ, если эта повинность возложена закономъ или совѣстью, если она существуетъ; если же ея нѣтъ, то не можетъ быть и уклоненія.

Воинская повинность основана на обязанности гражданъ защищать свое отечество и на вытекающемъ отсюда правѣ государства требовать отъ нихъ физической помощи, т.-е. здѣсь главную роль играютъ тѣлесныя данныя, которымъ долженъ удовлетворять гражданинъ, призванный защищать престолъ и отечество.

Вотъ почему законъ, устанавливая общую для всѣхъ воинскую повинность, въ то же время дѣлаетъ ограниченія: онъ не допускаетъ людей больныхъ, слабыхъ, одержимыхъ физическими недостатками. Кромѣ того, нашъ законъ требуетъ для отправленія воинской повинности полнаго развитія силъ человѣка и посему устанавливаетъ возрастъ расцвѣта этихъ силъ—21 годъ, когда гражданинъ призывается стать въ ряды родной арміи. До этого возраста никто не обязанъ и не можетъ нести военную службу.

Если теперь припомнить тѣ даты и документы, которые имѣютъ рѣшающее въ дѣлѣ значеніе, то окажется, что сынъ старика Вайнштейна, Моисей, родился 24 апрѣля 1881 года.

Это обстоятельство устанавливается двоякимъ путемъ. Съ одной стороны, метрическое свидѣтельство, посемейный списокъ и удостовѣреніе варшавскаго оберъ-полицеймейстера согласно утверждаютъ, что день рожденія Моисея Вайнштейна—24 апрѣля 1881 года, а съ другой—свидѣтель Ронесъ, давно знающій семью Вайнштейна, это же подтверждаетъ.

Значитъ, Моисей Вайнштейнъ, въ подстрекательствѣ котораго къ уклоненію отъ воинской повинности обвиняется его отецъ, имѣлъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1898 года 17 лѣтъ отъ роду. Въ то время, когда, въ октябрѣ 1898 года, подъ его именемъ кого-то другого осматривали, Моисей Вайнштейнъ учился въ гимназіи, за границей; въ октябрѣ и ноябрѣ того года онъ посѣщалъ школу въ Бреславлѣ, какъ это удостовѣрилъ директоръ этой гимназіи проф. Лудвигъ.

Что Моисей Вайнштейнъ все это время находился за границей, доказано удостовѣреніемъ Императорской россійской миссіи въ Гамбургѣ, вчера здѣсь оглашеннымъ.

Подтвердилъ это и свидѣтель Ронесъ, который сказалъ, что съ пасхи 1898 года Моисей дома не былъ, живя постоянно за границей. Но если это такъ, то можно ли говорить объ уклоненіи отъ воинской повинности ученика, 17-лѣтняго мальчика?

Вѣдь это ребенокъ. Вы вчера сами видѣли его фотографическую карточку; спрашивается: нуженъ ли такой солдатъ нашей арміи и можетъ ли онъ защишать свое отечество? Это не воинъ, это дитя, ему еще нужно расти и учиться, его пора еще не настала.

Я вамъ уже раньше старался выяснить, что уклоненіе отъ исполненія какой бы то ни было обязанности можетъ быть лишь тогда, когда таковая существуетъ вообще и когда исполненія ея требуютъ въ данную минуту. Если же я этой обязанности не долженъ исполнять, хотя бы потому, что время еще не наступило, то я и не могу быть признанъ виновнымъ въ уклоненіи отъ ея исполненія, даже и въ томъ случаѣ, если я совершу для этого цѣлый рядъ незаконныхъ дѣйствій и махинацій.

Я постараюсь доказать это на примѣрѣ. Вы вызваны въ судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, но вамъ нельзя явиться, вамъ нужно уѣхать куда-нибудь и вы представляете свидѣтельство врача о вашей мнимой, несуществующей болѣзни. Вашъ обманъ раскрылся, вы совершили проступокъ и подлежали бы за это наказанію. Но въ это время обнаруживается, что вы ошиблись, вы вызывались не на эту сессію, а на слѣдующую, и вы остаетесь безнаказаннымъ—вы совершили незаконное дѣйствіе для освобожденія себя отъ исполненія той обязанности, исполненія которой отъ васъ никто не требовалъ.

Такъ и здѣсь. Если Моисей Вайнштейнъ въ октябрѣ 1898 года не могъ по своему возрасту поступить на военную службу, то въ этомъ году онъ не могъ и уклоняться отъ воинской повинности, а значитъ—не могъ и его отецъ ему въ этомъ помогать, не могъ его и подстрекать, сколько бы незаконныхъ дѣйствій онъ ни совершилъ.

Но какія же незаконныя дѣйствія Вайнштейнъ совершилъ? Безспорнымъ представляется, что старикъ Вайнштейнъ желалъ перечислить своего младшаго сына въ мѣщане Могилевской губерніи и поручилъ это устроить Симкину.

Вамъ уже, господа присяжные засѣдатели, съ достаточной подробностью разъясняли, чѣмъ вызывалось это желаніе отцовъ. Лица, принятыя на военную службу въ Царствѣ-Польскомъ, отправляются на Кавказъ, въ Сибирь, въ центральную Россію, а рекруты изъ Могилевской губерніи посылаются въ Царство-Польское, зачастую даже въ Варшаву. Вотъ въ чемъ выгода перечисленія и вотъ что имѣлъ въ виду старикъ Вайнштейнъ, когда рѣшилъ хлопотать объ этомъ. Имѣлъ онъ еще быть можетъ затаенную въ душѣ надежду, что здѣсь, въ Могилевѣ, его сынъ можетъ вытащить высокій номеръ и его освободятъ отъ военной службы, а въ Варшавѣ, гдѣ евреи бѣгутъ за границу, не только лица съ высокими номерами жребія, но даже и тѣ, которыя имѣютъ льготу второго и перваго разряда, зачисляются въ полки, такъ какъ не хватаетъ опредѣленнаго закономъ количества новобранцевъ изъ евреевъ.

Но развѣ такое желаніе перемѣнить мѣсто жительства и зачислиться въ другое сословное общество есть что-либо преступное?

Все, что закономъ дозволено, всякій въ правѣ себѣ на пользу совершать, всякій въ правѣ для себя изъ этого ту или другую выгоду извлекать.

Право каждаго гражданина—выбирать мѣстожительства по своему произволу, право это принадлежитъ и евреямъ, ограниченное лишь чертой осѣдлости.

Значитъ, Вайнштейнъ имѣлъ право по закону переселиться въ Могилевскую губернію, имѣлъ право и просить о перечисленіи сына своего въ мѣщане этой губерніи и это ему нельзя ставить въ вину.

Но въ то же время нужно считаться и съ тѣмъ, что если Вайнштейнъ имѣлъ право просить о принятіи сына его въ буйницкое мѣщанское общество, то въ свою очередь это общество имѣло право въ этомъ отказать.

Возможность отказа предвидѣли и нужно было его устранить. Какимъ путемъ?

Вы видѣли здѣсь блестящаго представителя буйницкихъ мѣщанъ, ихъ старосту, Бейнуса Мороза. Нужно ли говорить о томъ, какъ отъ него и его товарищей можно получить согласіе на принятіе въ ихъ среду кого-либо?

Этимъ жалкимъ бѣднякамъ нужно одно средство—деньги. Вотъ на что были даны Симкину авансы. Вайнштейнъ хорошо зналъ, что перечислить сына въ буйницкіе мѣщане безъ денегъ нельзя, были и другіе расходы: гербовыя марки, разъѣзды Симкина, его вознагражденіе; быть можетъ Симкинъ расходы эти преувеличивалъ—и тогда сумма данныхъ Симкину нѣсколькихъ сотъ рублей, если даже считать, что это доказано, не можетъ имѣть того значенія, которое ей придаетъ обвиненіе, не будетъ служить уликой противъ Вайнштейна.

Итакъ, если перечисленіе представляется законнымъ, то вины Вайнштейна нѣтъ, ибо этимъ заканчивается его дѣятельность.

Вчера предъ вами въ теченіе нѣсколькихъ часовъ разсматривались разные документы, имѣющіеся въ дѣлахъ казенныхъ палатъ, о принятіи въ мѣщане тѣхъ или другихъ обществъ дѣтей подсудимыхъ, въ дѣлахъ воинскихъ присутствій—о ихъ призывѣ.

Въ отношеніи Вайнштейна такихъ бумагъ двѣ,—два прошенія отъ имени Моисея Вайнштейна въ казенную палату. Оба эти прошенія эксперты признали подложными: ни сынъ, ни отецъ ихъ не писали и не подписывали, да и вы сами въ этомъ убѣдились.

Я не могу не обратиться здѣсь съ благодарностью къ обвинителю, который, какъ настоящій представитель отвлеченнаго закона, призналъ эти подлоги доказанными, устранилъ ихъ тяжесть въ отношеніи Вайнштейна и лишь быть можетъ только съ свойственнымъ человѣку увлеченіемъ видитъ виновнаго въ томъ, кто ни душой, ни тѣломъ ни въ чемъ не повиненъ.

Но Симкинъ говоритъ—онъ зналъ. Вамъ предлагаютъ повѣрить Симкину, онъ будто желаетъ повѣдать правду на судѣ. Но я вамъ напомню то письмо, которое Симкинъ къ Пинкерту писалъ. „Деньги дайте, а то я вамъ покажу, что значитъ Симкинъ; вы на своихъ повѣренныхъ надѣетесь,

но вамъ не сдобровать". Денегъ не дали, и вотъ вамъ разгадка сердечной откровенности господина Симкина. Не на повѣренныхъ своихъ, господинъ Симкинъ, эти убѣленные сѣдиною старики надѣются, а на правду и справедливость, на судъ, который разберетъ, гдѣ здѣсь истина, гдѣ ложь. Вы помните показаніе исправника Родіонова, достовѣрность котораго не возбуждаетъ сомнѣнія. Онъ говоритъ, что во время дознанія онъ не нашелъ указаній, чтобы Вайнштейнъ зналъ обо всѣхъ дѣйствіяхъ Симкина, а Симкинъ тогда, въ первую минуту, когда дѣло шло по горячимъ слѣдамъ, показалъ, что обо всѣхъ тѣхъ обманахъ онъ варшавскимъ не говорилъ.

Вотъ если бы Вайнштейнъ и другіе чувствовали за душой своей грѣхъ, то ужъ нашлась бы сотня, другая рублей, чтобы закрыть ротъ Симкину. И тогда бы сегодня намъ Симкинъ, съ той же вкрадчивой улыбкой, сталъ бы разсказывать, что онъ во всемъ виноватъ, что онъ на свой страхъ и рискъ все это продѣлалъ.

Но денегъ ему не дали, показанія его мѣняются, и въ этомъ именно обстоятельствѣ я вижу лучшее доказательство сознанія своей правоты Вайнштейномъ, убѣжденіе его въ своей невиновности.

Но есть еще одно обстоятельство, на которое очень напиралъ прокуроръ и которое дѣйствительно можетъ имѣть на первый взглядъ извѣстное значеніе. Зачѣмъ къ Симкину обратились? Чистыхъ дѣлъ не дѣлаютъ нечистыми руками. Выборъ, выборъ лучше всего доказываетъ прикосновенность ко всѣмъ этимъ обманамъ варшавскихъ денежныхъ тузовъ, говорилъ намъ прокуроръ.

Но развѣ жъ Вайнштейнъ Симкина искалъ? Правъ былъ г. Куперникъ, приводя поговорку: не хлѣбъ ходитъ за брюхомъ, а брюхо за хлѣбомъ; Вайнштейнъ, живя въ Варшавѣ, и не зналъ о существованіи Симкина, а Симкинъ розыскалъ сначала Пинкерта, а затѣмъ и остальныхъ.

Но какже ему могли довѣриться? вы меня спросите. Для этого нужно остановиться на минуту на личностяхъ, какъ Вайнштейна такъ и самого Симкина. Вайнштейнъ старикъ, еврей, человѣкъ стараго закона, привязанный къ нему и свято вѣрующій въ необходимость его исполненія, не могъ

не попасть подъ нѣкоторое вліяніе Симкина, который ему казался лучшимъ представителемъ единовѣрцевъ, преданнымъ родной религіи человѣкомъ.

Не вмѣняя подлога въ вину Вайнштейну, г. прокуроръ въ то же время настаиваетъ на томъ, что Вайнштейнъ зналъ объ этихъ подлогахъ, зналъ, что безъ обманныхъ дѣйствій дѣло не обойдется.

Была приведена при этомъ поговорка: is fecit, cui prodest.

Да, да, вы правы, господинъ прокуроръ, Вайнштейну эти подлоги шли на пользу. Да развѣ жъ для того, чтобы просить о перечисленіи сына въ мѣщане, нужно поддѣлывать свою подпись—вѣдь проще было самому подписать! Развѣ жъ нужно было фабриковать разныя заявленія? Да развѣ въ этомъ есть хоть доля здраваго смысла? Вѣдь нужно быть семи пядей во лбу, чтобы, возбуждая законное ходатайство законнымъ же путемъ, самому прошенія этого не подписывать, а давать другому поддѣлывать свою подпись.

Да вѣдь если допустить, что эти подлоги Вайнштейна совершены съ его вѣдома, то нужно подвергнуть освидѣтельствованію его умственныя способности. Вѣдь эти подлоги не только были безцѣльны, но для старика Вайнштейна представляли серьезную опасность, отягчали его положеніе.

А были ли какія-нибудь основанія къ тому, чтобы Вайнштейнъ настолько боялся военной службы для своего сына, чтобы рисковать идти на подобное средство?

Вы вчера слыхали, что два старшихъ сына Вайнштейна служили въ драгунскихъ полкахъ: значитъ, семья его привыкла къ военной службѣ, освоилась съ нею, а я не вѣрю тому, чтобы въ нашей арміи обращались съ евреями иначе, чѣмъ съ другими, какъ это было здѣсь сказано: я убѣжденъ, наоборотъ, что существуетъ полное равенство, и думаю поэтому, что послѣ службы своихъ старшихъ дѣтей старикъ Вайнштейнъ пересталъ страшиться ея для своего младшаго сына, Моисея.

Не старику Вайнштейну нужны были эти подлоги и не ему они шли на пользу, а Симкину! Вотъ кому! Симкину, у котораго были свои цѣли, свои планы. Онъ сына Вайнштейна, быть можетъ, и хотѣлъ освободить отъ военной

службы, но такимъ путемъ, чтобы взять отца его къ себѣ въ кабалу. Для этого нужны были не только подлоги на письмѣ, но и подлоги въ лицахъ, нужны были подставныя личности съ такими физическими недостатками, которыхъ никогда и ничто въ жизни не могло устранить. Тогда Симкинъ на всю жизнь остался бы хозяиномъ положенія.

Молодой Вайнштейнъ свободенъ отъ военной службы, но подлоги и обманы налицо и раскрыть ихъ всегда можно.

Вотъ когда Вайнштейнъ оказался бы у него въ полномъ подчиненіи. Два слова только—дайте денегъ—вотъ приказъ, съ которымъ Симкинъ обращался бы къ семьѣ Вайнштейна, и деньги бы давались. Но сорвалось, и нынче нужно вамъ рѣшить: кто жъ во всемъ этомъ виноватъ, а кто нѣтъ.

Мнѣ кажется, я вполнѣ доказалъ, что Вайнштейнъ не только попалъ во всю эту исторію, какъ куръ во щи, что онъ даже и не могъ предполагать, что всѣ эти обманы будутъ совершены, что если бы онъ хоть на одну минуту допустилъ возможность всего этого, то онъ и отъ перечисленія сына отказался бы и никогда бы и этого невиннаго шага не предпринялъ.

А Симкинъ умный, вкрадчивый, прекрасно говорящій, хитрый и лукавый, «божественный человѣкъ», какъ его назвалъ подсудимый Пинкертъ! И всѣ эти старики евреи видѣли въ Симкинѣ праведнаго, религіознаго іудея, на подлоги и обманы не способнаго. Они ему вѣрили и были убѣждены въ томъ, что онъ, помогая имъ въ достиженіи законной цѣли, не совершитъ ничего незаконнаго; имѣлъ онъ для нихъ еще и тотъ интересъ, что, будучи мѣстнымъ человѣкомъ, онъ зналъ хорошо всѣ эти могилевскія мѣщанскія общества, зналъ, съ кѣмъ и какъ надо говорить, чтобы они приняли къ себѣ дѣтей подсудимыхъ.

И какъ же жестоко сегодня пришлось расплатиться за эти иллюзіи, за эту довѣрчивость и ошибку. О, если бы они могли тогда распознать Симкина, который имъ только нынче показался во весь ростъ своей преступной личности! Съ какимъ бы страхомъ они отъ него бѣжали, никакая сила не могда бы ихъ заставить что-либо съ нимъ сообща дѣлать.

Но мало одного знакомства съ Симкинымъ, чтобы обвинить человѣка. Вчера по требованію г. прокурора оглашали памятную книжку Симкина. Кого тамъ нѣтъ? Не только Вайнштейнъ, Ліотте и многіе евреи, но есть тамъ и полиція, и канцелярія губернатора, и другіе. Но вѣдь всѣмъ же этимъ чиновникамъ не ставятъ въ вину знакомства съ Симкинымъ?

Вотъ всѣ улики, которыя имѣются противъ Вайнштейна, и я думаю, что едва ли достаточно ихъ для признанія его виновнымъ.

По окончаніи преній сторонъ предсѣдательствующій произнесъ резюме и прочиталъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросные пункты, изъ которыхъ четыре устанавливали фактъ совершенія преступленій, а двадцать семь касались виновности подсудимыхъ.

Присяжные послѣ полуторачасового совѣщанія вынесли вердиктъ, которымъ признали: Симкина виновнымъ по шести вопросамъ, Израиля Серебрина виновнымъ по семи вопросамъ и виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія по одному вопросу; родителей уклонявшихся Я. Линденшата, И. Вайнштейна, М. Ліотте и М. Пинкерта виновными; замѣстителей Угорца, Темкина и Марковича виновными, но заслуживающими снисхожденія; замѣстителя Тайцланда и молодыхъ Ліотте, Меренгольца, Пинкерта, Крапивнера и Кримера невиновными.

Резолюціей суда подсудимые приговорены: Симкинъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на $1^1/_2$ года, Серебринъ тоже на 1 годъ, Ліотте, Пинкертъ, Линденшатъ и Вайнштейнъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца, Темкинъ и Марковичъ тоже, на 4 мѣсяца, Угорецъ къ аресту при полиціи на 2 мѣсяца.

Покушеніе на убійство

(дѣло Ульдрихъ и Грюнбергъ).

(Засѣданіе московскаго окружнаго суда 28 и 29 сентября 1900 года).

Предсѣдательствуетъ тов. предсѣдателя А. Н. Разумовскій, обвиненіе поддерживаетъ тов. прокурора графъ Татищевъ; защищаютъ: Ульдрихъ— прис. пов. Н. В. Тесленко и М. Ф. Ходасевичъ, Грюнбергъ — прис. пов. П. Н. Малянтовичъ. Вызваны 8 врачей - психіатровъ въ качествѣ экспертовъ, но изъ нихъ явились только шестеро. Не явилось также около половины свидѣтелей,—въ томъ числѣ и потерпѣвшая г-жа Штеллингъ, переѣхавшая на жительство въ г. Ригу и вышедшая тамъ замужъ,—но неявка ихъ, такъ же какъ и двухъ экспертовъ, не признана препятствіемъ къ слушанію дѣла.

Оглашается обвинительный актъ слѣдующаго содержанія. Въ началѣ апрѣля 1896 года, проживающая въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, по Прогонному переулку 1-го участка Прѣсненской части, одинокая вдова личнаго почетнаго гражданина Каролина Штеллингъ, по рекомендаціи конторы Шаболовской, пригласила къ себѣ въ компаньонки крестьянку Елизавету Ульдрихъ, окончившую курсъ въ высшемъ женскомъ училищѣ св. Троицы въ Митавѣ, программа котораго почти равняется курсу женскихъ гимназій Имперіи и не даетъ никакихъ правъ, кромѣ права сдавать экзаменъ на званіе домашней учительницы наравнѣ съ лицами, получившими домашнее образованіе. Ульдрихъ поселилась въ квартирѣ Штеллингъ. Полтора мѣсяца онѣ прожили вмѣстѣ, при чемъ Штеллингъ была очень довольна своей новой компаньонкой, хотя по временамъ она была очень раздражительна и рѣзка. Повидимому, не жаловалась на свою судьбу и Ульдрихъ, но не разъ говорила своей хозяйкѣ, что если бы у нея были свободныя деньги, она поступила бы на медицинскіе курсы. За время служенія у Штеллингъ къ Елизаветѣ Ульдрихъ приходила ея

подруга Паулина Грюнбергъ, при чемъ хозяйка не стѣсняла ихъ свиданій, не присутствовала при ихъ разговорахъ. Между прочимъ Грюнбергъ пришла къ нимъ 27-го мая. Часовъ около 5-ти обѣ подруги ушли съ разрѣшенія хозяйки изъ дома, а въ восьмомъ часу вечера, по удостовѣренію служившей у нихъ кухарки Анастасіи Шаховцевой, вернулась черезъ кухню Ульдрихъ одна. По возвращеніи, Ульдрихъ сидѣла до ужина въ своей комнатѣ, а рядомъ съ нею въ сосѣдней—хозяйка, которая замѣтила нѣсколько странное, неестественно-веселое настроеніе своей компаньонки:— то она принималась громко пѣть, то играть на піанино, то начинала какой-то странный разговоръ, спрашивала ее, не хочется ли ей умереть.

Настроеніе это не оставляло Елизавету Ульдрихъ и тогда, когда она вмѣстѣ съ Штеллингъ вышла въ садъ, гдѣ онѣ вдвоемъ ужинали. Послѣ ужина, часовъ въ 11-ть вечера, Штеллингъ прямо изъ сада пришла въ спальню, заперевъ предварительно выходную дверь. Ульдрихъ въ это время сидѣла въ своей комнатѣ и что-то писала, хозяйка же легла спать; сквозь сонъ слышала она какъ скрипнула какая-то дверь, потомъ, когда уже совсѣмъ заснула, она, почувствовала, что животъ и лицо ея чѣмъ то накрыли и ее душатъ. Собравшись съ силами, Штеллингъ столкнула съ себя душившихъ ее и вскочила съ постели. Въ темнотѣ она не могла разглядѣть нападавшихъ на нее, но успѣла схватить кого-то, кто хотѣлъ было убѣжать къ парадной двери; между ними завязалась борьба, онѣ упали, когда же прибѣжавшая на крикъ хозяйки кухарка Шаховцева освѣтила комнату, оказалось, что на полу лежатъ Штеллингъ и полураздѣтая Ульдрихъ, а изъ другой комнаты появилась подруга послѣдней—Грюнбергъ.

Обѣ онѣ были задержаны при помощи дворника Волченкова и тутъ же сознались, что хотѣли задушить Каролину Штеллингъ, съ цѣлью воспользоваться ея деньгами, и потомъ для сокрытія слѣдовъ преступленія поджечь домъ, для чего запаслись бутылкою керосина, которая, дѣйствительно, найдена подъ постелью въ комнатѣ Ульдрихъ. Все это установлено на предварительномъ слѣдствіи показаніями названныхъ свидѣтелей, при чемъ Штеллингъ добавила, что приблизительно за недѣлю до описаннаго событія она получила около 300 рублей; Ульдрихъ деньги эти видѣла и знала, что хранятся онѣ въ спальнѣ въ комодѣ, ключи отъ котораго всегда лежатъ тутъ же на видномъ мѣстѣ.

Независимо отъ сего, какъ потерпѣвшая Штеллингъ, такъ и покушавшіяся на ея жизнь Ульдрихъ и Грюнбергъ были подвергнуты медицинскому освидѣтельствованію черезъ врача Прѣсненской части Абрамова,

при чемъ у каждой изъ нихъ найдены слѣдующія повреждения: у Штелингъ—въ области лѣвой плечевой кости съ наружной стороны синебагровое пятно, такія же пятна меньшей величины въ области локтевой кости, отекъ и припухлость правой руки, а въ области основанія 4-го и 5-го пальцевъ еще ссадина кожи, въ области праваго локтя 4—5 царапинъ, въ области правой скуловой кости царапина; и у Ульдрихъ въ области лѣвой плечевой кости нѣсколько царапинъ, въ области лѣвой лопатки—синебагровое пятно, припухлость правой щеки и покрововъ въ области лѣвой темянной кости, царапины въ нѣсколькихъ мѣстахъ на лѣвой щекѣ и подъ правымъ глазомъ.

По обыску въ вещахъ у Ульдрихъ не обнаружено ничего, имѣющаго значеніе для дѣла, тогда какъ въ вещахъ Грюнбергъ, оставленныхъ на дачѣ у ея знакомой московской цеховой Дарьи Аникѣевой, послѣдняя нашла по отъѣздѣ Грюнбергъ на ея постели подъ подушкой револьверъ, заряженный 5-ю пулями, стальную перчатку—кистень, а въ осмотрѣнныхъ приставомъ 3-го стана московскаго уѣзда корзинѣ и чемоданѣ Грюнбергъ найдены три рукописныхъ тетради, признанныя Паулиною Грюнбергъ за ея дневникъ, и три характерныхъ письма, которыя, по словамъ Ульдрихъ, послѣдняя писала своей подругѣ Грюнбергъ.

Изъ этого дневника видно, что Грюнбергъ не считала себя счастливою; сначала она будто искала любви, думала о замужествѣ, не была при этомъ особенно разборчива; такъ 8-го іюля 1895 года она пишетъ объ одномъ изъ своихъ знакомыхъ: «онъ не изъ хорошихъ, самъ сказалъ, что онъ испорченъ, все-таки если бы я могла настолько его обморочить, чтобы онъ женился на мнѣ, не дурно было бы, я уже съ нимъ сдѣлалась бы».

3-го октября 1895 года она пишетъ уже о другомъ: «А. И. сказала, что стоитъ влюбиться въ него, страшно богатъ. Если онъ придетъ, постараюсь его плѣнить, можетъ быть удастся. Противенъ ли онъ мнѣ, объ этомъ не буду думать, если только богатъ».

1-го января 1896 года упоминается уже третій: «онъ полюбитъ меня и женится, я ничего не имѣю противъ, но онъ не глупъ, простою хитростью его не обманешь, надо ловко приступить къ дѣлу».

Въ томъ же дневникѣ есть указанія на то, что она тяготилась своею бѣдностью, особенно сравнивая ее съ достаткомъ другихъ, и жаждала выйти изъ этого положенія. 30-го іюля 1895 года между прочимъ записано: «больше я не могу переносить эту жизнь, состоящую изъ однихъ лишеній, хочу имѣть свою долю, какъ другіе». Затѣмъ 4-го октября 1895 года: «вѣдь они сами сидятъ въ изобиліи, знаютъ ли они, что

это значитъ—всегда терпѣть лишенія, видѣть какъ глупцы утопаютъ въ роскоши; горькая, страшная участь». 5 октября 1895 года: «не могу перенести эту жизнь, я должна получить вознагражденіе». 3-го марта 1896 года: «теперь я буду искать московскаго купца, — все возможное я сдѣлаю, чтобы завоевать себѣ положеніе, — скоро, прежде чѣмъ моя молодость прошла, тогда уже поздно, а я хочу жить, блистать, быть богатой, такъ какъ я не добилась любви, я должна добиться высокаго положенія и я добьюсь.» 28 апрѣля 1896 года: «Не могу жить безъ свободы. Продамъ себя за деньги первому встрѣчному, да». «Какъ я устала, какъ мнѣ все надоѣло въ напрасной борьбѣ съ обстоятельствами». 1-го мая 1896 г.: «не хочу отчаяваться, хочу сдѣлаться свободной, все равно какимъ путемъ».—«Я хочу вонъ, вонъ изъ этихъ цѣпей! свобода, свобода!» 5-го мая 1896 года—«я хочу сдѣлаться свободной, свободной».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дневника Грюнбергъ бѣгло высказываетъ свое мнѣніе о подругѣ и очерчиваетъ ее хитрой, лживой, даже нѣсколько алчной: «А Елизавета... почему я прежде не думала, что она только ради денегъ согласилась жить со мною, а теперь, когда у меня ничего нѣтъ, конечно, теперь я ей мѣшаю, теперь нѣтъ мѣста для меня, а почему?—я не имѣла денегъ». «Елизавета, о какъ я ненавижу ее изъ-за ея лжи. Эльзу иногда я ненавижу, мнѣ хотѣлось бы въ такія минуты убить ее. Почему лгала она такъ страшно, почему она такъ рѣдко говорила правду». «Какъ можно было бы съ хитростью получить роль Елизаветы! Во всякомъ случаѣ надо попробовать, хочу быть первой, что будетъ возможно— сдѣлаю, она должна уступить мнѣ».

Изъ трехъ писемъ въ первомъ отъ 3-го мая 1896 года Ульдрихъ пишетъ своей подругѣ:

«Милая Паула, мнѣ нужно спѣшно переговорить съ тобою о дѣлахъ, которыхъ не довѣряю бумагѣ. Пиши мнѣ, пожалуйста, когда и гдѣ ты можешь ждать меня, ко мнѣ на квартиру ты не приходи и я къ тебѣ не пойду; не говори никому про меня и про то, что я тебѣ писала; разорви, пожалуйста, сейчасъ письмо. Будетъ праздникъ и на нашей улицѣ— долженъ быть. Мѣсто, число, часъ подробно. Будь здорова, Эльза».

Текстъ второго письма отъ 22-го мая 1896 года слѣдующій:

«Единственная Паула, позволь намъ разсмотрѣть дѣло, какъ двумъ умнымъ людямъ, а не дѣлай мнѣ несправедливыхъ упрековъ. Если бы мы могли сдѣлать такъ: ты была бы извозчикомъ, а мы поѣхали бы на желѣзную дорогу, на какой-нибудь улицѣ, гдѣ немного людей, я наложила бы что-нибудь ей на ротъ и мы выѣхали бы совсѣмъ изъ города, но это будетъ невозможно. Такимъ образомъ остается только одно, умерт-

вить ее на дорогѣ. Мы поѣдемъ въ Одессу, можетъ быть 9-го іюня. Тогда у меня будетъ 10 рублей. Она возьметъ съ собой по крайней мѣрѣ 500 рублей. Во всякомъ случаѣ мы должны попробовать. Такая добыча не такъ скоро представится, разорви письмо. Лучше раньше быть осторожной, чѣмъ послѣ раскаиваться. Когда кончится твой мѣсяцъ? Если бы можно было достать сонныя капли или хлороформъ или ядъ! Во всякомъ случаѣ я разсчитываю на твою помощь, ты меня не покинешь.

«Пиши сейчасъ, какъ ты думаешь о самомъ процессѣ превращенія въ ангела. Остаюсь твоя Эльза. Тогда мы будемъ свободны, свободны».

Наконецъ третье—безъ обозначенія числа:

«По моему можно поступить такъ: сперва надо пересадить въ лучшую землю, потомъ я сейчасъ поѣду назадъ, возьму свои вещи, всѣ знаютъ, что я ушла отъ нея. Ты поѣзжай прямо въ Одессу и прибудь туда одна, тогда я поѣду къ тебѣ въ видѣ компаньонки; только мнѣ нужна другая фамилія. Тогда она для насъ можетъ пропасть, если мы не желаемъ потомъ дома сдѣлать своею собственностью. По моему планъ долженъ удасться, если начнемъ и кончимъ умно. Но какъ намъ эту большую бабу † . . . . . . Это мнѣ еще не ясно.

«Поѣзжай лучше сейчасъ въ Москву, нанимай меблированную комнату, совершимъ здѣсь, ждать невыносимо. Сонныя капли во всякомъ случаѣ. Я дала бы ихъ ей, горничной и дворнику. Тогда мы ее и положили бы въ чемоданъ и поѣхали бы на какую-нибудь станцію, заблаговременно туда, утромъ въ какую-нибудь комнату. Это не поразитъ никого и она пропала бы съ вещами и деньгами. Кого тутъ можно винить? какъ ты думаешь? Пиши сію минуту».

По всѣмъ этимъ даннымъ Ульдрихъ и Грюнбергъ привлечены къ слѣдствію по обвиненію въ покушеніи на предумышленное убійство Штеллингъ и въ приготовленіи къ поджогу ея дома съ цѣлью скрыть слѣды преступленія.

На допросѣ у судебнаго слѣдователя обѣ онѣ сознались въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ и разсказали:

Э. Ульдрихъ — по окончаніи курса въ вышеозначенномъ училищѣ въ Митавѣ, въ половинѣ апрѣля 1895 года прибыла въ Москву вмѣстѣ съ своею подругою Грюнбергъ съ цѣлью заработать здѣсь денегъ, на которыя можно было бы получить дальнѣйшее образованіе. Сперва подруги жили вмѣстѣ, потомъ Грюнбергъ уѣхала изъ Москвы на мѣсто въ бонны, а Ульдрихъ поступила сначала въ гувернантки, потомъ стала давать частные уроки, но заработокъ ея былъ такъ ничтоженъ, что она рѣшилась принять предложеніе Штеллингъ и 9-го апрѣля 1896 года переселилась къ

ней; къ этому же времени вернулась въ Москву Грюнбергъ, матеріальное положеніе которой стало очень трудное; видѣться подруги стали чаще и здѣсь рѣшили во что бы то ни стало достать денегъ, хотя бы путемъ преступленія, чтобы имѣть возможность получить высшее образованіе и тѣмъ принести посильную помощь человѣчеству.

Первое время у нихъ не было опредѣленнаго плана, но зная Штеллингъ за женщину со средствами, къ тому же одинокую, Ульдрихъ остановила свой выборъ на ней; просто украсть у нея деньги имъ было стыдно и потому еще недѣли за три до совершенія преступленія онѣ рѣшили сначала убить ее и только послѣ этого воспользоваться ея деньгами. 27-го мая Грюнбергъ зашла къ ней, онѣ вмѣстѣ пошли за покупками и тутъ окончательно рѣшили задушить ее въ ту же ночь, а затѣмъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, поджечь домъ, для чего купили два фунта керосину.

Возвратившись домой, Ульдрихъ вошла въ квартиру одна, но узнавъ, что Штеллингъ въ саду, впустила ожидавшую ее на лѣстницѣ Грюнбергъ, осторожно провела въ свою комнату, гдѣ та и оставалась до ночи никѣмъ незамѣченная, а когда Штеллингъ около 10 часовъ вечера легла и заснула, онѣ, притаившись сначала въ комнатѣ Ульдрихъ, около 1 часу ночи разулись, взяли каждая по подушкѣ, тихо подкрались къ намѣченной жертвѣ и, убѣдившись, что она спитъ, обѣ вмѣстѣ сразу бросились на нее и стали душить, но довести своего намѣренія до конца имъ не пришлось, такъ какъ Штеллингъ успѣла освободиться и созвать людей на помощь.

Грюнбергъ, подтверждая объясненіе своей подруги о совмѣстномъ прибытіи ихъ въ Москву и тяжеломъ матеріальномъ положеніи, тоже разсказала, что, не имѣя возможности въ виду незначительнаго заработка скопить денегъ, онѣ рѣшились даже на преступленіе, лишь бы осуществить свое намѣреніе продолжать образованіе.

Сначала онѣ не знали, гдѣ достать денегъ, но когда 9-го апрѣля 1896 года Ульдрихъ поступила къ Штеллингъ, женщинѣ одинокой и повидимому со средствами, выборъ ихъ палъ на нее еще недѣли за три до совершенія преступленія.

Мысль задушить Штеллингъ и овладѣть ея деньгами явилась у нихъ вмѣстѣ лишь днемъ 27-го мая. Въ этотъ день обвиняемая пришла къ своей подругѣ, часа въ три дня онѣ пошли вмѣстѣ гулять и во время прогулки выработали планъ задушить Штеллингъ подушками, а потомъ, для сокрытія слѣдовъ преступленія, домъ поджечь, для чего купили 2 фунта керосина.

Вернувшись около 8-ми часовъ вечера домой, Ульдрихъ прошла впередъ и пронесла въ свою комнату бутылку съ керосиномъ, Грюнбергъ оставалась на лѣстницѣ у входа. Немного спустя, Ульдрихъ впустила ее, она тихо прошла въ комнату подруги, гдѣ сидѣла все время за піанино у кровати. Штеллингъ объ этомъ ничего не знала, хотя приходила въ сосѣднюю комнату; позже хозяйка съ компаньонкой вышли въ садъ, вскорѣ по возвращеніи оттуда Штеллингъ пошла въ спальню. Около часу ночи обѣ обвиняемыя, снявъ обувь, тихо пошли въ спальню и убѣдившись, что хозяйка спитъ, вернулись въ комнату Ульдрихъ, взяли каждая по подушкѣ, зажгли свѣчу въ гостиной и снова направились въ спальню, гдѣ Грюнбергъ свою подушку бросила, а другую онѣ вмѣстѣ положили на голову Штеллингъ и стали ее душить, но та проснулась, оттолкнула ихъ, онѣ убѣжали, сначала въ комнату Ульдрихъ, а когда затѣмъ онѣ вышли въ гостиную потушить свѣчку, ихъ задержала прибѣжавшая на крикъ потерпѣвшей прислуга.

Въ заключеніи Грюнбергъ прибавила, что описанное преступленіе онѣ надумали вмѣстѣ, Ульдрихъ нисколько ее не подстрекала.

По освидѣтельствованіи обѣихъ обвиняемыхъ въ состояніи умственныхъ способностей, обѣ онѣ признаны во время совершенія описанныхъ дѣяній здоровыми. На основаніи изложеннаго Ульдрихъ и Грюнбергъ обвиняются въ томъ: 1) что въ ночь на 28-е мая 1896 года, въ Москвѣ, въ районѣ 1-го участка Прѣсненской части, по взаимному между собою уговору, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ лишить жизни, съ цѣлью ограбленія, вдову Штеллингъ, проникли въ ея спальню, когда она спала, набросили ей на голову подушку и стали душить ее, но умысла своего въ исполненіе привести не могли въ виду сопротивленія потерпѣвшей и во время прибывшей на крикъ ея помощи, и 2) что, умысливъ, съ цѣлью скрыть слѣды задуманнаго преступленія, поджечь домъ Штеллингъ, въ вышеозначенное время, купили для этой цѣли 2 фунта керосину и принесли его въ ея квартиру, но умысла своего въ исполненіе привести не успѣли по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Преступленія эти предусмотрѣны 9 и 4 п. 1453 и 1611 ст. улож. о наказ.

На вопросы предсѣдателя о виновности обѣ подсудимыя отвѣтили утвердительно и затѣмъ разсказали, каждая отдѣльно, Ульдрихъ въ отсутствіе Грюнбергъ, обстоятельства дѣла. Ихъ объясненія въ общемъ согласны съ обвинительнымъ актомъ, но Ульдрихъ еще показала, что она помнитъ, какъ онѣ прошли въ гостиную, когда потерпѣвшая заснула, зажгли тамъ свѣчу, захватили подушки и пошли, но что было потомъ—«не помнитъ, точно туманъ окуталъ ее». Ей кажется, что она первая накрыла потерпѣвшую

подушкой, почти набросилась на потерпѣвшую, но уже и въ это время чувствовала, что онѣ не могутъ убить ее и ихъ на это не хватитъ. Свою фразу въ третьемъ письмѣ къ Грюнбергъ: «если мы не желаемъ потомъ дома сдѣлать своею собственностью» она теперь и сама не понимаетъ: у нея тогда что-то было въ мозгу, точно она спала, а теперь проснулась. Романы Достоевскаго и другіе уголовные романы она читала, но не въ періодъ, когда задумано было преступленіе, а раньше. Грюнбергъ объяснила, что онѣ рѣшились на убійство вслѣдствіе нужды; просто украсть деньги имъ не пришло въ голову, хотя имъ было извѣстно, гдѣ лежали деньги и ключъ.

Изъ оглашеннаго показанія потерпѣвшей *Штеллингъ* видно, что душили ее не сильно, такъ что она легко могла оттолкнуть душившихъ и вскочить съ постели. Когда Ульдрихъ и Грюнбергъ пытались отъ нея вырваться и уйти чрезъ парадный ходъ, она нѣсколько разъ ударила ихъ зонтомъ. Въ спальнѣ валялись подушка и одѣяло Ульдрихъ и шитая подушка съ дивана въ гостинной. О своемъ намѣреніи совершить поджогъ подсудимыя сказали сами, указавъ и спрятанную бутылку съ керосиномъ, а ранѣе это никому не приходило въ голову.

Свидѣтельница Настасья *Шаховцева*, кухарка Штеллингъ, показала, что 27-го мая Ульдрихъ вернулась домой часу въ 7-омъ вечера одна чрезъ кухню, была очень весела и нѣсколько разъ принималась пѣть. Ульдрихъ была барышня умная и хорошая какъ для барыни, такъ и для нея, свидѣтельницы. Послѣ покушенія на убійство Ульдрихъ на вопросъ свидѣтельницы, какъ она рѣшилась на такое дѣло, отвѣтила, что она хотѣла потомъ «за свой грѣхъ» жертвовать на развитіе людей, что въ Москвѣ народъ очень неразвитой; скопить же на это денегъ для нея было невозможно при жалованьи въ 20 руб. въ мѣсяцъ и при требованіи Штеллингъ, чтобы она одѣвалась прилично. Когда свидѣтельница на крикъ Штеллингъ вбѣжала въ комнаты, то увидѣла барышню и барыню лежащими на полу. Барышня была подъ барыней. Бѣжать барышни не пытались.

Волченковъ, дворникъ дома Штеллингъ, показалъ, что подсудимыя тотчасъ же сознались какъ ему, такъ и въ полицейскомъ участкѣ. На вопросъ пристава, здоровы ли онѣ, подсудимыя отвѣтили, что здоровы.

Свидѣтельница *Дмитріевская*, у которой Грюнбергъ лѣтомъ 1895 г. жила на дачѣ въ с. Богородскомъ въ качествѣ бонны при дѣтяхъ, никакихъ особыхъ странностей въ характерѣ Грюнбергъ не замѣчала. По мнѣнію свидѣтельницы, она была только нѣсколько легкомысленна и еще совсѣмъ дитя. Читала ли что-нибудь Грюнбергъ и занималась ли чѣмъ-

нибудь постороннимъ, свидѣтельница не знаетъ, но думаетъ, что у нея не было времени для этого, такъ какъ дѣтей было 6 человѣкъ и съ ними она занималась еще по-нѣмецки. Свидѣтельница не считала Грюнбергъ способною на преступленіе.

По словамъ мужа свидѣтельницы, г. *Дмитревскаго* Грюнбергъ жила у нихъ съ 10-го іюня до сентября, получая 15 руб. въ мѣсяцъ. Свидѣтелю, вообще мало наблюдавшему Грюнберъ, она казалась обыкновенной дѣвушкой, лишь нѣсколько вспыльчивой.

Свидѣтельница *Ратенекъ*, содержательница меблированныхъ комнатъ и столовой, гдѣ жили и столовались студенты, курсистки и другая учащаяся молодежь, преимущественно латыши и латышки, показала, что съ подсудимыми она познакомилась еще въ 1895 году, когда онѣ пріѣхали изъ Митавы въ Москву. Цѣль ихъ была продолжать въ Москвѣ свое образованіе, но никакихъ средствъ онѣ не имѣли и думали добыть эти средства своимъ заработкомъ. Желаніе учиться у нихъ было большое, но служба въ качествѣ боннъ и гувернантокъ не оставляла имъ ни минуты свободнаго времени. Матеріальное положеніе ихъ было крайне тяжелое: онѣ обѣдали далеко не каждый день и при этомъ часто довольствовались только полпорціей. Обѣ онѣ были дѣвушки крайне нервныя, способныя покончить съ собой въ минуту отчаянія. При спорахъ, нерѣдко происходившихъ въ столовой между молодежью, онѣ волновались и спорили до истерики, до обморока; разъ во время спора Ульдрихъ настолько вышла изъ себя, что дала одному молодому человѣку пощечину. Ко времени поступленія къ Штеллингъ Ульдрихъ была уже совершенно больна, съ разстроенными нервами, сильно измѣнилась и избѣгала общества. Обѣ дѣвушки были совсѣмъ неопытны и очень наивны. «Преступленіе и Наказаніе» Ульдрихъ «читала и оправдала».

Свидѣтель *Филатовъ*, филологъ, преподаватель и воспитатель въ практической академіи, знаетъ обѣихъ подсудимыхъ, но хорошо только Ульдрихъ, съ которой познакомился осенью 1895 г. въ столовой Ратенекъ, а затѣмъ встрѣчалъ ее на вечеринкахъ у Ратенекъ, устраиваемыхъ студентами-латышами. На этихъ вечеринкахъ Ульдрихъ принимала участіе въ танцахъ, пѣніи и пр. одинаково съ другими. Свидѣтелю Ульдрихъ высказывала свое желаніе учиться, но ея земляки, латыши-студенты, относились недовѣрчиво къ этому желанію, сочувствія съ ихъ стороны она не встрѣчала, да и вообще студенты-латыши не особенно сочувственно относились къ дѣвушкамъ, ищущимъ образованія. Свидѣтель сталъ заниматься съ Ульдрихъ, но вскорѣ же, съ первыхъ уроковъ, выяснилось, что подготовка у нея слабая и что, стремясь къ образованію,

она не составила себѣ никакого опредѣленнаго плана, никакой опредѣленной цѣли: то она намѣревалась поступить на Бестужевскіе курсы и сдѣлаться литераторомъ, увѣряя, что у ней есть талантъ и она можетъ даже писать стихи, то хотѣла ѣхать за границу и изучать медицину и т. д. Вообще, по мнѣнію свидѣтеля, Ульдрихъ была натура неуравновѣшенная, съ неустановившимся міровоззрѣніемъ. Грюнбергъ казалась свидѣтелю натурой болѣе спокойной; теперь и Ульдрихъ кажется спокойнѣе. Быстрыхъ перемѣнъ настроенія, отсутствія моральнаго чувства и рисовки свидѣтель у Ульдрихъ не замѣчалъ, и въ ея желаніи учиться рисовки не было, но неожиданные и быстрые скачки отъ одной идеи къ другой у ней были постоянно.

Свидѣтельница *Иванова*, сестра свид. Дмитревской, жена архитектора, у которой Грюнбергъ жила три мѣсяца, обучая нѣмецкому языку ея семилѣтнюю дочь, показала, что, какъ человѣкъ, Грюнбергъ очень нравилась ей, она сильно привязалась и даже полюбила ее за ея доброту и отзывчивость: несмотря на свою бѣдность, Грюнбергъ готова была подѣлиться съ неимущимъ послѣднимъ двугривеннымъ. Она постоянно высказывала стремленіе къ образованію; читала много, съ 9 лѣтъ, но безъ разбора. У ней было сильное желаніе учиться музыкѣ, и она даже брала уроки музыки у учителя, дававшаго уроки дочери свидѣтельницы. Свидѣтельница подтверждаетъ, что Грюнбергъ была дѣвушка очень нервная, съ большими странностями.

Были прочитаны показанія неявившихся свидѣтелей: полковника генеральнаго штаба Малинько и студента-медика Вигнера. Первый, у котораго Ульдрихъ годъ служила въ гувернанткахъ, отзывается о ней какъ о дѣвушкѣ «очень сердечной, хорошей, но экзальтированной, которую идея получить высшее образованіе доводила до сумасшествія» и, по мнѣнію свидѣтеля, могла даже побудить на такой шагъ, какъ преступленіе. Вигнеръ показалъ, что при первомъ знакомствѣ съ подсудимыми,—въ 1895 г., вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ въ Москву,—онъ не замѣчалъ въ характерѣ ихъ никакихъ ненормальностей: онѣ представлялись дѣвушками нервными, впечатлительными и увлекающимися, особенно идеей получить высшее образованіе. Осенью въ томъ же году онъ нашелъ уже въ нихъ сильную перемѣну, въ особенности въ Ульдрихъ, у которой можно было констатировать начальное проявленіе истерики. Грюнбергъ также стала болѣе нервной, но была спокойнѣе и лучше владѣла собой при постороннихъ. Никогда, даже въ шутку, свидѣтель не слышалъ отъ Ульдрихъ, что для достиженія своей главной цѣли, высшаго образованія, онѣ могутъ рѣшиться на всякій поступокъ, даже на убійство, отъ Грюнбергъ же сви-

дѣтель слышалъ иногда въ шутку, что она можетъ рѣшиться на самоубійство, если ей не удастся выполнить своихъ желаній.

Свидѣтельница *Якоби*, у которой Грюнбергъ два мѣсяца служила бонной, никакихъ особенностей и странностей за ней не замѣчала: иногда только она волновалась, когда говорила о богатыхъ, которые, по ея мнѣнію, иногда живутъ насчетъ бѣдныхъ.

Свидѣтель *Палевичъ*, студентъ московскаго университета, удостовѣрилъ, что подсудимыя пріѣхали въ Москву вслѣдствіе сильнаго желанія получить высшее образованіе; средства для этой цѣли онѣ думали добыть уроками, а сами въ это время подготовляться и, скопивъ денегъ, уѣхать за границу въ какой-нибудь университетъ. Свидѣтель считаетъ подсудимыхъ дѣвушками способными, но не думаетъ, чтобы ихъ можно было назвать развитыми: читали онѣ, повидимому, много, но критическаго отношенія къ прочитанному у нихъ не было и онѣ легко поддавались чужому мнѣнію. Поразительный примѣръ этой податливости чужому мнѣнію свидѣтель видитъ въ слѣдующемъ случаѣ: одинъ, жившій у Ратенекъ, телеграфный чиновникъ назвалъ Ульрихъ въ ея присутствіи сумасшедшей, и она не обидѣлась на это, но когда послѣ одинъ знакомый сказалъ ей, что на ея мѣстѣ онъ далъ бы обидчику пощечину, она на слѣдующій же день, какъ только пришла въ столовую Ратенекъ, вошла въ комнату чиновника и ударила его по лицу. Обѣ дѣвушки были нервныя и съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ неудачъ и тяжелой житейской обстановки, нервность ихъ усиливалась, и иногда онѣ дѣйствительно становились совсѣмъ непонятными и ненормальными. Незадолго до преступленія подсудимыя достали у кого-то сочиненія Достоевскаго и читали какъ-разъ «Преступленіе и наказаніе». По мнѣнію свидѣтеля, романъ этотъ при податливости подсудимыхъ чужому мнѣнію могъ оказать вліяніе на ихъ рѣшимость на преступленіе.

Изъ прочтенныхъ показаній отца и двухъ сестеръ Грюнбергъ оказалось, что она дочь простого типографскаго рабочаго, получавшаго 4 руб. въ недѣлю. Паулина Грюнбергъ была младшей въ семьѣ и явилась на свѣтъ хилымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ. Въ раннемъ дѣтствѣ она перенесла тяжелое воспаленіе легкихъ, а затѣмъ была слишкомъ малокровна и нервна, такъ что нерѣдко по самой ничтожной причинѣ впадала въ истерику. Съ годами истеричность прошла. Помимо воспаленія, она страдала неправильностью регулъ и груднымъ кашлемъ, будучи, вѣроятно, наклонна къ чахоткѣ. Хотя семейная обстановка у Паулины была хорошая и родители ее даже баловали, однако, она вѣчно была чѣмъ-то недовольна и допускала нѣкоторыя странности. Ни родители, ни родствен-

ники Паулины помѣшательствомъ или какими-либо нервными болѣзнями не страдали, равно и сифилисомъ, глухотою, тѣлесными уродствами или алкоголизмомъ, преступленій не совершали и случаевъ самоубійства между ними не было.

Свидѣтель *д-ръ Нолле* показалъ, что онъ зналъ Ульдрихъ еще студенткой и затѣмъ, когда сталъ врачомъ, лѣчилъ ее отъ болѣзни груди. Свидѣтель считаетъ Ульдрихъ психопаткой.

Судъ приступилъ къ оглашенію имѣющихся въ дѣлѣ документовъ и прежде всего дневника Паулины Грюнбергъ, обнимающаго собою время съ 4-го іюля 1895 г. по 1-ое мая 1896 г. Существеннѣйшими для дѣла мѣстами въ этомъ дневникѣ оказываются слѣдующія:

Москва. Іюля 4 дня 1895 г. . . . . У г-жи Ратенекъ была; что она мнѣ разсказала обо всѣхъ студентахъ, страшно слушать, сожалѣніе и боль такъ мною овладѣли, не знаю куда дѣваться. Больше всего Янсонъ, онъ, кажется, очень разсердилъ ее, всегда его изображаетъ какъ страшнаго негодяя. Я все понимаю, онъ только человѣкъ, никто безъ ошибокъ, сердце очень болитъ, почему онъ таковъ? Я его уважала, теперь только люблю. Г-жа Ратенекъ думаетъ, что онъ больше сюда не пріѣдетъ, но онъ сказалъ, что пріѣдетъ; ей она только потому говоритъ дурное про него, что онъ ей долженъ, изъ мести, такъ страшно ужъ не будетъ. . .

Москва 8 іюля. Если бы я знала адресъ Янсона, написала бы ему сейчасъ, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ не изъ хорошихъ, самъ сказалъ, что онъ испорченъ, все-таки если бы я могла настолько обморочить (увлечь) его, что женился на мнѣ, недурно было, я ужъ съ нимъ сладила бы. Кромѣ того, не тяжело было бы жить съ нимъ, я его люблю, пустяки, чушь! Не надо такого даровитаго, умнаго человѣка принимать за дурака. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ бы сумасшедшимъ, если бы женился на мнѣ. Но имѣю вліяніе на него, чувствую, что могла бы съ нимъ сдѣлать все, если бы только дѣло уже развилось до того. . . .

Москва 11 іюля. . . . Янсонъ милый, дорогой! Если онъ болѣе не вернется въ Москву? Онъ долженъ любить меня, да, да, прижму его къ своей груди, никогда не уступлю другой, буду цѣловать его, пока онъ не умретъ въ моихъ рукахъ. Онъ долженъ быть моимъ, потому что я его люблю. Пусть они всѣ скажутъ, что хотятъ, г-жа Ратенекъ, Штольце, Эльза, всѣ врутъ, онъ не таковъ. У нихъ всѣхъ вмѣстѣ нѣтъ и десятой доли его деликатности, сердечности, каждаго онъ понимаетъ, а кто же безъ ошибокъ? своихъ никогда не видятъ. Ему дано прозвище «князь»— это онъ и есть. Великъ въ своихъ мысляхъ, великъ въ своемъ духѣ,

можетъ быть и великъ въ своихъ недостаткахъ, не знаю, въ одномъ не сомнѣваюсь, если надо было подать ему руку на вѣкъ, безъ разсужденія, мое сердце мнѣ говоритъ, что онъ благороденъ, пусть всѣ черти зашевелятся.

Москва 16 іюля. . . Янсонъ со мною . . . всегда какъ братъ, какъ другъ, никогда онъ не задѣвалъ моей деликатности, нѣтъ, чувствую себя всегда, какъ будто подъ покровительствомъ отца, когда онъ былъ со мною. Онъ такъ молодъ, что я на него смотрю, какъ на старшаго брата, какъ на защитника. Мнѣ, конечно, не надо защиты, но невыразимо прекрасно, когда чувствуешь участіе другого. Поэтому я его люблю, уважаю болѣе всего, онъ для меня самый дорогой на свѣтѣ, онъ любитъ меня какъ братъ сестру, безъ эгоизма, это я чувствую, никогда онъ не пробовалъ смущать меня, расположить къ себѣ, онъ любитъ меня такой, какова я.

Богородскъ 30 іюля. . . . Я могла бы сказать всему міру, что люблю Янсона, только то не могла бы сказать, какъ сильно, этого не сказала бы, потому что этого никто не понималъ бы, и онъ не понималъ бы. Лучше было бы, если бы я никогда его больше не увидала, но не могу, если онъ будетъ въ Москвѣ, какъ же я могу удержаться, чтобы не искать его. Онъ моя судьба, онъ не былъ бы, если бы я хотѣла, но этой воли у меня нѣтъ и не хочу имѣть ее. Пусть все обрушится надо мною, мнѣ это все-равно, не хочу думать о послѣдствіяхъ, мнѣ надоѣло постоянно наблюдать за собою, я дамъ всему идти своимъ чередомъ, пусть будетъ что будетъ, я ничего не сдѣлаю, чтобы отвратить, будетъ ли онъ несчастливъ? Никто, никто не долженъ меня образумить, хочу разъ выбѣситься! Это должно — вонъ, а то я съ ума сойду, больше я не могу переносить эту жизнь, состоящую изъ однихъ лишеній, хочу имѣть свою долю, какъ другіе. Эта любовь должна мнѣ замѣнить все, можетъ быть, эта жизнь покажется мнѣ тогда въ другомъ свѣтѣ, онъ долженъ меня любить, онъ долженъ.

Москва 3 октября. Мнѣ кажется, что Владиміръ Михайловичъ не смотритъ на меня равнодушными глазами, онъ часто приходитъ къ намъ и долго остается, просто смѣхъ, ему 18 лѣтъ, очень пріятный человѣкъ, онъ мнѣ нравится. Весь вечеръ сегодня онъ просидѣлъ у насъ, потомъ одинъ архитекторъ, настоящій франтъ, приходитъ къ намъ, глаза дѣлаетъ чортъ знаетъ какіе, армянинъ, невысокаго роста, черный, ненавижу его, кромѣ того, еще одинъ молодой, очень богатый, котораго я скоро увижу. А. И. сказала, что стоитъ влюбиться въ него, страшно богатъ, если онъ богатъ, постараюсь его плѣнить, можетъ быть удастся. Про-

тивенъ ли онъ мнѣ, объ этомъ не буду думать, если только богатъ. Ай! Почему Янсонъ не пишетъ? Мучаюсь въ ожиданіи письма.

Москва 4 октября. В. М. былъ у насъ, хотѣлъ занять у А. И. 50 к., но она ему сказала, пускай займетъ у меня; она не дала, я ему дала. Н. Д. и А. И. послѣ этого меня немного побранила, сказала, что я не сдѣлала ничего добраго; я сама знаю, понимаю его, что онъ пойдетъ куда-нибудь и напьется до-пьяна, все равно чѣмъ. . . Развѣ это не естественно? Проклятая жизнь, какъ же не сдѣлаться похожимъ на животное; если бы я была мужчиной, я навѣрно упала бы въ ихъ глазахъ, ибо жизнь слишкомъ не выносима; надо сдѣлаться скотиной; эти герои добродѣтели, разумѣется, ничего другого не знаютъ, какъ только судить, и сейчасъ осудятъ. Я понимаю эти такъ назыв. подлости, такъ хорошо мнѣ на сердцѣ, какъ будто я все это испытываю на себѣ, это проклятое существованіе! Развѣ оно не принуждаетъ насъ сдѣлаться животными? Говорятъ, что женщина должна быть испорчена, чтобы понимать такія подлости; развѣ я дѣйствительно падшая? Нѣтъ, я чиста въ этомъ отношеніи, на мнѣ нѣтъ никакой грязи, но я понимаю ихъ, о! и жалѣю ихъ; бѣдные люди, что они могутъ сдѣлать? Разъ одинъ шагъ внизъ, остальные послѣдуютъ сами собой; какъ я могу осуждать, почему я знаю, что мнѣ еще предстоитъ? Какъ онъ молодъ, страшное бѣдствіе! Зачѣмъ мы родились, чтобы погибать? Онъ сказалъ, что онъ больше не придетъ, можетъ быть, никогда. Бѣдный мальчикъ, бѣдное пропащее дитя! Какъ они осуждаютъ его и его братьевъ и сестеръ; развѣ они не понимаютъ, что надо погибать безъ помощи, безъ поддержки; какое воспитаніе! Вообще какое дѣтство! Отецъ-актеръ съ небольшимъ жалованьемъ, мать съ рожденія перваго ребенка—сумасшедшая, на 15-лѣтнемъ возрастѣ совсѣмъ одиноки, безъ отца, развѣ они не должны были погибнуть всѣ трое? Скоро у нихъ готовъ приговоръ: «развратны!» Вѣдь, они сами сидятъ въ изобиліи; знаютъ ли они, что это значитъ всегда терпѣть лишенія, видѣть какъ глупцы утопаютъ въ роскоши? Какая страшная участь, надо погибать, нѣтъ никакого исхода!

Москва 5 октября. Они продаютъ фортепіано; если не купятъ другого, что мнѣ тогда съ ними дѣлать? Я удивляюсь, что я еще не сошла съ ума: это дитя—лѣнивое, скучное существо, каждое слово надо выжимать; конечно, оно не интересуется ничѣмъ. Какъ я радовалась, что брала уроки музыки, и теперь все кончено. Или я добьюсь возможности продолжать уроки, или все должно кончиться. Для чего жизнь? Не могу перенести эту жизнь, я должна получить вознагражденіе! Безстыдство продать піанино. Милый, маленькій револьверъ, не правда ли, ты мой

лучшій товарищъ, мой единственный другъ? Для чего жить? Проклятая трусость, которая заставляетъ меня все еще надѣяться, все еще вѣрить, отъ жизни ожидать что-нибудь разумное...

Москва 6 декабря. . . . Я готова, если онъ (Янсонъ) меня позоветъ спѣшить туда, погибать, ибо онъ достоинъ моей любви, я желала бы бороться, погибать для него, ибо онъ достоинъ большаго, нежели всего этого. Эльза тоже играетъ; почему я не выбрала роль Скайдриты, мнѣ ее давно предлагали; если будетъ возможно, перемѣню, знаю, что не буду играть хуже Эльзы. Какъ красива она! я стала просто завистлива, и онъ пишетъ, что у нея не пустая голова, что она не безъ энергіи, почему мнѣ это непріятно? Развѣ я могла бы тогда любить ее такъ горячо, развѣ у моей подруги могла быть пустая голова? а все-таки не хочу, что онъ такъ говоритъ о ней, не хочу, что онъ думаетъ о ней, не могу терпѣть!

Москва 8 декабря. . . . Однако какъ трудно запереть всѣ чувства, я думала найти его, когда потеряю Эльзу, но напрасно, почему его нѣтъ здѣсь? Устно гораздо легче высказаться, чѣмъ письменно, и мнѣ очень жаль, что я бросилась ему на шею, онъ не можетъ любить меня, уважать меня, ибо я навязывалась ему. Ай! почему я сказала ему, что люблю его такъ чрезъ мѣру? какъ можно было бы съ хитростью получить роль Елизаветы? во всякомъ случаѣ надо попробовать, хочу быть первой, и что будетъ возможно, сдѣлаю, она должна уступить мнѣ.

Москва 1 января 1896 г. Здѣсь теперь я одна, одна, всѣми забыта, никѣмъ не понята, имъ отвержена, имъ, котораго я любила больше кого-нибудь другого на свѣтѣ, ради котораго я отбросила въ сторону всю свою гордость, ему я предложила свою любовь, свою жизнь. А онъ? навѣрно посмѣивался надъ сентиментальной дѣвушкой и издѣвался надо мною въ присутствіи другихъ. Но пусть! мнѣ все равно, не стыжусь, горько было для меня переносить его равнодушіе, это отверженіе, я думала, что не перенесу, а теперь все прошло, я желала бы надѣлать ему что-нибудь, желала бы, чтобы онъ почувствовалъ все то, что я тогда чувствовала. И Палевичъ, говорятъ, любитъ меня, какъ будто кто-нибудь изъ нихъ можетъ любить! Пусть онъ любитъ и я его буду любить, потому что Я. отвергъ меня. Я готова была бы влюбиться въ перваго попавшагося на встрѣчу дурака, чтобы доказать ему, что онъ для меня нуль, что я солгала, говоря, что не могу жить безъ него.

И Палевичъ не дуракъ, онъ очень даровитъ, и со временемъ онъ, можетъ быть, мнѣ покажется дорогимъ и буду въ состояніи любить его точно такъ... вздоръ, вздоръ, онъ отвергъ меня, меня! чортъ возьми!

Пусть Палевичъ полюбитъ меня и женится, я ничего не имѣю противъ, но онъ не глупъ, простою хитростью его не обманешь, надо ловко приступить къ дѣлу. Но если онъ встрѣтитъ Я. и этотъ покажетъ ему мои письма и все, все, тогда кончено, все кончено, и Палевичъ мнѣ болѣе не повѣритъ, и если я влюблюсь въ него, онъ начнетъ презирать меня... Горе! тогда все кончено. И г-жа Ратенекъ, эта болтунья, говоритъ, что П. сказалъ, что только я могу сдѣлать его счастливымъ, что онъ постарается плѣнить меня.

Москва 3 января 1896 г. Мнѣ хотѣлось разорвать перваго попавшаго мнѣ въ руки, выбѣсноваться, кричать, изливать свой гнѣвъ на кого-нибудь, а не могу! Нигдѣ не нахожу покоя, его письма мнѣ противны, а я его такъ сильно, такъ сильно любила, но онъ забылъ меня или не надо было забывать, потому что онъ никогда не любилъ меня. Ай! не любилъ, не любилъ, никто меня никогда не любилъ!...

Москва 17 января. Что же я собственно хочу писать! Какъ мнѣ все противно, все, все! Это я ужъ давно знаю, тутъ ничего новаго, и какъ мнѣ больно, что не могла продолжать заниматься музыкой. Да, не могла! ибо:

„Ужъ солнышко низко-низко,
Маменька далеко-далеко!
Бѣгу, бѣгу, не достигла,
Кричала, кричала и голосомъ не достигла ея“.

Если бы еще жила моя маменька, если бы я была маленькимъ ребенкомъ, я положила бы свою голову на ея колѣни и все, все было бы хорошо. Маменька, маменька, почему я не могу быть у тебя?...

Москва 22 января. Эта отвратительная особа не дала мнѣ ни копейки, а куда мнѣ идти безъ денегъ? Куда дѣваться, такъ какъ у меня не хватаетъ духа на самоубійство? Этотъ оселъ не приходитъ и не пишетъ отвѣта, да знаютъ ли вообще эти люди, что это значитъ быть безпріютнымъ?... Почему А. И. не дала мнѣ денегъ? Не имѣла ли она въ самомъ дѣлѣ денегъ? И О. О., эта окаменѣлая старая дѣва,—какъ эти люди могутъ отказать въ просьбѣ, этого не понимаю. А Елизавета? О, этого я никогда, никогда не забуду! Ахъ, почему я прежде не думала о томъ, что она только ради денегъ согласилась жить со мной, а теперь, когда у меня ничего нѣтъ, конечно, теперь я ей мѣшаю, теперь нѣтъ мѣста для меня, о, почему я не имѣла денегъ? Тогда все было бы хорошо, я не узнала бы еще вполнѣ Елизаветы; почему ей жить со мною, если она одна имѣетъ возможность прожить также хорошо, да, почему? Можно безпрепятственно думать, писать о равенствѣ и свободѣ мысли,

восхищаться этимъ несказанно, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ обязанъ доказать это практически.

Либава 26 февраля. . . . Я думаю, что онъ (Палевичъ) упрямъ, мнѣ иногда страшно отъ его спокойной, холодной крови, онъ такъ страшно послѣдователенъ. . . . онъ сказалъ, что не надо уступать каждой прихоти, это прикоснулось ко мнѣ какъ ледъ, этотъ его разумный, спокойный характеръ, ничѣмъ нельзя его взволновать, и иногда я чувствую себя такой ничтожной въ его глазахъ. Ахъ, я тоскую по немъ, у него все такъ ясно, такъ понятно, онъ всегда знаетъ, что онъ дѣлаетъ.

. . . Я попросила его иногда посѣщать Елизавету, онъ отвѣтилъ, что нельзя же каждый день сидѣть у нея, что они всѣ весьма заняты, и я была такъ злорадна, что втайнѣ радовалась этому! Да, я ее ненавижу и для меня она больше не существуетъ.

Либава 3 марта 1896 г. . . . Зачѣмъ же я пріѣхала домой? Стряхнуть хотѣла я ихъ всѣхъ, добрыхъ и злыхъ, ни съ кѣмъ не хочу имѣть никакихъ дѣлъ, чортъ побери ихъ всѣхъ! Теперь я съ грустью припоминаю Эльзу, а иногда я ненавижу ее невыразимо, мнѣ хотѣлось бы въ такія минуты убить ее. Почему она лгала такъ страшно, почему она такъ рѣдко говорила правду? Какъ я ненавижу неправду! Эльзѣ она совсѣмъ не къ лицу, она была моей подругой, она должна была говорить правду, почему же она лгала? Говорятъ ли они тамъ обо мнѣ и какую ложь Эльза разсказываетъ теперь про меня?

Я постоянно должна думать о Я., но не такъ страстно, П. мѣшаетъ, постоянно я вижу его предъ собою спокойнымъ, твердымъ, а не мягкимъ и трусливымъ, какъ другіе; я думаю, если онъ что-нибудь скажетъ, ему можно повѣрить, но какъ онъ любитъ? Съ нимъ я не справилась бы, онъ побѣдитъ, такой энергіи я боюсь, его твердость внушаетъ мнѣ часто ужасъ...

Москва 25 апрѣля 1896 г. Я на новомъ мѣстѣ; у этихъ людей такъ невыносимо, какъ это только можетъ быть. Какъ я ненавижу эту одѣтую шолкомъ барыню, этого мужа, полу-нѣмца, полу-еврея...

Москва 28 апрѣля 1896 г. Не прошло еще недѣли, какъ я въ Москвѣ, а уже не могу вытерпѣть. Нѣтъ, не вытерплю такой жизни! она должна перемѣниться! не могу вытерпѣть ни любезность этихъ людей, ни ихъ гнѣвъ. Это должно перемѣниться, не могу жить безъ свадьбы. Продамъ себя за деньги первому встрѣчному, да. Пусть они тогда посмѣютъ осудить меня, Палевичъ, если хочетъ, первый, мнѣ все, все равно, не позволю постоянно попирать себя ногами; ай, какъ я ихъ всѣхъ ненавижу, какъ они всѣ, всѣ мнѣ противны! Какъ я устала, какъ мнѣ все надоѣло въ напрасной борьбѣ съ обстоятельствами!...

Москва 1 мая 1896 г.... Если бы я могла быть хоть немного въ обществѣ людей, то я нашла бы себѣ дорогу, но до сихъ поръ я не дѣлала ни шагу на улицѣ, кромѣ съ моей Лидой, такъ зовутъ моего ребенка... Я говорю: «мой ребенокъ», ибо я чувствую, что люблю эту дѣвочку, она моя, ибо съ перваго дня, какъ я пришла, я должна была ухаживать за нею, она заболѣла, теперь опять выздоровѣла. Не знаю, почему я ее люблю: потому ли, что она всегда послушна, или потому, что мать видитъ въ ней только пріятную игрушку... можетъ быть, потому, что она умѣетъ такъ мило приласкаться и всячески льстить, можетъ быть, я сама стала терпѣливѣе... Онъ (Палевичъ) не нуждается во мнѣ. Какъ страшно, когда чувствуешь, что никто не считаетъ тебя необходимымъ, незамѣнимымъ; хочу попробовать жертвовать всѣмъ для этой дѣвочки, хочу ей показывать свое полное любви сердце, хочу ее любить, какъ своего собственнаго ребенка, постараюсь быть для нея въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ она меня постоянно называетъ—ея добрымъ ангеломъ. Ай, я сойду съ ума, я хочу вонъ, вонъ изъ этихъ цѣпей! свобода, свобода! почему она для меня то же самое, что голодъ?

Москва 5 мая 1896 г. Не понимаю, что значитъ это ласковое поведеніе моей хозяйки. Мнѣ кажется, что она начала желать мнѣ добра, а все-таки я не могу оставаться здѣсь, не могу, я умру, я должна погибнуть, я не могу переносить эту жизнь. Нѣтъ, здѣсь я не могу вытерпѣть, я хочу сдѣлаться свободной, свободной!

Послѣ дневника Грюнбергъ были оглашены два письма ея: къ отцу отъ 17 сентября и къ Эвелинѣ Ивановнѣ отъ 11 іюня 1895 г. Въ первомъ изъ нихъ она пишетъ: «... тѣ деньги, которыя вы мнѣ пришлете, мнѣ очень пригодятся. Я беру на эти деньги уроки, одежду я сама себѣ доставлю, столъ и квартира у меня будутъ; что еще больше нужно?» Во второмъ письмѣ Грюнбергъ, между прочимъ, говоритъ: «я льщу себѣ, что имѣю нѣкоторое вліяніе на дѣтей; конечно, если бы я одна могла воспитывать ихъ, то было бы легче руководить ими... Вы думаете, что съ 70 руб. я могла бы жить нѣкоторое время въ Дерптѣ, въ музыкѣ, если не получить полное образованіе, то по меньшей мѣрѣ сдѣлать начало. Въ теченіе одного года можно столько отложить...»

Въ заключеніе были оглашены приведенныя въ обвинительномъ актѣ три письма Ульрихъ и скорбные листы тюремной и Преображенской больницъ, гдѣ подсудимыя находились на испытаніи.

Эксперты-врачи дали о состояніи умственныхъ способностей подсудимыхъ слѣдующее заключеніе, которое было высказано отъ лица ихъ д-ромъ И. Д. Ждановымъ. Обращаясь къ *Грюнбергъ*, эксперты указали

прежде всего на то, что, какъ видно изъ относящихся къ дѣлу документовъ (исторіи болѣзней, дневника, а равно и изъ изслѣдованія обвиняемой), Грюнбергъ относится къ категоріи людей, у которыхъ имѣются налицо какъ явленія истеріи, такъ и дегенераціи. Но самый важный фактъ, положенный экспертами въ основу своихъ заключеній, это тотъ, что съ самаго начала августа (2-го) 1896 г. она находилась въ психіатрическомъ отдѣленіи тюремной больницы, страдая тѣмъ разстройствомъ душевной дѣятельности, которое извѣстно подъ именемъ «острой галлюцинаторной спутанности» или «аменціи Мейнерта». Этотъ фактъ важенъ какъ самъ по себѣ, такъ и по тѣмъ слѣдствіямъ, которыя вытекаютъ изъ него по отношенію къ вопросу о состояніи умственныхъ способностей Грюнбергъ въ маѣ 1896 г. Самъ по себѣ фактъ важенъ по тому, что рѣшаетъ сразу вопросъ о томъ, съ какимъ субъектомъ мы имѣемъ дѣло. Въ настоящее время врачи-психіатры все болѣе и болѣе приходятъ къ заключенію, что для того, чтобы человѣкъ захворалъ душевнымъ разстройствомъ, необходимо присутствіе не одной какой-нибудь причины, а нѣсколькихъ за-разъ (чаще всего 3-хъ), изъ коихъ самое главное значеніе имѣетъ наслѣдственное или благопріобрѣтенное расположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ. Опытъ показываетъ, что если у человѣка нѣтъ того или другого, то подъ вліяніемъ одной какой-нибудь причины (напр., сильнаго горя) человѣкъ съ ума не сойдетъ: онъ наживетъ чахотку или какое-нибудь нервное страданіе, но душевно-больнымъ не сдѣлается. Такимъ образомъ тотъ фактъ, что Грюнбергъ страдала душевнымъ разстройствомъ въ августѣ 1896 г. сразу указываетъ на то, что въ лицѣ Грюнбергъ мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, у котораго или отъ рожденія, или позднѣе произошли такія глубокія измѣненія со стороны нервной системы, что она сдѣлалась наклонной подъ вліяніемъ какой-нибудь случайной причины заболѣть душевнымъ разстройствомъ. Этотъ выводъ служитъ подтвержденіемъ сдѣланнаго экспертами заключенія, что Грюнбергъ относится къ категоріи людей, у которыхъ наблюдаются симптомы какъ дегенераціи, такъ и истеріи.

Второй выводъ, вытекающій изъ факта душевной болѣзни Грюнбергъ, сводится къ слѣдующему: въ началѣ августа 1896 г. для всѣхъ было очевидно, что Г. сдѣлалась психически больной. Но опытъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ прежде, чѣмъ душевная болѣзнь сдѣлается для всѣхъ очевидной, проходитъ нѣкоторое время, когда болѣзнь находится въ скрытомъ состояніи. Этотъ періодъ извѣстенъ подъ именемъ *періода предвѣстниковъ* (продромальный періодъ). По мнѣнію лучшихъ психіатровъ (какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ), при аменціи этотъ

періодъ тянется нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Сущность его въ общихъ чертахъ такова: больного въ это время назвать сумасшедшимъ нельзя, ибо онъ находится въ сознаніи, у него нѣтъ ни иллюзій, ни галлюцинацій, ни бредовыхъ идей, но у него замѣтно разстроена аффективная сторона души: настроеніе духа тяжелое, угнетенное, по временамъ тоскливое. Сосредоточить свои мысли на какомъ-нибудь предметѣ, обдумать его всесторонне, обсудить всѣ послѣдствія того или другого дѣянія онъ не въ состояніи, ибо актъ мышленія его замедленъ. Сопоставляя эти данныя съ обстоятельствами дѣла и съ разсказомъ самой Грюнбергъ, что въ апрѣлѣ и въ теченіе мая она была въ такомъ тяжеломъ душевномъ состояніи, что ей было безразлично жить или умереть, съ большою степенью вѣроятности можно сказать, что въ маѣ (а по всей вѣроятности и раньше) Грюнбергъ находилась въ продромальномъ періодѣ аменціи. И хотя, строго говоря, она не была въ это время сумасшедшей, но ее нельзя назвать и вполнѣ нормальной, ибо, благодаря всему сказанному, она не могла обсудить правильно свой поступокъ и происходящія отъ него послѣдствія.

Зная хорошо термины уголовнаго кодекса, относящіеся до душевнобольныхъ, эксперты заявили, что то состояніе душевной дѣятельности, въ которомъ находилась обвиняемая въ маѣ 1896 г., строго говоря, не подходитъ ни къ одной изъ рубрикъ, упоминаемыхъ въ статьяхъ нашего уголовнаго Уложенія. И для того, чтобы подвести его къ одной изъ этихъ рубрикъ, необходимо сдѣлать натяжку. Въ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, ибо всѣмъ извѣстно, что статьи нашего уголовнаго кодекса давно представляются устарѣвшими: уже 10 лѣтъ тому назадъ былъ поднятъ вопросъ юристами объ измѣненіи этихъ статей, и въ проектѣ новаго уголовнаго Уложенія онѣ подвергнуты значительному видоизмѣненію. Для экспертовъ нѣтъ надобности дѣлать эту натяжку. Однако, если бы ихъ спросилъ кто-нибудь, къ какой изъ рубрикъ угол. кодекса ближе всего подходитъ *продромальный періодъ аменціи*, то, по ихъ мнѣнію, этотъ періодъ ближе всего подходитъ къ термину «сумасшествіе», хотя, строго говоря, въ это время больной еще не сумасшедшій, но лишь находится на пути къ сумасшествію. Таково состояніе, въ которомъ находилась Грюнбергъ въ маѣ 1896 г. и которое въ августѣ того же года перешло въ сумасшествіе.

Какъ видно изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, послѣднее т.-е. сумасшествіе прошло безслѣдно въ концѣ 1896 г. или въ началѣ 1897 г. Что касается настоящаго времени, то сейчасъ рѣзкихъ уклоненій отъ нормы со стороны психической сферы у Грюнбергъ нѣтъ, хотя почва, на

которой развилась душевная болѣзнь обвиняемой, осталась, т.-е. ея истеричность и дегенеративность.

На вопросъ тов. прокурора: не заболѣла ли Грюнбергъ, послѣ помѣщенія ея въ тюрьму, подъ вліяніемъ этого послѣдняго факта, экспертъ заявилъ, что, по его мнѣнію, больше данныхъ, что болѣзнь началась раньше помѣщенія въ тюрьму, ибо, насколько онъ замѣчалъ, фактъ помѣщенія въ тюрьму дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ большею частью на тѣхъ, кто за стѣнами ея оставляетъ радости и счастье, у кого же въ жизни были лишь горе и неудачи, на того тюрьма не дѣйствуетъ такъ сильно.

На вопросъ защитника Грюнбергъ прис. пов. Малянтовича: не находилась ли Грюнбергъ въ состояніи болѣзненнаго, патологическаго аффекта въ моментъ совершенія преступленія, экспертъ отвѣчалъ, что хотя по состоянію нервной и психической дѣятельности Грюнбергъ наклонна была къ тѣмъ аномаліямъ душевной дѣятельности, которыя извѣстны подъ именемъ патологическаго аффекта (умоизступленіе) и безпамятства, однако, въ обстоятельствахъ настоящаго дѣла эксперты не находятъ указаній на присутствіе того или другого у Грюнбергъ въ моментъ совершенія того преступленія, по поводу котораго она привлекается къ отвѣтственности въ настоящее время.

На дополнительный вопросъ защитника: если въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ точныхъ указаній на то, что Г. находилась въ состояніи патологическаго аффекта, то, съ другой стороны, могутъ ли эксперты утверждать, что этого не было,—экспертъ заявилъ, что въ виду недостаточности свѣдѣній о состояніи подсудимой въ моментъ и послѣ совершенія преступленія, конечно, эксперты съ увѣренностью не могутъ отрицать возможности разстройства сознанія въ этой формѣ въ той или другой степени въ разсматриваемый періодъ, хотя больше данныхъ, что его не было.

Обращаясь ко второй обвиняемой, г-жѣ *Ульдрихъ*, эксперты высказали слѣдующее: Ульдрихъ, какъ видно изъ исторіи болѣзни Преображенской больницы и произведеннаго ими изслѣдованія, представляетъ признаки еще большей дегенераціи, чѣмъ Грюнбергъ. Такъ, измѣреніе черепа, произведенное въ 1899 г. во время пребыванія ея на испытаніи въ Преображенской больницѣ, указываетъ на то, что черепъ ея по своимъ размѣрамъ меньше черепа, свойственнаго нормальнымъ женщинамъ. Почти всѣ размѣры его уменьшены. Но особенно уменьшеннымъ представляется круговой размѣръ черепа, который у Ульдрихъ достигаетъ 50 сантиметровъ, тогда какъ средній размѣръ нормальнаго женскаго черепа равняется 53 см. По словамъ лучшихъ русскихъ психіатровъ (С. С.

Корсакова), если круговой размѣръ черепа не доходитъ до 50 сант., то это означаетъ уже микроцефалію. Такимъ образомъ по размѣрамъ черепа Ульдрихъ *находится на границѣ съ микроцефаліей*. Если сопоставить съ этимъ показаніе свидѣтеля Филатова, если припомнить то мѣсто изъ исторіи болѣзни Преображенской больницы, гдѣ сказано, что ученіе давалось ей съ трудомъ, если обсудить всю обстановку преступленія, свидѣтельствующую о большой наивности (если не сказать больше), то, по мнѣнію экспертовъ, по степени развитія умственныхъ способностей, Ульдрихъ слѣдуетъ отнести къ той категоріи, которая извѣстна подъ именемъ «debilitas mentis». Это не «imbeci-litas», но все же это есть извѣстная степень недоразвитія умствен. способностей, хотя и болѣе низшая чѣмъ обѣ предыдущія. Такое недоразвитіе умственныхъ способностей наблюдается нерѣдко у дегенерантовъ. Помимо уменьшенныхъ размѣровъ черепа, помимо «debilitas mentis», у Ульдрихъ эксперты указываютъ еще на одинъ симптомъ, наблюдаемый чаще всего у дегенерантовъ: это полное отсутствіе половыхъ влеченій, вслѣдствіе чего, по словамъ обвиняемой, она остается дѣвушкой и по сіе время, хотя годъ тому назадъ она вышла замужъ. Если прибавить къ этому физическіе симптомы дегенераціи, о которыхъ сказано и въ исторіи болѣзни Преображенской больницы, то не остается сомнѣнія въ томъ, что Ульдрихъ должна быть отнесена къ тому типу, который извѣстенъ подъ именемъ дегенерантовъ. А если это такъ, то разсказъ обвиняемой о томъ, какъ она рѣшилась на такое преступленіе, становится довольно правдоподобнымъ. Она передаетъ, что, испытавъ сильную нужду въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, причемъ ей пришлось плохо питаться, мало спать, она пришла въ состояніе глубокой расшатанности всей нервной системы, и въ это время у нея явилась мысль,—совершить извѣстное преступленіе,—отъ которой она не могла отдѣлаться. Какая то невѣдомая сила толкала ее на это преступленіе, и оказать противодѣйствіе ей она была не въ состояніи. Подходя къ кровати г-жи Штеллингъ и чувствуя себя не въ силахъ бороться съ идеей, которая овладѣла ею, она молила Бога, чтобы провалился полъ комнаты и такимъ образомъ она лишена была бы фактически возможности совершить задуманное преступленіе. Это описаніе очень характерно для тѣхъ «навязчивыхъ идей», которыя свойственны дегенерантамъ. Принимая во вниманіе присутствіе у Ульдрихъ несомнѣнныхъ признаковъ дегенераціи, нельзя никоимъ образомъ отрицать справедливости ея разсказа о присутствіи у нея «навязчивой идеи».

На основаніи всего вышеизложеннаго, эксперты приходятъ къ заключенію, что Ульдрихъ рѣшилась на совершеніе извѣстнаго преступленія подъ вліяніемъ *навязчивой идеи*. Означенная идея прошла въ томъ же

1896 г., но почва, на которой появилась эта идея, т.-е. дегенерація, конечно, осталась. Обращаясь къ вопросу о томъ, куда слѣдуетъ отнести ту аномалію душевной дѣятельности, которая наблюдалась у Ульдрихъ въ маѣ 1896 г., эксперты полагаютъ, что навязчивыя идеи дегенерантовъ представляютъ такое своеобразное разстройство умственной дѣятельности, которое трудно подвести подъ термины нашего уголовнаго кодекса. И здѣсь такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, необходимо сдѣлать натяжку, и тогда то состояніе, въ которомъ находилась Ульдрихъ въ маѣ 1896 г., ближе всего подойдетъ къ рубрикѣ «сумасшествіе».

Стороны предложили нѣсколько вопросовъ эксперту.

«Быть можетъ Ульдрихъ заболѣла послѣ совершенія преступленія подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія, перенесеннаго ею, и заключенія въ тюрьмѣ»?—спросилъ эксперта товарищъ прокурора.

«Нѣтъ,—отвѣтилъ г. Ждановъ,—она заболѣла по крайней мѣрѣ еще въ мартѣ. На счастливаго человѣка переходъ отъ свободной жизни къ тюрьмѣ, какъ я и замѣтилъ, дѣйствительно можетъ оказаться пагубнымъ, но для Ульдрихъ онъ опасности не представлялъ».

«Не оказывала ли Ульдрихъ вліянія на Грюнбергъ», — спросилъ защитникъ Малянтовичъ.

«Ульдрихъ, несомнѣнно, оказывала на Грюнбергъ сильное вліяніе, и не столкни ихъ судьба подругъ во-едино, пожалуй, не было бы преступленія. Обѣ истерички, обѣ неуравновѣшанныя, онѣ взаимно заражали другъ друга, и плодомъ этого взаимодѣйствія и явилось преступленіе».

Защитникъ Тесленко: «Не были ли причиной болѣзни Грюнбергъ и Ульдрихъ тяжелыя условія ихъ жизни»?

«Да, несомнѣнно, на ихъ организмѣ и психикѣ не могли не отразиться голодовка и прочее».

«Болѣзнь Ульдрихъ можетъ ли быть подведена подъ ту форму болѣзни, которую знаетъ наше Уложеніе,—безумія и сумасшествія»?

«Болѣзнь Ульдрихъ и ея подруги, какъ я сказалъ, не можетъ быть подведена подъ какой-нибудь опредѣленный судебно-медицинскій терминъ, а тѣмъ менѣе подъ формулы нашего закона; но подсудимыя несомнѣнно были больны. Болѣзнь выражалась въ наличности такъ называемыхъ «навязчивыхъ идей», отъ которыхъ онѣ не могли при всемъ желаніи отвязаться. Только приведя навязчивую идею въ исполненіе, больной успокаивается. Чаще всего такая болѣзнь приводитъ къ самоубійству, но она можетъ выразиться, какъ въ данномъ случаѣ, и въ мысли объ убійствѣ». По окончаніи экспертизы начались пренія сторонъ.

Товарищъ прокурора гр. *Татищевъ* началъ рѣчь съ заявленія, что тяжелое и грустное время переживаемъ мы сейчасъ, время, давшее намъ реализацію идеи, высказанной геніальнымъ психологомъ-романистомъ въ его „Преступленіи и наказаніи“.

Время это,—говорилъ обвинитель,—породило много людей, потерявшихъ вѣру прежнихъ дней и не нашедшихъ новой вѣры. Эти люди не знаютъ, зачѣмъ они пришли въ жизнь, чему они должны служить, что ихъ ждетъ впереди... Время это породило и цѣлый рядъ ненормальныхъ явленій—передъ одними изъ этихъ явленій сторонній наблюдатель останавливается съ недоумѣніемъ, передъ другими—съ ужасомъ. То явленіе, въ которомъ разбирается въ данную минуту судъ, принадлежитъ къ явленіямъ этого послѣдняго разряда.

„Судьямъ совѣсти предстоитъ сказать свое рѣшающее слово по поводу этого явленія, имъ предстоитъ сказать, преступно ли то, что совершили находящіяся передъ нимъ молодыя дѣвушки, а если преступно, то совершили онѣ это преступленіе, не отдавая себѣ отчета въ его преступности, или, напротивъ, съ полнымъ сознаніемъ, проявляя злую волю“.

Что было цѣлью того преступленія, которое намѣчали себѣ обвиняемыя?

Обвинитель доказывалъ, что цѣль, которую поставили передъ собою эти женщины,—цѣль не новая. Нѣчто подобное мерещилось и герою романа Достоевскаго—Раскольникову. Нѣчто подобное вообще не рѣдко проскальзываетъ въ побужденіяхъ людей такого сорта, къ какому принадлежали Эльза Ульдрихъ и Паулина Грюнбергъ.

Обвинитель не вѣритъ тому, что цѣлью преступленія было добыть деньги для достиженія высшаго образованія. Еще менѣе вѣритъ онъ тому, что подсудимыя дѣйствительно желали въ будущемъ, получивъ высшее образованіе, пойти на службу человѣчеству во имя его блага. Пользуясь дневникомъ Грюнбергъ, какъ лучшимъ матеріаломъ слѣдствія, а отчасти и показаніями свидѣтелей, обвинитель старается доказать, что у подсудимыхъ не было иныхъ побужденій, кромѣ эгоистическихъ, вытекавшихъ изъ впол-

нѣ понятнаго въ ихъ положеніи и въ ихъ настроеніи желанія сладко жить.

Грюнбергъ желаетъ: *блистать*, быть *богатой*, читаемъ мы въ ея дневникѣ... только, ни болѣе, ни менѣе. Высшее образованіе—это лишь одинъ изъ путей добиться „свободы“, какъ выражается Ульдрихъ, понимая подъ этимъ терминомъ „достаточно обезпеченную жизнь“. Свидѣтель Филатовъ прямо показалъ, что бросилъ занятія съ Ульдрихъ потому, что та не училась, а болтала все о томъ же, „какъ завоевать положеніе“.

Итакъ, обѣ обвиняемыя не серьезно относились къ той задачѣ, которую онѣ какъ будто бы ставили себѣ, то-есть къ полученію высшаго образованія. У нихъ не было подготовки къ честному и регулярному труду,—онѣ мѣняли мѣста, потому что имъ становилось скучно на одномъ мѣстѣ, потому что, присматриваясь къ своимъ хозяевамъ, онѣ начинали ихъ ненавидѣть, завидуя чужому благополучію, отсюда ссылка Паулины Грюнбергъ въ ея дневникѣ на неправильное распредѣленіе богатствъ. Никакихъ иныхъ идей, стремленій, никакихъ нравственныхъ завѣтовъ у нихъ не видно; все поглощено жаждою добыть денегъ, денегъ и еще разъ денегъ.

„И вотъ нужда съ одной стороны, говорилъ обвинитель, ненависть къ богатымъ—съ другой, стремленіе сладко пожить—все это натолкнуло на мысль добыть деньги преступленіемъ. Если же онѣ пошли на убійство, а не на простую кражу, то тутъ сыгралъ свою роль романъ Достоевскаго, тутъ подѣйствовала на нихъ логика Раскольникова, воображавшаго себя чѣмъ-то въ родѣ „сверхъ-человѣка“.

Далѣе обвинитель говоритъ по поводу той особой неумѣлости, которую проявили Ульдрихъ и Грюнбергъ при совершеніи преступленія. Онъ охотно признаетъ, что преступленіе было задумано и выполнено неумѣло, но считаетъ нужнымъ напомнить, что этихъ дѣвушекъ судятъ не за ихъ *неумѣлость* въ совершеніи преступленія, а за *проявленіе* злой воли.

Обвинитель съ ужасомъ говоритъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ совершенія преступленія, яркими красками пере-

даетъ настойчивость Грюнбергъ, ея выдержку, какъ она прячется въ комнатѣ подруги и въ теченіе трехъ часовъ, сидя на полу, терпѣливо подстерегаетъ жертву, когда она заснетъ.

Правда, подсудимымъ не удалось удушить спавшую старуху, но это только потому, что у нихъ на это не хватило силъ. Старуха могла не проснуться и тогда дѣло получило бы иную развязку: преступленіе во всякомъ случаѣ не совершилось помимо желанія подсудимыхъ—имъ помѣшали его совершить...

По поводу экспертизы обвинитель высказываетъ, что эксперты не сказали съ полною опредѣленностью, что въ данномъ случаѣ судъ имѣетъ дѣло съ сумасшедшими, а разъ этой опредѣленности нѣтъ, все остальное гадательно. Если при этихъ условіяхъ признать невмѣняемость, то придется сказать, что въ нашъ „нервный вѣкъ" совсѣмъ нѣтъ нормальныхъ и отвѣтственныхъ за свои дѣянія людей.

Въ заключеніе обвинитель напомнилъ присяжнымъ, что ихъ приговоръ долженъ отвѣтить нравственному чувству русскаго общества, онъ долженъ успокоить это взволновавшееся чувство при видѣ совершоннаго преступленія. Русское общество ждетъ такого успокоительнаго приговора, и это внимательное, напряженное отношеніе къ дѣлу переполненной судебной залы свидѣтельствуетъ о трепетѣ этого ожиданія. „Каждый приговоръ долженъ отвѣчать нравственному чувству общества,—закончилъ свою рѣчь обвинитель,—а такимъ приговоромъ въ этомъ дѣлѣ можетъ быть только обвинительный!"

Защитникъ Ульдрихъ *Н. В. Тесленко*: Гг. присяжные! Я затрудняюсь высказать то изумленіе, съ какимъ я слушалъ рѣчь г. прокурора. Мнѣ казалось, все, что мы узнали здѣсь объ этихъ двухъ дѣвушкахъ, не коснулось обвинителя. Если г. прокуроръ всецѣло отвергаетъ заключеніе экспертовъ и, вопреки единодушному мнѣнію пяти врачей, утверждаетъ, что онѣ здоровы, я еще могу объяснить это тѣмъ, что, какъ сытый не разумѣетъ голоднаго, такъ и здоровая душа не въ состояніи понять больную, а счастливая—сочувствовать страждущей. Но какъ могъ г. прокуроръ утверждать, что это двѣ обыкновенныя пре-

ступницы, идущія на убійство потому, что имъ хотѣлось „сладко пожить“ на нѣсколько сотъ рублей!

Мы знаемъ, что на такія преступленія ради небольшой матеріальной выгоды способны лишь закоренѣлые рецидивисты, бѣглые каторжники. Таковы ли онѣ? Позволилъ ли себѣ хоть одинъ свидѣтель изъ людей, близко знавшихъ ихъ, набросить тѣнь сомнѣнія на ихъ мечты о высшемъ образованіи? Неужели онѣ непонятны для обвиненія? Ихъ понимали, знали, имъ вѣрили всѣ, не исключая кухарки г-жи Штеллингъ — Настасьи, которая такъ просто и понятно объяснила, что „барышня хотѣла образоваться, чтобъ потомъ помогать простому народу“. Если не убѣдился въ этомъ г. обвинитель, то я объясняю это лишь тѣмъ, что слишкомъ много времени отдѣляетъ насъ отъ событія 26-го мая 1896 года. Прошло уже болѣе 4-хъ лѣтъ. 4 года—большой срокъ въ жизни человѣка, а въ жизни юной дѣвушки это—цѣлая эпоха. Сидящія передъ вами Ульдрихъ и Грюнбергъ—не тѣ, какими онѣ были 4 года назадъ. Сколько перемѣнъ произошло. Нѣкоторые изъ свидѣтелей умерли. Одна изъ обвиняемыхъ — Ульдрихъ вышла замужъ, вышла замужъ и потерпѣвшая Штеллингъ, несмотря на свои 52 года...

Тѣ страданія, мысли, чувства, которыми онѣ жили, изгладились, потускнѣли, почти забыты, и нужно большое усиліе мысли и воображенія, чтобы ихъ возсоздать. Имъ самимъ не вѣрится, что онѣ когда-то это сдѣлали. Уже въ больницѣ Ульдрихъ, разсказывая врачамъ, смѣется надъ собой и говоритъ: „это было такъ глупо“. Имъ самимъ это кажется сномъ. Но не сонъ то, что онѣ сейчасъ на скамьѣ подсудимыхъ ждутъ приговора, что обвиненіе къ нимъ предъявлено во всей строгости. Г. обвинитель даже началъ свою рѣчь съ указанія на важное общественное значеніе такихъ преступленій. Я не знаю, что хотѣлъ сказать этимъ г. прокуроръ; его мысль осталась какъ бы не доконченной. Не слѣдуйте за нимъ въ этомъ направленіи, гг. присяжные...

Такимъ способомъ хотятъ лишь направить вашу мысль въ область чего-то туманнаго, непонятнаго и страшнаго, а ваши чувства отвлечь отъ очень простого и нехитраго,

отъ этихъ двухъ несчастныхъ, трепещущихъ дѣвушекъ. Защита не пойдетъ по этому пути. Вы ихъ судите, о нихъ будетъ говорить защита, постарается разсказать вамъ печальную исторію ихъ жизни.

Что онѣ такое, что такое Ульдрихъ, которую я защищаю?

Это обыкновенная, простая дѣвушка. Ничего дурного о ней мы не слышали. Всѣ, знавшіе ее, начиная отъ полковника генеральнаго штаба Малинко и кончая кухаркой Шаховцевой, характеризуютъ Ульдрихъ доброй, сердечной и скромной дѣвушкой. Потерпѣвшая Штеллингъ ею довольна. Въ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ она не чуждалась общества и любила повеселиться. Ее часто встрѣчали на вечеринкахъ, которыя устраивались земляками-студентами. Сердце не было закрыто для любви, и она вмѣстѣ съ подругой поддавалась платоническимъ увлеченіямъ, свойственнымъ ея возрасту. Онѣ ревновали другъ къ другу, и соперничество вызвало у Грюнбергъ тѣ рѣзкія замѣчанія относительно подруги въ дневникѣ, которыя дали поводъ обвиненію утверждать, будто Ульдрихъ рисуется въ дневникѣ неприглядными чертами. Да, тамъ мы находимъ по ея адресу такія замѣчанія: „она лжива“, „кокетничаетъ“, „я ее ненавижу“, „она для меня не существуетъ“. Но смыслъ ихъ мы поймемъ, если припомнимъ слѣдующія и другія подобныя мѣста дневника: „какъ красива Эльза! Я стала просто завидовать. Онъ пишетъ, что у нея не пустая голова, что она не безъ энергіи. Почему мнѣ это непріятно? Не хочу, что онъ такъ говоритъ о ней, не хочу, что онъ думаетъ о ней, не могу терпѣть...“, „хочу быть первой!“

О ней говорятъ всѣ свидѣтели, что она болѣзненна, нервна, не знала жизни, не умѣла критически относиться къ окружающему, ее называли ребенкомъ. Незнаніе и непониманіе жизни и было одной изъ главныхъ причинъ, приведшихъ Ульдрихъ къ событію 27-го мая. Это обстоятельство надо изслѣдовать подробнѣе, а для этого нужно глубже вникнуть въ ея жизнь, прослѣдить съ дѣтства.

Родители Ульдрихъ—неграмотные крестьяне. Невѣдомо, какими путями пятилѣтняя дѣвочка научилась читать. Болѣз-

ненный, самолюбивый ребенокъ росъ одинокимъ, и мало-помалу она стала совсѣмъ уходить въ книгу. Она избѣгала подругъ. Книги казались ей какимъ-то откровеніемъ. Когда не было книгъ, она собирала клочки газетъ, обрывки печатной бумаги и перечитывала ихъ. Окружающіе ее: родители, родственники, сосѣди, неграмотные, необразованные люди, были ниже книги. Они не могли, не сумѣли объяснить дѣвочкѣ, что книга меньше жизни, что это лишь маленькій уголокъ ея, слабая попытка раскрыть, истолковать жизнь. Люди стали казаться ей ничтожными. Они не умѣли, говоритъ она сама, такъ серьезно относиться къ Богу и ближнимъ, какъ объ этомъ пишутъ въ книгахъ. Чѣмъ больше она погружалась въ книги, тѣмъ больнѣе болѣзненная нервная натура страдала отъ грубыхъ прикосновеній жизни, тѣмъ болѣе она замыкалась въ кругу идей и фантазій, навѣянныхъ книгами. Людямъ живымъ она казалась наивной и странной. Она относилась къ нимъ съ недовѣріемъ и насмѣшкой, и это еще болѣе отдѣляло ее отъ окружающихъ.

Книги внушили ей великую идею о служеніи человѣчеству. Но для того, чтобы быть полезной людямъ, надо имѣть знанія, и мечта получить образованіе охватила ее, покорила всю, и ничто въ жизни болѣе не привлекало и не интересовало Ульдрихъ. Но какъ осуществить эту мечту? Надо имѣть средства. Какъ ихъ добыть? Ульдрихъ рѣшила вопросъ просто — трудомъ. Она не знала въ своей наивности, что за тотъ трудъ, который она можетъ предложить, берутъ всего человѣка, а даютъ слишкомъ мало. Она встрѣтила другую, такую же мечтательницу, и обѣ поѣхали въ чужой городъ за заработкомъ. Не судите ихъ за то, что онѣ покинули свою далекую родную Курляндію. Нельзя ихъ за это судить, ибо къ свѣту онѣ стремились.

И вотъ Ульдрихъ въ Москвѣ, въ чужомъ непонятномъ для нея городѣ, съ необъятными мечтами, безъ денегъ, безъ родныхъ, безъ друзей. Ей было тогда 20 лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ даже въ низшихъ слояхъ общества дѣвушки живутъ еще на попеченіи родителей, мужа, родственниковъ. Плановъ опредѣленныхъ, какъ взяться за образованіе, съ

чего начать, не было. Свидѣтель Филатовъ говоритъ, что она въ своихъ мечтахъ не сообразовалась съ дѣйствительностью, что міросозерцаніе ея не было выработано. Да и когда оно могло выработаться? Она переживала еще тотъ періодъ, когда въ головѣ бродятъ обрывки прочитаннаго, навѣяннаго, слышаннаго, когда не создались еще опредѣленные взгляды. Ей казалось все достижимо, все возможно, а поддержки ни откуда не было. Земляки-студенты, въ кругу которыхъ она вращалась, относились къ ней свысока, съ пренебреженіемъ, съ насмѣшкой.

Она была одинока, а жизнь, та жизнь, отъ которой она такъ далеко стояла, слишкомъ быстро тяжкимъ гнетомъ налегла на ея слабую натуру...

Уроки отнимали все время, да и то не всегда ихъ удавалось достать. Свидѣтельница Ратенекъ говоритъ, что сначала Ульдрихъ питалась въ ея столовой половиной скуднаго студенческаго обѣда, а потомъ задолжала и совсѣмъ перестала брать обѣды. Мечты гибли, а талантовъ, которые могли бы все преодолѣть, не было. Лишенія и всѣ невзгоды окончательно расшатали здоровье. Лѣчившій ее врачъ Нолле наблюдаетъ у нея истерическіе припадки. Она поражаетъ окружающихъ странными выходками, напримѣръ, оскорбляетъ какого-то господина безъ всякаго повода.

Весною 1896 года она попадаетъ въ качествѣ компаніонки къ пожилой, одинокой дамѣ Штеллингъ. Извѣстно, насколько тяжело положеніе компаніонки. Если компаніонкѣ весело, а барыня грустить, скучай вмѣстѣ съ нею. Если ты печальна, а барыня веселится, веселись и ты. Развлекай ея гостей, но сама не смѣй принимать никого. Ты хочешь прочесть умную книжку, читай для барыни глупые романы. Ты хочешь сберечь что-нибудь изъ скуднаго жалованья, это не удастся: ты должна дѣлать хорошія платья, одѣваться прилично. А если ты мечтаешь о чемъ-либо лучшемъ, тебѣ презрительно бросятъ въ лицо: „фантазерка“. Ульдрихъ почувствовала, что она становится вещью, что ея личная жизнь кончается. Чтобы понять ея душевное состояніе, нужно сравнить всю грандіозность замысловъ и надеждъ, съ которыми она ѣхала въ Москву, не

зная препятствій, и всю глубину разочарованій, которыя постигли здѣсь... Положеніе было ужасно. Окружающіе опасались даже паденія. Не удивляйтесь, что въ минуты отчаянія ее посѣщали дурныя мысли. Кто можетъ сказать, что ему въ жизни никогда ничто дурное не приходило въ голову! Но не было у нея какихъ-либо безнравственныхъ взглядовъ или теорій. Ихъ отъ Ульдрихъ никто не слышалъ. Она не пала, ибо много добра въ ней заложено.

Не пала, но заболѣла, и мечты породили больныя фантазіи. Еще до поступленія къ Штеллингъ она дошла до такого мрачнаго состоянія, когда человѣкъ боится другихъ людей, когда онъ не хочетъ слышать даже теплаго, ласковаго слова. Г-жа Ратенекъ намъ разсказывала, какъ Ульдрихъ вдругъ исчезла изъ ихъ кружка, какъ они ее искали и съ трудомъ нашли въ какой-то отвратительной комнаткѣ, въ ужасной обстановкѣ. Ульдрихъ говорила, что типы, изображенные въ романахъ Достоевскаго, ей кажутся жизненными и правдоподобными. Да, въ то время мрачные, больные, страдающіе герои Достоевскаго были родственны ея больной душѣ.

Чѣмъ тяжеле было, тѣмъ съ большей страстью ей хотѣлось осуществить свои свободныя мечты. И въ больную душу закралась больная фантазія: сдѣлать что-нибудь необыкновенное--убить, ограбить... Такая мысль въ тяжелыя минуты жизни можетъ мелькнуть и у здороваго человѣка, но здоровый отброситъ ее и забудетъ, а у больного она обратилась въ то, что врачи называютъ навязчивой идеей, она сдѣлалась мыслью, отъ которой больной не можетъ отдѣлаться никакими усиліями воли. Какъ бы ясно ни сознавалъ больной, что онъ не можетъ, не способенъ сдѣлать того, къ чему влечетъ его больная фантазія, онъ все-таки идетъ за ней. Ульдрихъ не могла одна совершить задуманнаго. Г. экспертъ говорилъ намъ, что, если бы она встрѣтилась съ здоровымъ человѣкомъ и ему разсказала о своихъ фантазіяхъ, онъ посовѣтовалъ бы ей полѣчиться. На бѣду она столкнулась съ другой, такою же больной, ей повѣдала свои мысли, и онѣ были встрѣчены полнымъ одобреніемъ, такъ какъ упали на готовую почву.

Между подругами начинается переписка, въ которой г.

прокуроръ усмотрѣлъ всѣ признаки хорошо обдуманнаго преступнаго замысла. Письма Ульдрихъ для человѣка неглубокаго, поверхностнаго на первый взглядъ покажутся ужасными, отталкивающими. Но не бойтесь ихъ, гг. присяжные, подойдите къ нимъ ближе. Самое появленіе писемъ доказываетъ ненормальность ихъ автора. Зачѣмъ ихъ было писать? Вѣдь подруги могли свободно видѣться и говорить, о чемъ угодно, но больная фантазія Ульдрихъ порождала безконечную цѣпь больныхъ мыслей. Она намъ разсказала правдивую клиническую картину болѣзни, какъ это удостовѣрили врачи, говоря, что въ то время мысли у нея вращались въ головѣ, возникали и исчезали съ невѣроятной быстротой, что это было какое-то perpetuum mobile, что она никакъ не могла отбросить ихъ, что онѣ угнетали и давили, заставляя что-либо сдѣлать, предпринять. Несомнѣнно, письма писались въ минуты наиболѣе тяжкихъ приступовъ болѣзни. Какъ больной, вообразившій себя сановникомъ, старается придать себѣ величественную осанку и походку, казнитъ и милуетъ, такъ и Ульдрихъ, вообразившая себя великой преступницей, спѣшила, хотя въ письмахъ, окружить себя всѣми ужасными аксессуарами преступленія.

Вотъ первое письмо. Оно писано за три недѣли до покушенія. Въ немъ Ульдрихъ—таинственная, мрачная заговорщица. „Мнѣ нужно спѣшно переговорить съ тобою о дѣлахъ, которыхъ не довѣряютъ бумагѣ...“ „Ко мнѣ на квартиру ты не приходи, и я къ тебѣ не приду, не говори никому про меня“... Такъ она пишетъ подругѣ, которая жила на дачѣ подъ Москвой, бывала у нея до посылки письма и послѣ, которую г-жа Штеллингъ отлично знала. Письмо оканчивается такой конспиративной фразой: „мѣсто, число и часъ“. Второе письмо написано за 5 дней до 27-го мая. Начинается оно предложеніемъ: „разсмотрѣть дѣло, какъ это подобаетъ двумъ умнымъ людямъ“. Но когда здѣсь, на судѣ, дѣйствительно нормальные, умные люди пытались лишь пересказать первое изъ многихъ подобныхъ „умныхъ предложеній“, то они невольно впадали въ ошибки. Трудно здоровому человѣку передать бредъ больного. Такъ, г. прокуроръ среди другихъ прекрасно задуманныхъ

плановъ убійства нашелъ слѣдующій. Онѣ предполагали, говоритъ онъ, поѣхать *на извозчикѣ за городъ и тамъ* задушить Штеллингъ. А въ письмѣ изложено буквально такъ: „*ты была бы извозчикомъ*, и мы поѣхали бы на желѣзную дорогу; *на какой-нибудь улицѣ, гдѣ немного людей*, я наложила бы ей *что-нибудь* на ротъ, и мы выѣхали бы совсѣмъ изъ города“. Итакъ, удушеніе предполагается произвести не за городомъ, а на какой-либо малолюдной улицѣ; но едва ли былъ хоть одинъ такой случай, чтобы задушили человѣка *чѣмъ-нибудь* на улицѣ. Извозчикомъ долженъ быть не кто другой, какъ сама Паулина Грюнбергъ. Если даже можно г-жу Грюнбергъ вообразить въ роли извозчика, то трудно понять, какъ онѣ могли бы безъ копейки денегъ добыть лошадь и экипажъ. И въ такихъ „умныхъ предложеніяхъ“ находятъ не только смыслъ, но даже хорошо обдуманный планъ убійства. Среди остальныхъ проектовъ, изложенныхъ въ письмахъ Ульдрихъ, встрѣчаются всѣ способы убійства, какіе можно найти въ газетныхъ уголовныхъ хроникахъ. Здѣсь есть и „умертвить на желѣзной дорогѣ“, и „сонныя капли“, и „ядъ“, и „хлороформъ“... Если въ изложеніи второго письма можно найти еще какой-нибудь смыслъ, то въ третьемъ, послѣднемъ письмѣ напрасно будемъ его искать.

Тамъ мы встрѣчаемъ слѣдующее: „я сейчасъ поѣду назадъ“, „ты поѣзжай прямо въ Одессу“, „я поѣду къ тебѣ въ видѣ компаніонки“, „она для насъ можетъ пропасть, если мы не желаемъ потомъ дома сдѣлать своею собственностью“...

Въ послѣднемъ письмѣ есть одна замѣчательная фраза, ярко рисующая болѣзненное состояніе Ульдрихъ. „Ждать невыносимо!“, восклицаетъ она. Интересно, что ни одинъ изъ этихъ способовъ не нашелъ примѣненія. Очевидно, онѣ и сами до нѣкоторой степени сознавали ихъ нелѣпость. Для характеристики болѣзненнаго состоянія не важно, выполняли ли онѣ свои проекты, а важно, что одна нелѣпая мысль смѣняла другую. Въ письмахъ встрѣчаются ужасныя выраженія: „превратить въ ангела“, „пересадить въ лучшую землю“ и т. п. Это чужія слова, не свойственныя молодой дѣвушкѣ; выхвачены они изъ пло-

хихъ уголовныхъ романовъ. Такъ выражается человѣкъ, когда ему очень страшно, и онъ старается говорить слишкомъ громко, или когда нарядится не въ свое платье и попадетъ въ чужое общество, а, чтобы скрыть смущеніе, ведетъ себя черезчуръ развязно.

Все это фантазіи, непохожія на настоящія преступныя дѣйствія. Преступникъ не будетъ тратить времени на безполезную переписку и щеголять бравурными фразами. Преступникъ не пойдетъ на лишнія, ненужныя преступленія. Если онъ можетъ украсть, онъ не будетъ убивать. Деньги у Штеллингъ лежали въ комодѣ. Ульдрихъ всегда могла ихъ похитить. Самая сумма, ради которой предполагалось убійство, слишкомъ ничтожна. Штеллингъ показываетъ, что у нея въ то время было только 300 рублей, что эта цифра въ точности была извѣстна Ульдрихъ. Но больные замыслы не могли питаться ничтожными преступленіями. Рѣдко человѣкъ, сойдя съ ума, вообразитъ себя малой величиной, но всегда чѣмъ-либо необыкновеннымъ. Ульдрихъ не могла себя вообразить воровкой, но, по крайней мѣрѣ, убійцей. То, что она задумала, заслонялось ея мечтами объ образованіи, а убійство стало для нея какимъ-то таинственнымъ талисманомъ. Ей казалось, стоитъ лишь рѣшиться, и все сдѣлается какъ-то само собой.

Какъ осуществили онѣ свои замыслы? Старые проекты и „умныя предложенія“ были оставлены. Новая мысль въ ихъ больныхъ головахъ созрѣла въ самый день 27-го мая, неожиданно для нихъ самихъ. Убить и поджечь, чтобы скрыть слѣды преступленія, — это обыкновенный способъ убійства: о немъ можно читать въ газетахъ чуть не ежедневно. Г. прокуроръ находитъ планъ очень удачнымъ. Такъ ли? Обыкновенно такой способъ убійцы примѣняютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда убиты всѣ обитатели квартиры или дома,—чтобы огонь уничтожилъ все, такъ что невозможно было бы даже догадаться, что совершено убійство. Но никогда убійца не подожжетъ квартиру, въ которой есть, кромѣ трупа, живой человѣкъ, потому что этотъ человѣкъ проснется, закричитъ о помощи, пожаръ прекратятъ и найдутъ трупъ. Кромѣ Штеллингъ, въ квартирѣ была кухарка, которую онѣ не собирались убивать. Не могли же онѣ

думать, что эта кухарка сгоритъ живой. Невозможно было даже предполагать, что кухарка, которую отъ спальни отдѣляла лишь передняя, не проснется во время борьбы и не прибѣжитъ на помощь. Что стали бы онѣ дѣлать, если бы передъ ними появилась эта здоровая, сильная женщина! Для убійцы, вооруженнаго топоромъ или револьверомъ, не страшенъ другой человѣкъ, но Ульдрихъ и Грюнбергъ были вооружены лишь подушками.

Какъ совершили онѣ самое покушеніе? Штеллингъ говоритъ, что Ульдрихъ вела себя странно, вечеромъ была неестественно весела, пѣла и играла на піанино. Къ сожалѣнію, Штеллингъ не явилась въ засѣданіе, и потому мы лишены возможности подробно узнать, какъ все случилось. Слѣдователю Штеллингъ разсказывала, какъ она во снѣ почувствовала, что ей животъ и лицо накрыли чѣмъ-то и стали душить, но не сильно, такъ что она могла оттолкнуть душившихъ и вскочить съ постели. Въ этомъ ея показаніи обращаютъ на себя вниманіе выраженія, въ которыхъ оно записано. Слѣдователь, очевидно, хотѣлъ сказать, что обвиняемыя душили Штеллингъ, но, записывая показаніе такъ, какъ она разсказывала, онъ наполнилъ его явными противорѣчіями. Для того, чтобы душить, надо надавливать на лицо и притомъ очень сильно, а Штеллингъ говоритъ, что ей *накрыли* лицо и душили настолько не сильно, что она могла оттолкнуть и вскочить. Она ни слова не говоритъ о борьбѣ, о томъ, чтобы она изворачивалась, она просто вскочила. Обвинительный актъ, утверждая, что Штеллингъ, *„собравшись съ силами, столкнула* нападавшихъ“, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ ея показаніями. Это показаніе будетъ для насъ вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что душить на кровати было неудобно, даже невозможно, такъ какъ кровать была очень высокая. Кухарка Шаховцева, женщина высокаго роста, чтобы опредѣлить высоту кровати, подняла руки на уровень своихъ плечъ.

Всякое нападеніе невольно отражается на состояніи духа жертвы: чѣмъ оно сильнѣе и серьезнѣе, тѣмъ больше испугъ потерпѣвшаго. Что же сдѣлалось съ 52-хлѣтней старухой Штеллингъ, когда она вскочила съ постели? Что же,

она бросилась прочь отъ нихъ, звала на помощь? Нѣтъ. Она молча бѣжитъ за ними, ловитъ и зоветъ на помощь кухарку лишь тогда, когда Ульдрихъ въ передней на полу лежитъ подъ ней и старается вырваться. Роли слишкомъ быстро перемѣнились. Штеллингъ сдѣлалась нападающей, а онѣ спасающимися. Мы и позже не замѣчаемъ у Штеллингъ обычнаго послѣ сильнаго испуга угнетенія, упадка силъ. Когда пришелъ дворникъ, она преспокойно колотитъ ихъ зонтикомъ и предлагаетъ сдѣлать то же присутствующимъ.

Больная фантазія привела Ульдрихъ къ постели Штеллингъ, но тамъ живыя чувства заговорили. Когда она прикоснулась къ человѣку, ужасъ охватилъ ее. У нея не стало ни силъ, ни энергіи продолжать начатое. Какъ ребенокъ прикасается первый разъ къ огню и отдергиваетъ отъ боли руку, такъ и она прикоснулась къ чужой жизни и въ страхѣ бѣжала отъ нея. Ей нужно было дойти до конца, болѣзнь должна была совершить свой кругъ. Врачи говорили намъ, что такимъ больнымъ достаточно лишь приступить къ исполненію своего замысла, чтобы они почувствовали облегченіе. Такъ и Ульдрихъ достаточно было только прикоснуться къ Штеллингъ, чтобы больная фантазія удовлетворилась. Она жила мечтой, ради мечты, а жизнь мимо нея текла; мечтой она хотѣла бороться съ жизнью, въ мечтахъ злодѣйствовала, но въ жизни не могла совершить зла.

Вспомните, гг. присяжные, всю тяжесть обвиненія въ покушеніи на убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, съ цѣлью грабежа и не забывайте двухъ жалкихъ, трепещущихъ дѣвушекъ у постели Штеллингъ. Великія кары налагаются за великія злодѣянія, здѣсь же грозному правосудію не на что излить свой гнѣвъ. Онѣ повѣдали свои больныя мечты: создалась форма для обвинительнаго акта, но не для обвинительнаго приговора. И законъ наказываетъ лишь такое покушеніе, которое не обратилось въ законченное преступленіе по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли преступника. Если же преступникъ, начавшій злое дѣло, самъ остановился и самъ его прекратилъ, онъ не подлежитъ наказанію. Обвинительный актъ утверждаетъ, буд-

то Ульдрихъ и Грюнбергъ не могли удушить Штеллингъ „въ виду сопротивленія и прибывшей помощи". Мы уже знаемъ изъ показанія Штеллингъ, что сопротивленія не было, а помощь прибыла, когда Штеллингъ лежала на убѣгавшей Ульдрихъ. Если въ тотъ моментъ, когда проснулась Штеллингъ, когда именно и должно было начаться удушеніе, онѣ не бросились на нее, не начали съ ней борьбу, а бѣжали, мы можемъ сказать, что онѣ сами оставили начатое, что онѣ не могли совершить его.

Но что бы онѣ ни совершили, вы, конечно, не забудете, гг. присяжные, что это сдѣлали больныя. Я не буду повторять передъ вами выводовъ экспертизы. Что я могу прибавить къ выводамъ врачей, такъ талантливо, ясно, просто и убѣдительно изложеннымъ докторомъ Ждановымъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ? Все, что мы знаемъ объ Ульдрихъ, говоритъ намъ, что она больна. Все, что я имѣлъ честь изложить, есть исторія ея болѣзни... Онѣ не настолько здоровы, чтобы не поддаться болѣзненнымъ фантазіямъ, но не настолько больны, чтобы доводить ихъ до конца. Если вы найдете ихъ виновными, вы скажете, что онѣ дѣйствовали въ состояніи болѣзни. Это будетъ объясненіемъ ихъ поступка. Вамъ, серьезнымъ, взрослымъ людямъ, приходится судить серьезныя дѣянія, а то, что онѣ сдѣлали, такъ странно, такъ нелѣпо, ребячески наивно. Злодѣйства онѣ не совершили, а если злодѣйствовали въ душѣ, то души ихъ исправлены страданіями, которыя онѣ перенесли за эти 4 года, исправлены великой учительницей — жизнью. Ихъ больныя мечты не поколебали нравственнаго принципа: „не убій". Наоборотъ, онѣ наглядно показали, что убивать нельзя, что въ минуту отчаянія больной человѣкъ можетъ подумать объ этомъ, но не сдѣлать.

Это—добрыя души. Онѣ пошли за добромъ; путь былъ трудный; онѣ споткнулись, но не погибли. Вѣрьте, что то доброе, которое было въ нихъ, не утратилось, но закалилось. А все злое, навѣянное, кажется имъ далекимъ сномъ и гнететъ ихъ, какъ страшный призракъ. Сегодня послѣднее напоминаніе о немъ, и пусть сегодняшній день будетъ для нихъ великимъ днемъ избавленія отъ этого призрака.

Тамъ, 27-го мая, не погибъ человѣкъ, и волосъ не спалъ съ головы его. Зла не совершилось, потому что онѣ не могли, не способны его совершить. Пусть и вашъ приговоръ будетъ для нихъ не зломъ, а добромъ.

Защитникъ Грюнбергъ, *П. Н. Малянтовичъ*: „Въ тяжелое и грустное время живемъ мы", сказалъ представитель обвиненія. И я также думаю: я ожидалъ, что г. обвинитель скажетъ: „нельзя судить больныхъ", и будетъ настаивать лишь на признаніи факта, но онъ поддерживаетъ обвиненіе во всей его цѣлости, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ... Защитѣ предстоитъ серьезная борьба...

Я начну съ того, чему посвятилъ послѣднюю часть своего слова мой товарищъ. По его мнѣнію, поведеніе подсудимыхъ во время совершенія преступленія лучше всего доказываетъ, что у нихъ не было серьезнаго намѣренія лишить жизни Штеллингъ, и что поэтому ужасное преступленіе совершиться не могло... Я хочу поддержать его выводъ нѣсколькими добавочными соображеніями относительно подсудимой Грюнбергъ. Она сознается, какъ и Ульдрихъ, что рѣшилась на тяжкое преступленіе ради денегъ, и—вспомните!—идя на него, не знаетъ, есть ли деньги у жертвы и гдѣ онѣ хранятся... Она идетъ въ спальню Штеллингъ, чтобы задушить ее, какъ условлено, и не знаетъ, гдѣ стоитъ ея кровать, и куда головой она лежитъ, и орудіемъ преступленія запасается лишь по дорогѣ, въ гостиной,—диванной подушкой,—орудіемъ случайнымъ и наименѣе пригоднымъ для задушенія: твердой диванной подушкой трудно быстро и сразу закрыть отверстія для дыханія—ротъ и носъ, зато разбудить легко, потому что приходится давить на лицо, не закрывая отверстій для дыханія... Изъ всѣхъ способовъ убійства онѣ выбираютъ самый рискованный: при задушеніи необходимо ожидать отъ жертвы энергическаго сопротивленія, надо запастись твердою рѣшимостью бороться съ нею, чтобы осуществить свой жестокій умыселъ. Лишь только прекратится доступъ воздуха въ дыхательные пути, спящій, еще не просыпаясь, уже начнетъ реагировать энергично и безсознательно вступитъ въ ожесточенную борьбу. Это понятно всякому. Приведеніе умысла въ исполненіе собственно и начинается съ

этого момента: надо одолѣть сопротивленіе, надо помѣшать жертвѣ сбросить съ лица помѣху для дыханія. Обвиняемыя и не пытались сдѣлать этого: какъ только зашевелилась Штеллингъ, онѣ бросились бѣжать... А Грюнбергъ сдѣлала рѣшительно все, для того чтобы Штеллингъ скорѣе проснулась. Не зная, какъ лежитъ Штеллингъ, она просто бросила подушку на нее... Такъ не поступаютъ люди, серьезно умыслившіе тяжкое преступленіе: это—не покушеніе на задушеніе, это—легчайшій способъ пробужденія. И Штеллингъ быстро проснулась и отколотила обвиняемыхъ... При такихъ условіяхъ мудрено говорить о покушеніи на убійство... Невозможно покушеніе на преступленіе тамъ, гдѣ совершенно очевидно, что самое преступленіе совершиться не могло. Если бы человѣкъ, захваченный съ зажженной спичкой въ рукахъ, у каменнаго монумента на открытой площади, сталъ бы клятвенно увѣрять, что онъ хотѣлъ сжечь памятникъ, кто предъявлялъ бы ему обвиненіе въ поджогѣ, несмотря на его сознаніе?! Здѣсь тоже на лицо сознаніе и также *нѣтъ преступленія!..* Поведеніе подсудимыхъ такъ по-дѣтски странно, пріемы такъ наивны, что въ нихъ нельзя обнаружить не только обдуманности, но даже умысла, серьезнаго умысла, котораго только и можно опасаться въ преступленіяхъ. Это что-то въ родѣ путешествія гимназистовъ младшихъ классовъ въ Америку: они готовы къ опасной борьбѣ, ко всякимъ лишеніямъ, но должны вернуться домой очень скоро, потому что нечѣмъ и не на что питаться. Если бы обвиняемые не принесли съ такою искреннею готовностью своего покаянія, можно сказать—съ увѣренностью, дѣло не дошло бы до суда: до такой степени мотивъ не объясняетъ преступленія, а пріемы обвиняемыхъ отрицаютъ возможность его совершенія. Относительно приготовленія къ поджогу и говорить нечего. Въ этомъ и подозрѣнія быть не могло; сами обвиняемыя и бутылку съ керосиномъ показали и разсказали про свой замыселъ.

Повторяю: обвиняемыя не могли совершить преступленія. Это очевидно; значитъ, что все дѣло въ ихъ намѣреніи. Можетъ быть, жестокое преступленіе сполна совершилось въ ихъ душѣ? Можетъ быть, злая воля достигла въ нихъ

опаснаго напряженія и не сегодня-завтра приведетъ ихъ къ опасному концу? Повидимому, для такого опасенія есть основанія. На нихъ ссылался г. обвинитель. Вѣдь подсудимыя не отрицаютъ, что онѣ думали о преступленіи, совѣщались о немъ. Времени у нихъ было достаточно, чтобы все обдумать и одуматься. Можно ли послѣ всего этого сомнѣваться въ серьезности и опасности ихъ намѣреній? Здѣсь сейчасъ же само собою напрашивается возраженіе: такъ много и долго думали и такъ нелѣпо приступили къ исполненію замысла?! Такъ твердо рѣшились и, едва коснувшись своей жертвы, опрометью бросились бѣжать?!. Но подождемъ съ возраженіемъ. Мы уже коснулись души Грюнбергъ,—разсмотримъ ее ближе. Матеріала для этого достаточно. Судъ при содѣйствіи сторонъ и экспертовъ сдѣлалъ все, чтобы его было достаточно.

Паулина Грюнбергъ росла, по свидѣтельству ея сестры, нервнымъ и слабымъ ребенкомъ. Очень рано проявилась въ ней нервозность и истеричность. Иногда ничтожная причина раздражала ее до самозабвенія. Десяти лѣтъ она потеряла мать и съ этого времени росла совсѣмъ одиноко: сестра вышла замужъ—ушла изъ дому, отецъ постоянно на работѣ. Тринадцати лѣтъ она окончила низшую школу и стала дома заниматься рукодѣліемъ „для денегъ", какъ объяснила она здѣсь. Послѣ смерти матери, которая помогала въ заработкѣ своему мужу, простому типографскому рабочему, матеріальное положеніе семьи ухудшилось. Одиночество и матеріальныя лишенія мѣшали дѣвочкѣ хорошенько окрѣпнуть нервами. Единственной подругой и собесѣдницей была у нея Эльза, и она у Эльзы была единственной подругой. Отсюда впослѣдствіи выросло взаимное вліяніе ихъ другъ на друга. Медицинская экспертиза констатируетъ у Грюнбергъ нѣкоторые признаки дегенераціи, вырожденія. Они не очень значительны, но важны въ томъ отношеніи, что служатъ внѣшнимъ выраженіемъ неправильностей въ самомъ развитіи нервной системы и даютъ право считать извѣстныя неправильности и сочетанія свойствъ въ психикѣ довольно устойчивыми. Вы, гг. присяжные засѣдатели, не могли не замѣтить у Грюнбергъ значительнаго и устойчиваго преобладанія чувствъ надъ

разумомъ и волей, т.-е. эмоціональной стороны психики надъ интеллектуальной и волевой, какъ принято выражаться. Чувствамъ она отдается очень быстро и очень сильно и отличается повышенною воспріимчивостью и въ серьезномъ, и въ пустякахъ. Янсонъ и дѣти, къ которымъ она приставлена въ качествѣ воспитательницы, и музыка, и случайная встрѣча въ вагонѣ, и интересная роль въ домашнемъ спектаклѣ, и мимоходомъ брошенныя слова подруги—на все откликается она быстро, всему отдается сильно и страстно. Но интереснѣе и важнѣе всего отмѣтить, что всякое внѣшнее явленіе, всякое собственное ощущеніе, какъ только они становятся объектомъ ея размышленій, все преувеличиваются и преувеличиваются, все больше и больше теряютъ сходство съ дѣйствительностью и принимаютъ фантастическія формы.

Она встрѣтила Я—на и тотчасъ полюбила его и преувеличиваетъ его достоинства. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но чѣмъ дальше она живетъ своимъ чувствомъ, тѣмъ сильнѣе кажется оно ей, тѣмъ фантастичнѣе становится ея предметъ. Начинаются искреннія, но фантастическія преувеличенія. Я—онъ не просто уменъ, не только даровитъ, онъ благороденъ, онъ—„князь" среди толпы, „онъ великъ во всѣхъ мысляхъ и недостаткахъ". И чувства къ нему принимаютъ многообразныя и малопонятныя формы. „Я его обожала, теперь только люблю", „я его уважала, теперь только люблю". И Палевичъ не простой человѣкъ. Онъ великолѣпно холоденъ, послѣдователенъ и строгъ. „Его твердость внушаетъ мнѣ ужасъ"... Выраженіе привязанности къ ней чужого ребенка вызываетъ въ ней бурный приливъ любви и готовности отдать ему жизнь, вы помните—въ семьѣ этого, какъ она выражается, полу-нѣмца, полу-еврея. Музыку она не просто любитъ, она хотѣла бы „жить въ музыкѣ". А жизнь гораздо проще, требованія ея гораздо суровѣе, и жизни она не знаетъ. Наблюденій и опыта никакого и свѣдѣній немного. Они не систематизированы и не глубоки, не продуманы, книжны. Жизнь не оправдываетъ надеждъ, мечты разлетаются въ прахъ. Это вноситъ разладъ въ душу, вызываетъ постоянную смѣну настроеній—подъема и упадка, возбужденія и отчаянія. Способ-

ность критики и самокритики понижены. Цѣли ставятся выше силъ, а для самыхъ незначительныхъ изъ нихъ не хватаетъ воли. Она даетъ слово отдать себя воспитанію дѣтей и не сдерживаетъ его чуть не на другой же день. О музыкѣ она забываетъ совсѣмъ, какъ только кажется вѣроятнымъ взаимное чувство со стороны Я—на, и музыку, въ которой она хотѣла бы жить, готова промѣнять на рисованіе... Я не дѣлаю ссылокъ на свидѣтельскія показанія и пока не привожу цитатъ изъ дневника. Первыя немногочисленны, а второй оглашенъ здѣсь въ засѣданіи не по обычному порядку, не секретаремъ, а прочитанъ отчетливо самимъ предсѣдателемъ, и вы его, гг. присяжные засѣдатели, конечно, помните. Онъ хорошо рисуетъ всю личность Грюнбергъ и ея основную черту—чрезмѣрное развитіе фантазіи... У нея всѣ явленія совершаются въ фантазіи... Нѣтъ знакомства съ условіями жизни, нѣтъ воли, нѣтъ образованія, послѣдовательной логики, умѣнья постоянно стремиться къ поставленной цѣли. Поспѣшно и страстно воспринятыя внѣшнія впечатлѣнія въ ея фантастической головѣ принимаютъ колоссальные размѣры, не имѣющіе сходства съ дѣйствительностью. Рѣшенія принимаются быстро, быстро смѣняются одно другимъ, ни одно не можетъ считаться твердымъ и большинство падаютъ тотчасъ же отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью...

Такою, гг. присяжные засѣдатели, Грюнбергъ пріѣхала въ Москву. Она пріѣхала сюда, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ уроками нѣмецкаго языка, думала и поучиться, конечно, надѣялась и на болѣе свѣтлую, широкую и интересную жизнь. Знакомыхъ у нея не было никого. Ея соотечественники-студенты не оказали подругамъ никакой нравственной поддержки и встрѣтили ихъ недовѣрчиво, даже съ насмѣшкой... Фантазерка съ расшатанными нервами, мечтавшая на службѣ бонною запастись излишкомъ денегъ и имѣть достаточно свободнаго времени для самостоятельной жизни, была предоставлена себѣ самой въ большомъ городѣ... Вмѣсто друзей ее встрѣтили здѣсь—служебная неволя, нужда и одиночество... Знаете ли вы, гг. присяжные засѣдатели, что значитъ одиночество среди людей?! Прислушайтесь,—откройте двери и окна и прислушайтесь—

даже и въ этотъ часъ вы услышите шумъ, глухой шумъ, какъ на берегу моря... Это люди шумятъ, много людей. И среди нихъ, среди людей можно чувствовать себя безгранично одинокимъ, такимъ же одинокимъ, какъ и тамъ на берегу моря... Хуже: тамъ вокругъ краса величавой природы, здѣсь—холодный, каменный ящикъ и рядомъ холодные, чужіе люди, которымъ нѣтъ до тебя дѣла, съ которыми ты, по выраженію писателя, соприкасаешься только локтями... Служба, какъ вы знаете, не оставляла совсѣмъ свободнаго времени, а попытки жить частными уроками, чтобы въ промежуткахъ между ними свободно располагать собою, приводили къ нуждѣ, а нужда заставляла искать опять службы...

Одиночество, служебная неволя и нужда! и никого рядомъ!.. Только Эльза Ульдрихъ, такой же больной человѣкъ... Достаточно этихъ свѣдѣній, даже безъ научной медицинской экспертизы, чтобы выработать твердую увѣренность, что преступный замыселъ обвиняемой былъ бредомъ больной души, измученныхъ нервовъ, бредомъ фантастическимъ, ничего общаго не имѣющимъ съ сознательнымъ, обдуманнымъ рѣшеніемъ... Какъ бы ни были тяжелы условія жизни Грюнбергъ, они не вызывали необходимости въ такомъ преступленіи, не толкали на него. Если бы у нея была сознательно обдуманная цѣль преступнымъ путемъ воспользоваться чужими деньгами, чтобы облегчить себѣ существованіе, она сдѣлала бы попытку достигнуть ея проще. Сдѣлать то, что она сдѣлала, можно лишь въ состояніи спутанности и затемнѣнія сознанія. И научная экспертиза дважды установила это. Четыре мѣсяца находилась она въ психіатрической Преображенской больницѣ подъ наблюденіемъ главнаго врача этой больницы, спеціалиста-психіатра, доктора медицины Константиновскаго. Его подробныя наблюденія надъ нею и заключенія были здѣсь оглашены. Вы ихъ слышали, гг. присяжные засѣдатели. И врачи-эксперты, приглашенные въ судебное засѣданіе, устами доктора Жданова, внимательно провѣрили все дѣло и въ длинномъ и мотивированномъ заключеніи согласились съ выводомъ д-ра Константиновскаго и признали ненормальнымъ и невмѣняемымъ душевное состояніе Грюнбергъ въ

моментъ совершенія преступленія. Они нашли, что Грюнбергъ находилась тогда въ такъ называемомъ продромальномъ періодѣ остраго галлюцинаторнаго умопомѣшательства, т.-е. въ періодѣ подготовительномъ, за которымъ и послѣдовала самая болѣзнь, которая характеризуется полною спутанностью и затемнѣніемъ сознанія, уже очевидными для всѣхъ. Теперь, по мнѣнію врачей, она здорова отъ того, что было съ ней 4 года тому назадъ. Ей самой теперь странно, непонятно, какъ могло случиться это, но намъ, стоящимъ въ сторонѣ, подробно обслѣдовавшимъ ея личность и поведеніе,—намъ ясно, гг. присяжные засѣдатели, что то былъ больной бредъ, который осуществиться не могъ. Пока Грюнбергъ бредила съ Эльзой о преступленіи, въ ея воображеніи носился какой-то фантомъ и отсутствовало живое представленіе о живомъ человѣкѣ, но когда около нея зашевелился живой человѣкъ, реальный ужасъ смѣнилъ фантастическую жестокость,—и она бѣжала... Нѣтъ, не могла она совершить это преступленіе, допущеніе этой возможности противорѣчитъ основнымъ и постояннымъ свойствамъ ея натуры, вѣрнѣе—ея чувствъ. Къ нимъ нужно всегда обращаться, когда хочешь рѣшить вопросъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ и чего онъ никогда не сдѣлаетъ...

Но прежде я обязанъ, гг. присяжные засѣдатели, постараться изгладить изъ вашей памяти ту характеристику, которая сдѣлана о Грюнбергъ въ обвинительномъ актѣ. Г. обвинитель въ своей рѣчи никакихъ поправокъ въ обвинительный актъ не внесъ, напротивъ, онъ упрекнулъ обвиняемую и въ „желаніи праздности" и въ томъ, что у нея были мысли „о неправильномъ распредѣленіи богатствъ", но не было „мыслей о человѣческихъ страданіяхъ". Здѣсь мнѣ придется напоминать вамъ по тексту содержаніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ дневника, чтобы оцѣнить тѣ цитаты, которыя сдѣланы изъ него въ обвинительномъ актѣ. Въ своихъ мечтахъ о замужествѣ Грюнбергъ, по словамъ обвинительнаго акта, „не была особенно разборчива". Въ подтвержденіе этого вывода приводится три выдержки изъ дневника. Первая: „онъ не изъ хорошихъ, самъ сказалъ, что онъ испорченъ, все-таки если бы я могла настолько

его обморочить, чтобы онъ женился на мнѣ, недурно было бы, я уже съ нимъ сладила бы". Прежде всего вы помните, что латышское слово, соотвѣтствующее въ этомъ мѣстѣ русскому „обморочить", можетъ быть переведено на русскій языкъ словомъ „увлечь". Это слово здѣсь умѣстнѣе. Приведенная цитата сдѣлана изъ записи отъ 8 іюля 1895 г. Обратимся къ ней. Оказывается, что этотъ „онъ", котораго хочетъ увлечь Грюнбергъ, не кто иной, какъ Я., тотъ самый Я., которому посвящены лучшія страницы дневника. Это уже до неузнаваемости мѣняетъ смыслъ цитаты. Но продолжимъ ее и увидимъ, что тотъ, кого она хочетъ „настолько увлечь, чтобы онъ женился на ней", по ея мнѣнію, „деликатенъ, сердеченъ, великъ въ своихъ мысляхъ и недостаткахъ, благороденъ", что она даетъ ему прозвище „князь", что она его страстно любитъ. Какъ видите, никакъ нельзя сказать, что Грюнбергъ была неразборчива въ выборѣ мужа. Слѣдующая цитата изъ записи 3-го октября 1895 г.: „А. И. сказала, что стоитъ влюбиться въ него: страшно богатъ. Если онъ придетъ, постараюсь его плѣнить. Можетъ быть удастся. Противенъ ли онъ мнѣ, объ этомъ не буду думать, если только богатъ". Позвольте мнѣ только продолжить цитату до конца записи. „Ахъ, почему Янсонъ не пишетъ? мучусь въ ожиданіи письма". Смыслъ предыдущаго понятенъ. Онъ еще понятнѣе, если вы вспомните, что эта запись дневника сдѣлана въ то время, когда Грюнбергъ тосковала о томъ, что не получаетъ писемъ отъ Я., и вообще находилась въ очень мрачномъ и безнадежномъ настроеніи... И третья цитата той же цѣнности. Рѣчь въ ней идетъ о П. Она не прочь, чтобы онъ полюбилъ ее и женился на ней. Не мѣшаетъ помнить, что это тотъ самый П., „твердость котораго внушаетъ ей ужасъ". А затѣмъ слѣдуетъ прочесть запись, изъ которой сдѣлана цитата, съ начала. Она начинается словами: „Здѣсь теперь я одна, одна, всѣми забыта, имъ отвержена, имъ, котораго я любила больше кого-нибудь другого на свѣтѣ". Рѣчь идетъ все о томъ же Я. Затѣмъ далѣе она утверждаетъ, что „готова влюбиться въ перваго попавшагося навстрѣчу дурака, чтобы только доказать, что онъ для нея нуль"... И всѣ другіе выводы о Грюнбергъ подкрѣпляются такого

же сорта цитатами. Обвинительный актъ утверждаетъ, что „она тяготилась своею бѣдностью, особенно сравнивая ее съ состояніемъ другихъ, и жаждала выйти изъ этого положенія“. Цитата: „больше я не могу переносить эту жизнь, состоящую изъ однихъ лишеній, хочу имѣть свою долю, какъ другіе“. Оказывается, здѣсь рѣчь идетъ опять о любви ея все къ тому же Я., но не о богатствѣ. Еще: „вѣдь они сами сидятъ въ изобиліи, знаютъ ли они, что это значитъ—всегда терпѣть лишенія“ и проч. Оказывается, что здѣсь Грюнбергъ говоритъ не о себѣ: она разражается этой тирадой въ защиту родственника своихъ хозяевъ, несчастнаго молодого человѣка... Однако довольно: я уже утомилъ васъ, гг. присяжные засѣдатели... Этихъ образчиковъ достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству цитаты изъ дневника въ обвинительномъ актѣ и общую характеристику Грюнбергъ, сдѣланную на ихъ основаніи. Вы слышали этотъ дневникъ. Въ немъ Грюнбергъ откровенно говоритъ о самыхъ интимныхъ вещахъ. Онъ долго читался, около 3-хъ часовъ, и за все это время не раздалось въ залѣ ни одного смѣшка, ни разу!.. Этого нельзя объяснить высокимъ уровнемъ аудиторіи. Только содержаніе дневника, его тонъ могутъ объяснить это. Мы слышали въ немъ много наивнаго, много экзальтированнаго и ничего пошлаго, ни одного слова пошлости. Скажите, многіе ли изъ насъ всѣ свои мысли и тревоги могутъ спокойно вынести на публичный судъ?! Многіе ли?!.. Нельзя дѣлать такія выдержки... стыдно!..

И свидѣтели, и дневникъ рисуютъ Грюнбергъ совсѣмъ иными чертами.

Иванова называетъ ее доброю и отзывчивою дѣвушкою, готовою, несмотря на свою бѣдность, подѣлиться послѣднимъ двугривеннымъ. Дмитревская не допускаетъ и мысли, чтобы она могла совершить преступленіе, хотя такъ же, какъ Иванова и Ратенекъ, какъ и всѣ другіе, кто зналъ ее, считаютъ Грюнбергъ легкомысленною фантазеркою съ больными нервами. Ни Дмитревская, ни Иванова, у которыхъ Грюнбергъ служила бонною, въ праздности и лѣни ея не упрекаютъ. Напротивъ, обѣ удостовѣряютъ, что работы у нея было достаточно, особенно у Дмитревской, гдѣ

подъ ея присмотромъ находилось шестеро дѣтей, и для себя времени дѣйствительно не было. Правда, она всегда высказывала имъ свое желаніе учиться, жаловалась на скуку и отсутствіе времени для своихъ занятій, но желаніе учиться и жалоба въ 19-ть лѣтъ на скуку, когда для себя не остается ни минуты времени, когда всѣ дни утомительно похожи одинъ на другой,—развѣ это такъ не естественно?!.. Она очень быстро привязывается къ дѣтямъ и очень радуется, когда пріобрѣтаетъ вліяніе на нихъ (объ этомъ она пишетъ Эвелинѣ Ивановнѣ) и вызываетъ отвѣтное чувство къ себѣ. И въ семьѣ иностранца, „полу-нѣмца, полуеврея", къ ней привязывается дѣвочка—и она готова отдать ей жизнь!.. Къ людямъ относится благожелательно и ласково. Только тогда, когда она оцѣниваетъ все съ высоты, такъ сказать, идеальныхъ требованій, мечетъ она противъ людей громы и молніи... или въ состояніи раздраженія, и при этомъ чаще всего противъ людей вообще, но когда она сталкивается съ ними въ жизни, она неизмѣнно добра и ласкова. Г-нъ Дмитревскій, съ которымъ она постоянно споритъ и жестоко бранитъ за его взгляды, по ея мнѣнію, добрый человѣкъ... „Ею овладѣваетъ боль и сожалѣніе, она не знаетъ куда дѣваться, когда слышитъ дурные отзывы о студентахъ". Страданія и неудачи родственника Ивановой вызываютъ у нея теплое сочувствіе, и она отдаетъ ему послѣдній полтинникъ, и по его поводу и за него обрушивается на людей, „утопающихъ въ изобиліи"... Съ искреннею готовностью и по собственному побужденію она приходитъ къ мысли, что ей не отдали заработанныхъ денегъ только потому, что ихъ не было, хотя въ это время она очень нуждалась... Отца и сестру любитъ искренно. Въ письмѣ къ отцу знакомитъ его съ своею жизнью, съ своимъ недовольствомъ, съ надеждами на будущее...

Чѣмъ недовольна она? о чемъ мечтаетъ? куда влечетъ ее жажда жизни? Въ отвѣтахъ на эти вопросы лежитъ, какъ я сказалъ, рѣшеніе вопроса, что она можетъ сдѣлать и чего не сдѣлаетъ. Пусть желанія ея преувеличены и измѣнчивы, настроенія разнообразны и постоянны, но каковы они? И отцу, и Эвелинѣ Ивановнѣ, и всѣмъ другимъ, и въ дневникѣ она жалуется, что у нея нѣтъ времени для себя.

Это ея главная жалоба. Другія стороны подневольной жизни тяготятъ ее меньше. Она бросаетъ одно мѣсто и другое, чтобы жить частными уроками, на свободѣ. Эта очень ограниченная свобода влечетъ ее къ себѣ не безпорядочною праздностью, пустой и безцѣльной —нѣтъ, она говоритъ, что „не стоитъ жить, чтобы пить и ѣсть". Она пишетъ отцу, что была бы счастлива, если бы у нея хватало времени для музыки, а заработка—на столъ и квартиру и на уроки музыки. Она хотѣла бы „жить въ музыкѣ", и отъ одной мечты объ этомъ у нея „кружится голова". Потомъ она мечтаетъ о рисованіи, потомъ объ экзаменахъ по общеобразовательнымъ предметамъ, но не грезитъ ни о богатствѣ, ни о роскоши. Она томится отъ одиночества... „Ай, не любилъ, не любилъ, никто никогда не любилъ меня!" восклицаетъ она. А она такъ хочетъ ласки и любви, чистой, хорошей! Она понимаетъ такую любовь и умѣетъ цѣнить ее. Она цѣнитъ въ Я. его деликатность, его ласковое и исполненное уваженія къ ней отношеніе. Ей дорого, что она чувствовала себя съ нимъ, какъ съ братомъ, и это несмотря на то, что любитъ она его другою любовью... Съ каждой страницы дневника глядитъ простое, искреннее существо, которое ищетъ участливой, ласковой поддержки. Въ одномъ мѣстѣ это исканіе переходитъ въ вопль больной и одинокой души... Помните: „Если бы была еще около меня моя маменька, если бы я была маленькимъ ребенкомъ, я положила бы свою голову на ея колѣни,—и все, все было бы хорошо. Маменька, маменька, почему я не могу быть у тебя?.."

Вы судите, гг. присяжные засѣдатели, живого человѣка, соберите въ одну общую и живую картину всѣ мелочи и частности,—и тогда передъ вами вырисуется привлекательный образъ искренней, ласковой и чистой дѣвушки съ живой и подвижной натурой, съ жаждой интересной и свѣтлой жизни... И ясно будетъ, что она не могла совершить преступленія... Четыре года прошло со времени этого ужаснаго событія въ ея жизни За это время она успѣла окрѣпнуть и тѣломъ, и духомъ. Въ томъ порукою и эти четыре года, проведенные ею на свободѣ, и ученая экспертиза. За это время она страдала и муками стыда, и

ожиданіями суда и кары. Еще сильнѣе страдала эти два дня судебнаго засѣданія, когда сотни чужихъ глазъ разсматривали ея душу въ самыхъ интимныхъ ея тайникахъ. Она довольно наказана! Обвинить ее теперь было бы и жестоко, и несправедливо.

Защитникъ Ульдрихъ *М. Ф. Ходасевичъ*. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Въ этотъ залъ, гдѣ творится большое и серьезное дѣло правосудія, рука объ руку съ вами— невидимо для взора и видимо въ дѣлахъ ея—вошла житейская мудрость... желанная и... страшная гостья. Ничто не скроется отъ ея пытливо-спокойнаго ока. Но кто можетъ знать, что именно привлечетъ ея взоръ и окончательно опредѣлитъ ея роковой выводъ? А узнать надо, и надо теперь... Ибо если участіе сторонъ въ дѣлѣ—не пустая трата времени, а дѣйствительная помощь вамъ, то будетъ уже поздно, если какіе-нибудь вопросы впервые возникнутъ тамъ, у васъ въ совѣщательной комнатѣ, туда никто не придетъ къ вамъ, никто не поможетъ вамъ. Ихъ надо поставить и выяснить сейчасъ же.

Одинъ изъ такихъ вопросовъ и затронулъ обвинитель. Если человѣкъ сознательно приходитъ къ выводу, что съ благородною цѣлью, съ тѣмъ, чтобы получить возможность быть полезнымъ обществу и человѣчеству, дозволительно все, вплоть до отнятія жизни у другого, то что дѣлать съ такимъ человѣкомъ обществу и намъ, посланнымъ его? Кто же, какъ не мы и въ одинъ голосъ должны сказать ему: ты исповѣдуешь идею, вступившую въ борьбу съ законами природы человѣческой, ты порвалъ съ жизнью, покусившись на жизнь, ты не нашъ, мы отвергаемъ и твои теоріи, и даръ твой, и тебя, уйди отъ насъ и искупи грѣхъ свой и предъ людьми, и предъ своею совѣстью, если можешь. И сказавъ такъ, вы были бы правы.

Такой приговоръ и неизбѣженъ, если бы предъ вами сидѣли не онѣ—эти дѣвушки, а тотъ, чье имя упоминалось здѣсь—Раскольниковъ, съ которымъ нашелъ у нихъ сходство прокуроръ.

Человѣкъ недюжинный, большого ума и образованія, талантливый, уже обратившій на себя вниманіе смѣлой статьей, человѣкъ, предъ которымъ—еще какихъ-нибудь

годъ усилій—и открывалось все будущее—и вдругъ кончаетъ такимъ мрачнымъ дѣломъ! Вѣдь онъ самъ говоритъ, что стоило только дойти ему до пріятеля, Разумихина, и у него будетъ все—и работа, и средства къ трудовой жизни. Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что это былъ человѣкъ болѣе талантливый, чѣмъ способный къ выдержкѣ, къ систематическому, упорному труду, къ серьезной работѣ мысли, болѣзненно чуткій къ страданіямъ до самозабвенія; онъ, который готовъ былъ жениться изъ жалости на больной хозяйской дочери, о которой говорилъ, что онъ, кажется, полюбилъ бы ее еще болѣе, если бы она была хромая или горбатая,—онъ сталъ задаваться вопросами общественными; безпокойная мысль его пытливо искала общественнаго ученія, долженствовавшаго излѣчить всѣ язвы и несправедливости, утолить всѣ скорби человѣчества и низвести небеса на землю... но сейчасъ, но немедленно, ибо тѣ, которымъ онъ сострадалъ—и мать, и сестра, и Соня, и Катерина Ивановна, и многіе другіе—вѣдь онѣ тутъ, около него, сейчасъ. И вотъ онъ, съ такимъ настроеніемъ и безъ выдержки, съ озлобленіемъ, какъ хламъ, съ горькой насмѣшкой отталкиваетъ всѣ общественныя теоріи и приходитъ къ мрачной философіи эгоизма и къ выводу, что личность, особенно высоко одаренная, можетъ въ видахъ *своего* счастья и *своего* всесторонняго развитія—позволить себѣ все, хотя бы устранить такое препятствіе на своемъ пути къ счастью, какъ человѣческое существо, которое онъ называетъ „вошь“.

„За что давеча,—говоритъ онъ,—дурачокъ Разумихинъ соціалистовъ бранилъ? Трудолюбивый народъ и торговый: общимъ счастьемъ занимаются... Нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается и никогда ея больше не будетъ; я не хочу дожидаться всеобщаго счастья. Я и самъ хочу жить, а то лучше ужъ и не жить. Что жъ? Я только не захотѣлъ проходить мимо голодной матери, зажимая въ карманѣ свой рубль въ ожиданіи „всеобщаго счастья“. Нельзя-съ! зачѣмъ же вы меня-то пропустили? Я вѣдь всего однажды живу, я тоже хочу...“

И по такой теоріи, имъ продуманной, имъ въ долгихъ голодныхъ и сердечныхъ мукахъ выношенной, онъ убиваетъ

хитро, разсчитанно и осторожно, ведя и потомъ довольно искусную и упорную борьбу съ правосудіемъ... И правильно сказалъ про него слѣдователь: „тутъ дѣло фантастическое, мрачное, когда помутилось сердце человѣческое; тутъ книжныя мечты, тутъ теоретически раздраженное сердце“... Онъ и самъ признаетъ это, онъ даже не оправдывается нищетой своей и одиночествомъ и самъ говоритъ: „я озлился и не захотѣлъ... я, какъ паукъ, къ себѣ въ уголъ забился“!

Да, такой человѣкъ страшенъ: разъ онъ осудилъ что-нибудь и свой приговоръ обосновалъ теоретически,—онъ приведетъ его въ исполненіе.

И вотъ вы, гг. присяжные, хорошо познакомились съ Ульдрихъ и Грюнбергъ. Онъ, Раскольниковъ, чужой имъ— этотъ мрачно-скорбный образъ..., и слава Богу! Онѣ не героини, онѣ—просто бѣдныя дѣвушки, одна болѣе горячая и подчасъ рѣзкая, но правдивая и искренняя, другая тоже съ добрымъ сердцемъ, но женственная и даже сантиментальная. Что у нихъ было, когда онѣ пришли въ большой городъ, кромѣ молодыхъ силъ,—у Ульдрихъ уже и тогда надорванныхъ—да жажды знанія?—ничего. Знаній своихъ, подготовки къ тяжелой борьбѣ за существованіе въ большомъ городѣ—никакой; подготовки къ высшему образованію—тоже мало, даже у болѣе способной Ульдрихъ—ни широты мысли, а такъ, какіе-то обрывки чего-то схваченнаго на лету; никакого опредѣленнаго взгляда на жизнь, никакихъ теорій, никакихъ опредѣленныхъ общественныхъ задачъ... Только запросы, только молодыя надежды. Но „скоро гаснетъ надеждъ молодая заря“. Почти безоружныя въ борьбѣ за существованіе, неприспособленныя, на каждомъ шагу онѣ получали лишь удары въ ихъ болѣзненно-воспріимчивыя сердца. Грошевые уроки, жизнь впроголодь не давали ни времени, ни средствъ къ осуществленію даже въ сущности неоформленной мечты о высшемъ образованіи. Изнервничавшихся, нервныхъ отъ природы, подчасъ голодныхъ, и физически и умственно усталыхъ, измученныхъ непосильной борьбой, жизнь ихъ пришибла, и остались послѣ года такого напряженнаго существованія только робость отчаянія въ сопротивленіи всему

рѣзкому, импонирующему, полное безсиліе справиться съ новой идеей, критически отнестись къ ней... Въ этомъ состояніи полной психической подавленности предъ ними и возсталъ образъ Раскольникова.

Извѣстный психіатръ, докторъ Чижъ, пишетъ: „когда я впервые читалъ этотъ романъ, онъ на меня произвелъ подавляющее впечатлѣніе". Онъ точно выражался,—и если его—умнаго, здороваго и серьезнаго человѣка—„подавляло" на первыхъ порахъ, то что должно было сдѣлаться съ этими дѣвушками, которыя и не могли, которымъ и некогда было разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, ибо онѣ уже утратили эту способность? Да, смѣло повторяю, онѣ не думали, не додумались до этого, какъ Раскольниковъ, это не было ихъ теоріей. Это въ періодъ обостренія ихъ болѣзни (съ 3-го по 27-е мая) свалилось на нихъ, какъ большое несчастіе, въ видѣ „неотвязчивой идеи", и задушило ихъ — и онѣ... онѣ все-таки не задушили бы Штеллингъ. Ульдрихъ правду говоритъ здѣсь теперь, когда разобралась во всемъ этомъ чаду, въ этомъ бредѣ, въ этомъ снѣ... Развѣ тутъ теоретически раздраженное сердце? Тутъ разбитая не теоріей, а жизнью душа. Да, это не Раскольниковы. Тотъ долженъ былъ искупить свой грѣхъ терзаніями своей совѣсти. Я не знаю, что имъ нужно искупить?... свою болѣзнь?..

Не корите ихъ, гг. присяжные, что онѣ позабыли, какъ все это было... У сознательнаго убійцы все запечатлѣвается въ мозгу до мельчайшихъ подробностей, и онъ не можетъ, не долженъ забыть... А у нихъ это былъ сонъ, тяжелый, мрачный сонъ горячечнаго бреда... Послѣ него просыпаются въ ужасѣ, въ холодномъ поту, съ замирающимъ сердцемъ, но свѣтъ дня разсѣиваетъ страхъ и время цѣлительной рукой стираетъ мрачныя краски, даруя забвеніе выздоравливающему, какъ и вы, гг. присяжные, дадите его имъ...

Итакъ, это не Раскольниковы!.. Да въ наше время и не можетъ быть Раскольниковыхъ, напрасно тревожится прокуроръ. То мрачное дѣло, о которомъ слѣдователь Порфирій сказалъ—„нашего времени случай", имѣло мѣсто 30-ть лѣтъ тому назадъ, когда въ нашемъ обществѣ воз-

никало особое направленіе, отрицавшее, что нравственное чувство должно идти рука объ руку съ умственнымъ развитіемъ. Проповѣдь противъ этого теченія общественной мысли и заставила Достоевскаго мрачными красками показать намъ для устрашенія рядъ подобныхъ мрачныхъ образовъ—не реальныхъ, а теоретическихъ, воплощавшихъ въ себѣ опасенія этого пѣвца страданій. Вѣдь и онъ даже не выдаетъ Раскольникова за типъ, онъ оставляетъ его одинокимъ, безъ послѣдователей, его теорію безъ распространенія, и самъ Раскольниковъ постоянно называетъ ее „своей теоріей, своей идеей".

И если у кого явится лукавая мысль,—впрочемъ, ее тоже поднялъ обвинитель,—что вы должны своимъ приговоромъ по этому дѣлу сказать теперешней учащейся молодежи: въ тебѣ гнѣздится эта разлагающаяся болѣзнь мысли и сердца, мы для тебя же должны вырвать ее съ корнемъ, дабы она не заразила все твое молодое тѣло,—гоните прочь эту мысль, какъ неправду, какъ клевету на молодое поколѣніе и наше время. 30-ть лѣтъ прошло съ того мрачнаго случая, и кто слышалъ, чтобы онъ повторялся *въ жизни?* Теперь молодежь знаетъ, что жизнь дана не для мечтаній объ устроеніи судебъ человѣческихъ кабинетными способами; знаетъ, что человѣкъ родился не для праздныхъ мудрствованій, а чтобы—въ сферѣ ли науки, въ средѣ ли практической дѣятельности—упорнымъ, систематическимъ трудомъ уплатить долгъ свой обществу; знаетъ, что человѣчество вѣками создало этотъ капиталъ цѣнностей, идей, силъ, знаній—и для грядущихъ за нами—и что полученное наслѣдство надо не только сохранить, но и преумножить своимъ трудомъ, своею работой. И они работаютъ, подчасъ въ ужасныхъ условіяхъ, выживая въ нихъ съ истиннымъ героизмомъ... и трудъ, какъ посохъ странника, поддерживаетъ ихъ на пути. И если они ждутъ сегодня чего-нибудь отъ васъ,—такъ это довѣрія къ себѣ, ибо только оно окрыляетъ молодыя силы: они хотятъ услышать, что вы, уже зрѣлые люди, люди жизни и опыта, скажете ихъ сестрамъ, а своимъ дочерямъ, уставшимъ до изнеможенія и безсилія,—скажете ли вы имъ: „вы отверженныя", или участливо: „пять лѣтъ тому назадъ вы пали въ изнеможе-

ніи, ибо никто не поддержалъ васъ, ибо даже у своихъ земляковъ надо было доставать даже духовную пищу—книги—обманомъ, но мы поняли, что если случившееся съ вами ужасно, то оно все же не коренится въ сердцѣ вашемъ, вы—за время этихъ роковыхъ трехъ недѣль—это не вы, и намъ, осуждая какое-то болѣзненное явленіе, бывшее $4^1/_2$ года тому назадъ, не приходится нынѣ произносить приговоръ надъ живыми, трепещущими предъ нами людьми, въ ужасѣ по пробужденіи отталкивающими отъ себя это прошлое, какъ мрачный, гнетущій сонъ!..“

Не бойтесь, гг. присяжные засѣдатели, вашъ оправдательный приговоръ не соблазнитъ никого, имъ вы не унизите, а исполните законъ, ибо исполнить его—значитъ поставить его на надлежащую высоту. Законъ—рыцарь, онъ благороденъ, онъ только съ врагомъ вступаетъ въ борьбу, да и тому открыто говоритъ: „защищайся“. Онъ не сражается съ дѣтьми, съ лежачими, съ пришибленными, искалѣченными жизнью, какъ Ульдрихъ и Грюнбергъ! и что бы здѣсь ни говорили, эти дѣвушки никого не опозорили, и ихъ случай въ исторіи учащихся сестеръ ихъ—не позорная страница, а скорбный листъ...

Много ихъ сестеръ идетъ сюда, въ большой городъ, съ взорами блестящими, каждая на заработокъ и съ молодыми устами, жаждущими припасть къ источнику знанія—и сколько приходится выносить имъ, этимъ дѣвушкамъ, и насмѣшекъ, и недовѣрія, даже отъ своихъ, и эксплоатаціи ихъ труда, неопытности и деликатности, и уходить побѣжденными, изломанными съ поля житейской битвы; многія падаютъ, много пострадавъ... Но на долю этихъ слабыхъ выпала подавляюще богатая содержаніемъ жизнь. Чего тутъ только нѣтъ: и деревня съ горькимъ корнемъ ученія, и большой городъ съ его головокружительнымъ хаосомъ, и страшная работа, и жизнь впроголодь, и масса новыхъ лицъ, среди которыхъ онѣ все же одиноки и затеряны, и масса новыхъ впечатлѣній, безъ возможности разобраться въ нихъ, и полный упадокъ силъ, и этотъ страшный кошмаръ, отъ котораго онѣ пробудились въ тюрьмѣ, и тюремная больница, и сумасшедшій домъ, и судъ—посторонніе, чужіе люди анатомируютъ всю ихъ жизнь, и экспертиза, и

тысячи любопытныхъ глазъ, и вѣчный, какъ въ морѣ, приливъ и отливъ надеждъ и страха!..

Неисповѣдимы пути Провидѣнія!.. Но неужели нынче тотъ конецъ, о которомъ проситъ прокуроръ? Неужели эти двѣ молодыя жизни брошены въ мірѣ лишь для того, чтобы горестно воскликнуть сегодня: „вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю"? И въ этомъ будетъ правда? Такая правда никому и ни зачѣмъ не нужна!"

Присяжные засѣдатели признали доказаннымъ фактъ покушенія на задушеніе г-жи Штеллингъ, но отвергли фактъ покушенія на поджогъ. На вопросъ же о виновности въ покушеніи на убійство отвѣтили, что подсудимыя дѣйствовали въ состояніи сумасшествія.

На основаніи такого вердикта судъ постановилъ: считать Ульдрихъ и Грюнбергъ по суду оправданными и заключить ихъ въ домъ умалишенныхъ. Спустя полгода послѣ приговора Ульдрипъ и Грюнбергъ были вновь освидѣтельствованы московскимъ окружнымъ судомъ, который постановилъ освободить ихъ отъ содержанія въ больницѣ и передать на попеченіе родственниковъ.

Путейскія злоупотребленія.

(Засѣданіе особаго присутствія московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей въ г. Н.-Новгородѣ, 4—8 октября 1901 г.)

Судебное засѣданіе особаго присутствія судебной палаты открыто подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя палаты А. Н. Попова, въ составѣ членовъ палаты: Д. Ф. Ходоновича, П. П. Зорина и Г. Г. Гогеля и сословныхъ представителей и. д. семеновскаго уѣзднаго предводителя дворянства А. П. Михайлова, заступающаго мѣсто нижегородскаго городского головы И. В. Богоявленскаго и ельнинскаго волостного старшины Г. Г. Клюкина, при тов. прокурора палаты П. Г. Курловѣ. Въ качествѣ экспертовъ вызваны и явились инженеры гг. Вѣнскій и Водарскій, изъ коихъ первый служитъ членомъ правленія казанскаго округа путей сообщенія, а второй исполняетъ обязанности начальника нижегородскаго отдѣленія того же округа. Изъ числа вызванныхъ 137 свидѣтелей не явились 25 человѣкъ.

Защищаютъ подсудимыхъ: Александрова—прис. пов. г. Мироновъ, Шнакенбурга—прис. пов. г. Тесленко, Коровина—прис. пов. г. Наумовъ 1-й, Кирсанова—прис. пов. г. Малянтовичъ, Лебединцева—прис. пов. г. Владиміровъ, Смирнова—прис. пов. г. Ещинъ, Абалакова—пом. прис. пов. г. Серебровскій, Ловцова—прис. пов. г. Шамонинъ. Въ качествѣ представителя гражданскаго истца—казны—явился князь Кейкуатовъ.

Содержаніе обвинительнаго акта слѣдующее:

Въ сентябрѣ 1895 г. доведено было до свѣдѣнія министерства путей сообщенія о злоупотребленіяхъ по службѣ помощника начальника дноуглубительныхъ работъ на р. Волгѣ, инженера Петра Гавриловича Александрова. При разслѣдованіи этого дѣла выяснилось, что инженеръ Александровъ, имѣя на рукахъ казенныя деньги, при производствѣ возложенныхъ на него работъ отчитывался предъ казною въ этихъ деньгахъ фиктивными счетами разныхъ лицъ и представлялъ своему начальству вымышленныя обстоятельства и завѣдомо ложныя свѣдѣнія. При этомъ добыты

были данныя, указывающія на неправильныя по службѣ дѣйствія начальника нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія, инженера Шнакенбурга, коему былъ подчиненъ Александровъ. Такъ, 1) имъ составлялись акты освидѣтельствованія матеріаловъ, заключающіе въ себѣ завѣдомо ложныя свѣдѣнія; 2) удостовѣрялись своей подписью правильность расхода и дѣйствительность поставокъ на представлявшихся инженеромъ Александровымъ завѣдомо неправильныхъ и фиктивныхъ счетахъ, и 3) составлялись невѣрныя и писанныя заднимъ числомъ удостовѣренія въ правильности веденія Александровымъ рабочихъ журналовъ на землечерпательной машинѣ и землесосѣ. Вслѣдствіе этого журнальными постановленіями совѣта министерства путей сообщенія отъ 22 ноября, 1 и 8 декабря 1895 г. и 6 февраля 1898 г. противъ инженеровъ Александрова и Шнакенбурга возбуждено было уголовное преслѣдованіе.

На возникшемъ по этому дѣлу предварительномъ слѣдствіи установлено, что инженеръ Александровъ въ 1893, 1894 и 1895 гг. завѣдывалъ работами по устройству сормовской дамбы близъ Н.-Новгорода и дноуглубительными работами на р. Волгѣ, при чемъ въ его завѣдываніи находились землечерпательница «Ширмокша» и землесосъ «Волга» и временно, съ сентября по декабрь 1894 г., землечерпательная машина «№ 1», а съ іюня по октябрь 1895 г.—землечерпательная машина «Волжская 4-я». Возлагая на инженера Александрова означенныя работы, начальникъ казанскаго округа путей сообщенія Лохтинъ предписалъ ему употреблять поименованныя землечерпательныя машины для работъ по углубленію затоновъ, и главнымъ образомъ сормовскаго. Послѣднія работы должны были состоять въ выемкѣ въ ручную надводной части грунта въ мѣстахъ, предназначенныхъ для стоянки судовъ; въ складываніи этого грунта за ограждающей затонъ дамбой, и въ прокладкѣ между фашинной дамбой и земляной присыпкою слоя глинистаго грунта, съ цѣлью предупредить фильтрацію чрезъ фашинную дамбу. Высота земляной присыпки за дамбой должна быть не менѣе высоты дамбы, ширина 3 саж. и верхъ профили требовалось закруглить такъ, чтобы стрѣлы закругленія (возвышеніе надъ фашинной дамбой) были не менѣе 2 арш. Всѣ эти работы рекомендовалось вести съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ имѣли не только временное значеніе, а вошли, какъ часть, въ составъ будущихъ работъ по возвышенію дамбы, для чего предложено было принять мѣры къ тому, чтобы насыпь не была размыта весенней водой. Далѣе указывалось, что работы должны производиться при помощи состава мѣсячныхъ рабочихъ при дноуглубительномъ караванѣ въ количествѣ, достаточномъ для производства работъ въ теченіе одного мѣсяца; но если бы это оказалось невозможнымъ, за не-

имѣніемъ подходящихъ помѣщеній для рабочихъ въ осеннее время и за трудностью организаціи этого дѣла въ виду спѣшности работъ, то на этотъ случай инженеру Александрову предоставлено было право комплектованія мѣсячныхъ рабочихъ чрезъ подрядчиковъ съ тѣмъ, чтобы всѣ орудія для работъ были со счета подрядчиковъ и мѣсячная плата за рабочаго не превышала практикующейся на землечерпательномъ караванѣ нормы, съ прибавленіемъ по особому расчету нѣкоторой суммы на квартиры для рабочаго и снабженіе его инструментами. Число поставленныхъ рабочихъ и количество работъ должны были ежедневно заноситься по рабочему журналу землечерпательницы, работающей въ сормовскомъ затонѣ, и отчетность предписывалось вести на основаніи правилъ технической отчетности при хозяйственномъ способѣ производства работы и циркуляровъ министерства. Далѣе вмѣнялось въ обязанность Александрову при расходованіи казенныхъ суммъ соблюдать возможную экономію.

Согласно этимъ предписаніямъ, Александровъ произвелъ работы, но весеннимъ разливомъ 1894 г. онѣ были размыты и лѣтомъ того же года въ сормовскомъ затонѣ произведены были новыя работы по уравненію, расширенію и возвышенію дамбы пескомъ при помощи плетневыхъ заборовъ, а зимою 1894—1895 гг. ремонтированъ былъ рѣчной откосъ фашинными тюфяками, и высота дамбы доведена была до 2—3 саж. надъ нулевымъ горизонтомъ и укрѣпленъ былъ корень ея по полуострову, при чемъ откосы дамбы и верхняя площадка ея выстилались камнемъ. Часть этихъ работъ вновь размыта была весеннимъ разливомъ 1895 года и устройство сормовской дамбы было окончено въ 1895—1896 гг. Расходы по содержанію и дѣйствію дноуглубительныхъ снарядовъ и судовъ опредѣлены были нормою. Опредѣленъ былъ также штатъ служащихъ на снарядахъ и судахъ и размѣръ получаемаго ими жалованья. Мѣсто дѣйствія снарядовъ и судовъ, начало и прекращеніе дѣйствія, время разводки и поддержанія пара, время работъ и употребленіе матеріаловъ должны были ежедневно записываться завѣдующимъ снарядами въ рабочіе журналы и туда же должны были вписываться всѣ пріобрѣтенныя для судна или снаряда инвентарныя принадлежности. Матеріалы, не предусмотрѣнные смѣтой, могли быть пріобрѣтены по исходатайствованіи на это разрѣшенія правленія округа; до принятія ихъ въ казну они подвергались освидѣтельствованію для опредѣленія стоимости ихъ и годности. Работы при устройствѣ сормовской дамбы въ зиму 1894—1895 гг., которыя состояли: а) въ ремонтѣ рѣчного откоса подмываемой части ея, между пикетами №№ 26—52, и б) въ возвышеніи до 2—3 саж. надъ нулевымъ горизонтомъ и укрѣпленіи корня ея по полуострову, въ изготовленіи тон-

кихъ и толстыхъ тюфяковъ, положеніи ихъ на сушѣ (при укрѣпленіи корня дамбы) и погруженіи ихъ въ воду (при ремонтѣ откоса), а также очистка при этомъ снѣга и выколка льда, покрытіе камнемъ верхней площадки дамбы и откосовъ сданы были Александровымъ московскому купцу Коровину по договору. Заготовка же матеріаловъ: камня и хвороста, и доставленіе ихъ на мѣсто работъ хотя и оставлены были Александровымъ за собой и производились хозяйственнымъ способомъ, но до пріобрѣтенія ихъ они свидѣтельствовались начальникомъ нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія инженеромъ Шнакенбургомъ.

Произведенныя подъ вѣдѣніемъ Александрова работы по устройству сормовской дамбы 18 марта 1895 года были освидѣтельствованы тѣмъ же Шнакенбургомъ, а 21 марта помощникъ главнаго инспектора шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній инженеръ Орловскій призналъ ихъ произведенными согласно съ актомъ Шнакенбурга.

Между тѣмъ въ томъ же году, въ маѣ, было уже заявлено мѣщаниномъ Мучниковымъ о злоупотребленіяхъ Александрова по устройству сормовской дамбы и въ своемъ заявленіи Мучниковъ сослался на свидѣтелей Лебедищева и Храмова, которымъ извѣстно, что отчетные документы Александровъ въ израсходованіи имъ казенныхъ денегъ составлялъ подложно. Представленные документы и вытребованные, для пріобщенія къ дѣлу, изъ казанской контрольной палаты и правленія казанскаго округа путей сообщенія оказались счетами на поставку Александрову матеріаловъ и рабочей силы для дноуглубительныхъ работъ на р. Волгѣ и устройства сормовской дамбы: а) отъ крестьянина Прокофія Елизарова и Прокофія Лебединцева (одно и то же лицо) на 21.456 р. 30 к., б) отъ крестьянина Якова Смирнова на 6.314 р. 36 к., в) отъ крестьянина Василія Кирсанова на 44.075 р. 77 к., г) отъ нижегородскаго купца Захара Филиппова Абалакова на 830 р. 50 к., д) отъ кр. Ивана Егорова Ловцова на 1.510 р. 18 к., е) отъ кр. Василія Герасимова на 891 р. 91 к. и ж) отъ московскаго купца Ивана Михайлова Коровина на 209.249 р. 99 к. Относительно дѣйствительности поставокъ, означенныхъ въ этихъ счетахъ, и стоимости поименованнаго въ нихъ матеріала предварительнымъ слѣдствіемъ добыты слѣдующія данныя. Кр. Прокофій Елизаровъ Лебединцевъ показалъ, что съ мая 1894 г. по май 1895 г. онъ занимался у инженера Александрова въ канцеляріи и за это время, по требованію Александрова, написалъ отъ своего имени нѣсколько счетовъ на поставку матеріаловъ для дноуглубительныхъ работъ на сумму до 21.054 р. и расписался въ полученіи денегъ по этимъ счетамъ, но поставщикомъ матеріаловъ онъ не былъ и означенныхъ въ счетахъ денегъ не получалъ. Только иногда, по

порученію Александрова и на его деньги, онъ покупалъ нѣкоторые предметы у торговцевъ и доставлялъ ихъ на машины, но въ большинствѣ случаевъ матеріалы, показанные въ его счетахъ, или вовсе не пріобрѣтались, или же пріобрѣтались самимъ Александровымъ за болѣе низкую цѣну сравнительно съ тою, какая выставлялась въ счетахъ. По словамъ Лебединцева, дровъ имъ было куплено въ теченіе его службы всего лишь 18 пятериковъ, по 22 р. за пятерикъ, на 396 р., въ складѣ фонъ-Меккъ; счетовъ же имъ было представлено на 4.425 р., при чемъ цѣна за каждый пятерикъ была показана въ 35 руб. Въ эти счета включенъ былъ также 21 пятерикъ дровъ, купленныхъ самимъ Александровымъ съ баржей по 21 р. за пятерикъ. На разные матеріалы для дноуглубительнаго каравана было подписано счетовъ на 3.404 р. 67 к., въ дѣйствительности же имъ куплено было лишь 6 пуд. густой смолы, 35 ф. зеленаго мыла, 10 желѣзныхъ лопатъ и отъ 45 до 60 пуд. машиннаго масла. По околкѣ льда на р. Волгѣ Лебединцевъ представилъ счетовъ на 2.418 р. 78 к., по цѣнѣ 18 и 48 к. за каждую околотую сажень, а между тѣмъ околку льда производилъ кр. Дмитрій Звѣревъ. Въ одномъ изъ счетовъ Лебединцевымъ было предъявлено требованіе объ уплатѣ ему 95 р. за хворостъ и колья, будто бы доставленные имъ для сормовскаго затона, между тѣмъ какъ онъ ни хвороста, ни кольевъ не пріобрѣталъ и не поставлялъ. При исправленіи брантвахты никакого расхода не было, такъ какъ оно производилось тѣми рабочими, которые получали жалованье по требовательнымъ вѣдомостямъ, а употребленные при этомъ матеріалы расписаны были по другимъ счетамъ; тѣмъ не менѣе за исправленіе брантвахты, по требованію Александрова, Лебединцевымъ поданъ былъ счетъ на 170 р. При постройкѣ сруба въ Муромкѣ Лебединцевымъ нанимались рабочіе только для копанія ямы въ теченіе двухъ дней: въ первый день 7 человѣкъ, а во второй—9 съ платой по 60 и 70 к. въ день каждому. Между тѣмъ Александровъ поручилъ Лебединцеву составить и подписать два счета за производство этой работы на 172 р. и 170 р. 39 к. За баржу, которую купилъ Александровъ у балахнинскаго мѣщанина Выморова за 850 р., былъ написанъ Лебединцевымъ счетъ на 1.500 р. Ивовый хворостъ на сормовскую дамбу въ 1895 году Лебединцевъ не поставлялъ, но Александровъ заставилъ его написать счетъ о поставкѣ на 8.965 р. Жалованье за службу Лебединцевъ получалъ сначала по 15 р. въ мѣсяцъ, потомъ 20 и 30 р., но въ требовательныхъ вѣдомостяхъ онъ не значился и при полученіи жалованья онъ расписывался вымышленнымъ именемъ, матроса или десятника, большею частію Андрея Николаева, такимъ образомъ: «за неграмотнаго Андрея Николаева расписался Прокофій Ели-

заровъ». Къ этому Лебединцевъ добавилъ, что счета писались имъ или на простой бумагѣ, или же на бланкахъ, заготовленныхъ самимъ Александровымъ и хранившихся въ его канцеляріи.

Показаніе Лебединцева, въ соотвѣтствующихъ частяхъ, нашло себѣ подтвержденіе въ данныхъ предварительнаго слѣдствія. Такъ, прежде всего самъ Александровъ, при производствѣ административнаго разслѣдованія, заявилъ, что Елизаровъ (онъ же Лебединцевъ) и Смирновъ закупали матеріалы для землечерпательныхъ машинъ по его порученіямъ. Затѣмъ по удостовѣренію письмоводителя Александрова, Александра Храмова, ему извѣстно было, что на поставку разныхъ матеріаловъ собственныхъ средствъ у Лебединцева не было и что онъ при подписаніи счетовъ постоянно говорилъ свидѣтелю, что значащихся въ нихъ матеріаловъ онъ или вовсе не покупалъ, или если и покупалъ, то въ меньшемъ количествѣ. Храмовъ зналъ также, что показываемый Лебединцевымъ въ счетахъ матеріалъ не соотвѣтствовалъ дѣйствительному его расходу, такъ какъ счета эти писались послѣ составленія рабочихъ журналовъ, и поставленный матеріалъ вписывался въ счета въ томъ количествѣ, какое опредѣлено нормою по расчету часовъ работы въ данный мѣсяцъ. Приказчикъ лѣсной пристани фонъ-Меккъ Никифоровъ показалъ, что въ 1894 году Александрову было отпущено съ пристани около 47 пятериковъ дровъ по 22 р. за пятерикъ. Дрова эти бралъ то самъ Александровъ, то Лебединцевъ. При этомъ свидѣтель добавилъ, что дороже 22 руб. за пятерикъ 12-вершковыхъ дровъ, какія требовались Александровымъ, въ 1894 г. не было; для крупныхъ же покупщиковъ допускалась еще и съ этой суммы скидка. Околка льда на р. Волгѣ въ 1895 году, какъ удостовѣрили Дмитрій Звѣревъ и Флегонтъ Заикинъ, была произведена ими, при чемъ 1.200 саженъ околото было по 10 к. съ сажени, а затѣмъ по 12 к., а около сормовской дамбы и каменнаго яра—по 15 к. за сажень. Всего въ двѣ недѣли, при ежедневномъ участіи отъ 80 до 100 рабочихъ, околото было льда болѣе 6.000 саж., и когда оставалось околоть около 300 саж., на работу явился Александровъ и прекратилъ ее, уплативъ за нее Звѣреву и Заикину въ разное время, чрезъ посредство своего десятника Герасимова, 750 руб. Послѣ этого Звѣревъ обращался къ Герасимову, распоряжавшемуся при околкѣ льда, съ просьбой дозволить ему окончить работу, но Герасимовъ, по порученію Александрова, заявилъ, что околка льда больше не требуется, такъ какъ къ затону подступила вода. Подтверждая въ существѣ правильность показаній Звѣрева и Заикина, Герасимовъ удостовѣрилъ, что послѣ отказа въ работѣ Звѣреву и Заикину окалывать оставалось не болѣе 400 саж., рублей на 150. Свидѣтель вскорѣ былъ уволенъ, а по-

тому ему и неизвѣстно, производилась ли дальнѣйшая околка льда; но онъ слышалъ, что оставшуюся работу окончилъ самъ Александровъ при участіи техника и платилъ за околку дороже, чѣмъ Звѣреву. Относительно покупки баржи Алексѣй Выморовъ удостовѣрилъ, что онъ продалъ баржу Александрову за 850 р., что баржа была хорошая, но требовала осмолки и конопатки и что на этотъ ремонтъ могло пойти не болѣе 120—150 р. Изъ объясненій же Александрова видно, что на ремонтъ баржи онъ употребилъ 650 р., которые и включилъ въ счетъ, представленный Лебединцевымъ. Однако актомъ освидѣтельствованія этой баржи, составленнымъ 28 іюня 1894 г., установлено, что ее свидѣтельствовалъ вмѣстѣ съ Александровымъ Шнакенбургъ еще до покупки, при чемъ баржа найдена прочною и удовлетворяющею всѣмъ требованіямъ хорошаго судна. Послѣ же покупки въ ней сдѣланы лишь перегородки изъ дюймовыхъ досокъ и поставлены лежни и стойки, на каковые матеріалы, какъ и на употребленные при этомъ гвозди, въ дѣлѣ имѣется особый счетъ.

Изъ акта освидѣтельствованія хвороста, купленнаго у Лебединцева, видно, что хворостъ этотъ Шнакенбургъ и Александровъ свидѣтельствовали около г. Балахны 24 января 1895 г. Между тѣмъ при слѣдствіи выяснено, что близъ Балахны принадлежащаго Лебединцеву или Елизарову хвороста въ 1895 г. не было. При производствѣ административнаго разслѣдованія Александровъ по поводу упомянутаго хвороста сначала далъ такое объясненіе: Когда онъ приступилъ къ хозяйственному производству работъ по возвышенію и ремонту сормовской дамбы, то къ нему обратился Лебединцевъ съ просьбой дать и ему какое-нибудь самостоятельное маленькое дѣльце. Такъ какъ предвидѣлся недостатокъ въ чистомъ ивовомъ хворостѣ, то Лебединцеву и было поручено отыскать и поставить этотъ матеріалъ. Найдя близъ Балахны ивовый хворостъ въ количествѣ 310 к. с., Лебединцевъ въ началѣ 1895 года приступилъ къ перевозкѣ его въ сормовскій затонъ. За эту поставку Лебединцеву слѣдовало выдать 7.440 р. Александровъ изъ имѣвшихся у него на рукахъ двухъ авансовъ выдалъ Лебединцеву по двумъ счетамъ 3.960 р., на остальные же 3.480 р. Лебединцевымъ были поданы еще два счета, которые для оплаты были представлены въ правленіе округа. По удостовѣренію Александрова «причину такого нелѣпаго заявленія Лебединцева» о томъ, будто онъ 310 куб. саж. хвороста не поставлялъ, слѣдуетъ искать въ измѣнившихся между ними отношеніяхъ, вызванныхъ слѣдующимъ. По словамъ Александрова, Лебединцевъ, не получая долго изъ правленія округа денегъ, запутался и, желая поддержать его, Александровъ далъ ему заимообразно 1.000 р. съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ихъ по полученіи слѣдующихъ ему 3.480 р.,

между тѣмъ Лебединцевъ, получивъ по упомянутымъ счетамъ 3.480 р., заявилъ, что денегъ ему, Александрову, онъ не возвратитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ предоставить ему должность вахтера на землечерпательницѣ «Ширмокша». Однако онъ, Александровъ, послѣ происшедшаго отказалъ Лебединцеву въ занятіяхъ, изгнавъ его изъ канцеляріи, гдѣ происходилъ послѣдній между ними разговоръ. Настаивая, что вышеприведенное заявленіе Лебединцева по поводу ивоваго хвороста «фактически невѣрно», Александровъ въ подтвержденіе этого сослался на актъ освидѣтельствованія этого хвороста отъ 24 января 1895 года и на удостовѣреніе пристава 1-го стана балахн. у. отъ 27 февраля того же года за № 739. Впослѣдствіи однако, ознакомившись съ показаніями Лебединцева, Александровъ измѣнилъ свое объясненіе и тогда же (при административномъ разслѣдованіи), показалъ, что дѣйствительно Лебединцевъ ивоваго хвороста, въ количествѣ 310 куб. саж., не поставлялъ, а таковой былъ поставленъ Иваномъ Михайловымъ Коровинымъ; Лебединцевъ же лишь подписывалъ счета. Это сдѣлано по слѣдующей причинѣ. Когда онъ, Александровъ, составилъ предварительную «наброску» будущей смѣты на работы, то поразился тѣмъ, что изъ первыхъ 26 статей смѣты на ремонтъ и изъ первыхъ 31 статей смѣты на возвышеніе сормовской дамбы только 4 первыя статьи каждой смѣты указывали на работы и поставки Шипова и Кирсанова. По остальнымъ 49 главнымъ статьямъ пестрила глаза фамилія Коровина. Боясь обвиненія въ пристрастіи къ этому крупному подрядчику и имѣя, съ другой стороны, его категорическое заявленіе, что если, кромѣ Шипова и Кирсанова, будутъ приглашены въ это дѣло другіе поставщики, то Коровинъ вовсе устранится,—онъ, Александровъ, и Коровинъ условились, чтобы еще какое-нибудь лицо фигурировало въ смѣтѣ, и при этомъ остановились на Лебединцевѣ, который долженъ былъ получать деньги и передавать ихъ Коровину. Впослѣдствіи однако оказалось, что Лебединцевъ отказался возвратить принадлежащіе Коровину 1.000 р., полученные по прямой ассигновкѣ, почему и былъ прогнанъ.

Поставщикъ Василій Хрисанфовъ Кирсановъ объяснилъ, что всѣ значащіеся въ его счетахъ матеріалы и рабочія силы имъ были во-время поставлены Александрову и что деньги по этимъ счетамъ имъ были получены въ томъ самомъ количествѣ, какое въ нихъ показано. Однако показаніями свидѣтелей Храмова, Герасимова, Пирожникова, Веденѣева и друг. выяснено, что поставки Кирсанова были такъ же фиктивны, какъ и поставки Лебединцева и Смирнова. Доказательствомъ этого служатъ и счета Кирсанова. Ихъ можно раздѣлить на 4 группы: къ первой отно-

сятся поставки матеріаловъ и рабочихъ силъ въ 1893 г. для землечерпательной машины «Ширмокша» и землесоса «Волга»—на 2.428 р. 12 к.; ко второй—поставка матеріаловъ и рабочихъ силъ въ томъ же 1893 г. на сормовскую дамбу для рабочихъ по сооруженію земляной насыпи вдоль дамбы, укрѣпленію этой насыпи и покрытію ея рогожами и кулями—на 25.119 р.; къ третьей—поставка бутоваго камня въ количествѣ 101²/₈ куб. саж. для устройства сормовской дамбы въ зиму 1894—95 гг.—на 6.913 р. и къ четвертой—перевозка камня, въ количествѣ 240¹/₈ куб. саж., купленнаго Александровымъ для устройства той же дамбы и въ ту же зиму у землевладѣльца Шипова, за который Кирсановымъ заплачено 9.613 р. 33 к. На предложенные при слѣдствіи вопросы относительно цѣнъ на показанные въ счетахъ Кирсанова предметы, послѣдній высказалъ полное незнаніе и не могъ даже указать, у кого въ Нижнемъ продаются поставленные имъ матеріалы. По сознанію самого Кирсанова, въ Нижнемъ онъ бывалъ рѣдко и находился въ постоянныхъ разъѣздахъ по должности приказчика у постояннаго контрагента казанскаго округа путей сообщенія—московскаго купца Ивана Михайлова Коровина. По свидѣтельству Ивана Егорова Ловцова, Кирсановъ самостоятельныхъ занятій имѣть не могъ, такъ какъ состоялъ въ то время на службѣ у Коровина. Поставка матеріаловъ и рабочихъ силъ на сормовскую дамбу въ 1893 г. состояла преимущественно въ доставленіи землекоповъ, подводъ для подвоза на дамбу песка, навальщиковъ и рабочихъ, въ пріобрѣтеніи кулей, рогожъ, смольной связки и 57 куб. саж. хвороста. По поводу этой группы счетовъ свидѣтель Василій Герасимовъ показалъ, что кулевую работу на дамбѣ, набиваніе кулей пескомъ, сшивку ихъ и укладку на дамбу производилъ онъ со своими рабочими; всего наложено было до 8.000 кулей. Песокъ для набивки кулей сначала брался отъ дамбы, а потомъ возился съ полуострова и отъ рѣки «Истокъ» на лошадяхъ Герасимова безъ особой за это платы; за каждый куль плата установлена была по 8 коп., а за тѣ кули, которые набивались пескомъ, привезеннымъ съ полуострова и отъ р. Истокъ,—по 12¹/₂ к. и по послѣдней цѣнѣ положено было отъ 1.500 до 2.000 кул. Работы производились только въ будни; подрядъ этотъ былъ взятъ Герасимовымъ у самого Александрова; съ Кирсановымъ онъ никакихъ дѣлъ не имѣлъ и Кирсановъ по устройству сормовской дамбы вовсе подрядчикомъ не состоялъ. Крестьянинъ Корнилъ Веденѣевъ удостовѣрилъ, что земляную насыпь на сормовской дамбѣ рогожами укрывалъ онъ со своими рабочими и работу эту онъ снялъ у Александрова на отрядъ и исполнилъ ее за 120 руб.; что при работѣ имъ было употреблено до 1.500 рогожъ, и что Василія Кирсанова онъ не знаетъ. Ни-

жегородскій купецъ Александръ Степановъ Пирожниковъ, въ свою очередь, удостовѣрилъ, что кули и рагожи для прикрытія сормовской дамбы въ 1893 г. онъ продалъ Александрову: кули — по 25 руб. за сотню, а рогожи по 13 руб. съ доставкою на мѣсто работъ, и заключилъ съ нимъ на эту поставку условіе. Съ Кирсановымъ же никакихъ дѣлъ онъ не имѣлъ. Такимъ образомъ изъ показаній этихъ свидѣтелей видно, что для покрытія земляной насыпи сормовской дамбы израсходовано: 1) за укладку 2.000 кулей по $12^1/_2$ коп. и 6.000 по 8 коп.— 730 руб., 2) за укладку рогожъ 120 руб., 3) за 8.000 кулей—2.000 руб. и 4) за 1.500 рогожъ—195 руб., а всего 3.045 руб. По счетамъ же Кирсанова на этотъ предметъ выведено въ расходъ 6.722 руб. 54 коп., т. е. слишкомъ въ два раза болѣе того, что въ дѣйствительности было израсходовано. Кромѣ того, Герасимовъ показалъ, что глина отъ р. Истокъ для устройства насыпи не возилась и никакихъ завозней не употреблялось, Кирсановъ же представилъ Александрову счетъ за поставку глины съ устья р. Истокъ завознями, взятыми напрокатъ на $33^1/_2$ дня по 3 р. за день, и за поставку землекоповъ для нагрузки и выгрузки глины изъ завозней 302 человѣка по 1 р. въ день, а всего на 402 р. 50 к. Тѣ же Герасимовъ и Веденѣевъ удостовѣрили, что работы на сормовской дамбѣ производились только въ будни, а изъ приложенной къ оправдательнымъ документамъ копіи тетради для ежедневнаго записыванія рабочихъ силъ, поступающихъ отъ подрядчика Кирсанова, видно, что съ 16 сентября по 5 ноября 1893 года работы на сормовской дамбѣ производились безостановочно и на работахъ ежедневно было отъ 100 до 398 человѣкъ, при чемъ въ воскресные и праздничные дни (9 дней) рабочихъ было: землекоповъ — 936 чел., одноконныхъ подводъ съ проводниками—908, навальщиковъ—447 и рабочихъ—231 чел. Плата Кирсанову полагалась: за землекоповъ и навальщиковъ по 1 р., за одноконную подводу съ проводникомъ—по 2 р. и за рабочихъ по 60 к. Исключивъ изъ представленныхъ Кирсановымъ Александрову счетовъ стоимость этой работы, такъ какъ въ дѣйствительности ея не было, окажется, что отъ этой группы поставокъ Кирсанова казна понесла убытка на 7.416 р. 64 к., при томъ, конечно, условіи, если рабочія силы все остальное время, показанное въ счетахъ Кирсанова, были налицо и всѣ онѣ получали именно ту сумму денегъ, какая значится въ договорѣ Кирсанова съ Александровымъ, копія котораго находится при оправдательныхъ документахъ. Хотя такой договоръ и былъ со ставленъ, но въ дѣлѣ есть указанія, что всѣ рабочія силы нанимались самимъ Александровымъ, а также привозились на работу и увозились на арендованномъ имъ баркасѣ «Сартенокъ», на который имѣется счетъ Саблина на 330 р.

При допросѣ Якова Савинова Смирнова по поводу его поставокъ и представленныхъ имъ счетовъ, онъ заявилъ, что всѣ матеріалы, значащіеся въ его счетахъ, и рабочія силы имъ въ дѣйствительности были поставлены инженеру Александрову и по той именно цѣнѣ, которая значится въ счетахъ; что матеріалы онъ пріобрѣталъ на деньги Александрова, выдававшіяся ему Александровымъ авансомъ, при чемъ онъ пользовался только разницею, получавшеюся отъ покупки матеріаловъ по цѣнѣ, сравнительно дешевой, и показаніемъ въ счетахъ другой цѣны, болѣе высокой, но не превышавшей справочной. Такое объясненіе Смирнова не нашло себѣ подтвержденія, и данныя слѣдствія указываютъ, что Смирновъ и не могъ быть поставщикомъ Александрова. Во-первыхъ, въ 1894 и 1895 годахъ онъ состоялъ у Александрова на службѣ сперва матросомъ землесоса «Волга», затѣмъ вахтеромъ землечерпательной машины «Ширмокша» и, наконецъ, сторожемъ сормовской дамбы; во-вторыхъ, письмоводитель Александрова Храмовъ, хорошо знакомый съ условіями и порядкомъ его отчетности, удостовѣрилъ, что поставки Якова Смирнова, какъ и поставки Лебединцева, большею частію были фиктивны; въ-третьихъ, торговецъ пароходными принадлежностями Морозовъ, у котораго, по объясненію Смирнова, онъ покупалъ значительную часть матеріаловъ для поставки Александрову, категорически заявилъ, что Якова Смирнова онъ совсѣмъ не знаетъ и что матеріалы для дноуглубительныхъ работъ на р. Волгѣ забиралъ изъ его лавки самъ Александровъ, который и расплачивался съ нимъ наличными деньгами и въ оправданіе расхода бралъ съ него счета. За матеріалами большею частью являлся самъ Александровъ, но иногда приходили и его служащіе; счета же на матеріалъ писались всегда на имя Александрова и никакихъ скидокъ со счетовъ въ пользу служащихъ не дѣлалось. Такихъ счетовъ Морозова на отпущенный имъ инженеру Александрову матеріалъ для дноуглубительнаго каравана въ дѣлѣ имѣется на 2.875 р. 73 к. Вполнѣ тожественное показаніе далъ и другой торговецъ пароходными принадлежностями, Колчинъ, у котораго матеріалъ забирался лично Александровымъ, и ему же Колчинымъ было выдано счетовъ на 4.733 р. 60 к.

Что же касается до поставки Кирсановымъ для устройства сормовской дамбы въ зиму 1894—95 гг. $101^2/_3$ куб. саж. бутоваго камня на 6.913 р., то и эта поставка является фиктивной, несмотря на то, что при дѣлѣ имѣются подлинные акты освидѣтельствованія этого камня, подписанные Шнакенбургомъ, изъ которыхъ видно, что купленный у Кирсанова камень находился 3 февраля 1895 г. въ штабеляхъ на берегу р. Оки, близъ дер. Новинокъ, что камень хорошаго качества, вѣсомъ 1.000 п. каждая куб. сажень, и что онъ принятъ въ казну для работъ по устройству сормов-

ской дамбы. Крестьяне дер. Береговыхъ Новинокъ Мишинъ и Кабановъ, бывшіе сельскіе старосты, показали, что принадлежащія обществу крестьянъ дер. Береговыхъ Новинокъ каменоломни Кирсановымъ арендовались съ осени 1894 г., но не отъ своего имени, а отъ имени купца Коровина, и работа на нихъ началась съ зимы 1894—1895 гг. За все время, по словамъ Ивана Кочетова и Сергѣя Котомина, производившихъ выработку камня въ этихъ каменоломняхъ, добыто было камня не болѣе 40 куб. саж., и камень этотъ въ штабеляхъ на берегу р. Оки у дер. Береговыхъ Новинокъ никогда не лежалъ, а по мѣрѣ заготовленія увозился отъ каменоломенъ въ Нижній. Это подтвердили крестьяне Сорокинъ, Евтѣевъ, Романычевъ, Штатновъ и др., удостовѣривъ при слѣдствіи, что въ упомянутую зиму они возили къ Сормову камень не отъ Береговыхъ, а отъ Новосильцевскихъ Новинокъ изъ каменоломенъ Шипова (у Шипова было куплено камня $240^1/_3$ куб. саж. на 7.210 р.), отъ Береговыхъ же Новинокъ изъ каменоломенъ, арендованныхъ Кирсановымъ, камень былъ вывезенъ ими въ ту зиму не къ Сормову, а къ с. Печорамъ. Слѣдовательно, поставка означеннаго камня для устройства сормовской дамбы, какъ фиктивная, изъ счетовъ Кирсанова должна быть исключена во всей суммѣ 6.913 р. Тѣ же возчики удостовѣрили, что камень отъ Новосильцевскихъ Новинокъ, купленный у Шипова, они возили къ Сормову по 27 р. за куб. саж. и только въ теченіе послѣдней недѣли по 30 р., что нанималъ ихъ не Кирсановъ, котораго они совсѣмъ не знаютъ, а десятникъ Александрова Алексѣй Котоминъ, служившій въ то же время и приказчикомъ Коровина, и что деньги за возку камня они получали отъ Коровина. Въ счетахъ же Кирсанова за перевозку камня отъ дер. Новосильцевскихъ Новинокъ къ Сормову цѣна показана 40 р. за куб. сажень и поэтому ему переплачено со счета казны лишнихъ 2.403 руб. 33 коп., а всего за его поставки— 19.161 руб.

Нижегородскій купецъ Захаръ Филипповъ Абалаковъ объяснилъ, что въ 1894 и 1895 гг. Александровъ арендовалъ у него посуточно пароходъ «Герой», по 85 р. въ сутки, съ отопленіемъ отъ министерства путей сообщенія. Посуточная плата, по словамъ Абалакова, могла отозваться на немъ очень невыгодно, если бы Александрову вздумалось возвратить ему пароходъ въ такое время, когда его нельзя было уже сдать въ аренду. Названный Абалаковъ, отъ имени котораго имѣется при дѣлѣ 4 счета: три за сдачу Александрову въ аренду нефтянки, емкостью въ 1.000 пуд., и одинъ на поставку $107^1/_2$ саж. дровъ,—подтверждая правильность счетовъ и дѣйствительное полученіе по нимъ денегъ, объяснилъ, что нефтянку «маленькую и дрянную», стоящую не болѣе 50 р., онъ сдавалъ Алексан-

дрову въ аренду въ 1894 г. дня на два или на три отъ 8 до 12 р. въ сутки, но для какой надобности Александровъ арендовалъ у него нефтянку, онъ не помнитъ. Судно это стояло и на городской, и на ярмарочной сторонѣ. Дровъ имъ продано Александрову лѣтомъ того же года отъ 20 до 30 пятериковъ, по цѣнѣ отъ 28 до 32 руб. за пятерикъ, дрова эти были сложены близъ Сормова, на берегу Волги, и покупалъ онъ ихъ самъ по 20 и 22 руб. за пятерикъ, но у кого, не помнитъ. Не помнитъ онъ также и того, когда и у кого онъ купилъ нефтянку и куда она поступила послѣ аренды ея Александровымъ: «можетъ быть и льдомъ ее изломало, а можетъ быть я ее и продалъ, вообще не помню». Между тѣмъ изъ показанія свидѣтеля Лихачинскаго, завѣдывавшаго до 1895 г. всѣми судами Абалакова, видно, что у послѣдняго никогда нефтянки и не было. Въ счетахъ же Абалакова значится, что за аренду нефтянки Абалаковымъ получено не за два или за три дня, а за 8 дней, по 10 р. за каждый, и что дрова онъ поставлялъ не лѣтомъ, а въ октябрѣ 1894 г. и не по 32 руб. за пятерикъ, а по 35 р. Независимо сего, Абалаковъ удостовѣрилъ, что счетъ отъ имени родственника его, цехового Цвѣткова, написанъ имъ, Абалаковымъ, по просьбѣ Цвѣткова.

Крестьянинъ Иванъ Егоровъ Ловцовъ, числившійся также поставщикомъ, показалъ при слѣдствіи, что въ іюнѣ или іюлѣ 1894 г. онъ снималъ у Александрова подрядъ при устройствѣ сормовской дамбы и за уравненіе ея онъ получилъ 300 р., а за возвышеніе и расширеніе—2.200 р., при чемъ другихъ, кромѣ него, подрядчиковъ по этой работѣ не было. Однако изъ сообщенія правленія казанскаго округа путей сообщенія видно, что въ теченіе 1894 года никакихъ работъ по устройству сормовской дамбы не производилось. Счетовъ Ловцова за означенныя работы при дѣлѣ не имѣется, за исключеніемъ одного отъ 24 іюня 1894 г. на 100 р., изъ котораго видно, что деньги эти Ловцовъ получилъ отъ Александрова въ счетъ слѣдующихъ ему 300 р. Затѣмъ, въ представленномъ Ловцовымъ счетѣ отъ 1 іюня 1894 года значится, что для плетневыхъ заборовъ, въ помощь землечерпанію у сормовской дамбы, имъ было доставлено ивоваго хвороста 61 куб. саж. по 18 р. 50 к. за каждую—на 1.128 р. 50 к. и сосновыхъ кольевъ 4.024 шт. по 8 к. за штуку—на 281 р. 68 к. При поставкѣ хвороста Ловцовъ, по его словамъ, «часто заимствовался деньгами у инженера Александрова». Относительно поставки хвороста свидѣтель Василій Герасимовъ удостовѣрилъ, что въ 1894 г. хворостъ для плетней около 50 куб. саж. и колья 2.000 шт. поставлены имъ, что хворостъ онъ покупалъ у кр. Ивана Родіонычева и сдалъ его Александрову на мѣстѣ работъ по 8 р. за куб. саж., а колья по 4 и 5 к. за

штуку, и что Иванъ Ловцовъ ни хвороста, ни кольевъ на эту работу не поставлялъ. Пріобщенный же къ дѣлу счетъ на 891 р. 91 к. за подписью его, Герасимова, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ ту сумму денегъ, которую онъ уплатилъ за околку льда Звѣреву, по порученію Александрова, въ мартѣ 1895 г. и что указанные въ счетѣ колья имъ были доставлены для плетней при уравненіи дамбы. Про помѣщенные же въ томъ же счетѣ ватманскую бумагу, коленкоръ, кальки, краски и чертежную кисть онъ въ первый разъ слышитъ, такъ какъ ихъ для Александрова онъ никогда не покупалъ. Самаго счета онъ, Герасимовъ, не писалъ и написаннаго разобрать не могъ въ виду того, что умѣетъ подписать только свое имя и фамилію.

Довѣренный московскаго купца Михаила Иванова Коровина, его сынъ Иванъ Михайловъ Коровинъ заявилъ, что онъ не велъ ни книгъ, ни записей, а потому и не можетъ дать точныхъ свѣдѣній о всемъ матеріалѣ, употребленномъ при устройствѣ сормовской дамбы, и о количествѣ денегъ, полученныхъ за матеріалы и производство работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коровинъ призналъ, что въ предъявленныхъ ему на имя Александрова счетахъ всѣ матеріалы были имъ дѣйствительно поставлены и деньги по счетамъ сполна получены отъ Александрова отцомъ его. Въ счетахъ этихъ значится, что Коровинъ получилъ: за фашинныя работы, очистку снѣга и околку льда — 40.328 р. 16 к.; за камень съ доставкой на мѣсто работъ—48.030 р. и за хворостъ (также съ доставкой)—120.891 руб. Фашинныя работы, околка льда и очистка снѣга сданы были Коровину по договорамъ. Камень и хворостъ поставлялись Коровинымъ по словесному соглашенію съ Александровымъ и торговъ на поставку этихъ матеріаловъ не было. Ихъ доставлялъ Коровинъ къ Сормову, для укрѣпленія рѣчного откоса и устройства сормовской дамбы, въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1895 г.: 1) камня, въ количествѣ а) съ Хабарскихъ горъ—369$^{3}/_{4}$ куб. саж. по 66 р. за каждую съ доставкой на мѣсто; б) отъ с. Великаго Врага—88$^{1}/_{4}$ куб. саж. по 70 р.; в) отъ с. Козина—277 куб. саж. по 63 р.; 2) хвороста, въ количествѣ: а) отъ с. Постникова—707$^{1}/_{2}$ куб. саж. по 23 р. за сажень, съ доставкой на мѣсто; б) отъ гор. Балахны—520 куб. саж. по 21 р.; в) съ р. Кудьмы — 1764 куб. саж. по 22 р.; г) отъ с. Ржавки — 1.536 куб. саж. по 21 р., и д) отъ села Кстова—981$^{2}/_{3}$ куб. саж. по 22 и 24 руб. При этомъ доставка хвороста опредѣлена: отъ с. Постникова въ 15 руб., отъ г. Балахны—12 р., съ Кудьмы—14 р., отъ с. Ржавки — 12 р. и отъ с. Кстова—13 руб. 50 к. Изъ актовъ освидѣтельствованія этихъ матеріаловъ видно, что до пріобрѣтенія ихъ въ казну они были осмотрѣны и провѣрены Шнакен-

бургомъ и Александровымъ на мѣстахъ заготовки. Между тѣмъ сельскій староста хабарскаго 1-го общества Иванъ Мореновъ и крестьяне д. Хабарской—Николай Еруслановъ и Иванъ Коноплевъ, удостовѣрили, что принадлежащія ихъ обществу горы, подъ названіемъ «Хабарскія», арендуются у общества довѣреннымъ Михаила Коровина—Василіемъ Кирсановымъ уже 8 лѣтъ и до зимы 1895—1896 гг. общество получило аренды по 2 руб. за каждую выработанную куб. саж. камня; что другихъ горъ съ тѣмъ же названіемъ въ ихъ мѣстности нѣтъ; что весь камень, выработанный въ этихъ горахъ въ зиму 1894—95 гг., былъ вывезенъ частью зимою на лошадяхъ къ станціи «Черное» московско-нижегородской желѣзной дороги, частью во время сѣнокоса 1895 г. на баркахъ къ Нижнему (послѣ уже устройства сормовской дамбы). Изъ приходорасходной книги 1-го хабарскаго общества 1894—95 гг. видно, что общество за аренду горъ въ зиму 1894—95 гг. получило съ довѣреннаго Коровина—Кирсанова 1.195 р., т.-е. почти за 600 куб. саж. Въ справкѣ начальника станціи «Черное» значится, что въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1895 г. Коровинымъ отправлено камня съ этой станціи на станцію «Нижній-Бурнаковская» 538.209 пуд., т.-е. около $538^{1}/_{5}$ куб. саж., считая, согласно актамъ освидѣтельствованія, 1.000 пуд. въ каждой куб. сажени. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ справки правленія казанскаго округа путей сообщенія отъ 13 мая 1897 г. за № 5732 видно, что, кромѣ сормовской дамбы, Коровинымъ производились работы въ февралѣ и мартѣ 1895 г. на борской дамбѣ, куда имъ было доставлено съ Хабарскихъ горъ чрезъ станцію «Черное» 270 куб. саж. камня. Отсюда слѣдуетъ, что на сормовскую дамбу въ зиму 1894—95 гг. доставлено было Коровинымъ съ Хабарскихъ горъ не 369 куб. саженъ, а около 268 (538—270). Кромѣ того, актъ освидѣтельствованія камня въ Хабарскихъ горахъ составленъ былъ 3 февраля 1895 г.; между тѣмъ въ справкѣ начальника станціи «Черное» сказано, что изъ 538.209 п. камня, отправленнаго Коровинымъ въ зиму 1894 — 95 гг., 193.685 п. уже въ январѣ доставлены были на станцію «Нижній-Бурнаковская» и поэтому 3 февраля 1895 г. подлежать освидѣтельствованію не могли. Доставка камня изъ с. Великаго Врага въ зиму 1894—95 гг. на устройство сормовской дамбы, въ количествѣ $88^{1}/_{4}$ куб. саж., является вымышленною, такъ какъ, во-первыхъ, въ это время принадлежащаго Коровину камня близъ с. Великаго Врага не было, и, во-вторыхъ, когда и былъ, то онъ возился не къ Сормову, а на Телячій бродъ. Опредѣлить количество камня, доставленнаго Коровинымъ на сормовскую дамбу отъ с. Козина, за отсутствіемъ свѣдѣній, откуда онъ привезенъ къ с. Козину, не представилось возможнымъ, но

очевидецъ Иванъ Степановъ Родіонычевъ, неоднократно проѣзжавшій около с. Козина, показалъ, что камня тамъ было не болѣе 50 куб. саж.

По словамъ свидѣтелей Ѳедора Иванова Коровина и Матвѣя Грачева хворостъ пріобрѣтался поставщикомъ Коровинымъ преимущественно рощами, затѣмъ производилась рубка его, выкладка въ кубики и перевозка къ мѣсту назначенія; поэтому нельзя опредѣлить, сколько и въ какомъ мѣстѣ заготовлено было хвороста, тѣмъ болѣе, что въ зиму 1894—95 гг. Коровинъ поставлялъ хворостъ на многія работы на р. Волгѣ и въ значительномъ количествѣ. Къ тому же возчиками хвороста были крестьяне изъ разныхъ селъ и деревень, но назвать ихъ Коровинъ отказался, сославшись, что онъ и самъ не знаетъ, откуда были возчики. Извѣстно только, что въ зиму 1894—95 гг. отъ гор. Балахны вывезено было хвороста не болѣе 200 куб. саж., а въ счетѣ Коровина значится, что отъ Балахны доставлено имъ 520 куб. саж. Затѣмъ цѣна за поставку хвороста для устройства сормовской дамбы выставлена въ счетахъ Коровина отъ 21 до 24 р. куб. саж. Между тѣмъ крестьяне Иванъ Родіонычевъ, Александръ Дмитріевъ и Петръ Ивановъ, доставлявшіе Коровину и Александрову хворостъ (тальникъ) до 1500 куб. саж. отъ 7 до 11 р. за сажень, опредѣлили цѣну куб. саж. хвороста съ доставкою на мѣсто отъ селеній, находящихся не далѣе 50 верстъ, въ 15 руб.

Такимъ образомъ, если сопоставить счета Коровина съ дѣйствительною стоимостью значащихся въ нихъ матеріаловъ и количествомъ дѣйствительной поставки ихъ, то окажется, что казна понесла значительные убытки: 1) за излишне показанныя Коровинымъ $101^3/_4$ куб. саж. камня, привезеннаго будто бы имъ съ Хабарскихъ горъ, казною переплачено до 6.672 руб.; 2) за камень отъ с. Великаго Врага — до 6.182 руб., и 3) за хворостъ, если считать его не дороже 15 руб. за сажень, болѣе 38.000 руб., всего же свыше 50.000 руб.

При осмотрѣ находящихся при дѣлѣ требовательныхъ вѣдомостей на жалованье служащимъ на землечерпательныхъ машинахъ найдено, что лица эти обозначены только одними именами и фамиліями или отчествами, безъ указанія ихъ званія и мѣста приписки. Большинство ихъ показаны неграмотными и за нихъ въ полученіи денегъ расписывались Храмовъ, Смирновъ и Елизаровъ (Лебединцевъ). При этомъ въ однихъ вѣдомостяхъ нѣкоторые служащіе, наприм., Дятловъ, Дюковъ, Коневъ и др., показывались грамотными и расписывались, а въ слѣдующихъ вѣдомостяхъ эти же служащіе показывались уже неграмотными и за нихъ расписывались Храмовъ съ прочими. Какъ видно изъ показаній Храмова, требовательныя вѣдомости писались имъ съ черновыхъ тетрадей, составляв-

шихся самимъ Александровымъ, и такъ какъ штатъ служащихъ опредѣленъ былъ нормою, то въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо уходилъ со службы и новое лицо на его мѣсто не поступало, то выбывшій замѣнялся въ вѣдомости именемъ и фамиліей другого, иногда даже вымышленнаго лица, или вписывались въ вѣдомость прежніе рабочіе, имена которыхъ значились въ старыхъ рабочихъ тетрадяхъ. Кромѣ указанныхъ выше требовательныхъ вѣдомостей, при дѣлѣ имѣются такія же вѣдомости вольнонаемнымъ рабочимъ при машинахъ и вѣдомости поденной платы. По этимъ вѣдомостямъ Александровымъ въ теченіе 1894 г. выдано 1.967 руб. 7 к., но росписокъ въ полученіи ихъ нѣтъ, а есть только собственноручная отмѣтка Александрова: «по сей вѣдомости деньги въ количествѣ... по рукамъ роздалъ». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ вѣдомостей показаны служащими или крестьяне несуществующихъ деревень (дер. Горѣлово, Семеновскаго уѣзда), или такія лица, которыя и совсѣмъ не служили и денегъ отъ Александрова не получали, или одни и тѣ же лица записаны одновременно по двумъ разнымъ вѣдомостямъ и на двухъ разныхъ работахъ, или же, наконецъ, плата рабочимъ показана въ преувеличенномъ размѣрѣ.

Такимъ образомъ всѣ упомянутые вѣдомости и счета заключали въ себѣ ложныя свѣдѣнія, такъ же какъ и акты освидѣтельствованія матеріаловъ, представленные Александровымъ въ правленіе казанскаго округа путей сообщенія. Къ такимъ актамъ относятся: 1) актъ освидѣтельствованія баржи, принадлежащей Лебединцеву, отъ 20 іюня 1894 г.; 2) актъ освидѣтельствованія ивоваго хвороста, запроданнаго Лебединцевымъ, въ количествѣ 310 куб. саж., отъ 24 января 1895 г.; 3) два акта освидѣтельствованія бутоваго камня, въ штабеляхъ на берегу р. Оки, близъ дер. Береговыхъ Новинокъ, запроданнаго въ количествѣ $101^2/_3$ куб. саж. Кирсановымъ и принятаго для производства работъ на сормовской дамбѣ—отъ 3 февраля 1895 г., и 4) актъ освидѣтельствованія камня у с. Великаго Врага, проданнаго купцомъ Коровинымъ и сложеннаго въ штабеляхъ. Изъ всѣхъ этихъ актовъ видно, что они составлялись въ мѣстахъ заготовки матеріала и что освидѣтельствованіе производилось начальникомъ нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія инженеромъ Шнакенбургомъ въ присутствіи инженера Александрова. Кромѣ того, инженеръ Шнакенбургъ удостовѣрялъ своей подписью правильность расхода и дѣйствительность поставокъ по разнымъ фиктивнымъ счетамъ, представленнымъ Александровымъ въ правленіе казанскаго округа и, между прочимъ: 1) по двумъ счетамъ Лебединцева на поставленный имъ хворостъ на 3.480 р.; 2) по счету того же Лебединцева за околку льда на р. Волгѣ на 2.418 р. 78 к.; 3) по двумъ счетамъ Кирсанова

на 16.526 р. 65 к. за поставку камня отъ дер. Береговыхъ Новинокъ и за перевозку камня, купленнаго Александровымъ у Шипова, и 4) по всѣмъ счетамъ подрядчика Коровина за произведенныя имъ работы на сормовской дамбѣ и за поставленные на эти работы матеріалы, въ томъ числѣ счетъ на камень, доставленный изъ с. Великаго Врага. Наконецъ, инженеръ Шнакенбургъ въ 1894 г. ежемѣсячно удостовѣрялъ своей подписью правильность веденія Александровымъ рабочихъ журналовъ землечерпательной машины «Ширмокша» и землесоса «Волга» и отсутствіе въ этихъ журналахъ какихъ-либо упущеній противъ предписанныхъ правилъ. Между тѣмъ, по собственному признанію Александрова, сдѣланному имъ при административномъ разслѣдованіи настоящаго дѣла, рабочіе журналы писались имъ не во время производства работъ, а по окончаніи навигаціи, когда машинами уже не производилось работъ, и, слѣдовательно, инженеръ Шнакенбургъ подписывалъ ихъ заднимъ числомъ.

На основаніи изложенныхъ данныхъ помощникъ начальника дноуглубительныхъ работъ на р. Волгѣ, инженеръ кол. сов. Петръ Гавриловичъ Александровъ, 42 л., начальникъ нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія, инженеръ ст. сов. Робертъ Христіановичъ Шнакенбургъ, 54 л., купеческій сынъ Иванъ Михайловичъ Коровинъ, 29 л., крестьяне Василій Хрисанфовичъ Кирсановъ, 52 л., Прокофій Елизаровичъ Лебединцевъ, 32 л., Яковъ Савиновичъ Смирновъ, 30 л., Иванъ Егоровичъ Ловцовъ, 32 л., и временный нижегородскій купецъ 2-й гильдіи Захаръ Филипповичъ Абалаковъ, 48 л., преданы суду московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей по обвиненію: 1) Александровъ—во-1-хъ, въ томъ, что, состоя въ означенной должности и будучи подъотчетнымъ расходчикомъ казенныхъ денегъ на поставки и работы по устройству сормовской дамбы, а также по содержанію и дѣйствію дноуглубительныхъ снарядовъ и судовъ, отчитывался передъ казною въ означенныхъ деньгахъ фактивными счетами разныхъ лицъ, подписавшихъ эти счета по его подговору, при чемъ въ дѣйствительности частію вовсе не производилъ указанныхъ въ нихъ поставокъ и работъ, а частію—исполнялъ поставки и работы въ меньшихъ размѣрахъ и по болѣе низкимъ цѣнамъ противъ показывавшихся въ счетахъ, обращая въ свою пользу остатки отъ получавшихся путемъ этого умышленнаго обмана казенныхъ денегъ въ размѣрѣ свыше 300 р.; во-2-хъ, въ томъ, что, для сокрытія означеннаго обмана, въ акты освидѣтельствованія матеріаловъ и работъ включалъ вымышленныя обстоятельства и завѣдомо ложныя свѣдѣнія, и, въ-3-хъ, что, въ 1894 и 1895 годахъ, по предварительному уговору съ Иваномъ Коровинымъ, изъ корыстныхъ видовъ завѣдомо при-

нималъ отъ него для казны работы и матеріалы въ меньшемъ противъ показаннаго въ счетахъ количествѣ и по цѣнамъ выше дѣйствительныхъ. 2) Шнакенбургъ—въ томъ, что, по соглашенію съ подчиненнымъ ему инженеромъ Александровымъ, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, съ цѣлью ввести въ заблужденіе правленіе казанскаго округа путей сообщенія: а) составлялъ и подписывалъ вмѣстѣ съ Александровымъ акты освидѣтельствованія матеріаловъ со включеніемъ въ эти акты завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, б) удостовѣрялъ своей подписью правильность расхода и дѣйствительность поставокъ на предъявляемыхъ Александровымъ счетахъ, завѣдомо неправильныхъ и фиктивныхъ, и в) также удостовѣрялъ своей подписью правильность веденія Александровымъ рабочихъ журналовъ на землечерпательной машинѣ и землесосѣ, зная, что журналы эти ведутся неправильно, и кромѣ того, подписывалъ ихъ заднимъ числомъ. 3) Коровинъ—въ томъ, что, исполняя по довѣренности отъ своего отца заключенные этимъ послѣднимъ съ казною договоры и поставляя матеріалы на устройство сормовской дамбы, въ 1894 и 1895 годахъ, по предварительному соглашенію съ Александровымъ, изъ противозаконныхъ выгодъ, обмѣривалъ и обсчитывалъ казну какъ количествомъ и цѣною поставленныхъ матеріаловъ, такъ и количествомъ работъ по устройству дамбы, и такими своими обманными дѣйствіями причинилъ казнѣ убытки на сумму свыше 300 р., при чемъ въ представлявшихся въ казну счетахъ для оплаты поставленныхъ матеріаловъ и исполненныхъ работъ онъ, по предварительному соглашенію съ Александровымъ, показывалъ большее количество противъ дѣйствительно поставленнаго и исполненнаго и по такимъ завѣдомо для него преувеличеннымъ счетамъ получалъ платежи изъ казны. 4) Кирсановъ—въ томъ, что а) въ 1893 г., принявъ на себя, по договорамъ съ казною отъ 12 и 30 сентября 1893 г., поставку рабочихъ силъ и матеріаловъ по сооруженію сормовской дамбы, онъ, по предварительному соглашенію съ Александровымъ, предоставилъ этому послѣднему производить упомянутую поставку и затѣмъ, съ цѣлью содѣйствовать ему въ полученіи изъ казны большихъ суммъ, чѣмъ было израсходовано, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, подписалъ въ качествѣ поставщика составленные Александровымъ несогласные съ дѣйствительностью преувеличенные счета и представилъ въ казну, послѣ чего, по составленнымъ на его, Кирсанова, имя ассигновкамъ, получилъ всю причитавшуюся по смѣтѣ, но не согласную съ ея дѣйствительнымъ исполненіемъ сумму и такими своими обманными дѣйствіями причинилъ казнѣ убытокъ на сумму болѣе 300 р., и б) въ томъ, что въ 1893, 1894 и 1895 годахъ, не поставляя матеріаловъ и рабочихъ силъ для землечер-

пательной машины «Ширмокша» и землесоса «Волга», не производя поставки бутоваго камня въ количествѣ $101^2/_3$ куб. саж. и не перевозя $240^1/_3$ куб. саж. камня, купленнаго казною у землевладѣльца Шипова для устройства сормовской дамбы, съ цѣлью содѣйствовать Александрову въ полученіи изъ казны, за поставлявшіеся симъ послѣднимъ для казенныхъ надобностей матеріалы и производимыя симъ же работы, большихъ суммъ, чѣмъ въ дѣйствительности имъ было израсходовано, по предварительному съ Александровымъ соглашенію, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, подписалъ въ качествѣ поставщика составленные Александровымъ завѣдомо неправильные и преувеличенные счета и получалъ по этимъ счетамъ деньги, каковыми своими обманными дѣйствіями причинилъ казнѣ убытки на сумму свыше 300 р. 5) Лебединцевъ, Смирновъ и Ловцовъ— въ преступленіи, описанномъ въ п. 4 б. (первый въ 1894, 1895 гг., а второй въ 1893—94 и 95 гг. и третій въ 1894 г. не поставляя для казны матеріаловъ и рабочихъ силъ и не производя работъ, они, съ цѣлью и т. д.); и 6) Абалаковъ: а) въ томъ, что, въ 1894 г. поставляя дрова Александрову, онъ, по предварительному соглашенію съ послѣднимъ, изъ противозаконныхъ выгодъ, въ представленномъ имъ въ казну счетѣ показалъ цѣну дровъ, имъ поставленныхъ, $107^1/_2$ с. за 752 р. 50 к., выше дѣйствительно имъ полученной отъ Александрова на 2 р.—2 р. 50 к. за сажень и, получивъ отъ казны платежъ по этому счету, причинилъ казнѣ убытки на сумму менѣе 300 р., и б) въ томъ, что тогда же, съ цѣлью содѣйствовать Александрову въ полученіи изъ казны денегъ для покрытія расходовъ, въ дѣйствительности симъ послѣднимъ вовсе не произведенныхъ, по предварительному соглашенію съ Александровымъ, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ выгодъ, представилъ въ казну счета, въ коихъ завѣдомо для него ложно было показано, что ему слѣдуетъ получить, за пользованіе Александровымъ въ теченіе 8 дней его, Абалакова, нефтянкой, 80 р. и отъ такого его обмана казна, уплативъ по сказанному, удостовѣренному Александровымъ счету, понесла убытки на сумму менѣе 300 р. Преступленія эти предусмотрѣны: въ отношеніи Александрова— 13, 3 ч. 354, 362, 2 ч. 492 и 495 ст., относительно Шпакенбурга— 13 и 362 ст., въ отношеніи Коровина—13, 3 ч. 492, 1 ч. 1666 и 495 ст., относительно Кирсанова, Лебединцева, Смирнова и Ловцова— 13, 3 ч. 492 и 1 ч. 1666 ст. и въ отношеніи Абалакова — 13, 3 ч. 492, 1667 и 495 ст. улож. о наказ.

Послѣ краткаго перерыва, слѣдовавшаго за прочтеніемъ обвинительнаго акта, засѣданіе было возобновлено, и предсѣдатель обратился къ подсудимымъ съ вопросами объ ихъ виновности. На эти вопросы всѣ подсуди-

мые отвѣтили отрицательно. Палата приступила къ допросу свидѣтелей. Большинство свидѣтелей подтвердили показанія, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи и послужившія матеріаломъ для обвинительнаго акта. Изъ показаній новыхъ или же представляющихъ какія-либо характерныя особенности должно отмѣтить слѣдующія.

Морозовъ показалъ, что матеріалы и принадлежности для землечерпательныхъ машинъ у него изъ его магазина бралъ лично самъ Александровъ, онъ же и платилъ за нихъ, и на его имя писались и всѣ счета, при чемъ никакихъ скидокъ со счетовъ не дѣлалось. Лебединцева, Смирнова и Кирсанова свидѣтель не знаетъ, но такъ какъ Александровъ иногда присылалъ за матеріалами своихъ служащихъ, то, можетъ быть, въ числѣ этихъ служащихъ приходили и названныя выше лица.

Ресинъ, начальникъ рѣчной полиціи, показалъ, что въ 1895 году, по порученію губернатора, онъ осматривалъ сормовскую дамбу: она была повреждена весеннимъ ледоходомъ, именно на поперечной дамбѣ, на протяженіи 25—30 саж., были срѣзаны верхушки вплоть до самыхъ мѣшковъ съ землей, которые были обнажены; камень уцѣлѣлъ только мѣстами. Вся поперечная дамба длиною около 40 саж.

Подсудимый Александровъ заявляетъ, что въ 1895 г. на дамбѣ совсѣмъ не было мѣшковъ съ землей. Мѣшки эти были въ 1894 г., поэтому свидѣтель, вѣроятно, производилъ осмотръ въ 1894 г. Не происходитъ ли у у него ошибки въ годѣ?

Свидѣтель допускаетъ возможность этой ошибки.

Свид. *Мучниковъ* показалъ, что въ 1895 году распространились въ городѣ слухи о злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ инженеромъ Александровымъ при постройкѣ сормовской дамбы. Служа въ то время въ полиціи, онъ принялъ на себя трудъ провѣрить эти слухи, сталъ слѣдить за Александровымъ и перезнакомился съ его служащими. Прежде всего ему бросилось въ глаза, что Александровъ тратилъ весьма значительныя суммы, чуть не каждый день въ ресторанѣ на Откосѣ устраивались обѣды, стоившіе по 75—80 руб., при чемъ за нихъ расплачивался всегда одинъ Александровъ, или «Петруша», какъ его звали въ то время; обѣды даже устраивались въ его излюбленной, такъ называемой «петрушиной» бесѣдкѣ. Въ этихъ обѣдахъ принимали участіе разныя лица, большею частію пріѣзжія, и, судя по костюму, — не чиновники. Изъ чиновниковъ свидѣтель видѣлъ только одинъ разъ г. Шнакенбурга. До сихъ поръ у свидѣтеля не было положительныхъ данныхъ о злоупотребленіяхъ Александрова, но тутъ произошла исторія съ Лебединцевымъ, которая и дала эти данныя. Лебединцевъ удержалъ у Александрова въ свою пользу

1.000 рублей и за это былъ выгнанъ изъ службы. Тогда и самъ Лебединцевъ, и другіе служащіе, Сазыкинъ и Храмовъ, разсказали свидѣтелю, что Александровымъ представлялись въ правленіе округа фиктивные счета, въ которыхъ Лебединцевъ и нѣкоторыя другія лица значились поставщиками, тогда какъ таковыми они въ дѣйствительности не были. Лебединцевъ говорилъ ему, что такихъ счетовъ только онъ одинъ подписалъ тысячъ на 50. Получивъ эти свѣдѣнія, свидѣтель въ маѣ 1895 года доложилъ о нихъ своему непосредственному начальству — полицеймейстеру кн. Волконскому, но тотъ не обратилъ на нихъ вниманія, и свидѣтель послѣ этого подалъ заявленіе прокурору окружнаго суда. По мнѣнію свидѣтеля, Александровымъ была совершена крупная растрата, но лично ему изъ этой суммы попало не болѣе 30 проц., остальныя деньги пошли другимъ лицамъ.

На вопросы защиты свидѣтель объяснилъ, что въ числѣ участниковъ «Петрушиныхъ» обѣдовъ онъ Коровина не видѣлъ. О стоимости обѣдовъ и о томъ, кто платилъ за нихъ, онъ всегда справлялся у буфетчика.

Защитникъ *Маляптовичъ*. Отчего въ вашемъ теперешнемъ показаніи такъ подорожали эти обѣды? Раньше вы говорили, что они стоили по 50 р. и что угощались ими путейскіе чиновники.

Св. *Мучниковъ*. Я говорилъ о цѣнѣ приблизительно, а подъ чиновниками разумѣлъ только Александрова и Шнакенбурга.

Защ. *Мироновъ*. Развѣ свидѣтелю неизвѣстно, что Александровъ не пьетъ никакого вина?

Св. *Мучниковъ*. Можетъ быть теперь и не пьетъ, а тогда я его видалъ выпивши.

Подсудимый Александровъ заявляетъ, что онъ всегда обѣдалъ дома, вина не пилъ и не пьетъ и что слова свидѣтеля о 30%—совершенная неправда.

Свидѣтель *Храмовъ* показалъ, что онъ и Лебединцевъ служили писцами въ канцеляріи Александрова. Лебединцеву Александровъ давалъ иногда разныя порученія и посылалъ въ командировки для доставки матеріаловъ и т. п., свидѣтель же числился вахтеромъ на землечерпательной машинѣ. По этой должности онъ велъ рабочіе журналы, для которыхъ свѣдѣнія доставлялись Александровымъ дня через два, черезъ три; составлялъ ихъ свидѣтель въ канцеляріи. Лебединцевъ иногда подписывалъ счета на матеріалы и иной разъ говорилъ, что подписываетъ такіе счета, по которымъ въ дѣйствительности матеріаловъ не поставлялъ. Смирновъ состоялъ при Александровѣ для командировокъ за матеріалами или съ матеріалами; давалъ ли ему на нихъ деньги Александровъ, сви-

дѣтель не знаетъ, но у Смирнова своихъ денегъ не было. Относительно аренды Александровымъ нефтянки у Абалакова свидѣтель ничего не помнитъ. Требовательныя вѣдомости на рабочихъ составлялись по дѣйствительному числу ихъ и свидѣтелю лично не приходилось выдумывать несуществовавшихъ рабочихъ. Тотчасъ ли выбывающіе рабочіе замѣнялись новыми и не было ли случаевъ, чтобы плата по вѣдомостямъ выписывалась на выбывшихъ и еще не замѣненныхъ рабочихъ, свидѣтель не знаетъ, только отъ Лебединцева разъ слышалъ, будто тотъ получалъ жалованье за человѣка, котораго въ дѣйствительности не было. Рабочія книжки были у рабочихъ и велись правильно.

Тов. прокурора г. Курловъ. Однако слѣдователю вы показывали совсѣмъ не такъ, какъ вы теперь говорите?

Свид. *Храмовъ.* Слѣдователю я показывалъ только что послѣ тифа; онъ держалъ меня до 4—5 часовъ вечера и принуждалъ.

Г. *Курловъ.* Значитъ, слѣдователь самъ выдумалъ тѣ факты и даже цифры, которые значатся въ вашемъ показаніи?

Св. *Храмовъ.* Я не могу этого сказать, слѣдователь принуждалъ меня къ показаніямъ.

Предсѣд. *А. Н. Поповъ.* Въ чемъ васъ принуждалъ слѣдователь?

Св. *Храмовъ.* Большихъ принужденій не было.

А. Н. Поповъ. А маленькія, значитъ, были. Какія же?

Св. *Храмовъ* (смущенно). Чаю не давалъ...

По требованію тов. прокурора оглашается полностью показаніе Храмова на предварительномъ слѣдствіи, приведенное въ обвинительномъ актѣ и категорически утверждающее фиктивность счетовъ Лебединцева, Смирнова, Кирсанова и Абалакова и неправильное веденіе вѣдомостей.

Защитникъ *Мироновъ.* Вы говорите въ своемъ показаніи, свидѣтель, что сами вы ни разу не были на работахъ. Значитъ, вы показывали слѣдователю съ чужихъ словъ?

Св. *Храмовъ.* Да, со словъ служащихъ.

Защит. *Мироновъ.* Значитъ, съ чужихъ же словъ вы показывали и о томъ, что когда рабочіе выбывали и получались вакантныя мѣста, то въ вѣдомостяхъ они замѣщались выдуманными фамиліями, съ потолка?

Свид. *Храмовъ.* Да, также со словъ другихъ.

Защитникъ *Смирнова.* Вы показывали, свидѣтель, что Смирновъ подписывалъ счета безсознательно. Значитъ ли это, что онъ ихъ подписывалъ не разсуждая?

Св. *Храмовъ.* Да, онъ подписывалъ все, что ему дадутъ, такъ какъ боялся потерять мѣсто.

Въ засѣданіи 5-го октября продолжался допросъ свидѣтелей.

Было оглашено показаніе неявившагося свидѣтеля Веденѣева о томъ, что всю кулевую работу для сормовской дамбы исполнялъ Герасимовъ. Свидѣтель выполнилъ подрядъ по покрытію дамбы рогожами, взятый имъ лично у Александрова, отъ котораго были получены и деньги. Весною 1895 г. всѣ работы были смыты дочиста, да и не мудрено было, такъ какъ кули клались прямо на песокъ. Кирсанова свидѣтель совершенно не знаетъ.

Изъ прочтенныхъ на судѣ документовъ выяснилось, что по этимъ документамъ весь подрядъ по покрытію дамбы кулями и рогожами значится исполненнымъ единственно Кирсановымъ, которымъ непосредственно и были получены деньги изъ казначейства, Герасимовъ же въ числѣ подрядчиковъ совершенно не значится.

Подсудимый Кирсановъ объяснилъ, что подрядъ былъ первоначально отданъ Александровымъ ему, Кирсанову, но онъ оказался не въ силахъ его выполнить. Тогда Александровъ предложилъ ему только подписывать счета, не производя работъ, на что онъ и согласился. Деньги изъ казначейства онъ дѣйствительно получалъ, но передавалъ ихъ Александрову.

Свидѣтель *Шибковъ* показалъ, что съ 1894 года онъ служилъ машинистомъ на землесосѣ «Волга». Для дѣйствія машины употреблялись какъ деревянное масло, такъ и олеинъ и минеральное масло. Олеина было запасено 4 бочки, а деревяннаго—1 бочка; было, кромѣ того, нѣсколько бочекъ съ минеральнымъ масломъ. Въ матеріалахъ для дѣйствія машины вообще никогда недостатка не было.

На вопросъ защитника г. *Миронова* свидѣтель объяснилъ, что на землесосѣ «Волга» машинная команда въ числѣ 10 человѣкъ была всегда полная; ее нанималъ самъ свидѣтель и выбывшаго рабочаго тотчасъ же замѣнялъ новымъ.

Свидѣтель *Вьюровъ* показалъ, что онъ продалъ баржу Александрову за 850 р. и якорь по 3 р. пудъ. Баржа была хорошая и требовала лишь конопатки и осмолки, что должно было обойтись въ 30—40 р. Баржу покупалъ лично Александровъ, съ нимъ пріѣзжалъ еще какой-то человѣкъ, но былъ ли это Лебединцевъ, свидѣтель не знаетъ.

На вопросъ защитника г. *Миронова* свидѣтель добавилъ, что стоимость ремонта баржи онъ опредѣляетъ, разсчитывая по своему собственному заведенію; но для другихъ лицъ, не занимающихся спеціально этимъ дѣломъ, стоимость ремонта будетъ дороже.

По поводу этого ремонта подсудимый Александровъ объяснилъ, что многое въ его дѣйствіяхъ, кажущееся на первый взглядъ неправильнымъ и

подозрительнымъ, объясняется не корыстными видами, а невозможностью
безъ вреда для дѣла выполнить ту или другую формальность. Такъ было
и съ покупкой баржи у Выморова. По путейскимъ правиламъ, предвари-
тельно покупки баржи ее надлежало представить къ освидѣтельствованію,
но такой баржи, которая была бы готова къ этому освидѣтельствованію,
не найдешь: баржами, вполнѣ готовыми, пользуются сами владѣльцы.
Правда, правленіе округа могло разрѣшить покупку и не совсѣмъ готовой
баржи, но это разрѣшеніе пришло бы н[illegible]дѣли черезъ 2, а потомъ нача-
лась бы переписка объ ассигнованіи денег[illegible]ъ—въ этомъ прошло бы все
лѣто. А между тѣмъ баржа была необходима: [illegible]благодаря ея отсутствію,
матеріалы для землечерпательныхъ машинъ, требов[illegible]вшіеся въ большомъ
количествѣ, приходилось возить завознями на шестахъ, [illegible] и если бы машины
оказалось нужнымъ отвести за предѣлы городскихъ водъ, [illegible] то положеніе
оказалось бы затруднительнѣе. Въ это же время онъ, [illegible]Александровъ,
страдалъ систематическимъ недостаткомъ отпускавшихся е[illegible]у авансовъ:
дѣло было въ іюлѣ, а авансъ предстояло получить еще въ ав[illegible]устѣ. Въ
виду этого онъ рѣшился затратить собственныя средства. Купив[illegible] нефтя-
ную баржу и отремонтировавъ ее на свой счетъ, онъ затѣмъ воз[illegible]ѣстилъ
свои расходы изъ августовской ассигновки. [illegible] во-

Недостаточность авансовъ, продолжалъ Александровъ, была [illegible]ан-
обще больнымъ мѣстомъ. На содержаніе и дѣйствіе машинъ ав[illegible]і
совъ постоянно не хватало, и вотъ именно во время покупки баржи [illegible]
рапортомъ просилъ правленіе округа или увеличить мнѣ авансы, или ж[illegible]
освободить меня отъ нѣкоторыхъ машинъ, указывая, что я израсходовалъ
уже 1.000 р. изъ своей собственности. По этому моему рапорту правле-
ніе округа постановило экстренно запросить контрольную палату и въ
случаѣ ея согласія увеличить авансы (представляется и самый рапортъ).

Далѣе слѣдовалъ рядъ свидѣтелей, вызванныхъ обвинительной властью въ подтвержденіе того, что въ требовательныхъ вѣдомостяхъ выписывались рабочіе, въ дѣйствительности не работавшіе или работавшіе меньшее время, чѣмъ было показано въ вѣдомостяхъ, а также въ подтвержденіе того, что за дополнительныя работы, какъ-то: производство промѣровъ, чистку и т. п., рабочимъ особой платы не полагалось. Вызванные свидѣтели подтвердили эти обстоятельства.

По поводу ихъ показаній Александровъ объяснилъ, что онъ старался только о томъ, чтобы показываемые въ вѣдомостяхъ расходы совпадали съ дѣйствительными расходами. Рабочіе на судахъ, особенно осенью, мѣнялись постоянно, но ихъ всегда былъ полный комплектъ. Въ виду этого онъ не заботился особенно о томъ, чтобы имена работавшихъ на

судахъ рабочихъ были показаны въ вѣдомостяхъ съ совершенной точностью: случалось, что рабочій уходилъ и замѣнялся новымъ, а въ вѣдомостяхъ все еще значился прежній рабочій. Постоянные рабочіе были только на землечерпательной машинѣ «Ширмокша» и землесосѣ «Волга»; эти рабочіе получали плату по требовательнымъ вѣдомостямъ; на машинѣ же «№ 1», какъ бывшей въ его завѣдываніи временно, равно и на шаландахъ рабочіе получали плату по вѣдомостямъ поденной платы. Для промѣровъ и другихъ случайныхъ изысканій и работъ употреблялись поденные рабочіе, получавшіе и плату по поденнымъ вѣдомостямъ. Упомянутыя изысканія обыкновенно производили техники, а они во избѣжаніе лишней траты времени нерѣдко вовсе не составляли списковъ своихъ поденныхъ рабочихъ, а просто представляли списки своихъ расходовъ. Слѣдить за точнымъ веденіемъ вѣдомостей онъ, Александровъ, не могъ по обилію своихъ служебныхъ обязанностей.

Слѣдуетъ рядъ свидѣтельскихъ показаній, относящихся до поставки камня для сормовской дамбы. Показанія эти получаются крайне противорѣчивыя и сбивчивыя: свидѣтели не помнятъ или не знаютъ ни количества заготовленнаго въ томъ или другомъ мѣстѣ камня, ни того, куда отвезенъ былъ этотъ камень, ни, наконецъ, того, кто былъ въ томъ или другомъ случаѣ поставщикомъ камня. Противорѣчія эти въ большинствѣ не устраняются и прочтеніемъ показаній, данныхъ свидѣтелями при слѣдствіи; свидѣтели эти,—крестьяне, которые работали на Коровина,—или отказываются подтвердить свои показанія, или отзываются запамятованіемъ о томъ, давали ли они эти показанія, или даже, какъ это сдѣлалъ сельскій староста дер. Береговыхъ Новинокъ Кабановъ, отрицаютъ самый допросъ свой слѣдователемъ, говоря, что къ послѣднему они вовсе не вызывались.

Изъ показаній ихъ выясняется только то, что Кирсанова всѣ считали приказчикомъ Коровина, что свидѣтелями принимается хозяйственная мѣра кубовъ камня и что въ общемъ цѣну куба камня они опредѣляютъ ниже, чѣмъ она показана въ счетахъ Коровина.

То же приблизительно происходитъ и съ показаніями свидѣтелей о поставкѣ хвороста для сормовской дамбы. Въ частности псаломщикъ церкви въ гор. Балахнѣ Румянцевъ показалъ, что онъ далъ судебному слѣдователю невѣрное показаніе о томъ, будто церковный причтъ продалъ изъ своего лѣса хворосту Коровину только на 300 р.: онъ, свидѣтель, вчера справился у протоіерея, въ то время служившаго въ Балахнѣ, и оказалось, что Коровину было продано осенью 1894 г. на 775 р. хвороста.

Вслѣдъ за этимъ было оглашено показаніе священника той же церкви

Дроздова, показавшаго, что Коровину было продано хвороста именно на 300 р., а выработано имъ не болѣе 200 кубовъ, крупнаго же не болѣе 150 кубовъ.

Это разнорѣчіе между свидѣтелями Коровинъ объясняетъ тѣмъ, что часть денегъ, полученныхъ причтомъ, была внесена въ письменный договоръ, а другая была получена имъ прямо на руки.

Свидѣтель приставъ 1-го стана нижегородскаго у. *Розинъ* показалъ, что въ мартѣ 1895 года онъ дѣйствительно выдалъ удостовѣреніе о томъ, что Коровинымъ заготовлено для сормовской дамбы показанное въ этомъ удостовѣреніи количество камня и хвороста у селъ Кстова и Великаго Врага. Это онъ сдѣлалъ на основаніи офиціальнаго требованія инженера Александрова и приложенной къ нему выписки заготовленныхъ матеріаловъ, полагая, что въ путейскомъ вѣдомствѣ такія удостовѣренія заведены и что это пустая формальность. Самъ лично матеріаловъ онъ не осматривалъ. Бумагу Александрова и выписку ему принесъ неизвѣстный ему человѣкъ, назвавшійся довѣреннымъ Коровина.

Членъ палаты г. *Ходановичъ*. Значитъ, вы дали удостовѣреніе, не зная, правда ли то, что вы пишете, и не зная даже того, кто принесъ вамъ бумагу?

Въ разъясненіе этого обстоятельства, по просьбѣ защиты, оглашается объясненіе свидѣтеля, представленное имъ своему начальству. Въ немъ онъ пишетъ, что довѣрился Александрову, не думая, чтобы такое колоссальное дѣло, какъ постройка дамбы, могло быть довѣрено лицу, не заслуживающему довѣрія, и что по произведенной имъ нынѣ повѣркѣ сообщенныя по удостовѣреніи его свѣдѣнія оказались въ общемъ вѣрными.

Подсудимый Коровинъ объяснилъ, что Кирсановъ не былъ его приказчикомъ. Онъ былъ какъ бы подрядчикомъ отъ него, Коровина, т.-е. производилъ операцію за свой счетъ, но всѣ договоры по арендѣ горъ, поставкѣ камня и пр. заключалъ отъ имени Коровина. Это дѣлалось въ виду того, что онъ, Коровинъ, не желалъ выпускать дѣла изъ своихъ рукъ. Хозяйственный кубъ менѣе казенной кубической сажени, и поэтому цѣна этой послѣдней естественно выше хозяйственнаго куба, Александрову же онъ, Коровинъ, сдавалъ камень казенными кубами, а слѣдовательно и за болѣе дорогую цѣну.

Подсудимый Кирсановъ съ своей стороны объяснилъ, что на сормовскую дамбу попалъ камень и отъ Береговыхъ Новинокъ, и отъ Печеръ. Это произошло оттого, что первоначально онъ заключилъ договоръ съ Коровинымъ о поставкѣ ему камни для борской дамбы, а потомъ уже съ Александровымъ. Но когда онъ увидалъ, что, выполняя подрядъ по борской

дамбѣ, онъ окажется не въ силахъ выполнить свой подрядъ по отношенію къ Александрову, то часть камня, уже свезеннаго на борскую дамбу, онъ перевезъ обратно и поставилъ на сормовскую дамбу.

Свидѣтель начальникъ казанскаго округа путей сообщенія *г. Макаровъ* показалъ, что въ 1893 году бывшій начальникъ округа г. Лохтинъ далъ Александрову предписаніе построить въ теченіе не болѣе мѣсяца сормовскую дамбу. Это экстренное предписаніе было вызвано особыми ходатайствами судовладѣльцевъ и нижегородскаго губернатора въ виду угрожавшей тогда опасности каравану. Весеннимъ ледоходомъ 1894 г. построенная Александровымъ дамба была размыта, но это и предполагалось. Лѣтомъ 1894 г. для приведенія дамбы въ возможный порядокъ производились Александровымъ работы по подсыпкѣ дамбы. Работы эти были разрѣшены Александрову, но суммъ на нихъ отпущено ему не было, а начальникъ округа предложилъ ему воспользоваться свободными рабочими силами землечерпательныхъ машинъ. На эти работы Александровъ, по его словамъ, затратилъ болѣе 1.000 р. своихъ денегъ, и эти деньги такъ ему и не были возмѣщены. Авансы болѣе чѣмъ въ 3.000 р. не выдаются и притомъ новый авансъ можетъ быть выданъ лишь по израсходованіи $^2/_3$ прежняго аванса и новый авансъ можетъ быть полученъ не ранѣе 2 недѣль. Производителю работъ приходится поэтому изворачиваться, и если у него нѣтъ собственныхъ средствъ, то единственный для него исходъ брать отъ поставщиковъ счета на еще не поставленные матеріалы. Норма дѣйствія машинъ прежде опредѣлялась на основаніи опыта съ каждой данной машиной, а нынѣ берется за норму средній расходъ за одну или двѣ навигаціи. Если завѣдующимъ судномъ будетъ сдѣлана передержка противъ нормы, то она ставится ему въ начетъ, а если получится экономія, то она должна быть показана по вѣдомостямъ. Поэтому экономіею въ одномъ случаѣ покрываютъ передержку въ другомъ и въ результатѣ получается расходъ, подогнанный въ нормѣ. Съ этимъ всѣ мирятся, такъ какъ нѣтъ другого выхода. При постройкѣ дамбы инженеры Александровъ и Шпакенбургъ жаловались ему на задержку контролемъ пріемки матеріаловъ и наконецъ приступили къ этой постройкѣ, не дожидаясь освидѣтельствованія матеріаловъ контролемъ. Съ своей стороны свидѣтель ходатайствовалъ о передачѣ фактическаго контроля нижегородской контрольной палатѣ, оставивъ за казанской палатой лишь документальный контроль, но отвѣтъ на это ходатайство былъ полученъ уже по окончаніи постройки. Въ приступѣ къ работамъ ранѣе освидѣтельствованія матеріаловъ контролемъ свидѣтель не видитъ рѣзкаго нарушенія; такой приступъ оправдывался необходимостью, а фактическій контроль могъ быть произведенъ и послѣ

окончанія постройки. Александровъ считался опытнымъ инженеромъ и какъ во время службы, такъ и при сдачѣ имъ должности никакихъ неправильностей у него не было обнаружено.

О порядкѣ веденія рабочихъ журналовъ г. Макаровъ объяснилъ защитнику г. Тесленко на его вопросы, что по инструкціи эти журналы долженъ вести лично производитель работъ и даже чуть ли не собственноручно, но на дѣлѣ, при современномъ развитіи работъ, это невозможно и рабочіе журналы ведутся обыкновенно, по порученію производителей работъ, наиболѣе довѣренными ихъ служащими.

Гг. Тесленко и Мироновъ переходятъ къ вопросу о путейскихъ свидѣтельствованіяхъ: въ чемъ они заключаются?

Свидѣтель объяснилъ, что эти свидѣтельствованія бываютъ двухъ родовъ. Иногда свидѣтельствуются только документы снаряда относительно формальной правильности ихъ веденія, т.-е. цѣлы ли на нихъ шнуры и печати, нѣтъ ли подчистокъ и т. п.; иногда же производится болѣе тщательная и фактическая повѣрка: вѣдомости и журналы сличаются съ оправдательными документами, опрашиваются служащіе и рабочіе, свидѣтельствуется машина и т. д. У инженера Александрова при этихъ свидѣтельствованіяхъ не было обнаруживаемо никакихъ нарушеній.

Г. Мироновъ. Эти свидѣтельствованія производились внезапно?

Свид. *Макаровъ.* Они и всегда производятся внезапно, но какъ-то такъ выходитъ, что о нихъ всегда заранѣе извѣстно. У другихъ производителей работъ, даже и при этихъ условіяхъ, иногда случалось находить нарушенія.

Тов. прокурора г. *Курловъ* проситъ огласить предписаніе начальника округа, на основаніи котораго Александровъ приступилъ къ постройкѣ дамбы, и указываетъ, что изъ этого предписанія вовсе не видно, чтобы «предполагалось»,—какъ говоритъ свидѣтель Макаровъ,—размытіе дамбы весенней водой 1894 г.; напротивъ, предполагалось принять мѣры именно къ тому, чтобы дамба не была размыта, такъ какъ она должна имѣть не одно только временное значеніе.

Свидѣтель объяснилъ, что въ предписаніи начальника округа дѣйствительно предполагалось строить дамбу съ такой прочностью, чтобы она не была размыта, но это было сказано лишь въ видахъ предупрежденія самого Александрова, въ правленіи же округа всѣ понимали, что выстроить такую дамбу въ мѣсячный срокъ и при отсутствіи спеціальной ассигновки было невозможно; свидѣтельствованію счетовъ производителя работъ начальникомъ нижегородскаго отдѣленія свидѣтель придаетъ исключительно формальное значеніе.

О своихъ отношеніяхъ сходства съ подсудимымъ Коровинымъ (они женаты на родныхъ сестрахъ) свидѣтель Макаровъ показалъ, что таковыя начались въ 1894 г.; тогда онъ говорилъ и писалъ инженерамъ, въ томъ числѣ Александрову, чтобы они не ограничивались при заключеніи договоровъ по работамъ поставками крупнаго и давнишняго поставщика казанскаго округа—Коровина, а обращались бы и къ другимъ поставщикамъ. Послѣ сооруженія сормовской дамбы свидѣтель былъ переведенъ въ тифлисскій округъ, въ настоящее же время, съ назначеніемъ его начальникомъ казанскаго округа, онъ доложилъ министру путей сообщенія о неудобствѣ своего положенія въ качествѣ свояка крупнаго поставщика, и теперь, вслѣдствіе предписанія министра, онъ не принимаетъ участія въ разсмотрѣніи правленіемъ округа отчетности по работамъ, производимымъ Коровинымъ.

Тов. прокурора г. *Курловъ* интересуется знать: если свидѣтельствованіе вѣдомостей и журналовъ на снарядахъ имѣло только формальный характеръ, то какой смыслъ имѣло это свидѣтельствованіе и что, напр., удостовѣрялъ г. Шнакенбургъ своимъ свидѣтельствованіемъ на документахъ? Количество и качество матеріаловъ?

Подсудимый *Шнакенбургъ* объяснилъ, что своей подписью онъ не удостовѣрялъ точнымъ образомъ ни количества и качества матеріаловъ, расходуемыхъ на снарядахъ, ни количества рабочихъ силъ: онъ удостовѣрялъ только, что данный снарядъ существуетъ и находится въ дѣйствіи, слѣдовательно, для него потребны матеріалы и рабочія силы, т.-е. удостовѣрялъ самую потребность въ матеріалахъ и силахъ, приблизительно и самое количество ихъ.

Въ засѣданіи 6 октября былъ допрошенъ свидѣтель инженеръ Великановъ. На вопросы г. Миронова этотъ свидѣтель показалъ, что въ 1893—1895 гг. онъ состоялъ членомъ правленія казанскаго округа. Александровъ въ 1893 году говорилъ ему, что, желая пригласить подрядчиковъ для постройки сормовской дамбы, онъ публиковалъ объ этомъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, но подрядчиковъ не нашлось. Подрядчиковъ приглашаютъ производители работъ для того, чтобы избѣжать стѣснительныхъ формальностей при производствѣ работъ хозяйственнымъ способомъ. Авансы на работы выдаются всего въ суммѣ 3.000 рублей и поэтому по необходимости приходится прибѣгать къ помощи подрядчиковъ и представлять ихъ счета. По вопросу о необходимости измѣненія неудобнаго порядка отчетности и выдачи авансовъ въ министерствѣ обсуждалось уже нѣсколько докладовъ, между прочимъ, обширный докладъ инженера Зброжекъ. Свидѣтель былъ въ составѣ комиссіи, обсуждавшей вопросъ о постройкѣ сор-

мовской дамбы. Работы эти были признаны необходимыми, ибо ранѣе были случаи, когда льдомъ срѣзывало цѣлые караваны. Въ совѣщаніи обсуждался и вопросъ о матеріалахъ для постройки дамбы, именно мѣстные чины указывали на трудность найти достаточное количество матеріаловъ для постройки, но въ совѣщаніи имъ было предложено сначала твердо убѣдиться въ этомъ, ибо каравану грозила опасность. Въ 1893 г. дамба была построена временная и строить ее приходилось поспѣшно. Каменная обшивка дамбы была произведена уже въ 1896 г. во время выставки, и въ то время цѣны на матеріалы и рабочія силы были выше на 50 проц. Свидѣтель при ревизіяхъ землечерпательныхъ снарядовъ никогда не требовалъ, чтобы производители работъ сами вели рабочіе журналы, считая это невозможнымъ.

На вопросъ тов. прок. г. Курлова свидѣтель объяснилъ, что, при разрѣшеніи производства работъ хозяйственнымъ способомъ, производитель работъ можетъ самъ вызывать подрядчиковъ чрезъ публикаціи. Были случаи выдачи на работы и крупныхъ авансовъ по соглашенію министерства путей сообщенія съ государственнымъ контролемъ, но крайне рѣдко: свидѣтель знаетъ только одинъ случай, именно когда лично ему была выдана авансомъ $^1/_3$ всей ассигновки при работахъ его въ безлюдной мѣстности на р. Печорѣ.

Тов. прокурора г. Курловъ. Почему свидѣтель считаетъ дамбу 1893 г. временной, и какъ онъ понимаетъ въ такомъ случаѣ предписаніе начальника округа объ этой дамбѣ?

Свид. *Великановъ.* Я сужу по самому матеріалу: земляная дамба не можетъ быть постоянной. Предписаніе же начальника округа, по моему мнѣнію, есть только выраженіе желанія начальства, чтобы дамба была выстроена возможно прочнѣе.

Г. Курловъ. Значитъ, по вашему, отъ нея послѣ половодья могло бы и ничего не остаться?

Св. *Великановъ.* Половодьемъ могли быть срѣзаны только верхушки дамбы.

Г. Курловъ. Можно ли, по вашимъ правиламъ, вести рабочіе журналы вахтеру, не на машинѣ, а въ канцеляріи, не по днямъ, а черезъ недѣлю?

Св. *Великановъ.* Рабочіе журналы должны вестись, по крайней мѣрѣ, техниками, если не самими производителями, и во всякомъ случаѣ не вахтерами, на машинѣ, а не въ канцеляріи. Что касается того, если бы при ревизіи я нашелъ рабочій журналъ незаконченнымъ дня на 4—5, то я на это не обратилъ бы вниманія: произвелъ бы повѣрку, а подписалъ бы послѣ, для чего велѣлъ бы оставить пробѣлъ.

Защ. *г. Мироновъ.* А можетъ ли вахтеръ переписывать рабочіе журналы съ черновика?

Св. *Великановъ.* Я думаю, что можетъ: неужели я долженъ писать собственноручно, хотя бы послѣ и самъ не могъ разобрать, что написалъ.

На вопросъ одного изъ защитниковъ свидѣтель объяснилъ, что если въ теченіе мѣсяца кто-нибудь изъ мѣсячныхъ рабочихъ будетъ замѣненъ новымъ, то это должно быть отмѣчено въ требовательныхъ вѣдомостяхъ, а если рабочій уйдетъ и другимъ не будетъ замѣненъ, то слѣдующія на него деньги должны быть возвращены въ казну.

Свидѣтель *Сергѣевъ*, техникъ на землечерпательной машинѣ «Ширмокша», показалъ, что за неоконченную двумя сбѣжавшими подрядчиками околку льда поденщикамъ платилось Александровымъ по 1—1 р. 50 к. въ день. Дровъ для «Ширмокши» требовалось не много, но очень много ихъ шло на пароходъ «Герой» Абалакова, буксировавшій шаланды машины. Лебединцева, Кирсанова и Смирнова свидѣтель считалъ за мелкихъ комиссіонеровъ.

На вопросы тов. прокурора г. *Курлова* свидѣтель отвѣтилъ, что толстаго льда, не околотаго подрядчиками, была полоса въ 10 саж. ширины, считая отъ дамбы, и саж. 400 въ длину. Работа по околкѣ этой полосы поденщиками продолжалась недѣли двѣ. Лебединцева и другихъ свидѣтель считалъ мелкими комиссіонерами въ томъ смыслѣ, что они закупали матеріаловъ за одинъ разъ не болѣе какъ на 700—800 руб.

Защитники гг. *Тесленко* и *Наумовъ* предлагаютъ свидѣтелю рядъ вопросовъ, на которые свидѣтель отвѣтилъ, что на баржѣ, купленной Александровымъ у Выморова, онъ былъ раза два и видѣлъ, что на ней производилась конопатка. Черновые рабочіе журналы свидѣтель велъ на машинѣ за каждый день, Александрову же ежедневно посылалась выписка со всѣми нужными свѣдѣніями, кромѣ числа рабочихъ, которое оставалось постояннымъ и каждый выбывающій немедленно замѣнялся новымъ. Въ черновые журналы вписывались какъ простой машины, такъ и свѣдѣнія о погодѣ. Путейское начальство осматривало машину обыкновенно проѣздомъ и акта ревизіи на мѣстѣ не составляло, а осмотритъ снарядовъ 5—6, и послѣ изъ записей въ своихъ книжкахъ и составляетъ акты. Шнакенбургъ былъ на машинѣ нѣсколько разъ, производилъ осмотръ ея, спрашивалъ и о томъ, ведутся ли рабочіе журналы, но ихъ не осматривалъ. Во время постройки сормовской дамбы свидѣтель жилъ на ней постоянно, наблюдая, по порученію Александрова, за ходомъ работъ, за подвозкой матеріаловъ, за изготовленіемъ и кладкой тюфяковъ и произ-

водя нужныя изысканія. Къ Александрову ежедневно посылалали съ донесеніями и самъ онъ бывалъ на дамбѣ часто. Каждый разъ, когда свидѣтель сообщалъ о доставленіи матеріала, пріѣзжало начальство и свидѣтельствовало ихъ. Тюфяки изготовлялись 30 саж. въ длину и 6 саж. въ ширину по нормальному типу ихъ. Положить въ тюфякъ менѣе камня, чѣмъ положено по нормѣ, нельзя: тюфякъ тотчасъ же скрутило бы теченіемъ и унесло. Въ послѣднее время передъ окончаніемъ работъ онѣ производились спѣшно и тогда освидѣтельствованій матеріаловъ не производилось, а они прямо поступали въ дѣло.

На вопросъ тов. прокурора свидѣтель удостовѣрилъ, что бѣловыхъ рабочихъ журналовъ не велось на «Ширмокшѣ» и въ 1895 г., хотя объ этомъ было особое предписаніе отъ округа.

Подсудимый *Шнакенбургъ* объяснилъ, что осмотры дамбы и производившихся на ней работъ онъ производилъ постоянно на мѣстѣ, за исключеніемъ самаго послѣдняго времени передъ открытіемъ навигаціи, когда стало уже опасно быть около дамбы. Тогда онъ осматривалъ работы въ бинокль, при чемъ, зная мѣстность и положеніе дѣла, получалъ этимъ способомъ достаточно вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ работъ.

Свидѣтель священникъ *Тумановскій* показалъ, что осенью 1894 г. причтомъ соборной церкви г. Балахны было получено съ Коровина за проданный хворостъ 775 руб. Изъ нихъ 300 руб. были обращены на обезпеченіе причта процентами, а остальныя деньги причтъ подѣлилъ по рукамъ. Свидѣтель былъ въ то время діакономъ названной церкви и хорошо знаетъ это обстоятельство, слѣдователю же сказали о полученіи только 300 руб. по ошибкѣ, не справившись.

Свидѣтель инженеръ *Холщевниковъ* показалъ, что онъ служилъ помощникомъ у Шнакенбурга съ 1883 г. по 1891 годъ и знаетъ Шнакенбурга за усерднаго и гуманнаго чиновника. Въ ковенскомъ округѣ путей сообщенія, гдѣ теперь служитъ свидѣтель, на снарядахъ ведутся также только черновые рабочіе журналы и не самими производителями работъ, а старшинами на снарядахъ.

Свидѣтель *Страгородскій*, бывшій въ 1894—95 гг. приставомъ 1 стана Балахнинскаго уѣзда, показалъ, что онъ, по требованію инженера Александрова, выдалъ удостовѣреніе о количествѣ заготовленнаго Коровинымъ въ его станѣ хвороста и камня. Это количество было установлено имъ путемъ личнаго осмотра. Отъ возчиковъ же онъ слышалъ, что эти хворостъ и камень перевозятся ими на сормовскую дамбу.

Свидѣтель *Грачевъ*, приказчикъ Коровина, показалъ, что въ 1893—95 гг. хворостъ былъ заготовленъ Коровинымъ во многихъ мѣстахъ и въ боль-

шомъ количествѣ. Складъ камня былъ въ с. Козинѣ, куда его подвозили со всѣхъ сторонъ и въ большомъ количествѣ.

Свидѣтель *Моревъ*, конторщикъ Коровина, показалъ, что у Коровина собственно никакой конторы нѣтъ: въ домѣ, который зовутъ конторой, живетъ лишь довѣренный Коровина, дядя его Ѳедоръ Ивановичъ Коровинъ; конторщикъ только одинъ онъ, Моревъ. Имъ ведутся записи по покупкѣ и поставкѣ матеріала и по платѣ рабочимъ и служащимъ.

Защитникъ Коровина г. *Наумовъ* заявляетъ палатѣ, что въ обвинительномъ актѣ настойчиво указывается на объясненіе Коровина, что онъ не велъ книгъ. Это объясненіе инкриминируется Коровину въ томъ смыслѣ, что онъ скрываетъ свои книги. Между тѣмъ въ дѣйствительности это объясненіе имѣло лишь тотъ смыслъ, что у Коровина не велось такихъ книгъ, которыя могли бы дать понятіе о положеніи его дѣлъ, т.-е. настоящихъ торговыхъ книгъ. Обыкновенныя же книги для тѣхъ записей, о которыхъ говоритъ свидѣтель Моревъ, у Коровина велись. Эти книги онъ представляетъ и проситъ палату принять ихъ. Эти книги имѣютъ отношеніе и къ 1893—95 годамъ; по образцу ихъ велись книги и за всѣ года.

Тов. прокурора г. Курловъ, по обозрѣніи книгъ, далъ заключеніе, что онѣ за 1898—99 гг. и поэтому къ настоящему дѣлу не относятся и могутъ быть приняты развѣ въ качествѣ образца.

Предсѣдатель *А. Н. Поповъ*. Почему же вы не представляете книгъ за 1893—95 года?

Подсудимый *Коровинъ* отвѣтилъ, что книги за эти года уже уничтожены. Это подтвердилъ и свидѣтель Моревъ, сказавшій, что книги уничтожаются по истеченіи каждаго года.

Палата постановила представленныя книги присоединить къ дѣлу лишь въ качествѣ образца.

Свидѣтели *Осиповъ* и *Михайловъ* утверждаютъ, что подсудимый Ловцовъ былъ подрядчикомъ, а защитникъ Александрова г. Мироновъ представляетъ оплаченный Александровымъ счетъ Ловцова за исправленіе дамбы лѣтомъ 1894 года на 2.200 руб.

Предсѣдатель *А. Н. Поповъ* (обращается къ Александрову). Одинъ изъ членовъ суда желаетъ узнать отъ васъ, сколько вы получали жалованья и изъ какихъ средствъ вы уплатили Ловцову? Вѣдь на эти работы вамъ не было казенной ассигновки.

Подсудимый Александровъ отвѣтилъ, что жалованья онъ получалъ 2.500 руб. въ годъ и счетъ Ловцова оплатилъ собственными деньгами.

Подсудимые *Кирсановъ* и *Коровинъ* объясняютъ, что по желѣзной

дорогѣ камня было перевезено въ дѣйствительности гораздо болѣе, чѣмъ показано въ представленной къ дѣлу справкѣ желѣзной дороги, ибо допускалась перегрузка вагоновъ, даже до 100 пуд. на вагонъ, но начальникъ станціи Лебедевъ категорически отвергаетъ это объясненіе, говоря, что никакой перегрузки никогда не допускается и она воспрещена уставомъ желѣзныхъ дорогъ.

Защитникъ Шнакенбурга г. *Тесленко* проситъ спросить подсудимаго, сколько разъ инженеръ Орловскій, начальникъ департамента шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній, осматривалъ дамбу и когда онъ принялъ ее.

На вопросъ предсѣдателя *Шнакенбургъ* отвѣтилъ, что Орловскій осматривалъ дамбу два раза и въ первый разъ ее не принялъ, а на слѣдующій день снова осмотрѣлъ и уже принялъ.

— Почему же онъ не принялъ ее въ первый разъ?

— Не знаю.

По оглашеніи затѣмъ нѣкоторыхъ документовъ, судъ перешелъ къ экспертизѣ.

По подсчетамъ экспертовъ,—гг. Водарскаго и Вѣнскаго, вызванныхъ по просьбѣ подсудимыхъ Александрова, Шнакенбурга, Коровина и Кирсанова,—сдѣланнымъ въ теченіе болѣе $5^1/_2$-часового совѣщанія и основаннымъ на нормахъ урочнаго положенія, на постройку сормовской дамбы было израсходовано хвороста не менѣе 5.811 куб. саж. и камня 1.080 куб. саж. Если бы на постройку дамбы было употреблено камня менѣе указаннаго количества, то тюфяки не могли бы быть погружены и дамбы не могли бы устоять въ полую воду, а при меньшемъ количествѣ хвороста профили дамбы должны бы быть меньше и работы въ настоящемъ ихъ видѣ не могли бы быть исполнены.

На вопросъ защитника г. Тесленко эксперты пояснили, что они исчислили количество камня и хвороста (1080 и 5811 куб. саж.), необходимое для постройки сормовской дамбы, соображаясь съ нормами урочнаго положенія. Исчисленіе это приблизительное, такъ какъ подробный подсчетъ потребовалъ бы не менѣе недѣли, и поэтому они откинули въ своихъ подсчетахъ мелкіе профили. Въ виду этого исчисленное ими количество нѣсколько менѣе точнаго: они взяли такое количество, менѣе котораго уже нельзя взять, т. е. самое минимальное. Если сличить это количество съ тѣмъ, которое значится поставленнымъ на постройку дамбы по счетамъ Лебединцева, Кирсанова и Ловцова, то окажется, что ими было поставлено хвороста менѣе на 85 куб. саж., а камня болѣе на 128 куб. саж.

Послѣдній вопросъ, предложенный на разрѣшеніе экспертовъ, касался постройки на Муромкѣ сруба для испытанія производительности землесоса

«Волга». Въ обвинительномъ актѣ было сказано, что при постройкѣ этого сруба подсудимымъ Лебединцевымъ нанимались рабочіе только для копанія ямы въ первый день 7 человѣкъ и во второй 9 человѣкъ, съ платой по 60—70 к. въ день каждому, а между тѣмъ за производство этой работы Лебединцевымъ были представлены, по порученію Александрова, 2 счета на 342 р. 39 к.

На этотъ вопросъ эксперты отвѣтили, что стоимость устройства сруба они точно опредѣлить не могутъ, но если яма для сруба, какъ показалъ свидѣтель Бѣднягинъ, была 3 саж. въ длину, ширину и глубину, то для вырытія ея въ два дня потребовалось бы 25 рабочихъ, а 9 человѣкъ могли бы выкопать ее не менѣе какъ въ 2 недѣли.

По просьбѣ защитника подсудимаго Кирсанова г. Малянтовича были оглашены представленные имъ два договора о сдачѣ Коровинымъ Кирсанову выработки бутоваго камня близъ с. Татинца и въ горахъ, арендованныхъ Коровинымъ, и двѣ расписки въ полученіи семьями крестьянъ Щербакова и Емелина, погибшихъ на работахъ по выработкѣ камня въ Бахмутскихъ горахъ, отъ Кирсанова вознагражденія за смерть названныхъ крестьянъ въ суммѣ 600 р. каждой семьей. Всѣ эти документы относятся къ 1895—1896 гг.

Г. Малянтовичъ объяснилъ, что эти документы представляются имъ въ удостовѣреніе того, что Кирсановъ дѣйствительно состоялъ подрядчикомъ у Коровина, какъ и показалъ на судѣ этотъ послѣдній.

Къ этому Коровинъ съ своей стороны добавилъ, что, кромѣ письменныхъ договоровъ, у него былъ рядъ словесныхъ подрядныхъ договоровъ съ Кирсановымъ.

По ходатайству защиты былъ оглашенъ протоколъ совѣщанія, состоявшагося 22 января 1895 г., по вопросу о постройкѣ сормовской дамбы. Въ этомъ совѣщаніи участвовали членъ правленія округа г. Великановъ, представитель контроля г. Соловьевъ и мѣстные инженеры гг. Шнакенбургъ, Вѣнскій и Александровъ. Обсудивъ предложеніе м—ства о постройкѣ дамбы высотою 3,5 саж. изъ сухой каменной кладки въ предѣлахъ ассигнованной на этотъ предметъ суммы 280 тыс. руб., совѣщаніе нашло, что постройка такой дамбы, по предварительнымъ подсчетамъ инженера Александрова, потребовала бы расхода не менѣе 500 тыс. р.; что въ данное время можно найти не болѣе 2500 куб. саж. камня и хвороста вмѣсто потребныхъ на предполагаемую дамбу 7500 куб. саж. и что, въ виду производящихся работъ по сооруженію зданій для выставки, цѣны на указанные матеріалы и рабочія силы вздорожали на 50 проц. Въ силу этихъ соображеній совѣщаніе постановило приступить къ постройкѣ не

каменной, а фашинной дамбы, изъ фашинныхъ тюфяковъ и камня, высотою 2,5 саж., каковая высота будетъ временно достаточна для огражденія каравана отъ ледохода.

Судъ перешелъ къ преніямъ сторонъ.

Тов. прокурора П. Г. Курловъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Гг. судьи и сословные представители! Настоящее дѣло имѣетъ не только мѣстное, не только даже волжское значеніе, но и общегосударственное. Вопросъ объ обмеленіи нашихъ рѣкъ — вопросъ общегосударственный. Съ этимъ обмеленіемъ ведется, въ интересахъ населенія, въ интересахъ торговли и промышленности, неустанная борьба, правительство ежегодно затрачиваетъ на нее сотни тысячъ рублей, но какія-то причины препятствуютъ успѣху этой борьбы. Настоящее дѣло открываетъ намъ одну изъ этихъ причинъ. Я заранѣе оговариваюсь, что признаю всѣ затрудненія, встрѣчаемыя этой борьбой, и въ своей рѣчи не буду говорить вообще о вѣдомствѣ м—ства п. с.; заранѣе признаю, что это вѣдомство во всѣхъ случаяхъ, кромѣ настоящаго, прекрасно ведетъ свое дѣло, строитъ несокрушимыя сооруженія: я буду говорить только о томъ маленькомъ участкѣ великой Волги, на которомъ оперировалъ инженеръ Александровъ и на которомъ разыгралось настоящее дѣло. Какова исторія этого дѣла? Если бы, гг. судьи, задачей суда было только найти виновныхъ, и судъ не былъ бы обязанъ глубже разслѣдовать дѣло, то для обвиненія настоящихъ подсудимыхъ было бы совершенно достаточно ихъ собственныхъ объясненій. Г. Александровъ утверждаетъ, что разливомъ 1894 г. построенная имъ въ 1893 году дамба была повреждена, смыта, разбросана, уплыла. Въ виду ожидавшагося пріѣзда министра п. с., онъ, Александровъ, безъ разрѣшенія начальства, нанялъ Ловцова подсыпать дамбу въ ручную, истративъ на это свои деньги, а потомъ возмѣстилъ ихъ себѣ изъ остатковъ отъ другихъ работъ, не превысивъ при этомъ нормы. Значитъ, онъ допустилъ подложное составленіе счетовъ, съ цѣлью сокрытія своей неудачной работы. Я говорю: „неудачной работы и съ цѣлью скрыть ее“—и постараюсь доказать это. Относительно перваго изъ этихъ положеній мы имѣемъ,

съ одной стороны, показанія гг. Макарова, Великанова и др. инженеровъ, что дамба была построена лишь временная, что она уже заранѣе была обречена на разрушеніе и что свою временную задачу она исполнила, а съ другой стороны—предписаніе начальника округа и отвѣтъ м—ства о томъ, что оно возлагаетъ отвѣтственность за цѣлесообразность и прочность дамбы на правленіе округа. Если м—ство напередъ знало, что дамба должна разлетѣться, то какую же отвѣтственность оно могло бы возлагать на округъ? Показанія Макарова и Великанова—это ихъ личное мнѣніе, подорвать значеніе документовъ оно не можетъ, а потому я думаю, что дамбу надлежало выстроить прочную. Я сказалъ, что Александровъ имѣлъ цѣль скрыть свою неудачную работу: ранѣе это говорилъ и самъ Александровъ. Теперь свидѣтель Макаровъ, помощникъ начальника округа, показываетъ, что Александровъ сдѣлалъ работу съ разрѣшенія округа, а самъ Александровъ объясняетъ и то, зачѣмъ онъ ее сдѣлалъ: онъ не желалъ оскорблять зрѣнія г. министра картиной разрушенія дамбы. Другими словами—хотя дамба безусловно должна была разлетѣться и объ этомъ знало и само м—ство, но тѣмъ не менѣе нужна была декорація для министерскаго глаза. Если м—ство знало, то не зачѣмъ было и устраивать декораціи. Я думаю, что свидѣтель Макаровъ, говоря о разрѣшеніи округа, говоритъ о другомъ моментѣ—о томъ моментѣ, когда Александровъ впослѣдствіи раскаялся въ затратѣ своихъ денегъ и выпросилъ у округа позволеніе возмѣстить ихъ себѣ.

„Типичнымъ образцомъ объясненій Александрова является его объясненіе относительно счета Лебединцева на поставку послѣднимъ на 8.965 руб. ивоваго хвороста. Сначала онъ утверждалъ, что Лебединцевъ—дѣйствительный поставщикъ, но затѣмъ измѣнилъ свое объясненіе: дѣйствительнымъ поставщикомъ былъ Коровинъ, а Лебединцевъ—подставной. На первый взглядъ это приглашеніе подставного поставщика можно бы было объяснить канцелярщиной, невыполнимыми требованіями технической отчетности, какъ это и дѣлаетъ Александровъ: онъ говоритъ, что, поразившись тѣмъ, что смѣта его пестритъ фамиліей Коровина, и боясь, съ одной стороны, обвиненія въ пристрастіи къ

этому крупному подрядчику, а съ другой—что этотъ подрядчикъ, при приглашеніи другихъ поставщиковъ, можетъ устраниться отъ дѣла,—онъ, Александровъ, и пригласилъ подставного поставщика Лебединцева. Объясненіе это, по моему мнѣнію, весьма наивно и можетъ показаться правдоподобнымъ лишь при условіи, что Александровъ могъ дѣйствительно кого-нибудь бояться. Но кого же могъ бояться г. Александровъ? Начальства? Но вѣдь оно здѣсь же, предъ нами, толковало о невыполнимости и недостаткахъ технической отчетности; какъ вы изволили слышать, начальство операціи подобнаго рода знаетъ до тонкости и ничего дурного въ нихъ не видитъ. Постороннихъ? Но отчеты гг. инженеровъ во всеобщее свѣдѣніе не публикуются и для публики они покрыты мракомъ неизвѣстности. По существу же своему дѣяніе г. Александрова составляетъ несомнѣнный подлогъ.

„Г. Александровъ израсходовалъ полмилліона казенныхъ денегъ и представилъ при своемъ отчетѣ рядъ подложныхъ документовъ, въ 1893 г. выстроилъ дамбу, а въ 1894 году она разлетѣлась. Тѣмъ не менѣе начальство путейское говоритъ, что онъ—прекрасный строитель. Мы съ своей стороны не можемъ признать нормальными отчеты фиктивные и сооруженія разлетающіяся. Не можемъ признать нормальными предписанія фантастическія, завѣдомо невыполнимыя. Не можемъ не придти въ удивленіе предъ такими правилами отчетности, которыя постоянно будто бы грозятъ производителямъ работъ скамьей подсудимыхъ. Главное пугало этихъ правилъ—авансъ и, не будучи спеціалистомъ, трудно найти возраженіе противъ этого пугала. Но вотъ здѣсь, на судѣ, возраженіе это нашлось. „А не выдавали ли,—спросилъ представитель гражданскаго истца,—когда-либо и крупныхъ авансовъ?“ Оказывается—выдавали. Что же, этого такъ трудно было добиться? Да вовсе, оказывается, не трудно: для этого требуется не законодательная санкція, а простое соглашеніе министерства съ контролемъ. Нѣтъ никакихъ страховъ и въ прочихъ требованіяхъ отчетности: существуетъ циркуляръ 1892 года, допускающій отступленія отъ нормы, но „тѣмъ не менѣе,— говоритъ этотъ циркуляръ,—во всѣхъ счетахъ должны быть показы-

ваемы дѣйствительное количество матеріаловъ, дѣйствительное количество рабочихъ силъ, хотя бы и съ отступленіемъ отъ нормы“.

„Подсудимый Шнакенбургъ не отрицаетъ фактической стороны дѣла, не отрицаетъ и того, что имъ изобрѣтенъ совершенно новый и остроумный способъ осмотра работъ, стоящихъ десятки тысячъ руб.,—„посредствомъ бинокля“. Въ дѣлѣ и судебномъ слѣдствіи нѣтъ данныхъ, которыя указывали бы на корыстные виды Шнакенбурга, и я долженъ признать, что корыстныхъ видовъ у него не было. Какую же цѣль имѣли его дѣйствія? Самъ Шнакенбургъ объясняетъ свои дѣйствія довѣріемъ къ Александрову и нежеланіемъ подрывать авторитетъ производителя работъ—проще говоря, нежеланіемъ портить товарищескія отношенія. Я готовъ признать, что въ частной жизни товарищескія отношенія — вещь прекрасная, но вѣдь казна платитъ жалованье своимъ чиновникамъ не за то, и законъ спеціально предусматриваетъ отвѣтственность чиновника за небрежность, нерадѣніе по службѣ и слабый надзоръ за подчиненными. По этимъ статьямъ закона долженъ отвѣчать и Шнакенбургъ.

„Подсудимый Лебединцевъ также ничего не отрицаетъ: онъ, очевидно, думаетъ, что если онъ подписалъ фиктивные счета въ силу своей зависимости отъ Александрова, то онъ уже ни въ чемъ не виноватъ. Остальные подсудимые утверждаютъ, что они все поставили, что показано въ ихъ счетахъ, и деньги получили, а между тѣмъ подсудимый Кирсановъ, напр., не знаетъ ни цѣнъ тѣхъ матеріаловъ, которые онъ будто бы поставлялъ, ни торговцевъ, у которыхъ можно купить эти матеріалы, и они его не знаютъ, какъ, впрочемъ, и другихъ такихъ же подрядчиковъ. Ранѣе Лебединцевъ прямо утверждалъ, что поставки Смирнова, Кирсанова и Ловцова были фиктивны; теперь, когда ему приходится уносить и собственную голову, онъ ужъ этого не говоритъ, памятуя, что „слово—серебро, а молчаніе—золото“.

„Самымъ крупнымъ, на сумму 209.249 р., поставщикомъ является Коровинъ. Онъ также утверждаетъ, что поставилъ все показанное въ счетахъ: что именно и откуда —

онъ не можетъ припомнить при обширности своего торговаго дѣла, но этого отъ него нельзя и требовать; онъ бралъ высокія цѣны, но это дѣло коммерческое... Если бы это было такъ, гг. судьи, то Коровинъ не сидѣлъ бы здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ. Вѣдь что бы ему стоило доказать свои утвержденія? Для этого ему стоило бы только показать свои торговыя книги. Онѣ обязательны по закону, да я и не могу представить себѣ, чтобы можно было вести обширное торговое дѣло безъ торговыхъ книгъ. Коровинъ говорилъ, что онъ не нуждался въ книгахъ, ибо довѣрялъ своимъ служащимъ. Но, гг., въ настоящемъ дѣлѣ довѣріе вообще доведено до удивительныхъ размѣровъ: по довѣрію къ Александрову подписываютъ фиктивные счета Лебединцевъ съ прочими; по довѣрію къ своему подчиненному свидѣтельствуетъ Шнакенбургъ подложные счета и акты; наконецъ, Коровинъ ведетъ свои торговыя дѣла, также руководясь довѣріемъ. Слишкомъ много довѣрія, гг.! Теперь, по выслушаніи судебнаго слѣдствія, Коровинъ сообразилъ, что его объясненіе относительно книгъ неправдоподобно, что ему не повѣрятъ—и вотъ въ самомъ концѣ книги эти появились! Но, я думаю, лучше бы онѣ не появлялись! Вы видѣли, гг. судьи, эти книги. Онѣ за 1898 и 1899 года, а между тѣмъ намъ нужны книги не за эти года: книги, по словамъ самого же Коровина, уничтожались по истеченіи каждаго года. Припомнимъ, что тотъ же Коровинъ говорилъ на слѣдствіи, что у него не велось „ни книгъ, ни записей". „Были торговыя книги, — говорилъ свидѣтель Дмитріевъ,—самъ въ нихъ расписывался".

Переходя къ отдѣльнымъ обвиненіямъ, г. тов. прокурора высказалъ, что между преступными дѣяніями всѣхъ подсудимыхъ существуетъ настолько тѣсная связь, что приходится разсматривать дѣло не по отдѣльнымъ обвиняемымъ, а по отдѣльнымъ преступнымъ дѣйствіямъ. Изъ числа обвиняемыхъ долженъ быть выдѣленъ Абалаковъ: какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи, онъ теперь крестьянинъ, а ранѣе хотя и былъ купцомъ, но временнымъ; поэтому къ нему можетъ быть предъявлено лишь обвиненіе въ мошенничествѣ, какъ къ лицу непривилегированному, а этому преступленію уже истекла давность, почему отъ обвине-

нія Абалакова г. товарищъ прокурора отказался. По мнѣнію обвинителя, Александровъ практиковалъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія матеріаловъ систему, которую можно назвать „параллельной“: у торговцевъ покупалось то, что дѣйствительно поставлялось на землечерпательные снаряды, на недостающее же до нормы количество составлялись фиктивные счета отъ имени Лебединцева и др., по которымъ изъ казны и получались деньги. Изъ числа отдѣльныхъ поставокъ обвинитель признаетъ дѣйствительными поставки: Кирсановымъ 101 2/8 к. с. бутоваго камня на 6.913 р. и Коровинымъ хвороста на 120.891 р.; но полагаетъ, что Кирсановъ получилъ за свои услуги вознагражденіе, въ видѣ передачи ему по возвышенной цѣнѣ перевозки камня, Коровинъ же допустилъ замѣну хворостомъ, доставленнымъ имъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ требовалось, болѣе дорогого матеріала—камня. Кромѣ того, обвинитель призналъ дѣйствительными расходы на исправленіе брантвахты и на устройство сруба въ Муромкѣ.

Относительно практиковавшагося Александровымъ способа расплаты съ рабочими обвинитель высказалъ, что если стать на точку зрѣнія свидѣтелей Макарова и Великанова, то объ этомъ предметѣ не стоило бы и говорить: вѣдь, по мнѣнію свидѣтелей, отчетность по этому предмету можно вести какъ угодно. Однако обвинитель думаетъ, что пока такая отчетность не разрѣшена закономъ, то она незаконна. Въ требовательныхъ вѣдомостяхъ, благодаря изобрѣтательности Храмова, не затруднявшагося выдумывать фамиліи, были хоть расписки получателей денегъ, былъ внѣшній порядокъ, въ вѣдомостяхъ же поденной платы не было даже и расписокъ, и онѣ замѣнялись простымъ удостовѣреніемъ Александрова, что онъ съ собой столько-то денегъ взялъ и всѣ ихъ роздалъ.

„Александровъ, — заключилъ свою рѣчь г. Курловъ, — потративъ полмилліона казенныхъ денегъ, прикрывается технической отчетностью и думаетъ, что это прикрытіе будетъ прочнѣе построенной имъ дамбы. Я думаю, что онъ ошибается, и та картина, которую нарисовало намъ слѣдствіе, когда разлетаются дамбы, ломаются караваны и неизвѣстно куда исчезаютъ казенныя деньги, будетъ дополнена обвинительнымъ приговоромъ суда“.

Прис. пов. Мироновъ: „Гг. судьи и сословные представители! Мнѣ нѣтъ надобности защищать вѣдомство путей сообщ. отъ тѣхъ упрековъ, которые раздавались здѣсь сейчасъ по его адресу. Не мнѣ выступать на его защиту, да въ задачи наши и не входитъ разборъ дѣятельности этого вѣдомства. Дѣло суда важное и государственное, но эта важность создается не обсужденіемъ дѣятельности какого-либо учрежденія, хотя бы очень важнаго въ общегосударственной машинѣ, не провѣркой тѣхъ или иныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ по адресу всего учрежденія или всей корпораціи лицъ, его составляющихъ. Дѣло суда есть достиженіе въ предѣлахъ возможнаго цѣлей правосудія, то-есть произнесеніе возможно правильнаго приговора. Для этого приговоръ долженъ быть основанъ не на догадкахъ и подозрѣніяхъ, не на симпатіяхъ или антипатіяхъ, а на твердыхъ и незыблемыхъ данныхъ. Все условное, сомнительное, все недоказанное должно быть отброшено. Такой приговоръ всегда будетъ имѣть важное, если хотите, государственное значеніе, такъ какъ твердыя основы правосудія обезпечиваютъ правильное развитіе государственной жизни.

„Говорить объ условіяхъ дѣятельности цѣлаго учрежденія можно только въ видахъ защиты, чтобы въ этихъ условіяхъ найти поводъ снисходительнаго отношенія къ обвиняемому, поступки котораго часто не являются вовсе результатами его безнравственныхъ побужденій, а совершаются исключительно подъ давленіемъ обстановки, создавшейся помимо его воли,— обстановки, среди которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, измѣнить которую онъ не въ силахъ.

„И вотъ, если въ теченіе всего процесса защита усиленно обращалась къ такъ называемымъ правиламъ технической отчетности, если указывала на недостатки этой отчетности, то не для укора или осужденія, ибо критика установленныхъ правилъ суда не касается, а только въ намѣреніи дать характеристику условій, при которыхъ приходится работать инженерамъ. Г. товарищъ прокурора этимъ указаніямъ защиты придалъ другое значеніе. Но если даже принять точку зрѣнія обвинителя, то все же придется сказать, что онъ смѣшиваетъ два понятія: неумѣнье, вызывающее часто безполезныя затраты огромныхъ суммъ, и злоупотребленіе. Оче-

видно, что эти два понятія совершенно различны и нельзя сдѣланныя будто бы Александровымъ злоупотребленія доказывать ссылкою на то, что первая построенная Александровымъ дамба оказалась плохой. Такой методъ изслѣдованія тоже несомнѣнно плохъ. Дамба могла оказаться неудачной, потому что ее строили неумѣло, потому что на нее мало отпустили денегъ,—словомъ, по множеству причинъ, и при этомъ все-таки постройка могла происходить безъ всякихъ злоупотребленій по отчетности. Можно было, наоборотъ, выстроить превосходную дамбу и все-таки допустить злоупотребленіе въ отчетѣ. Но я иду далѣе и спрошу, почему построенную Александровымъ первую дамбу надо признать плохо исполненной работой? Неужели потому, что ее смыло первымъ половодьемъ? Но вѣдь мы знаемъ, что эта первая дамба, составившая коренное измѣненіе прежде существовавшей и увеличившаяся вдоль и вверхъ, была построена Александровымъ изъ песка и глины и ее несомнѣнно должно было смыть первое сильное половодье. Это было ясно для всякаго прибрежнаго жителя, даже не для техника. Однако нельзя забывать, что такую постройку выдумалъ не Александровъ,—онъ исполнилъ волю начальника округа. За что вы вините Александрова? Мы всѣ читали въ газетахъ, что на Байкалѣ оказались непригодными къ дѣлу ледоколы, на которыхъ перевозились цѣлые поѣзда. Эти ледоколы стоили многихъ милліоновъ, и если свѣдѣнія газетъ вѣрны, то надо признать, что милліоны брошены въ воду. Но развѣ виноватъ въ этомъ строившій ихъ по приказу начальства инженеръ? И если бы строителя стали обвинять въ злоупотребленіяхъ по постройкѣ, неужели вмѣсто доказательствъ его вины стали бы указывать на непригодность ледоколовъ къ плаванію на Байкалѣ? Конечно, нѣтъ! Зачѣмъ же въ вину Александрову ставить не какія-либо доказанныя при постройкѣ этой первой дамбы нарушенія закона, а винить его за то, что дамба, сдѣланная имъ по волѣ и согласно съ волей начальства, уплыла при первомъ натискѣ ледохода?

Но, кромѣ того, упрекъ за плохое устройство дамбы и по существу не вполнѣ вѣренъ. Вспомнимъ, зачѣмъ она въ такомъ видѣ и такъ спѣшно устраивалась? Ея задачей было

удержать первую подвижку весенняго льда и спасти караванъ судовъ, зимовавшихъ въ Сормовскомъ затонѣ, отъ бѣды. Она сослужила эту службу и выдержала напоръ льда, особенно сильный, пока вода еще не очень высока. При большемъ подъемѣ, въ разгаръ половодья, ледъ уже не страшенъ, — его сноситъ весенняя вода, которая кстати снесла и смыла разбитую первымъ напоромъ льда песчаную дамбу. Она оказалась въ непривлекательномъ видѣ — въ ямахъ и буграхъ. Конечно, надо было исправить испорченное сооруженіе, а тутъ еще ожидался пріѣздъ министра. Нельзя было показать ему въ такомъ печальномъ видѣ дамбу, надо ее исправить и притомъ надо торопиться. Наступаетъ періодъ второй постройки, а точнѣе сказать—исправленія дамбы. Всѣ обвиненія, къ этому періоду относящіяся, безпочвенны и излишни. Не зачѣмъ провѣрять и учитывать Александрова, такъ какъ исправленіе это онъ цѣликомъ почти произвелъ на свой счетъ. Онъ получилъ на эту работу всего 300 руб., а медлить не было возможности. Александровъ израсходовалъ, по его счетамъ, 2.500 р., и деньги эти пришли, но,—увы!—настолько поздно, что дамба была исправлена, сдана и аванса получать за нее уже не приходилось. А потому Александровъ и вернулъ эту ассигновку, какъ документально мы на судѣ доказали,—вернулъ со вздохомъ, поплатясь своими деньгами. Но эта починка не была безплодна. Когда рѣшено было воздвигнуть настоящую каменную дамбу, постройка которой составляетъ настоящее содержаніе настоящаго дѣла, уже имѣлось для этой постройки серьезное основаніе. Его немного увеличили, укрѣпили, потомъ при помощи хвороста въ водѣ, фашинъ, тюфяковъ и кольевъ обложили камнемъ и получилась та дамба, которая существуетъ и нынѣ. Въ половодье 95 года ее испортило, „поцарапало", какъ выражались свидѣтели, но она была сооруженіемъ монументальнымъ и устояла. Съ тѣхъ поръ, однако, она была еще перестроена и увеличена, а во-время осмотра ея сдѣлано не было, и судить о ея достоинствахъ и недостаткахъ теперь, конечно, мы не можемъ, однако можемъ провѣрить количество пошедшихъ на ея устройство матеріаловъ.

Вотъ исторія сооруженій, исполненныхъ подъ Сормовымъ

инженеромъ Александровымъ. Но кромѣ этой дамбы онъ еще завѣдывалъ дноуглубительнымъ караваномъ, т.-е. землечерпательными машинами, исправлялъ перекаты и исполнялъ временами должность начальника отдѣленія. Дѣятельность обширная, на которую не можетъ хватить силъ одного человѣка, и вотъ за вольныя или невольныя ошибки, за упущенія только или злоупотребленія въ своей многосложной дѣятельности онъ теперь судится, и надо перейти къ вопросу объ этой отчетности. Что она хромаетъ, что въ ней не мало фиктивныхъ записей, это всегда признавалъ и нынѣ признаетъ Александровъ. Но смѣю утверждать, что ничѣмъ по дѣлу не доказано, будто бы этими упущеніями въ отчетности прикрыты злоупотребленія; ничѣмъ не доказано, будто за ними скрываются корыстныя цѣли. Съ одной стороны, имѣются догадки, основанныя на общихъ предположеніяхъ, на показаніяхъ свидѣтелей, явно враждебно настроенныхъ и явно искажающихъ истину; наконецъ, проводится въ подтвержденіе вины Александрова мысль, что самая неточность, даже фиктивность записей есть доказательство злоупотребленій.

Но если нельзя обвиненіе строить на доносахъ, требующихъ еще провѣрки, и на злобныхъ отзывахъ недовольныхъ чѣмъ-нибудь свидѣтелей, притомъ идущихъ въ разрѣзъ съ правдой, то, съ другой стороны, предположеніе о томъ, что фиктивные счета неибѣжно таятъ за собой хищеніе, не вѣрно. Иное дѣло, если бы не было никакого объясненія, почему являются и существуютъ въ инженерной отчетности вообще, а въ частности почему появились фиктивныя записи въ отчетности Александрова; о, тогда бы всякая фиктивная запись была подозрительна! Но если имѣется серьезное объясненіе, если доказана неизбѣжность этихъ фиктивныхъ записей, если онѣ появляются не ради того, чтобы скрыть злоупотребленія, а по совершенно другимъ причинамъ, тогда мы въ правѣ отвѣтить обвинителю, что одними указаніями на неправильныя записи онъ еще не доказалъ наличности злоупотребленій. Правда, при фиктивности отчетныхъ записей легко могутъ свить гнѣздо себѣ всевозможныя хищенія, ихъ можно искать, подозрѣвать, но все-таки по каждому отдѣльному случаю ихъ надо доказать,

иначе сама по себѣ фиктивная запись не имѣетъ значенія улики.

А мы здѣсь слышали много указаній на полную невозможность исполнить на практикѣ требованія технической отчетности. На это возражаютъ, что существуетъ циркуляръ мин. путей сообщенія отъ 1892 г., предписывающій не подгонять отчетность къ нормамъ урочнаго положенія, а выражать въ ней дѣйствительное положеніе вещей. Но вѣдь это только циркуляръ, а не законъ. При томъ же правила отчетности устанавливаются не министромъ путей сообщенія, а государственнымъ контролемъ. И любой контролеръ, которому инженеръ вздумаетъ поднести отчетность, созданную не по правиламъ, а по циркуляру своего министра, такой отчетности не приметъ, и будетъ правъ. Волей-неволей приходится руководиться правилами технической отчетности. А надо сознаться, что эта отчетность—дѣло мудреное и съ просто устроенной головой ее не такъ-то легко уразумѣть. Вотъ вчера эксперты на вопросъ, сколько нужно рабочихъ, чтобы вырыть яму и устроить срубъ на Муромкѣ, отвѣтили, что по урочному положенію требуется $62^2/_3$ человѣка. Что это за $^2/_3$ человѣка и откуда взялся такой дѣлимый человѣкъ? (*Смѣхъ.*) Вѣдь это не живой, это ариѳметически отвлеченный человѣкъ. А нанимать-то и разсчитывать приходится живыхъ людей, да и нанимать ихъ сплошь и рядомъ приходится не поденно, а прямо поручать имъ исполнить данную работу, уроки, задачу. А послѣ исполненія работы и уплаты рабочимъ надо писать явно фиктивный расчетъ на фантастическое число условныхъ людей и ничего—можно указать и цѣлаго человѣка, и $^2/_3$ его!

Затѣмъ, какую важную роль играетъ, безконечно-бюрократическимъ началомъ проникнутая, такъ называемая норма. Возьмемъ, напр., пароходъ. Вчера была тихая погода, ясное небо и управитель парохода сжегъ топлива меньше нормы. Этотъ остатокъ онъ долженъ отдать казнѣ, онъ не смѣетъ имъ распорядиться. Но сегодня буря, встрѣчный вѣтеръ—и топлива сгорѣло много выше нормы. Откуда его взять? Конечно, изъ вчерашней экономіи; но показать этого въ отчетѣ нельзя, ибо выше нормы не смѣетъ никто тратить

матеріала, а потому дѣлается за оба дня фиктивная запись и показывается, что въ обоихъ случаяхъ истрачено согласно нормы. Вѣдь это ложь, эта запись не выражаетъ правды, она фиктивна! Что же, зато соблюдены требованія нормы. Дальше и дальше по этому пути создается невольный соблазнъ—всѣ отчетности подогнать къ нормѣ, благо она въ общихъ чертахъ составлена широко и щедро, а весь излишекъ взять себѣ. И нечего скрывать, это бываетъ въ жизни нерѣдко и бываетъ потому, что наивный инженеръ, который вздумаетъ писать въ отчетѣ то, что было въ дѣйствительности, поплатится начетами за всѣ тѣ случаи, когда расходъ матеріаловъ былъ выше нормы, хотя бы въ общемъ онъ сдѣлалъ огромную экономію.

Не должны ли мы сказать, въ интересахъ справедливости, что счета, въ которыхъ инженеръ пишетъ фиктивныя записи, подгоняя ихъ подъ правила технической отчетности, еще не могутъ быть названы фиктивными въ смыслѣ 362 ст. Уложенія, что нельзя въ нихъ видѣть подлога, если общая цифра расходовъ вѣрна, если въ общемъ въ отчетности выражено то, что происходило въ дѣйствительности. Я думаю, нѣтъ рѣчи о подлогѣ тамъ, гдѣ никого не вводятъ въ заблужденіе. А кого же обманываетъ отчетъ инженера, подогнанный къ нормамъ урочнаго положенія? Никого. Начальство знаетъ, какъ смотрѣть на этотъ отчетъ; знаетъ и контроль, который такого отчета требуетъ. Значитъ, говорить о подлогѣ можно только, доказавъ, что были злоупотребленія и что для прикрытія ихъ сдѣланы завѣдомо ложныя записи. Но злоупотребленія должны быть доказаны, а не предполагаться, а безъ злоупотребленій по существу эта формальная фиктивность не можетъ дѣлать преступными отчеты.

Я еще не сказалъ объ авансахъ, а вѣдь они составляютъ еще горшее зло и въ нихъ коренится причина фиктивностей въ отчетахъ болѣе серьезныхъ, чѣмъ смѣхотворное иногда подведеніе цифръ подъ нормы урочнаго положенія.

Авансы для построекъ, хозяйственнымъ способомъ производимыхъ, по правиламъ выдаются не свыше 3.000 руб., и новаго аванса можно требовать, лишь представивъ отчетъ объ израсходованіи 2.000 руб. Но когда инженеру пору-

чаютъ сооруженіе въ нѣсколько сотъ тысячъ, да еще спѣшное, то какъ же обойтись съ авансомъ въ 3.000 рублей? Очевидно, что нельзя и думать о работѣ при такихъ условіяхъ. А въ данномъ дѣлѣ примѣшалось еще одно обстоятельство: по неисповѣдимымъ бюрократическимъ судьбамъ, для полученія аванса нужно представить отчетъ объ израсходованныхъ $^2/_3$ въ Казань, ибо округъ казанскій и контролируетъ тамошняя палата, хотя сормовская дамба воздвигается подъ Нижнимъ. Значитъ, надо ждать разрѣшенія аванса недѣли двѣ-три. Что же дѣлать? Стоять передъ начатой дамбой и дѣятельно плодить канцелярскую переписку, рискуя никогда не кончить дѣла, или работать? Мнѣ припоминается случай, когда заболѣвшій офицеръ былъ преданъ суду за то, что просрочилъ отпускъ и не представилъ достаточно формальнаго свидѣтельства о болѣзни, хотя въ болѣзни его сомнѣнія не было. Его оправдали, конечно, но, предавая суду, видимо считали, что важна не болѣзнь, а формальное о ней свидѣтельство. Если инженеръ захочетъ не работать и дѣло броситъ, то свою правоту онъ можетъ доказать канцелярски-правильной отпиской; но что же важнѣе для стремившагося выполнить свою задачу инженера—живое дѣло или переписка?

И вотъ является роковой вопросъ: какъ обойти, оставаясь формально правымъ, роковое препятствіе, созданное ничтожными авансами? Г. товарищъ прокурора, ссылаясь на слова свидѣтеля Макарова, которому на постройку мастерскихъ былъ отпущенъ авансъ въ 30.000 руб., думаетъ, что при настойчивости можно добиться большихъ авансовъ. Увы, это не такъ! Г. Макаровъ самъ указываетъ на этотъ случай, какъ на исключеніе, да при томъ онъ начальникъ округа. Что могутъ дозволить генералу отъ путей сообщенія, того не разрѣшатъ обыкновенному, такъ сказать, рядовому инженеру. И вотъ на практикѣ придумывается лазейка, и при томъ очень простая. Часть работъ сдается подрядчикамъ, они, конечно, наживаютъ, но зато при ихъ участіи не надо требовать и ожидать авансовъ, ибо подрядчики, исполнившіе работу, считаются прямыми кредиторами казны, имъ платятъ по прямымъ ассигновкамъ.

Вотъ почему при спѣшной стройкѣ инженеру нужны

подрядчики, хотя бы номинальные, хотя плохонькіе, въ родѣ бывшаго матроса Смирнова. Возьмутъ они себѣ немного за-то, что поднимутъ счетъ на дѣйствительно оконченныя работы или на дѣйствительно поставленные матеріалы — и деньги уплачены, и работу можно продолжать. Конечно, это не хорошо, это ложь, но пока подъ этимъ не скрывается хищеній, нельзя подводить эту вынужденную обстоятельствами и къ достиженію разумной цѣли направленную формальную неправду подъ понятіе подлога. Не винить за это надо инженеровъ, а пожалѣть, что имъ приходится работать при подобныхъ условіяхъ отчетности и что не отмѣнены правила этой отчетности!

Засимъ еще подробность. Все сдѣлать, все купить самъ Александровъ не могъ. Многое поручалось другимъ лицамъ и невольно комиссіонерамъ. Иногда покупали они, иногда самъ Александровъ, но въ послѣднихъ случахъ онъ имъ же отдавалъ подписывать счета, по той же, ранѣе объясненной, причинѣ. Не могъ же Александровъ, покупая на свои средства, представлять счета отъ себя и ждать уплаты изъ казны. Этихъ уплатъ пришлось бы ждать года по два. И вотъ, покупая самъ, онъ даетъ подписывать счета комиссіонерамъ.

Итакъ, всѣхъ преданныхъ суду подрядчиковъ и комиссіонеровъ и мы признаемъ фиктивными, хотя не вполнѣ, ибо нѣкоторыя закупки совершались ими дѣйствительно на комиссіонныхъ началахъ. Но, помимо согласія ихъ подписывать иногда счета на предметы, хотя и купленные, но безъ ихъ участія, всѣ эти преданныя суду лица ни въ чемъ не повинны и ни въ какія преступныя соглашенія не вступали, и если бы доказаны были предполагаемыя хищенія, они-то никакого участія принимать не могли. Одинъ изъ подрядчиковъ однако не фиктивный, — это Кирсановъ. Онъ далъ здѣсь искреннее показаніе, что, заключивъ съ Александровымъ условіе и приступивъ къ его исполненію, онъ почувствовалъ, что впутался не въ свое дѣло. И, правда, онъ — давнишній приказчикъ у Коровина, можетъ быть немножко компаньонъ Коровина и знаетъ поставку и выработку камня, а у Александрова ему пришлось взять на себя и поставку хвороста, и кулей, и рогожи, и организовать перевозку.

На это ни времени, ни умѣнья у него не хватало, ни капитала не было. И вотъ взмолился онъ Александрову: „не могу дальше ставить". Но что же дѣлать Александрову? Вѣдь подряда этого на авансы не исполнишь! И вотъ Александровъ говоритъ: „Богъ съ тобой, я самъ все куплю, закажу, привезу, но ты самъ счета подпиши, а то мнѣ денегъ не выдадутъ". И Кирсановъ исполнилъ свой договоръ тѣмъ, что далъ подпись и тѣмъ взялъ на себя отвѣтственность, хотя въ дѣйствительности онъ ничего почти не ставилъ.

Итакъ, мы признаемъ фиктивность многихъ записей, сдѣланныхъ въ отчетности Александрова ради соблюденія формальныхъ требованій; мы признаемъ, что многіе изъ его подрядчиковъ были подставные, чтобы при помощи счетовъ, ими подписанныхъ, можно было получить деньги и довести дѣло до конца, но мы утверждаемъ, что все, что значится въ отчетностяхъ Александрова, въ своихъ окончательныхъ итогахъ соотвѣтствуетъ правдѣ и что имъ дѣйствительно работы исполнены въ показанныхъ по отчетамъ размѣрахъ, имъ дѣйствительно куплены и израсходованы всѣ указанные матеріалы. Противное же утвержденіе обвинителя является недоказаннымъ, и, строго говоря, защитѣ достаточно было бы выяснить недоказанность обвиненія, шаткость приводимыхъ обвинителемъ доводовъ. Но по нѣкоторымъ пунктамъ обвиненія можно будетъ положительно доказать правоту Александрова.

Начнемъ съ начета за покупку дровъ. Вы помните, гг. судьи, роль подсудимаго Лебединцева. Пристроенный Александровымъ къ мѣсту, онъ исполнялъ иногда по просьбѣ своего начальника роль комиссіонера, т.-е. иногда получалъ возможность кое-что заработать, производя покупки, а иногда только подписывалъ счета. И вотъ однажды, получивъ по счету 1.000 рублей, которыхъ ему не слѣдовало, онъ не только не отдалъ денегъ Александрову и положилъ въ свой карманъ, но еще потребовалъ повышенія. Александровъ прогналъ его, и Лебединцевъ сталъ мстить, являясь разоблачителемъ неправильныхъ дѣйствій своего бывшаго начальника и благодѣтеля. Между прочимъ указываетъ Лебединцевъ, что дровъ онъ купилъ 18 пятериковъ по 22 рубля,

а счетовъ имъ подано на 4.425 руб. и по 35 руб. за пятерикъ. Вотъ этотъ начетъ на дрова пусть послужитъ первымъ примѣромъ, какимъ неправильнымъ путемъ шло слѣдствіе, поддаваясь наговорамъ доносчиковъ. Свидѣтель Никифоровъ показалъ, что съ пристани фонъ-Мекка на казенные пароходы имъ было отпущено не 22, а 47 пятериковъ. Значитъ, не 18 купилъ Лебединцевъ, а гораздо больше, и нельзя въ основу обвиненія класть цифру, сказанную Лебединцевымъ наугадъ. Но вѣдь не у одного же Мекка покупались дрова. Провѣряя цифру ихъ расхода, надо было разспрашивать, кто сколько купилъ, получая отвѣты или наудачу, или умышленно неправильные. Надо было провѣрить, дѣйствительно ли дрова расходовались и сколько ихъ требовалось. Этого сдѣлано не было. Здѣсь защита пыталась насколько возможно пополнить этотъ пробѣлъ слѣдствія допросомъ многихъ свидѣтелей. Оказалось, что машины работали всю навигацію, что остановокъ, кромѣ праздниковъ, не было. Истребляли машины по 15 саженъ въ день. Сочтите и у васъ выйдетъ цифра за навигацію 360 пятериковъ. Откуда же взялись эти дрова? Значитъ, и помимо Лебединцева ихъ покупали и не у одного Мекка. А при оцѣнкѣ дровъ упустили изъ виду, что по нормѣ дрова должны быть 16-вершковыя, а покупались длиной 12 вершковъ. За эти цѣна была 22 рубля, но они пригонялись въ отчетѣ къ нормѣ и, конечно, соотвѣтственно уменьшалось ихъ количество, но увеличивалась цѣна. Вотъ простая разгадка разности цѣнъ у продавца и въ отчетахъ. Богъ съ нимъ, съ Лебединцевымъ! Онъ могъ и вовсе не покупать дровъ, но развѣ это значило бы, что дровъ вовсе нѣтъ и не было. Не съ того конца начали считать и вмѣсто того, чтобы убѣдиться, что машины работали исправно и непрерывно и также непрерывно топились и, значитъ, сожгли извѣстное количество дровъ, стали, со словъ Лебединцева, вовсе не признавать даже существованія тѣхъ дровъ, покупки которыхъ не признавалъ Лебединцевъ. Нѣтъ, такъ дѣлать не слѣдовало, и если счета Александрова на эти несомнѣнно купленныя и въ дѣло пошедшія дрова будутъ отвергнуты, то, право, затрудняюсь даже понять, въ чемъ тутъ будетъ торжество правосудія.

Слѣдуетъ начетъ по околкѣ льда. Здѣсь хорошую бы службу сослужила ариѳметика, если бы догадались примѣнить ее къ дѣлу. Звѣрева и Герасимова Александровъ уволилъ, и вотъ Герасимовъ является сначала свидѣтелемъ противъ Александрова, когда съ послѣдняго ищетъ Звѣревъ у мирового судьи, а затѣмъ онъ же подбиваетъ Звѣрева и къ показанію въ настоящемъ дѣлѣ. Слѣдствіе беретъ на вѣру это показаніе: „вотъ, наконецъ, колоссальное хищеніе! Оставалось окалывать всего на 150 руб., а счетовъ представлено Лебединцевымъ на 2.418 руб.". Обратимся къ ариѳметикѣ. По показанію техника Сергѣева, производившаго изысканія и составлявшаго планъ околки, отъ Линды до конца дамбы 5 верстъ; борозды дѣлались черезъ каждыя 50 саж., слѣдовательно было сдѣлано 50 бороздъ; при ширинѣ приблизительно въ 240 саж. эти 50 бороздъ составятъ 12.000 саж. Значитъ, если Звѣревъ, какъ онъ говоритъ, окололь 6.000 саж., то онъ сдѣлалъ только половину. Осталась цѣлая половина и при томъ труднѣйшая: вы слышали отъ Сергѣева, что оставалось окалывать около дамбы наросшій толстый слой, до 2 саж. въ толщину, и при этомъ по колѣна въ водѣ и съ явной опасностью для рабочихъ. Конечно, такая работа не могла быть оплачиваема по 20 к. за сажень. Въ счетахъ она и значится оплаченной по 33—48 к. за сажень, но если мы возьмемъ также и плату Звѣреву по 12—18 к. за сажень и выведемъ среднюю цифру, то и получимъ на кругъ 20 к. за саж., какъ это говорилъ Сергѣевъ. Значитъ, не провѣрили величину работы ни по ариѳметикѣ, ни по плану, а прямо повѣрили на слово Лебединцеву съ прочими. Ужъ если зашла рѣчь о стоимости работы, то надо было спросить объ этомъ техниковъ, знающихъ и работу, и цѣну ея, а не вѣрить клеветническимъ заявленіямъ Лебединцева и нанизывать ихъ, какъ какія-то жемчужины, въ обвинительное ожерелье для Александрова.

Затѣмъ идетъ поставка матеріаловъ для землечерпательныхъ машинъ. Мы спрашивали объ этомъ свидѣтелей и всѣ они говорятъ, что машины работали полный срокъ и что въ матеріалахъ недостатка никогда не было, былъ даже постоянно запасъ. Что же намъ изъ того, что Лебедин-

цевъ, по его словамъ, купилъ только зеленаго мыла; можетъ быть, это и такъ, да вѣдь машины-то работали, значитъ, матеріалы для нихъ были и покупались. Вотъ если бы былъ счетъ на матеріалы, а самыхъ матеріаловъ не оказалось, то это было бы дѣйствительно фикціей. Провѣрки въ этомъ отношеніи не было сдѣлано, но теперь мы ее здѣсь дѣлаемъ въ предѣлахъ возможнаго и, убѣдясь, что машины работали непрерывно всю навигацію, можемъ по нормѣ сосчитать, что потребовалось въ дѣйствительности и насколько далекъ отъ истины Лебединцевъ въ своихъ разсказахъ о зеленомъ мылѣ.

Относительно поставки 310 к. саж. хвороста Александровъ объясняетъ, что онъ постѣснился въ данномъ случаѣ тѣмъ, что въ 49 главныхъ статьяхъ его смѣты фигурировалъ все одинъ и тотъ же подрядчикъ Коровинъ. Какъ было устроить такъ, чтобы эта фамилія не пестрила слишкомъ смѣту и чтобы избѣжать возможныхъ упрековъ въ пристрастіи? Вотъ тогда и пришла въ голову шальная мысль—записать эту поставку на Лебединцева. Есть ли однако тутъ какая-либо фиктивность? Я понимаю, что если бы хвороста въ дѣйствительности не оказалось и никому бы за него денегъ не причиталось, тогда требованіе и полученіе денегъ изъ казначейства было бы преступнымъ. Однако Коровинъ, не знавшій даже о томъ, что 310 куб. саж. хвороста записаны якобы поставленными Лебединцевымъ, и не знавшій, что Лебединцевъ присвоилъ полученныя имъ изъ казначейства деньги, какъ будто онъ и вправду поставлялъ хворостъ,—Коровинъ, говорю я, получилъ отъ Александрова деньги за эти 310 куб. с. и признаетъ эту получку. А ему надо въ этомъ случаѣ вѣрить, надо потому, что ему выгоднѣе въ цѣляхъ своей защиты уменьшить полученныя имъ суммы и скрыть эту получку онъ имѣлъ полную возможность...

Затѣмъ защитникъ подробно разбираетъ обвиненія въ преувеличенной цѣнѣ за ремонтъ баржи и въ неправильныхъ счетахъ по постройкѣ второй земляной дамбы, доказывая сопоставленіемъ цифръ, что слѣдователь, довѣряя однимъ свидѣтелямъ и не замѣчая другихъ показаній, впадалъ въ ошибки по исчисленію. Обращаясь къ обвиненію

въ подложной записи рабочихъ, защитникъ доказывалъ, что записи велись наудачу и имена выдумывались, но число рабочихъ показывалось вѣрно и расходъ на нихъ показанъ правильно. Дѣлалось это потому, что на инженера и его письмоводителя возлагалась тяжелая и трудно выполнимая обязанность писать имена рабочихъ и даже ихъ деревни и волости, выписывая это изъ паспортовъ. На Волгѣ поденные рабочіе мѣняются очень часто и пополняются бродячимъ элементомъ, часто не имѣющимъ никакихъ паспортовъ. Надо было исполнить утомительную формальность и писали имена, какія вздумается. Александровъ, по его словамъ, велѣлъ писать имена „съ потолка", то-есть выдумывать, а Храмовъ для легкости повторялъ тѣхъ, кто былъ записанъ вначалѣ. Они работали недолго и на спросъ слѣдователя правильно объ этомъ говорятъ. Но каждый изъ нихъ значится долгое время по спискамъ рабочихъ. Въ этомъ видятъ подлогъ, не замѣчая, что имѣются рабочіе, которые, по ихъ словамъ, служили дольше и получили больше, чѣмъ значится въ спискахъ. Ясно, что была путаница безъ всякаго корыстнаго намѣренія. Надо было провѣрить, могло ли быть и было ли дѣйствительно показанное количество рабочихъ. Такая провѣрка сдѣлана впервые на судѣ и оказалось, по отзыву всѣхъ касающихся этого свидѣтелей, что комплектъ рабочихъ былъ всегда полный. Казалось бы, казнѣ безразлично, какъ зовутъ рабочихъ, лишь бы ихъ было надлежащее число. Но укоренившаяся въ русскаго человѣка привычка обращать вниманіе не на человѣка, а на паспортъ, усмотрѣла подлогъ тамъ, гдѣ и рѣчи о немъ не должно быть; усмотрѣла подлогъ, потому что паспорта не такъ записаны. А сутью дѣла, количествомъ рабочихъ, не поинтересовались.

Относительно послѣдней каменной дамбы защитникъ указалъ, что самъ обвинитель заявляетъ о размывѣ земляной дамбы. Но хворостомъ обложили и облицевали камнемъ и укрѣпили фашинами дамбу, какъ видно по чертежамъ, правильной высоты. Значитъ, ея основаніе выросло, а слѣдовательно были и земляныя работы, что подтверждается и подписью контрольнаго чиновника. Что касается работъ по укладкѣ фашинъ и хвороста, то количество матеріаловъ

намъ опредѣлили эксперты, сказавшіе, что на дамбу данной величины должно пойти такое-то количество камня и хвороста. Представитель обвиненія сомнѣвается, но люди науки говорятъ, что будь меньше камня, дамба должна всплыть, а для погруженія камней требуется хворостъ на фашинные тюфяки и количество его и пропорція обоихъ матеріаловъ могутъ быть правильно и точно опредѣлены по чертежу и размѣрамъ. Обвинитель думаетъ, что, можетъ быть, дамба не имѣла такихъ размѣровъ. Но дамба строилась въ 1895 г., впослѣдствіи удлинена и измѣнена, а во время предварительнаго слѣдствія дамба имѣлась въ томъ именно видѣ, какъ она построена Александровымъ. Кто же мѣшалъ слѣдователю пойти осмотрѣть, измѣрить, спросить на мѣстѣ экспертовъ? Но теперь, когда прежней дамбы нѣтъ, приходится ея размѣры опредѣлять по чертежамъ и отчетамъ о размѣрахъ, провѣренныхъ на мѣстѣ особымъ пріемщикомъ, иного способа нѣтъ и странно—точныя цифры подвергать сомнѣнію безъ доказательствъ. Даже въ этомъ существенномъ вопросѣ дѣла слѣдствіе не пользовалось безспорными научными пріемами, а черпало свѣдѣнія о количествѣ матеріаловъ изъ свидѣтельскихъ показаній. А показанія эти бьютъ въ глаза своей неосновательностью. Крестьянинъ часто проѣзжалъ по дорогѣ мимо лежащихъ въ сторонѣ штабелей камня и на глазъ опредѣляетъ его количество отъ 100 до 200 кубовъ! Вѣдь это огромная разница! Ясно, что никакихъ серьезныхъ данныхъ нельзя извлечь изъ такихъ показаній людей, которые въ то время, когда лежалъ камень, не имѣли даже никакого интереса опредѣлять его количество и, спрошенные впослѣдствіи, говорятъ зря, наудачу. Да кромѣ того въ опредѣленіи кубовъ камня и хвороста существуетъ между свидѣтелями и слѣдователемъ крупное недоразумѣніе. Крестьяне говорятъ о такъ называемыхъ хозяйственныхъ кубахъ, то-есть мѣрѣ, по которой отъ нихъ принимаютъ подрядчики и которая процентовъ на 40 или 50 превосходитъ нормальную кубическую сажень; а слѣдователь, не зная ничего о порядкахъ и обычаяхъ нашей деревни и нашихъ подрядчиковъ и не зная этого счета, пишетъ число, названное крестьянами, какъ настоящія куб. сажени. Наконецъ, насколько ненадежны свидѣ-

тельскія показанія для исчисленій, показываетъ примѣръ причта балахнинской церкви. Сперва цѣну проданнаго ими хвороста причетники показали въ 300 руб., а теперь, по справкѣ съ книгами, признали, что ими получено отъ Коровина 700 руб., при чемъ совѣстливый причетникъ Румянцевъ сходилъ къ протоіерею и тотъ благословилъ его сказать правду, не стѣсняясь прежнимъ ошибочнымъ показаніемъ. Но не всѣ такъ совѣстливы, да и никакихъ записей не вели, справиться негдѣ и говорятъ наобумъ, что случайно уцѣлѣло въ воспоминаніяхъ, хотя въ правильности и сами не увѣрены.

Далѣе защитникъ сказалъ: Я оканчиваю свою задачу. Обвиненіе въ хищеніяхъ совсѣмъ не доказано; оно покоится на шаткихъ основаніяхъ, догадкахъ и подозрѣніяхъ и въ такомъ видѣ ради высокаго государственнаго значенія суда, о которомъ говорилъ обвинитель, должно быть отвергнуто. Но несчастіе Александрова, что вся его отчетность имѣетъ внѣшній характеръ фиктивности, чисто формальной. За ней не скрывалось злоупотребленій,—нѣтъ, это была невыгодная дань тѣмъ страннымъ формамъ отчетности, которыя стѣсняютъ трудъ каждаго инженера, стѣсняютъ безъ пользы для дѣла, безъ выгодъ для контроля, исключительно во славу канцелярской формалистики. Эта фиктивность внѣшняя составляетъ болѣе или менѣе обычную принадлежность инженерной отчетности и едва ли справедливо взвалить на Александрова одного наказаніе за очень и очень многихъ. Я смѣю думать, что за отсутствіемъ злого умысла, его за эти чисто формальныя неправильности карать нельзя. Но если вы поставите ему въ вину имъ сдѣланное, то не пойдете за суровыми требованіями обвинителя и не накажете человѣка сверхъ мѣры содѣяннаго. И если Александровъ не успѣлъ уйти цѣлымъ изъ бюрократическаго капкана, то пусть по крайней мѣрѣ уйдетъ онъ невредимымъ изъ залы суда, не потерявъ чести и правъ гражданина.

Н. В. Іесленко. Гг. судьи и сословные представители! Считаю долгомъ выразить искреннюю признательность представителю обвиненія, который съ полною откровенностью заявилъ, что въ дѣйствіяхъ Шнакенбурга не усматриваетъ никакихъ корыстныхъ побужденій и намѣреній. Доселѣ об-

виненіе приписывало Шнакенбургу корыстныя цѣли, и это было ужаснѣе всего въ теченіе долгихъ мучительныхъ пяти лѣтъ, когда онъ состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ. Заявленіе г. прокурора—величайшее облегченіе для Шнакенбурга.

Тѣмъ не менѣе Шнакенбургъ обвиняется въ совершеніи должностныхъ подлоговъ. Ради чего онъ ихъ совершилъ? Обвиненіе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ какъ-то ужъ очень просто, слишкомъ просто. „Изъ любезности къ Александрову", говоритъ обвиненіе. Итакъ, Шнакенбургъ обвиняется въ совершеніи подлоговъ изъ любезности.

Къ такому оригинальному выводу обвиненіе могло придти лишь путемъ многочисленныхъ погрѣшностей въ мелкихъ деталяхъ дѣла и коренныхъ крупныхъ ошибокъ во всей постановкѣ обвиненія, на которыя я сейчасъ укажу.

Въ дѣлѣ есть документъ, уже самъ по себѣ, отдѣльно взятый, въ корнѣ уничтожающій обвиненіе. Все обвиненіе сводится къ тому, что будто бы сормовская дамба построена несогласно съ отчетами, что количество дѣйствительно поставленныхъ матеріаловъ не соотвѣтствуетъ показанному въ отчетахъ. Тотчасъ по окончаніи постройки былъ командированъ министерствомъ путей сообщенія для осмотра и принятія дамбы инженеръ Орловскій. Онъ подробно осматривалъ дамбу и нашелъ, что все, показанное въ отчетахъ, правильно и вѣрно. Объ этомъ г. Орловскій составилъ оффиціальный актъ, находящійся при дѣлѣ. Обвиненіе не критикуетъ и не оспариваетъ этого акта. Оно просто забыло о его существованіи. Между тѣмъ документъ этотъ разрушаетъ все обвиненіе.

Точно такъ же, привлекая Шнакенбурга, не пожелали справиться ни съ законами, опредѣляющими его дѣятельность, ни съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился по службѣ.

Шнакенбургъ былъ начальникомъ нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія. Его отдѣленіе тянулось по Волгѣ съ притоками отъ Рыбинска до устья Камы. Въ его завѣдываніи была 2.561 верста путей сообщенія. Излишне говорить, что эта часть Волги самая неудобная, самая опасная для судоходства. На обязанности

Шнакенбурга, въ силу ст. 38 Устава Путей Сообщенія и въ силу инструкціи отъ 31 іюля 1876 г., лежало наблюденіе за исправнымъ состояніемъ рѣкъ, за правильностью и безопасностью судоходства, за сборами съ грузовъ, за всѣми производящимися въ его отдѣленіи работами. Черезъ его руки проходили проекты всѣхъ многочисленныхъ сооруженій. Онъ же былъ первымъ контролеромъ отчетности подчиненныхъ. Все это порождало необъятное количество канцелярской работы, а штатовъ для канцеляріи никакихъ не полагалось. Въ силу статьи 240 Устава Счетнаго, Шнакенбургъ долженъ былъ свидѣтельствовать всѣ работы своего отдѣленія не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Если мы представимъ огромное протяженіе, на которомъ были разбросаны эти работы, то легко поймемъ, что наблюденіе за работами со стороны Шнакенбурга, хотя онъ былъ постоянно въ разъѣздахъ, оставалось пустою бумажною формальностью и лишало его возможности слѣдить за работами и контролировать ихъ. Онъ едва успѣвалъ пріѣхать, подписать, что нужно, и спѣшилъ въ другое мѣсто.

Положеніе Шнакенбурга осложнялось еще тѣмъ, что нѣкоторые производители работъ не были ему подчинены. Къ числу такихъ принадлежалъ обвиняемый Александровъ, и обвинительный актъ неправильно называетъ его подчиненнымъ Шнакенбурга. Ст. 66 Устава Путей Сообщенія предусматриваетъ для важнѣйшихъ работъ назначеніе особыхъ производителей, подчиненныхъ не начальнику отдѣленія, а начальнику округа, сносящихся непосредственно съ округомъ, совершенно самостоятельныхъ въ выборѣ подряднаго или хозяйственнаго способа работъ. Такимъ былъ Александровъ. Служебное положеніе его въ округѣ не было ниже положенія Шнакенбурга. Онъ былъ назначенъ непосредственно начальникомъ округа для важныхъ и спѣшныхъ работъ. У Шнакенбурга не было даже никакихъ документовъ, касающихся работъ Александрова. И тѣмъ не менѣе Шнакенбургъ обязанъ былъ его контролировать.

Въ чемъ долженъ былъ заключаться этотъ контроль, какъ нужно было его производить и что слѣдовало при контролѣ удостовѣрять? Вотъ вопросы, отвѣтъ на которые, казалось бы, надлежитъ поискать въ законѣ и рѣшить на

точномъ основаніи закона, опредѣляющаго кругъ обязанностей должностного лица. Если бы обвиненіе такъ поступило и до составленія обвинительнаго акта справилось съ существующими законами, Шнакенбургъ не былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности по 362 ст. Улож. о Наказ.

Въ чемъ же были обязанности Шнакенбурга?

Гдѣ-то, вдали отъ Шнакенбурга, производилъ Александровъ работы. По окончаніи работъ онъ представлялъ въ канцелярію Шнакенбурга счета подрядчиковъ, удостовѣряя своею подписью, что эти счета правильны, а Шнакенбургъ въ свою очередь на нихъ писалъ: „правильность счета и дѣйствительность расхода удостовѣряю".

Впослѣдстіи оказалось, что счета эти были неправильны, и отсюда возникло обвиненіе Шнакенбурга въ подлогахъ.

Что же долженъ былъ и что могъ удостовѣрять Шнакенбургъ въ надписи: „правильность счета и дѣйствительность расхода удостовѣряю"? Теперь вопросъ этотъ рѣшенъ показаніемъ начальника казанскаго округа Макарова и члена правленія Великанова. Они говорятъ, что начальникъ отдѣленія совсѣмъ не долженъ подписывать этихъ счетовъ, что когда-то какое-то начальство велѣло ихъ подписывать, и ихъ стали подписывать. Подписывалъ и Шнакенбургъ. Но потомъ кто-то догадался заглянуть въ законъ, заглянулъ и убѣдился, что подписывать счета не нужно, и теперь ихъ опять не подписываютъ.

Если бы обвиненіе еще до показанія Макарова и Великанова справилось съ закономъ, оно убѣдилось бы, что не только никто не долженъ подписывать этихъ счетовъ, кромѣ самого производителя работъ, но что придавать подписи Шнакенбурга такое значеніе, какое ей придаетъ обвиненіе, противозаконно. Законъ знаетъ лишь одинъ случай подписи счетовъ начальникомъ подчиненнаго. Это счета, представляемые при отчетѣ въ израсходованіи самимъ чиновникомъ авансовой ассигновки. Прим. 1 къ ст. 132 правилъ о поступленіи государственныхъ доходовъ и о производствѣ государственныхъ расходовъ говоритъ, что засвидѣтельствованіе начальствомъ авансовыхъ счетовъ должно состоять лишь въ удостовѣреніи, что неправильностей въ дѣйствіяхъ лицъ, расходующихъ авансовыя суммы, не замѣчено.

Итакъ, удостовѣряется лишь отрицательный фактъ, что ничего противозаконнаго не замѣчено. Законъ не требуетъ и, конечно, не можетъ требовать, чтобы начальникъ ручался за правильность каждой буквы и каждой цифры въ счетѣ подчиненнаго. Къ статьѣ 132 приложенъ любопытный образчикъ такого счета. Титулярный совѣтникъ Ивановъ представилъ счетъ за израсходованныя бумагу, перья, чернила и нитки. Правильность счета удостовѣрилъ директоръ департамента N. Могъ ли директоръ департамента ручаться, что каждое перо истрачено Ивановымъ на казенную надобность и каждый вершокъ нитки на подшиваніе казенныхъ бумагъ, а не на хозяйство титулярнаго совѣтника! Шнакенбургъ правъ, утверждая, что онъ удостовѣрялъ лишь правильность ариѳметическаго подсчета въ счетахъ и больше ничего.

Чтобы обвинять Шнакенбурга въ подлогѣ, надо доказать, что, подписывая счета, онъ зналъ, что они неправильны. Это не только не доказано, но даже предположеніе объ этомъ не выдерживаетъ никакой критики.

Въ счетахъ Александрова неправильно указаны лица, производившія поставку. Шнакенбургъ, подписывая счетъ, нисколько не интересовался, кѣмъ поставка произведена. Для него безразлично, былъ ли это Лебединцевъ, Елизаровъ, Смирновъ или кто другой; онъ ихъ всѣхъ одинаково зналъ. Это были лишь слова, начертанныя на бумагѣ.

Шнакенбургъ не могъ вмѣшиваться въ опредѣленіе цѣнъ, которыя показывались въ счетахъ. Александровъ цѣны эти назначалъ вполнѣ самостоятельно, и лишь правленіе округа, провѣряя ихъ, могло сдѣлать на Александрова начетъ, если бы нашло цѣны преувеличенными. Не надо забывать, что цѣны матеріаловъ для машинъ въ разныхъ мѣстностяхъ нижегородскаго отдѣленія разныя. Знать ихъ всѣ невозможно. Къ тому же цѣна зависитъ отъ качества матеріала, а Шнакенбургъ купленныхъ матеріаловъ никогда не видѣлъ.

Обвиненіе говоритъ, что преувеличена цѣна камня и хвороста, но при этомъ забываетъ, что цѣна на эти матеріалы должна была повыситься, что постройка дамбы производилась при неблагопріятномъ положеніи рынка. Предложеніе

сузилось, такъ какъ въ теченіе короткаго времени (полтора мѣсяца) надо было доставить огромное количество матеріала, такъ какъ сухопутная зимняя доставка камня стоитъ дорого и ограничиваетъ предложеніе камня небольшимъ райономъ, такъ какъ заготовленнаго матеріала было немного, такъ какъ не находилось лицъ, располагавшихъ и средствами, и готовой организаціей, чтобы принять на себя отвѣтственность за срочное сооруженіе дамбы. Съ другой стороны, сразу расширился спросъ, потому что одновременно съ дамбой возводились другія сооруженія, и строилась нижегородская выставка. Комиссія, предварительно разсматривавшая вопросъ о постройкѣ дамбы, пришла къ выводу, что цѣны должны повыситься процентовъ на пятьдесятъ.

Въ счетахъ Александрова оказалось неправильно показаннымъ количество поставленныхъ матеріаловъ. Счета эти распадаются на двѣ категоріи: одни по поставкѣ матеріаловъ на машины, другіе по поставкѣ камня и хвороста на дамбу. Что касается первыхъ, то для Шнакенбурга не представлялось никакой возможности провѣрить количество израсходованныхъ матеріаловъ, такъ какъ онъ ихъ никогда не видѣлъ, а счета ему представлялись, когда дрова уже сгорѣли, масло и сало израсходовано и т. д. Шнакенбургъ могъ лишь провѣрять количество показанныхъ въ счетахъ матеріаловъ по нормамъ, установленнымъ оффиціально. Но счета никогда не расходились съ нормами.

Количество камня и хвороста, поставленныхъ на дамбу, Шнакенбургомъ было провѣрено при помощи вычисленій, точно такихъ же вычисленій, которыя произвели здѣсь эксперты, точно такими же методами и способами. Экспертиза окончательно доказала, что вычисленія Шнакенбурга были правильны, и что камня и хвороста на дамбу поставлено то самое количество, какое показано въ отчетахъ.

Шнакенбургъ долженъ былъ относиться съ довѣріемъ къ счетамъ Александрова, такъ какъ правильность ихъ Александровъ удостовѣрялъ своею подписью. Въ служебныхъ отношеніяхъ все основано на довѣріи. Александровъ же былъ старый, опытный и самостоятельный производитель

работъ, которому вполнѣ довѣрялъ округъ. Какъ же долженъ смотрѣть на него Шнакенбургъ: какъ на почтеннаго чиновника или какъ на мошенника? Когда товарищъ прокурора наблюдаетъ за производствомъ предварительнаго слѣдствія, когда передъ нимъ лежатъ протоколы, составленные судебнымъ слѣдователемъ, развѣ товарищъ прокурора долженъ предполагать, что это подложные протоколы? Развѣ долженъ онъ производить сыскъ и разслѣдованіе, не обманулъ ли его судебный слѣдователь? Развѣ не относится онъ съ полнымъ довѣріемъ къ слѣдователю? Въ такомъ же положеніи находился и Шнакенбургъ.

Не всѣ счета, подписанные Шнакенбургомъ въ его отдѣленіи, оказались неправильными. Сравнительно съ правильными счетами ихъ ничтожное количество. Какимъ способомъ Шнакенбургъ въ массѣ счетовъ могъ отличить фиктивный отъ настоящаго?

Среди счетовъ, правильность которыхъ заподозрѣна, остановили особое вниманіе на счетахъ по околкѣ льда. Шнакенбургу ставятъ въ вину, что онъ вмѣсто промѣровъ по льду ограничился тѣмъ, что посмотрѣлъ на сдѣланную работу съ берега въ бинокль. Шнакенбургъ объяснилъ, что по льду выступила вода и покрыла его больше, чѣмъ на аршинъ, а потому невозможно было сдѣлать промѣровъ. Объясненіе это вполнѣ подтвердили свидѣтели. Можно требовать, чтобы чиновникъ для пользы казенной службы живота своего не щадилъ и въ мартѣ мѣсяцѣ лѣзъ въ воду. Но здѣсь это было безполезно. Измѣрить борозды, сдѣланныя во льду, подъ водою, при помощи инструментовъ было невозможно, и все ограничилось бы безцѣльною и опасною прогулкой по водѣ. Обозрѣніе работъ въ бинокль вполнѣ приводило къ своей цѣли и замѣняло измѣреніе. Въ рукахъ Шнакенбурга былъ заранѣе составленный чертежъ произведенныхъ работъ. Чрезъ бинокль онъ видѣлъ темныя полосы колотыхъ бороздъ, и если эти борозды совпадали съ чертежомъ, значитъ работа была выполнена правильно.

Шнакенбурга обвиняютъ еще въ подложномъ составленіи актовъ, удостовѣряющихъ нахожденіе камня и хвороста на мѣстѣ ихъ заготовки.

Составленіе такихъ актовъ закономъ не предусмотрѣно.

Для отчетности и для расчетовъ съ казной они не нужны и никакого значенія не имѣютъ. Эти акты удостовѣряютъ, что тамъ, гдѣ-то воздѣ Волги или Оки въ извѣстный день лежало такое-то количество камня или хвороста. Камень этотъ впослѣдствіи могъ быть доставленъ на мѣсто работъ, могъ быть и не доставленъ. Въ актахъ такъ и писали: „принять въ казну съ тѣмъ, чтобы оплатѣ подлежала та часть матеріала, которая будетъ доставлена къ мѣсту работъ".

Такіе акты раньше не составлялись. Свидѣтель Великановъ объяснилъ, что передъ постройкой дамбы составленіе ихъ было вызвано особою причиной и имѣло особую цѣль. Комиссія по постройкѣ дамбы опасалась, что заготовленныхъ матеріаловъ не хватитъ, что работъ не окончатъ до весны и что весеннее половодье уничтожитъ начатую дорогую работу. Чтобы узнать, достаточно ли заготовлено матеріала, были командированы на мѣста Шнакенбургъ и Александровъ, которые составили акты о количествѣ найденныхъ ими камня и хвороста, опредѣливъ его приблизительно.

Подлоги въ этихъ актахъ не имѣютъ никакого смысла и никакой цѣли. Предполагается, что подлоги дѣлались съ цѣлью преувеличить размѣръ поставки и получить изъ казны больше, чѣмъ слѣдовало. Но казна разсчитывалась не по этимъ актамъ, свидѣтельствующимъ о матеріалахъ, въ казну не принятыхъ, а по другимъ, удостовѣряющимъ количество дѣйствительно поставленныхъ матеріаловъ. Акты, составленные Шнакенбургомъ и Александровымъ, для отчетности и расчетовъ съ казною ничтожны.

Они имѣли одну лишь цѣль—удостовѣрить, что подъ Нижнимъ-Новгородомъ было достаточно матеріаловъ, пригодныхъ для постройки дамбы. Дамба была построена. Задержекъ при поставкѣ матеріаловъ не было. Слѣдовательно, Александровъ и Шнакенбургъ возложенное на нихъ порученіе выполнили правильно.

Обвиненіе старается доказать, что количество матеріаловъ, показанное въ актахъ, преувеличено. Какимъ способомъ это доказывается?

Камня и хвороста никто, кромѣ Александрова и Шнакенбурга, не мѣрилъ. Какъ же опровергнуть ихъ измѣренія?

Обвиненіе рѣшило поступить очень просто. Изъ сосѣднихъ селеній собрано было нѣсколько десятковъ крестьянъ, изъ нихъ не мало плохо видящихъ и мало слышащихъ. Часть ихъ работала при добываніи камня, а часть лишь видѣла камень зимою подъ покровомъ снѣга, проходя или проѣзжая мимо. Вотъ этимъ-то глазомѣромъ случайнаго прохожаго или проѣзжаго человѣка хотѣло обвиненіе опровергнуть оффиціальный актъ, составленный двумя чиновниками. Неудача такой попытки очень скоро обнаружилась. Обвиненіе вызвало такихъ прохожихъ людей, по мнѣнію которыхъ камня и хвороста было меньше, чѣмъ показали инженеры. Но нашлось немало прохожихъ, которые думали иначе. Впрочемъ, и свидѣтели обвиненія оказались недостаточно тверды въ своихъ мнѣніяхъ и на вопросъ—„А можетъ быть камня было и больше?"—спѣшили отвѣтить: „А кто жъ его знаетъ. Можетъ и больше. Мы не мѣрили".

У обвиненія былъ простой способъ опредѣлить количество поставленнаго на дамбу камня и хвороста. Дамба цѣла; она стоитъ до сихъ поръ здѣсь, подъ Нижнимъ. Гг. эксперты разъяснили намъ, что опредѣлить количество положеннаго въ дамбу камня и хвороста представляется задачею, не превосходящею по своей трудности задачъ для средняго возраста. Вычисленія экспертовъ просты и понятны для всѣхъ. Стоило пригласить на дамбу спеціалиста и онъ сказалъ бы, что отчетъ по постройкѣ дамбы составленъ правильно, какъ сказали это эксперты, впервые приглашенные въ засѣданіе суда по ходатайству защиты. Обвиненіе не споритъ противъ экспертизы и не можетъ спорить, но оно предпочитаетъ опираться на глазомѣръ прохожаго человѣка, а не на точное математическое вычисленіе.

Перехожу къ послѣднему обвиненію противъ Шнакенбурга—къ подлогамъ въ рабочихъ журналахъ. Что такое рабочій журналъ? Когда-то, когда хозяйство казны было не велико и казенныя сооруженія не многочисленны, предполагалось, что каждое сооруженіе долженъ производить особый инженеръ, который неотлучно присутствуетъ на работахъ. Онъ долженъ былъ ежедневно вести собственноручно рабочій журналъ, въ который записывались подробно рабочіе, произведенныя работы и израсходованные мате-

ріалы. Впослѣдствіи, когда хозяйство казны умножилось и расширилось, когда въ завѣдываніи одного производителя работъ оказались сооруженія, разбросанныя на большихъ пространствахъ, убѣдились въ невозможности и безполезности веденія рабочихъ журналовъ. Распоряженіями министерства путей сообщенія они отмѣнялись для разныхъ категорій работъ и теперь, забытые, остались лишь на землечерпательныхъ машинахъ.

Но и здѣсь практика обратила ихъ въ пустую формальность. Ведутся они не ежедневно и не собственноручно производителемъ работъ, который не въ состояніи вести ихъ самъ уже по одному тому, что въ его завѣдываніи находится нѣсколько машинъ, а бывать ежедневно на каждой изъ нихъ онъ не можетъ. Если нельзя вести правильно журналовъ, то, очевидно, нельзя ихъ правильно и свидѣтельствовать со стороны тѣхъ лицъ, на которыхъ это возложено. Если журналы ведутся не своевременно, то, очевидно, и свидѣльствованіе ихъ не можетъ происходить своевременно. Шнакенбургъ во время работъ нѣсколько разъ бывалъ на машинахъ, а затѣмъ, когда журналъ составлялся набѣло, онъ подъ тѣми же числами, въ которыя былъ на машинѣ, писалъ, что журналъ свидѣтельствовалъ и нашелъ его правильнымъ. Такъ свидѣтельствуются журналы всѣми въ казанскомъ округѣ путей сообщенія, да и не въ одномъ казанскомъ, также и въ другихъ. Въ ковенскомъ, напримѣръ, по показанію свидѣтеля Холщевникова, порядокъ тотъ же самый. Всѣмъ это извѣстно, и никто въ этомъ подлога не видитъ.

Обвиненіе однако утверждаетъ, что Шнакенбургъ подписывалъ журналъ заднимъ числомъ, и считаетъ это преступленіемъ, предусмотрѣннымъ ст. 362 ул. о нак. Ст. 362 говоритъ о составленіи актовъ заднимъ числомъ. Можно ли въ дѣйствіяхъ Шнакенбурга усмотрѣть такое преступленіе? Не нужно смѣшивать самаго акта съ изложеніемъ акта, съ облеченіемъ его въ письменную форму. Актъ—это разсказъ объ извѣстномъ событіи, совершившемся въ извѣстное время. Актъ въ томъ случаѣ составленъ заднимъ числомъ, если время событія, описаннаго въ актѣ, показано неправильно, если, напримѣръ, священникъ, составляя метриче-

скую запись о бракѣ, напишетъ, что бракосочетаніе было совершено мѣсяцъ раньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Но если тотъ же священникъ, показывая время бракосочетанія правильно, самую запись сдѣлаетъ не въ день бракосочетанія, а нѣсколько позже, онъ нарушитъ лишь правила и формы составленія метрическихъ записей, но не совершитъ акта заднимъ числомъ и не сдѣлаетъ подлога.

Облеченіе акта въ письменную форму—дѣло сложное, хлопотливое, затягивающееся на продолжительное время. Постановленія разныхъ коллегій пріурочиваются къ извѣстному числу, и журналы засѣданій считаются составленными въ это самое число. На дѣлѣ же они пишутся и затѣмъ подписываются членами коллегіи въ теченіе цѣлыхъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Рѣшенія судовъ въ окончательной формѣ считаются изготовленными въ извѣстное, заранѣе опредѣленное число. Но кто жъ не знаетъ, что большею частью къ этому времени изготовляется лишь черновая рѣшенія, а самое рѣшеніе пишется и подписывается много времени спустя. Развѣ это подлогъ? Шнакенбургъ своею подписью въ рабочемъ журналѣ удостовѣрялъ только то, что дѣйствительно было, т.-е. что онъ въ извѣстное число на машинѣ былъ, но не удостовѣрялъ, что подпись эту сдѣлалъ въ то же самое число.

Для подлога необходимо сознательное отступленіе отъ существующихъ правилъ. Шнакенбургъ же былъ убѣжденъ, что онъ эти правила исполняетъ, такъ какъ дѣйствовалъ сообразно съ порядками, принятыми въ казанскомъ округѣ путей сообщенія. Уже одно это исключаетъ возможность обвиненія въ подлогѣ. Для подлога надо преступное намѣреніе скрыть злоупотребленія, обмануть начальство. При помощи рабочаго журнала нельзя ничего ни скрыть, ни раскрыть. Ни для той, ни для другой цѣли онъ не пригоденъ. Это—пустая формальность, никому ненужная бумага, упразднить которую забыла власть. Можно дѣлать злоупотребленія и вести журналъ правильно, и наоборотъ. Никого нельзя также обмануть и увѣрить, что журналъ велся правильно, такъ какъ всѣ знали, какимъ способомъ ведутся рабочіе журналы.

Итакъ, я нахожу, что всѣ старанія обвиненія доказать

наличность преступленія со стороны Шнакенбурга не привели ни къ какому результату. Быть можетъ, лучшій способъ опровергнуть доводы обвиненія—это взглянуть на самого Шнакенбурга, на его характеръ и душевныя качества. Объ этомъ почти не говорили, никого не спрашивали, но изъ того немногаго, что мы узнали, я вынесъ о немъ ясное представленіе. Это—мягкій, добрый человѣкъ, хорошій товарищъ по службѣ, довѣрчивый начальникъ, по своей природѣ, чуждый подозрительности. Онъ ужъ почти тридцать лѣтъ на службѣ. Служба его протекала тихо, безъ непріятностей, безъ всякихъ осложненій. Въ административныхъ вѣдомствахъ, гдѣ господствуетъ принципъ канцелярской тайны, куда не можетъ проникнуть свѣтъ гласности и свободной критики, быстро накопляются своеобразные обычаи, иногда идущіе въ разрѣзъ съ закономъ и отмѣняющіе его. Обычаи эти создаютъ рутинную практику, которая становится сильнѣе закона и бороться съ которой чиновнику не по силамъ. А когда этотъ чиновникъ прослужилъ десять, двадцать лѣтъ, онъ начинаетъ думать, что рутина его учрежденія—это самъ законъ; онъ убѣжденъ, что слѣдуя ей, онъ слѣдуетъ за закономъ.

Такъ и Шнакенбургъ: въ однихъ случаяхъ онъ не исполнялъ требованій закона, потому что нельзя было исполнить, и никто ихъ не исполнялъ. Въ другихъ случаяхъ онъ дѣлалъ лишнее, дѣлалъ то, чего законъ отъ него не требовалъ. Его должность съ необъятными разнородными обязанностями обратила его въ подписывающую машину, и онъ подписывалъ, подписывалъ все, что ему предлагали подписывать, на чемъ начальство желало видѣть его подпись. И, подписывая это безконечное количество бумагъ, Шнакенбургъ былъ твердо увѣренъ, что дѣлаетъ то, что надо, и такъ, какъ надо. Совѣсть его была всегда чиста, какъ чиста и спокойна она теперь, въ сознаніи, что онъ никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ идти противъ закона, не желалъ нарушать его. Долголѣтняя безупречная служба Шнакенбурга говоритъ за это. Въ его дѣятельности, быть можетъ, возможно усмотрѣть незначительныя упущенія по службѣ, предусмотрѣнныя ст. 410 улож. о наказ., но никакъ не преступленіе, караемое 362 ст., по обвиненію въ которомъ я прошу его оправдать.

Защитникъ Коровина, г. Наумовъ, ссылался на выводы экспертизы, доказывалъ, что Коровинымъ все количество камня и хвороста на постройку дамбы было доставлено, какъ значилось въ его счетахъ.

Защитникъ Кирсанова, г. Малянтовичъ, опираясь на документы и свидѣтельскія показанія, утверждалъ, что Кирсановъ былъ не фиктивнымъ, но дѣйствительнымъ подрядчикомъ, лишь находившимся въ матеріальной зависимости отъ Коровина, какъ крупнаго капиталиста.

Защитники Ловцова и Абалакова, гг. Шамонинъ и Серебровскій, также доказывали, что ихъ кліэнты были дѣйствительными подрядчиками.

Защитникъ Лебединцева, г. Владиміровъ, ссылался на служебную зависимость Лебединцева отъ Александрова, благодаря которой, изъ опасенія потерять мѣсто, онъ и подписывалъ счета.

То же говорилъ и защитникъ Смирнова, г. Ещинъ, который обратилъ вниманіе палаты еще и на то, что Смирновъ никакихъ выгодъ отъ своего слѣпого подчиненія Александрову не имѣлъ, не накопилъ даже и 100 рублей, чтобы избавиться отъ тюрьмы, и одинъ изъ всѣхъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу высидѣлъ въ предварительномъ тюремномъ заключеніи 9 мѣсяцевъ.

Въ послѣднемъ словѣ обвиняемый Александровъ высказалъ, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему пришлось выполнять работы по устройству сормовской дамбы (при недостаткѣ авансовъ, невыполнимости требованій технической отчетности и пр.), онъ не могъ придумать иного способа выполнить работу, какъ прибѣгнуть къ услугамъ подрядчиковъ, и поступиться нѣкоторыми формальностями. Наученный горькимъ опытомъ, онъ теперь, конечно, отказался бы отъ постройки, но въ то время онъ полагалъ, что достоинство чиновника заключается въ быстромъ и добросовѣстномъ исполненіи порученной ему работы.

Подсудимый Шнакенбургъ просилъ палату принять во вниманіе его долголѣтнюю безпорочную службу и тѣ обстоятельства, при которыхъ ему пришлось служить во время постройки дамбы.

Подсудимый Коровинъ высказалъ, что ихъ фирма старинная: и отецъ его, и онъ самъ—давнишніе подрядчики, и подрядъ по сормовской дамбѣ онъ исполнялъ такъ же, какъ и прежніе, признававшіеся всегда исполненными добросовѣстно.

Остальные подсудимые кратко просили объ оправданіи ихъ.

Послѣ двухчасового совѣщанія палата вынесла приговоръ, которымъ признала Александрова виновнымъ по 362 ст. улож. о наказ., т. е. въ подлогахъ, и приговорила его, за примѣненіемъ къ нему манифеста 14 мая 1896 г., къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, съ лишеніемъ его нѣ-

которыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ. Шнакенбурга палата признала виновнымъ по 410 ст. улож. о нак., т. е. въ небрежности и нерадѣніи въ отправленіи должности, и приговорила его къ строгому выговору, но постановила, за силою упомянутаго манифеста, наказанію этому его не подвергать. Въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 362 ст. улож., Шнакенбургъ признанъ невиновнымъ. Всѣ остальные подсудимые оправданы по всѣмъ приписываемымъ преступленіямъ. Гражданскій искъ, предъявленный м—ствомъ п. с., оставленъ безъ удовлетворенія.

Въ виду особаго интереса, который настоящее дѣло возбудило въ обществѣ, приводимъ выдержку изъ приговора особаго присутствія московской судебной палаты, изъ которой видны мотивы приведеннаго приговора:

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, выслушавъ пренія сторонъ и приступая къ его разрѣшенію, особое присутствіе судебной *палаты считаетъ нужнымъ установить условія*, при которыхъ приходилось дѣйствовать подсудимому Александрову въ періодъ времени съ 1893 по 1895 годы, и отношенія Александрова ко всѣмъ остальнымъ подлежащимъ суду особаго присутствія лицамъ. Опредѣленіе этихъ условій и отношеній необходимо какъ въ виду справедливости оцѣнки дѣятельности инженера Александрова, такъ и въ виду того, что всѣ остальные подсудимые преданы суду за преступныя дѣянія, учиненныя ими по соглашенію съ подсудимымъ Александровымъ. Обращаясь къ обстоятельствамъ дѣла, раскрытымъ предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями, оказывается, что на инженера Петра Гаврилова Александрова, состоявшаго въ помянутый періодъ времени помощникомъ начальника дноуглубительныхъ работъ на рѣкѣ Волгѣ и завѣдывавшаго по этой должности караваномъ дноуглубительныхъ судовъ, правленіемъ казанскаго округа путей сообщенія были возложены спеціальныя работы по устройству, возвышенію и ремонту сормовской дамбы. Работы эти, которыя инженеръ Александровъ долженъ былъ произвести хозяйственнымъ способомъ, представлялись крайне спѣшными какъ въ зиму 1893—94 годовъ, такъ и въ зиму 1894—95 годовъ и долженствовали быть исполненными до весеннихъ ледоходовъ р. Волги въ 1894 и 1895 годахъ. Хотя инженеръ Александровъ являлся вполнѣ самостоятельнымъ хозяиномъ этихъ работъ и таковыя были на полной его отвѣтственности, при чемъ ему рекомендовалось исполнить ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы работы 1894 года имѣли не только временное значеніе, а вошли, какъ часть, въ составъ будущихъ работъ по возвышенію дамбы и чтобы велись они съ возможною экономіей,— нѣкоторый надзоръ за этими работами былъ возложенъ на начальника

мѣстнаго (нижегородскаго) отдѣленія Казанскаго округа инженера Шнакенбурга, въ районѣ отдѣленія котораго таковыя производились. Работы, помимо ихъ спѣшности, въ виду малаго количества времени для ихъ производства, были настолько крупными и требовали столькихъ матеріаловъ (хвороста, камня, кольевъ) и столькихъ рабочихъ силъ, что и цѣна работъ опредѣлилась въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Между тѣмъ условія для производства самыхъ работъ, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей помощника начальника казанскаго округа путей сообщенія (нынѣ начальника этого округа) Макарова и члена правленія того же округа Великанова, представлялись крайне неблагопріятными для производителя ихъ, инженера Александрова. Постоянное завѣдываніе дноуглубительнымъ караваномъ, исправленіе, въ продолженіе нѣкотораго времени, должности начальника, сосѣдняго съ нижегородскимъ, отдѣленія округа, совершенно ничтожный при такихъ спѣшныхъ, крупныхъ и дорогихъ работахъ размѣръ отпускавшихся инженеру Александрову авансовъ (всего по 3.000 руб. за разъ), переписка по поводу отпуска новыхъ и новыхъ авансовъ, по мѣрѣ израсходованія двухъ третей авансовъ выданныхъ, приближеніе времени всероссійской художественной и промышленной выставки 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, рядомъ съ производившимися на сормовской дамбѣ гидротехническими работами, потребовавшими огромнаго количества начавшихся въ 1894 году работъ по устройству выставки, громадная нужда въ матеріалахъ для постройки выставочныхъ зданій и масса нужныхъ рабочихъ рукъ для возведенія этихъ зданій— все это отозвалось возвышеніемъ цѣнъ на матеріалы и рабочія руки,— цѣнъ, поднявшихся до 40 и даже 50%. Помимо этого установленный порядокъ свидѣтельствованія заготовленныхъ матеріаловъ и повѣрка счетовъ чинами казанской контрольной палаты вызвали переписку правленія округа съ Министерствомъ Путей Сообщенія о цѣлесообразности порученія контроля за работами чинамъ нижегородской контрольной палаты, какъ дѣйствующимъ въ районѣ производимыхъ работъ. Переписка эта, повлекшая за собою, по всему вѣроятію, сношеніе Министерства Путей Сообщенія съ Государственнымъ Контролемъ, разрѣшилась въ желательномъ для правленія округа смыслѣ, но уже тогда, когда работы по сооруженію дамбы были окончены. Показаніемъ свидѣтеля Великанова удостовѣрено утвержденіе подсудимаго Александрова о томъ, что онъ дѣлалъ публикаціи въ газетахъ, вызывая подрядчиковъ работъ, но по вызову его никто не явился. Документальными данными установлено по дѣлу, что Александровъ обращался въ правленіе казанскаго округа съ ходатайствомъ принять его трудное положеніе во вниманіе, увеличить

выдаваемые авансы, въ виду совершенной ихъ недостаточности, или отнять у него нѣкоторыя изъ землечерпательныхъ машинъ, содержаніе которыхъ стоило дорого и сопряжено было съ массою заботъ по питанію ихъ матеріалами, содержанію штатныхъ на машинахъ рабочихъ, по удовлетворенію ихъ жалованьемъ по требовательнымъ вѣдомостямъ, по найму поденныхъ рабочихъ на экстренныя по каравану работы, по веденію рабочихъ журналовъ на судахъ, по отчетности и т. д. Наконецъ, въ дѣлѣ имѣются указанія на произведенныя Александровымъ работы на свой счетъ (выравниваніе и приведеніе въ благоустроенный видъ поврежденной весеннимъ ледоходомъ 1894 года сормовской дамбы, въ виду ожидавшагося проѣзда министра путей сообщенія) по желанію бывшаго начальника казанскаго округа путей сообщенія Лохтина. Удостовѣрившій это обстоятельство Макаровъ присовокупилъ, что Александровъ хлопоталъ, послѣ производства этихъ работъ, о возмѣщеніи ему потраченныхъ изъ собственности денегъ около 1.500 рублей на эту подправку, но хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ. Характерными являются представленныя Александровымъ въ судебномъ засѣданіи два документа: а) копія сообщенія департамента шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній Министерства Путей Сообщенія отъ 26 ноября 1893 года, за № 9686, на имя правленія казанскаго округа и б) копія талона квитанціи нижегородскаго губернскаго казначейства въ принятіи, 24 января 1895 года, отъ инженера Александрова 3.000 рублей, ассигнованныхъ Александрову 2 ноября 1894 года на расходы по работамъ возведенія земляного основанія для сормовской дамбы. Въ первомъ изъ этихъ документовъ департаментъ увѣдомляетъ правленіе округа, что хотя г. министръ и утвердилъ распоряженіе правленія округа о работахъ по предмету обезпеченія зимовки судовъ у Нижняго-Новгорода (порученныхъ инженеру Александрову, предписаніемъ отъ 7 сентября 1893 года, за № 266, и размытыхъ затѣмъ ледоходомъ 1894 года), но техническую цѣлесообразность и прочность возводимаго вала и заботу по охраненію существующей дамбы министръ оставилъ на отвѣтственности правленія округа. Что же касается талона квитанціи, то, по объясненію Александрова, онъ долженъ былъ внести (и внесъ) въ казначейство деньги, ассигнованныя на точно опредѣленную въ ассигновкѣ работу, въ виду несвоевременнаго полученія этого ассигнованія и за исполненіемъ уже порученной работы.

При такомъ положеніи дѣла инженеру Александрову пришлось, во что бы то ни стало, искать и найти поставщиковъ матеріаловъ и рабочихъ силъ, и онъ обратился къ давнишнему и крупному подрядчику казанскаго округа путей сообщенія, московскому купцу Михаилу Коровину

въ лицѣ его сына и полномочнаго повѣреннаго — подсудимому Ивану Михайлову Коровину, а также къ подрядчику по землянымъ работамъ крестьянину Ивану Ловцову и пароходчику — временному купцу Захару Абалакову.

Первый изъ нихъ, занимавшійся земляными, фашинными и каменными работами и поставкою матеріаловъ и рабочихъ силъ, участвовалъ въ возведеніи дамбы въ зиму 1894—95 годовъ, второй работалъ по исправленію дамбы въ 1894 году, а послѣдній отдавалъ въ аренду Александрову на нѣсколько дней принадлежащую ему нефтянку (небольшое судно для перевозки нефти) и поставлялъ дрова для парохода «Герой», находившагося въ вѣдѣніи Александрова. Но этого было мало: приходилось окалывать ледъ раннею весною около сормовской дамбы, требовались въ значительномъ количествѣ дрова, разныя масла и пароходныя принадлежности для судовъ диоуглубительнаго каравана, была нужна баржа для того же каравана, и Александрову пришлось, считаясь между прочимъ и съ выраженнымъ помощникомъ начальника округа Макаровымъ желаніемъ, не отдавать поставки все одному и тому же Коровину (свойственнику Макарова), искать все новыхъ и новыхъ поставщиковъ. Вышеупомянутыя затрудненія, неимѣніе времени заняться формальною стороною поставокъ матеріаловъ и рабочихъ силъ на работы по укрѣпленію и устройству дамбы и по содержанію судовъ каравана, необходимость имѣть постоянно большія деньги на громадные расходы, не могущіе быть покрытыми ничтожными авансами, тогда какъ счета, представляемые поставщиками, оплачивались немедленно по ихъ представленіи и по удостовѣреніи производителя работъ о дѣйствительности поставки матеріаловъ и рабочихъ силъ, — толкнули Александрова на путь преступленія, и началось изготовленіе и представленіе счетовъ Лебединцева (Елизарова), Смирнова и Кирсанова. Фиктивность счетовъ Лебединцева и Смирнова доказывается прежде всего объясненіями какъ самого Лебединцева, показавшаго, что онъ писалъ счета (всего болѣе чѣмъ на 21.000 рублей) по приказанію Александрова, ничего не поставляя въ дѣйствительности, передавалъ Александрову деньги по мѣрѣ полученія ихъ и былъ вынужденъ дѣлать это, находясь въ зависимости отъ него, какъ отъ своего начальника, и изъ опасенія потерять мѣсто, такъ равно и объясненіями Смирнова, показавшаго, что хотя онъ и поставлялъ помянутые въ его счетахъ (на 6.000 слишкомъ рублей) матеріалы, но пріобрѣталъ таковые всегда на деньги Александрова и получалъ барышъ отъ выставленія въ счетахъ болѣе высокихъ противъ дѣйствительныхъ цѣнъ. Независимо сего справедливость этихъ объясненій Лебединцева и

Смирнова подтверждается показаніемъ свидѣтеля письмоводителя Александрова—Храмова о томъ, что Лебединцевъ и Смирновъ, служа одинъ писцомъ въ канцеляріи Александрова, а другой въ разныхъ мелкихъ должностяхъ (матроса, вахтера, сторожа) на судахъ дноуглубительнаго каравана, были людьми бѣдными и не могли быть, да и въ дѣйствительности не были, поставщиками. Что же касается счетовъ Кирсанова, то фиктивность его счетовъ на 27.000 слишкомъ рублей по поставкѣ рабочихъ силъ на сормовскую дамбу, по обшивкѣ дамбы кулями и рогожами, по поставкѣ на дамбу хвороста и по поставкѣ дровъ и матеріаловъ для дноуглубительнаго каравана и канцеляріи доказывается также его собственнымъ объясненіемъ, даннымъ въ судебномъ засѣданіи по сему дѣлу, о томъ, что показанныхъ въ этихъ счетахъ рабочихъ силъ и матеріаловъ онъ никогда не поставлялъ, а подписывалъ лишь, по приказанію Александрова, составлявшіеся послѣднимъ счета, передавая полученныя по нимъ изъ казначейства деньги Александрову полностью, не попользовавшись отъ него ни одною копейкою. Что касается другихъ счетовъ Кирсанова на сумму 16.500 слишкомъ руб., за поставку 101 слишкомъ куб. саж. камня и за перевозку камня, купленнаго у землевладѣльца Шипова, то таковые, по объясненію Кирсанова, выражаютъ собою стоимость вышеупомянутыхъ поставки и перевозки, которыя онъ дѣлалъ для подсудимаго Коровина по его заказамъ, хотя вполнѣ самостоятельно и на свои средства. Заявленіе Кирсанова о первой категоріи его счетовъ находитъ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей Морозова и Колчина, крупныхъ торговцевъ пароходными принадлежностями, удостовѣрившихъ, что они никогда никакихъ матеріаловъ Кирсанову не отпускали, какъ не отпускали ихъ и вышеупомянутымъ Лебединцеву и Смирнову, такъ и показаніемъ подрядчиковъ крестьянина Веденѣева и купца Пирожникова, удостовѣрившихъ, что покрытіе дамбы кулями и рогожами, передъ ледоходомъ 1894 года, производилъ изъ нихъ Веденѣевъ своими рабочими, а кули и рогожи для этой работы поставлялъ Пирожниковъ. Наконецъ, объясненія Лебединцева, Смирнова и Кирсанова подтверждаются отчасти показаніемъ, даннымъ подсудимымъ Александровымъ при предварительномъ слѣдствіи, изъ котораго видно, что Лебединцевъ состоялъ у него въ качествѣ комиссіонера по закупкѣ разныхъ матеріаловъ и найму рабочихъ для исполненія производившихся имъ работъ, при чемъ, по его словамъ, онъ выдавалъ Лебединцеву деньги изъ отпускавшихся ему авансовъ, требуя, чтобы Лебединцевъ представлялъ счета отъ своего имени, какъ поставщикъ, и чтобы показываемыя въ счетахъ цѣны, со включеніемъ въ нихъ всѣхъ накладныхъ и комиссіонныхъ расходовъ, не превышали цѣнъ рыночныхъ.

Затѣмъ, по объясненію Александрова, такими же комиссіонерами состояли у него и Смирновъ и Кирсановъ, при чемъ, по словамъ Александрова, ему было извѣстно, что Смирновъ пользовался 3% съ суммы пріобрѣтенныхъ имъ матеріаловъ. Заявляя однако, что всѣ счета писались правильно, Александровъ, по предъявленіи ему нѣсколькихъ черновыхъ счетовъ, писанныхъ его, Александрова, рукою, найденныхъ по обыску у Лебединцева, объяснилъ, что ему дѣйствительно часто приходилось писать самому черновые счеты, такъ какъ его поставщики, по своей малограмотности и незнакомству съ требованіями казенной отчетности, составили бы такіе счета, которые невозможно было бы пріобщать къ денежной отчетности.

Что касается самаго содержанія фиктивныхъ счетовъ Лебединцева, Смирнова и Кирсанова, то на судѣ установлены преувеличенныя лишь цѣны: а) по счетамъ на дрова, такъ какъ свидѣтель Никифоръ Никифоровъ показалъ, а справкою Фоминскаго имѣнія, бывшаго фонъ-Мекка, удостовѣрено, что дрова покупались Александровымъ по 22—26 руб. за пятерикъ, а въ счетахъ таковыя, въ большинствѣ случаевъ, показаны пріобрѣтенными по 35 рублей за пятерикъ, и б) по счету объ околкѣ льда у сормовской дамбы (на 2.418 руб. отъ имени Лебединцева)—такъ какъ изъ показаній свидѣтелей Звѣрева и Заикина, производившихъ эту околку, видно, что они—ни по какимъ счетамъ незначащіеся подрядчиками по дѣлу — за околку льда получили лишь 750 рублей. Хотя изъ объясненій Александрова, подтвержденныхъ показаніемъ свидѣтеля техника Сергѣева, и усматривается, что работа Заикинымъ и Звѣревымъ не была доведена до конца вслѣдствіе ихъ неисправности въ работѣ и пьянства послѣдняго изъ нихъ, — что послѣ ухода Звѣрева остались самыя трудныя мѣста околки, за которыя въ виду выступившей на ледъ воды рабочіе брали гораздо дороже, но обстоятельство это опровергается и Звѣревымъ и Заикинымъ, количество и качество произведенной самимъ Александровымъ работы по околкѣ льда послѣ ухода Звѣрева остались невыясненными и точная цифра стоимости всей околки съ достаточною достовѣрностью не установлена. Относительно другихъ показанныхъ въ счетахъ матеріаловъ, потребныхъ для судовъ дноуглубительнаго каравана, опредѣлить дѣйствительную стоимость ихъ по отсутствію въ дѣлѣ справочныхъ цѣнъ на эти матеріалы невозможно.

Независимо фиктивности всѣхъ счетовъ Лебединцева (Елизарова) и Смирнова и большей части счетовъ Кирсанова по дѣлу представляется точно установленною и невѣрность свѣдѣній, помѣщенныхъ въ требовательныхъ вѣдомостяхъ, объ удовлетвореніи жалованьемъ рабочихъ на су-

дахъ дноуглубительнаго каравана, находившагося въ завѣдываніи инженера Александрова. Такъ, осмотрами, произведенными судебною властью, и истребованными къ дѣлу офиціальными справками вполнѣ доказано, что многіе изъ показанныхъ въ требовательныхъ вѣдомостяхъ рабочихъ обозначены крестьянами такихъ волостей и селеній, которыхъ по провѣркѣ вовсе не оказалось; многіе грамотные рабочіе показаны неграмотными и наоборотъ; въ вѣдомостяхъ значатся лица, точно опредѣленныя по. ихъ именамъ, фамиліямъ, званію и мѣсту приписки,—работавшими на караванѣ и получавшими жалованье, между тѣмъ какъ по справкамъ оказалось, что они вовсе не работали на судахъ Александрова, и, наконецъ, въ вѣдомостяхъ обозначена выдача опредѣленнымъ лицамъ значительно большаго содержанія, нежели ими было получено въ дѣйствительности. На судебномъ слѣдствіи эти обстоятельства были удостовѣрены, помимо ссылокъ на протоколы осмотровъ и справки по дѣлу, также цѣлымъ рядомъ показаній этихъ рабочихъ, упомянутыхъ въ вѣдомостяхъ (показанія свидѣтелей: Ивана и Михаила Нечаевыхъ, Соганова, Свѣчихина, Онучина, Василія Маврина, Пахалина, Лощихина, Астраханова, Ивана Смирнова, Васина, Куранова, Гребнева и другихъ). По поводу этихъ установленныхъ еще на предварительномъ слѣдствіи и подтвержденныхъ на судебномъ слѣдствіи данныхъ подсудимый Александровъ какъ при слѣдствіи, такъ и на судѣ далъ однородныя объясненія, заключающіяся въ томъ, что когда приходилось отсчитываться въ израсходованіи денегъ за мѣсяцъ или за какую-либо отдѣльную работу, то, при невозможности, въ виду массы всякихъ служебныхъ занятій, вести правильно списки поденныхъ рабочихъ, требовавшихся на суда ввѣреннаго ему каравана, составленіе требовательныхъ вѣдомостей было, по выраженію Александрова, «настоящимъ мученіемъ», приходилось придумывать и собирать имена и фамиліи. Эту обязанность онъ возложилъ на Лебединцева и Храмова, говорилъ имъ, сколько израсходовано денегъ или въ заголовкѣ вѣдомости писалъ: «составить вѣдомость на такую-то сумму», — а Лебединцевъ и Храмовъ въ старыхъ дѣлахъ и тетрадяхъ, или въ головѣ своей находили столько фамилій, сколько требовалось. При такомъ порядкѣ и въ виду того, что поденные рабочіе часто мѣнялись, уходили, проработавъ лишь нѣсколько дней, и замѣнялись другими, рабочіе, дѣйствительно получившіе деньги за работу, въ вѣдомости не попадали, а зато попадали въ вѣдомости такіе, которые никогда на работахъ не были. Въ оправданіе свое Александровъ указалъ, что онъ не имѣлъ фактической возможности слѣдить за вѣдомостями и списками рабочихъ на машинахъ, которыя работали часто въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи, а

также и потому, что ему приходилось часто разъѣзжать по работамъ на протяженіи 20 верстъ.

Что касается счетовъ главнаго подрядчика инженера Александрова—подсудимаго купеческаго сына Ивана Михайлова Коровина, производившаго земляныя, фашинныя и каменныя работы во время сооруженія дамбы, въ 1894—95 годахъ, то таковыхъ представлено на крупную сумму—слишкомъ 209.000 рублей.

Предварительное слѣдствіе, основываясь на показаніяхъ цѣлаго ряда свидѣтелей о мѣстахъ, въ которыхъ выламывался потребный на сооруженіе сормовской дамбы бутовый камень, о мѣстахъ его заготовки, о способѣ и цѣнахъ перевозки его къ мѣсту работъ, равно о рубкѣ, заготовкѣ и перевозкѣ къ мѣсту работъ хвороста, пыталось установить наличность мошенничества со стороны Коровина, выразившагося въ обмѣриваніи и обсчитываніи казны, въ стачкѣ съ подсудимымъ Александровымъ путемъ поставки на работы меньшаго количества камня и хвороста, противъ показаннаго въ счетахъ. Между тѣмъ, какъ уже выше упомянуто, предварительное слѣдствіе, изслѣдуя это обстоятельство, не нашло нужнымъ воспользоваться самымъ важнымъ, въ такомъ вопросѣ, судебнымъ доказательствомъ — экспертизою, и заключеніе лицъ, свѣдущихъ въ гидротехническихъ сооруженіяхъ, о количествѣ потребнаго для работъ на сормовской дамбѣ въ 1894—95 годахъ камня и хвороста, несмотря на ходатайство о томъ Александрова, истребовано не было.

Пробѣлъ этотъ исполненъ лишь въ судебномъ засѣданіи палаты, гдѣ экспертиза была произведена по ходатайству подсудимыхъ и дала надлежащее освѣщеніе счетамъ Коровина. Въ этихъ счетахъ Коровинымъ показано поставленными на работы $735^1/_4$ кубич. саженъ камня и 5508 слишкомъ кубич. саженъ разнаго хвороста; если къ этимъ цифрамъ прибавить камень въ количествѣ $101^1/_2$ куб. саж., поставленныхъ Кирсановымъ, какъ онъ объясняетъ, для тѣхъ же работъ Коровина и хворостъ въ количествѣ 310 кубич. саженъ, поставленный Александровымъ, подъ именемъ Лебединцева, и освидѣтельствованный въ заготовкѣ по актамъ отъ 24 января и 3 февраля 1895 года инженерами Александровымъ и Шнакенбургомъ, то общее число поставленныхъ Коровинымъ (съ Кирсановымъ и Лебединцевымъ) камня и хвороста выразится въ цифрахъ 836 кубич. саженъ камня и 5818 кубич. саженъ хвороста.

Эксперты-спеціалисты по гидротехническимъ сооруженіямъ, инженеры Вѣнскій и Водарскій, въ мотивированномъ вычисленіями и ссылками на урочное положеніе, утвержденныя Министерствомъ правила, пришли къ заключенію, что минимальное количество потребныхъ на вышеупомянутыя

работы камня и хвороста выражается цифрами 1080 куб. саженъ камня и 5811 куб. саженъ хвороста. При этомъ эксперты присовокупили, что если бы помянутое количество камня не было употреблено въ дѣло, то невозможно было бы потопить тюфяки (соединеніе камня и хвороста) въ воду и дамба не выдержала бы напора весенней воды и что при употребленіи и меньшаго, противъ указаннаго ими, количества хвороста равнымъ образомъ не было бы возможности выполнить принятыхъ по акту 18 марта 1895 года работъ. Между тѣмъ работы выполнены, приняты по актамъ 18 и 21 марта 1895 года прибывшимъ спеціально для этой цѣли, совершенно неожиданно, изъ С.-Петербурга помощникомъ главнаго инспектора шоссейныхъ и водяныхъ сооруженій инженеромъ Орловскимъ и дамба, лишь слегка поврежденная ледоходомъ 1895 года, не дала даже послѣ этого ледохода осадка своего основанія (показаніе свидѣтеля Сергѣева) и, законченная въ 1896 году, стоитъ въ исправности и въ настоящее время.

Сопоставляя количество камня и хвороста, показаннаго въ счетахъ Коровина, съ цифрами тѣхъ же матеріаловъ, выведенными экспертами, какъ минимальными для сооруженія дамбы, оказывается, что въ счетахъ Коровина камня показано менѣе требовавшагося на 244 кубич. сажени, а хвороста (съ хворостомъ отъ имени Лебединцева) болѣе требовавшагося на работы — всего на 7 кубическихъ саженъ. Являющійся при этихъ сопоставленіяхъ вопросъ—откуда могъ быть взятъ камень, необходимый для постройки дамбы и не значащійся въ счетахъ Коровина?—разрѣшается незаподозрѣннымъ счетомъ землевладѣльца Шипова, продавшаго для работъ на сормовской дамбѣ 240 кубич. саженъ камня, перевезеннаго къ мѣсту работъ Кирсановымъ, и объясненіями Коровина, что недостававшій камень онъ добавлялъ, подвозя съ мѣста другихъ, порученныхъ ему работъ, по сосѣдству съ Нижнимъ-Новгородомъ, по контрактамъ съ учрежденіями Министерства Путей Сообщенія, заключеннымъ Коровинымъ въ 1894 году, производившихся въ 1894—95 годахъ на «Телячьемъ Бродѣ» и у островов «Никольскаго» и «Пырскаго».

Это послѣднее объясненіе Коровина находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ представленныхъ Коровинымъ контрактахъ отъ 7 и 10 сентября 1894 года по работамъ на вышеуказанныхъ мѣстахъ, работамъ крупнымъ и сданнымъ Коровину на сумму приблизительно въ 500.000 рублей, такъ и въ показаніяхъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что во время работъ на сормовской дамбѣ въ 1894—95 годахъ недостатка въ хворостѣ и камнѣ никогда не было и таковые подвозились на работы со всѣхъ сторонъ (показанія свидѣтелей Сергѣева и Грачева). Наконецъ,

утвержденіе экспертовъ, что меньшаго количества хвороста и камня, противъ исчисленнаго ими, не могло быть употреблено при сооруженіи дамбы, въ корень подрываетъ обвиненіе Коровина въ преувеличеніи количества матеріаловъ, показанныхъ въ его счетахъ. Что же касается цѣнъ, показанныхъ въ счетахъ Коровина, то таковыя для настоящаго дѣла не имѣютъ существеннаго значенія, ибо въ составъ приписываемыхъ Коровину преступленій по ст. 492 и 495 Улож. о наказ. входятъ обманы поставщиковъ казны лишь въ количествѣ и качествѣ матеріаловъ. Дѣйствительную роль Кирсанова по участію его въ поставкахъ камня на работы по сооруженію сормовской дамбы судебному слѣдствію выяснить не удалось и точное разграниченіе его дѣйствій, какъ приказчика или повѣреннаго Коровина съ одной стороны, и какъ самостоятельнаго подрядчика Александрова—съ другой, такъ и осталось смутнымъ, но на судѣ съ достаточною достовѣрностью установлено, что при арендѣ каменоломень при деревняхъ Береговые Новинки и Великій Врагъ, при выработкѣ и перевозкѣ камня, Кирсановъ дѣйствовалъ именемъ Коровина и изъ конторы послѣдняго получалъ платежи, которые потомъ учитывались по какимъ-то существовавшимъ между Коровинымъ и Кирсановымъ расчетамъ, указывающимъ на то, что по поставкѣ камня на сормовскую дамбу Кирсановъ, помимо порученій Коровина, поставлялъ камень и самостоятельно (счетъ на поставку камня въ количествѣ 101 кубич. саж.) (показанія свидѣтелей Мишина, Кабанова, Ивана Кочетова, Сергѣя Кочетова, Алексѣя Котомина, Черединова, Кошкурова, Ѳедора Коровина и Моренова).

Такимъ образомъ, при вполнѣ установленномъ по дѣлу употребленіи камня и хвороста, поставленныхъ Коровинымъ, Кирсановымъ (собственнаго и Шиповскаго камня) и Александровымъ [отъ имени Лебединцева (Елизарова)] на сооруженіе сормовской дамбы въ 1894—95 годахъ, не можетъ быть и рѣчи о преступной стачкѣ Александрова съ своими поставщиками Коровинымъ и Кирсановымъ, а посему обвиненія, какъ самого Александрова и Коровина по ст. 492 и 495 Улож. о нак., такъ и Кирсанова относительно его счетовъ по поставкѣ 101 и по перевозкѣ 240 кубич. саженъ камня по ст. 492 Уложенія о нак., какъ опровергнутыя данными дѣла, должны быть устранены. Между тѣмъ именно предполагаемый недостатокъ и камня и хвороста, преувеличенно будто бы показанный въ счетахъ Коровина, Кирсанова и Лебединцева (Александрова), послужилъ основаніемъ для предъявленія Александрову и начальнику нижегородскаго отдѣленія инженеру Шнакенбургу обвиненія въ подложномъ составленіи четырехъ актовъ освидѣтельствованія этихъ

матеріаловъ: одного отъ 24 января, двухъ отъ 3-го и одного отъ 4 февраля 1895 года. По первому изъ этихъ актовъ освидѣтельствованы у села Козина, Балахнинскаго уѣзда, заготовленные Коровинымъ для работъ на сормовской дамбѣ камень въ количествѣ 392 кубич. саженъ и хворостъ 665 кубич. саженъ и заготовленный Лебединцевымъ (самимъ Александровымъ) хворостъ — 310 кубич. саженъ и за селомъ Постниковымъ запроданный Коровинымъ хворостъ въ количествѣ 1025 кубич. саженъ; по второму и третьему актамъ освидѣтельствованъ у деревни Новинокъ на берегу р. Оки бутовый камень, пріобрѣтенный у Кирсанова въ количествѣ (50+51$^2/_3$) 101$^2/_3$ куб. саженъ. Наконецъ по 4-му акту освидѣтельствованъ за селомъ «Великій Врагъ» заготовленный Коровинымъ камень въ количествѣ 150 кубич. саж.,—за селомъ Ржавкой заготовленный Коровинымъ же хворостъ въ количествѣ 1800 куб. саж. и за селомъ Кетово заготовленный также Коровинымъ хворостъ въ количествѣ 1570 куб. саженъ. Въ общей сложности, по всѣмъ четыремъ актамъ освидѣтельствованы заготовленные для работъ на сормовской дамбѣ—камень въ количествѣ 643$^2/_3$ куб. саженъ и хворостъ въ количествѣ 5370 кубическихъ саженъ.

Такимъ образомъ заподозрѣнные въ вѣрности акты удостовѣряютъ заготовленіе значительно меньшаго количества матеріаловъ, противъ употребленнаго въ дѣло при работахъ на сормовской дамбѣ (1080 кубич. саж. камня и 5811 куб. саж. хвороста), и причину, послужившую основаніемъ къ заподозрѣнію этихъ актовъ, надо искать въ фиктивности счета Лебединцева на 310 кубич. саж. хвороста, въ дѣйствительности поставленнаго самимъ Александровымъ, въ предполагаемой фиктивности счетовъ Кирсанова о поставкѣ 101$^2/_3$ кубич. саж. камня, выше уже опровергнутой, и въ томъ обстоятельствѣ, что въ мѣстностяхъ, возлѣ которыхъ были освидѣтельствованы означенные матеріалы, не могло быть выломано и вырублено и затѣмъ сложено столько камня и хвороста, сколько показано въ актахъ. Но независимо того, что предварительное, а затѣмъ и судебное слѣдствіе, въ виду сбивчивости, неточности и противорѣчія въ показаніяхъ по этому предмету свидѣтелей, дали весьма ненадежный матеріалъ о количествѣ камня, выломаннаго Коровинымъ для него и за свой счетъ Кирсановымъ въ каменоломняхъ при деревнѣ «Береговыя Новинки» и селѣ «Великомъ Врагѣ» и сложеннаго затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ Оки и Волги, и хвороста, вырубленнаго подъ г. Балахной и въ другихъ мѣстахъ и также сложеннаго въ разныхъ, упомянутыхъ въ актахъ, мѣстахъ (показанія свидѣтелей Мишина, Кабанова, Ивана Кочетова, Евтѣева, Николая и

Макара Сорокиныхъ, Штатнова, Алексѣя Котомина, Венедиктова, Тумановскаго, Солнцева, Семена Кочетова, Моренова, Коноплева, Дроздова, Румянцева и другихъ); но основанія эти теряютъ всякое значеніе при наличности факта установленной недостаточности количества, освидѣтельствованнаго матеріала для всѣхъ надобностей производившихся на сормовской дамбѣ работъ и въ виду показаній свидѣтелей Привалова, Кокурина, Иванова, Дмитріева, Сергѣева, Григорычева и другихъ, удостовѣрившихъ, что у села Козина и у села Великаго Врага складывался временно камень и хворостъ, подвозившійся изъ разныхъ мѣстъ. По этимъ основаніямъ, а равно и въ виду того, что инженеру Шнакенбургу, по его объясненію, ничѣмъ по дѣлу не опровергнутому, всѣ поставщики камня и хвороста не были извѣстны и онъ свидѣтельствовалъ лишь количество и качество (годность къ работамъ) матеріаловъ, устраняется обвиненіе какъ Александрова, такъ и Шнакенбурга въ подложномъ составленіи, по взаимному ихъ между собою соглашенію, вышеупомянутыхъ четырехъ актовъ, показаніемъ въ нихъ большаго количества матеріаловъ противъ заготовленныхъ въ дѣйствительности.

Помимо обвиненія въ подложномъ составленіи вышеупомянутыхъ четырехъ актовъ, инженеру Шнакенбургу предъявляется также обвиненіе и въ подложномъ составленіи акта освидѣтельствованія баржи, предполагаемой Александровымъ къ покупкѣ у крестьянина Выморова отъ 20 іюня 1894 года. Основаніемъ къ этому обвиненію послужило, во-1-хъ, то обстоятельство, что въ актѣ освидѣтельствованія упоминается баржа, крестьянина Прокофія Елизарова (Лебединцева), а не Выморова; во-2-хъ, данное Лебединцевымъ при слѣдствіи показаніе, что у него никогда никакой баржи не было, а имъ поданъ лишь счетъ за проданную будто бы имъ за 1.500 рублей баржу, въ дѣйствительности купленную у крестьянина Выморова за 850 руб., и, въ-третьихъ, свидѣтельскія показанія Выморова о томъ, что имъ дѣйствительно была продана Александрову баржа за 850 рублей и что баржа требовала, для употребленія ея въ дѣло, ремонта рублей на 120—150.

По поводу этой баржи, счетъ на покупку которой за 1.500 рублей представленъ въ числѣ другихъ фиктивныхъ Прокофіемъ Елизаровымъ-Лебединцевымъ, подсудимый Александровъ объяснилъ, что и подыскивалъ баржу, и сторговался съ Выморовымъ Лебединцевъ, которому онъ, Александровъ, въ виду необходимаго ремонта баржи, отпускалъ деньги для осмолки и конопатки ея, и Елизаровъ представилъ счетъ на 1.500 рублей, доложивъ, что ремонтъ баржи, купленной у Выморова, стоилъ 650 рублей.

Подсудимый же Шнакенбургъ показалъ, что при освидѣтельствованіи баржи онъ не занимался вопросомъ у кого баржа куплена,—свидѣтельствовалъ только ея прочность и исправность, нашелъ ее вполнѣ пригоднымъ къ работѣ судномъ и призналъ названную ему Александровымъ цѣну въ 1.500 рублей, за которую баржа продается, вполнѣ нормальной, о чемъ и помѣстилъ въ актѣ. При такихъ обстоятельствахъ и въ виду отсутствія въ дѣлѣ вполнѣ точныхъ указаній на то, въ чемъ именно заключался ремонтъ пріобрѣтенной у Выморова баржи и во что таковой обошелся, свидѣтельское показаніе Выморова, какъ бывшаго собственника баржи о 150 только рубляхъ, потребныхъ на ремонтъ ея, не можетъ почитаться вполнѣ достовѣрнымъ, равно какъ нельзя считать доказаннымъ и то, что подсудимому Шнакенбургу было извѣстно, что на эту баржу Александровымъ былъ представленъ фиктивный счетъ и что не Лебединцевъ былъ собственникомъ этой баржи при пріобрѣтеніи ея въ казну.

По этимъ основаніямъ слѣдуетъ признать недоказаннымъ и обвиненіе Шнакенбурга въ подложномъ составленіи акта отъ 20 іюня 1894 года. Независимо обвиненія въ подлогѣ пяти актовъ освидѣтельствованія, инженеру Шнакенбургу предъявлены еще обвиненія въ томъ, что онъ по соглашенію съ Александровымъ и умышленно: а) удостовѣрялъ своею подписью правильность расходовъ и дѣйствительность поставокъ на представлявшихся инженеромъ Александровымъ счетахъ, содержавшихъ въ себѣ завѣдомо для него, Шнакенбурга, невѣрныя свѣдѣнія о количествѣ матеріаловъ и о лицахъ, ихъ поставляющихъ, и б) удостовѣрялъ своею подписью правильность веденія Александровымъ рабочихъ журналовъ на землечерпательной машинѣ и землесосѣ, зная, что журналы эти ведутся неправильно, и, кромѣ того, подписывалъ ихъ заднимъ числомъ.

По первому изъ этихъ обвиненій нельзя не принять во вниманіе, что подписаніе подсудимымъ Шнакенбургомъ, въ качествѣ начальника отдѣленія округа, счетовъ, представлявшихся Александровымъ, какъ оправдательные документы произведенныхъ имъ работъ и сдѣланныхъ имъ или другими лицами для надобностей казны поставокъ, не можетъ быть признано основаннымъ на требованіи закона, ибо ни въ Уставѣ Путей Сообщенія, ни въ Уставѣ Счетномъ (Св. Закон. т. XII ч. 1 и т. VIII ч. 2-я) не содержится указаній на обязательность такого свидѣтельствованія или подписыванія счетовъ. Но затѣмъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, что многіе счета, представленные Александровымъ въ правленіе округа чрезъ Шнакенбурга, какъ начальника отдѣленія округа, оказались, какъ уже выше установлено, писанными отъ имени лицъ, работъ

и поставокъ не производившихъ, и заключающими въ себѣ невѣрныя свѣдѣнія, а съ другой стороны, въ дѣлѣ не имѣется никакихъ указаній на то, чтобы Шнакенбургу было извѣстно объ этихъ обстоятельствахъ и чтобы по этому предмету у него было какое-либо съ Александровымъ соглашеніе,—одно подписаніе такихъ счетовъ, не обусловленное прямымъ требованіемъ закона безъ провѣрки ихъ, на каковую провѣрку Шнакенбургъ, по его собственному объясненію, не считалъ себя въ правѣ, устраняя обвиненіе его въ соучастіи съ Александровымъ въ подлогѣ счетовъ, тѣмъ не менѣе представляется дѣйствіемъ хотя и безцѣльнымъ, но все же крайне неосмотрительнымъ и легкомысленнымъ и несомнѣнно составляетъ преступное нерадѣніе въ отправленіи служебныхъ обязанностей; такое же нерадѣніе въ отправленіи службы усматривается и въ засвидѣтельствованіяхъ Шнакенбургомъ правильности веденія рабочихъ журналовъ на судахъ каравана—«Ширмокша», «Волга», въ которыхъ судебному слѣдствію хотя и не удалось установить невѣрности въ обозначеніи времени и количества произведенныхъ на судахъ работъ и какихъ-либо подлоговъ въ самомъ веденіи журналовъ, но которые, вопреки ст. 189 Счетнаго Устава Министерства Путей Сообщенія, велись, по признанію Александрова, не собственноручно имъ, какъ производителемъ работъ, и притомъ не всегда своевременно, а писались другими лицами (объясненіе Лебединцева и Александрова и показаніе Храмова). Что касается, наконецъ, счетовъ по поставкамъ подсудимыхъ Ловцова и Абалакова, то раскрытыя судебнымъ слѣдствіемъ обстоятельства заставляютъ придти къ заключенію, что оба эти лица несомнѣнно были поставщиками Александрова.

Основаніемъ къ обвиненію ихъ послужило: въ отношеніи Ловцова—представленіе имъ счета отъ 1-го іюля 1894 года за поставку ивоваго хвороста и кольевъ для дѣланія плетневыхъ заборовъ на сормовской дамбѣ въ іюнѣ 1894 года на сумму 1.410 руб. 18 коп., сопоставленное съ увѣдомленіемъ правленія казанскаго округа путей сообщенія отъ 24 іюня 1894 года за № 7587 на имя судебнаго слѣдователя о томъ, что въ теченіе 1894 года никакихъ работъ по устройству сормовской дамбы не производилось, и съ показаніемъ свидѣтеля Герасимова о томъ, что хворостъ и колья въ 1894 году поставлялъ онъ, Герасимовъ, и покупалъ хворостъ у крестьянина Родіонычева. Но установленнымъ показаніемъ свидѣтеля инженера Макарова является, что именно лѣтомъ 1894 года послѣ размыва сормовской дамбы, устроенной въ зиму 1893—94 года, весеннею водою Александровъ, по желанію бывшаго начальника казанскаго округа, Лохтина, производилъ подправку размытой

дамбы и на это израсходовалъ изъ собственныхъ средствъ до 1.500 рублей; увѣдомленіе правленія округа о томъ, что никакихъ работъ въ теченіе 1894 года на сормовской дамбѣ не производилось, является очевиднымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ первыя работы Александрова на дамбѣ производились въ зиму 1893—4 годовъ и передъ самымъ ледоходомъ — значитъ уже въ 1894 году, а вторыя болѣе крупныя работы относятся къ зимѣ 1894—5 годовъ, начались передъ заморозками и, значитъ, производились въ послѣдней трети также 1894 года. Затѣмъ представленною Александровымъ въ судебномъ засѣданіи палаты распискою подсудимаго Ловцова отъ 25 іюля 1894 года о полученіи имъ отъ Александрова 2.200 руб. за земляныя работы по исправленію земляной насыпи на сормовской дамбѣ, распискою въ подлинности не заподозрѣнною и показаніями допрошенныхъ въ судебномъ засѣданіи свидѣтелей Степана и Ивана Шешулиныхъ и Ѳедора и Михаила Осиповыхъ, несомнѣнно установлено, что и земляныя работы по исправленію и поставка хвороста и кольевъ на ту же дамбу были произведены Ловцовымъ лѣтомъ 1894 года. Что касается упомянутаго выше показанія Герасимова, то по поводу его показанія о хворостѣ, даннаго въ судебномъ засѣданіи палаты, между нимъ, Герасимовымъ, и свидѣтелемъ Родіонычевымъ, на котораго онъ ссылался, вышло противорѣчіе, неустраненное и очною ставкою этихъ лицъ; да и вообще показаніе Герасимова, бывшаго десятникомъ Александрова и, какъ надо полагать, такъ же, какъ Лебединцевъ и Смирновъ, фиктивнымъ поставщикомъ (въ дѣлѣ имѣется его счетовъ на поставку разныхъ матеріаловъ на 800 слишкомъ рублей), не заслуживаетъ довѣрія.

При такихъ данныхъ преступленіе, приписываемое Ловцову обвинительнымъ актомъ, предусмотрѣнное ст. 492 Улож. о наказ., представляется недоказаннымъ.

Основаніемъ къ обвиненію подсудимаго Абалакова послужили представленные имъ на 832 руб. 50 коп. счета за дрова для парохода «Герой», арендовавшагося Министерствомъ Путей Сообщенія и находившагося въ вѣдѣніи Александрова, и за отдачу Александрову въ аренду въ продолженіе нѣсколькихъ дней нефтянки, въ виду цѣнъ, показанныхъ на дрова въ 7 рублей за сажень и арендной платы за нефтянку по 10 руб. въ день въ теченіе 8-ми дней, тогда какъ по выводамъ обвинительнаго акта дрова стоили не дороже 22 рублей за пятерикъ, т.-е. на $55^1/_2$ копеекъ за сажень дешевле, а нефтянки у Абалакова вовсе не было.

О томъ, что у Абалакова, владѣвшаго въ Н.-Новгородѣ нѣсколькими пароходами и многими мелкими судами и державшаго въ продолженіе

многихъ лѣтъ пароходный перевозъ на ярмарочную сторону Нижняго, вовсе не было нефтянки, показалъ при слѣдствіи Лебединцевъ при разсказѣ о дѣйствительныхъ и мнимыхъ злоупотребленіяхъ инженера Александрова, но допрошенный на судебномъ слѣдствіи свидѣтель Лихачинскій, долгое время служившій у Абалакова, удостовѣрилъ, что его, Лихачинскаго, показаніе на слѣдствіи о неимѣніи Абалаковымъ нефтянки слѣдуетъ считать простымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ онъ полагалъ, что его спрашивали о большомъ суднѣ, спеціально приспособленномъ для перевозки нефти (каковою перевозкою Абалаковъ никогда не занимался), а между тѣмъ мелкихъ судовъ, въ видѣ крытыхъ лодокъ, въ которыхъ можно грузить нефть въ количествѣ не болѣе 1000 пудовъ, у Абалакова было много и таковые въ продолженіе навигаціи стояли у обоихъ береговъ и Волги и Оки и часто оставались безъ работы. Самъ Абалаковъ показалъ, что мало помнитъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ имъ была арендована Александрову нефтянка (плохое небольшое судно) и ему кажется, что онъ арендовалъ ее Александрову всего не болѣе какъ на два или на три дня, и не можетъ даже сказать, куда дѣвалось потомъ это старое судно. О дровахъ Абалаковъ съ полною откровенностью показалъ, что самъ покупалъ дрова, сложенныя у Сормова на берегу Волги, у кого — не помнитъ, кажется, по 20 или по 22 рубля за пятерикъ, а продавалъ ихъ Александрову по 28—32 рубля за пятерикъ.

Въ виду этихъ данныхъ и того обстоятельства, что пароходъ «Герой» работалъ иногда по 18-ти часовъ въ сутки и поглощалъ до 15 саженъ 14-тивершковыхъ дровъ (показанія свидѣтелей Васильева и Ивана Абалакова), которыя брались въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ цѣнамъ, обвиненіе, взводимое на Абалакова, какъ недостаточно обоснованное, не можетъ почитаться доказаннымъ по существу и помимо того обстоятельства, что Абалаковъ за преступленія, предусмотрѣнныя ст. 492 Улож. о наказ. и ст. 173 Уст. о наказ., налаг. миров. судьями, привлеченъ къ уголовной отвѣтственности (20 августа 1897 г.) уже послѣ истеченія давности, сокращенной на одну треть всемилостивѣйшимъ манифестомъ, покрывающей приписываемыя ему дѣянія.

Обсудивъ все вышеизложенное и переходя къ окончательнымъ выводамъ изъ приведенныхъ соображеній, особое присутствіе судебной палаты находитъ: 1) что дѣйствительные поставщики Александрова— подсудимые Коровинъ, Ловцовъ и Абалаковъ, а по извѣстнымъ поставкамъ (по поставкѣ 101 куб. саж. камня и по перевозкѣ 240 куб. саж. камня, купленнаго у Шипова) и Кирсановъ, какъ невиновные въ приписывае-

мыхъ имъ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 492 ч. 3 и 1666 ст. Улож. о нак., а Коровинъ и въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 495 того же Уложенія, должны быть признаны по суду оправданными; 2) что равнымъ образомъ не могутъ быть признаны виновными въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ и подсудимые Лебединцевъ и Смирновъ, а по поставкѣ рабочихъ силъ, кулей рогожъ и пароходныхъ и канцелярскихъ принадлежностей и Кирсановъ, такъ какъ ст. 492 ч. 3 Улож. о нак., по которой они преданы суду, разумѣетъ дѣйствительныхъ поставщиковъ, изобличенныхъ въ преступномъ соглашеніи съ пріемщикомъ, между тѣмъ какъ Лебединцевъ, Смирновъ и Кирсановъ (по извѣстнымъ подрядамъ) такими поставщиками не были.

Что подсудимый Александровъ не можетъ быть признанъ виновнымъ: а) въ преступной стачкѣ съ поставщиками дѣйствительными въ виду опровергнутой дѣломъ наличности этой стачки и основаніи къ ней—ни съ Лебединцевымъ, Смирновымъ и отчасти Кирсановымъ, въ виду того, что лица эти поставщиками не были (ст. 492 и 495 Улож. о нак.), и б) въ подлогахъ актовъ освидѣтельствованія заготовленныхъ матеріаловъ для тѣхъ работъ, по основаніямъ выше сего приведеннымъ; но онъ изобличается: а) въ представленіи по начальству завѣдомо подложныхъ счетовъ по производству порученныхъ ему работъ и по содержанію ввѣреннаго ему каравана дноуглубительныхъ судовъ и б) въ учиненіи подлоговъ въ требовательныхъ вѣдомостяхъ на полученіе содержанія рабочими, состоявшими въ его вѣдѣніи, при чемъ однако же по дѣлу представляется недоказаннымъ, чтобы получившіеся такимъ путемъ отъ отпускавшихся ему, Александрову, казенныхъ денегъ остатки на сумму болѣе 300 рублей, онъ, Александровъ, обращалъ въ свою пользу (ст. 354 Улож.), а не употреблялъ на другія надобности, вызванныя ввѣренными ему работами и содержаніемъ находившагося въ его завѣдываніи каравана судовъ; 3) что, по неоднократнымъ разъясненіямъ правительствующаго сената (рѣшенія Уголовн. Кассац. Департ. *1883 года № 27*, по дѣламъ о злоупотребленіи въ кронштадскомъ коммерческомъ банкѣ, *1885 года, № 28*, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ и друг.), частныя лица, каковыми въ данномъ случаѣ являются Лебединцевъ, Смирновъ и Кирсановъ (по части поставокъ), не могутъ быть признаны соучастниками служебныхъ подлоговъ Александрова и ложныя свѣдѣнія, включенныя ими въ поданные ими счета, составляютъ ложное показаніе, имѣютъ характеръ особаго приготовленія къ мошенничеству, по закону не наказуемому, и 4) что подсудимый Шнакенбургъ равнымъ образомъ не можетъ быть признанъ виновнымъ въ подлож-

номъ составленіи пяти актовъ освидѣтельствованія баржи Вымороваи матеріаловъ, потребныхъ для работъ на сормовской дамбѣ, а виновенъ лишь въ нерадѣніи при отправленіи служебныхъ обязанностей, выразившемся въ подписаніи по неосмотрительности и легкомыслію представлявшихся Александровымъ подложныхъ счетовъ и въ таковомъ же подписаніи неправильно веденныхъ Александровымъ рабочихъ журналовъ. А посему особое присутствіе палаты признаетъ: 1) бывшаго помощника начальника дноуглубительныхъ работъ на рѣкѣ Волгѣ, инженера путей сообщенія, коллежскаго совѣтника Петра Гаврилова Александрова, 42 лѣтъ, виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 362 Уложенія о нак., и невиновнымъ и оправданнымъ по суду по предъявленнымъ къ нему обвиненіямъ по ст. 354, 492 и 495 Уложенія о наказаніяхъ, а также невиновнымъ и оправданнымъ по суду и въ подлогахъ въ актахъ освидѣтельствованія матеріаловъ; 2) начальника нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія, инженера путей сообщенія, статскаго совѣтника Роберта Христіановича Шнакенбурга, 54 лѣтъ, виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 410 Уложенія о наказаніяхъ, и невиновнымъ и оправданнымъ по суду въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 362 того же Уложенія, и Коровина, Кирсанова, Лебединцева, Смирнова, Ловцова и Абалакова невиновными и по суду оправданными.

